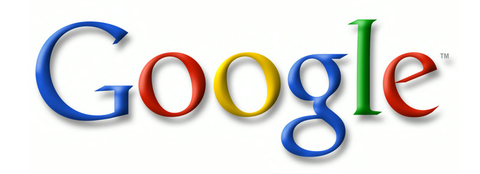
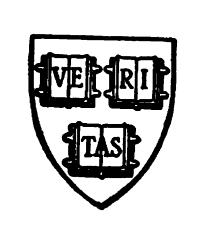

VE RI
TAS

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

Двенадцатый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО:

Программа газеты: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденціи «Южнаго Края». VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 м.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою.	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 »
Съ перес. иногородн. . .	12 » 50 »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 »

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Редакторъ-Издатель *А. А. Іозефовичъ.*

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

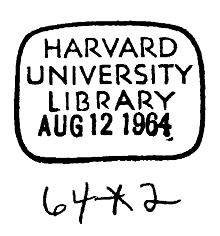
Томъ X, вып. 2.

СОДЕРЖАНІЕ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря Н. Тиховъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО И НАСТОЯЩАГО

ДОИСТОРИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГІИ ВЪ ЕВРОПѢ.

2) *Археологія въ Германіи и Австро-Венгріи* *).

Съ переходомъ изъ Скандинавіи на почву нынѣшнихъ Германіи и Австро-Венгріи мы испытываемъ впечатлѣнія, рѣзко отличныя отъ тѣхъ, которыя дало намъ изученіе развитія Скандинавской археологіи. Тамъ мы видѣли самобытное развитіе науки, полемику, вытекающую изъ различія научныхъ воззрѣній; здѣсь—зависимость въ основныхъ идеяхъ и направленіяхъ науки отъ сѣверныхъ, западныхъ и южныхъ сосѣдей и въ тоже время горячее желаніе сохранить видъ самостоятельности,—полемика, вытекающая изъ политической вражды, національнаго самомнѣнія и шовинизма. Всѣ эти особенности выступаютъ съ наибольшей яркостью въ періодъ, послѣдовавшій за побѣдами надъ Даніей, Австріей и Франціей. Уже руководствуясь однимъ господствующимъ настроеніемъ изслѣдователей, мы могли-бы раздѣлить исторію развитія германской археологіи на двѣ эпохи: до- и послѣ 60-хъ годовъ, когда начинаются великія войны за объединеніе. Эти же эпохи мы должны будемъ установить, если обратимъ вниманіе на общія условія, опредѣлившія развитіе германской археологіи. Въ

*) Матеріалами для составленія этого очерка послужили журналы: «Archiv f. Anthropologie» (Bd. I—XX), Zeitschrift f. Ethnologie (Bd. I—XXII). Correspondenz-Blatt d. deut. Gesell. f. Anthr. (1870—1890). Verhandlungen berl, Ges. f. Anthr. (1870 — 1890) — и въ особенности рѣчи—обзоры Вирхова при открытіи годичныхъ собраній нѣмецкихъ антропологовъ.

первый періодъ рядомъ съ партикуляризмомъ политическимъ мы видимъ партикуляризмъ научный: маленькіе кружки, занятые изслѣдованіемъ отдѣльнаго герцогства или графства, маленькія собранія древностей, не дающія почвы для болѣе или менѣе широкихъ научныхъ обобщеній. Во второй періодъ параллельно съ объединеніемъ политическимъ создается объединеніе научное: возникаютъ такіе крупные ученые органы, какъ „Нѣмецкое Общество Антропологіи, Этнологіи и Первобытной Исторіи", объединяющее всѣхъ изслѣдователей Германіи (основано въ 1870 г.); устраиваются ежегодные съѣзды антропологовъ то въ томъ, то въ другомъ изъ крупныхъ научныхъ центровъ Германіи. Рядомъ съ этимъ обще-нѣмецкимъ ученымъ союзомъ возникаютъ правда и частные, между которыми самое видно мѣсто занимаютъ „Берлинское Общество Этнологіи и Первобытной Исторіи" и „Мюнхенское Антропологическое Общество", но эти, мелкіе только сравнительно, союзы работаютъ уже не въ разбродъ; важнѣйшіе результаты ихъ дѣятельности ежегодно становятся извѣстными на общихъ съѣздахъ нѣмецкихъ антропологовъ.

Первый изъ намѣченныхъ нами періодовъ обнимаетъ время съ начала XVIII в. до 60-хъ годовъ XIX. Палеоэтнологу, возстановляющему по костямъ и обстановкѣ народность и культуру древнѣйшихъ обитателей страны, въ Германіи предшествовалъ антикварій, собиравшій древнія вещи только какъ рѣдкость. Къ концу XVII в. (1690 г.) восходятъ первыя попытки изслѣдовать древнія могильныя насыпи. Въ газетахъ первыхъ десятилѣтій XVIII в. встрѣчаются уже довольно часто извѣстія о раскопкахъ, которыя производились въ Голштейнѣ, Франконіи, Гессенѣ и Вестфаліи. Вестфальскій ученый Нюннингъ имѣлъ въ это время коллекцію каменныхъ орудій, составленную путемъ раскопокъ мѣстныхъ древнихъ могилъ. Значеніе этихъ орудій въ Германіи опредѣлено было еще въ 1714 г. І. Остерлингъ въ сочиненіи „de urnis sepulcralibus et armis lapideis veterum Cattorum" высказывается относительно нихъ въ слѣдую-

щихъ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ: „если найдется кто нибудь, который вздумалъ бы отрицать существованіе такого оружія у Германцевъ, пусть отправится къ жителямъ Луизіаны и другимъ дикарямъ С. Америки, которые до сихъ поръ пользуются острыми камнями вмѣсто ножей и оружія". Въ 1729 г. этотъ же взглядъ былъ высказанъ Эккгардомъ въ его „Commentarii de rebus Franciae Orientalis". По такому началу отъ нѣмецкихъ археологовъ XVIII в. можно было бы ожидать очень многаго. Но... смѣлыя аналогіи были въ это время еще далеко не для всѣхъ убѣдительны; каковъ былъ средній уровень нѣмецкихъ антикваріевъ, можно судить изъ того, что въ томъ же XVIII в. было возможно появленіе диссертаціи, въ которой съ самымъ ученымъ видомъ высказывалось, что погребальныя урны вырастаютъ изъ почвы на подобіе растеній. Среда, которая могла производить подобныхъ ученыхъ, не особенно благопріятствовала, конечно, быстрому развитію археологической науки. Ея оживленіе совпадаетъ съ концомъ наполеоновскихъ войнъ, съ началомъ романтической реакціи, направившихъ взоры всѣхъ отъ позорнаго настоящаго къ закутанному туманомъ прошедшему. Снова начинается усиленное изслѣдованіе могилъ на всемъ пространствѣ Германіи и нѣмецкіе ученые подходятъ совсѣмъ близко къ теоріи, которая освѣтила такимъ яркимъ свѣтомъ доисторическое прошлое человѣчества,—мы говоримъ о системѣ трехъ періодовъ. І. Даннейль, производя въ 1824 — 25 гг. обширныя раскопки въ Альтмаркѣ, замѣтилъ, что въ однихъ могилахъ встрѣчается исключительно мѣдь или бронза, въ другихъ—желѣзо. Сопоставляя это открытіе съ тѣмъ, что было извѣстно еще въ XVIII в. относительно могилъ съ каменными орудіями, нѣмцы должны были сдѣлать только шагъ для того, чтобы самостоятельно прійти къ теоріи, поставившей Датчанъ во главѣ археологіи: установить, что эти три категоріи могилъ стоятъ въ опредѣленныхъ хронологическихъ отношеніяхъ,—но этого шага они не сдѣлали. Въ восьмидесятыхъ годахъ въ Берлинѣ съ легкой руки Вирхова не мало говорилось о правахъ

9*

Лиша на роль творца ученія о трехъ періодахъ. Пылкіе патріоты смѣло заявляли, что Датчане выдали за свое открытіе теорію, созданную Лишемъ. Факты говорятъ однако противъ нѣмецкихъ патріотовъ. Не говоря уже о Симонсенѣ, который почти на 25 лѣтъ раньше Лиша формулировалъ спорную теорію, о „шведской исторіи“ Гейера (1832), объ „исторіи охоты“ Нильсона (1834) даже по отношенію къ Томсену этотъ послѣдній не можетъ считаться самостоятельнымъ. Первая работа, въ которой Лишъ изложилъ теорію трехъ періодовъ, вышла въ 1837 г. („Friderico—Francisceum“. Leipzig)[1]). Между тѣмъ Копенгагенскій музей древностей былъ организованъ Томсеномъ по этой системѣ уже въ промежутокъ 1825—1830 гг., а въ 1835 г. въ Мемуарахъ Копенгагенскаго Общества Ант. напечатана была заключающая въ себѣ спорную теорію записка Томсена и эту записку зналъ и цитировалъ Лишъ въ 1837 г. Всѣ основанія считать Лиша творцомъ этой теоріи заключаются въ его собственныхъ заявленіяхъ, изъ которыхъ одно предназначалось для публики, а другое для пріятеля (Verhandl. 1885; 265—6, 551). При всемъ уваженіи къ памяти покойнаго ученаго ни одинъ историкъ археологіи въ Германіи не рискнетъ, конечно, положиться на такой субъективный источникъ, тѣмъ болѣе что оба заявленія не совсѣмъ согласно говорятъ о существенныхъ предметахъ. Рѣшающимъ факторомъ въ спорѣ о пріоритетѣ всегда останется то обстоятельство, что Датчане и остальные Скандинавы раньше формулировали и прилагали теорію, и ихъ формула сдѣлалась извѣстной въ Германіи прежде, чѣмъ Лишъ опубликовалъ результаты своихъ долголѣтнихъ (якобы) изслѣдованій и размышленій.

Лишъ былъ первымъ изъ нѣмцевъ, который выступилъ съ ученіемъ о трехъ періодахъ. Нападки на него и его „датскихъ учителей“ со стороны нѣмецкихъ ученыхъ пока-

---

[1]) Ср. Andeutungen über die altgermanischen und slavischen Alterthümer Meklenburgs въ «Schweriner Freimüthige Abendblatt» 1837, янв. 27. и «Jahrbücher d. Vereins f. Mekl. Gesch. II. 1837.

зываютъ, какъ мало нѣмецкіе умы были приготовленны къ усвоенію теоріи, которую позднѣе стали выдавать за нѣмецкое открытіе. Борьба противъ „датской теоріи“ тянулась цѣлыхъ 40 лѣтъ. Раньше всѣхъ, кажется, противъ нея выступилъ извѣстный историкъ Гизебрехтъ. Ссылаясь на свидѣтельства исторіи и данныя раскопокъ, Гизебрехтъ старался доказать, что строго обособленныхъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка никогда и нигдѣ не существовало: въ желѣзный вѣкъ встрѣчается употребленіе каменныхъ орудій, съ бронзовыми издѣліями встрѣчается рядомъ желѣзо. Суровый противникъ Датчанъ до самой смерти не хотѣлъ понять, что его аргументація относится къ такъ называемымъ переходнымъ періодамъ. На югѣ противъ Лиша выступилъ Линденшмидтъ съ цѣлой группой единомышленниковъ. Борьба подъ часъ сводилась на споръ изъ за словъ. С. Мюллеръ остроумно замѣтилъ въ одной своей статьѣ, что Линденшмидтъ и его соратники, не оспаривая существованія трехъ періодовъ доисторіи, желаютъ называть ихъ: „древній“, „болѣе древній“, „самый древній“. Южно-германскіе археологи ратовали главнымъ образомъ противъ принятія особаго бронзоваго вѣка и самобытной бронзовой культуры на С. Европѣ; съ ихъ аргументами мы еще встрѣтимся при обзорѣ второго періода въ развитіи германской археологіи.

Съ именемъ Лиша—и опять таки какъ посредника между германской наукой и наукой нѣмецкихъ сосѣдей—мы встрѣчаемся, переходя къ исторіи вопроса о свайныхъ постройкахъ. Въ исторіи нѣмецкой археологіи былъ моментъ, когда на свайныя постройки было нѣчто въ родѣ моды: ихъ искали— и, въ общемъ, съ успѣхомъ — въ каждомъ уголкѣ Германіи. Изъ этого повальнаго увлеченія, изъ обилія матеріала можно было-бы заключить, что свайныя постройки—нѣмецкая спеціальность. Въ дѣйствительности и здѣсь нѣмцы шли по чужой дорогѣ. Изслѣдованіе этихъ своеобразныхъ сооруженій началось въ Швейцаріи въ концѣ 50-хъ годовъ. Подъ впечатлѣніемъ сдѣланныхъ здѣсь открытій Лишъ первымъ изъ нѣм-

цевъ сталъ искать свайныхъ построекъ въ своемъ родномъ Мекленбургѣ. Но дебютъ мекленбургскаго ученаго закончился полнымъ фіаско. Главнымъ помощникомъ Лиша, человѣкомъ, которому онъ поручилъ наблюденіе за раскопками, оказался ученый гешефтмахеръ, хлопотавшій только о томъ, чтобы зашибить побольше талеровъ: въ числѣ вещей, якобы добытыхъ при раскопкѣ свайнаго сооруженія близь Висмара и торжественно водворенныхъ въ Шверинскомъ музеѣ, большая часть оказалась собранными со всего Мекленбурга. Когда этотъ подлогъ разоблачился, свайныя постройки потеряли въ Германіи всякій кредитъ. Недовѣріе распространилось и за границу. Вирховъ въ одной изъ своихъ рѣчей не безъ горечи заявляетъ, что иностранцы усмотрѣли во всей этой исторіи „Schwindel". Дѣло стало еще болѣе сомнительнымъ, когда за Лишемъ потерпѣлъ на томъ-же поприщѣ фіаско ф. Гагеновъ. Одинъ изъ лучшихъ померанскихъ ученыхъ, Гагеновъ—въ это время уже слѣпой—положился на мало свѣдущихъ помощниковъ и провозгласилъ свайной постройкой остатки совсѣмъ недавняго больверка близь Грейфсвальда у устья Рыка. Только во второй половинѣ 60-хъ годовъ Вирхову удалось констатировать существованіе несомнѣнныхъ свайныхъ сооруженій въ С. Германіи.

Ту же зависимость отъ сосѣдей — на этотъ разъ отъ Французовъ и Бельгійцевъ—нѣмцы проявили и въ изслѣдованіи костеносныхъ пещеръ, въ обиліи встрѣчающихся въ Германіи. Начиная съ 1828 г., когда Турналь открылъ въ одной пещерѣ близь Bize кости человѣка рядомъ съ костями вымершихъ животныхъ, открывается рядъ изслѣдованій, направленныхъ къ востановленію такихъ эпохъ въ исторіи человѣчества, для опредѣленія отдаленности которыхъ оказывается неприложимымъ самый широкій хронологическій масштабъ. Шмерлингъ въ Бельгіи (пещеры пров. Люттихъ), Буше де Пертъ во Франціи (долина Соммы) констатировали существованіе человѣка въ такую эпоху физической исторіи Европы, когда Германія и Скандинавія были покрыты ледниками, во Франціи же водился сѣвер-

ный олень, а еще ранѣе мамонтъ. Въ Германіи до конца 60-хъ годовъ, по признанію одного изъ крупнѣйшихъ нѣмецкихъ археологовъ Г. Шафгаузена, не предпринималось въ этомъ направленіи ничего систематическаго. Первое изслѣдованіе о германскихъ (Вестфальскихъ) пещерахъ появилось только въ 1869 г.

Второй періодъ — съ начала 60-хъ годовъ до нашихъ дней. Шестидесятые годы представляютъ въ исторіи Германіи моментъ, съ котораго исподволь начинаютъ реализироваться объединительные замыслы Пруссіи. Первой жертвой прусскихъ аппетитовъ явилась, какъ извѣстно, Данія. Одновременно съ началомъ политическаго конфликта разгарается старая научная борьба противъ Датчанъ. Директоръ Берлинскаго музея Ледебуръ, въ дни своей юности (1832) не малому поучившійся въ Скандинавскихъ музеяхъ и у Скандинавскихъ археологовъ (у Томсена больше всего)—въ 1864 году съ ожесточеніемъ напалъ на ученіе о трехъ періодахъ, какъ на стремленіе данифицировать Германію. Ледебуръ выкинулъ знамя, подъ которое собрались и другіе ученые нѣмецкіе шовинисты—Гасслеръ, Линденшмидтъ и въ особенности Хостманъ. Съ именемъ этого послѣдняго навсегда останется связаннымъ періодъ самой ожесточенной и грубой полемики противъ датской ереси вообще и ученія о самостоятельномъ бронзовомъ періодѣ въ особенности. Походъ Хостмана противъ Скандинавовъ вызванъ былъ переводомъ второго изданія книги Гильдебранда „Языческій періодъ въ Швеціи“. Гильдебрандъ имѣлъ неосторожность безъ комплиментовъ высказаться относительно состоянія археологіи и археологическихъ музеевъ въ Германіи. Ученые шовинисты были уязвлены этимъ отзывомъ въ самое сердце и Хостманъ обрушился на Гильдебранда, на Скандинавовъ, ихъ музеи и ихъ систему разомъ.

Сказать, что критика Хостмана несостоятельна во всѣхъ отношеніяхъ, было-бы ошибкой. Многое изъ того, что онъ сказалъ собственно противъ Гильдебранда и противъ ученія о мѣстномъ происхожденіи Скандинавской бронзовой культуры,

было признано позднѣе самими Скандинавскими археологами. Мы знаемъ, что Гильдебрандъ объяснялъ въ своей книгѣ смѣну періодовъ смѣной народностей, знаемъ и то, что позднѣйшіе Скандинавскіе ученые, какъ напр. Монтеліусъ, отвергли эту теорію и замѣнили смѣну народностей смѣной культурныхъ вліяній. Тенденціозность и до извѣстной степени несостоятельность Хостмана обнаруживается въ критикѣ основныхъ положеній ученія о трехъ періодахъ.

„Принятую въ датской археологіи систему дѣленія исторіи культуры на три періода слѣдуетъ отвергнуть со всѣмъ ея вспомогательнымъ аппаратомъ, какъ научно необоснованную“— читаемъ мы въ концѣ его статьи противъ Гильдебранда (A. f. A. VIII, 310). Вотъ этотъ-то рѣшительный выводъ Хостмана и слѣдуетъ по справедливости назвать научно необоснованнымъ. Хостманъ отвергаетъ существованіе самостоятельнаго каменнаго вѣка на томъ основаніи, что 1) люди каменнаго вѣка въ Скандинавіи и С. Германіи были германскаго происхожденія и, какъ таковые, явились въ Европу уже знакомые съ металлами вообще и съ желѣзомъ въ частности, 2) во многихъ могилахъ, относимыхъ къ этому вѣку, рядомъ съ каменными орудіями находили бронзовыя и даже желѣзныя, 3) отсутствіе желѣза въ могилахъ не можетъ быть свидѣтельствомъ того, что оно не было извѣстно погребеннымъ и даже не было положено съ ними, такъ какъ въ однихъ случаяхъ желѣзо съ теченіемъ времени могло разрушиться въ землѣ, въ другихъ—остаться незамѣченнымъ неопытными наблюдателями среди слоевъ глины, песку, разрушившихся костей: нахожденіе въ единичныхъ случаяхъ желѣзныхъ вещей рядомъ съ каменными слѣдуетъ поэтому принять за выраженіе общаго правила.

Сопоставивъ эти аргументы съ тѣмъ, что даетъ скандинавская археологія, мы не затруднимся рѣшить, кто грѣшитъ противъ науки—Скандинавы или Хостманъ, умалчивающій о палеолитическихъ орудіяхъ, объ орудіяхъ эпохи кухонныхъ остатковъ, по своему толкующій находки переходныхъ эпохъ и придумывающій объясненіе для отсутствія въ большей части мегалитическихъ могилъ желѣза.

Не менѣе грѣшитъ противъ научной истины Хостманъ и въ капитальной части своей критики — въ возраженіяхъ противъ существованія отдѣльнаго бронзоваго періода въ культурной исторіи Скандинавіи и С. Европы. Гильдебрандъ думалъ, подобно Нильсону, Ворсо и др. скандинавскимъ археологамъ, что бронзовый вѣкъ начинается съ пришествіемъ новаго народа, который принесъ съ собой бронзовую культуру и покорилъ людей каменнаго вѣка. Хостманъ высказалъ нѣсколько основательныхъ соображеній противъ этой теоріи и, можетъ быть, не безъ его вліянія позднѣйшіе Скандинавскіе археологи перешли къ объясненію смѣны культуръ перемѣнами въ торговыхъ сношеніяхъ одного и того-же по племенному составу населенія. Но, какъ и въ вопросѣ о каменномъ вѣкѣ, онъ пошелъ дальше и сталъ отрицать самое существованіе особаго бронзоваго періода; здѣсь, какъ и тамъ, онъ выдвигаетъ вмѣсто фактовъ общія соображенія. Не имѣя возможности доказать отсутствіе могилъ съ одними только бронзовыми орудіями и украшеніями, онъ выдвигаетъ противъ защитниковъ бронзоваго вѣка общіе и недостаточно убѣдительные аргументы:

1) (историческій) въ миѳахъ и преданіяхъ восточныхъ и классическихъ народовъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, что употребленіе бронзы предшествовало употребленію желѣза: всюду бронза является рядомъ съ желѣзомъ;

1) (филологическій) по соображеніямъ нѣкоторыхъ филологовъ, напр. Пиктэ, арійцы уже до своего раздѣленія знали металлы и между прочимъ желѣзо;

3) (этнографическій) стоящіе на низкой ступени развитія народы Африки и С. Азіи умѣютъ обработывать желѣзо и не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о бронзѣ;

4) (техническій) приготовленіе бронзовыхъ издѣлій вообще требуетъ бóльшихъ техническихъ свѣдѣній, чѣмъ приготовленіе грубыхъ желѣзныхъ; приготовленіе такихъ тонкихъ, богато орнаментированыхъ издѣлій не можетъ обойтись безъ стальныхъ инструментовъ и значительнаго раздѣленія труда;

стало быть, желѣзо должно было войти въ употребленіе ранѣе всѣхъ металловъ;

5) (археологическій) о самостоятельной бронзовой культурѣ нельзя говорить помимо всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній и потому, что между бронзовыми издѣліями нѣтъ предметовъ для обыденнаго, практическаго употребленія; главную массу ихъ составляютъ бездѣлки и украшенія; встрѣчающіеся въ большомъ количествѣ мечи негодны къ употребленію въ силу своихъ пропорцій и орнаментики и представляютъ собою нѣчто въ родѣ современнаго бутафорскаго оружія.

Всматриваясь въ аргументацію Хостмана, мы видимъ, что ея главной цѣлью является доказать не то, что предшествовавшаго желѣзному бронзоваго періода въ исторіи С. Европы не было, а что его не могло быть. Въ этомъ смыслѣ самымъ существеннымъ возраженіемъ является, конечно, техническое. Если бронзовую смѣсь дѣйствительно нельзя получить иначе, какъ посредствомъ соединенія предварительно очищенныхъ и приведенныхъ въ жидкое состояніе мѣди и олова, если для художественной отдѣлки вылитыхъ изъ этой смѣси издѣлій дѣйствительно необходимо пользоваться стальными орудіями, отдѣльный бронзовый вѣкъ, согласно съ Хостманомъ, придется, конечно, выкинуть изъ исторіи культуры. Можно думать однако, что Хостманъ оказался неправъ и съ технической стороны. Вибель указалъ еще за 8 лѣтъ до появленія статьи Хостмана, что а) древняя бронза получалась не посредствомъ сплава предварительно приготовленной мѣди съ оловомъ, а посредствомъ совмѣстнаго плавленія той и другой руды, б) обѣ руды встрѣчаются въ Ю. Англіи совмѣстно и при первобытныхъ условіяхъ горнаго дѣла съ трудомъ могли быть отдѣляемы одна отъ другой—другими словами природа сама давала то сочетаніе элементовъ, которое необходимо было для производства древней бронзы. Затѣмъ, исходя изъ чисто естественно-научныхъ соображеній, Вибель пришелъ къ заключенію, что порядокъ, въ которомъ металлы входили въ употребленіе на С. Европѣ, былъ слѣдующій: золото, бронза, мѣдь, олово, свинецъ, серебро, желѣзо.

Послѣдующія изслѣдованія Вурмбранда и др. показали, что и въ своихъ соображеніяхъ о необходимыхъ для обработки бронзовыхъ издѣлій орудіяхъ онъ не встрѣчаетъ поддержки въ фактахъ. На VIII собраніи нѣмецкихъ антропологовъ въ Констанцѣ Вирховъ указалъ на фактъ капитальной важности: въ Америкѣ до сихъ поръ не найдено было ниодного желѣзнаго предмета изъ эпохи, предшествовавшей появленію въ ней Европейцевъ, а между тѣмъ эта страна (Мексика, Перу) даетъ великолѣпные образцы золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ издѣлій, до уровня которыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не можетъ подняться даже современная техника.

Самоувѣренныя предсказанія Хостмана на счетъ судьбы ученія о трехъ періодахъ въ Германіи не сбылись. Не прошло года съ окончанія его полемики противъ Скандинавовъ, какъ одинъ изъ самыхъ выдающихся нѣмецкихъ археологовъ Генрихъ Шафгаузенъ на международномъ конгрессѣ по доисторической археологіи въ Будапештѣ заявилъ urbi et orbi, что, не взирая на всѣ возраженія противъ бронзоваго періода, приходится признать, что за каменнымъ періодомъ въ Европѣ слѣдовалъ періодъ, когда для оружія и утвари употреблялась преимущественно бронза.

На Констанцскомъ съѣздѣ антропологовъ Вирховъ, классифицируя свайныя постройки въ хронологическомъ порядкѣ, употребляетъ категоріи: каменный вѣкъ, бронзовый вѣкъ, желѣзный вѣкъ, съ подраздѣленіемъ этого послѣдняго, подобно Скандинавамъ, на ранній (до-римскій) и поздній.

Лучшимъ свидѣтельствомъ торжества „датской ереси" служитъ, конечно, тотъ фактъ, что берлинцы съ Вирховымъ во главѣ въ 1881 г. объявили ученіе о трехъ періодахъ нѣмецкимъ открытіемъ, которое тотчасъ будто-бы было принято датчанами [1]) и такъ крѣпко вцѣпились въ него, что лучшимъ сканди-

---

[1]) Lisch... war es, der mit Danneil zuerst jene Eintheilung ...in 3 Perioden ...aufgestellt hat, welche alsbald von den scandinavischen Forschern aufgenommen ist». Verh. 1883. 409.

навскимъ ученымъ (С. Мюллеру, Ундсету, Гильдебранду, Монтеліусу) потребовалось цѣлое десятилѣтіе, чтобы на основаніи литературныхъ данныхъ и переписки доказать, что Лишъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться первымъ провозвѣстникомъ ученія о трехъ періодахъ. Только тогда, когда все больше и больше стало выясняться, что Лишъ не могъ не быть знакомымъ съ теоріей, которая за 12 лѣтъ до выхода его работы уже начала прилагаться къ устройству скандинавскихъ музеевъ, они отступились отъ своего ученаго захвата, выразивши удовольствіе по поводу того, что „спокойно разсуждающіе" (точнѣе было бы сказать „черезъ чуръ любезные") скандинавскіе археологи признали, что каждый изъ предполагаемыхъ основателей ученія (Томсенъ, Нильсонъ, Лишъ) шелъ самостоятельнымъ путемъ.

Въ 70-хъ годахъ, послѣ торжества надъ французами обостряется кельтскій вопросъ. Возникновеніе этого вопроса относится къ самому раннему періоду въ развитіи европейской археологіи. Стараясь объяснить смѣну каменнаго вѣка бронзовымъ, Нильсонъ въ первомъ изданіи своихъ „Urinwonar" высказалъ предположеніе, что бронзу принесли съ собой Кельты. Эта теорія пользовалась до 60-хъ годовъ кредитомъ въ Германіи: каждая могила съ бронзовыми орудіями считалась за кельтскую. Памятникомъ ея былого преобладанія является названіе извѣстнаго бронзоваго орудія.

Послѣ Седана и Гравелота Нѣмцы стали считать эту теорію оскорбительной для чести своихъ предковъ и на Кельтовъ, которымъ раньше приписывалась высшая сравнительно съ Германцами культура и—въ особенности—металлургическія познанія, въ Германіи воздвигается такое же свирѣпое гоненіе, какъ на Датчанъ; явились добровольцы, выразившіе готовность очистить отъ нихъ германскую почву. Въ числѣ рьяныхъ кельтофобовъ и германомановъ выступили даже австрійскіе ученые (проф. Much). Съ особеннымъ усердіемъ противъ Кельтовъ воевали археологи Ю. Германіи съ извѣстнымъ уже намъ Линденшмидтомъ во главѣ. Линденшмидтъ рѣшительно заявлялъ,

что во всей Ю. Германіи нѣтъ ни малѣйшаго слѣда пребыванія Кельтовъ. Къ археологамъ въ войнѣ противъ Кельтовъ присоединились антропологи (Эккеръ) и филологи (Д. Сиверсъ), возмущенные попытками Арнольда, Геннинга (Henning) и Рикке (Riecke) доказать, что главнѣйшія мѣстныя названія З. Германіи (Рейнъ, Майнъ, Везеръ, Ааръ, Таунусъ, Герцинія и др.) кельтскаго происхожденія. Походъ противъ Кельтовъ кончился также пораженіемъ ученыхъ шовинистовъ: Кельты удержали свои позиціи въ южной Германіи и Австріи, но германоманы утѣшились тѣмъ, что отобрали у своихъ доисторическихъ враговъ честь изобрѣтенія бронзы и перенесли эту заслугу на Германцевъ, занимавшихъ С. Германію и Скандинавію.

Одновременно съ этими отголосками политической вражды въ Германіи развивалось и чуждое всякихъ вліяній минуты изученіе доисторическаго матеріала. Начатое въ 1869 г. подъ вліяніемъ Французовъ и Бельгійцевъ изслѣдованіе Вестфальскихъ пещеръ скоро распространилось на всю Германію и изъ среды Германскихъ археологовъ выдѣлились такіе спеціалисты по этой отрасли доисторіи, какъ О. Фраасъ и Шаффгаузенъ.

Эти изслѣдованія показали, что человѣкъ жилъ въ пещерахъ Ю. Германіи еще въ такую эпоху, когда ледяной покровъ лежалъ надъ всей сосѣдней Швейцаріей, а въ окрестностяхъ нынѣшняго Констанца сѣверный олень находилъ въ изобиліи полярный мохъ. Районъ, въ которомъ обнаружено существованіе современнаго сѣверному оленю пещернаго человѣка, распространяется на весь бассейнъ Рейна, Швабію, Баварію, Вестфалію до Везера. Въ В. Тюрингіи найдена была пещера служившая жилищемъ современнику пещерной гіены. Въ С. Германіи слѣдовъ его еще не констатировано.

Человѣкъ этой ранней эпохи жилъ въ горахъ и поддерживалъ свое существованіе охотой; объ уровнѣ его культуры свидѣтельствуетъ между прочимъ то, что онъ не умѣлъ приготовлять изъ глины даже самыхъ грубыхъ сосудовъ.

Вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ пещеръ шло изслѣдованіе свайныхъ построекъ. Раскопки Вирхова, Фрааса, Шафгаузена и др. обнаружили существованіе двухъ географически и хронологически обособленныхъ районовъ, въ которыхъ встрѣчаются эти сооруженія: южно-германскаго и сѣверо-германскаго. Самыя древнія свайныя постройки Ю. Германіи относятся къ эпохѣ, когда низменности этой страны освободились отъ покрывавшихъ ихъ льдовъ. Обитатели ихъ были знакомы уже съ земледѣліемъ и употребляли полированныя каменныя орудія. На сѣверѣ свайныя постройки относятся къ гораздо болѣе позднему времени: ни въ одной изъ нихъ не было найдено каменныхъ орудій, а значительная часть относится уже къ историческимъ временамъ.

На почвѣ изученія южныхъ свайныхъ построекъ возникъ вопросъ, до сихъ поръ занимающій германскихъ археологовъ— о происхожденіи орудій изъ нефрита (зеленаго камня). Нефритовые топоры и ножи встрѣчаются въ самыхъ древнихъ свайныхъ сооруженіяхъ Ю. Германіи и Швейцаріи; между тѣмъ камень этотъ не встрѣчается ни въ той, ни въ другой странѣ и мѣстонахожденія его въ Старомъ Свѣтѣ извѣстны только въ Сибири и Туркестанѣ. Для объясненія пути, по которому нефритовыя орудія проникли въ Европу, предлагается нѣсколько гипотезъ; одни археологи (Дезоръ) думаютъ, что ихъ принесли съ собою первобытные арійцы изъ Азіи, другіе (Г. Фишеръ) видятъ въ нихъ свидѣтельство торговыхъ сношеній между Европейцами неолитической эпохи и С. Азіей, третьи указываютъ болѣе близкіе пункты—Тироль (Пишлеръ), С. Германію и Скандинавію (Мейеръ). Вопросъ еще не рѣшенъ и будетъ разсматриваться между прочимъ на предстоящемъ международномъ археологическомъ конгрессѣ въ Москвѣ. Полемика противъ Скандинавовъ привлекла особенное вниманіе германскихъ ученыхъ къ вопросу о бронзѣ — ея родинѣ, условіяхъ происхожденія и распространенія въ Европѣ. Новѣйшія изслѣдованія подтвердили давно высказывавшееся по аналогіи съ фактами американской археологіи (въ С.

Америкѣ мѣдь, въ Мексикѣ и Перу бронза) предположеніе, что бронзовому періоду предшествовалъ въ Европѣ, какъ переходный отъ неолитической эпохи — мѣдный: слѣды его обнаружены въ Венгріи (Фр. Пульскій), Ю. Германіи (окр. Констанца, Лейнеръ), въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи (Гроссъ, ст. Финельцъ). Австрійскій филологъ и археологъ Мухъ собралъ цѣнный матеріалъ для доказательства существованія его въ цѣлой Европѣ; въ Германіи въ могилахъ неолитической эпохи были обнаружены первые зачатки мѣднаго вѣка въ видѣ пластинки, которая могла служить клинкомъ ножа (Куявія на Вислѣ). Къ тому-же выводу привели изслѣдованія Шлимана въ Гиссарлыкѣ. Изслѣдованіе путей, по которымъ бронзовая культура могла проникнуть въ Европу, заставила нѣмецкихъ ученыхъ обратиться къ археологическому изученію Балканскаго полуострова и Кавказа. Вирховъ предпринялъ спеціальное изслѣдованіе кавказскихъ бронзъ, чтобы провѣрить гипотезу о прохожденіи черезъ Кавказъ народа, принесшаго съ собой бронзу изъ Ср. Азіи. Отсутствіе среди кавказскихъ находокъ столь распространенныхъ въ Европѣ и С. Азіи бронзовыхъ кельтовъ привело его къ убѣжденію, что Кавказъ не лежалъ на пути распространенія бронзовой культуры: культура эта должна была проникнуть въ Европу черезъ мѣстности, лежащія на С. и на Ю. отъ Кавказа. Если ко всему, что было сказано до сихъ поръ, мы прибавимъ, что Германія выдвинула за послѣднее время такого лингвиста-археолога, какъ Шрадеръ, то всѣ главные результаты нѣмецкой археологіи будутъ исчерпаны. Объ археологіи австрійской намъ не приходится говорить очень много. Австро-Венгрія располагаетъ богатѣйшимъ археологическимъ матеріаломъ in situ и въ музеяхъ: на ея территоріи констатированъ человѣкъ—современникъ мамонта (Предмостъ въ Моравіи; проф. Машка), громадный запасъ памятниковъ мѣднаго вѣка (Венгрія, Фр. Пульскій); грандіозные могильники изъ поздняго бронзоваго вѣка (Гальштадтъ, Вачъ, Ст. Маргаритенъ, Гласинацъ; ф. Саккенъ,

Гохштеттеръ), раскопки обогащаютъ Вѣнскій музей ежегодно тысячами остатковъ доисторической старины — но научной обработкой этого матеріала Австро-Венгрія похвалиться не можетъ. Гальштадтъ, Вачъ и С. Маргаритенъ не дали ея наукѣ почти ничего, кромѣ парадоксовъ Гохштеттера на счетъ пра-арійскаго происхожденія Гальштадтской культуры. Раскопки могильника въ Гласинацѣ намѣчаютъ пока только въ высокой степени интересную програму для австро - венгерскихъ археологовъ. Открытіе этого могильника побуждаетъ искать на Балканскомъ полуостровѣ тѣ нити, которыя соединяютъ средне-европейскую и сѣверную бронзовую культуру съ южной *).

И. С.

*) Новѣйшая археологическая литература Германіи и Австро-Венгріи. W. Arnold. Deutsche Urzeit. 1880. Fr. Kinkelin. Die Urbewohner Deutschlands. 1882. A. B. Meyer. Königl. ethnogr. Mus. zu Dresden Iadeit und Nephritobjecte. L. 1882—83. Bastien u. Voss. Die Bronzeschwerter des könig. Mus. zu Berlin. 1883. R. Virchow. Das Gräberfeld v. Koban. 1883. E. Wagner. Die grossherzogl.-badische Alterthümersammlung in Karlsruhe. Antike Bronzen. 1883 — 1885. M. Schliemann. Troja. 1884. Tröltsch. Fundstatistik d. Vorröm. Metallzei im Rheingeb. 1884. Beck. Die Geschichte des Eisens. 1884. J. Mestorf. Vorgesch. Alterthümer aus Schlesw.—Hollst. 1885. Vorgesch. Alterth. der Provinz Sachsen. 1883—1888. Vorgesch. Alterth. aus der Mark Brandenburg. 1886 — 1889. M. Much. Die Kupferzeit in Europa und ihr Verhältniss zur Kultur d. Indogermanen. Wien. 1886. Scheidenmantel. Ueber die Hügelgräberfunde bei Parsberg. 1886. J. Ranke. Der Mensch. 1886. H. Schliemann Tiryns. 1886. Grempler. Der Fund v. Sacrau. 1887. Fr. Wieser. Das longobardische Fürstengrab und Reihengräberfeld. v. Civezzano. 1887. Iacob. Der nordischbaltische Handel der Araber im Mittelalter. 1887. Osborn. Das Beil und seine typische Formen in Vorhistorischer Zeit. 1887. Kunsthistor. Atlas, redig. v. Much. W. 1889. Lindenschmidt. Handbuch der deut. Alterthümer. 1889. — Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit. 1889.—Das römisch — german. Central-museum zu Mainz. 1889. Henning. Die Deutschen Runendenkmäler. 1889. Fr. Pulsky. Die Goldfunde von Szilagy—Somlyo. Bud. 1890.

СЛѢДЫ ДРЕВНЯГО ПОСЕЛЕНІЯ

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ Г. СПАССКА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Лѣвобережье Волги, ниже устья Камы, въ предѣлахъ Казанской губерніи, какъ извѣстно, представляетъ большой интересъ въ археологическомъ отношеніи благодаря нахожденію здѣсь развалинъ знаменитыхъ Болгаръ, слѣдовъ поселеній человѣка каменнаго періода у д. Мордовой и проч. Но едвали сказанная мѣстность вполнѣ изучена въ этомъ отношеніи. Напротивъ, имѣются нѣкоторыя данныя предполагать, что будущіе изслѣдователи этой территоріи откроютъ еще не мало интересныхъ фактовъ для пониманія и большаго уясненія исторіи и археологіи казанскаго Поволжья. Къ мѣстностямъ, обѣщающимъ пополнить свѣдѣнія объ археологіи нашего Поволжья, относится, напр., г. Спасскъ съ его окрестностями. Эта мѣстность уже въ силу своего недалекаго положенія отъ Болгаръ и Мордовой обѣщаетъ быть интересной въ археологическомъ отношеніи.

Указанія на это имѣются уже въ археологической литературѣ. Такъ, напр., проф. Головкинскій въ своей статьѣ „Древніе остатки человѣка въ Казанской губерніи“ [1]) упоминаетъ о найденномъ имъ въ 1865 году близъ г. Спасска, на берегу р. Бездны, кускѣ кремня, имѣющемъ видъ обломка каменнаго ножа. Но своей находкѣ проф. Головкинскій не придавалъ рѣшающаго значенія въ смыслѣ доказательства

---

[1]) Головкинскій. Труды I съѣзда русскихъ естествоиспытателей.

обитанія здѣсь человѣка каменнаго періода. Такіе кремни, замѣчаетъ проф. Головкинскій, „имѣютъ значеніе только потому, что встрѣчаются вмѣстѣ съ топорами, найденные же отдѣльно, въ отдаленной мѣстности, въ особенности единично, они не могутъ быть принимаемы съ достаточною вѣроятностію за произведенія человѣка".—Далѣе извѣстно, что Археологическая Коммиссія [1]) пріобрѣла въ 1869 г. найденный близь Спасска мѣдный кувшинъ съ находившимися въ немъ серебряными или позолоченными издѣліями.—Въ изданныхъ въ 1874 году Казан. Губ. Статистич. Комитетомъ „Замѣткахъ о городищахъ, курганахъ и другихъ древнихъ земляныхъ насыпяхъ въ Казанской губерніи" находится указаніе на нахожденіе около с. Щербети древняго городища, которое проф. Шпилевскій [2]) считаетъ за городище у с. Куралова, расположенное къ СВ. отъ г. Спасска. — Наконецъ, въ статьѣ неизвѣстнаго автора „О первоначальномъ мѣстѣ г. Спасска", напечатанной въ 1847 году [3]), упоминается о большомъ валѣ, идущемъ отъ села Куралова въ г. Спасскъ, гдѣ этотъ валъ теперь застроенъ домами. Неизвѣстный авторъ считаетъ этотъ валъ остаткомъ Сувара, бывшей булгарской столицы, находившейся на мѣстѣ нынѣшняго Спасска. Проф. Шпилевскій [4]), анализируя сообщенныя неизвѣстнымъ авторомъ данныя, считаетъ ничѣмъ не доказаннымъ это послѣднее мнѣніе, хотя онъ считаетъ возможнымъ продолжить указываемый валъ съ одной стороны—до Болгаръ и съ другой—до с. Буракова на Ахтаѣ, считая его просто пограничнымъ валомъ, подобнымъ русскимъ пограничнымъ укрѣпленнымъ линіямъ. Какъ справедливо замѣтилъ проф. Шпилевскій, авторомъ не указывается никакихъ другихъ слѣдовъ этого древняго города кромѣ вала: неизвѣстный авторъ ограничивается указаніемъ на извѣстный всѣмъ фактъ

---

[1]) Отчетъ Археологической Коммиссіи за 1869 г., стр. 20.

[2]) Шпилевскій. Древніе города, стр. 330—331.

[3]) Казанскія Губернскія Вѣдомости за 1847 г., № 44.

[4]) Шпилевскій. Древніе города, стр. 328—332, 51—52.

нахожденія на мѣстѣ Спасска какого-то поселенія, въ которомъ онъ и предполагаетъ древній Суваръ, упоминаемый арабскими и персидскими писателями. По свидѣтельству этихъ писателей (Эль, Балхи и друг.), Суваръ былъ расположенъ недалеко отъ Болгаръ, въ немъ находилась главная мечеть, деревянные дома, служившіе зимними жилищами, а лѣтомъ жители его обитали въ войлочныхъ юртахъ. Таковы историческія и литературныя свѣдѣнія объ археологіи окрестностей Спасска.

Экскурсируя прошлымъ лѣтомъ въ окрестностяхъ г. Спасска, я встрѣтилъ по берегамъ Бездны, между Спасскомъ и с. Кураловымъ, совершенно явственные слѣды существовавшаго здѣсь обширнаго поселенія, фактъ нахожденія котораго, въ виду указанныхъ выше обстоятельствъ, является не безъинтереснымъ.

Если ѣхать вверхъ по Безднѣ отъ г. Спасска по направленію къ селу Куралову, то можно замѣтить, что мѣстами, гдѣ глинистый берегъ рѣки болѣе высокъ и обрывистъ, въ немъ выступаютъ пространства, бросающіяся въ глаза благодаря своему черному цвѣту, въ контрастъ съ окружающей желто-бурой глиной, и имѣющія правильное четырехугольное очертаніе. По внѣшнему виду они съ перваго же взгляда напоминаютъ обвалившіяся могилы. Разрѣзы этихъ могилъ по берегамъ Бездны начинаютъ встрѣчаться сейчасъ же за городомъ, съ поворота рѣки къ ЮВ. На самомъ поворотѣ, на томъ же лѣвомъ берегу Бездны, на которомъ расположенъ и Спасскъ, видна одна небольшая, не особенно замѣтная могила. Если же ѣхать далѣе вверхъ по рѣкѣ и обогнуть мысъ, образованный вышеуказаннымъ поворотомъ, то мы увидимъ въ обрывистомъ правомъ берегу рѣки, на пространствѣ около 30 саженъ, до десятка разрѣзовъ могилъ различной величины. Отсюда рѣка поворачиваетъ вправо и обрывистымъ становится опять лѣвый берегъ, въ которомъ, въ свою очередь, находятся разрѣзы до 5 могилъ. Выше этого пункта разрѣзы могилъ болѣе не встрѣчаются, потому что берегъ становится сравни-

тельно отлогимъ. Этотъ пунктъ находится приблизительно на срединѣ дороги между г. Спасскомъ и с. Кураловымъ и недалеко отъ него находится валъ, идущій отъ лѣваго берега Бездны къ востоку. Въ районѣ распространенія могилъ верхнія части береговыхъ разрѣзовъ состоятъ изъ культурнаго слоя темнаго цвѣта, въ нѣсколько вершковъ толщины, состоящаго изъ богатой перегноемъ глины, углей и черепковъ глиняной посуды. Между послѣдними я нашелъ здѣсь обдѣланный рукою человѣка кружокъ съ отверстіемъ въ серединѣ. Тутъ же встрѣчаются шлаки. Культурный слой покрываетъ какъ самыя могилы, такъ и пространство между ними. Что это дѣйствительно могилы, обнаружилось при разрываніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, расположенныхъ на правомъ берегу рѣки. При этомъ оказалось, что четырехугольныя въ разрѣзѣ углубленія, выкопанныя въ желто-бурой глинѣ, залегающей подъ культурнымъ слоемъ и слагающей весь берегъ Бездны, выполнены сѣрой глинистой массой, перемѣшанной съ золой, углями и битыми черепками. Въ этой массѣ найдены были мною слѣдующіе предметы: глиняное напрясло, сдѣланное довольно хорошо, обломокъ бруска изъ сѣраго песчаника, обломокъ аммонита, желѣзный предметъ до 5 вершковъ длиною, напоминающій гвоздь, тоненькое мѣдное кольцо, шлифованный кусокъ глинистаго сланца, истлѣвшую птичью дужку и, наконецъ, спинныя чешуйки осетровыхъ рыбъ. Кромѣ того, въ этой же массѣ попадалось много черепковъ битой посуды различной толщины, приготовленныхъ только изъ необожженой глины. Судя по черепкамъ, глиняная посуда была весьма грубой работы и была лишена украшеній, за исключеніемъ бороздокъ на краю болѣе толстыхъ черепковъ. Наконецъ, на днѣ двухъ такихъ ямъ были найдены человѣческіе черепа, по одному въ каждой ямѣ. Черепа были раздавлены и очень истлѣли. Вмѣстѣ съ ними было найдено нѣсколько шейныхъ позвонковъ. Другихъ частей скелета я не находилъ при раскопкахъ и объясняю это тѣмъ, что онѣ вѣроятно обвалились вмѣстѣ съ берегомъ, увлекшимъ съ собою часть каждой мо-

тилы. Если допустить это, то изъ положенія могилъ нужно заключить, что покойниковъ клали ногами на востокъ. Упомянутое выше кольцо было найдено около одного изъ череповъ. Нахожденіе въ этихъ ямахъ частей скелетовъ человѣка и даетъ, на мой взглядъ, основаніе думать, что эти ямы были могилами, хотя остальное содержимое этихъ ямъ сходно съ тѣмъ, что было найдено въ подобныхъ же ямахъ на Мешѣ, гдѣ они были повидимому сорными ямами [1]). Самыя ямы различной формы: то прямоугольныя въ разрѣзѣ, то трапецоидальныя, причемъ дно ихъ гораздо шире верхней части. Конечно эти ямы-могилы свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь находилось когда-то поселеніе и, повидимому, довольно большое. Полнымъ подтвержденіемъ этого служитъ то обстоятельство, что прилегающее къ этимъ могиламъ поле, расположенное между правымъ берегомъ Бездны и оз. Лебяжьимъ, усѣяно черепками битой посуды и массой раковинъ Unio, хотя это мѣсто и не заливается водой. Это поле, очевидно, было занято древнимъ поселеніемъ, оставившимъ на себѣ слѣды въ видѣ культурнаго слоя, покрывающаго поле. И дѣйствительно, какъ при пашнѣ, такъ и вообще при разрываніи этого слоя мотыкой, въ районѣ этого поля, всюду попадаются какъ черепки битой посуды, такъ и раковины Unio. Эти черепки здѣсь различнаго характера. Одни изъ нихъ сходны съ черепками, находящимися въ могилахъ, а другіе представляютъ обломки обожженой глиняной посуды болгарскаго типа. Судя по послѣднимъ черепкамъ, обожженая посуда была гораздо лучшей работы и украшалась снаружи рядами продольныхъ и поперечныхъ бороздокъ и продолговатыми, расположенными косвенно къ первымъ, зубчатыми ямками. Тутъ же на полѣ были найдены глазированные куски глиняной посуды и кусокъ зеленаго стекла. Употреблялась ли жителями этого древняго поселенія обожженая и необожженая посуда одно-

---

[1]) Протоколъ Казан. Общ. Естеств. за 1880—81 г., стр. 20, 24, 33 и Труды Казан. Общ. Естеств. т. IX, в. 4. стр. 49.

временно, или же они характеризуютъ собой разныя культурныя стадіи, моими наблюденіями не рѣшено. Такіе же черепки и раковины разсѣяны по полю, прилегающему къ Безднѣ и съ лѣвой стороны, такъ что очевидно это обширное поселеніе было расположено по обоимъ берегамъ рѣки. Въ заключеніе считаю нужнымъ замѣтить, что такія же ямы-могилы были встрѣчены у самаго города Спасска, и мнѣ извѣстно, что онѣ встрѣчаются въ сѣверовосточной окраинѣ города [1]).

А. Обрѣзковъ.

Декабрь, 1891 года.
Географическій кабинетъ Университета.

[1]) Въ «Объяснительной запискѣ къ археологической картѣ Казанской губеріи», экспонированной на Казанской научно-промышленной выставкѣ 1890 года И. А. Износковымъ, значится (стр. 2): «находки близь г. Спасска и остатки костей (Головкинскій, А. А. Штукенбергъ)». По объясненію И. А. Износкова въ засѣданіи Общ. Археол., Ист. и Этн., въ отмѣченныхъ здѣсь разрядкой словахъ содержится указаніе на нахожденіе костей въ ямѣ, на окраинѣ Спасска, замѣченное А. А. Штукенбергомъ во время его поѣздки съ И. А. Износковымъ въ Спасскъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ АРХЕОЛОГІИ

КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

1) Древняя курганная могила около деревни Бѣлымеръ (Булымеръ), въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи.

Со времени археологическихъ раскопокъ, произведенныхъ въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, П. А. Пономаревымъ и Н. П. Лихачевымъ около деревни Бѣлымеръ, (Булымеръ) прошло уже нѣсколько лѣтъ. Въ настоящей замѣткѣ, предлагаемой вниманію читателей—любителей старины, я коснусь результата этихъ раскопокъ. П. А. Пономаревъ, уже много потрудившійся для археологіи мѣстнаго края, сообщилъ мнѣ, что въ этой мѣстности имъ было раскопано нѣсколько небольшихъ кургановъ и только въ одномъ изъ нихъ удалось открыть вмѣстѣ со слѣдами сожиганія трупа и древности.

Около деревни Бѣлымеръ подобные курганы раскапывались и ранѣе. Въ 1870 г. ихъ раскапывалъ докторъ А. И. Стояновъ, но безъ успѣха. Въ приложеніяхъ къ протоколамъ засѣданій Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, за второй (1870—71) годъ его дѣятельности, помѣщенъ отчетъ г. Стоянова: „О раскопкахъ древнихъ могилъ и кургановъ въ Лаишевскомъ и Спасскомъ уѣздахъ Казанской губерніи". По словамъ г. Стоянова группа небольшихъ раскопанныхъ имъ кургановъ расположена въ 1 верстѣ

къ С.З. отъ деревни Бѣлымеръ въ высокой мѣстности (на поверхности верхней террасы?), поросшей дубовымъ лѣсомъ. Курганы эти имѣютъ куполообразную форму. По измѣреніямъ, произведеннымъ г. Стояновымъ, окружность наибольшаго кургана имѣла 34 метра, а очертаніе его въ разрѣзѣ по діаметру 8,5 метровъ. Раскопавъ 6 кургановъ г. Стояновъ нашелъ, что они представляютъ насыпи песка, перемѣшаннаго съ черноземомъ. Во всѣхъ курганахъ на глубинѣ 0,8—0,9 метра были находимы зола, уголь и обгорѣлыя кости домашнихъ животныхъ. Не смотря на дальнѣйшіе поиски г. Стоянову не удалось отыскать въ курганахъ ничего другого.

Раскопки, произведенные П. А. Пономаревымъ, были болѣе удачны и въ одномъ изъ кургановъ, кромѣ золы, угля, кусковъ ошлакованной глины и обломковъ обгорѣлыхъ костей, было найдено также нѣсколько вещей, принадлежавшихъ погребенному тутъ покойнику, очевидно—воину. Я неимѣю свѣдѣній, на какой именно глубинѣ была расположена могила подъ поверхностью насыпи и въ какомъ порядкѣ были расположены найденныя вещи, но въ данномъ случаѣ это и не важно, такъ какъ первый дефектъ пополняется данными г. Стоянова, а расположеніе вещей въ могилѣ, въ виду очевиднаго сожженія погребеннаго трупа, должно быть совершенно случайнымъ.

Въ курганной могилѣ, раскопанной П. А. Пономаревымъ и Н. П. Лихачевымъ, найдены оружіе и нѣкоторыя вещи покойника вмѣстѣ съ обломками небольшого глинянаго горшка съ плоскимъ дномъ, очень грубой работы, — горшка, раздавленнаго насыпью или растрескавшагося во время сожиганія трупа. Доспѣхи погребеннаго воина представляли желѣзный мечъ, найденный совмѣстно съ мѣдными принадлежностями пояса или перевязи — 2 круглыми бляхами, болѣе чѣмъ 20 небольшими мѣдными зажимами, въ видѣ скобокъ, для скрѣпленія ремней, и 1 мѣдной петлей. Кромѣ того въ могилѣ было найдено огниво (кресало) и нѣсколько вещей неопредѣленнаго назначенія.

Желѣзный мечъ съ мѣдными принадлежностями пояса или перевязи представляетъ наибольшій интересъ. Онъ былъ найденъ искривленнымъ и сильно изогнутымъ; конецъ стержня его рукоятки также загнутъ, а верхнія желѣзныя части надвинуты книзу. Трудно рѣшить, почему именно мечъ былъ найденъ въ такомъ видѣ, и я указываю только какъ предположеніе на возможность происхожденія этихъ изгибовъ при самомъ процессѣ сожиганія тѣла покойника. Этому какъ бы соотвѣтствуетъ и полное разрушеніе деревянной или костяной части рукоятки. Мечъ могъ быть во время сожиганія тѣла очень раскаленъ и изогнутъ подъ вліяніемъ тяжести обваливавшагося костра. Длина меча равна 90 cm., изъ которыхъ 13 cm. приходятся на рукоятку. Ширина клинка, остраго съ обѣихъ сторонъ, равна 5 cm. около начала рукоятки; книзу клинокъ постепенно дѣлается уже и оканчивается заостреніемъ. Стержень рукоятки представляется плоскимъ (шириною въ 3 cm. при основаніи, и въ 1,5 cm. при концѣ). Рукоятка состоитъ изъ трехъ частей: перекладины (длина 9 cm., высота по оси 2 cm., при толщинѣ средней части въ 1,5 cm.) съ заостренными краевыми ребрами, стержня (длина 5 cm.), уже совершенно разрушеннаго, и набалдашника (высотою 6 cm.), состоящаго изъ двухъ частей: нижней, вполнѣ соотвѣтствующей по формѣ перекладинѣ, но меньшихъ размѣровъ (длиною 7 cm., высотою по оси 6,5 cm.) и верхней, полуовальной (высота по оси 2,5 cm., при длинѣ въ 7 cm.). Отдѣльныя желѣзныя части рукоятки покрыты съ обѣихъ сторонъ насѣчкой, состоящей изъ многочисленныхъ круглыхъ и мелкихъ ячеекъ. Кромѣ того верхняя часть набалдашника раздѣлена еще съ обѣихъ сторонъ двумя довольно глубокими бороздками, наклонными къ основанію, на три части, изъ которыхъ средняя болѣе боковыхъ, имѣющихъ треугольное очертаніе. Была-ли эта насѣчка серебряная,—сказать нельзя, такъ какъ слѣдовъ серебра не осталось.

Перейду теперь къ описанію мѣдныхъ бляхъ, скобовидныхъ зажимовъ, петли и другихъ принадлежностей ременнаго

пояса (или перевязи), служившаго для ношенія меча, ножны котораго, вѣроятно, были обтянуты кожей или чѣмъ нибудь инымъ и не сохранились такъ-же, какъ и средняя часть рукоятки. Одна изъ мѣдныхъ бляхъ плоская (діаметромъ въ 2,5 cm.), а другая (діаметромъ въ 4 cm.) имѣетъ бортъ и въ центрѣ плоское округлое возвышеніе въ видѣ пуговицы; между этимъ возвышеніемъ и бортомъ въ одномъ направленіи, по радіусу, видна выпуклость, имѣющая сердцевидное очертаніе. Мелкіе скобовидные зажимы представляются тонкими мѣдными пластинками (въ 10 mm. длины и 2 mm. ширины) съ нѣсколько уширенными концами, перегнутыми на половинѣ и соединенными на концахъ мѣдными штифтиками. Мѣдная петля состоитъ изъ мѣдной проволоки (въ 20 mm. длины и 4 mm. въ діаметрѣ), перегнутой пополамъ и соединенной штифтикомъ на сплющенныхъ краяхъ, имѣющихъ ромбоидальное очертаніе. Къ поясному прибору относятся вѣроятно и два небольшихъ мѣдныхъ обломанныхъ стержня, имѣющихъ четыреугольное очертаніе и снабженныхъ круглыми головками; (длина ихъ не превышаетъ 3,5 cm., а стороны разрѣза равны 4 cm.).

Огниво (кресало) имѣетъ довольно распространенную форму; длина его равна 9 cm., средняя часть — нѣсколько шире краевъ, а загнутые концы закручены и заканчиваются шишками.

Кромѣ этихъ вещей въ могилѣ были найдены еще предметы, значеніе которыхъ не можетъ быть вполнѣ выяснено. Къ нимъ принадлежитъ мѣдная оправа (длина 10 cm.), снабженная небольшимъ колечкомъ для привѣшиванія, и болѣе плоская мѣдная же оправа (длиной 9 cm.), свободные края которой соединены рядомъ мѣдныхъ штифтиковъ, расположенныхъ въ рядъ на разстояніи 12 mm. другъ отъ друга. Эти оправы могутъ быть остатками ножа и гребня. Къ этимъ предметамъ неопредѣленнаго назначенія принадлежитъ еще очень оригинальная вещица, сдѣланная изъ мѣди и имѣющая форму комбинаціи куба и октаэдра, находящихся въ равновѣсіи. Углы этого кубика, длина реберъ котораго равна 7 mm., срѣзаны симметрично, равными площадками треуголь-

наго очертанія. На плоскостяхъ этого кубика, имѣющихъ четыреугольное очертаніе, замѣтны небольшіе борта (отдѣленные бороздками, въ которыхъ расположенъ рядъ точечныхъ наколовъ) и по три нѣсколько вдавленныхъ маленькихъ очка, расположенныхъ треугольникомъ и имѣющихъ округлыя очертанія; эти очки совершенно сходны съ очками современныхъ игральныхъ костей.

Остается еще сказать о глиняномъ горшкѣ грубой работы, черепки котораго были найдены въ могилѣ. Горшокъ имѣлъ, судя по обломкамъ, плоское дно (около 8 cm. въ діаметрѣ) и бокальчатую форму. Около верхняго края онъ былъ украшенъ орнаментомъ, состоящимъ изъ трехъ рядовъ небольшихъ углубленій, четыреугольнаго очертанія. Горшокъ этотъ при выдѣлкѣ не подвергался обжигу.

Сравнивая мечъ, найденный въ могильномъ курганѣ, около деревни Бѣлымеръ въ Спасскомъ у. Казанской губ. съ другими мечами разныхъ типовъ, я пришелъ къ заключенію, что онъ представляетъ полное тожество съ скандинавскими мечами позднѣйшей эпохи желѣзнаго вѣка, продолжавшейся примѣрно отъ 700 до 1000 г. по Р. Х. Этотъ мечъ тожественъ также и съ нѣкоторыми мечами, найденными при раскопкахъ на территоріи Европейской Россіи. Такъ, напр., онъ поразительно сходенъ до мелочей (и только нѣсколько меньшихъ размѣровъ) съ мечомъ, найденнымъ въ Гнѣздовскомъ курганѣ, въ Смоленской губерніи, и описаннымъ Д. Н. Анучинымъ („О нѣкоторыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей". Труды VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ 1884 г. Томъ I, стр. 243; таб. I, рис. 1. Одесса. 1886 г.) По свидѣтельству проф. Анучина къ этому же типу принадлежатъ мечи, найденные въ Черниговской губерніи (курганъ Гульбище) и въ Орловской губерніи.

Рѣзко выраженный скандинавскій (норманнскій) типъ меча, найденнаго въ курганной могилѣ около деревни Бѣлымера, даетъ возможность опредѣлить приблизительно и ея древность. Нужно думать, что вся группа Бѣлымерскихъ кургановъ отно-

сится къ періоду между 700 и 1000 г. по Р. Х. Остается открытымъ вопросъ: представляетъ ли курганъ, раскопанный П. А. Пономаревымъ и Н. П. Лихачевымъ, могилу пришельца съ далекаго Сѣверо-Запада или аборигена, владѣвшаго мечомъ скандинавскаго типа. Остается также невыясненнымъ отношеніе этого могильнаго кургана къ другимъ—сосѣднимъ, въ которыхъ, по свидѣтельству г. Стоянова, были находимы только слѣды кострищъ съ обгорѣлыми костями домашнихъ животныхъ.

А. Штукенбергъ.

Мордва.

Историко-этнографическій очеркъ.

Глава I.

Очеркъ исторіи.

(Продолженіе)

Показателемъ элементовъ, изъ которыхъ слагалось древнее населеніе занимаемаго нынѣ Мордвою края, кромѣ мѣстныхъ названій, могли бы служить вещественные памятники доисторической старины, но значеніе этого источника для исторіи еще все въ будущемъ. Обширная территорія, намѣченная нами на основаніи мѣстныхъ названій, представляетъ въ отношеніи археологическомъ почти нетронутое поле. Раскопки болѣе или менѣе научнаго характера производились въ какихъ-нибудь трехъ—четырехъ пунктахъ; весь остальной археологическій матеріалъ добытъ или путемъ случайныхъ находокъ или черезъ третьи—четвертыя руки отъ хищниковъ, которые искали въ курганахъ кладовъ Мы не имѣемъ даже права сказать, что располагаемъ точными свѣдѣніями о количествѣ и мѣстонахожденіи памятниковъ, подлежащихъ археологическому изслѣдованію въ будущемъ. До начала 1890 г., когда состоялся VIII археологическій съѣздъ въ Москвѣ, существовала только неизданная курганная карта Нижегородской губерніи, составленная для Московской антропологической выставки А. С. Гацисскимъ. Къ съѣзду были приготовлены археологическія карты Тамбовской и Пензенской губерній., Лѣтомъ 1890 г. на Казан-

ской научно-промышленной выставкѣ была экспонирована археологическая карта Казанской губерніи. Въ Пензенскихъ Губ. Вѣд. за 1891 г. помѣщенъ географическій указатель памятниковъ древности въ Пензенской губерніи, составленный членомъ мѣстнаго статистическаго комитета Петерсономъ. Для губерній Симбирской и Саратовской мы не располагаемъ даже подобными справочными матеріалами. Саратовская Архивная Коммиссія ограничилась тѣмъ, что напечатала „библіографическія справки по археологіи Саратовской губерніи" [1]). Симбирскъ въ смыслѣ научнаго изслѣдованія края представляетъ пустое мѣсто. То, что даетъ намъ указанная литература относительно памятниковъ старины, очень не сложно.

Начиная нашъ обзоръ съ С., съ того пункта, гдѣ для края раньше всего кончился доисторическій періодъ и началась исторія, мы будемъ имѣть 1) древнее языческое кладбище подъ кладбищемъ Покровской церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ; 2) „мордовскій" могильникъ въ Касимовскомъ у. Рязанской губерніи близь д. Поповки. Далѣе на основаніи свѣдѣній, добытыхъ Нижегородскимъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1879 г., можно имѣть въ виду курганъ (шишку) въ Арзамасскомъ у. въ Анненковской волости при деревнѣ Чапарѣ, 2 мара (разрытыхъ) въ Спасской при селѣ Спасскомъ, остатки городка („мордовскаго") въ Шатковской волости въ 1½ версты отъ деревни Касьяновой; въ Ардатовскомъ— „городокъ" въ селѣ Сакопъ, городокъ въ Исуповской волости близь села Надежина, курганы въ Ичаловской волости близь села Ичалова, д. Кашиной, сельца Новаго Кашина, сельца Выползова, с. Ознобишина; въ Лукояновскомъ у. въ Михайловской волости близь д. Новой 3 мара, близь села Пои 1, въ Никитинской волости близь села Васильевки два городка; въ Княгининскомъ у. въ с. Большомъ Мурашкинѣ „городокъ", при селѣ Большой Якщени и дер. Пузырихѣ близь лѣса низкій курганъ, на С. отъ дер. Саблуковой и с. Звѣрева (Прудищъ)

---

[1]) Труды Сар. Арх. Ком. т. II, вып. 1. 1889.

городище и два кургана (сопки), въ Сергачскомъ у. въ Ендовищенской волости курганы на полѣ д. Ключищъ и при оврагѣ с. Ендовищъ, въ Шараповской волости два городища при с. Шараповѣ, въ Юрьевской волости близь с. Юрьева двѣ сопки, близь д. Баранниковой 4, въ Дубенщинской волости при с. Колычевѣ 2; въ Васильскомъ у. д. Саблукова [1]). Безъ обозначенія уѣзда кромѣ того упоминаются курганы въ Архангельскомъ погостѣ, Тороповѣ, Сѣрковѣ, Боковой, Липовкѣ [2]). Мельниковъ на основаніи историческихъ данныхъ указываетъ мордовскія городища въ Арзамасѣ, на Тешѣ близь с. Собакина, на Пьянѣ близь с. Борнукова [3]).

Составленная г.г. Проскуряковымъ и Розановымъ археологическая карта Тамбовской губерніи представляетъ слѣдующія данныя относительно ея сѣверныхъ уѣздовъ. Въ Спасскомъ уѣздѣ, по словамъ объяснительной записки, въ 8 верстахъ отъ с. Виндреевскаго завода въ казенномъ лѣсу на р. Ашилья (?!) Ошлей (ош-гя) имѣется окруженный валомъ городокъ („Кудеяровъ"); такой-же Кудеяровъ городокъ находится близь дер. Жуковки на правомъ берегу р. Вадъ; по той-же рѣкѣ имѣются два городка близь дер. Голышовки Ачадовской волости—оба Мордвой приписываются Кудеяру; въ Темниковскомъ—городище близь д. Итяковой; въ Шацкомъ—городище близь с. Кермисина волости того-же названія, городище близь д. Воронцовки Новиновской волости, въ той-же волости другое городище близь с. Носинъ, Пеньковское городище между городомъ Шацкомъ и селомъ Большимъ Проломомъ, городище на Цнѣ между селами Желаннымъ и Ялтуновымъ, городище Ширингушское около села того-же названія (приписывается населеніемъ Мордовскому князьку) [4]). Кромѣ этихъ нанесенныхъ на карту памятниковъ слѣдуетъ упомянуть въ Тамбовскомъ уѣздѣ пріобрѣтшій благодаря г. Аспелину капитальное значе-

[1]) Изв. М. О. Е. А. и Э. т. XXVII; 361—362.
[2]) Ibid. XXXI, 31.
[3]) Рус. Вѣст. XLIX, 505.
[4]) Изв. Тамб. Арх. Ком. Вып. XXVI, 34—55.

ніе въ археологіи Угро-Финскаго міра, могильникъ близь станціи Ляда[1]). Въ Пензенской губерніи по свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Петерсономъ, памятниковъ старины—городищъ, могильниковъ, кургановъ—имѣется весьма значительное количество. Самые значительные могильники находятся въ Краснослободскомъ уѣздѣ: 1) кладбище въ мѣщанскомъ лѣсу въ 5 верстахъ отъ города—занимаетъ площадь въ 1 версту въ длину и ½ версты въ ширину съ множествомъ малозамѣтныхъ могилъ; близь него четыре пустыхъ кургана окопанныхъ рвами и ямы—(калмы), 2) кладбище въ 3-хъ верстахъ при дер. Зубаревѣ, „курганъ" близь села Ефаева, курганъ при селѣ Кангушахъ. Кромѣ того близь села Рыбкина имѣется древнее кладбище съ возвышеніями въ видѣ маленькихъ кургановъ, описанное Ауповскимъ и Терехинымъ[2]). Бѣляевъ въ своей статьѣ „Краснослободская старина" упоминаетъ еще древнее кладбище близь с. Парки (?) [3]). Въ Инсарскомъ уѣздѣ—два кургана близь д. Аргамаковки, древняя могила при с. Адишевѣ (Исса), древняя могила при с. Паевѣ (Паевкѣ?); въ Саранскомъ уѣздѣ четыре кургана при с. Атемаръ, въ Городищенскомъ уѣздѣ два кургана близь с. Селиксы, два въ селѣ Чемодановкѣ, за с. Катмисомъ имѣется въ полѣ большой курганъ съ ямой на срединѣ; по преданію на немъ въ старину рѣзали быковъ [4]); въ Нижнеломовскомъ уѣздѣ курганы близь селъ Кевды-Мельситовой и Андреевки, двѣ древнія могилы около села Голицына, два кургана близь с. Порошина, при Пѣшей Слободѣ могильныя ямы на мѣстѣ называемомъ калмы, курганы при д. Кургановкѣ и селѣ Александровкѣ; въ Наровчатскомъ уѣздѣ до 14 кургановъ близь города Наровчата и одинъ близь села Шигаева; въ Пензенскомъ уѣздѣ „Котлинскіе мары" близь г. Пензы, „Яндовинскіе мары" близь с. Рамзая, семь кургановъ въ Еланскомъ обществѣ, древнія могилы при с. Черн-

[1]) Antiquités du Nord. III, 179—192. Опись Т. И. М. 6.
[2]) Памят. кн. Симб. губ. на 1869 г. 92. Пенз. Губ. В. 1890, № 272.
[3]) Пенз. Епарх. Вѣд. 1874, № 13.
[4]) Пенз. Г. В 1867, № 39.

цовкѣ на берегу р. Пензятки—на полутора десятинахъ; въ Мокшанскомъ уѣздѣ 6 маровъ на земляхъ села Богородскаго. Списокъ этотъ можно дополнить относительно Инсарскаго уѣзда марами близь села Болдова [1]), маромъ близь с. Шадымъ и описанными г. Кожевниковымъ марами близь селъ Пшенева, Палаевки [2]), относительно Нижне-Ломовскаго—курганами у с. Головинщины [3]), относительно Мокшанскаго—марами близь деревень Н. Степановки и Маровки въ приходѣ с. Степановки [4]). Городища г. Петерсонъ упоминаетъ въ Краснослободскомъ уѣздѣ при с.с. Дѣвичьемъ рукавѣ, Каньгушахъ, Мамалаевѣ; въ Саранскомъ у. городки близь с. Атемара, насыпь близь с. Салмы; въ Городищенскомъ уѣздѣ городки близь г. Городища и с. Селиксы, городище близь с. Вышелей, городокъ близь д. Екатериновки, три городка въ урочищѣ Сундровскій Врагъ близь с. Павловскаго; въ Наровчатскомъ уѣздѣ признаки городища на Ю. З. отъ уѣзднаго города, городокъ въ 3 верстахъ отъ с. Шадымскаго Майдана, городище въ самомъ селѣ Ш. М., городокъ въ полуверстѣ отъ села Кириклеевскій Майданъ, городокъ въ лѣсу въ 2-хъ верстахъ отъ Сκановой пустыни; въ Керенскомъ уѣздѣ въ 6 верстахъ отъ села Ушинки въ урочищѣ „Лысая Гора"—ровъ, около д. Фелицатовки—городище, около д. Пеньковъ—городокъ, противъ д. Свищевой на урочищѣ „Кладовая Гора"—городокъ; въ томъ-же уѣздѣ курганы въ Мало-Буртасской волости по дорогѣ къ селу Салтыкову, при селѣ Поливановѣ-Дмитріевскомъ.

Въ литературѣ относительно Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерній встрѣчается кромѣ того нѣсколько любопытныхъ указаній относительно находокъ. Въ Мокшанскомъ и Саранскомъ уѣздахъ по извѣстіямъ отъ 1846 г. находили римскія монеты первыхъ вѣковъ нашей эры [5])

---

1) Шевелевичъ. Село Болдово. Пенз. Г. В. 1890, № 227.
2) Изв. О. А. И. Э. 1892. в. 1.
3) Пенз. Еп. Вѣд. 1885, № 4.
4) Пенз. Еп. Вѣд. 1885, № 8.
5) Пенз. Губ. Вѣд. 1846, 40.

и болѣе поздніе арабскія; подобныя-же находки имѣли мѣсто въ 1876 г.: найдены были монеты Траяна, Адріана, М. Аврелія, Веспасіана, Тита, Антонина Пія [1]). Въ курганахъ, расположенныхъ въ „мѣщанскомъ лѣсу" близъ г. Краснослободска были найдены цѣпочки, привѣски съ колокольчиками, браслеты, шейные обручи изъ бронзы, желѣзныя сѣкиры, ножи древней формы, каменныя бусы, глиняная посуда грубой отдѣлки [2]). Въ полѣ села Б. Ижмаровъ Керенскаго уѣзда найденъ былъ кладъ изъ мелкихъ монетъ съ татарскими надписями. Въ Нижне-Ломовскомъ уѣздѣ близъ села Головинщины также найденъ былъ кладъ изъ серебряныхъ денегъ „угловатой или продолговатой формы съ татарскими надписями и фигурами въ видѣ полушарія, звѣздочки и клѣтки" [3]). Монеты булгарскія были найдены кромѣ того въ селѣ Низовкѣ Нижнелом. уѣзда. Около села Ожги Инсарскаго уѣзда въ 1882 г. найдены были каменныя орудія—молотки, стрѣлы [4]). Въ Тамбовской губерніи въ курганахъ, расположенныхъ въ долинѣ р. Савалы противъ села Бурнака, обнаружены были скелеты людей, лошадиныя кости, черепки—въ каждомъ курганѣ по одному скелету (самый большой курганъ носитъ названіе „Княжого" [5]). Въ Симбирской губерніи въ Сызранскомъ у. находимы были осколки каменныхъ орудій, бронзовый (?) наконечникъ стрѣлы, черепки, золотоордынскія монеты. По словамъ Э. Д. Пельцама близъ самаго г. Сызрана имѣются холмы, которые можно считать за курганы; ихъ приписываютъ какой-то кочевой ордѣ [6]).

Самая незначительная часть этихъ памятниковъ древности изслѣдована. О древнемъ Нижегородскомъ могильникѣ мы имѣемъ свѣдѣнія изъ сообщеній А. С. Гацисскаго и Нефедова

[1]) Пенз. Губ. Вѣд. 1876.
[2]) Пенз. Губ. Вѣд. 1887, № 161.
[3]) Пенз. Губ. Вѣд. ibid.
[4]) Пенз. Губ. Вѣд. 1882,
[5]) Тамб. Губ. Вѣд. 1859, 42.
[6]) Изв. М. О. Е. А. и Э. XXXI, 116, 156.

комитету Московской антропологической выставки 1879 г.[1]) и замѣчанія покойнаго Майнова въ его книгѣ „Les restes de la mythologie mordwine". Могильникъ обнаруженъ 4 іюня 1877 г. въ центрѣ города подъ бывшимъ православнымъ кладбищемъ у Покровской церкви, при выемкѣ земли для фундамента, на глубинѣ 3-хъ саженъ. По сообщенію г. Гацисскаго въ немъ найдены во множествѣ человѣческія кости вмѣстѣ съ лошадиными и бараньими; скелеты были обращены лицомъ къ З. Майновъ касается своихъ раскопокъ мимоходомъ при изложеніи данныхъ Ауновскаго. По его словамъ онъ нашелъ въ Нижнемъ точь въ точь тоже, что Ауновскій въ Рыбкинскомъ могильникѣ [2]).

О „мордовскомъ могильникѣ" въ 6 верстахъ отъ Касимова у дер. Поповки сообщаетъ раскапывавшій его г. Нефедовъ[3]). Край, въ которомъ находится могильникъ, у народа носитъ названіе „Мещерскаго", но народъ говоритъ, какъ о бывшихъ насельникахъ края, и о Мордвѣ-Эрзѣ. Г. Нефедовъ раскопалъ здѣсь 63 кургана и вотъ результаты, къ которымъ онъ пришелъ: могильникъ начинается отъ большого столбищенскаго кургана на лѣвомъ берегу Оки и состоитъ изъ круглыхъ срѣзанныхъ на вершинѣ кургановъ вышиною отъ 2 до 9 арш. Скелеты найдены лежащими въ вытянутомъ или утробномъ положеніи на материкѣ—въ 13 случаяхъ изъ 39 головой на З., лицомъ къ С. или С. В., въ 5 курганахъ покойники отмѣчаются лицомъ къ С. В. безъ обозначенія положенія головы, въ двухъ лицомъ на С. З., въ двухъ лицомъ къ С.; въ 6 покойникъ лежалъ головой на С., въ 5 на С. В., въ двухъ головой на Ю. и въ двухъ на Ю. З. Разная оріентація скелетовъ какъ будто указываетъ на смѣшанный составъ населенія, которому принадлежало кладбище. Въ большей части курга-

[1]) Изв. М. О. Е. А. и Э. XXXI, 30.

[2]) Jour. de la Soc. Fin. Ougr. V, 80.

[3]) Изв. И. М. О. Е. А. и Э. XI, 60.

новъ въ ногахъ найдены горшокъ съ пепломъ и угли; въ нѣсколькихъ случаяхъ—кости животнаго.

Въ Нижегородской губерніи раскопки производили П. Д. Дружкинъ, Даль и Мельниковъ. Г. Дружкинъ раскапывалъ курганы 1) близь дер. Баранниковой Макарьевскаго у. на правомъ берегу Волги, 2) въ Княгининскомъ у. Раскопки перваго кургана дали въ виду замѣтной неопытности производившаго ихъ лица недостаточно опредѣленные результаты: курганная насыпь состоитъ изъ 14 слоевъ, въ которыхъ встрѣчаются между прочимъ угли, мелкій „толченый“ кирпичъ, черепки, зола, кости животныхъ (клыкъ); при раскопкѣ найдены рубчатые и узорчатые черепки (безъ обозначенія гдѣ и въ какомъ положеніи)—конскіе костяки и зубы, различныя (?) кости, угли, глиняный горшечекъ, ножичекъ; около кургана бронзовая пряжка. Интереснѣе этихъ результатовъ раскопки сообщеніе г. Дружкина, что крестьяне д. Баранниковой вырывали при своихъ постройкахъ скелеты въ сидячемъ положеніи, а иногда отдѣльные черепа, что встрѣчалось и при какихъ-то другихъ раскопкахъ г. Дружкина[1]). Въ Княгинскомъ уѣздѣ на низменности по теченію р. Пьяны г. Дружкинъ раскопалъ изъ 4-хъ кургановъ два. Одинъ имѣлъ въ окружности 10 с. и 2 арш. въ діаметрѣ 4 сажени. Раскопками была обнаружена вырытая въ материкѣ яма на подобіе ванны глубиною въ 3/4 арш., въ которой находились человѣческія и конскія кости, двѣ желѣзныхъ пряжки и бронзовая пряжечка, называемая по мордовски „сюгамо“. Въ другомъ курганѣ (14 саж. 2 арш. въ окружности, 5 с. 1 арш. въ діаметрѣ) найдены два костяка; при одномъ мѣдный кошелекъ, деревянная ложка, копье на подобіе долота (?), конскія кости; одинъ черепъ лежалъ на В., другой на З.; серебряные перстни, браслетъ, на груди одного костяка бронзовая пряжка—сюгамо, угли. Въ одномъ изъ этихъ кургановъ по мѣстному преданію погребенъ татарскій князь Чамба. На самомъ большомъ

[1]) Изв. И. М. О. Е. А. и Э. XXVII, 359.

курганѣ мѣстные жители въ Троицынъ день собирались водить хороводы. Это называлось „ёкать на татарскомъ кладбищѣ [1])“.

Одинъ изъ маровъ при селѣ Спасскомъ Арзамасскаго уѣзда раскопанъ дѣтьми мѣстнаго землевладѣльца Барона Розена, но при раскопкахъ не найдено ничего [2]). Въ городкѣ близь д. Касьяновой находили мордовскія ожерелья [3]). При раскопкѣ сопокъ близь с. Звѣрева и д. Саблуковой найденъ былъ (Л. В. Далемъ?) горшокъ съ пепломъ и углемъ [4]). Въ Тамбовской губерніи археологическія изслѣдованія производились всего въ двухъ пунктахъ—Ширингушское городище описано предсѣдателемъ мѣстной архивной коммиссіи И. И. Дубасовымъ, Лядинскій могильникъ членами той же коммиссіи Н. В. Ястребовымъ и П. И. Пискаревымъ, которые производили на немъ раскопки. Результаты перваго изслѣдованія опубликованы въ Тамб. Губ. Вѣдом. за 1880, № 28, 29 и въ 4-мъ выпускѣ „Очерковъ изъ исторіи Тамбовскаго края“ И. И. Дубасова. Ширингушское городище, по словамъ изслѣдователя, представляетъ массу кирпича и камней. Старики помнятъ подвалы хоромъ, выложенные камнемъ. На городищѣ находили жернова, мѣдную посуду, горшки, копья, топоры, каменные молотки. Лядинскій могильникъ былъ впервые обнаруженъ въ 1868 г. при постройкѣ Саратовско-Тамбовской желѣзной дороги. На пространствѣ почти 100 саженъ 18-ой версты отъ Тамбова рабочіе находили разные древніе предметы. Часть найденныхъ при этомъ вещей (цѣнныя) была продана рабочими подрядчику земляныхъ работъ Шарнелю и другимъ любителямъ старины [5]). Съ коллекціей этихъ находокъ познакомился извѣстный финляндскій археологъ Аспелинъ и она послужила ему матеріаломъ для характеристики „мордовско-муромскаго желѣзнаго“

[1]) Изв. М. О. Е. А. и Э. XXVII, 359.
[2]) Ibid. 361.
[3]) Ibid. 363.
[4]) Ibid.
[5]) Изв. Тамб. Арх. Ком. XXV, 6.

вѣка. Въ 80-хъ годахъ, когда основана была Тамбовская Архивная Коммиссія, нетронутая (?) часть могильника была подвергнута научной раскопкѣ. Въ 1887 г. Н. В. Ястребовъ вскрылъ около 150 могилъ и вещи отослалъ въ центральную Археологическую Коммиссію. Вещи эти до настоящаго времени, повидимому, еще не разобраны, а докладъ изслѣдователя не изданъ. Изъ составленной П. А. Дьяконовымъ описи предметовъ Тамбовскаго Историческаго Музея мы получаемъ весьма неопредѣленныя свѣдѣнія о томъ, какъ производились раскопки и къ какимъ научнымъ результатамъ онѣ привели. „Основываясь на извѣстныхъ данныхъ (?), г. Ястребовъ полагаетъ, что большинство вскрытыхъ могилъ содержали останки покойниковъ, просто зарытыхъ въ землю; меньшая часть заключала вполнѣ или лишь отчасти сожженныя кости. Скелеты найдены лежащими на спинѣ головой къ С., ногами къ Ю.; при этомъ кости рукъ на лобовыхъ костяхъ. На скелетахъ сохранились бронзовыя и мѣдныя украшенія: пряжки, запястья, кольца, серьги; около нихъ желѣзныя орудія — ножи, молотки, а въ головахъ (въ большинствѣ случаевъ) два поставленныхъ рядомъ горшка. На тазовыхъ костяхъ нѣкоторыхъ скелетовъ сохранились остатки тканей... Г. Дьяконовъ, вѣроятно со словъ изслѣдователя, прибавляетъ къ этимъ немногимъ даннымъ „Лядинскій могильникъ—инородческій, вѣроятно, Мещерскій и есть основанія относить его къ временамъ Татарщины" [1]).

Изъ пензенскихъ доисторическихъ пунктовъ описаны болѣе или менѣе вразумительно могильникъ близъ с. Рыбкина и „Ефаевскій курганъ". Относительно перваго пункта г. Ауновскій даетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія: „въ путешествіе по Краснослободскому уѣзду мнѣ привелось около с. Рыбкина натолкнуться на глубоко-песчаную мѣстность съ возвышеніями на подобіе небольшихъ кургановъ. Въ разрываемыхъ возвышеніяхъ попадались разнообразной формы и съ различными украшеніями глиняныя издѣлія, фундаментомъ выложенные

[1]) Опись Тамб. Ист. Музея. 6.

кирпичи, множество углей и полуобгорѣлыхъ древесныхъ кусковъ. На ровной песчаной мѣстности валялись человѣческія кости. Въ разрытомъ пескѣ и равномѣрно снимаемомъ песчано-глинистомъ грунтѣ, лежащемъ подъ нимъ, ясно видны были очертанія гробовъ, напоминавшихъ выдолбленные древесные пни, а въ нихъ полные скелеты, но уже рыхлые, потемнѣвшіе и весьма легко распадавшіеся. На частяхъ скелета, соотвѣтствующихъ шеѣ, были украшенія изъ ужовокъ и разноцвѣтныхъ стеколъ, нанизанныхъ на металлическія нити; части грудную и поясную украшали 3-хъ и 4-хъ угольныя мѣдныя бляхи. По бокамъ скелетовъ нерѣдко попадались металлическія (?) и кремнистыя копья, какъ доспѣхи умершихъ воиновъ. Одежды вовсе не было замѣтно, только подъ нѣкоторыми скелетами уцѣлѣли остатки войлока. При внимательномъ отысканіи денегъ нашлись только двѣ маленькія весьма измѣненныя и трудно опредѣлимыя мѣдныя монеты, формы удлиненной и съ отверстіями около одного конца. Откопанные женскіе скелеты рѣшительно всѣ свидѣтельствуютъ о большомъ уваженіи женской косы. Каждая коса была навита на деревянную палку и сверхъ круто обмотана мѣдной проволокой; оттого-то во многихъ экземплярахъ превосходно сохранилась значительная часть волосъ изъ косъ. Кладбище тянулось почти на двѣ версты и раздѣлялось на двѣ половины—мужскую и женскую. Всѣ трупы были обращены головами къ югу... Курганы, вѣроятно, служили для жертвоприношеній“ [1]).

О древнемъ могильникѣ, находящемся на отрогѣ „Шаверской крутой горы“ и извѣстномъ подъ именемъ „Ефаевскаго кургана“ кое-какія свѣдѣнія сообщаетъ членъ Пензенскаго Статистическаго Комитета Терехинъ. Почти ежегодно, по его словамъ, во время весенняго половодья при размывкѣ водой Ефаевскаго кургана мѣстные крестьяне находили человѣческіе остовы, кости животныхъ, конскую сбрую, желѣзныя сѣкиры (въ видѣ топорика съ небольшой полукруглой выемкой съ зад-

[1]) Пам. Кн. Симб. губ. на 1869 г. стр. 92.

ней стороны), бронзовые шейные обручи, серьги, брошки, ожерелья, золотые браслеты и монеты. Всѣ эти находки пропадали и пропадаютъ безслѣдно и безплодно для науки [1]).

Въ Симбирской губерніи единственнымъ изслѣдованнымъ памятникомъ старины является могильникъ по берегу р. Усы близь села Муранокъ въ 30 верстахъ отъ г. Сызрана. Могильникъ этотъ обнаруженъ въ 1886 г. благодаря выемкамъ земли, которыя дѣлались на немъ для плотины. Первое сообщеніе о немъ на основаніи собранія находокъ, составленнаго А. В. Толстымъ, было сдѣлано на VIII археологическомъ съѣздѣ В. Н. Поливановымъ [2]). Въ іюнѣ 1890 г. г. Поливановъ съ разрѣшенія Императорской Археологической Коммиссіи произвелъ на этомъ могильникѣ раскопки. На небольшой глубинѣ 16—18 вершковъ были обнаружены долбленые гроба въ видѣ колодъ. Костяки были положены въ этихъ гробахъ на правомъ боку, лицевой стороной къ В. или къ Ю. З. При нѣкоторыхъ скелетахъ въ ногахъ были найдены горшки изъ красной обожженной глины. Изъ вещей встрѣчались бусы, ножи, серебрянныя подвѣски (сустуги?), кольца, пряжки, ожерелья изъ раковинъ, куски ткани, кожаная обувь, куски войлока, глиняныя напрясла. Въ одномъ случаѣ былъ найденъ на гробницѣ горшокъ съ птичьей костью, въ другомъ необожженый горшокъ въ правомъ углу сверхъ гробницы. Изслѣдователь, не справившись съ литературой, придаетъ значеніе unicum убранству женской косы, на самомъ дѣлѣ совершенно тожественному съ тѣмъ, которое встрѣчено Ауновскимъ на Рыбкинскомъ могильникѣ. Относительно вещей, встрѣченныхъ въ могилахъ, г. Поливановъ замѣчаетъ, что онѣ частію сходны съ булгарскими, частію съ мерянскими. О положеніи подвѣсокъ по отношенію къ костяку сообщается, что подвѣски съ пряжками попадаются возлѣ пояса; монетъ въ могилахъ не встрѣчено. Относительно горшковъ мы встрѣчаемъ въ резюмэ сообщеніе, что они

[1]) Пенз. Губ. Вѣд. 1890, № 272.

[2]) Занятія VIII арх. съѣзда. Стр. 37—40. М. 1890.

помѣщаются различно—въ головахъ или ногахъ усопшаго. Для опредѣленія принадлежности могильника существенное значеніе можетъ имѣть 1) нахожденіе на могильникѣ надгробной плиты съ арабской надписью, 2) присутствіе на противоположномъ берегу р. Усы слѣдовъ обширнаго поселенія съ развалинами башни, сложенной подобно нашимъ булгарскимъ постройкамъ изъ камня на извести (цементѣ?), съ почвой, усѣянной обломками глиняной посуды, желѣзной гари, кусками кирпича. Въ описи вещей упоминается горшокъ съ костями—безъ обозначенія, кому онѣ принадлежатъ [1]).

Разбираясь среди скудныхъ данныхъ, которыя предлагаютъ намъ относительно края археологическія изслѣдованія, мы можемъ констатировать на изучаемой территоріи отсутствіе единства по отношенію къ существеннымъ элементамъ погребальнаго обряда—скелетъ оказывается въ одномъ случаѣ въ сидячемъ положеніи, въ другомъ—положеннымъ на спину, въ третьемъ на бокъ—въ направленіи то съ Ю. на С., то съ З. на В. Умершій или сожигается, или полагается въ землю,—въ яму, вырытую въ материкѣ, или на поверхность его; надъ погребеннымъ или насыпается курганъ, или могила не возвышается надъ уровнемъ поверхности; могильники расположены то на низменностяхъ, то на склонахъ горъ; съ костями человѣка встрѣчаются въ однихъ могилахъ кости животныхъ, въ другихъ—горшки, въ третьихъ—только принадлежности костюма. Рядомъ съ этими чертами различія мы наблюдаемъ кое-гдѣ и черты сходства—косы, сохранившіяся напр. въ Муранскомъ могильникѣ, оказываются убранными совершенно одинаково съ косами изъ могильника Рыбкинскаго. Можетъ-ли этотъ скудный, недостаточно выясненный, но пестрый матеріалъ дать намъ основанія для рѣшенія вопроса о древнихъ обитателяхъ края? Все-ли среди перечисленныхъ памятниковъ старины принадлежитъ Мордвѣ?

Въ 1878 г. когда кое-какія свѣдѣнія существовали только относительно вещей, добытыхъ изъ Лядинскаго могильника,

[1]) Изв. М. О. Е. А. Э. т. LXXI, вып. 2, 83—88.

Аспелинъ нашелъ возможнымъ въ третьемъ выпускѣ своихъ „Antiquités du Nord Finno-Ougrien“ 1) отнести лядинскія находки къ остаткамъ древне-мордовской культуры, 2) слить эту культуру на основаніи сходства находокъ воедино съ культурой Муромы (вещами, найденными близь Мурома). Основаніемъ для перваго опредѣленія послужили данныя относительно обитателей береговъ Цны въ историческую эпоху. О Муромѣ г. Аспелинъ коротко заявляетъ, что онъ не знаетъ историческихъ резоновъ, въ силу которыхъ изъ нея можно было-бы дѣлать особый народъ. Теорію г. Аспелина лучше всего, конечно, было-бы провѣрить на основаніи сравнительнаго изученія данныхъ, добытыхъ изъ могильниковъ обоихъ народовъ, но этотъ способъ оказывается къ сожалѣнію до настоящаго времени невозможнымъ. Относительно формъ погребенія въ Муромскомъ краѣ можно судить только по двумъ разрозненнымъ фактамъ, занесеннымъ въ литературу: на бугрѣ близь дер. Волосовой на небольшой глубинѣ найдены пять горшковъ, наполненныхъ до верху углями; возлѣ малаго Селищенскаго бора обнаруженъ былъ остовъ человѣка, лежавшій головой на В., ногами на З. [1]), но мы не имѣемъ никакихъ основаній для того, чтобы считать оба факта отдѣльными элементами одного погребальнаго обряда. Начиная съ каменнаго вѣка—можетъ быть даже палеолитической его эпохи, когда было положено начало заселенію Муромскаго края, до времени, къ которому восходятъ воспоминанія мѣстнаго русскаго населенія, въ его почвѣ оставили свои слѣды, кромѣ Муромы, Литва, о которой говорятъ народныя преданія, и Мордва, имя которой сохранилось въ названіяхъ урочищъ. Свидѣтельства писаной исторіи говорятъ скорѣе противъ, чѣмъ за теорію Аспелина: „Мурома свой языкъ“—говоритъ нашъ первоначальный лѣтописецъ. Сходство вещей муромскихъ и лядинскихъ безспорно, но оно говоритъ столько же за общій источникъ заимствованія, сколько за единство національности — и даже больше, такъ какъ именно вещи одинаковыя у предпо-

[1]) Изв. М. О. Е. А. Э. т. XXXI, 112.

лагаемыхъ Мордвы и Муромы оказываются тожественными съ вещами литовскими (металлическія ожерелья съ цилиндрическими подвѣсками).

Оставляя подъ сомнѣніемъ до накопленія новыхъ данныхъ вопросъ о тождествѣ Муромы и Мордвы, мы обращаемся къ тѣмъ соображеніямъ, въ силу которыхъ г. Аспелинъ считаетъ Лядинскій могильникъ мордовскимъ. Почтенный археологъ основываетъ свое рѣшеніе на историческихъ извѣстіяхъ о древнихъ обитателяхъ Цнинскаго бассейна. Мордва, конечно, жила по Цнѣ, но Цна же съ ея притоками была путемъ, по которому распространялась по Тамбовской и Пензенской губерніи Мещера, вытѣсняемая изъ Рязанской губерніи русской колонизаціей. Сюда - же могли доходить своими поселеніями Буртасы и, несомнѣнно, доходили Татары. Вопросъ о народности, которой принадлежалъ Лядинскій могильникъ, можетъ быть рѣшенъ только сравнительнымъ изученіемъ лядинскаго погребальнаго ритуала съ ритуаломъ мещерскимъ, мордовскимъ, буртасскимъ и древне-татарскимъ — насколько первый намъ извѣстенъ по раскопкамъ, второй по современнымъ даннымъ, третій по извѣстіямъ Арабовъ и даннымъ археологіи южнаго Поволжья и четвертый по извѣстіямъ западныхъ путешественниковъ XIII в.

Одинъ изъ изслѣдователей Лядинскаго могильника — г. Ястребовъ предполагаетъ, что могильникъ принадлежитъ Мещерѣ. Мы не знаемъ основаній, на которыя опирается его гипотеза, но можемъ провѣрить ее, сопоставивши добытые г. Ястребовымъ результаты съ тѣми, къ которымъ пришелъ Ф. Д. Нефедовъ при раскопкахъ Парахинскихъ кургановъ. Курганы эти находятся въ краѣ, до сихъ поръ сохранившемъ названіе Мещерскаго, и приписываются народомъ Мещерѣ, хотя у иныхъ называются и татарскими могилищами [1]). Сопоставляя формы погребенія изъ обоихъ могильниковъ, мы находимъ, что 1) въ Лядинскомъ могильникѣ усопшій погребал-

[1]) Изв. М. О. Е. А. Э. т. XXXI, 58.

ся въ ямѣ, вырытой въ материкѣ; Парахинская Мещера клала своего покойника на материкѣ и насыпала на него курганъ, 2) въ Лядинскомъ могильникѣ усопшій полагался головой къ С. ногами къ Ю., въ Парахинскихъ курганахъ головой къ З. или Ю. З. ногами къ В. или С. В. съ лицомъ обращеннымъ къ С. З.; 3) въ Лядинскомъ могильникѣ въ головахъ помѣщаются два горшка, въ Парахинскихъ курганахъ горшки помѣщаются въ ногахъ—иногда съ лѣвой стороны—и рядомъ съ ними угли, 4) въ Лядинскомъ могильникѣ усопшіе погребались, повидимому, одиночно; у Парахинской Мещеры встрѣчаются семейные курганы, 5) въ Лядинскомъ могильникѣ предположено трупосожженіе; въ Парахинскихъ курганахъ не обнаружено никакихъ слѣдовъ его, хотя въ сосѣднемъ Бабенскомъ курганѣ г. Нефедовъ нашелъ вполнѣ ясные его признаки.

Нѣкоторое различіе въ обоихъ погребальныхъ обрядахъ не даетъ намъ права признать ихъ принадлежащими одной и той-же народности. Продолжимъ поэтому наше сравнительное изслѣдованіе и сопоставимъ Лядинскій могильникъ съ старыми мордовскими могильниками. Въ этомъ фазисѣ изслѣдованіе облегчается. Мы имѣемъ уже возможность рѣшить, по какимъ признакамъ можно признать древній могильникъ мордовскимъ. Несомнѣнно мордовскими всякій сочтетъ, конечно, тѣ изъ древнихъ кладбищъ, которыя мѣстная Мордва считаетъ принадлежащими своимъ предкамъ и на которыхъ она совершаетъ въ честь этихъ послѣднихъ жертвоприношенія. Но далеко не всѣ древніе могильники края обладаютъ такимъ яснымъ свидѣтельствомъ происхожденія: мордовскіе могильники могутъ оказаться въ мѣстности, занятой нынѣ исключительно русскимъ населеніемъ, и здѣсь нужны уже какіе нибудь другіе признаки, чтобы признать ихъ принадлежащими именно Мордвѣ. Къ числу достаточно вѣрныхъ признаковъ относятся названія могильника или кургана. Встрѣчая въ Нижнеломовскомъ уѣздѣ могилы, которыя въ устахъ чисто русскаго населенія носятъ мордовское названіе „калмы“, мы съ значительнымъ основаніемъ имѣемъ право предположить, что эти могилы

принадлежатъ или вытѣсненной, или совершенно обрусѣвшей Мордвѣ. Тотъ-же выводъ, но уже съ большей осторожностью, мы можемъ сдѣлать относительно кургановъ въ томъ случаѣ, когда они носятъ мордовское названіе маръ (куча). Въ виду того что курганы носятъ въ одной губерніи различныя названія—въ Балахн. уѣздѣ панки, въ Васил. сопки, въ Арзамас. шишки, въ Арз., Лук., Ард. мары, мы можемъ на первый разъ сдѣлать предположеніе, что въ мѣстности, гдѣ курганы называются марами нѣкогда жила Мордва; отсюда уже будетъ вытекать нѣкоторая вѣроятность для признанія ихъ мордовскими. Вѣроятность эта увеличится, если мы будемъ знать, что Мордва, въ настоящее время не насыпающая надъ своими усопшими кургановъ, когда-то насыпала ихъ—а на этотъ счетъ у насъ имѣются положительныя доказательства въ указаніяхъ исторіи и современныхъ поминальныхъ обычаяхъ Мордвы. Въ I т. изданныхъ Академіей Наукъ „Актовъ Московскаго Государства напечатана относящаяся къ 1629 г. „отписка алатырскаго воеводы о розыскѣ про съѣздъ Мордвы и Черемисъ Алатырскаго уѣзда въ дер. Чукалѣхъ“. Розыскъ былъ возбужденъ по поводу того, что собравшіеся для жертвоприношенія инородцы стрѣляли по проѣзжавшимъ мимо русскимъ людямъ. Въ „отпискѣ“ приводятся въ высшей степени важныя для нашего вопроса „распросныя рѣчи“.

„Деревни Игнатовы мордвинъ Андрюшка Игнатовъ сказалъ по своей вѣрѣ, по шерти за себя и за своихъ товарищей, за всю деревню: въ прошломъ 13? г. послѣ Великодня на семикъ былъ де онъ въ деревнѣ Новыхъ Чукалѣхъ у мордвина у Соваика Мечасова и въ тотъ де день была деревни Старыхъ и Новыхъ Чукалъ у Мордвы предъ ихъ родителями мольба, по вѣрѣ осыпали землею маръ... была де такая мольба напередъ сего лѣтъ съ пятьдесятъ и больше... а русскіе всякіе люди тутъ пріѣзжали и смотрѣли, какъ они по своей вѣрѣ землею мары осыпали... Деревни Старыхъ Чукалъ Мордвинъ Сустатъ Секшеневъ за себя и за своихъ товарищей и за всю деревню по своей вѣрѣ

по шерти сказалъ: въ прошломъ-де 137 г. послѣ Великодня на седьмой недѣлѣ въ четвергъ была де у нихъ мольба у пяти деревень по своей вѣрѣ, какъ де ихъ дѣды и отцы напередъ сего дѣлали, осыпали землей мары... а лошади и коровы рѣзали свои по своей вѣрѣ на ту мольбу... а какъ де они по своей вѣрѣ дѣлали, засыпали землей мары, и въ тѣ де поры пріѣзжали смотрѣть многіе всякіе русскіе люди...“ [1]).

Данныя, заключающіяся въ приведенной отпискѣ, допускаютъ два толкованія—въ зависимости отъ того, будемъ ли мы придавать рѣшающее значеніе тому мѣсту документа, гдѣ слово маръ употребляется въ единственномъ числѣ, или тѣмъ, гдѣ оно употребляется во множественномъ. Въ первомъ случаѣ мы должны будемъ предположить, что при мордовскихъ кладбищахъ существовали отдѣльные курганы, которые отъ времени до времени осыпались землей; во второмъ—что надъ каждымъ усопшимъ воздвигался курганъ, который потомки считали своей обязанностью поддерживать, насыпая на него землю. Въ томъ и другомъ случаѣ существованіе въ мордовскомъ краѣ маровъ-кургановъ, пользовавшихся религіознымъ уваженіемъ народа въ силу ихъ отношеній къ усопшимъ предкамъ, представляется несомнѣннымъ. Которое изъ двухъ предположеній ближе къ истинѣ, будетъ рѣшено впослѣдствіи на основаніи болѣе близкихъ къ нашему времени данныхъ. Въ пользу того, что Мордва нѣкогда практиковала курганное погребеніе, говорятъ извѣстія изъ той же Нижегородской губерніи. А. Ѳ. Можаровскій въ статьѣ о селѣ Лобаскахъ Сергачскаго у. говоритъ: „мѣсто древняго мордовскаго кладбища и до сихъ поръ въ Лобаскахъ можно признать по высокимъ насыпямъ, похожимъ на курганы, холмы и пригорки“ [2]). Одинокіе курганы, пользующіеся религіознымъ почтеніемъ Мордвы, встрѣчаются нерѣдко въ предѣлахъ Пензенской губерніи. Въ I вып. „Извѣстій“ за

[1]) Акты Г-ва Росс. т. I, 296—297. М. 1890.
[2]) Ниж. Е. Вѣд. 1887. № 14, стр. 729.

1892 г. помѣщено сообщеніе П. И. Кожевникова о марѣ близь стараго мордовскаго кладбища у села Палаевки. Около этого мара въ старину хоронили покойниковъ; о значеніи его можно догадываться по тому, что Мордва и нынѣ ходитъ къ нему во время бѣдствій просить помощи у покойниковъ. О другомъ такомъ марѣ (близь Катмиса) сообщается, что на немъ нѣкогда кололи въ жертву быковъ. Изслѣдованіе могильниковъ, обладающихъ такими безспорными признаками мордовскаго происхожденія, едва еще начато и по счастію, хотя случайно, но весьма цѣлесообразно, съ самыхъ близкихъ къ намъ по времени языческихъ кладбищъ Эрзи и Мокши. Въ 1880 г. по порученію Казанскаго Общества Естествоиспытателей г. Чугуновъ изслѣдовалъ два эрзянскихъ языческихъ кладбища около селъ Атяшева и Шугурова Ардатовскаго у. Симбирской губ. и два мокшанскихъ близь д. Возжей Сандюковской волости Симбирскаго у. Изслѣдованіе показало, что въ XVII в., къ которому могутъ относиться всѣ названные могильники, покойникъ у Мордвы полагался въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ, въ неглубокую могилу, на дно которой былъ настланъ слой бересты, и покрывался сверху досчатымъ гробомъ; у Эрзи голова погребеннаго обращалась къ С., ноги къ Ю., у Мокши наоборотъ. Во всѣхъ могилахъ были встрѣчены около черепа кости птицъ, въ изголовьи нѣсколькихъ скелетовъ толстый глиняный горшокъ.

Отправляясь отъ признаковъ, которые констатированы раскопками этихъ могильниковъ и находятся въ полномъ согласіи съ мордовскими преданіями, мы можемъ признать мордовское и притомъ мокшанское происхожденіе за Рыбкинскимъ могильникомъ, который находится, какъ мы знаемъ, въ центрѣ мокшанскихъ поселеній въ Краснослободскомъ у. Лядинскій могильникъ представляетъ черты, которыя сближаютъ его съ эрзянскими могильниками: положеніе скелетовъ головой къ С. ногами къ Ю., присутствіе въ головахъ скелета двухъ горшковъ. Часть его могилъ можно такимъ образомъ приписать Мордвѣ, но не Мокшѣ, какъ мы должны были-бы ожидать, а Эрзѣ, присутствіе которой въ бассейнѣ Цны представляется загадкой.

Рядомъ съ предполагаемыми мордовскими могилами имѣютъ мѣсто неизвѣстно кому принадлежащія могилы съ трупосожженіемъ. Мы не можемъ ихъ приписывать Мордвѣ, такъ какъ не знаемъ достовѣрно, существовало-ли когда у нея трупосожженіе. Въ своихъ „Les restes de la mythologie mordwine" Майновъ бросилъ мимоходомъ замѣчаніе, что во всѣхъ древнихъ мордовскихъ могильникахъ онъ встрѣчалъ сожженныя кости, но никто не знаетъ, гдѣ и когда производилъ онъ раскопки; кромѣ того онъ-же утверждаетъ, что погребеніе въ древнемъ мордовскомъ могильникѣ въ Нижнемъ тожественно съ погребеніемъ, имѣвшимъ мѣсто въ несомнѣнно мордовскомъ Рыбкинскомъ могильникѣ.

Обращаемся къ третьей народности, которую можно имѣть въ виду при опредѣленіи принадлежности Лядинскаго могильника, — къ Буртасамъ. Арабъ Ибнъ-Дастъ сообщаетъ относительно Буртасовъ, что одни изъ нихъ сожигаютъ покойниковъ, другіе хоронятъ [1]). Этимъ лаконическимъ замѣчаніемъ исчерпывается все, что мы знаемъ относительно ихъ погребальнаго ритуала. Незначительнымъ пока дополненіемъ къ этому скудному матеріалу можетъ служить и то, что мы знаемъ относительно погребальныхъ формъ, которыя констатируются на территоріи, нѣкогда принадлежавшей Буртасамъ — въ предѣлахъ нынѣшней Саратовской губерніи. Площадь губерніи покрыта множествомъ кургановъ, но болѣе или менѣе научнымъ образомъ изслѣдовано изъ этой массы всего около десятка—по линіи Саратовско-Тамбовской желѣзной дороги—въ уѣздахъ Аткарскомъ и Сердобскомъ. Курганы („мары") въ Аткарскомъ уѣздѣ близь с. Б. Дмитріевки при сліяніи р. Латрыка съ Карамышемъ изслѣдовалъ въ 1887 — 88 г. членъ Саратовской Архивной Коммиссіи г. Волковъ. Курганы представляютъ собой оваль, большая ось котораго имѣетъ направленіе съ З. на В. Тоже направленіе имѣютъ и скелеты, причемъ голова оказывается обращенной къ З., лицомъ къ Ю. При скелетахъ около-

[1]) Хвольсонъ. Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ и пр. 21.

головы найдены были горшки въ количествѣ трехъ изъ необожженной глины. Въ пользу предположенія, что эти курганы могли принадлежать Буртасамъ, говоритъ какъ будто то обстоятельство, что среди вещей, которыя были найдены въ нихъ, оказываются фигуры верблюдовъ, а Буртасы, по извѣстію Ибнъ-Даста, въ числѣ домашнихъ животныхъ имѣли и верблюдовъ. Въ Сердобскомъ у. въ верстѣ отъ дер. Сафоновки г. Краснодубровскій, по слѣдамъ кладоискателя крестьянина Дьячина, раскапывалъ такъ называемый „Кудеяровъ Обрывъ“ по теченію Изнайра, притока Хопра. Единственнымъ результатомъ раскопокъ было то, что г. Краснодубровскій обнаружилъ нѣчто въ родѣ склепа, но Дьячинъ съ товарищами раньше нашли въ немъ два костяка, изъ которыхъ одинъ лежалъ головой на З., другой на В.

Рядомъ съ такимъ положеніемъ покойника на той-же линіи отъ Саратова до Тамбова близь самаго Саратова на городищѣ Укека было встрѣчено и положеніе съ С. на Ю. Его констатировалъ еще въ 1846 г. Саблуковъ; въ могилахъ этого типа были встрѣчены глиняные сосуды и кости животныхъ. Въ 1890 г. члены Саратовской Арх. Коммиссіи имѣли случай видѣть въ разведенномъ на мѣстѣ древняго кладбища саду г. Шабловскаго могилу, которую обнаружили рабочіе, копая ямы для деревьевъ; въ ней лежалъ скелетъ головой на С. и при немъ глиняная чашка грубой работы. Г.г. Голицынъ и Краснодубровскій совершенно основательно полагаютъ, что могила, съ которой они имѣли случай ознакомиться, и тѣ, о которыхъ говоритъ Саблуковъ, принадлежатъ одному народу, но лицамъ различнаго имущественнаго положенія (Укекъ. 98—99). Который изъ двухъ типовъ погребенія слѣдуетъ признать буртасскимъ, рѣшить пока еще мудрено. Нѣкоторый свѣтъ на вопросъ проливаютъ данныя, которыми мы располагаемъ относительно древне-татарскаго погребенія. Въ 40-хъ годахъ Терещенко раскопалъ близь развалинъ Сарая до 200 могилъ и имѣлъ возможность выяснить существенныя черты мѣстнаго погребальнаго ритуала. Всѣ покойники лежали головами на З.,

ногами на В. съ лицомъ, обращеннымъ къ Ю., къ Меккѣ— мѣсту общаго поклоненія мусульманъ. Тоже положеніе Терещенко констатировалъ и при раскопкѣ одного кургана въ с. Верхне-Ахтубинскомъ въ 42 верстахъ отъ Сарая. Внутри насыпи вышиной въ 16 саженъ на глубинѣ 3-хъ саженъ была найдена выложенная досками гробница и въ ней остовъ человѣка съ остовомъ коня. Всадникъ былъ обращенъ головой на З. Терещенко встрѣтилъ правда при своихъ раскопкахъ и такіе скелеты, которые были обращены головами на Ю., но это имѣло мѣсто не на кладбищѣ, а внутри какого то обширнаго зданія, гдѣ люди были не погребены, а погибли, повидимому, въ борьбѣ съ ворвавшимся въ городъ непріятелемъ [1]). Кладбище близь Укека въ виду данныхъ, добытыхъ Терещенко, нельзя признать татарскимъ, по крайней мѣрѣ татарско-магометанскимъ. Признать его монголо- т. е. язычеcко-татарскимъ мы также не имѣемъ основаній. Татары язычники, по словамъ Плано Карпини, зарывали покойника сидящимъ посреди ставки; около него помѣщали чашу съ мясомъ, горшокъ съ кумысомъ, кобылу съ жеребенкомъ, коня съ уздой и сѣдломъ, золото и серебро [2]). Ничего подобнаго не обнаружено въ укекскихъ могилахъ. Въ ожиданіи новыхъ данныхъ можно предположить, что могилы съ покойниками, обращенными головой на З. и лицомъ на Ю., принадлежатъ въ Саратовской губерніи Татарамъ, а могилы съ покойниками головой на С.—Буртасамъ. Сопоставленіе укекскаго погребальнаго ритуала съ лядинскимъ можетъ говорить за то, что и Лядинскій могильникъ принадлежалъ Буртасамъ, — и едва - ли не здѣсь будетъ правда: именно въ немъ встрѣчается трупосожженіе рядомъ съ погребеніемъ полнаго трупа — и этотъ послѣдній полагается въ томъ направленіи, какое мы наблюдаемъ въ предполагаемомъ буртасскомъ могильникѣ близь Укека.

---

[1]) Зап. Спб. Археол.-Нумизм. Общ. т. II, стр. 369, 374, 400. Спб. 1850.
[2]) Зап. Имп. Арх. Общ. т. XIII, 251. Спб. 1859.

Мы обозрѣли почти все, что даетъ намъ литература относительно доисторическихъ памятниковъ края. Выводы, которые оказывается возможнымъ сдѣлать изъ этого матеріала, не разрѣшатъ нашихъ сомнѣній. Съ райономъ, отмежеваннымъ нами для Мордвы на основаніи мѣстныхъ названій, совпадаетъ районъ распространенія могильниковъ, которые обладаютъ несомнѣнными признаками мордовскаго погребенія. Но эти могильники не являются единственными въ краѣ: на С. и Ю. мы встрѣчаемъ нѣсколько отличныя черты погребальнаго обряда—положеніе покойника съ З. на В., трупосожженіе. Эти памятники можно считать принадлежащими другимъ народамъ, которые являлись въ краѣ: Буртасамъ, Татарамъ, Булгарамъ, но вопросъ—нашла-ли Мордва при своемъ поселеніи въ немъ какой нибудь другой ранѣе жившій народъ—остается открытымъ. Оставаясь въ предѣлахъ наличнаго матеріала, мы можемъ сказать, что шансы склоняются какъ будто въ пользу наибольшей древности Мордвы. Рыбкинскій могильникъ, въ которомъ встрѣчаются рядомъ съ желѣзными орудіями орудія изъ кремня, въ культурномъ смыслѣ старше кургановъ Нижегородской губерніи и Лядинскаго могильника: въ немъ еще замѣтны переживанія каменнаго вѣка. Древнѣе этого стараго мордовскаго могильника могутъ быть только могильники каменнаго вѣка (бронзовыхъ орудій здѣсь не найдено), но ихъ пока въ краѣ еще не обнаружено, да и такіе могильники едва - ли было-бы основаніе не признать мордовскими: въ первое время послѣ своего отдѣленія отъ Западныхъ Финновъ Мордва не знала еще употребленія металловъ. Если-бы мы захотѣли извлечь изъ наличныхъ фактовъ археологіи всѣ указанія, какія они могутъ дать, то мы могли-бы еще предположить, что каменный вѣкъ пережитъ былъ Мордвой и родичами ея на берегахъ Оки и скорѣе на З., чѣмъ на В. отъ нея: край этотъ до сихъ поръ выдѣляется богатствомъ находокъ каменнаго вѣка.

Мѣстныя названія и данныя археологіи позволяютъ намъ намѣтить территорію, на которой начинается исторія Мордвы. Переходя къ содержанію этой исторіи, къ ея первичнымъ мо-

ментамъ, мы должны коснуться теорій, въ которыхъ Мордва разсматривается какъ одинъ изъ народовъ, описываемыхъ Геродотомъ и позднѣйшими классическими писателями. Одни отыскиваютъ предковъ ея въ Будинахъ или Андрофагахъ Геродота, другіе въ Аорсахъ Страбона. Этими теоріями культурной исторіи Мордвы дается содержаніе, которое не имѣетъ ничего общаго съ исторіей другихъ волжскихъ Финновъ: Мордва приводится въ непосредственное соприкосновеніе съ культурой Греціи и Востока. Комментаторы древнихъ географовъ предлагаютъ намъ античный матеріалъ для постройки пышнаго историческаго зданія... на фундаментѣ изъ произвольно истолковываемыхъ созвучій:

Будины—Вудины—Вьедене (?В е д ь к а)—Чуваши
Будины—Вудины—У д(мурт)—Вотяки
Будины—Вудины—(Уд)м о р т—Мордва
Будины—Вудины = Мордва—Вотяки—Чуваши

Аорсы—Арса—Эрзя.
(Страб.) (Ибнъ-Фад.)

Отвергать a priori возможность того, что подъ Будинами Геродота или Аорсами Страбона могли скрываться предки какой нибудь изъ современныхъ народностей Поволжья, мы не имѣемъ конечно права, но чтобы эту возможность возвести на степень факта, нужны какія нибудь другія основанія кромѣ этимологіи.

Имя Будиновъ можно при желаніи поставить въ связь или съ прозвищемъ Ведь, которое даютъ Мордвѣ Чуваши, или съ самоназваніемъ Вотяковъ Удъ (чер. Одо) - муртъ, но однимъ этимъ задача не разрѣшается: въ землѣ Будиновъ, по извѣстіямъ Геродота, былъ греческій городъ Гелонъ—съ деревянными храмами и деревянными статуями греческихъ боговъ; Гелоны занимались земледѣліемъ и садоводствомъ, въ то время какъ туземцы-Будины вели кочевой образъ жизни и питались какой-то дрянью, относительно которой эллинисты до сихъ поръ не могутъ прийти къ согласному рѣшенію—не то вшами,

не то еловыми шишками. Въ землѣ Будиновъ было, такимъ образомъ, двѣ культуры и кто-бы ни были ихъ потомки—будутъ ли это Чуваши, Вотяки или даже вопреки всякимъ этимологическимъ основаніямъ Мордва — мы должны найти въ языкѣ этихъ потомковъ слѣды вліянія гелоно-греческой культуры, въ вѣрованіяхъ и культѣ обломки заимствованій, сдѣланныхъ въ эту далекую пору. Два тысячелѣтія почти отдѣляютъ насъ отъ того времени, когда Мордва совмѣстно съ Западными Финнами испытала на себѣ вліяніе Литвы,—но слѣды этого вліянія въ языкѣ живы до сихъ поръ. Гдѣ-же въ языкѣ и бытѣ нашихъ инородцевъ слѣды эллинизма, носителями котораго были частію оскиѳившіеся Гелоны? Ихъ нѣтъ.

Имя Аорсовъ благодаря своему звуковому составу вызываетъ въ памяти каждаго историка имена Арсы Арабовъ и нашей современной Эрзи, но стоитъ всмотрѣться въ культуру Страбоновскихъ Аорсовъ, чтобы отказаться отъ сближенія этихъ двухъ народностей. Аорсы были кочевымъ народомъ, располагавшимъ, подобно нынѣшнимъ тюркскимъ кочевникамъ Заволжья, громадными табунами коней (одинъ царь нижнихъ Аорсовъ выставилъ 200,000 всадниковъ, когда Фарнакъ завоевалъ Босфоръ; верхніе Аорсы выставили еще болѣе); часть ихъ жила по обоимъ берегамъ Каспійскаго моря и вела караванную торговлю индійскими и вавилонскими товарами, которые получала отъ Армянъ и Мидянъ; подобно Скиѳамъ и Массагетамъ, Аорсы любили украшать себя золотомъ. Въ картинѣ, которую набрасываетъ намъ Страбонъ, нѣтъ ничего похожаго на древній бытъ Финновъ вообще и Мордвы - Эрзи въ частности: Аорсы Страбона представляютъ, подобно многимъ степнякамъ, крупный общественный организмъ съ единой властью во главѣ—Мордва, какъ и остальные Финны, всегда дробилась на микроскопическіе сравнительно союзы; Аорсы были народомъ торгашей, посредниками между рынками Азіи и Ю. Россіей; Мордва, подобно другимъ волжскимъ Финнамъ, жила главнымъ образомъ охотой и въ торговлѣ участвовала только пассивно. Помимо всего этого, помимо несоотвѣтствія географическихъ усло-

вій (Аорсы около Каспійскаго моря, Эрзя въ предѣлахъ нынѣшней Нижегородской губерніи), противъ сопоставленія двухъ народовъ говоритъ языкъ: у народа, который велъ такую обширную торговлю, должна была выработаться сложная торговая терминологія—и въ этой терминологіи неминуемо должны были получить мѣсто заимствованія изъ азіатскихъ и южно-русскихъ скиѳскихъ языковъ; ничего подобнаго не представляетъ языкъ современной Мордвы.

Бо́льшую основательность на первый взглядъ представляетъ теорія, предлагаемая проф. Вил. Томашкомъ. Томашекъ считаетъ предками Мордвы Андрофаговъ, которые жили на В. отъ Днѣпра. Въ пользу своего отожествленія; онъ приводитъ прежде всего этимологію имени Мордва, которое онъ производитъ изъ языка иранскихъ насельниковъ Южной Россіи, изъ корней mort человѣкъ и hwar—ѣдокъ; Мордва такимъ образомъ будетъ значить людоѣды—тоже, что и Андрофаги. Затѣмъ на основаніи во первыхъ иранскихъ, литовскихъ и славянскихъ элементовъ въ языкѣ Мордвы, во вторыхъ—соображеній Надеждина о названіяхъ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра онъ помѣщаетъ древнюю территорію Мордвы на В. отъ верхняго теченія этой рѣки—приблизительно тамъ-же, гдѣ Геродотъ помѣщаетъ и Андрофаговъ. Послѣднимъ аргументомъ въ пользу тожества Андрофаговъ и Мордвы является, по мнѣнію Томашка, совпаденіе признаковъ, которыми характеризуются Андрофаги у классиковъ и Мордва у средневѣковыхъ европейскихъ писателей, узнавшихъ о ней благодаря путешествіямъ къ Татарамъ—совпаденіе, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ поразительное. Гипотеза Томашка представляетъ собою отрывокъ изъ стройной теоріи, въ которой намѣчается и для другихъ финскихъ народностей нашего края мѣсто среди народовъ, описываемыхъ Геродотомъ: Будины отожествляются съ Вотяками, Меланхлены съ Черемисами. Стройная, научно мотивированная гипотеза Томашка возбуждаетъ въ изслѣдователѣ невольную симпатію. Она даетъ ключъ къ объясненію такихъ фактовъ, какъ присутствіе восточно-финскихъ, пермскихъ названій нѣкото-

рыхъ металловъ въ языкѣ Осетинъ съ одной стороны и иранскихъ элементовъ въ языкахъ Вотяковъ и Мордвы съ другой; въ ней же можетъ заключаться объясненіе того, что въ нарѣчіяхъ пермской группы сохранились названія растеній, свойственныхъ болѣе южной полосѣ; она, наконецъ, оставляя Славянъ и Литовцевъ въ странахъ на З. отъ Днѣпра, даетъ объясненіе факту вліянія ихъ на Мордву и Западныхъ Финновъ, которые въ такомъ случаѣ могли занимать часть губерній Витебской, Московской и Калужской. Но какъ ни заманчивы перспективы, открываемыя гипотезой Томашка, къ сожалѣнію слѣдуетъ признать, что въ настоящемъ своемъ видѣ и она не достаточно прочно обоснована. Соображенія Надеждина относительно мордовскаго происхожденія рѣчныхъ названій въ странѣ на В. отъ Днѣпра не могутъ въ настоящее время имѣть значенія, такъ какъ онъ не былъ достаточно знакомъ съ финскими нарѣчіями. Что-же касается собственныхъ сопоставленій Томашка, то они не выдерживаютъ никакой критики. Образцомъ ихъ можетъ служить производство несомнѣнно патронимическаго названія К і е в ъ отъ мордовскаго k'äw камень.

Нельзя полагаться особенно и на совпаденіе историческихъ свидѣтельствъ объ Андрофагахъ и Мордвѣ. Венгерскій проповѣдникъ Юліанъ разсказываетъ о Мордвѣ вещи безспорно совершенно тожественныя съ тѣми, которыя Плиній приписывалъ Андрофагамъ—употребленіе чашъ изъ череповъ враговъ, ношеніе скальповъ въ видѣ украшеній,—но это-то сходство и представляется подозрительнымъ: не воспользовался-ли средневѣковой проповѣдникъ красками, которыя онъ нашелъ у знакомаго ему Плинія. Скептическое отношеніе къ извѣстіямъ Юліана оправдывается тѣмъ, что Рубруквисъ, проѣхавшій чрезъ Мордву 18 лѣтъ спустя, не говоритъ объ ней ничего подобнаго.

Сопоставленія Меланхленовъ съ Черемисами, Будиновъ съ Вотяками обставлены еще менѣе основательно: между Черемисами и Меланхленами только и оказывается общаго, что Черемисы (прибавимъ—далеко не всѣ и не исключительно) носятъ черные кафтаны; въ пользу тожества Будинъ и Вотя-

ковъ приводится кромѣ сходства имени присутствіе въ вотяцкомъ языкѣ иранскихъ элементовъ. Этотъ аргументъ могъ-бы имѣть значеніе, если-бы Томашекъ рядомъ съ иранскимъ вліяніемъ отмѣтилъ въ нарѣчіяхъ пермской группы и греческое, которое необходимо предполагать у потомковъ народа, жившаго нѣкогда бокъ о бокъ съ Греками, но вопросъ объ этомъ вліяніи Томашекъ обходитъ.

Ознакомившись съ проэктами породнить Мордву съ народами Геродота и Страбона, мы приходимъ къ заключенію, что для возстановленія древнѣйшихъ моментовъ ея культурной исторіи классическій матеріалъ оказывается непригоднымъ. Съ первоначальной культурой Мордвы мы можемъ пока ознакомиться только путемъ изученія древне-финской культуры по даннымъ языка. Къ сожалѣнію этотъ источникъ недостаточно разработанъ; до настоящаго времени финнологи больше занимались и занимаются заимствованіями, которыя были сдѣланы Финнами у своихъ сосѣдей, чѣмъ изслѣдованіемъ ихъ общаго культурнаго достоянія. Мы легче въ состояніи опредѣлить тѣ шаги, которые Финны сдѣлали впередъ подъ вліяніемъ сосѣдей, чѣмъ опредѣлить точку отправленія ихъ культурнаго развитія, указать то, чего не знали они до соприкосновенія съ тѣмъ или другимъ сосѣдомъ, чѣмъ то, что они знали и имѣли. Только выдѣляя заимствованное, въ настоящее время можно составить нѣкоторое представленіе объ объемѣ самостоятельнаго творчества племени. Брать на себя эту сложную работу для того, чтобы написать первую страницу въ культурной исторіи одного изъ угро-финскихъ племенъ, мы считаемъ рискованнымъ: ее начали и закончатъ, надѣемся, когда накопится больше лексическаго матеріала, ученые лингвисты Гельсингфорса и Будапешта. При настоящихъ условіяхъ финской лингвистической археологіи историкъ оказывается вынужденнымъ удовольствоваться тѣмъ, что даетъ въ своей книгѣ покойный Альквистъ.

Приспособленіе къ своимъ потребностямъ природы—и прежде всего ея животнаго міра—у древняго Финна ограничилось прирученіемъ собаки. Въ виду того, что у Мордвы, Эстовъ, Ливовъ,

Финновъ, Лопарей, Зырянъ и Вотяковъ она носитъ близкія по корню названія peni, pine, boen, punu, pon—можно предположить, что въ началѣ своей исторіи Финны располагали только однимъ прирученнымъ животнымъ, т. е. стояли на той ступени развитія, которую представляли Камчадалы въ XVII и XVIII в.в. На этой ступени они оставались и тогда, когда распались на крупныя группы, между которыми имѣла мѣсто мордовско-финская. Знакомство съ другими домашними животными явилось позднѣе, когда и эти сравнительно крупныя группы раздробились на племена, которыя мы знаемъ теперь.

Мордовскія названія важнѣйшихъ домашнихъ животныхъ и птицъ[1]): корова—тракс, скал; лошадь—лишме, ракша, покама, эльде (кобыла), айгор (жеребецъ), алаша (меринъ), парне, (жеребенокъ); овца—реве, баляй, вирез (ягненокъ); коза—сее, м. сява; свинья — туво; гусь—дига, гала, матсей (маци); курица—сараз; утка—яксарго не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, которыя мы знаемъ у Западныхъ Финновъ. Рядомъ съ названіями отдѣльныхъ животныхъ особыми являются общее названіе скота—кильдэ,—продуктовъ скотоводства и ихъ добыванія: кислое молоко—сузма, творогъ—топо, м. мичке, доить—потявдомс, пахтать — пифтемс. Масло носитъ, правда, общефинское названіе ой (ср. фин. voi), но по замѣчанію Альквиста это названіе обозначало первоначально жиръ.

Тоже явленіе замѣчается у Мордвы въ области приспособленія растеній. Мордовскія названія культурныхъ растеній — общее названіе хлѣбныхъ растеній — сюро, м. сора, рожь — розь, пшеница — товзюро, греча — ликша, овесъ — пинеме, ячмень — шуж, просо — суро, горохъ — кенав, снау,

[1]) Мордовскія культурныя слова, написанныя русскимъ шрифтомъ, выбраны изъ рукописнаго словаря, составляемаго членомъ-сотрудникомъ нашего Общества М. Е. Евсевьевымъ и предназначаемаго для напечатанія въ изданіяхъ Общества; слова, напечатанныя латинкой, взяты изъ словарей Видемана и Альквиста.

овощъ вообще — эмеж, рѣдька — кшумань, морковь — пурька, огурецъ—куяр, ленъ—ліанас, конопля—канфт, рѣпа—репе, продуктовъ, способовъ и орудій ихъ обработки: снопъ—пулт, мука—почф, товт, отруби—лав, мякина—сюва, юв, толокно—пужт, солома—олго, шужарь, хлѣбъ—кше, дрожжи—орга, туст, тѣсто—чапакс, лепешка—сюкаро, квасъ—поза, каяшка, каша—ям, пахать (ковырять, копать)—сокарямс, жать—нуэмс, нумс, сѣять—видемс, чистить подъ пашню—сандямс, печь хлѣбъ—панем, молотить—пивсемс, боронить—изамс, соха—сока, серпъ — тарваз, молотило — чеке, цѣпъ — пивсума, лопата — койме, прясть — штердемс, ткать — кодемс, основа ткани — лійма, основа холста — лув, бердо — вигинэ, евчень, веревка—пикс, мялка—чалгамат; общіеземледѣльческіе термины: поле—кужо, пакся, загонъ—ума, гряда—паньдя, токъ—тинге, копна—штеме, за ничтожными исключеніями оказываются совершенно отличными отъ тѣхъ, которыя имѣютъ мѣсто у Западныхъ Финновъ. Земледѣліе наравнѣ съ скотоводствомъ явилось такимъ образомъ въ эпоху обособленной жизни Мордвы.

Сопоставленіе названій металловъ, изготовляемыхъ изъ нихъ орудій и процессовъ обработки у Мордвы и Западныхъ Финновъ показываетъ, что и въ этой области она имѣла не много свѣдѣній, когда начинала свою обособленную жизнь: мѣдь (пиже—зеленая, сере—красная), свинецъ (киве), желѣзо (кшни), золото (э. сирьне, м. сія), серебро (э. сія, м. сирьне), ножъ—пеель, коса—пелима, долото—пиля, скобель — ингкс, кузнецъ—муфатам, мѣхи—пуватом носятъ названія, не имѣющія ничего общаго съ западно-финскими. Исключеніе представляетъ названіе топора — узере (эст. = vazor), но оно можетъ относиться къ каменнымъ орудіямъ. Рядомъ съ камнемъ для орудій употреблялась и кость. Костяныя иглы до настоящаго времени извѣстны у Мордвы.

Въ связи съ количествомъ и качествомъ орудій, которыми располагали Финны передъ своимъ распаденіемъ на отдѣльныя племена, стоитъ устройство дома и домашняя утварь. Общимъ названіемъ жилища у всѣхъ Финновъ является куда.

и родственныя съ нимъ кота, хот (Ост.), ку (Перм.). Самая древняя форма коты сохранилась у западныхъ Финновъ. Это—коническая постройка изъ жердей, остовъ былого чума. Рядомъ съ такой котой Финны могли имѣть для зимы землянку. Кромѣ чума для себя у древнихъ Финновъ была постройка для склада имущества—lato. Для пространства земли, на которомъ стояли эти постройки, выработанъ былъ общій терминъ, сохранившійся въ фин. kartano дворище, морд. karda, kardas дворъ; дикія полянки, на которыхъ ставились эти передвижныя жилища, назывались словомъ, сохранившимся у Эстовъ въ старомъ значеніи välä, а у Мордвы—въ позднѣйшемъ значеніи деревни (ср. въ названіяхъ вотяцкихъ деревень—луд ъ, въ названіяхъ черемисскихъ—нуръ). Жилище, имѣющее форму четырехугольнаго сруба, явилось у Мордвы уже въ періодъ ея обособленной жизни. Бревенчатый домъ продолжаетъ до сихъ поръ называться по старому куд'омъ, но части его носятъ спеціально мордовскія названія: стѣна—стена, полъ, помостъ—кіякс, сэдь, крыша — вельекс, кудъ-ланго, подполье — каська, окно—вальма, домовое окно—вельдерме, дверь — кенкш, сѣни — куд-кельккс (передъ), подволока — куд - потмар, нары—потмар, лавка — эзем, печь — каштамо, шестокъ—тамбаланго, лѣстница—кузтима, ограда—пире, тынъ—сдый, дворъ—кардаз, юрт, ворота—орта, клѣть—лато, утомо, нупаль (мшанникъ, ср. мохъ—нупонь). Въ области домашней утвари только одно мордовское слово относится по своему происхожденію къ временамъ совмѣстной жизни Мордвы съ западными Финнами—деревянная чашка (вакан = эст. wakk — деревянный сосудъ). Названія для ступы (човар), песта (петькель), большого деревяннаго ковша (поваренки, бадул, коман), обыкновеннаго ковша (кече), корыта (очко), кадки (парь), ложки (пеньщ), кузова (кептере), коробки (парго), ночовки (юдмо) имѣютъ уже позднѣйшее происхожденіе.

Орудія передвиженія, знакомство съ которыми Мордвинъ вынесъ изъ эпохи совмѣстной жизни съ другими Финнами, относятся къ водянымъ путямъ. Фин. soima—лодка || морд. сю-

ма — длинная колода, эст. wene — лодка || морд. венш; эст. mola—весло || морд. milä. Для сухопутнаго сообщенія Мордвинъ этой эпохи располагалъ санями: мордов. нурдо, нурдт — сани, возъ, несомнѣнно, тожественно съ вотяцкимъ и остяцкими нарт, нурт. Сходство мордовскаго названія оглобли — ажья съ перм. ож, фин. aisa, эст. ais, вепс. ais позволяетъ предположить, что и другое первобытное орудіе передвиженія—волокуша было знакомо Мордвѣ еще въ эту эпоху. Лыжи—сокст носятъ названіе одинаковое только съ черемисскимъ, но сдѣлались, вѣроятно, извѣстными одновременно съ санями. Названія телѣги и ея частей, а равно и принадлежностей верховой ѣзды: одер (айдер) длинная телѣга, чаро (шары) колесо камбрас — сѣдло, новта—узда, онгшть—удила, чирьке—дуга сивекс, ашпа—хомутъ имѣютъ позднѣйшее происхожденіе.

Судя по терминамъ, относящимся къ скотоводству и средствамъ передвиженія, мы имѣемъ основаніе предположить, что главными занятіями древняго Мордвина были охота и рыболовство. Орудія для того и другого промысла у Мордвы были тѣ-же, что у Западныхъ Финновъ, Черемисъ и Коми. Они пользовались для первой лукомъ (йонкс — ср. чер. йонгыж, фин. jousi, лоп. juoks) и стрѣлами (нал — ср. перм. нјол, фин. nuoli).

Изъ эпохи совмѣстной жизни съ западными Финнами Мордвинъ вынесъ знакомство съ торговлей въ ея элементарной, мѣновой формѣ: м. міемс — продавать || эст. müma, м. миме— продажа || эст. müm, м. максомс—давать, платить || эст. maksma. Дальнѣйшая торговая терминологія выработана Мордвой уже послѣ обособленія (ярмак — деньги, питне—цѣна, уцез — дешевый, пандомс—платить долгъ).

Нормы общественныхъ отношеній, выработанныя въ древній періодъ финской исторіи, несложны. Въ языкѣ Мордвы и Западныхъ Финновъ оказываются общіе термины для обозначенія жены (= самки м. ни, ф. nainen дѣвушка, женщина, жена[1])

[1]) Параллели въ другихъ нарѣчіяхъ см. у Альквиста. Culturwört. 204.

отца (=самца, м. атя), ф. ätä матери (м. ава— ‖ ф. av-ukko, evukko), дитяти — фин. lapsi ‖ морд. lefks, дочери tytär ‖ тех-терь, сестры — sazor. Имѣютъ-ли общій источникъ мордовскія слова для обозначенія рода—раське и собранія людей—кужо съ западными финскими rahwas, rous, kasa=толпа—предоставляемъ судить филологамъ-спеціалистамъ. Корень финскаго uros — мужъ сохранился, повидимому, въ цѣломъ рядѣ словъ, имѣющихъ отношеніе къ браку: уре—замужняя женщина, урекс—жизнь замужней жинщины, уредев — дружка, урьва—сноха, урьвала—мужчина, заступающійся символически за отнимаемую невѣсту, уряж — невѣстка, ur'vakstoms, ur'vakslems—вступать въ бракъ, жениться. Дальнѣйшая терминологія родства и общественныхъ отношеній: алуж — любовникъ, аля, мирьдэ—мужъ, содамо—женихъ, зять, реж — невѣстка, той—цѣна невѣстки, чіямс — сватать, буэ — родъ, племя, велс—деревня, прявт—начальникъ, чиряз — баринъ, промс — сходъ, каявкс — подать, неже—подпора, батракъ, сиведемс — нанимать, эрьме—богатство, сюпав — богатый, копа—богачъ, азоро—хозяинъ, важо—работникъ, шума, pandovks долгъ, должникъ м. мувыр, эрз. pandytsa, pandlitsa, монета—валкс, валф (Wied. кованый) выработана была Мордвой уже отдѣльно.

Относительно религіозныхъ вѣрованій и формъ культа, съ которыми Мордва начала обособленную жизнь, можно сказать очень немного. Въ періодъ совмѣстной жизни выработались термины для обозначенія духа или души (м. ойме, вайме ‖ эст. vaim, лоп. vaibmo—сердце), вѣры и культа (м. озкс—жертва ‖ ф. usko, лоп. ossko, эст. usk—вѣра), но до понятія о богѣ, какъ особаго рода существѣ, Финны этой эпохи еще не возвысились.

Рядомъ съ продуктами самостоятельнаго творчества эта несложная культура представляла уже и заимствованія изъ славянскаго, литовскаго и германскаго источниковъ. Къ числу такихъ заимствованій относится между прочимъ въ области матеріальной культуры названіе рыболовнаго снаряда уда (онда у Мордвы и Эстовъ). Культурная зависимость Мордвы отъ Ли-

товцевъ продолжалась, по мнѣнію Томсона, нѣкоторое время послѣ отдѣленія отъ Западныхъ Финновъ. Результатами ея могутъ считаться заимствованія въ области земледѣлія и скотоводства: s'ora, s'ura—жито ‖ прус. zyrne, sura — просо ‖ лит. sora, il'anas—ленъ ‖ лит. linnas, sen's—утка ‖ прус. zansi, kăräs — сотъ ‖ лит. kori [1]), въ области орудій, выдѣлываемыхъ изъ металловъ: peel ножъ ‖ лит. peelis, въ области вѣрованій—имя (и культъ?) бога громовника—пургине ‖ лит. perkunas. Къ тому-же первому періоду обособленной жизни нужно отнести и тѣ слѣды иранскаго вліянія, которые констатировалъ Томашекъ въ языкѣ Мордвы—въ терминахъ относящихся къ земледѣлію и скотоводству: ячмень—šuž ‖ памир. čušač, kär'o—рѣзакъ у плуга ‖ зенд. kareta, waza — теленокъ ‖ ос. ua'ssä и т. д. [2]). Иранскія племена могли держаться въ Нижнемъ Поволжьи не далѣе IV в. по Р. Х. Волны великаго переселенія народовъ частію отбросили ихъ на Ю., частію увлекли на З. Съ конца IV в. здѣсь являются уже тюркскія племена.

И. Смирновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

[1]) Tomaschek. l. c. 13.
[2]) См. Извѣст. 1892, I, 69.

ФОРМЫ ПОГРЕБЕНІЯ

У СОВРЕМЕННЫХЪ И ДРЕВНИХЪ НАРОДОВЪ

ВОСТОЧНОЙ РОССІИ.

4) Забайкальская область.

Буряты (съ юга на сѣверъ занимаютъ мѣстность отъ границъ Китая до верховьевъ Лены; съ востока на западъ кочевья ихъ тянутся отъ р. Онона до р. Оки, впадающей въ Ангару, и еще далѣе на западъ встрѣчаются юрты Бурятъ въ такъ называемой Нижне-Удинской Землицѣ. Буряты, живущіе по сю сторону Байкала, по большей части шаманисты, у Бурятъ Забайкальскихъ распространенъ буддизмъ).

1) Шаманисты (сохранили болѣе древнія формы погребенія). Самъ умирающій, будь онъ шаманъ [1]), или простой бурятъ [2]),—назначаетъ мѣсто, гдѣ его похоронить. Если-же онъ сдѣлать этого не успѣетъ, то погребеніе производится по указанію шамана, хотя онъ самъ при этомъ не присутствуетъ. Кладбищемъ шамановъ служатъ заповѣдныя рощи. „Посреди совершенно безлѣснаго пространства возвышаются отдѣльныя группы деревъ, замѣтныя издали; рощи эти бываютъ или на ровныхъ мѣстахъ или чаще на горахъ: каждый родъ или да-

---

[1]) Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ» Иркутск. губ. (Изв. В. Сиб. Отд. Имп. Геогр. Общ. XIV, № 1—2, стр. 53).

[2]) Georgi. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich. I. 312.

же улусъ имѣетъ свою рощу... Какъ будто-бы каждая роща служитъ кладбищемъ только одному шаману, но въ одной такой рощѣ въ Кудинскомъ вѣдомствѣ были погребены и не шаманы, простые буряты". Бурятскія кладбища располагаются обыкновенно „въ небольшихъ лощинахъ или на склонахъ возвышенностей по близости шаманскихъ рощъ" [1]). Но иногда обходятся безъ кладбищъ. Такъ, по свидѣтельству Потанина [2]), у Аларскихъ бурятъ кладбищъ нѣтъ и погребеніе совершается просто гдѣ-нибудь въ лѣсу.

Георги замѣчаетъ, что особеннаго обряженія мертвеца у бурятъ не бываетъ и человѣкъ погребается въ той-же одеждѣ, въ которой онъ умеръ [3]). Описанія болѣе позднія даютъ новую картину: „покойника обмываютъ, одѣваютъ въ лучшую одежду, въ карманъ кладутъ серебряныя монеты, а за пазуху трубку и кисетъ съ табакомъ, запрещается (съ покойникомъ) класть огниво [4]); иногда кладутъ ножикъ, лукъ и стрѣлы (у кудинцевъ)" [5]). У Аларскихъ бурятъ покойника „одѣваютъ въ лучшую одежду, ротъ и глаза завязываютъ платкомъ, признавая запахъ изо рта покойника вреднымъ для здоровья живыхъ, какъ и послѣднее дыханіе покойнаго"; трупъ одѣваютъ въ шубу и завертываютъ въ войлокъ [6]). Трупъ шамана, омывши освященной водой, одѣваютъ въ шаманскія одежды: „внизъ халатъ, а сверху шубу, то и другое иногда изъ шелка; поверхъ шубы одѣваютъ еще оргой, родъ халата или савана; чаще всего оргой дѣлаютъ изъ синяго шелка, обязательнаго для чернаго шамана, служителя злыхъ восточныхъ небесъ; бѣлому

[1]) Агапитовъ и Хангаловъ «Шаманство у бурятъ Иркутской губ.» Изв. В. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1883, вып. 1—2, 56, 57.

[2]) Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 37.

[3]) Georgi. Bemerkungen. I, 312.

[4]) «Огниво для Бурята безусловная неизбѣжность: ибо всѣ они курятъ табакъ, и мужчины, и женщины». Щукинъ. Буряты. (Журн. М. Вн. Дѣлъ. 1848. XXV).

[5]) Агапитовъ и Хангаловъ «Шаманство у бурятъ Ирк. губ.» (57).

[6]) Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 37.

шаману оргой долженъ дѣлаться изъ бѣлаго коленкора... Особенность оргоя составляютъ привѣшиваемыя къ нему металлическія фигурки человѣка, коня, птицы и др... Оргой подпоясываютъ краснымъ шелковымъ поясомъ" [1]).

Гробъ дѣлается изъ досокъ, но онъ не составляетъ необходимой принадлежности погребенія. Такъ его нѣтъ при сожженіи; въ случаѣ похоронъ на аранга (помостѣ), „кладется покойникъ, заключенный въ гробу" [2]), но бываетъ, что умершихъ „кладутъ на подмостки и оставляютъ на расхищеніе птицамъ" [3]). Чернаго шамана иногда убиваютъ изъ мести, „обезопашивая себя осиновымъ гробомъ и гвоздемъ, которымъ трупъ шамана прибиваютъ къ могилѣ внизъ лицомъ" [4]). Вообще для погребенія въ могилѣ „устраиваютъ гробъ, въ которомъ и кладутъ покойника; но часто обходятся и безъ гроба".

Положеніе трупа дается такое, чтобы лицомъ онъ былъ обращенъ къ югу.

Похоронить умершаго стараются какъ можно скорѣе, такъ какъ присутствіе мертвеца внушаетъ буряту сильнѣйшій страхъ; у Аларскихъ бурятъ „хоронятъ въ день смерти или на другой день, рѣдко на третій" [5]). Только шамана хоронятъ чрезъ три дня послѣ его смерти.

Способъ погребенія шамановъ бываетъ двоякій: сожженіе на кострѣ или выставленіе на помостъ. „Приготовляютъ костеръ изъ свѣжихъ срубленныхъ сосновыхъ бревенъ; сверху кладутъ сосновыя вѣтви, ихъ прикрываютъ потникомъ, затѣмъ оргой коня", (шитый, четырехугольный кусокъ ткани, покрывавшій коня, на которомъ везли умершаго), затѣмъ полагаютъ покойника, „въ голову кладутъ узду, колчанъ съ 8 стрѣлами

[1]) Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ Ирк. губ. (42 и 53).

[2]) Тоже. (56).

[3]) Щукинъ «Буряты». (Журн. М. Вн. Д. 1849. XXVI. 81).

[4]) Потанина. Буряты. (Трудъ. IX, 504).

[5]) Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ Ирк. губ.» (57).

[6]) Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 37.

и лукъ, а подъ голову сѣдло; наконецъ сверху покойника придавливаютъ нѣсколькими бревнами и костеръ зажигаютъ". На третьи сутки ближайшіе родственники шамана собираютъ оставшіяся послѣ сожженія кости мертвеца, начиная съ костей черепа; складываютъ ихъ въ мѣшокъ, сшитый изъ синяго шелка или бѣлаго коленкора. „Мѣшокъ съ костями укладываютъ въ выдолбленное въ видѣ ящика углубленіе въ стволѣ толстой сосны; для этого сначала осторожно снимаютъ четырехугольный кусокъ коры, до 1 фута по сторонѣ, а потомъ уже выдалбливаютъ углубленіе для мѣшка; положивъ кости, а иногда домбо (деревянный кувшинъ) съ виномъ и ковши, отверстіе снова закрываютъ деревянной крышкой и корой, и плотно забиваютъ гвоздями, такъ что незнающій и не отличитъ такое дерево отъ другихъ". Дерево это становится неприкосновеннымъ, какъ мѣстопребываніе шамана, и получаетъ названіе бöги-нархан (шаманская сосна).

„Въ Балаганскомъ и Идинскомъ вѣдомствахъ, (также въ Аларскомъ) [1]), умершихъ шамановъ, а также и людей, убитыхъ громомъ, не сжигаютъ, а выставляютъ въ лѣсу на аранга". Пораженный громомъ считается избранникомъ боговъ и его хоронятъ какъ шамана; его „одѣваютъ въ оргой"... и отвозятъ въ шаманскую рощу, гдѣ и оставляютъ на особо устроенномъ ложѣ: для этого выбираютъ толстыя деревья, стоящіе поближе другъ къ другу, на нихъ укрѣпляютъ бревна и наконецъ доски, такъ что образуется помостъ на высотѣ 2, 3 или 4-хъ саженъ отъ земли; на этотъ помостъ и кладется покойникъ, заключенный въ гробу; такъ-же кладутъ пищу и вино; помостъ носитъ названіе аранга; такъ-же на аранга, но не въ шаманской рощѣ, а на мѣстѣ происшествія, кладутъ и всякое убитое громомъ животное" [2]). „Убитаго громомъ ставятъ на доскахъ, укрѣпленныхъ на 4-хъ столбахъ (это аранга)" [3]).

---

[1]) Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 38.

[2]) Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ Ирк. губ.» (54—56).

[3]) Тамъ-же (7 стр.).

„Обрядъ сожженія, употребляемый теперь только при похоронахъ шамановъ, нѣкогда составлялъ общераспространенный обычай и тогда сожигались и простые буряты,... устраивали четыреугольникомъ костеръ, а на немъ на потникѣ клали тѣло и всѣ предметы, подлежавшіе сожженію вмѣстѣ съ трупомъ (оружіе и съѣстные припасы); голова трупа покоилась на сѣдлѣ". На 3-й день „собирали сохранившіяся и обгорѣвшія кости и, положивъ въ берестяное лукошко, зарывали въ землю" [1]). Въ настоящее время, въ силу русскаго вліянія, буряты покойниковъ своихъ закапываютъ въ землю, даже иногда шамановъ [2]). Если при этомъ покойника хоронятъ безъ гроба, то въ могильной ямѣ сооружаютъ ему такое-же ложе, какъ на кострѣ: постилаютъ потникъ и въ голову кладутъ сѣдло [3]). Могилу роютъ очень глубокую [4]).

Кромѣ описанныхъ формъ погребенія еще наблюдается обычай класть умершаго прямо на поверхность земли, прикрывши его деревьями [5]) или: „положивши на землю, заваливаютъ камнями и валежникомъ" [6]). У бурятъ Аларскаго вѣдомства, по словамъ Потанина [7]), „привалятъ двѣ колоды одна подлѣ другой; на нихъ положатъ трупъ... потомъ завалятъ хворостомъ и подожгутъ или оставятъ такъ". Вообще у бурятъ „дѣтей и въ настоящее время не закапываютъ, а закладываютъ гробикъ камнями" [8]). При погребеніи съ каждымъ покойникомъ кладется все необходимое для приготовленія пищи и куренія табаку, при мужчинѣ, сверхъ того, оставляютъ оружіе (лукъ и стрѣлы), — но съ дѣтьми ничего такого не полагается [9]).

[1]) Потанина. Буряты. (Трудъ. IX. 508).
[2]) Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ Ирк. губ.» (57).
[3]) Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ Ирк. губ.» (57).
[4]) Georgi. Bemerkungen. I. 312.
[5]) Тамъ-же.
[6]) Щукинъ. Буряты. (Журн. М. Вн. Д. 1844. XXVI. 81).
[7]) Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 37.
[8]) Потанинъ. Буряты. (Трудъ. IX. 517).
[9]) Georgi. Bemerkungen. I. 312.

Погребеніе, въ различныхъ его формахъ, сопряжено съ умерщвленіемъ коня [1]). „Прежде Аларскіе бурята при похоронахъ убивали лошадь... Въ Балаганскомъ вѣдомствѣ убіеніе лошади еще сохранилось“ [2]). „Обыкновенно приводятъ къ могилѣ осѣдланную самую любимую лошадь умершаго и, убивши ее топоромъ, бросаютъ въ могилу. Это дѣлается и при погребеніи женщинъ“ [3]). Бываетъ и такъ, что убитый конь вмѣстѣ со всей сбруей сжигается на кострѣ подлѣ могилы зарытаго хозяина. Если умершій подвергался сожженію, то „иногда вмѣстѣ съ покойникомъ сжигали и его коня“ [4]) или „на могилѣ убивали любимую лошадь покойника, на которой привозили трупъ на мѣсто сожженія“ [5]). Послѣ сожженія умершаго шамана „у коня, привезшаго покойника, дѣлаютъ надрѣзы на головѣ и спинѣ и затѣмъ убиваютъ его ножемъ...; убитаго коня или сжигаютъ отдѣльно отъ шамана или (тамъ-же) оставляютъ лежащимъ“ [6]). Нынѣ, въ Аларскомъ вѣдомствѣ „лошадь только отводятъ въ лѣсъ и оставляютъ подлѣ покойника“ [7]).

„На поверхность зарытой могилы накидываютъ камни или деревья“ [8]), также „оставляютъ обыкновенно арбу (телѣгу) покойника, но разбитую, съ сломанными колесами“ [9]). Въ сломанномъ, испорченномъ видѣ размѣщаются также въ шаманской рощѣ знаки шаманскаго достоинства и нѣкоторые другіе предметы, необходимые, какъ полагаютъ, для умершаго шамана; они размѣщаются на деревьяхъ вокругъ шаманской сосны, на которую вѣшаютъ плащъ и бубенъ шамана: „на одно де-

---

1) «Бурятъ шагу не сдѣлаетъ безъ коня, — это другъ его съ самой колыбели». Раевъ. Буряты. (Вѣстн. Имп. Р. Геогр. Общ. 1858 г. XXIV. 33).

2) Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 37.

3) Georgi. Bemerkungen. I. 312.

4) Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ Ирк. г.». (57).

5) Потанина. Буряты. (Трудъ. IX. 517).

6) Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ Ирк. г.» (54).

7) Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 37.

8) Georgi. Bemerkungen. I. 312.

9) Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ Ирк. г.» (57).

рево на вершинѣ привязываютъ мѣдный чайникъ съ виномъ; на другомъ сосѣднемъ деревѣ вѣшаютъ бутылку съ виномъ; на третьемъ деревѣ вѣшаютъ хэсэ (большой шаманскій колокольчикъ), а конпыя трости (двѣ деревянныя или желѣзныя трости съ вырѣзанными на верху фигурами лошадиной головы), хур (музыкальный инструментъ, состоящій изъ четырехграннаго стального бруска, пополамъ перегнутаго, съ тонкой желѣзной пластинкой, прикрѣпленной къ мѣсту сгиба), плеть, домбо съ виномъ, шапку и деревянную чашку кладутъ въ небольшой деревянный ящикъ, длиною до 1 фута,... ящикъ также укрѣпляется высоко на деревѣ при посредствѣ желѣзныхъ обручей; звѣриныя шкуры, привязанныя по одной или по нѣскольку къ молодымъ березкамъ, длиною до 1 сажени, приставляютъ къ разнымъ деревьямъ, или къ одному дереву по нѣсколько;... обыкновенно вещи бываютъ размѣщены на многихъ деревьяхъ на пространствѣ десяти и болѣе квадратныхъ саженъ". На третьи сутки послѣ сожженія шамана, близь мѣста сожженія „между двумя деревьями устраиваютъ д а л и, т. е. протягиваютъ веревку и на ней вѣшаютъ звѣриныя шкурки" [1]). Дали развѣшиваютъ на время или оставляютъ здѣсь совсѣмъ.

Въ Тункинскомъ вѣдомствѣ „въ память (о шаманѣ) ставятъ при дорогѣ три столба" [2]). Это такъ называемыя б а р ь с а, „мѣста, гдѣ умершіе шаманы или ихъ души останавливаются во время пути (барьса всегда бываетъ по дорогѣ), привязываютъ ко вкопаннымъ въ землю столбамъ, числомъ 3, своихъ коней, курятъ приготовленный имъ табакъ и отдыхаютъ". Столбы ставятся сосновые, къ нимъ привязываютъ шнурки и колокольчики [3]). Существуютъ и другіе знаки шаманскихъ могилъ. „Могилы шамановъ и шаманокъ обыкновенно обозначаются грудами каменьевъ... Такихъ могилъ по Нерчин-

[1]) Тамъ-же. (54—57).

[2]) Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 38.

[3]) Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ. Ирк. г.» (54).

скому округу находится весьма много. Въ окрестностяхъ города Нерчинска, верстахъ въ десяти къ сѣверу, преданіе положительно приписываетъ ихъ шаманамъ“ [1]).

Ламаиты. У бурятъ-ламаитовъ погребеніе тѣсно связано съ предписаніями ихъ священныхъ книгъ. „Кладбища бурятъ бываютъ большею частію по близости ихъ кочевья, въ увалахъ на холмистой мѣстности. Маленькихъ же дѣтей хоронятъ иногда подлѣ юртъ; значительныхъ бурятъ вообще и ламъ—въ особенности на пригоркахъ и возвышенныхъ холмахъ... Главный лама отыскиваетъ въ священныхъ книгахъ, когда слѣдуетъ назначить день и часъ погребенія. Мало того, онъ опредѣляетъ, какимъ образомъ долженъ быть погребенъ покойникъ“ [2]). Обряжаютъ умершаго такъ: „тѣло покойника обертываютъ кускомъ дабы (матеріи), а лицо покрываютъ хадакомъ (полотнянымъ или шелковымъ лоскуткомъ), согнувъ ноги покойнаго и приложивъ правую руку къ уху, стараясь придать ему видъ уснувшаго“ [3]).

„Положеніе могилы всегда бываетъ съ востока на западъ, и покойника кладутъ головою на западъ такъ, чтобы лучи восходящаго солнца падали прямо въ глаза усопшаго [4]). Могилу роютъ не глубоко, едва только чтобы помѣстить гробъ;

---

[1]) Монголо-Буряты въ Нерчинскомъ округѣ Иркутской губ. (Ж. М. Вн. Д. 1843 г. III. 36).

[2]) Народы Россіи. II. 504 — 505. Относительно этого въ ламайскихъ книгахъ у монгольскихъ народовъ заключаются подробныя указанія, причемъ принимается въ соображеніе какъ время (годъ и созвѣздіе) рожденія человѣка, такъ день и часъ его кончины, его общественное положеніе, а также и родъ смерти. (Pallas. Sammlungen hist. Nachrichten über den Mongolisch. Völkerschaften. II. 266—282).

[3]) Народы Россіи. II. 504. Ламайскія книги монгольскихъ народовъ опредѣляютъ цвѣтъ покрововъ для мертваго тѣла; въ нихъ дается указаніе, въ какихъ случаяхъ должно обернуть умершаго голубою матеріей, когда покрыть его такого-же цвѣта покрываломъ, когда закрыть краснымъ лоскутомъ, бѣлымъ, полосатымъ шелковымъ и пр. (Pallas. II. 254—260).

[4]) У Палласа (II. 262), наоборотъ, приводятся выдержки изъ священной ламайской книги (Altan-Saba), опредѣляющей на разные случаи различное положеніе трупа (по направленію къ каждой странѣ свѣта).

это вообще дѣлается на томъ основаніи, что у ламъ существуетъ повѣрье, требующее, чтобы тѣло покойнаго съѣли дикіе звѣри или хищныя птицы"[1]). Замѣтимъ приэтомъ, что въ сборникѣ Эрмана[2]), напротивъ, говорится, что трупъ закапываютъ въ могилу глубиною 7 футовъ. „Со всѣхъ четырехъ сторонъ въ могилѣ ставятъ изъ чистаго бѣлаго стекла баночки, наполненныя серебромъ или золотомъ — это выкупъ за землю... Богатый еще при жизни дѣлаетъ завѣщаніе: ...сколько положить съ собой въ гробъ въ видѣ выкупа за землю"[3]). Изъ приведеннаго видно, что при погребеніи употребляется гробъ[4]).

Кромѣ зарыванія въ могилѣ существуютъ другія формы погребенія. „Мертвыя тѣла въ гробахъ ставятъ на поверхность земли или подвергаютъ неполному сожженію"[5]). Приходится иногда, также по опредѣленію священныхъ книгъ, трупъ „бросить въ воду или въ лѣсъ"[6]). „У ламайцевъ трупъ сожигается иногда на кострѣ"[7]). „Тѣла ламъ иногда сожигаютъ и пепелъ въ глиняномъ сосудѣ ставятъ въ небольшихъ часовняхъ, построенныхъ изъ дерева, на вершинѣ холма или горы"[8]).

Умерщвленія лошади при ламайскомъ погребеніи не бываетъ. „Этотъ обычай въ Аларскомъ вѣдомствѣ уничтожили ламы; они настояли, чтобы лошадь поступала въ дацанъ (ламайскій монастырь)"[9]). „Вообще при похоронахъ бываетъ

---

[1]) Народы Россіи. II. 505.

[2]) Archiv für wissensch. Kunde v. Russland. (I. 62).

[3]) Очерки бурятской жизни (Русское Слово 1865. № 11. 175 стр.).

[4]) См. также Erman Archiv. I. 62 и Нар. Росс. II. 505. Но священныя ламайскія книги монгольскихъ народовъ предусматриваютъ случаи, когда умершаго должно хоронить безъ гроба и даже безъ одежды. (Pallas. II. 255).

[5]) Erman. Archiv. I. 62—63.

[6]) Народы Россіи. II. 504.

[7]) Щукинъ. Буряты. (Ж. М. Вн. Д. XXVI. 81).

[8]) Народы Россіи. II. 505.

[9]) Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 37. «До XVI ст. у Монголовъ существовало обыкновеніе съ усопшимъ зарывать верблюдовъ и лоша-

весьма немного проявленій печали; усопшаго на мѣстѣ погребенія сопровождаютъ не болѣе, какъ одинъ или два родственника, и притомъ только мужчины, женщинамъ-же при погребальномъ обрядѣ присутствовать воспрещается. Иногда на память объ умершемъ ставятъ шестъ съ флагомъ изъ бѣлой ткани, на которомъ означается имя покойнаго и молитва: омъ-ма-ни ма-ни" [1]). Если трупъ зароютъ въ землю, то „сдѣлаютъ сверху насыпь земли, наставятъ кругомъ жердей и обтянутъ ихъ веревками. На веревки повѣсятъ разноцвѣтныя тряпки и бумажки, исписанныя молитвами, и онѣ, колыхаясь отъ вѣтра, будутъ, по понятію бурятъ, замѣнять умершему молитвы" [2]). Иногда-же „надъ могилой умершаго ставятъ надгробный памятникъ (деревянный гробъ). Памятникъ этотъ окрашиваютъ краской и вырѣзываютъ на немъ разныя молитвы на тибетскомъ или монгольскомъ языкѣ. Памятникъ обвѣшиваютъ кругомъ разноцвѣтными лоскутками и ленточками и шелковыми или бумажными лоскутами, съ написанными на нихъ молитвами для упокоенія души умершаго... Лоскуты матерій ламы развѣшиваютъ по веревкамъ, свитымъ изъ конскаго волоса, натянутымъ между длинными кольями, вбитыми кругомъ могилы" [3]).

А. К.

дей».. потомъ оно уничтожилось подъ вліяніемъ буддизма. «Новѣйшіе даже монгольскіе законы запрещаютъ убивать лошадей въ честь умершаго». Ковалевскій: О Забайкальскихъ бурятахъ. Казанскій Вѣстникъ. 1830 г. ч. 28-я. 156 стр.

[1]) Erman. Archiv. I. 63. Приведенныя слова означаютъ начало краткой молитвы: омъ-ма-ни-бадъ-мэхунъ (Господи помилуй). Эти молитвенныя слова пишутся черными буквами на бѣлыхъ флюгерахъ, прикрѣпленныхъ къ длиннымъ шестамъ, которые ставятъ на юртахъ ламъ и крышахъ кумиренъ. (Раевъ. Буряты. 18).

[2]) Очерки бурятской жизни. (Р. Сл. 1865 г. 11 кн. 175).

[3]) Народы Россіи. II. 506.

ЭТНОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ

О БРАКАХЪ ЧУВАШЪ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ этнографической литературѣ браки чувашъ характеризуются, между прочимъ, слѣдующими особенностями:

1) В. А. Сбоевъ въ своихъ письмахъ о чувашахъ говоритъ:

«Чувашлята женятся въ самой ранней юности, чувашскія же красотки засиживаются въ дѣвкахъ очень долго. До обнародованія нынѣ дѣйствующаго узаконенія о лѣтахъ, какія должны имѣть женихъ и невѣста, пятнадцати-лѣтніе мальчики сплошь да рядомъ женились на тридцатилѣтнихъ дульцинеяхъ» [1].

Бывшій переводчикъ чувашскаго языка при Козмодемьянскомъ земскомъ судѣ, обрусѣвшій чувашинъ С. М. Михайловъ по тому же вопросу въ статьѣ „Чувашскія свадьбы" говоритъ:

«Чувашскіе молодцы относительно возраста невѣстъ прежде были неразборчивы; но нынѣ постепенно оставляютъ прежнее заведеніе, берутъ женъ лѣтъ въ 20 и даже въ 19-ть» [2].

2) Извѣстная казанская писательница и путешественница по чувашамъ и черемисамъ А. А. Фуксъ въ своихъ „Запискахъ о чувашахъ" сообщаетъ:

«У чувашъ есть обыкновеніе брать женъ и отдавать дочерей замужъ *непремѣнно* (?) въ другія деревни. Отдавать дочерей, или женить сыновей въ своихъ деревняхъ у нихъ считается грѣхомъ, потому что всѣ могутъ поду-

---

[1]) Изслѣдованія объ инородцахъ казанской губерніи. Казань, 1856 г. стр. 26—27.

[2]) Казанскія Губернскія Вѣдомости. 1852 г. № 43.

мать, будто-бы они любили другъ друга до свадьбы. Да и грѣшно—отозвался на ея разспросы одинъ изъ стариковъ, — очень грѣшно жениться на той дѣвкѣ, которую каждый день видишь: счастья не будетъ» [1]).

С. М. Михайловъ о данномъ обстоятельствѣ отзывается такъ:

«Чуваши берутъ себѣ женъ *болье* изъ другихъ деревень, считая за грѣхъ брать однодеревенскую дѣвицу. Грѣхъ имъ брать однодеревенку потому, что каждый чувашскій околодокъ происходитъ отъ одного родоначальника».

В. А. Сбоевъ въ опровержение сообщенія А. А. Фуксъ говоритъ:....

«.... конечно въ малыхъ деревняхъ всѣ жители между собою болѣе или менѣе близкая родня: тутъ ужъ законъ христіанскій воспрещаетъ жениться на дѣвушкѣ изъ одного села.... Но въ большихъ селахъ женихъ *всего чаще* выбираетъ себѣ невѣсту изъ односелокъ и вовсе не считаетъ этого за грѣхъ» [2]).

3) По вопросу о времени года заключенія чувашами браковъ В. А. Сбоевъ въ тѣхъ-же письмахъ говоритъ:

«Чувашскія свадьбы почти исключительно бываютъ весною и лѣтомъ, осенью же и зимою—весьма рѣдко».

С. М. Михаиловъ:

«Свадьбы у чувашъ преимущественно бываютъ послѣ Петрова дня, передъ сѣнокосомъ, т. е. въ началѣ іюня мѣсяца, тогда когда минуетъ «синяя» «семикъ».

Приведенныя наблюденія этнографовъ о бракахъ чувашъ я имѣлъ случай провѣрить лѣтомъ 1886 г. по книгамъ брачныхъ обысковъ за 1803—1806, 1841, 1847—1857 и 1884—1886 годы, хранящимся въ Шуматовской церкви Ядринскаго уѣзда, изъ которыхъ я извлекъ нижеслѣдующія цифровыя данныя. Мнѣ хотѣлось извлечь цифровыя данныя за круглыя десятилѣтія, но, къ сожалѣнію, книги брачныхъ обысковъ отъ начала текущаго столѣтія сохранились въ Шуматовской церкви не за всѣ годы. Изъ книгъ за 1803—1806 гг. я немогъ извлечь свѣдѣній по поставленнымъ выше вопросамъ за неудов-

[1]) Записки Александры Фуксъ о чувашахъ и черемисахъ казанской губерніи. Казань, 1840 г. стр. 26.
[2]) Изслѣдованія .... стр. 20.

летворительностью записей, изъ нихъ мной извлечены были главнымъ образомъ фамиліи (языческія имена) чувашъ. Приведу для примѣра точную копію брачной записи 1803 года:

«1803 года іюня 29 дня. Ядринской округи деревни Кильдишевы приходскія люди къ селу Шуматову, а именно: крещеные изъ Чувашъ јванъ алексѣевъ *Чадый*, Степанъ алексѣевъ, Гаврила јвановъ *Саіря*, василій Григорьевъ *Сендеръ*, василій Михайловъ, бывшіе во святой церкви послѣ Божественной литургіи, чрезъ нижеподписавшихся священно и церковнослужителей были спрашиваны, что объявившіе согласіе совокупится законнымъ бракомъ вдовецъ означенной деревни Савелій Петровъ на отроковицѣ той-же округи села Селоусь крещенаго владимира філиппова сестрѣ, дѣвицѣ феклѣ філипповой, неимѣютъ-ли какого либо препятствія, то есть, родства, кумовства и крестнаго братства и прочихъ винъ, воспрещающихъ имъ вступить въ оное супружество? И по самой сущей справедливости они, прихожаня, объявили, что оные женихъ и невѣста лѣта ко вступленію имѣютъ правильные, женихъ же первой жены въ живѣ точно не имѣетъ; и ни каковыхъ между ими къ тому супружеству препятствій нѣтъ. По сему обыску спрашивали и своеручно подписались: Священникъ Андрей Степановъ, Діаконъ Николай Михайловъ, дьячекъ андрей захаровъ, пономарь иванъ афанасьевъ. Ксему обыску в'место вышеписаныхъ исъ чувашъ крещеныхъ, коихъ имена писаны выше сего, по ихъ прошенію, за неуменіемъ ихъ грамоте, города ядрина купецъ михаилъ щетининъ руку приложилъ.

1803 года іюля 1 дня. Имѣющія быть при бракѣ вышеписанныхъ жениха и невѣсты поежжаня означенной деревни, крещеные алексѣй федоровъ *Симула*, василій алексѣевъ, ілія тѵхоновъ Ефимъ Михайловъ; села Чурашева: федоръ філипповъ дали сію скаску приходскимъ села Шуматова священно и церковнослужителямъ въ томъ, что между означенными женихомъ и невѣстою ни родства, ни кумовства, ни крестнаго братства и ни какихъ другихъ винъ, воспрещающихъ имъ въ оное супружество, ненаходится; лѣта имѣютъ они правильные; женихъ-же первой жены въ живѣ не имѣетъ. Ксей съкасъке по ихъ прошенію, ядринъсъкой купецъ максимъ щетининъ руку приложилъ. При взятіѣ сей скаскѣ были и подписались Священникъ андрей Степановъ діаконъ николай михайловъ, дьячекъ андрей захаровъ пономарь иванъ афанасьевъ» [1]).

I) ЧИСЛО БРАКОВЪ.

Въ 1841, 1847—1857, 1884 и 1885 гг. въ Шуматовскомъ приходѣ браковъ чувашъ (нѣсколько русскихъ браковъ за это время нами въ счетъ не положены) было 491, а именно:

[1]) По характеру письма можно было догадываться, что записи вносились въ книги по мѣрѣ накопленія ихъ, послѣ совершенія браковъ, при чемъ записи нерѣдко писались рукой питомцевъ духовныхъ учебныхъ заведеній, во время ихъ зимнихъ и лѣтнихъ вакатовъ. Они-же расписывались и за неграмотныхъ, что для нихъ составляло источникъ дохода.

Годы.	Холостые.	Вдовцы. 1 бракомъ.	Вдовцы. 2 бракомъ.	Дѣвицы.	Вдовицы. 1 бракомъ.	Вдовицы. 2 бракомъ.
1841	22	9	2	24	8	1
1847	27	5	1	31	2	—
1848	20	7	2	25	4	—
1849	5	7	3	14	1	—
1850	19	12	1	30	2	—
1851	28	14	1	36	6	1
1852	41	11	2	45	8	1
1853	31	5	—	35	1	—
1854	24	9	4	28	8	1
1855	21	15	—	32	4	—
1856	31	6	3	37	2	1
1884	39	14	3	52	4	—
1885	38	7	2	41	6	—
Итого..	346	121	24	430	56	6

II) ВОЗРАСТЪ БРАЧИВШИХСЯ.

Наибольшее число браковъ было въ возрастѣ:

Холостые	Вдовцы. 1 бракомъ.	Вдовцы. 2 бракомъ.	Дѣвицы.	Вдовицы. 1 бракомъ.	Вдовицы. 2 бракомъ.
22 лѣтъ 40	28 лѣтъ 9	35 лѣтъ 2	24 лѣтъ 66	32 лѣтъ 9	23 лѣтъ 1
20 — 34	32 — 8	37 — 2	25 — 51	36 — 4	26 — 1
23 — 33	29 — 7	45 — 2	22 — 48	40 — 4	32 — 1
21 — 28	38 — 6	47 — 2	23 — 45	42 — 4	41 — 1
24 — 26	39 — 6	52 — 2	26 — 33	21 — 3	48 — 1
26 — 26	26 — 5	53 — 2	21 — 31	27 — 3	—
27 — 25	37 — 5	29 — 1	20 — 30	33 — 3	—

Холостые.	ВДОВЦЫ.		Дѣвицы.	ВДОВИЦЫ.	
	1 бракомъ.	2 бракомъ.		1 бракомъ.	2 бракомъ.
25 лѣтъ 24	40 лѣтъ 5	33 лѣтъ 1	27 лѣтъ 21	43 лѣтъ 3	—
28 — 24	55 — 5	38 — 1	19 — 18	20 — 2	—
19 — 22	33 — 4	40 — 1	28 — 18	25 — 2	—
18 — 15	42 — 4	41 — 1	18 — 15	29 — 2	—
30 — 11	43 — 4	48 — 1	29 — 15	30 — 2	—
31 — 9	47 — 4	49 — 1	30 — 10	31 — 2	—
35 — 4	23 — 3	50 — 1	17 — 9	35 — 2	—
33 — 3	24 — 3	51 — 1	32 — 6	41 — 2	—
34 — 2	25 — 3	55 — 1	16 — 3	24 — 1	—
50 — 1	27 — 3	58 — 1	31 — 3	28 — 1	—
52 — 1	31 — 3	60 — 1	33 — 2	34 — 1	—
—	34 — 3	—	34 — 2	37 — 1	—
—	35 — 3	—	37 — 2	38 — 1	—
—	41 — 3	—	36 — 1	39 — 1	—
—	49 — 3	—	40 — 1	45 — 1	—
—	54 — 3	—	—	46 — 1	—
—	30 — 2	—	—	48 — 1	—
—	45 — 2	—	—	—	—
—	48 — 2	—	—	—	—
—	50 — 2	—	—	—	—
—	52 — 2	—	—	—	—
—	53 — 2	—	—	—	—
—	19 — 1	—	—	—	—
—	22 — 1	—	—	—	—
—	36 — 1	—	—	—	—
—	44 — 1	—	—	—	—
—	56 — 1	—	—	—	—
—	59 — 1	—	—	—	—
—	62 — 1	—	—	—	—

Цифровыя данныя о возрастѣ брачившихся наглядно показываютъ, что сообщенія В. А. Сбоева, будто чувашлята женятся въ самой ранней юности, лишено фактическаго основанія. Отъ вступленія въ бракъ въ самомъ раннемъ возрастѣ чуваши удерживались и удерживаются прежде всего изъ боязни поступленія въ солдаты. По приведеннымъ цифровымъ даннымъ нормальный возрастъ для жениховъ у чувашъ 22 года, а невѣстъ—24; случаи-же женитьбы пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ на 30-ти лѣтнихъ дѣвицахъ и въ прежнее время, несомнѣнно, были исключительными. Подобные случаи были и въ Шуматовскомъ приходѣ; такъ въ книгѣ брачныхъ обысковъ за 1804 годъ я нашелъ случай женитьбы 17-ти лѣтняго юноши на 25-ти лѣтней дѣвушкѣ.

Изъ нижеслѣдующей таблицы видно, что случаи превышенія лѣтъ невѣстъ надъ лѣтами холостыхъ жениховъ и вдовцовъ у чувашъ нерѣдки, но нормальными они считаться не могутъ. Неравные браки въ Шуматовскомъ приходѣ за 13 изслѣдованныхъ мною лѣтъ были въ слѣдующихъ соотношеніяхъ:

Годы.	Невѣсты.	ЖЕНИХИ ХОЛОСТЫЕ.											Женихи вдовцы.	Изъ
		18 л.	19 л.	20 л.	21 л.	22 л.	23 л.	24 л.	25 л.	26 л.	27 л.	28 л.		
1841	Дѣвицы.	24	20	„	24	28	„	25	27	„	„	„	26 л. на 32 л.	33 браковъ.
		27	20	„	26	33	„	„	„	„	„	„		
		„	23	„	29	„	„	„	„	„	„	„		
		„	26	„	30	„	„	„	„	„	„	„		
	Вдовы 1 бр.	„	36	40	„	„	„	„	„	„	„	„		
1847	Дѣвицы.	28	30	23	25	26	25	32	„	„	„	„		33 браковъ.
		„	„	28	30	29	29	„	„	„	„	„		
		„	„	„	„	30	„	„	„	„	„	„		
		„	„	„	„	„	„	27	„	„	„	„		

Годы.	Невѣсты.	Женихи холостые.											Женихи вдовцы.	Изъ
		18 л.	19 л.	20 л.	21 л.	22 л.	23 л.	24 л.	25 л.	26 л.	27 л.	28 л.		
1848	Дѣвацы.	25	23	22	22	24	„	„	„	„	„	„		29 браковъ.
		27	25	24	„	26	„	„	„	„	„	„		
		„	27	„	„	„	„	„	„	„	„	„		
		„	27	„	„	„	„	„	„	„	„	„		
	Вдова 1 бр.	„	„	„	„	„	„	32	„	„	„	„		
1849	Дѣвицы.	„	30	„	„	„	24	„	„	„	„	„	23 л. на 26 (дѣвица).	15 браков.
		„	32	„	„	„	„	„	„	„	„	„	27 л. на 42 (вд. 1 бр.).	
1850	Дѣвицы.	23	„	24	„	„	24	„	„	„	„	„	28 л. на 30 (дѣвица).	32 браковъ.
		„	„	25	„	„	24	„	„	„	„	„		
	Вдова 1 бр.	„	„	„	„	28	„	„	„	„	„	„		
1851	Дѣвицы.	24	„	22	23	28	24	„	„	29	„	„	26 л. на 35 (вд. 1 бр.).	43 браковъ.
		„	„	23	„	„	34	„	„	29	„	„	28 л. на 40 (вд. 1 бр.).	
		„	„	23	„	„	„	„	„	„	„	„		
		„	„	33	„	„	„	„	„	„	„	„		
1852	Дѣвицы.	„	27	21	24	25	26	26	„	27	36	„		54 браковъ.
		„	„	25	24	29	„	„	„	31	37	„		
		„	„	26	„	„	„	„	„	„	„	„		
1853	Дѣвицы.	25	23	„	23	23	24	„	„	„	„	29		36 браковъ.
		„	„	„	24	24	28	„	„	„	„	„		
		„	„	„	25	25	„	„	„	„	„	„		

Годы.	Невѣсты.	ЖЕНИХИ ХОЛОСТЫЕ.											Женихи вдовцы.	Изъ
		18 л.	19 л.	20 л.	21 л.	22 л.	23 л.	24 л.	25 л.	26 л.	27 л.	28 л.		
1854	Дѣвицы.	„	24	22	22	23	26	„	28	„	„	30	19 л. на 23 (дѣвица).	37 браковъ.
		„	„	26	„	„	„	„	„	„	„	„	42 л. на 43 (дѣвица).	
		„	„	26	„	„	„	„	„	„	„	„		
	Вдовы 1 бр.	„	23	„	„	„	„	„	„	„	36	43		
		„	„	„	„	„	„	„	„	„	37	„		
	Вдова 2 бр.	„	„	„	„	23	„	„	„	„	„	„		
1855	Дѣвицы.	„	24	22	25	24	„	„	„	„	„	33		36 браковъ.
		„	„	24	„	27	„	„	„	„	„	„		
		„	„	24	„	„	„	„	„	„	„	„		
1856	Дѣвицы.	„	„	26	22	25	„	25	„	„	„	29		40 браковъ.
		„	„	27	24	26	„	29	„	„	„	„		
		„	„	„	„	26	„	„	„	„	„	„		
1884	Дѣвицы.	25	21	21	23	23	24	25	„	27	„	„		56 браковъ.
		„	29	24	24	24	„	„	„	„	„	„		
		„	„	26	„	25	„	„	„	„	„	„		
		„	„	„	„	25	„	„	„	„	„	„		
		„	„	„	„	27	„	„	„	„	„	„		
	Вдова 1 бр.	„	„	„	29	„	„	„	„	„	„	„		
1885	Дѣвицы.	23	24	„	23	25	25	25	„	„	„	„		47 браковъ.
		24	25	„	24	28	25	25	„	„	„	„		
		„	28	„	24	„	„	„	„	„	„	„		
	Вдова 1 бр.	„	„	„	„	„	„	41	„	„	„	„		

Вдовцы у чувашъ женятся какъ на вдовахъ, такъ и на дѣвицахъ. Въ Шуматовскомъ приходѣ за 13 лѣтъ изъ 145 вдовцовъ женились на вдовахъ 89, на дѣвицахъ—56.

III) РОДСТВО У ЧУВАШЪ.

Въ Шуматовскомъ приходѣ за 13 изслѣдованныхъ мною лѣтъ было взято невѣстъ:

Однодеревенокъ:	30	дѣв.,	12	вдовъ	1-мъ бр. и	4	вд.	2-мъ бр.
Одноприхожанокъ. . . .	153	„	27	„	—	—	„	—
Изъ чужихъ приходовъ, а именно:								
Аликовскаго	—	„	2	„	—	—	„	—
Балдаевскаго.	4	„	—	„	—	—	„	—
Ильинско-горскаго. . . (Курм. у. Симб. губ.).	—	„	1	„	—	—	„	—
Оточевскаго	2	„	1	„	—	—	„	—
Селоусинскаго	18	„	1	„	—	—	„	—
Тораевскаго	76	„	4	„	—	—	„	—
Хочашевскаго	32	„	3	„	—	—	„	—
Чемеевскаго	2	„	—	„	—	—	„	—
Чувашско-Сарминскаго .	39	„	1	„	—	—	„	—
Чурашевскаго	18	„	—	„	—	—	„	—
Шемордяновскаго . . .	11	„	1	„	—	1	„	—
Шумшеватскаго, . . .	43	„	2	„	—	—	„	—
Ядринскаго	2	„	1	„	—	—	„	—
Итого. . .	430	дѣв.,	56	вдовъ	1-мъ бр. и	5	вд.	2-мъ бр.

Изъ этихъ данныхъ видно, что увѣреніе г-жи Фуксъ и С. М. Михайлова, будто у чувашъ считается грѣхомъ брать невѣстъ изъ своей деревни, несправедливо. Сколько мнѣ извѣстно, грѣхомъ у чувашъ считалось брать невѣстъ не изъ своей деревни, а изъ той, изъ которой вышла въ замужество мать жениха, потому что чрезъ этотъ бракъ жители деревни матери жениха породнились съ жителями деревни отца жениха [1]). Это препятствіе къ браку въ позднѣйшее время, подъ вліяніемъ православнаго духовенства, почти забылось чувашами, но иногда и теперь оно выставляется помѣхой къ браку.

[1]) Очеркъ юридическаго быта чувашъ Ядринскаго, Козмодемьянскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ В. Магницкаго. Казань Губ. Вѣд. 1868 г. №№ 85—93.

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, по словамъ священника села Кошекъ В. Я. Смѣлова, у чувашъ считается счастливымъ выходъ невѣстъ въ замужество „м а л а л л а“ (впередъ), а несчастливымъ—„к а я л л а“ (назадъ). Направленіе „м а л а л л а“ считается на востокъ отъ деревни, по направленію къ г. Казани, а „к а я л л а“—къ г. Чебоксарамъ. Въ Цивильскомъ уѣздѣ, по словамъ того-же о. Смѣлова, направленія „м а л а л л а“ и „к а я л л а“ считаются по отношенію къ р. Сурѣ.

IV) СВОЙСТВО.

В. А. Сбоевъ говоритъ, что у чувашъ существовалъ еврейскій законъ ужичества, но только съ слѣдующимъ ограниченіемъ: оставшуюся по сметри старшаго брата во вдовствѣ жену бралъ за себя младшій братъ, но старшій братъ не могъ жениться на вдовѣ младшаго брата [1]). Въ подтвержденіе этого сообщенія приведу слѣдующее мѣсто изъ челобитной Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу служилаго татарина Свіяжскаго уѣзда Бекбулатки Колчурина, жаловавшагося царю, между прочимъ, и на то, что его недругъ

«Сулкейко отнялъ насильствомъ у брата его, Бекбулаткова, у Ракая Залкеева жену Московку, Янтуганову дочь, что онъ, братъ его, за себя замужъималъ ту жонку по любви, а не силно. И жила та жонка за братомъ моимъ недилю. і въ томъ межь нами судъ былъ въ Свіяжскомъ передъ Воеводою, князь Савельемъ Ивановичемъ Козловскимъ да передъ Дорофеемъ Семеновымъ. А на судѣ была ссылка околныхъ деревень на старыхъ людей, которые знаютъ веру нашу. И те сторонніе люди сказали, что де д о в е д е т с я п о н а ш е й в е р е б р а т н ю ю ж е н у д р у г о м у б р а т у, а ее деверю Бекбулатку. і въ духовную братъ мой писалъ, а приказывалъ после себя детямъ своимъ тое женку выдать за меня, за брата своего Бекбулатка, за меншого деверя» [2]).

Законъ ужичества едва-ли не былъ общимъ у всѣхъ инородцевъ, населяющихъ Казанскую и Вятскую губерніи. Такъ въ сообщеніи П. Д. Шестакова: „Выдержки изъ архива ела-

---

[1]) Изслѣдованія .... стр. 76 и 86.
[2]) Акты историческіе и юридическіе, собранные Степаномъ Мельниковымъ. Казань 1859 г. стр. 48.

бужскаго духовнаго правленія“ мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее указаніе: „изъ указовъ (сохраняющися въ архивѣ) видно, что съ новокрещенными (вотяками?) обходились очень безцеремонно; даже священники, духовные пастыри, которымъ они были ввѣрены, отнимали у нихъ скотъ, хлѣбъ и проч., **вѣнчали** безъ вѣнечныхъ памятей, ... **брата на братниной женѣ** [1]).

Въ 1888 г. ко мнѣ въ Казань пріѣзжалъ холостой чувашинъ 22-хъ лѣтъ изъ дер. Кудашъ Ядринскаго прихода посовѣтоваться, можно-ли ему просить Владыку о дозволеніи жениться на вдовѣ умершаго родного брата? Приходскій священникъ, оказалось, отказалъ ему въ просьбѣ, и когда я высказалъ, что священникъ поступилъ законно, то мой незнакомецъ остался въ полномъ недоумѣніи, какимъ образомъ жена брата приходится ему въ родствѣ?...

Едвали не подъ вліяніемъ закона ужичества составлено нижеслѣдующее „отпускное письмо“, найденное мной въ обыскныхъ книгахъ Шуматовской церкви.

Отпускное письмо.

«1798-го года, іюля 4 дня. Курмышскаго уезда села покровскаго, ходарова — тожъ новокрещенька въдова матрена анъдреева съдочерью съвоею дарьею саильевой осталася оная въдова после умеръшаго мужа съвоего василья федорова и которая показанная въдова въжительстве съвоемъ съмалолетную показанную дочерью пропитания себе неимевъшая и которую въдову показаннаго селенія съродъственнеки ея: деверь ея родной новокрещенъ иванъ федоровъ, двоюродной ея деверь семенъ федоровъ, которые отпустили оную показанную въдову къ сродственникамъ въ ядринской уездъ въ деревню атменее къ брату ея родному, къ новокрещену василью анъдрееву. И оному брату ея призирать оную въдову вовсе и обратно книмъ показаннымъ ея съродъственникамъ, то есть, деверьямъ въпредь во свое селение жить не принуждать. И по желанию ея, ежели оная въдова въздумаетъ замужъ итти, то оную въдову никому незапрещать итти възамужство. И ежели оная въдова выдетъ въ какое неесть селение замужъ и кому надлежитъ оной бракъ веньчать, то оному священнику съ церковники, разобравъ со своей стороны родъство, что касаеться по правиломъ святыхъ отецъ, и оной бракъ разобравъ веньчать; въ томъ сие отпускное писмо и дали. Писалъ сие отпускное писмо

[1]) Извѣстія Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи т. II, стр. 155.

по прошенію вышепоказанныхъ новокрещенъ ивана федорова и семена федорова тогожъ села поқазаннаго покровъскаго, ходарова—тожъ іерей Ефимъ Стефановъ по ихъ прошенію руку приложилъ».

V) ВРЕМЯ ЗАКЛЮЧЕНІЯ БРАКОВЪ.

Въ Шуматовскомъ приходѣ въ указанные годы браки совершены были въ слѣдующіе мѣсяцы, въ порядкѣ большинства браковъ:

ЖЕНИХИ И НЕВѢСТЫ.	Въ Іюлѣ.	Въ Январѣ.	Въ Февралѣ.	Въ Апрѣлѣ.	Въ Маѣ.	Въ Іюнѣ.	Въ Августѣ.	Въ Сентябрѣ.	Въ Октябрѣ.	Въ Ноябрѣ.	Итого.
Холостые	126	70	47	3	41	40	1	7	4	5	346
Дѣвицы	143	92	53	5	53	56	2	8	9	9	430
Вдовцы 1 бр. . .	21	32	7	4	21	20	2	4	5	5	121
Вдовцы 2 бр. . .	10	5	—	2	5	2	—	—	—	—	24
Вдовицы 1 бр.. .	14	14	1	3	14	5	1	3	—	1	56
Вдовицы 2 бр.. .	2	1	—	1	—	1	—	—	—	—	5

Предѣльными числами заключенія браковъ въ іюлѣ мѣсяцѣ были: въ 1841 году 11 іюля; въ 1847—13-го, 1848—15-го, 1849—24-го, 1850—9-го, 1851—20-го, 1852—30-го, 1853—26-го, 1854—9-го, 1855—3-го, 1856—25-го, 1884—20-го, 1885—14-го іюля.

Изъ приведенной таблицы видно, что браки у чувашъ заключаются далеко не исключительно лѣтомъ, но въ значительномъ числѣ и зимой, въ Январѣ и Февралѣ мѣсяцахъ. Русскіе объ іюньскихъ бракахъ чувашъ отзываются неодобрительно. Есть тому и разумныя основанія. Такъ извѣстно, что въ іюлѣ начинаются полевыя работы: сѣнокосъ и жнитво, въ которыхъ женскій полъ у чувашъ участвуетъ наравнѣ съ мущинами. И вотъ нерѣдко случается, что новобрачная отправляется на сѣнокосъ на другой-же день послѣ брака. Очевидно предосудительнаго въ этомъ нѣтъ ничего, но бѣда въ

томъ, что молодушка, по чувашскому этикету, на сѣнокосѣ должна быть во всемъ праздничномъ нарядѣ молодой женщины: при двухъ „шульгемэ“ на груди, въ „хошпу“ на головѣ, въ изобиліи унизанныхъ серебряной монетой, и тяжелыхъ металлическихъ серьгахъ на ушахъ [1]), а между тѣмъ однѣ „шульгемэ“ у богатыхъ составляютъ тяжесть вѣсомъ фунтовъ до 12-ти. Не говоря о непривычкѣ держать себя въ необычномъ костюмѣ, „шульгемэ“, болтаясь на груди изъ стороны въ сторону при каждомъ взмахѣ косой, до крайности затрудняютъ косьбу. Въ тоже время работать молодушкѣ необходимо съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ, потому что на нее устремлены взоры всѣхъ косцовъ, высматривающихъ и оцѣнивающихъ, насколько молодушка способна къ работѣ и усердна къ ней. И работаютъ молодушки на сѣнокосѣ до того подъ часъ усердно, что иногда падаютъ мертвыми. Такой случай въ Шуматовскомъ приходѣ былъ, между прочимъ, 17 іюля 1867 года. 16 іюля этого года чувашинъ деревни Янасалъ, околодка Кабырлей, Якимъ Андреевъ, былъ повѣнчанъ, а 17-го іюля его молодая жена Татьяна Андреева на сѣнокосѣ скончалась. Другой такой-же случай мнѣ извѣстенъ по корреспонденціи изъ Козмодемьянскаго уѣзда [2]). Тѣмъ не менѣе чувашскія дѣвушки считаютъ выходъ въ замужество не въ обычные мѣсяцы для себя зазорнымъ. Насъ увѣряли въ Шуматовѣ, что въ осенніе, напр., мѣсяцы выходятъ въ замужество только тѣ дѣвушки, которымъ и безъ замужества предстоитъ сдѣлаться матерями.

Въ виду такихъ браковъ и того обстоятельства, что чувашскія невѣсты засиживаются въ дѣвушкахъ лѣтъ до 30-ти, русскіе отзываются о чувашахъ, будто-бы они относятся снисходительно къ вольности своихъ дочерей. Въ дѣйствительности, у чувашъ за дѣвушекъ, сдѣлавшихъ грѣхъ, неплатится „холымъ„; согрѣшившія дѣвушки изъ семействъ

---

[1]) Чувашскія свадьбы С. М. Михайлова. Казан. Губ. Вѣд. 1852—№ 47 и 1853 № 5.

[2]) Волжско-Камское Слово. 1882 г. № 160.

богатыхъ родителей выдаются въ замужество за бѣдняковъ. По должности судебнаго слѣдователя 2-го участка Чебоксарскаго уѣзда въ 1863—1877 годахъ мнѣ ежегодно приводилось производить по нѣскольку слѣдствій о дѣтоубійствахъ и сокрытіи чувашскими дѣвушками труповъ мертворожденныхъ младенцевъ, что—очевидно—говоритъ какъ за то, что въ семьѣ не безъ урода, такъ и за то, что вольность поведенія признается предосудительной самими дѣвушками. Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, кромѣ-того, чувашамъ извѣстна „а ч ȁ т у д а р м ȁ н к ŏ р ы г е“—трава, чтобы не зарождалось дитя (Achilles millefolium) — тысячелистникъ, девятильникъ [1]). Имѣетъ-ли развращающее вліяніе на нравственность чувашскихъ дѣвушекъ вѣрованіе чувашъ Тюрлеминскаго прихода Чебоксарскаго уѣзда, что дѣвушка, умершая дѣвственной, становится по смерти женой Эфеля [2]) я не имѣлъ случая разслѣдовать.

Я уже имѣлъ случай сообщить въ 1882 г., что чуваши Шуматовскаго прихода заимствуютъ сельско-хозяйственные пріемы и моды въ нарядахъ отъ черемисъ сосѣдняго Козмодемьянскаго уѣзда [3]). Въ 1886 г. мнѣ разсказывали въ Шуматовѣ, что черемисскія женщины и дѣвушки во многихъ селеніяхъ стали устранять въ своихъ нарядахъ украшенія серебряной монетой и гнушаться, между прочимъ, барабаннымъ боемъ во время свадебъ, который стали замѣнять игрой на гармоникѣ. Слухъ объ этомъ скоро дошелъ до Шуматовскихъ чувашъ и у многихъ вызвалъ сочувствіе къ нововведеніямъ черемисъ и желаніе подражать имъ и въ свадебныхъ обрядахъ.

Утратила у чувашъ Шуматовскаго прихода свое значеніе и такъ называемая „С и н з е“ [4]).

В. Магницкій.

[1]) Нравы и обычаи въ Чебоксарскомъ уѣздѣ. Этнографическій сборникъ В. Магницкаго. Казань 1888 г. стр. 20.

[2]) Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры В. Магницкаго. Казань 1881 года.

[3]) Изъ поѣздки въ село Шуматово. Извѣстія Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Т. II, стр. 178.

[4]) Волжскій Вѣстникъ (корреспонденц. изъ Шуматова) 1886 г. № 193.

Хроника.

I. МУЗЕИ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ ВЪ 1891 г. [1]).

4. ИРКУТСКІЙ МУЗЕЙ

(при Восточно-Сибирскомъ Отдѣленіи И. Р. Г. Общества [2]).

Музей не можетъ похвалиться своимъ устройствомъ. Помѣщеніе пока мало, служитъ не только для храненія коллекцій, но и для засѣданій и Общихъ Собраній. Въ виду этого И. М. Сибиряковъ пожертвовалъ въ концѣ 1889 г. 6000 р. на расширеніе зданія музея съ тѣмъ, чтобы залъ для храненія коллекцій былъ совершенно отдѣленъ отъ зала для засѣданій членовъ Общества и публичныхъ чтеній. Къ пожертвованію И. М. Сибирякова присоединилось пожертвованіе П. А. Сиверса на сумму 9000, такъ что получилась возможность начать постройку каменнаго зданія съ двумя залами.— Коллекціи не распредѣлены по группамъ, хотя разгруппировать ихъ было давно постановлено. Ревизіонная Комиссія, замѣчая о дѣятельности В.-Сиб. Отдѣла въ 1888 г., говоритъ между прочимъ: «Отчетный годъ прошелъ для музея Отдѣла почти совершенно безслѣдно, такъ какъ для приведенія его въ порядокъ не сдѣлано ничего существеннаго. Провѣрку имущества музея по каталогамъ Комиссія нашла невозможнымъ сдѣлать. Всѣ вещи, кромѣ буддійской и археологической коллекцій, размѣщены въ шкафахъ безъ соблюденія системы. Нѣкоторыя вещи попорчены молью, часто встрѣчаются вещи безъ этикетокъ, въ другихъ случаяхъ этикетки на предметахъ не соотвѣтствуютъ каталогу. Каталоги существуютъ только инвентарные, хроноло-

---

[1]) При описаніи музеевъ Редакція «Извѣстій» оказывается вынужденной уклоняться отъ строго географическаго порядка, такъ какъ относительно нѣкоторыхъ музеевъ, напр., Нерчинскаго и Владивостокскаго въ ея распоряженіи до настоящаго времени нѣтъ никакихъ данныхъ.

[2]) За неимѣніемъ каталога описаніе Иркутскаго Музея составляется по тѣмъ даннымъ, которыя разсѣяны по протоколамъ и журналамъ засѣданія В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общества за 1889—91 г. *Ред.*

гическіе, въ нихъ №№ одного не соотвѣтствуютъ №№ другого, нѣкоторыя изъ вновь поступившихъ коллекцій не занесены въ каталогъ. Въ прошломъ году, возражая Комиссіи, Комитетъ ссылался на недостатокъ помѣщенія и средствъ. Замѣченные Комиссіей безпорядки Комитетъ надѣялся устранить, получивъ субсидію отъ Думы; субсидія (600 р.) получена, а музей не приведенъ въ порядокъ. По поводу этой субсидіи Комиссія напоминаетъ, что она дана подъ условіемъ устройства объясненій коллекцій и составленія коллекцій общеобразовательнаго характера. Ни коллекцій, ни объясненій Комитетомъ не устроено, а потому Отдѣлъ, если не приметъ мѣръ къ выполненію принятаго на себя обязательства, рискуетъ потерять довѣріе и матеріальное воспособленіе города».

Въ Музеѣ Отдѣла къ 1 января 1889 г. находилось 1138 номеровъ, подъ которыми числилось 9098 предметовъ, изъ нихъ:

Въ этнографической коллекціи	1948.
„ археологической „	1237.
Разныхъ предметовъ	472.

Къ Февралю 1891 г. какъ можно видѣть изъ протоколовъ Отдѣла, этнографическая коллекція увеличилась до 2048 предметовъ, археологическая—до 1267. Какіе именно предметы имѣются, на какія группы можно ихъ раздѣлить,—сказать трудно, извѣстно только, что въ этнографическую коллекцію входитъ обширная буддійская коллекція, т. е. коллекція предметовъ, относящихся къ буддійскому культу, затѣмъ—все увеличивается бурятская коллекція; въ археологической коллекціи имѣются предметы всѣхъ вѣковъ, между прочимъ—коллекція орудій бронзоваго вѣка, найденныхъ въ первый разъ въ Балаганскомъ округѣ. — Въ концѣ 1890 г. Распорядительный Комитетъ Отдѣла рѣшилъ избрать Комиссію для разборки и приведенія въ порядокъ коллекцій; для бурятскихъ и буддійскихъ коллекцій были избраны Д. П. Першинъ и И. А. Подгорбунскій, для археологическихъ — Н. И. Витковскій и для этнографическихъ—Д. А. Клеменцъ.

Т.

5. ТОМСКІЙ МУЗЕЙ

при Императораторскомъ Томскомъ Университетѣ [1]).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Классъ I. Антропологія.

Черепа длинноголовые	14.
Черепа круглоголовые	11.
Черепа съ выступающимъ гребнемъ	5.
Сойотскій черепъ	1.
Итого №№	31.

[1]) Описаніе составлено по «Каталогу» и «Дополненію» къ нему (Томскъ 1888 и 1890), почему о помѣщеніи, объ удобствахъ Музея нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Классъ II. Этнографія.

А. Русскій отдѣлъ.

Одежда и обувь	20.
Украшенія (серьги, кольца и перстни, запонки)	17.
Хозяйственныя принадлежности и домашняя утварь	52.
Орудія (топоры, кирки, долота, косы, серпы, цѣпы)	24.
Орудія передвиженія (модели)	3.
Ткани и кружева; орудія ихъ производства	9.
Кресты, крестики, образа	22.
Книги, рукописи, картины, портреты	61.
Различныя вещи	33.
Итого №№	241.

Б. Сойотскій отдѣлъ.

Одежда, обувь и украшенія	10.
Юрта и утварь (посуда, столы, ящики)	21.
Орудія (хозяйственныя, охотничьи) и инструменты	26.
Орудія пытки	2.
Музыкальные инструменты	2.
Амулеты	2.
Различные предметы	18.
Итого №№	81.

В. Амурскій отдѣлъ.

(Манджуры, Манягры, Мангуны, Тунгусы, Гольды, Гиляки).

Типы; предметы внѣшняго быта (снимки на 7 таблицахъ)	137.
Одежда и обувь	27.
Холстъ, нитки и орудія ихъ приготовленія	9.
Утварь (посуда, ложки, ведра, туясы и т. п.)	13.
Орудія (копья, ножи, наконечники стрѣлъ)	11.
Орудія передвиженія (нарты, лодки, весла)	9.
Предметы религіознаго культа (амулеты, идолы, одежда шамановъ)	24.
Различные предметы	12.
Итого №№	242.

Г. Инородцы Сѣверной Сибири и предметы ихъ быта.

Самоѣды	12.
Остяки	20.
Вогулы	2.
Якуты	1.
Качинцы	6.
Сагайцы	7.
Итого №№	48.

Д. Инородцы Сибири, Средней Азіи, Западнаго Китая и Монголіи, ихъ типы и предметы ихъ быта [1]).

	Типы.	Предметы.
Авганцы	9	—
Дунганы	7	—
Евреи	4	—
Индусы	5	—
Калмыки	17	—
Каракалмыки	2	—
Каракиргизы	11	—
Караколпаки	1	—
Карашары	1	—
Киргизы	21	—
Китайцы	27	86
Монголы	39	2
Персіане	2	—
Сарты	10	—
Сибинцы	8	—
Таджики	3	—
Таранчи	22	5
Торгоуты	11	1
Туркмены	2	4
Узбеки	3	—
Чахары	10	—
Челоказаки	1	—
Японцы	—	2
Различные виды и предметы	130	—
Итого №№ . . .	446.	

Е. Американскій отдѣлъ.

Типы и виды (фотографіи)	55.
Орудія (луки, стрѣлы, топоры, ножи, щиты)	30.
Одежда и обувь	15.
Различные предметы	26.
Итого №№ . . .	126.

Всего въ антропологическомъ отдѣлѣ №№ . . . 1215.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

А. Каменныя орудія.

Топоры (12), молотки (7), клинъ	20.
Скребки (18), пестики (6) игла, закругленный камень	26.

[1]) Для большаго удобства названія народностей распредѣлены по алфавиту.

Бруски и палочки. . . . . 32.
Жернова ручные (6), ядра (4). 10.
Напрясла (7), наконечники стрѣлъ и копій (47) . . . . 54.
Различныя каменныя вещи. . . . . 32.
Нефритовые предметы (ножикъ, скребокъ) . . . . 3.

Итого №№ . . . 177.

Б. Костяныя орудія.

Шилья (21), иглы (7), крючки (3), гребень. . . . . 32.
Ножи (35), ручки къ ножамъ (5), стамески или клинья (61) . . . 101.
Наконечники стрѣлъ (297), плоскія пластинки (28). . . . . 325.
Напрясла (10), скребки (9), трубки (9), стремена (4) . . . . 32.
Различные предметы. . . . . 160.

Итого №№ . . . 650.

В. Глиняные предметы.

Горшки, криночки, чашки (43), чарки (11). . . . . 54.
Идольчики (3), изображенія лошадей (29). . . . . 32.
Напрясла (68), цилиндры и конусы (22), шарики (11). . . . . . . 101.
Водопроводныя трубы (6), кирпичи (6) и различные черепки . . . 229.

Итого №№ . . . 416.

Г. Предметы изъ красной мѣди.

Топоры (3), кельты (32), долота и стамески (13). . . . . 48.
Кинжалы (12), ножи (102), серпы (13). . . . . 127.
Шилья (3), стрѣлки и копья (4), вилки (11). . . . . 18.
Булавы (2), ножницы, трубочка, крючекъ. . . . . 5.
Котлы и обломки котловъ (19), блюдо, крышки (3) . . . . 23.
Удила (14), стремена (5), бляхи (6). . . . . 25.
Браслеты (2), перстни и кольца (9), серьги (12), пряжки (2), зеркала (3) . . . . 28.
Идолы (3) и различные мѣдные предметы (13). . . . . 16.

Итого №№ . . . 290.

Д. Предметы изъ желтой мѣди (латуни).

Кельты (2), копья (2), кинжалы (2), ножъ, гребень, прутъ . . . . 9.
Бляхи (2), пряжки (2), пластинки съ изображеніями. . . . . . . 7.

Итого №№ . . . 16.

Е. Бронзовые предметы.

Топоры (6), кельты (29), долота (4), боевые молоты (5). . . . . . 44.
Кинжалы (16), ножи (117), вилки (2), шилья (17), иглы (7). . . . 159.
Копья (2), стрѣлы (18), булавы (2), плоскія пластинки (72), серпъ. 95.

Шейные обручи (6), перстни и кольца (40), браслеты (5), серьги (51) зеркала (36), пряжки (10) . . . . 148.

Пластинки съ изображеніями птицъ, медвѣдя, черепахи, оленя, барана, коня (44), изображенія человѣка (идолы) (9). . . . . 53.

Бляхи (18), удила (12), трубочки (8), напрясла (2) . . . . 40.

Чашечки (4), тарелки (3), ложки (2). . . . . 9.

Различные предметы. . . . . 55.

Пластинки изъ *бѣлой* бронзы . . . . 2.

Итого №№ . . . 605.

Ж. Желѣзные и чугунные предметы.

Топоры (4), кельты (4), долота (4), шилья (14), серпы (3). . . . . 29.

Лопаты (11), сошникъ, крючки (10), ножницы (13). . . . . 35.

Кинжалы (23), ножи (85), мечи и тесаки (5), копья (14), стрѣлы и наконечники стрѣлъ (497), гарпуны (6) . . . . 630.

Шлемы (3), кольчуги (11) . . . . 14.

Кольца (12), удила (46), стремена (21). . . . . 79.

Различные желѣзные предметы. . . . . 39.

Чугунные предметы. . . . . 4.

Итого №№ . . . 830.

З. Предметы изъ бѣлаго металлическаго сплава.

Зеркала (15), браслеты (3), подвѣски (4), звѣзда. . . . . 23.

Пластинки (4), трубка, стремя, фигуры человѣка и неопредѣленные предметы. . . . . 9.

Итого №№ . . . 32.

И. Металлическія вещи [1]).

Кружки съ изображеніями (8), привѣски (6), трубочки (3). . . . 17

Пряжки (43), крышки (5) и другіе различные предметы . . . . . 84.

Итого №№ . . . 101.

Всего въ археологическомъ отдѣлѣ №№ . . . 3117.

Н. Т.

[1]) Такое неопредѣленное названіе мы вынуждены оставить потому, что въ самомъ каталогѣ несказано точно, изъ какого металла сдѣлана вещь,—указано только: «металлическая».

2. ЭКСПЕДИЦІИ, РАСКОПКИ И СЛУЧАЙНЫЯ НАХОДКИ, ИМѢВШІЯ МѢСТО ВЪ РОССІИ ВЪ 1891 г.

Археологическія поѣздки по Вятской губерніи лѣтомъ 1891 г. [1]). Предпринимая поѣздку (по порученію Московскаго Археологическаго Общества) въ Кайскій край Слободского уѣзда, я имѣлъ въ виду прослѣдить западную границу распространенія чудскихъ древностей и преданій о чуди, отыскать новыя городища изъ группы средне-вятскихъ городищъ и ознакомиться съ церковными древностями этой мѣстности, особенно съ кайскими деревянными церквами. Собранныя свѣдѣнія позволяютъ мнѣ высказать предположеніе, что чудь, занявъ берегъ Камы, остановилась предъ огромнымъ волокомъ, раздѣляющимъ здѣсь бассейны Камы и Вятки, и не проникла чрезъ него. По камскую сторону волока слышно уже множество преданій о чуди, о которой здѣсь говорятъ какъ о вчерашнихъ насельникахъ края. Во многихъ старинныхъ деревняхъ до сихъ поръ поминаютъ «чучкихъ» родителей (дер. Рубежная), но всего любопытнѣе, что въ разныхъ мѣстахъ кайскаго края до сихъ поръ живутъ «чучкіе отроки», т. е. прямые потомки чуди (напр. въ с. Гидаевѣ, д. Смолиной, д. Рубежной). Я видѣлъ нѣсколькихъ такихъ «отроковъ». Это какое-то странное инородческое лицо, не напоминающее ни вотское, ни финское, какъ мы его себѣ представляемъ по петербургскому чухонцу. Глаза и волосы черные какъ смоль, черты лица рѣзкія и довольно правильныя. Слѣдовъ городищъ и отдѣльныхъ находокъ старинныхъ предметовъ по теченію Камы много не было отыскано. Ихъ либо нѣтъ вовсе, либо очень мало, и вообще у меня составилось такое впечатлѣніе что эта мѣстность не была занята чудскою культурою съ давнихъ поръ, хотя отсюда не такъ далекъ зюздинскій край съ его богатыми находками чудского типа. Сплошное старинное чудское населеніе по Камѣ можно прослѣдить пока лишь съ рч. Весляны, протекающей уже въ Пермской губ. Чудскіе предметы нами найдены уже въ сторонѣ отъ Камы, около с. Гидаева, расположеннаго скорѣе въ бассейнѣ р. Сысолы, и идутъ они, вѣроятно, уже съ сѣвера, съ Вычегды. Эти предметы хотя и близки къ чудскимъ древностямъ, но замѣтно грубѣе; вѣроятно, это уже зырянскія древности.

Одно изъ лучшихъ моихъ воспоминаній въ эту поѣздку составляютъ кайскія деревянныя церкви. Въ самомъ Каю оказалась внушительныхъ размѣровъ деревянная церковь постройки средины XVIII в., по архитектурѣ очень напоминающая каменныя церкви того же времени, а въ д. Гущиной и Монастырской (въ приходѣ с. Гидаева) и въ д. Великое поле (въ приходѣ с. Лойнъ) до сихъ поръ цѣлы прелестнѣйшія церкви постройки XVII в. Покрытіе теремкомъ, а на алтарѣ бочкой, *отопляются по черному*. Всѣ кайскія церкви покосились на одинъ уголъ, и на нихъ уже давно косятся. Неужели нѣтъ средствъ сохранить такую драгоцѣнность?

По западную сторону волока мы не нашли никакихъ слѣдовъ чуди. Найденное на р. Осетровкѣ городище оказалось ничуть не чудскимъ. Въ церковной архитектурѣ этой мѣстности встрѣчены любопытныя варіаціи. Ста-

---

[1]) Письмо въ редакцію.

рыхъ актовъ нигдѣ не найдено. Любопытна деревянная обѣденная церковь въ с. Екатерининскомъ.

Для того же общества я началъ раскопку самаго богатаго изъ средневятскихъ городищъ—Пріоборскаго на Чепцѣ. Особенно замѣчательныхъ находокъ не отыскано, но все же городище обѣщаетъ быть интереснымъ, такъ какъ всѣ остальныя городища этого типа почти совершенно пусты.

Въ августѣ мнѣ пришлось (по порученію Императорской Археологической Комиссіи) сдѣлать поѣздку на р. Юмъ, въ Котельническій уѣздъ. Въ поч. Загробинскомъ весною случайно найдены были любопытныя чудскія вещи, и я заподозрилъ существованіе здѣсь могильника. Въ самомъ дѣлѣ, на мѣстѣ находки отыскано подобіе могильника. Костей не найдено, погребены только вещи, въ отдѣльныхъ кучкахъ. Найдены: мечъ въ серебряной оправѣ, 2 серебряныхъ гривны, серьги, обрывки ремней съ серебряными бляшками, стремена, довольно много чудскихъ шумящихъ привѣсокъ и проч. Найденные предметы аналогичны съ находками изъ раскопанныхъ мною прежде пижемскихъ городищъ и съ предметами курманскаго могильника, открытаго гр. Ѳ. А. Уваровымъ на Окѣ. Это факты волжской, а не камской чуди.

А. Спицынъ.

Этнографическая экскурсія къ Мордвѣ. Д. членъ Общества И. Н. Смирновъ совершилъ лѣтомъ 1891 г., эксурсію въ область Мордвы — Мокши. Пунктами наблюденія надъ Мордвой были селенія Карсаевка въ Чембарскомъ у. Пензенской губ., Пичилейка въ Городищенскомъ и Шадымъ въ Инсарскомъ у. Главной задачей экскурсанта было изслѣдованіе вѣрованій и религіозныхъ обрядовъ Мордвы (формы погребенія, культъ предковъ, анимистическія воззрѣнія на природу и культъ стихійныхъ божествъ). Въ настоящее время собранный матеріалъ обработывается и войдетъ въ содержаніе начатаго печатаніемъ очерка историко-этнографическаго «Мордва». Передъ поѣздкой въ мордовскія селенія авторъ ознакомился съ тѣмъ матеріаломъ для исторіи и современнаго быта Мордвы, который заключается въ архивахъ Нижегородской и Тамбовской Архивныхъ Комиссій и въ Пензенскихъ и Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за все время ихъ существованія.

Членъ-сотрудникъ Общества М. Е. Евсевьевъ совершилъ поѣздку къ Мордвѣ Кузнецкаго у. Саратовской губ. и Краснослободскаго Пензенской для изученія Мокшанскаго нарѣчія и собиранія матеріаловъ для Мокшанскаго словаря (словъ и текстовъ).

Членъ-сотрудникъ Общества Т. С. Семеновъ совершилъ поѣздку въ Бирскій у. Уфимской губ. для опредѣленія мусульманскаго вліянія на проживающихъ тамъ Черемисъ-язычниковъ.

Д. членъ Общества П. А. Пономаревъ совершилъ поѣздку на мѣсто древняго Укека и ознакомился съ раскопками, предпринятыми тамъ Саратовской Архивной Комиссіей.

Д. членъ Общества И. А. Пвносковъ совершилъ поѣздку въ Кара-Якуповскую волость Белебейскаго уѣзда Уфимской губерніи и вывезъ оттуда, кромѣ этнографическихъ замѣтокъ о Черемисахъ и Башкирахъ, бумаги, относящіяся къ исторіи Башкиръ въ XVIII в.

Финскій ученый А. Гейкель, возвратившійся весной 1891 г. изъ экспедиціи въ Монголію, приготовляетъ въ настоящее время къ печати собранныя имъ Орхонскія надписи.

3. ТЕКУЩАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Общество Любителей изслѣдованія Алтая въ Барнаулѣ. 27 октября 1891 г. начальникомъ Алтайскаго округа Н. И. Журинымъ были собраны въ залѣ Барнаульскаго Общественнаго Собранія члены-учредители Общества. Послѣ прочтенія краткой записки, при которой былъ представленъ проэктъ устава на утерженіе, и самого утвержденнаго устава, было приступлено, на основаніи 20 и 21 §§ устава, къ выбору совѣта, состоящаго изъ предсѣдателя, товарища его, трехъ членовъ и трехъ кандидатовъ. Предсѣдателемъ былъ выбранъ Ф. Е. Зассъ, товарищемъ его Л. Л. Мартини, членами совѣта А. Н. Недзвецкій, П. Н. Соболевъ, П. Р. Чайгинъ и кандидатами Н. С. Гуляевъ, Д. А. Поникарововскій, Н. С. Волконскій. Послѣ сего была произведена баллотировка членовъ Общества, изъявившихъ согласіе записаться, которыхъ оказалось до тридцати человѣкъ и между ними нѣсколько дамъ. На первый разъ всѣхъ членовъ вмѣстѣ съ учредителями состоитъ въ Обществѣ слишкомъ шестьдесятъ человѣкъ. Цѣль Общества—всестороннее изслѣдованіе Алтайскаго округа. (Сиб. Вѣст. 1891, № 130).

Можно пожелать, чтобы новое ученое Общество включило въ кругъ своихъ задачъ имѣющую такое важное значеніе въ русской археологіи исторію горнаго дѣла въ краѣ съ древнѣйшихъ временъ.

Матеріалы.

А. Археологическіе.

Городокъ Худояра (Кудеяра-тожъ).

Въ одной верстѣ на востокъ отъ с. Лапшанки (Никольское-тожъ) Сенгилеевскаго у. Симбирской губ. на горѣ, возвышающейся саженъ на 20—30 надъ уровнемъ рѣчки (названіе неизвѣстно), находятся на пространствѣ около 30 кв. саж. рвы и валы, образуя собой четырехугольникъ. Среди этого четырехугольника встрѣчается нѣсколько глубокихъ ямъ, представляющихъ остатки какихъ-то построекъ, видимо подземныхъ. Отъ валовъ и рвовъ, извѣстныхъ здѣсь подъ названіемъ городка Худояра, верстъ на 40—50 къ востоку идетъ дорога къ р. Волгѣ, окаймленная лѣсомъ и выстланная необдѣланными плитами песчаника, добываемаго въ окрестностяхъ того-же городка Худояра. На сѣверъ отъ городка встрѣчается много изгари,—можетъ быть, что здѣсь находились нѣкогда кузницы. Преданіе говоритъ, что здѣсь нѣкогда жилъ татарскій ханъ Худояръ, занимавшійся разбоемъ, что онъ отправился разъ на Волгу указанной мощеной дорогой и затѣмъ исчезъ безслѣдно; послѣ него осталось много зарытаго въ землѣ золота. На самомъ же дѣлѣ здѣсь по временамъ выпахиваютъ то кольчугу, то сѣкиру, то мечъ, желѣзное стремя, непохожее на современное, замокъ, запирающійся дужкою снаружи,—то мѣдные колокольчики на трехъ снизу мѣдныхъ шарикахъ. — О костяхъ людей или животныхъ ничего неизвѣстно, очевидно, что ихъ не находили.

М. Извощиковъ.

Б. Этнографическіе.

Стихъ покаянный.

Увы мнѣ, душе грѣшная моя!
Почто мнѣ зрѣть чужіе грѣхи,
Довлѣло бы судить самого себе,
Понеже я свѣмъ вся злая моя,
Которыми азъ грѣхи побѣжденъ;

Довлѣло бы мнѣ творити добро,
Но вмѣсто добра азъ злая творю.
Почто мя отецъ на сей роди свѣтъ?
Почто мене мать не повергнула
Въ дивіихъ пустыняхъ непроходныихъ?
Почто не вверже въ дебри-пропасти,
Гдѣ есть жительство коркодилово?
Скифская пустыня, глубокая дебрь,
Почто не прія мене жительствомъ?
Идѣ же тамо множество аспидъ,
Зміина порода всякаго рода,
Дивіи орли дѣтей плодятъ;
Ввергають тамо осужденныхъ въ смерть.
И мнѣ бы тамо унѣе пребыть
Въ скифской пустынѣ—глубокая дебрь;
Дивіи орли отъ плоти моея
Чадъ своихъ насытили бы,—
Нежели мнѣ зрѣть горьку жизнь свою.
Безсчастный той часъ, какъ родихся азъ:
Въ часъ время того измѣнися тварь,
Земля возрыда, мене грѣшна зря,
Предвари мя горесть, грѣховъ моихъ плодъ,
Облакъ мрачный солнце осѣни,
Луна измѣнила свѣтлость естества,
Свѣтъ свой сокрыли звѣзды въ небеси,
Моихъ ради грѣховъ, сотворенныхъ впредь,
Прорече вся тварь о моихъ грѣсѣхъ.
Вкусъ горекъ зѣло—пелыни есть жолчь,
Горчае всего безсчастна есть жизнь,
Ровно въ темницѣ вавилонской есть
Осужденному на смерть вѣчную.
Почто земля нѣдръ не разверзила,
Не пожрала меня живаго сущи,
Дабы я не зрѣлъ горьку жизнь свою?
Моря и рѣки, стихія водная,
Почто на себѣ носила грѣшнаго,
Како не покры свирѣпыми волны?
Горы и холмы, мѣста каменныя,
Почто стерпѣли стопамъ грѣшныимъ,
Не растворили своихъ славныхъ нѣдръ,
Не пріяли мя жива сущаго?
Многи грады зданны каменные,
Почто не пали стѣны на меня,—
Окончалъ бы я свою горьку жизнь.
Создатель творецъ положи конецъ,

Всю тварь преклони къ милосердію!
Не вѣмъ, грѣшный, что глаголати;
Изжихъ жизнь свою въ беззаконіихъ.
Плачите мене, вся словесна тварь!
Лисы и птицы всѣ гнѣзда имутъ,
Киты велики въ пучинѣ живутъ,
Зміи карасты въ разсѣлинахъ суть,
Отъ Бога вся тварь сотворенная
Творитъ вся, Богомъ повелѣнная;
Токмо единъ азъ преступникъ Богу,
Пресельникъ азъ есмь на земли живу,
Не изыскахъ азъ во всей твари той
Горчае себя и несчастливѣе.
Многи грѣхи злы мене грѣшнаго
Лишили земли, непричастнаго,
Не имамъ части на земли гдѣ жить,
Идѣ же бы азъ создалъ колибу,
Дабы улучилъ покой поне малъ:
Убѣжалъ бы азъ въ лѣтѣ отъ зноя,
Согрѣлъ бы я плоть отъ люта мраза.
Почто мя Господь во гробъ не вселитъ!
Не имамъ мѣста гдѣ крестъ водрузить,
Градъ отечества отрину мене,
Роду по плоти недостоинъ азъ,—
Грѣхъ ради моихъ мзда мнѣ праведна,
Словесны други, въ годъ скорби-бѣды,
Отреклися вси съ поношеніемъ.
Гдѣ азъ скрыюся съ моими грѣхи?
Въ боры-вертепы возбраняютъ грѣхи,
Въ скитахъ-пустыняхъ живутъ праведны,
Въ градѣхъ, селѣхъ и малыхъ весѣхъ
Провождаютъ жизнь свою со сродниками.
Помилуй, душе, ты сама себе,
Устранися, душе, отъ всѣхъ знаемыхъ,
Бѣжи ты, душе, отечества своего,
Всѣхъ словесныхъ друговъ безнадежныхъ,
Продай сама себе великому отцу,
Неба и земли и всѣхъ насъ творцу,—
Той есть вѣрнымъ всѣмъ основаніе.
Или ты, душе, еще славна есть?
Пріими, душе, мой благій совѣтъ:
Не поколебаетъ буря зѣльная
Благихъ дѣлъ твоихъ основанія,
Да спитъ съ тобой память смертная,
Твое житіе—во гробъ вселеніе,

Предъ очами имѣй муки огненны,
Присно помышляй неусыпный червь.
Огнь геенскій отъ бездны палитъ,
Устрашаетъ вельми мене грѣшнаго,
Вся муки и страхъ пріимутъ мене,
Трепетомъ будятъ отъ Бога падша,
Обличаются вся моя тайная.
Тогда помяну вся реченная:
Почто растлѣнно на земли живу,
Къ тлѣннымъ прилежахъ паче вѣчныихъ,
Не послушахъ азъ всѣхъ написанныхъ:
Аще человѣкъ обрящетъ весь міръ,—
Душу свою отщетитъ благихъ.
Колику славу я воздамъ творцу,
Достойну ему принесу хвалу?
Языкъ грѣшный недостойный мой
Воспомяну мнѣ настоящее,
О грядущемъ всемъ извѣсти мене.
О, мысленное море свирѣпое!
Возсвирѣпи вся волны въ высоту,
Вознеси корабль душевный мой
Со имѣніемъ благимъ мысленнымъ,
Доправи до вратъ града вѣчнаго,
Идѣ же тамо вѣчно намъ пребыть,
Граждане тамо—души всѣхъ святыхъ.
Аще помяну многогрѣшный я
Земную жизнь неполезную
Противу жизни вѣчной той,—
Не могу пребыть безъ рыданія;
Аще бы возмоглъ, во всю жизнь свою
Кипѣлъ бы въ червяхъ живой на земли,
Дабы убѣжалъ страшныхъ вѣчныхъ мукъ.
Кто бы далъ мнѣ источникъ слезъ,
Да поне мало омыю душу,
Согрѣшеніемъ очерненную!
Не мните мене виновна добру:
Совершитель азъ грѣху всякому;
Не могу престать отъ грѣховъ моихъ,
Во грѣсѣхъ бо азъ рожденный есмь.
За дерзость мою не судите мене:
Судный день явитъ всѣхъ тогда,
Каковы станемъ на страшномъ судѣ,
По дѣломъ своимъ воспріимемъ вси.

Стихъ о смерти.

Уже къ старости и къ концу снидохъ,
А въ чувство, окаянный, не пріидохъ!
Жду на ся смертнаго посѣченія,
А не остануся прелестнаго попеченія!
Смерть не трубитъ, а каждаго человѣка губитъ;
О, смерти! вижу, что ты суха и худа,
А бѣжать отъ тебе некуда;
Въ царскіе домы входиши,
Съ царей короны снимаеши;
Со святители о чину пренія не держиши,
А пришедъ къ нимъ, долго не медлиши;
Всю вселенную объемлеши,
А гостинцевъ ни отъ кого не пріемлеши;
На востокѣ ходиши,
И во мгновеніе ока къ западу приходиши;
Сѣверъ очесы своими назираеши,
А уже и югъ достигаеши.
Кто смерти не памятуетъ,
Того мука не минуетъ.

Стихъ о грѣхѣ.

Врагъ-злодѣй безъ стыда нападе на меня,
Много пряся со мною, преможе меня;
Поскрежета яко левъ своими зубы на меня,
Прострѣлилъ меня стрѣлою грѣховною,
Поразилъ меня мечомъ—беззаконнымъ грѣхомъ,
Впадохъ въ сѣти его—въ беззаконные грѣхи,
Уловилъ меня въ сѣть яко звѣря на убіеніе,
Врагъ-злодѣй посмѣялся мною.
Господи, преломи вражія стрѣлы отъ меня!
Господи, отврати вражія сѣти отъ меня!
Господи, отыми всѣ злые помыслы отъ меня!
Господи, помилуй мя падшаго!

Заговоры.

I.

Господи, благослови меня раба твоего имрка идти на войну противъ своихъ недруговъ и супостатовъ и злыхъ лихихъ людей. Ангелъ мой хранитель, сохрани меня раба своего имрка ото всякихъ странъ и ото всякихъ стрѣлъ летящихъ, во днѣ и ночи и въ полуночи и въ часу и въ получасу и въ четверти и въ получетверти. Стой, стрѣла и пулька, не ходи до меня раба божія имрка моленіемъ Господа нашего Іисуса Христа, поди стрѣла и пулька черезъ меня и мимо меня раба божія имрка; стой, стрѣла и пулька,

не ходи до меня раба божія имрка моленіемъ и заступленіемъ честнаго и животворящаго креста господня, поди стрѣла и пулька черезъ меня и мимо меня раба божія имрка; стой, стрѣла и пулька, не ходи до меня раба божія имрка моленіемъ всея силы божіи, поди стрѣла и пулька черезъ меня и мимо меня раба божія имрка. Закрываетъ меня мати божія Богородица ризою нетлѣнною, которою Христа Бога пеленала; ставитъ около меня раба божія имрка желѣзный тынъ отъ земли до неба, отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга; охраняетъ меня ото всякихъ враговъ и супостатовъ и ото всякихъ злыхъ и нечестивыхъ людей и ото всякихъ пушекъ запальныхъ и полковыхъ и ото всякихъ пулекъ свинцовыхъ и желѣзныхъ и каменныхъ и булатныхъ и ото всякаго мелкаго оружія воинскаго — отъ турокъ и отъ пищалей и отъ самопаловъ и отъ мушкетовъ и отъ фузей и отъ пистолей, отъ копій и отъ рогатинъ и отъ топоровъ и отъ ножей и отъ сабель и отъ бердышей и отъ кистеней и кинжаловъ и отъ сулицъ, и ото всякаго удару русскаго и татарскаго, и ото всякихъ воинскихъ людей—отъ турокъ и отъ нѣмцевъ и отъ башкировъ и отъ калмыкъ и отъ литвы и отъ мордвы и отъ татаръ и отъ черкасъ и отъ чувашъ, и ото всякихъ лихихъ людей и ото всякихъ насильниковъ, отъ колдуновъ и отъ колдуницъ, отъ еретниковъ и отъ еретницъ и ото всякаго вражія наважденія. Замкни меня, пресвятая Богородица, своими мѣдными замками и ключами золотыми и брось ключи въ окіянъ-море синее подъ бѣлъ камень алатырь. Какъ тѣмъ воинскимъ людямъ и всѣмъ моимъ супостатамъ во окіянѣ-морѣ не бывать и бѣлаго камня алатыря не подымывать и злаченаго замка не отмыкивать,—также и меня раба божія имрка никакому человѣку ни изъ какого оружія не убивать и не поранить и тѣла моего не окровенить и души моей не осквернить, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь (трижды). Ключъ въ море, а замокъ въ землю.

2.

Азъ рабъ божій имркъ ограждаюся солнцемъ и мѣсяцемъ и покрываюся облакомъ отъ земли и до небеси; стани кругомъ меня раба божія градъ каменный, а въ томъ градѣ каменномъ ангелы и архангелы и всѣ небесныя силы берегутъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, тако бы и меня раба божія имрка святыми молитвами оградили: не дайте меня пушками бити и пищалями стрѣляти и рогатинами колоти и саблями сѣчи и топорами рубити и ножами колоти и уязвити и сокрушити всякимъ ратнымъ оружіемъ служебника своего раба божія имрка. Какъ Александръ Македонскій ничѣмъ никакому человѣку не далъ вредити, такъ бы и симъ передъ нами — аки дроздъ птица передъ соколомъ. Тѣмъ словомъ аминь.

3.

Господи благослови отче! святые архангелы Михаилъ и Гавріилъ, закройте меня раба божія имрка со всею силою божественною и завалите каменною горою отъ всякаго лихаго человѣка и отъ всякихъ супостатовъ, отъ востоку и до западу. Земля, ты еси всякому человѣку мати, тако и укладу и булату синему и красному и стали и мѣди зеленой и красной и камени и

свинцу и пушкамъ и пищалямъ и стрѣламъ: подите вы, желѣза и камени и свинецъ, во свою мать землю, а ты, древо, поди во свою мать березу, а перья во свою мать птицу, а птица въ небо, а клей въ мать рыбу, а рыба въ море; а я рабъ божій имркъ меньшій братъ, и вы, пушки и пищали и стрѣлы и всякое ратное оружіе, ко мнѣ рабу божію не ходите, тѣхъ людей не слушайте. Тѣмъ словомъ аминь.

4.

Пойду азъ рабъ божій имркъ изъ дому въ домъ, изъ избы въ избу, изъ воротъ въ ворота, умоюсь утренней росой, утрусь полотенцемъ тканымъ и бранымъ, пойду въ чистое поле путемъ-дорогой; навстрѣчу мнѣ идутъ три хитрыхъ хитреца и три мудрыхъ мудреца, въ рукахъ несутъ три златыхъ кубца, наполнены кубцы хитростями и мудростями; и азъ рабъ божій въ пути-дорогѣ остановлюсь, крестнымъ знаменіемъ знаменуюсь, и у тѣхъ хитрыхъ хитрецовъ и мудрыхъ мудрецовъ отнимаю изъ рукъ три златыхъ кубца и выпиваю изъ нихъ всѣ хитрости и мудрости. И придутъ тѣ хитрые хитрецы и мудрые мудрецы ко Господу Богу и расплачутся не меня раба божія имрка; и рече имъ господь Богъ: рабъ мой имркъ именемъ моимъ отнялъ у васъ, у трехъ хитрыхъ хитрецовъ, изъ рукъ три златыхъ кубца и выпилъ изъ нихъ всѣ хитрости и мудрости, и буди надъ нимъ рабомъ моимъ благословеніе отнынѣ и до вѣка, поутру, во дни и въ полудни, въ вечеру, въ нощи и въ полунощи, въ пути-дорогѣ, на всякомъ мѣстѣ, во всякомъ дѣлѣ, отъ всякаго злаго звѣря, отъ лихихъ людей и немилостивыхъ судей и отъ всѣхъ враговъ и супостатовъ, отъ напасти и скорби и печали, отъ гнѣва и нужды, отъ глада и губительства, отъ труса и потопа, отъ огня и меча и отъ всякаго оружія, отъ недруга злаго и отъ смертоносныя язвы, и дарую ему рабу моему имрку вездѣ и во всякомъ дѣлѣ здравіе и талантъ и счастіе, отнынѣ и до вѣка, аминь (трижды).

5.

На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ кленъ, вѣтеръ его сушитъ, солнце пропекаетъ; на рѣкѣ на Ердани лежитъ камень алатырь, а на томъ камнѣ алатырѣ сидятъ двѣ красныя дѣвицы, шьютъ двумя разными шелками, двумя булатными иглами, зашиваютъ кровавую рану отъ ножа, отъ топора. Ты, кровь, запекись, хрящомъ затянись, ключомъ завернись! Коли ты, кровь, не запечешься, хрящомъ не затянешься, ключомъ не завернешься,— напущу я на тебя ягу змѣю буру: яга змѣя бура шерстью застелетъ, хоботомъ замокъ замкнетъ, Богородицѣ ключъ отдастъ. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ, аминь (трижды).

Сообщилъ *А. Соколовъ.*

Библіографія.

Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. Александра Дмитріева. Пермь. 1891 г. Выпускъ третій.

Русская историческая литература далеко не можетъ похвалиться обиліемъ работъ по экономической исторіи. Между тѣмъ потребность въ такихъ работахъ ощущается самая настоятельная; слишкомъ долго историки занимались, такъ сказать, вершиною историческихъ явленій и слишкомъ мало сдѣлали для фундамента историческаго зданія. Но, чтобы фундаментъ вышелъ прочнымъ, представляется вполнѣ необходимымъ соединенное сотрудничество многихъ лицъ, дружная работа какъ по центральнымъ, такъ и по областнымъ вопросамъ экономической исторіи: только при такихъ совмѣстныхъ усиліяхъ, обусловливаемыхъ трудностью и кропотливостью этого новаго изслѣдованія, можно надѣяться, что для русской исторіи сравнительно въ короткое время будетъ совершено самое необходимое дѣло.

Къ числу областныхъ историковъ слѣдуетъ отнести г. Дмитріева, который уже посвятилъ немало труда для разработки всевозможныхъ вопросовъ по исторіи Пермскаго края. Въ настоящемъ (3-мъ) выпускѣ своего «Сборника» г. Дмитріевъ дѣлаетъ попытку обрисовать экономическое состояніе «Перми Великой на рубежѣ XVI—XVII вв.» Г. Дмитріевъ для своей цѣли воспользовался писцовыми книгами по Перми Великой Яхонтова (1579 г.) и Кайсарова (1623—24 гг.), изъ которыхъ онъ, по его собственному признанію, черпалъ матеріалъ «полной мѣрой». Но работа г. Дмитріева, дѣйствительно имѣя несомнѣнное значеніе со стороны сообщаемаго въ ней матеріала, страдаетъ крупнымъ методологическимъ недостаткомъ. Фактическія данныя всецѣло господствуютъ надъ г. Дмитріевымъ; онъ не изслѣдуетъ бывшія у него подъ руками писцовыя книги, а лишь «слѣдуетъ» за старинными писцами, которые, къ сожалѣнію, не предвидѣли, что ихъ пестрыя записи могутъ потребоваться для «ученаго» пересказыванья. Пріемы г. Дмитріева настолько элементарны, что онъ не озабоченъ даже классификаціей сообщаемыхъ имъ фактовъ. Безъ малѣйшей связи въ нѣсколькихъ строкахъ онъ пересказываетъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, точь въ точь какъ они въ свое время записывались. Напр.

сообщивъ, что Усольцы были обязаны давать въ пользу Великокняжескаго намѣстника по двѣ бочки мелкой рыбы или деньгами 20 алтынъ за бочку, г. Дмитріевъ непосредственно продолжаетъ: «Посадскій человѣкъ Андрей Хлестовъ имѣлъ на рѣчкѣ Черной мукомольную мелницу» и пр. пр.

Въ главѣ, трактующей о городахъ «въ историко—экономическомъ отношеніи», мы читаемъ объ иконѣ святит. чудотворца Николая, которая «донынѣ сохраняется въ Соликамскомъ соборѣ» (стр. 121) и пр. и пр.: это—примѣры, попавшіеся первыми на глаза. Иногда, впрочемъ, г. Дмитріевъ дѣлаетъ нѣкоторыя наблюденія въ цифрахъ, называемыя имъ любопытными: напр., съ увеличеніемъ пашни уменьшалась лѣсная площадь (стр. 116); но въ общемъ его работа не изслѣдованіе, какъ авторъ имѣлъ слабость ее рекомендовать, а лишь подробный рефератъ отчасти неизданнаго, а глав. образ. напечатанаго г. Шишонко матеріала. Мы однако не затрудняемся повѣрить г. Дмитріеву на слово, что изданія г. Шишонко исполнены погрѣшностей, почему и согласны, что фактическая провѣрка этихъ изданій была необходима; еще болѣе сочувствія вызываетъ въ насъ то обстоятельство, что г. Дмитріевъ *напечаталъ цѣликомъ* писцовую книгу Яхонтова (1579 г.) по городу Усолью Камскому и Усольскому уѣзду.

Отдавая полную справедливость намѣреньямъ и трудолюбію издателя и автора «Сборника», мы собственно нѣсколько запоздали. Г. Дмитріевъ гораздо лучше насъ сознаетъ свои заслуги, помѣщая въ своихъ Сборникахъ списокъ напечатаныхъ имъ статей. Въ первомъ выпускѣ онъ насчиталъ 41 статью по исторіи Пермскаго края, «которыя, говоритъ авторъ, «я напечаталъ въ періодъ времени съ 1882—1888 г. «Теперь я продолжаю этотъ списокъ, заявляетъ онъ, и въ настоящемъ выпускѣ доходитъ до цифры 53. Эти работы до 1891 г. Количество, несомнѣнно, почтенное.... Можетъ быть, оно и побуждаетъ г. Дмитріева говорить въ предисловіяхъ о себѣ въ тонѣ Плутарха о герояхъ.

Н. Н. Ѳирсовъ.

Сборникъ статей о Пермской губерніи Д. Смышляева. Пермь. 1891 г.

Авторъ настоящаго сборника смотритъ на помѣщенныя въ немъ статьи, какъ на сырой матеріалъ, который можетъ представить «нѣкоторый интересъ для любителей пермской старины.» Дѣйствительно, такіе «любители» найдутъ въ книгѣ г. Смышляева довольно много любопытнѣйшихъ фактическихъ данныхъ для исторіи разнообразныхъ сторонъ жизни въ Пермскомъ краѣ. Историкъ учрежденій городского благоустройства, нравовъ, просвѣщенія и раскола въ этой области несомнѣнно будетъ очень благодаренъ г. Смышляеву за то, что онъ собралъ въ одну книгу нѣкоторыя свои статьи, разсѣянныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ на протяженіи 30 лѣтъ его научно-литературной дѣятельности. Изъ этихъ статей самою интересною и важною не только для мѣстной исторіи, но и вообще для исторіи раскола въ Россіи на нашъ взглядъ слѣдуетъ признать «очеркъ» подъ заглавіемъ: «Лжеучитель Мензелинъ». Названный очеркъ, подобно другимъ статьямъ «Сборника» («Матеріалы для

исторіи города Перми», «Изъ прошлаго», «Послѣдніе заключенные въ Далматовскомъ монастырѣ», «Къ исторіи путей сообщенія въ Пермской губерніи»), составленъ на основаніи архивнаго матеріала и даетъ весьма характерные факты для изученія русскихъ пессимистическихъ сектъ. Мензелинъ, глава одной изъ такихъ сектъ, проповѣдывалъ самоубійство. «И сказывалъ онъ, Мензелинъ, что уже приходитъ время притти въ міръ антихристу и потому должно отъ него бѣжать въ горы и вертепы и помереть гладомъ и засыпаться пепломъ, отъ чего и истаетъ тѣло, аки воскъ и душа уйдетъ на небо.» Послѣдователи находились; слушали своего учителя и тѣмъ или другимъ способомъ лишали себя жизни. Болѣе другихъ практиковались самосожженіе и самоутопленіе. Въ статьѣ приводятся изъ бумагъ потрясающія сцены самоубійства и убійства посредствомъ утопленія. Привлеченные властью къ отвѣту изувѣры, не вѣдавшіе, что творятъ, говорили и о причинѣ, почему они «имѣли потаенный расколъ». «На исповѣди у причастія года по четыре и по пяти не бывали и нынѣ быть не желаютъ, представляя причину на священниковъ, что нюхаютъ табакъ, бранятся матерно и упиваются вина до пьяна.»

Н. Н. Ѳирсовъ.

Памятная книжка и адресъ-календарь Пермской губерніи за 1892 г. Изданіе Пермскаго Губернскаго Статистическаго Комитета подъ редакціею члена-секретаря Д. Смышляева.

Это весьма солидно обставленное изданіе заключаетъ въ себѣ и «историческое отдѣленіе». Мѣстной исторіи посвящено нѣсколько статей въ «приложеніи» къ памятной книжкѣ, а именно: «Историческій очеркъ гражданскаго устройства Пермскаго края» г. Балбашевскаго (статья перепечатанная). «Ссылка окольничаго Михаила Романова въ Чердынскій край и Ныробскія древности» г. Дмитріева, «Древнѣйшіе города Перми Великой—Искоръ и Пакча» свящ. Василія Попова (статья перепечатанная), «Преосвященный Иннокентій, архіепископъ Волынскій» Вологдина (тоже) и «Среднія цѣны ржаной муки въ Пермской губерніи въ періодъ 135 лѣтъ (1727—1862) г.» Д. С. (по архивнымъ документамъ). Всѣ эти статьи свидѣтельствуютъ о значительномъ трудолюбіи авторовъ и о тщательности ихъ работы. Это вообще, а въ частности можно отмѣтить нѣкоторыя отличительныя черты. Статья г. Балбашевскаго написана довольно давно, чѣмъ, конечно, въ значительной степени обусловливаются и ея недостатки. Авторъ понялъ свою задачу слишкомъ внѣшнимъ образомъ: онъ приводитъ весьма много цифръ (числа лавокъ, церквей, домовъ, жителей, заводовъ и т. п.) и мельчайшихъ фактовъ административнаго отдѣленія, но нигдѣ не дѣлаетъ даже попытки хотя сколько-нибудь освѣтить свой матеріалъ, хотя сколько-нибудь выяснить взаимныя отношенія общественныхъ элементовъ въ Пермскомъ краѣ XVIII ст. Это, впрочемъ, для автора было бы обязательно лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ потрудился поставить себѣ весьма естественные и самые важные въ его темѣ вопросы: насколько гражданское устройство Пермскаго края въ XVIII ст. соотвѣтствовало дѣйствительнымъ потребностямъ населенія и какіе интересы преимущественно преслѣдовало это устройство? Если бы

авторъ писалъ свою статью теперь, то онъ, можетъ быть, и поставилъ бы себѣ эти вопросы; едва ли также онъ повторилъ бы въ настоящее время старинное заблужденіе на счетъ блеска культуры въ отдаленной древности Пермскаго края,—блеска, исходившаго изъ легендарныхъ разсказовъ о торговой и богатой Біарміи и ослѣпившаго глаза не одному ученому.

Статья г. Дмитріева прочтется съ полнымъ интересомъ всякимъ, кто занимается мѣстными древностями подобнаго рода; но мы осмѣливаемся думать, вопреки увѣреніямъ автора (стр. 50), что для обще-русской исторіи изъ этой статьи читатель не извлечетъ ничего сколько нибудь характернаго. Тоже самое относится и къ слѣдующимъ двумъ статьямъ свящ. Попова и г. Вологдина; но нѣчто важнѣйшее даетъ работа г. Д. С. Мѣста она занимаетъ немного болѣе страницы; однако не легко, вѣроятно, далась автору эта страница; кто работалъ надъ сырымъ архивнымъ матеріаломъ, тотъ оцѣнитъ результаты, добытые г. Д. С., результаты, очень полезные для общей экономической исторіи Россіи.

Н. Н. Фирсовъ.

Е. В. Кузнецовъ. Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. Тобольскъ. 1891 г.

Насколько темны родословіе и начальная жизнь покорителя Сибири, настолько загадочно и его имя. Съ тѣхъ поръ какъ исторія Сибири стала предметомъ изученія, многіе изслѣдователи пытались разгадать загадку, представляемую именемъ Ермака, доискивались того христіанскаго имени, которое носилъ этотъ народный герой, но далѣе догадокъ дѣло не пошло и, какъ кажется, вопросъ этотъ такъ и останется открытымъ навсегда. Авторъ разбираемой книжки, добросовѣстный и неутомимый изслѣдователь сибирской старины, поставилъ себѣ цѣлью свести въ одно сказанія лѣтописей и выводы историковъ по данному вопросу, а въ заключеніе высказалъ и свою догадку, какое изъ шести приписываемыхъ Ермаку именъ должно быть признаваемо за настоящее. Отсылая интересующихся подробностями къ самой книжкѣ, скажемъ лишь, что г. Кузнецовъ рядомъ остроумныхъ сопоставленій и выводовъ разбиваетъ доводы проф. Буцинскаго, одного изъ самыхъ послѣднихъ по времени изслѣдователей этого вопроса, утверждающаго, что имя Ермакъ составляетъ передѣлку имени Ермила. Вмѣстѣ съ Миллеромъ, Никитскимъ и преосв. Мелетіемъ авторъ находитъ, что «вульгарное» слово Ермакъ есть передѣлка христіанскаго имени Ермолая; къ этому выводу онъ приходитъ однако по основаніямъ нѣсколько инымъ, чѣмъ вышеприведенныя изслѣдователи. Признавая, что древнѣйшія сибирскія лѣтописи (Строгановская и Есиповская) не даютъ и не могутъ дать отвѣта на занимающій его вопросъ, г. Кузнецовъ останавливается на синодикѣ тобольскаго собора, заведенномъ при первомъ сибирскомъ архіепископѣ Кипріанѣ, и этотъ документъ кладетъ въ основу своей догадки. Упомянутый синодикъ дѣйствительно имѣетъ немалую историческую цѣнность, такъ какъ данныя для него извлечены были

Кипріаномъ изъ полученаго имъ въ 1622 г. отъ оставшихся еще въ живыхъ сподвижниковъ Ермака «писанія, како (они) пріидоша въ Сибирь и гдѣ съ погаными были бои и ково имянемъ у нихъ убиша». Но что же мы находимъ въ этомъ синодикѣ? «Атаману Ермаку стоварищи его которые побіени.... вѣчная память и возгласъ болшей»—и ничего больше, ни малѣйшаго намека на какое либо христіанское имя!

Обстоятельство это однако не особенно смущаетъ г. Кузнецова; дѣло въ томъ, что при четвертомъ архіепископѣ Герасимѣ (1640—1650 г.) имя Ермака въ синодикѣ замѣнено было именемъ Ермолая и съ тѣхъ поръ въ многочисленныхъ синодикахъ, распространившихся въ сибирской епархіи, вездѣ Ермакъ называется Ермолаемъ. «Эти образцы синодиковъ, пишетъ г. Кузнецовъ, показываютъ, что благодаря начальной сибирской іерархіи имя Ермака давнымъ давно было раскрыто». Но кто же изъ двухъ архіепископовъ правильно занесъ въ синодикъ имя покорителя Сибири, Кипріанъ ли, пользовавшійся такъ сказать первоисточникомъ, или Герасимъ, который очевидно не засталъ уже въ живыхъ ниодного изъ сподвижниковъ славнаго Ермака? Авторъ такимъ образомъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ: арх. Кипріанъ хотя и зналъ отъ сотоварищей Ермака его настоящее имя, но благодаря малограмотности и отсутствію школьнаго образованія, явленій обычныхъ въ духовенствѣ начала XVII вѣка, — не придалъ особаго значенія тому, подъ какимъ именемъ поминать Ермака,—подъ настоящимъ ли, христіанскимъ, или тѣмъ, которое его прославило. Архіепископъ же Герасимъ, человѣкъ замѣчательно по своему времени образованный, конечно не могъ не обратить вниманія на неудобство поминанія человѣка не христіанскимъ именемъ и поправилъ ошибку своего предшественника.

Приведенное соображеніе имѣло бы доказательное значеніе, если бы авторъ привелъ тѣ основанія, которыми руководствовался арх. Герасимъ, замѣняя въ синодикѣ имя Ермака—Ермолаемъ. Этого то мы и не находимъ въ изслѣдованіи г. Кузнецова, вслѣдствіе чего вправѣ предположить, что таковая замѣна была совершенно произвольной, и архіепископъ, смущенный «вульгарнымъ» именемъ Ермака, просто подыскалъ ему по созвучію наиболѣе подходящее изъ христіанскихъ именъ Ермолая. Не можемъ мы также согласиться съ тѣмъ, что арх. Кипріанъ былъ однимъ изъ тѣхъ пастырей, къ которымъ можно бы было отнести замѣчаніе автора о малограмотности и отсутствіи образованія въ духовенствѣ того времени. Какъ извѣстно, Кипріанъ, пробывъ въ Тобольскѣ всего три съ небольшимъ года, назначенъ митрополитомъ Крутицкимъ въ Москву и по должности своей являлся ближайшимъ помощникомъ патріарха Филарета; едва ли столь высокое въ церковной іерархіи мѣсто предоставлено было бы человѣку полуграмотному, малообразованному; ему же поручено было составленіе службы на праздникъ въ честь ризы Господней [1]), а подобное порученіе несомнѣнно исключаетъ всякую возможность считать арх. Кипріана малограмотнымъ.

---

[1]) Митроп. Макарій. Ист. русск. церкви. Т. XI, стр. 40, 65.

Намъ кажется правильнѣе было бы признать, что Кипріанъ не зналъ настоящаго имени Ермака, какъ не знали его и тѣ изъ сподвижниковъ его, съ которыми приходилось бесѣдовать Кипріану. Вѣдь Ермакъ, не забудемъ этого, былъ однимъ изъ тѣхъ смѣлыхъ и страшныхъ разбойниковъ, которые, тяготясь условіями современной жизни, искали простора и воли вдали отъ родины и тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ могли знать. Становясь въ рядъ бездомныхъ искателей приключеній, Ермакъ, какъ и тысячи другихъ такихъ же «гулящихъ людей, просто въ интересахъ безопасности могъ скрыть свое настоящее имя, а затѣмъ, окрещенный своими товарищами замѣнилъ это давно забытое христіанское имя данной ему кличкой.

Такъ или иначе, но вопросъ о христіанскомъ имени Ермака остается не разрѣшеннымъ до сего времени, да пожалуй и не нуждается въ разрѣшеніи: каково бы ни было настоящее его имя, оно ничего не скажетъ русскому народу, и въ сознаніи послѣдняго завоевателемъ Сибири всегда останется все тотъ же «славный атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ»....

К. Б. Газенвинкель.

Dr. Германнъ Бруннгоферъ: Археологическія задачи и цѣли Россіи въ центральной Азіи. Русск. Обозр. 1891 г. кн. 11. (293—309 стр.).

Бруннгоферъ извѣстенъ въ наукѣ своими историко-географическими изслѣдованіями по средней Азіи («Иранъ и Туранъ» Лейпц. 1889. и «Отъ Понта до Инда» Л. 1890 г.). Въ настоящей статьѣ онъ знакомитъ насъ съ главными выводами своихъ ученыхъ изслѣдованій, намѣчаетъ историческія и культурныя эпохи, отъ которыхъ остались многочисленные слѣды въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ и указываетъ на культурныя задачи и цѣли Россіи по отношенію къ племенамъ, населяющимъ теперь эти владѣнія. Бруннгоферъ доказываетъ, что извѣстные гимны индійскихъ брамановъ—такъ наз. Ригведа—сочинены (за 2000—2500 лѣтъ до Р. Х.) не въ Индіи, не въ Пенджабѣ, а на Иранскомъ и частью Туранскомъ плоскогоріяхъ, гдѣ въ то время жили арійцы-санскриты. Въ Индію они шли по длинной дугѣ отъ Кавказа, огибая Эльбрусъ, черезъ Коросcанъ въ Пятирѣчье. Анализъ Ригведы приводитъ Бруннгофера къ заключенію, что рядомъ съ санкритоарійцами жили съ одной стороны пареяне, съ другой—сѣверовосточной—финно-турко-монгольскія племена: монголы, угры, гунны, еще не тронутые культурой, свирѣпые, безчеловѣчные варвары. Борьба между арійскимъ Ираномъ и урало-алтайскимъ или тюрко-монгольскимъ Тураномъ издревле является борьбой культуры съ варварствомъ. Основныя черты культуры и варварства остались здѣсь до наст. врем. безъ перемѣны: въ рѣчныхъ долинахъ и по склонамъ горъ живутъ земледѣльцы или скотоводы арійцы, въ пустынѣ-же кочуетъ коварный и хищный турокъ; одни склоны къ плодотворной, культурной работѣ, другой—къ дикому грабежу. Тотъ и другой образъ жизни развивался здѣсь благодаря тому обстоятельству, что чрезъ Гиндуку къ Оксусу издревле шелъ караванный

путь изъ земель Востока и Юга, изобилующихъ пряностями, въ земли Сѣвера и Запада, потребляющія эти пряности. По р. Оксусу товары шли въ Касп. м., затѣмъ въ Албанію и р. Куру, къ берегамъ Черн. м., а оттуда по рѣкамъ въ сѣверозападную Европу, или же чрезъ Дарьяльское ущелье, чрезъ землю финскаго племени аорсовъ, живущихъ по р. Дону. Въ тоже время торговые караваны тянулись изъ промышленнаго Вавилона черезъ Мидійскій хребетъ, Каспійскія ворота, Кероссанъ въ Ташкентъ и въ другіе города и страны средней Азіи. Такимъ образомъ Иранъ и Туранъ находились на дорогѣ экспортной торговли юговостока и югозапада, и мѣстное населеніе, смотря по географич. условіямъ, или получало большія выгоды отъ культурной работы, или занималось легкой наживой отъ дорожнаго разбоя.

Какъ посредница между Востокомъ и Западомъ, средняя Азія сдѣлалась издавна театромъ міровыхъ событій. Здѣсь одна міровая монархія смѣняла другую. Вавилоняне и ассиріяне, мидяне и персы, македоняне и діадохи, римляне и пареяне, новоперсы при Сассанидахъ, новоримляне при византійскихъ императорахъ, арабы при калифахъ, турки и наконецъ міровые разорители—монгольскіе ханы—попеременно боролись и господствовали въ Иранѣ и Туранѣ. Политическая борьба поддерживалась и осложнялась борьбой религій. Бассейны Тигра и Евфрата были мѣстомъ рожденія и полемъ битвы культа свѣта Сабеевъ, огнепоклоненія послѣдователей Зороастра, солнцепочитанія брамановъ; при Александрѣ В. религія Аполлона здѣсь боролась съ религіей Ормузда; при Арсасидахъ здѣсь въ религіи Мани соединились элементы парсизма, христіанства и буддизма и образовали манихейство, которое проникло даже въ средневѣковую Европу. Въ восточномъ Иранѣ, вплоть до бассейна Тигра и Евфрата, въ теченіе многихъ вѣковъ мирно распространялся и господствовалъ буддизмъ, между тѣмъ какъ на западѣ возникла кровопролитная борьба между возродившимся при Сассанидахъ ученіемъ Зороастра и христіанствомъ армянъ и византійцевъ. Сѣвернѣе, въ современной Бухарѣ, шла расовая и религіозная борьба между туранскимъ буддизмомъ и иранскимъ парсизмомъ. Затѣмъ въ теченіе вѣковъ по берегамъ Оксуса и Яксарта велась ожесточенная война между распространителями ученія Магомета, приверженцами Зороастра и несторіанами.

«Тамъ, гдѣ прекращаются караванные пути Востока и Запада, гдѣ приходятъ въ соприкосновеніе культуры различныхъ расъ, гдѣ священнослужители и князья внѣшнимъ блескомъ своей религіи стараются наглядно показать ея преимущество надъ другими, тамъ неизбѣжно должна появиться и роскошь». И дѣйствительно, исключая золотую Индію и Римъ временъ императоровъ, нигдѣ не было такого великолѣпія и роскоши, какъ въ Иранѣ и Туранѣ при позднѣйшихъ персидскихъ царяхъ, особенно во время владычества пареянъ, собравшихъ добычу со всего свѣта, и при ограбившихъ міръ монгольскихъ ханахъ.

Теперь вполнѣ ясно, на какое обиліе различныхъ находокъ можно разсчитывать при археологич. изслѣдованіяхъ этой части Азіи, если только таковыя будутъ производиться въ систематическомъ порядкѣ сообразно длинному ряду слѣдовавшихъ одна за другою культуръ. Необходимо, чтобы въ

центрахъ духовной и административной жизни внутренней Азіи были устроены археологическія и этнографическія коллекціи, которыя содержались бы на доходы данныхъ областей. Одно изъ величайшихъ благодѣяній со стороны Россіи для погруженныхъ теперь въ невѣжество племенъ Ирана и Турана будетъ состоять въ томъ, чтобы не лишить этихъ въ будущемъ культурныхъ народовъ ихъ прошлаго. При собираніи и сохраненіи памятниковъ старины слѣдуетъ имѣть въ виду намѣченныя выше культурныя эпохи и борьбу расъ. При постройкѣ Закаспійской жел. дороги, проходящей какъ разъ въ Гирканіи, въ Парѳіи и въ древнемъ Короссанѣ было, вѣроятно, сдѣлано много находокъ, которыя становятся понятными только теперь, благодаря открытіямъ Бруннгофера. Желательно, чтобы необходимыя для новой жел. дороги земляныя работы производились подъ наблюденіемъ археолога. Не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія ни одного черепка; содержимое найденныхъ сосудовъ должно подвергаться химическому анализу; одно хлѣбное зернышко можетъ открыть цѣлую перспективу, какой ниб. обломокъ сосуда или украшеннаго вооруженія можетъ указать на историч. связь или дать цѣлую надпись. Одно слово, одно имя, письменно дошедшее до насъ изъ глубокой древности, имѣло бы неоцѣненное значеніе для языкознанія, исторіи письменности и для этнографа. Сколько свѣта пролило бы подобное открытіе на Веды, на Авесту и можетъ быть на Шахнамэ! Въ какой степени оно освѣтило бы центральную Азію Ктезія, Геродота, Страбона, Птоломея или Амміана Марцеллина въ эпоху великаго переселенія народовъ! Собирая всѣ доступныя для насъ названія странъ, народовъ, городовъ, деревень, мѣстечекъ и связанныя съ ними саги, можно надѣяться, что намъ удастся вполнѣ понять памятники древней литературы Персіи и Индіи.

Культурная миссія Россіи въ средней Азіи можетъ и должна опираться на персидскую народность, которая до сихъ поръ сохраняетъ въ себѣ богатѣйшія духовныя сокровища, унаслѣдованныя ею отъ блестящаго прошлаго тысячелѣтней персидской монархіи. Лишь фанатизмъ и угнетавшая система турокъ придавили на время самостоятельность персовъ. Но правильная государственная жизнь и европейская наука снова пробудитъ это даровитое племя къ духовной жизни и возбудитъ въ немъ любовь къ своему прошлому. «Въ среднеазіатскихъ университетахъ, хотя бы въ томъ же въ Самаркандѣ, персидская молодежь будетъ снова одушевляться лекціями о Шахнамэ и пріобрѣтать свѣдѣнія, необходимыя для ознакомленія съ археолого-этнографич. музеемъ, на пользу котораго она впослѣдствіи сама будетъ работать. Что сначала возможно лишь въ Самаркандѣ, то со временемъ можетъ осуществиться также и въ Мервѣ».

Высказанныя Б-ромъ desiderata при своемъ осуществленіи безспорно могутъ оказать громаднѣйшую услугу наукѣ и дѣлу просвѣщенія въ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ; можно только пожелать, чтобъ эти идеи не остались въ области мечтаній, а перешли бы въ дѣйствительность въ возможной полнотѣ и въ наиболѣе близкомъ времени.

М. П—нъ.

Записки Импер. Русскаго Географическаго Общества, по отдѣленію этнографіи, т. XVII, в. 2, Спб. 1891 г.

Этотъ выпускъ Записокъ Географич. Общества цѣликомъ посвященъ этнографіи Восточной Россіи и Сибири, какъ видно изъ нижеслѣдующаго краткаго изложенія его содержанія:

1. Вруцевичъ, М. С. Обигатели, культура и жизнь въ Якутской области, стр. 1—41.

Послѣ очень краткаго географическаго очерка Якутской области авторъ даетъ этнографическую характеристику обитателей этой области: якутовъ, тунгусовъ, юкагировъ и чукчей со стороны ихъ матеріальной и, отчасти, духовной культуры, причемъ главное вниманіе обращаетъ на якутовъ, какъ преобладающій элементъ населенія этой области.

2) Троновъ, В. Д. Матеріалы по антропологіи и этнологіи киргизъ, стр. 45—86.

Врачъ Троновъ произвелъ довольно обстоятельныя антропологическія измѣренія 49 киргизъ (36 мужчинъ и 13 женщинъ) Зайсанскаго уѣзда Семипалатинской области и въ результатѣ этого далъ антропологическую характеристику зайсанскихъ киргизъ. Приэтомъ авторъ сравниваетъ добытые имъ результаты съ данными д-ра Зеланда относительно каракиргизъ. Къ этому авторъ присоединяетъ свѣдѣнія о болѣзняхъ, господствующихъ среди зайсанскихъ киргизъ, даетъ характеристику ихъ нравственной природы, описываетъ ихъ занятія и образъ жизни. Въ особой главѣ описываются брачные обычаи киргизъ, ихъ семейныя отношенія, а въ заключеніе сообщаются нѣкоторыя черты изъ области обычнаго права киргизъ.

3. Михайловъ, В И. Обряды и обычаи чувашъ, стр. 91—130.

Авторъ описываетъ нѣкоторые обряды и обычаи чувашъ, связанные съ празднованіемъ новаго года, Крещенія, масляницы, Пасхи; гораздо подробнѣе онъ останавливается на обрядахъ и обычаяхъ этого народа, связанныхъ съ земледѣльческимъ бытомъ его (сѣмянная каша, моленіе передъ Петровками, по окончаніи полевыхъ работъ и проч.), заботами о скотѣ (хлѣвная каша, прохожденіе черезъ ровъ, Мимирь); немало описывается поминальныхъ (семикъ, поминовеніе передъ началомъ полевыхъ работъ, осеннее пиво) и похоронныхъ обрядовъ, а также брачные обряды и обычаи (самокрутная свадьба, гулянье новобрачной и новобрачнаго), игры и времяпровожденіе молодежи (крещенское дѣвичье сидѣнье, моленіе воробья, дѣвичье пиво), моленія различнымъ духамъ. каковы: киреметь, тюри, эрихъ, домовой. Въ этой же статьѣ г. Михайловъ приводитъ 31 номеръ чувашскихъ пѣсенъ общаго характера и 5 номеровъ хороводныхъ пѣсенъ съ ихъ русскимъ переводомъ. Тоже дѣлаетъ онъ и съ тремя сообщаемыми имъ чувашскими поговорками. Въ своей статьѣ авторъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду сызранскихъ чувашъ.

4. Катановъ, Н. Ѳ. Поѣздка съ карагасамъ въ 1890 г. стр. 133—230.

Въ настоящей статьѣ, изложенной въ видѣ путевого журнала, г. Катановъ излагаетъ результаты своей поѣздки къ карагасамъ Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ, обитающихъ въ лѣсахъ Саяна и ведущихъ звѣролов-

ный бытъ. Авторъ изучалъ языкъ карагасовъ, записалъ немало пѣсенъ и сказокъ ихъ, а также описываетъ нравы и нѣкоторые обычаи этого народа. Но все это пока представляетъ совершенно сырой матеріалъ, обработка котораго обѣщаетъ познакомить насъ съ этимъ мало извѣстнымъ, вымирающимъ теперь народомъ.

П. Кротовъ.

Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1891, III.

Третья книга «Чтеній» за истекшій 1891 г. представляетъ значительный интересъ для историка Восточной Россіи. Въ ней помѣщены «двѣ скаски» казака Владиміра Атласова объ открытіи Камчатки, отысканныхъ г. Оглоблинымъ въ дѣлахъ Сибирскаго Приказа въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Благодаря этимъ «скаскамъ» въ исторіи завоеванія Камчатки, которая излагалась до сихъ поръ на основаніи сибирскихъ лѣтописей, приходится, по словамъ издателя, многое измѣнить и дополнить, другое отбросить. Сравненіе подлинныхъ «сказокъ» Атласова съ тѣмъ, что до сихъ поръ выдавалось, какъ его разсказъ, обнаруживаетъ значительное количество искаженій, которымъ подверглись у сибирскихъ лѣтописцевъ его извѣстія о Камчаткѣ. Въ подлинныхъ показаніяхъ Атласова наша старая географическая литература пріобрѣтаетъ весьма цѣнное дополненіе. Нельзя не удивляться, читая сжатыя показанія сибирскаго казака, тому широкому кругозору, который обнаруживаетъ этотъ необразованный искатель новыхъ землицъ: онъ всматривается въ природу страны, говоритъ о ея произведеніяхъ, свойствахъ почвы— въ бытъ ея жителей, въ ихъ орудія, средства сообщенія, общественный строй и взаимныя отношенія, въ потребности, которымъ можетъ удовлетворить торговля, и въ средства передвиженья.

Для археологовъ «скаски» Атласова представляютъ исключительный интересъ въ виду того, что онъ описываетъ людей, пользовавшихся еще каменными и костяными орудіями.

Помѣщенное въ той-же книжкѣ изслѣдованіе г. Сапожникова «Самосожженіе въ русскомъ расколѣ съ второй половины XVII в. до конца XVIII» заключаетъ въ себѣ цѣнный матеріалъ для исторіи сибирскаго раскола.

И. С.

Указатель

статей по археологіи, исторіи и этнографіи, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части Симбирскихъ губ. Вѣдомостей съ 1865 по 1878 г. *)

1865. Ф. Гребнеръ. Этнографическій очеркъ. (№№ 32, 54, 55, 57).
1866. Статистич. описаніе с. Поповки Сенгил. у. (№ 13).
1867. Арнольдовъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ по Симб. губ. (№№ 12, 14—18).
— Его-же. С. Березники (№ 60).
— Чувашскія повѣрья въ Курмышскомъ уѣздѣ Симб. губ. (№№ 21—22).
— Юрловъ. Матеріалы для этнографич. замѣтокъ. — 1) Симбирская запись о кладахъ (№ 24).
— Его-же. 2) Заученный разговоръ крестьянскихъ балагуровъ и рацея дружки (№ 37).
— Его-же. 3) Народная пѣсня, записанная въ с. Поливнѣ Симб. губ. и у. (№ 37).
— Его-же. 4) Поливенская пристань. — 5) Нѣсколько словъ о простонародныхъ заговорахъ и молитвахъ (№ 86).
— Пановъ. Праздникъ въ селѣ Одоевщинѣ Ардат. у. Симб. губ. (№ 25).

1867. Замѣтка о свадебныхъ обрядахъ въ Симб. губ. (№№ 27, 29, 30).
— Чувашскій праздникъ Учукъ. (№№ 33, 36).
— Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ (№№ 45, 48, 51, 55—57).
— Матеріалы для этнографіи Симбирскаго края (№ 52).
— Замѣтки о нашихъ (Симб.) церковныхъ древностяхъ (№ 61).
— Благовѣщенскій монастырь (№ 66).
— Статистическія замѣтки по Симбирск. губ. за 1867 г. (№ 87).
— Какіе инородцы населяютъ Симбирск. губернію (№ 91).
— Административное дѣленіе нынѣшней Симб. губ. въ 1764 г. (№ 97).
— Повѣрья и сказанія крестьянъ Симб. губ. (№ 99).
— Присяга установившаяся обычаями, какъ очистительное доказательство невинности (№ 122).
1868. Клады въ Карсунскомъ уѣздѣ (№ 6).
— Къ матеріаламъ по исторіи Сим-

*) До 1865 г. въ Симбирскѣ Губернскихъ Вѣдомостей не сохранилось по причинѣ пожара 1864 г.

В. Ищ—скій.

ПРОТОКОЛЫ

ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

На предложеніе г. Предсѣдателя Общества отъ 4 іюня 1891 г. выражено согласіе гг. членовъ Совѣта на печатаніе 3 выпуска IX тома «Извѣстій» Общества, содержащій въ себѣ: протоколы, отчетъ, списокъ членовъ Общества за 1890 годъ, трудъ Р. А. Нелидовой: «Злая и добрая жена по народнымъ картинамъ» и «Мелкія этнографическія сообщенія» (Иванова и Аптіева).

ЗАСѢДАНІЕ СОВѢТА 29 СЕНТЯБРЯ 1891 ГОДА.

Присутствовали: Предсѣдатель Н. А. Ѳирсовъ, Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ; Члены: И. Н. Смирновъ, А. А. Штукенбергъ, А. И. Соколовъ, П. А. Пономаревъ; и. д. секретаря Н. З. Тиховъ.

Было заслушано:

I) Отношеніе г. Начальника Типографіи Университета отъ 25 мая 1891 г. за № 594 о препровожденіи въ Общество 500 экземпляровъ «Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда том. II съ атласомъ. — Постановлено: принять къ свѣдѣнію и книги сдать въ библіотеку Общества.

II) Отношеніе члена-сотрудника архитектора М. Д. Михайлова отъ 23 іюня 1891 г. о доставленіи имъ въ Общество камня, взятаго изъ окрестностей деревни Большое Атрасье, Тетюшскаго у. Казанской губ. Въ виду того, что камень этотъ составляетъ предметъ особеннаго почитанія мѣстныхъ татаръ, г. Михайловъ проситъ снять копію съ рисунка и надписи, а камень потомъ, въ случаѣ надобности, отправить на прежнее мѣсто, причемъ расходы по доставкѣ онъ принимаетъ на себя. — Постановлено: благодарить г. Михайлова и просить д. ч. I. Ѳ. Готвальда прочитать и перевести надпись на памятникѣ.

III) Счетъ отъ г. Начальника Типографіи отъ 28 іюня 1891 г. за № 743 съ просьбой уплатить за наборъ и печатаніе—300 экземпляровъ 3-го выпуска IX тома «Извѣстій Общества» на сумму—68 рублей.

IV) Счетъ отъ г. Начальника Типографіи отъ 20 іюля 1891 г. за № 1069 съ просьбой уплатить за печатаніе сверхъ 13½ листовъ въ годъ: Извѣстій т. VIII вып. 1—350 экземпляровъ—267 р.; т. VIII вып. 2: 360 экземпляр.—330 руб. и т. IX вып. 3: 300 экземп.—24 руб., всего на сумму—621 руб.— Постановлено: уплатить по этимъ счетамъ пока—200 рублей.

V) Счетъ отъ г. Начальника Типографіи отъ 21 сентября 1891 г. за № 1114 съ просьбой объ уплатѣ за мелкія печатанія (объявленій, конвертовъ) по счетамъ 1891 г. за №№: 91, 99, 243, 283, 525 и 814, всего на сумму—13 р. 50 к. — Постановлено: уплатить.

VI) Извѣщеніе Антропологическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія отъ 4 іюля 1891 г. за № 2401 объ оставленіи А. Н.

Харузинымъ должности Секретаря Отдѣла и передачи послѣдней Неофиту Васильевичу Калужскому (Поварская, Скарятинск. переул. собств. домъ).— Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VII) Отношеніе полицейскаго урядника 2 участка Сенгилеевскаго уѣзда Михаила Извощикова отъ 23 іюля 1891 г. съ приложеніемъ двухъ тетрадей его сборника сказокъ, пѣсенъ, пословицъ и словъ. — Постановлено: передать рукопись въ редакціонный Комитетъ для разсмотрѣнія.

VIII) Прошеніе уполномоченнаго Угличскихъ гражданъ Л. Ѳ. Соловьева отъ 3 августа 1891 г. объ оказаніи содѣйствія въ дѣлѣ возвращенія изъ Тобольска ссыльнаго Угличскаго колокола съ приложеніемъ: 1) удостовѣренія Тобольской Консисторіи отъ 22 декабря 1888 года за № 9956 о существованіи при архіерейской домовой церкви корноухаго колокола съ надписью и 2) выписки изъ Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей о нахожденіи Угличскаго ссыльнаго колокола въ мѣстномъ музеѣ.—Постановлено: въ виду окончанія дѣла оставить безъ послѣдствій.

IX) Извѣщеніе Главнаго Штаба отъ 16 августа 1891 г. за № 34183 о препровожденіи въ Общество 1-го экземпляра Каталога Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба выпускъ—II. — Постановлено: благодарить.

X) Письмо члена-сотрудника Шкапскаго отъ 6 сентября 1891 г. о пріобрѣтеніи имъ «маститой древности—огромной кости животнаго—звѣря» съ описаніемъ; при этомъ Шкапскій проситъ сообщить, почему ненапечатаны его рукописи. — Постановлено: отвѣтить г. Шкапскому, что рукописи его не имѣютъ никакого историческаго значенія, потому редакціонный Комитетъ Общества и рѣшилъ не печатать ихъ.

XI) Отношеніе члена-сотрудника К. С. Рябинскаго съ приложеніемъ a) исторической записки о Козмодемьянскомъ городскомъ училищѣ, b) статьи: «Городъ Козмодемьянскъ Казанской губ.»; c) сообщенія: «Нѣсколько археологическихъ данныхъ о г. Козмодемьянскѣ» и d) плана острога. Въ письмѣ г. Рябинскій проситъ выслать Извѣстія Общества, начиная съ VIII тома. — Постановлено: Сообщеніе передать въ редакціонный Комитетъ и отвѣтить г. Рябинскому, что членамъ-сотрудникамъ Извѣстія Общества не посылаются, если не напечатано никакого сообщенія отъ нихъ.

XII) Отношеніе г. секретаря Астраханскаго Губернскаго Статистическаго Комитета отъ 24 іюля 1891 г. за № 270 съ препровожденіемъ отчета за 1890 г. о дѣятельности названнаго Комитета. — Постановлено: благодарить.

XIII) Полученъ томъ трудовъ Кенигсбергскаго Физико-Экономическаго Общества за 1891 г. — Постановлено: послать въ обмѣнъ IX томъ Извѣстій Общества.

XIV) Получено все изданіе этнографическаго журнала Wisła въ обмѣнъ на всѣ вышедшіе тома «Извѣстій Общества Арх., Истор. и Этногр.».— Постановлено: послать въ обмѣнъ все изданіе «Извѣстій» Общества.

XV) Получена рукопись Черемисскаго Словаря сельскаго учителя Троицкаго съ просьбой о напечатаніи его въ «Извѣстіяхъ» Общества. — Поста-

новлено: просить И. Н. Смирнова разсмотрѣть словарь и доставить свой отзывъ о немъ.

XVI) Письмо В. М. Флоринскаго объ отказѣ его отъ участія въ дѣлахъ Общества. — Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XVII) Предложеніе д. ч. Н. А. Толмачева объ участіи Общества въ чествованіи 70-лѣтней годовщины профес. Р. Вирхова, почетнаго члена Общества, телеграммой и о подпискѣ на увеличеніе фонда имени Вирхова. — Постановлено: послать телеграмму, уплативъ за нее изъ средствъ Общества, а воззваніе объ увеличеніи фонда имени Вирхова циркулировать между членами Общества.

XVIII) Коммиссіонный разсчетъ отъ продажи изданій Общества А. А. Дубровинымъ на сумму—15 руб. и 130 р. 9 к. и Н. Я. Башмаковымъ на сумму—29 р. 19 коп. — Постановлено: полученныя деньги передать чрезъ и. д. Казначея Общества И. А. Износкова г. Начальнику Типографіи въ счетъ долга Общества.

XIX) Докладъ д. ч. А. А. Штукенберга о поѣздкѣ совмѣстно съ г. Предсѣдателемъ Н. А. Ѳирсовымъ въ Болгары, о произведенныхъ тамъ поправкахъ и покупкахъ вещей; приэтомъ представленъ счетъ отъ сторожа Мордвишина за поправку зданій на 53 руб. и за покупку вещей—33 руб. — Постановлено: расходы одобрить; Мордвишину выдать пока 30 рублей, а остальныя деньги—по окончаніи работъ; причемъ Мордвишинъ долженъ представить удостовѣреніе въ окончаніи работъ, отъ мѣстнаго священника.

XX) Предложеніе д. ч. И. Н. Смирнова объ устройствѣ лекцій въ пользу голодающаго населенія Казанской губерніи. — Постановлено: доложить объ этомъ Общему Собранію и предложить гг. членамъ принять участіе, назначивъ предметъ и время чтенія.

XXI) Предложеніе А. А. Штукенберга о навязкѣ коллекцій на картоны проволокой. — Постановлено: исполнить и выдать на расходы на первое время—10 рублей.

XXII) Докладъ и. д. Казначея Общества И. А. Износкова о состояніи суммъ Общества: на приходѣ значится процентными бумагами—500 руб. и деньгами—567 р. 15 к., а на расходѣ—353 р. 1 к., всего налицо—500 руб. процентными бумагами (три—5% облигаціи 2-го Восточнаго займа по 100 р. и квитанція Государственнаго Банка на конверсированіе двухъ 5% облигацій 1-го Восточнаго займа) и деньгами—214 рублей 14 коп. Въ виду того, что въ Банкѣ не выдаютъ конверсированныхъ облигацій безъ довѣренности Общества, то и. д. Казначея И. А. Износковъ, проситъ Совѣтъ выдать ему надлежащую довѣренность. — Постановлено: докладъ о состояніи счетовъ принять къ свѣдѣнію, а довѣренность выдать.

XXIII) Постановлено: назначить Общее Собраніе членовъ Общества на Воскресенье 13 октября въ 12 дня: a) для избранія въ дѣйствительные члены Общества П. Н. Кротова и В. В. Молоствова и b) для выслушанія сообщеній: 1) П. А. Пономарева: Булгарскій городъ Ошель и его окрестности; 2) А. А. Штукенберга: о послѣднихъ раскопкахъ въ Болгарахъ; 3) И. Н. Смирнова: предварительный отчетъ о поѣздкѣ къ Мордвѣ.

ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ 13 ОКТЯБРЯ 1891 ГОДА.

Присутствовали: Предсѣдатель Н. А. Ѳирсовъ, Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ; г. Ректоръ Университета К. В. Ворошиловъ; дѣйствительные члены: А. А. Штукенбергъ, П. А. Пономаревъ, И. Н. Смирновъ, Н. Н. Галкинъ-Врасскій, Д. И. Образцовъ, Ѳ. Г. Мищенко и Н. А. Толмачевъ; члены сотрудники: М. Е. Кобаевъ, Т. С. Семеновъ, А. К. Кулагинъ, Ѳ. О. Суринъ, М. Н. Аристовъ, К. И. Воронцовъ и М. Н. Пинегинъ; и. д. Секретаря Н. З. Тиховъ.

I) Предсѣдатель Н. А. Ѳирсовъ сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ памяти скончавшагося недавно дѣйствительнаго члена Общества, члена ревизіонной Комиссіи Я. С. Степанова. — Присутствовавшіе почтили память усопшаго обычнымъ вставаніемъ.

II) Г. Предсѣдатель заявилъ о необходимости дополнить составъ ревизіонной Комиссіи выборомъ новыхъ двухъ членовъ, такъ какъ за отказомъ Н. Н. Булича и смертію Я. С. Степанова членомъ ревизіонной Комиссіи состоитъ только Н. А. Толмачевъ.—Постановлено: отложить избраніе до слѣдующаго Общаго Собранія.

III) Г. Предсѣдатель заявилъ о принесеніи въ даръ Обществу д. чл. Д. А. Корсаковымъ его труда: «Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка».—Постановлено: выразить благодарность Д. А. Корсакову.

IV) Г. Предсѣдатель заявилъ о принесеніи въ даръ Обществу членомъ-сотрудникомъ Ѳ. О. Суринымъ 31 мѣдной и 1 серебряной монеты, найденныхъ при раскопкахъ въ с. Болгарахъ Спасскаго уѣзда Казанской губ.—Выражена благодарность г. Сурину въ засѣданіи.

V) Прочитанъ протоколъ засѣданія Совѣта Общества 29 Сентября 1891 г.

VI) Д. ч. П. А. Пономаревъ сдѣлалъ сообщеніе: «Булгарскій г. Ошель и его окрестности», вызвавшее замѣчанія А. А. Штукенберга.—И. Н. Смирновъ замѣтилъ, что въ редакціонномъ Комитетѣ Общества имѣется рукопись покойнаго члена-сотрудника Е. Т. Соловьева, близко касающаяся вопроса о Булгарскомъ г. Ошелѣ.—Постановлено: въ виду этого прочитать сообщеніе г. Соловьева въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

VII) Д. ч. А. А. Штукенбергъ сдѣлалъ сообщеніе: «О послѣднихъ раскопкахъ въ с. Болгарахъ». — Сообщеніе это вызвало замѣчаніе г. Товарища Предсѣдателя И. А. Износкова и П. А. Пономарева.—Г. Предсѣдатель Н. А. Ѳирсовъ замѣтилъ, что раскопки крестьянъ даютъ еще новыя доказательства богатства древнихъ Болгаръ, и что вслѣдствіе раскопокъ въ настоящее время площадь въ Булгарахъ съ остатками старинныхъ построекъ значительно расширена сравнительно съ прежнимъ временемъ.

VIII) Д. ч. И. Н. Смирновъ сдѣлалъ предварительный отчетъ о своей поѣздкѣ къ Мордвѣ. Онъ предполагаетъ посвятить нѣсколько сообщеній, касающихся Мордвы, и потому изложилъ тотъ планъ, которому онъ будетъ слѣдовать при изложеніи исторіи, описаніи быта, погребальныхъ обычаевъ и религіозныхъ вѣрованій мордовской народности, и отмѣтилъ тѣ новыя данныя, которыя онъ добылъ въ свое путешествіе.

IX) Избраніе въ дѣйствительные члены П. И. Кротова и В. В. Молоствова не состоялось за неприбытіемъ достаточнаго числа членовъ.

Предложеніемъ Г. Предсѣдателя, циркулировавшимъ 13 октября 1891 г. между членами Совѣта Общества, избранъ въ члены-сотрудники Магистръ Гельсингфорскаго Университета Георгъ Вихманъ, предложенный д. ч. И. Н. Смирновымъ и Н. З. Тиховымъ; согласно просьбѣ Вихмана выдано ему удостовѣрительное свидѣтельство за № 231 въ томъ, что Общество поручаетъ ему, Вихману, производить этнографическія изслѣдованія въ Вятской губерніи.

ЗАСѢДАНІЕ СОВѢТА 30 ОКТЯБРЯ 1891 ГОДА.

Присутствовали: Предсѣдатель Общества Н. А. Ѳирсовъ, Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ, Члены: И. Н. Смирновъ, А. А. Штукенбергъ, А. И. Соколовъ, П. А. Пономаревъ, и. д. Секретаря Н. З. Тиховъ.

Было заслушано слѣдующее:

I) Дѣйствит. членъ И. Н. Смирновъ отъ лица редакціоннаго Комитета вошелъ въ Совѣтъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

«Въ Совѣтъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Совѣтъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи не будетъ конечно оспаривать справедливости того, что главнымъ, для всѣхъ видимымъ и прочнымъ выраженіемъ дѣятельности каждаго Общества являются его изданія. Въ нихъ выражаются результаты ученой дѣятельности Общества, и они же наталкиваютъ на изслѣдованіе окружающаго людей, которые ранѣе оставались къ нему равнодушными. Мы имѣли случай убѣдиться въ этомъ въ послѣдніе годы. Въ распоряженіе Общества, подъ впечатлѣніемъ выпускавшихся имъ томовъ, стали поступать сборники произведеній народнаго творчества, словари и другіе этнографическіе матеріалы. Обязанность Общества заключается въ томъ, чтобы поддерживать, укрѣплять и расширять эти зараждающіеся среди мѣстной интеллигенціи интересы, направлять дѣятельность людей, выражающихъ готовность къ изученію окружающаго, спеціальными программами и давать имъ возможность осмыслить свою дѣятельность спеціальными руководящими статьями. Общество окажется въ состояніи выполнить всѣ эти функціи лишь въ томъ случаѣ, если преобразуетъ свое изданіе. Вмѣсто тома, состоящаго изъ двухъ-трехъ выпусковъ, которые выходятъ единовременно, слѣдуетъ издавать небольшіе выпуски (листовъ въ 7—8 каждый) приблизительно чрезъ два мѣсяца одинъ послѣ другого. Въ содержаніе каждаго выпуска должны входить кромѣ рефератовъ, прочитанныхъ въ Обществѣ за истекшее время, статьи общаго руководящаго содержанія, программы къ спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи, отвѣты на вопросы, предложенные ранѣе Обществомъ, выборка новыхъ и имѣющихъ научную цѣнность фактовъ изъ газетъ края, хроника, въ которую заносились-бы извѣстія о находкахъ, откры-

тіяхъ, раскопкахъ, археологическихъ, этнографическихъ и археографическихъ экспедиціяхъ, о выдающихся по интересу поднятыхъ вопросахъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ Обществъ и, наконецъ, библіографія, посвященная главнымъ образомъ обзору мѣстныхъ изданій Восточной Россіи.

Для того чтобы осуществить подобное предпріятіе, нужны прежде всего деньги и затѣмъ—силы.

Можемъ-ли мы съ нашими средствами предпринять подобное изданіе?— Чтобы рѣшить этотъ первый вопросъ мы предлагаемъ на усмотрѣніе Совѣта слѣдующія данныя.

На изданіе 6 выпусковъ по 7 листовъ каждый нужно будетъ—42 листа или, считая пока по 15 руб. за листъ,—630 руб.—Мы имѣемъ отъ Университета разрѣшеніе печатать на 200 руб. Нужно добыть, стало быть, еще—430 р. Часть этой суммы мы найдемъ возможность покрыть, если составимъ примѣрную смѣту нашихъ доходовъ и расходовъ.

Наши правильные расходы состоятъ изъ жалованья письмоводителю въ размѣрѣ—60 руб. въ годъ и служителю въ размѣрѣ—48 руб. Къ числу менѣе опредѣленныхъ, но также постоянныхъ расходовъ относится печатаніе публикацій о дняхъ Общихъ Собраній. Расходъ на эти публикаціи можно опредѣлить рублей въ 15 въ годъ. Къ постояннымъ, но имѣющимъ спеціальный источникъ расходамъ относится жалованье хранителю болгарскихъ развалинъ. Затѣмъ остаются экстренные расходы: поѣздки въ Булгары, раскопки, пріобрѣтеніе вещей изъ района бывшей Волжской Булгаріи, пріобрѣтеніе картоновъ и др. матеріаловъ, необходимыхъ для помѣщенія ихъ въ музеѣ Общества.

Наши доходы выражаются: а) въ членскихъ взносахъ—въ 1890 г. ихъ было на сумму—200 руб.; б) въ %% съ неприкосновеннаго капитала Общества—въ 1892 г. около 24 руб.; в) въ доходахъ отъ продажи изданій Общества—по 1 сентября 1891 г. Общество имѣло отъ книгопродавцевъ Суворина, Башмакова и Дубровина—199 р. 33 к. и г) въ ежегодной ассигновкѣ на охраненіе Болгаръ въ размѣрѣ—300 руб.

Если мы примемъ за правило изъ Болгарскаго фонда производить всѣ расходы, такъ или иначе имѣющіе отношеніе къ Болгарамъ: поѣздки, пріобрѣтеніе вещей, расходы по устройству ихъ въ музеѣ, то у насъ на покрытіе остальныхъ расходовъ Общества останутся три источника дохода, общую сумму которыхъ для 1892 г. можно принять въ 412 рублей.

Вычитая изъ этой суммы сумму нашихъ постоянныхъ расходовъ по тремъ статьямъ—123 руб., мы получимъ остатокъ—289 руб.

Въ виду того, что въ сентябрьскій счетъ книгопродавца Дубровина вошла выручка отъ продажи нѣкоторыхъ изданій Общества съ 1885 г., мы можемъ понизить для будущаго года этотъ остатокъ до 200 руб.

Если Совѣтъ Общества согласится отчислить въ 1892 г. на поддержку изданія всю выручку отъ продажи въ 1892 г. и тѣ суммы, которыя получатся изъ членскихъ взносовъ сверхъ 100 руб., необходимымъ для покрытія текущихъ расходовъ, то недостающая до смѣты на изданіе сумма уменьшится до 230 руб., которые могутъ быть покрыты изъ выручки отъ подписки и розничной продажи изданій за 1892 годъ. Чтобы получить 230 руб. въ годъ отъ продажи 6-ти выпусковъ изданія, нужно продать каждаго выпуска, считая цѣну выпуска на хорошей бумагѣ по 1 руб. и комиссіонный вычетъ въ 30%,

около 60 экземпляровъ. Продажу такого количества отдѣльныхъ книжекъ изданія съ той программой, куторую мы намѣтили, нельзя считать невѣроятной. Возьмемъ цифры продажи нашихъ изданій съ 1889 г.—Отдѣльный оттискъ «Черемисы», напечатанный въ VII томѣ, разошелся до 1 октября текущаго года въ количествѣ 90 экземпляровъ, 1-й выпускъ VIII тома, заключающій въ себѣ трудъ покойнаго Веске, проданъ въ количествѣ 22 экземпл., о продажѣ 2-го выпуска («Вотяки») свѣдѣній пока нѣтъ, такъ какъ книга сдана раньше другихъ книжному магазину «Новаго Времени» въ Москвѣ; 2-й выпускъ IX тома («Пермяки») проданъ съ 1 мая до 1 сентября въ количествѣ 31 экземп.—Сложивъ эти цифры, возьмемъ среднюю и получимъ около 48 экз., — цифру, не особенно далеко уклоняющуюся отъ той, которую намъ нужно.

Не нужно быть слишкомъ смѣлымъ, что-бы предположить, что разнообразіе содержанія, предлагаемая изданіемъ возможность слѣдить за мѣстной литературой, мѣстными и обще-русскими новостями изъ области археологіи, этнографіи и исторіи можетъ дать лишнихъ 12 покупателей на каждую книжку.

Чтобы не задерживать уплаты въ типографію и не вести изданіе въ кредитъ, недостающіе 230 руб. лучше всего, конечно, имѣть на лицо. Для сбора этой суммы мы предлагаемъ спеціальную мѣру. Пусть Совѣтъ Общества обратится къ проживающимъ въ Казани дѣйствительнымъ членамъ Общества и членамъ - сотрудникамъ съ приглашеніемъ ссудить Общество до 1 января 1893 г. той суммой, которую каждый считаетъ для себя возможной, и опредѣлить условія ея возврата. Одинъ можетъ зачислить ее въ членскій взносъ за 1893 годъ, другой—взять на данную сумму изданій Общества, третій—получить обратно изъ суммы, вырученной за продажу изданія за 1892 г., деньги. Для всѣхъ членовъ, которые пожелали-бы взять въ счетъ своихъ денегъ изданія Общества, мы полагали-бы желательнымъ сдѣлать ту скидку въ 30%, которую мы дѣлаемъ книгопродавцамъ-коммиссіонерамъ.

Указавши источники, изъ которыхъ можно составить необходимую для изданія сумму, обращаемся къ литературной сторонѣ предпріятія.

Общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи рефератъ П. А. Пономарева: «Булгарскій городъ Ошель», рефератъ А. А. Штукенберга: «мечъ изъ древней могилы Спасскаго уѣзда», рядъ предположенныхъ рефератовъ о Мордвѣ И. Н. Смирнова, рефератъ сотрудницы Троицкой: «о Черемисахъ Арбанской волости», собраніе чувашскихъ пѣсенъ чл.-сотр. Ефимова, мордовскія пѣсни и причитанія чл.-сотр. Кобаева, заговоры и духовные стихи изъ рукописей прошлаго столѣтія, принадлежащихъ А. И. Соколову. Изъ числа статей общаго содержанія можно указать: «Очерки изъ исторіи археологіи въ Европѣ», обѣщанные д. ч. И. Н. Смирновымъ «Задачи и методъ культурно-историческаго изученія жилища» Н. З. Тихова; хронику, библіографію и смѣсь берутъ на себя вести А. К. Кулагинъ, М. Н. Пинегинъ, И. Н. Смирновъ, А. И. Соколовъ, Н. З. Тиховъ. Мы позволяемъ себѣ надѣяться, что когда матеріальныя условія для предполагаемаго изданія будутъ обезпечены, число лицъ, желающихъ принять въ немъ участіе своимъ трудомъ, значительно увеличится.

Представляя свой проэктъ на усмотрѣніе Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, мы смѣемъ надѣяться, что онъ будетъ встрѣченъ сочувственно.

Члены редакціоннаго комитета И. Смирновъ, А. Соколовъ, Н. Тиховъ.

Постановлено: Принимая въ принципѣ предложеніе редакціоннаго Комитета, представить вопросъ на усмотрѣніе Общаго Собранія.

II) Прочитанъ протоколъ Общаго Собранія Членовъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи 13 октября 1891 года.

III) Счетъ отъ Начальника Типографіи отъ 9 октября 1891 г. за № 1216 съ просьбою объ уплатѣ за наборъ, печатаніе и бумагу приглашеній въ засѣданіе 13 октября на сумму 1 р. 15 коп.—Постановлено: уплатить.

IV) Отношеніе Начальника Типографіи отъ 15 октября 1891 г. за № 1244 о томъ, что онъ препровождаетъ оставшіеся неразосланными 76 экз. трудовъ IV Археологическаго Съѣзда т. II съ атласомъ и о томъ, что отъ разсылки осталось деньгами — 22 р. 4 к., каковыя и должны быть переданы въ распоряженіе Общества. — Постановлено: Извѣстить г. Начальника Типографіи о полученіи книгъ и поручить г. и. д. Казначея Общества получить оставшіяся деньги и внести ихъ въ Типографію въ счетъ долга.

V) Извѣщеніе г. Начальника Типографіи отъ 26 октября 1891 г. за № 1299 о полученіи имъ по счету за № 409 сорока четырехъ руб. шестидесяти трехъ коп. и о внесеніи этой суммы на приходъ за № 629.—Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

VI) Предложеніе и. д. Секретаря Общества объ обмѣнѣ изданіями съ вновь основаннымъ археолого-этнографическимъ журналомъ Česky lid (Praha) и съ сибирскими газетами.—Постановлено: предложить редакціямъ обмѣниваться изданіями.

VII) Предложены въ дѣйствительные члены Общества: профессоръ Г. К. Штеръ, архитекторъ М. Д. Михайловъ и преподаватель гимназіи А. К. Кулагинъ Г. Предсѣдателемъ Общества Н. А. Ѳирсовымъ, д. ч. И. Н. Смирновымъ и и. д. Секретаря Н. З. Тиховымъ.—Постановлено: Предложить въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

VIII) Письмо Г. Попечителя Округа Н. Г. Потапова отъ 29 мая 1891 г. за № 2903 съ выраженіемъ благодарности за присланный IX томъ «Извѣстій» Общества.

IX) Письмо граф. Уваровой отъ 21 октября 1891 г. съ просьбой сообщить, когда будетъ доставленъ въ Императорское Московское Археологическое Общество трудъ Пономарева объ Ананьинскомъ могильникѣ, на который были ассигнованы суммы.—Постановлено: Извѣстить Императорское Московское Археологическое Общество, что объ этомъ сообщено г. Пономареву и по личному заявленію послѣдняго ассигнованныя суммы къ Ананьинскому могильнику отношенія не имѣютъ.

X) Письмо г. О. Брока съ предложеніемъ объ обмѣнѣ изданій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи на «Записки Общества наукъ въ Христіаніи» («Vedenskabsselskabets Afhandlings»).—Постановлено: Сообщить г. Броку о согласіи на обмѣнъ.

XI) Назначено Общее Собраніе на 10 ноября 1891 г. въ 1 часъ дня а) для выслушанія сообщеній: И. А. Износкова: «Кара-Якуповская волость Уфимской губ. и уѣзда»; Е. Т. Соловьева: «Памятники татарской старины въ дачѣ с. Сюкеева Тетюшскаго уѣзда Казанской губ.»; В. Н. Витевскаго: «Новыя данныя относительно Батырши, предводителя въ башкирскомъ мя-

тежѣ въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны»; А. А. Спицына: «Оброчныя земли на Вяткѣ въ XVII в.» и б) для избранія въ дѣйствительные члены Общества П. И. Кротова, В. В. Молоствова, проф. Г. К. Штера, А. К. Кулагина и М. Д. Михайлова; для избранія двухъ членовъ ревизіонной Комиссіи.

ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ 10 НОЯБРЯ 1891 ГОДА.

Присутствовали: Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ; Члены: И. Н. Смирновъ, Н. Я. Кириловъ, Н. А. Толмачевъ, А. Н. Бекетовъ, Н. С. Кукурановъ, П. В. Траубенбергъ, Ѳ. Г. Мищенко; члены-сотрудники: М. Е. Кобаевъ, К. И. Воронцовъ, Н. К. Горталовъ, Т. С. Семеновъ, Ѳ. О. Суринъ; и д. Секретаря Н. З. Тиховъ.

I) За болѣзнію Г. Предсѣдателя Общества Н. А. Ѳирсова обязанности его исполнялъ Г. Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ.

II) Прочитанъ протоколъ засѣданія Совѣта 30 октября 1891 г. Вопросъ о расширеніи изданія принятъ единогласно.

III) Дѣйств. членъ А. Н. Бекетовъ принесъ въ даръ Обществу циркуляръ отъ Казанскаго Губернскаго Медицинскаго Инспектора г г. Священникамъ, Мулламъ, Врачамъ и Повивальнымъ Бабкамъ, вызвавшій въ свое время волненія среди татарскаго населенія. Оффиціальный документъ, свидѣтельствующій объ этихъ волненіяхъ, хранится—по словамъ А. Н. Бекетова—у дѣйст. члена Общества Н. П. Загоскина. Циркуляръ оффиціальнымъ образомъ отбирался у всѣхъ лицъ и потому представляетъ теперь рѣдкость.— Выражена благодарность А. Н. Бекетову въ засѣданіи.

IV) Дѣйств. Членъ В. Н. Витевскій письмомъ на имя г. Предсѣдателя Общества извѣстилъ, что по болѣзни онъ не можетъ явиться въ засѣданіе Общества для прочтенія своего реферата и потому проситъ отложить послѣдній до слѣдующаго Общаго Собранія.

V) Г. Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ сдѣлалъ сообщеніе: «Кара-Якуповская волость Уфимской губерніи и уѣзда», вызвавшее замѣчанія И. Н. Смирнова.

VI) И. д. Секретаря Н. З. Тиховъ прочиталъ сообщеніе покойнаго члена-сотрудника Общества Е. Т. Соловьева: «Памятники Татарской старины въ дачѣ с. Сюкеева Тетюшскаго уѣзда Казанской губерніи», вызвавшее замѣчанія д. ч. А. Н. Бекетова и Н. А. Толмачева. Послѣдній выразилъ желаніе, чтобы Общество обратило вниманіе и занялось изслѣдованіями на почвѣ археологіи Золотой Орды.

VII) Избраны единогласно въ дѣйствительные члены Общества П. И. Кротовъ и В. В. Молоствовъ.

VIII) Избраніе членовъ ревизіонной комиссіи и профессора Штера, А. К. Кулагина, М. Д. Михайлова въ дѣйствительные члены по случаю неприбытія достаточнаго числа членовъ не состоялось и отложено до слѣдующаго засѣданія.

IX) Рефератъ А. А. Спицына за позднимъ временемъ отложенъ до слѣдующаго Общаго Собранія.

Содержанiе „Извѣстiй Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ".

Т. I. Уставъ Общества, списокъ членовъ-учредителей Общества. Протоколы засѣданiй Совѣта и Общаго Собранiя. *Проэктъ Публичнаго Историко-Этнографическаго Музея, сост. В. М. Флоринскимъ. - Приложенiя. Свѣдѣнiя о древностяхъ, найденныхъ близь деревни Увекъ. - *Описанiе русскихъ монетъ клада 4 сентября 1878 г. *В. К. Савельева* и *Н. А. Толмачева.*—*О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ матерiалахъ, служащихъ къ изученiю исторiи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова.*—*Замѣтки о городкахъ курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губернiи. *И. А. Износкова.*—*О замѣчательной Китайской монетѣ конца X или начала XI в., прiобрѣтенной въ селѣ Болгарахъ. *В. П. Васильева.* К. 1879. Ц. 1 р.

Т. II. Годовой отчетъ за 1878 г. Протоколы засѣданiй Общества. —Приложенiя. Два городища Спасскаго уѣзда. Свящ. *П. Фанагорскаго.*—Объ историческомъ значенiи библiотеки Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской Духовной Академiи. *И. В. Владимiрова.* — О возможности существованiя каменоломенъ въ окрестностяхъ пригорода Билярска. *М. П. Аристова.*—Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древн. жилищахъ, находящихся въ Казанской губернiи. *И. А. Износкова.*—Замѣтки о селенiяхъ Чистопол. у.: В-Никиткиной, Татарской Баганѣ, Кизляу и Билярь-Озеро. *В. А. Казаринова.*--Описанiе части клада русскихъ денегъ XV в., открытаго въ Казанскомъ кремлѣ 4 сент. 1878 г. *А. Ѳ. Лихачева.*—Замѣтка о харатейномъ Евангелiи к. XIV или нач. XV в. *Н. Д. Шестакова.*—Нѣсколько словъ о могильникѣ, находящемся близь деревни Ананьиной. *Его же.*—Описанiе монетъ, найденныхъ въ д. Карташихѣ Каз. г. *В. К. Савельева.*—Описанiе городищъ и кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ г. Сенгилея Симб. губ. *М. И. Извощикова.*—О старинномъ кладбищѣ близь с. Билярскаго Вят. губ. *А. Рязанцева.*—Попытка объясненiя одного мѣста изъ Булгарской лѣтописи Хисамъ Эддина Ибн Шарафъ-Эддина. *Н. Д. Шестакова.*—Выдержка изъ архива Елабужскаго духовнаго Правленiя. *Его-же.*—Описанiе дополнител. коллекцiи Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Укека. *В. К. Савельева.*—Описанiе чудскихъ вещей, пожертвованныхъ въ музей Общества А. Е. Теплоуховымъ.—Бытъ Вотяковъ Сарапульскаго уѣзда. *В. Кошурникова.* Полный систематическiй указатель статей мѣстно-областного содержанiя, напечатанныхъ въ «Казанскихъ извѣстiяхъ» съ 1811--1821 г. *П. А. Пономарева.* К. 1880. Ц. 1 р.

Т. III. О задачахъ дѣятельности К. О. И. А. и Э. *С. М. Шпилевскаго.*—Лингвистическая замѣтка о названiяхъ Булгаръ, Билярь и Моркваши. *Н. И. Золотницкаго.*—По поводу сообщенiя Н. И. Золотницкаго. *Н. Д. Шестакова.*—Замѣтка о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. губ. *И. А. Износкова.*—Объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ Билярскѣ. *Его-же.*—Описанiе Билярскаго и Баранскаго городищъ. *В. А. Казаринова.*—Замѣтка о Калмыкахъ Астрахан. губернiи. *П. Смирнова.*—Изъ поѣздки въ село Шуматово Ядр. у. Каз. губ. (бытъ Чувашъ) *В. К. Магницкаго.*—О раскопкахъ близь д. Палкиной на р. Чусовой. *П. И. Кротова.*—У Вотяковъ Елабужскаго уѣзда. *Г. И. Потанина.*—Изъ дорожныхъ замѣтокъ во время этногр. экскурсiи. *С. К. Кузнецова.*—О Чаллынскомъ городищѣ. *А. М. Зайцева.*—Одно изъ древнихъ булгаро-татарскихъ городищъ въ Тет. у. *Е. Т. Соловьева.*—Преданiя Чувашъ и Татаръ Чебокс. у. Каз. г. *М. А. Арзамазова.*—Остатки древности въ с. Увекѣ. *Г. С. Саблукова.*—Предварительное сообщенiе о раскопкахъ близь с. Шурана. *П. А. Пономарева.* —Предв. сообщенiе о раскопкахъ надъ Ройскимъ истокомъ. *С. К Кузнецова.* —Замѣтки о вышепом. раскопкахъ. *А. А. Штукенберга.*—Краткое описанiе Краснослободскаго муж. монастыря (Пенз. г.). *Д. В. Ильченко.*—Описанiе рус. сер. копѣекъ изъ клада 1881 г. *В. К. Савельева.*—Описанiе двухъ коллекцiй джуч. монетъ пожерт. обществу. *Его-же.*—Описанiе клада золото-

ордынскихъ монетъ, найденнаго въ 1881 г. *Н. П. Загоскина.*—Атамановы кости. *С. К. Кузнецова.*—Замѣтка по поводу сообщенія Г. Н. Потанина: у Вотяковъ Елабужск. у. *С. К. Кузнецова.* К. 1884. Ц. 2 р. 50 к.

Т. IV. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1880—81 г. Приложенія.—Духовная В. Н. Татищева.—О Мишаряхъ чистоп. уѣзда. *В. А. Казаринова.*—Свѣдѣнія о Мишаряхъ. *Е. А. Малова.* К. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

Т. V. Протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1882—84 гг.—Скиѳскій слѣдъ на билярской почвѣ. *А. Ѳ. Лихачева.*—Особенности русскаго говора въ Урж. у. Вят. г. *В. К. Магнитскаго.* Смѣсь. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 1. Извлеченія изъ Протоколовъ за 1885 г.—Стишки крестьянскихъ дѣтей селъ Астраханки и Карташихи Лаишевскаго у. *С. К. Рябинскаго.* — Замѣтка по поводу этой статьи. *А. Ѳ. Можаровскаго.*—Къ археологіи Урала. *А. М. Зайцева.* — Нѣсколько словъ о русскомъ вліяніи на инородцевъ въ предѣлахъ Казанскаго края. *И. Н. Смирнова.* К. 1889. Ц. 50 к.

— Вып. 2. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма. *Н. Ѳ. Высоцкаго.*—Развалины древнихъ зданій при селѣ «Болгарахъ». *В. А. Казаринова.*—Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Спицына.*—Неизданныя грамоты изъ аѳонскихъ архивовъ. *В. В. Качановскаго.*—Матеріалы для Русскаго словаря (слова, имѣющія особенное значеніе въ говорѣ жителей с. Великорѣчья, Яранск. у.). Свящ. *А. Д. Жилина.*—Обычай колядованія въ Симбирской губерніи. *М. Извощикова.*—Библіограф. замѣтка о двухъ рефератахъ, читанныхъ въ засѣд. VII Арх. Съѣзда въ Ярославлѣ А. Верещегинымъ. *В. В. Качановскаго.* — Отчетъ и извлеченія изъ протоколовъ за 1887 г. К. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Изслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемисскаго языка *М. П. Веске.*—Новая антропологическая находка въ с. Болгарахъ. *Н. Ѳ. Высоцкаго.* —Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитріева.*—Гдѣ былъ древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соловьева.*—Старая церковь въ селѣ Богородскомъ (съ рисункомъ). *Н. В. Сорокина.*—Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова.* К. 1889. Ц. 2 р.

Т. VIII. Вып. 1. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. *М. П. Веске.* К. 1890. Ц. 2 р.

— Вып. 2. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова.* К. 1890. Ц. 2 р. 25 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній. за 1889—90 г.—Письмо Стеньки Разина къ казанскимъ Татарамъ. *А. И. Соколова.*—Отчетъ Общ. А., И. и Э. за 1889—90 г.—Списокъ членовъ Общ. А., И. и Э. К. 1890. Ц. 25 к.

Т. IX. Вып. 1. Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ Коммиссіи 1767 г. *Н. Н. Ѳирсова.*—Памяти П. Д. Шестакова. *Н. А. Ѳирсова.*—Толковая икона села Царицына (съ фотографіей). *Н. В. Сорокина.*—Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. Болгарскій домъ. *Н. З. Тихова.*—Ирихи у Чувашъ. *В. К. Магнитскаго.*—Русскія имена и прозвища въ XVII в. *А. И. Соколова.*—Свадебные обычаи казанскихъ Татаръ. *М. Н. Пинегина.* К. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

— Вып. 2. Пермяки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова.* К. 1891. Ц. 1 р. 75 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1890—91 г. — Отчетъ Общ. А., И. и Э. за 1890—91 г.—Списокъ членовъ.—Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ Ровинскаго. *Р. А. Нелидовой.*—Мелкія этнографическія сообщенія. К. 1891. Ц. 30 к.

(Статьи I тома, означенныя звѣздочкой, можно получать отъ Общества за 25 к.).

Изданія, составляющія собственность Общества:

1) Труды IV Археологическаго Съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. Т. I и II съ Атласомъ. (Звѣздочка (*) указываютъ на статьи, относящіяся къ мѣстному краю).

Содержаніе I тома: Правила, вопросы, списокъ членовъ и протоколы Съѣзда.—*Объ основаніи въ Казани ученаго Общества для изслѣдованія археологіи, исторіи и этнографіи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова.*—*О русскихъ древностяхъ Каз. губ. и средняго Поволжья до XVI в. *И. И. Срезневскаго.*—*Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта. *Н. В. Калачова.*—О задачахъ корреспондентовъ археолог. съѣздовъ. *А. С. Гацискаго.*—О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторич. временахъ (съ 39 фиг.). *I. Р. Аспелина.*—О нѣкоторыхъ химическихъ измѣненіяхъ въ костяхъ, находимыхъ при раскопкахъ. *И. М. Гвоздева*—О раскопкахъ гр. *Сиверса* въ Лифлян. губ.—О желѣзномъ вѣкѣ въ Балтійскомъ краѣ. *К. Гревинка.* *Каменныя орудія и бронзовыя вещи изъ Печерск. края 1874 г. *А. А. Штукенберга.*—О каменныхъ орудіяхъ изъ Варнав. у. Костр. губ. *А. П. Поливанова.*—О раскопкахъ кургановъ на р. Сити 1875 г. *Л. К. Ивановскаго.*—О древнемъ кладбищѣ у Iорданской церкви въ Кіевѣ. *В Б. Антоновича.*—О похоронныхъ типахъ Юго-зап. края. *Его же.*—О городищѣ Черниг. у *Н. А. Константиновича.*—О древнихъ могилахъ Мцхеты. *В. Т. Тизенгаузена.*—*Объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Каз. края. *Н. А. Толмачева.*—Майнское городище Спасск. у. Каз. губ. *В. Н. Поливанова.*—Курганы въ окрести. г. Екатеринбурга Перм. губ. *М. В. Малахова.*—*О землян. насыпи недалеко отъ впаденія р. Вятки въ Каму. *Н. Савельева.*—*Извѣстные остатки древности въ Самар. краѣ. *П. В. Алабина.*—О пещерахъ каменн. рѣка на сред. течен. р. Днѣпра *В. Б. Антоновича.*—О валахъ на территоріи др. Кіев, княж. *Его-же.* *О древнемъ г. Маджарѣ. *П. Д. Шестакова.*—*Городъ Булгаръ.—*С. М. Шпилевскаго.*—*Гдѣ искать потомковъ Можаръ, бившихся за русск. въ 1551 г. *А. Ѳ. Можаровскаго.*—*Очеркъ исторіи Болгарск. и Казанск. царства. *Муллы Шихабъ-уд-дуна Бага-уд-динова* (перев. *В. В. Радлова* и подлинникъ). *Топографія Казани въ 1852 г. Прот. *П. I. Заринскаго.*—*О сохранившихся преданіяхъ по поводу мѣстн. названій Каз. и смежн. губ. *И. А. Износкова.*—*Списокъ населенн. мѣстъ Мамадыш. у. *Его-же.*—*О личныхъ инородческихъ именахъ. *Его-же.*— Списокъ др. инородч. именъ изъ актовъ *Н. И. Золотницкаго.*—*О селеніяхъ съ назван. «тарханъ». *Его-же.*—*Къ вопросу о преданіяхъ относит. занятія Русскими Казан. края и борьбѣ ихъ съ туземцами. *П. Н. Вечеслава.*—Нѣсколько данныхъ по 30-му вопросу программы IV съѣзда. *Д. А Корсакова.*—*О старомъ и новомъ городахъ въ Н.-Новгородѣ. *П. И. Мельникова.*—*Селитряный городокъ Астрах. губ. Енотаев. у. *Н. П. Загоскина.*—*Преданія Томскихъ инородцевъ о подданствѣ ихъ Россіи *Кн. Н. А. Кострова.*—*Очерки быта Минусинскихъ Татаръ. *Его-же.*—Нѣкоторыя данныя по историч. геогр. и этнограф. Россіи по рукопис. И. Пуб. библіотеки *А. Я. Гаркави.*—Кто были 4 тюрк. племени. разбивш. Грековъ въ 934 г. при г. Валендарѣ и гдѣ находился этотъ городъ. *Ф. К. Бруна.*—Программа по предм. «исторія и теорія искусствъ». *П. В. Павлова.*—*О городахъ Маджарѣ и Булгарѣ по монетамъ. *В. К. Савельева.*—О монетахъ Владиміра Святого. *Д. И. Прозоровскаго.* — Объ отдѣльн. букв. на копѣйкахъ и денежкахъ до Петра Великаго. *Ю. Б. Иверсена.* — *О загадочныхъ сосудахъ изъ Волжск. Булгаріи. *А. Ѳ. Лихачева.*—О др. иконахъ въ г. Старой Русѣ. Гр. *М. В. Толстого.* Казань. 1884. Цѣна 7 р.

Содержаніе II тома: О характерѣ власти варяжск. князей. *К. Н. Бестужева-Рюмина*—Слѣды церковн. братствъ въ вост. Малороссіи. *И. А. Сребницкаго.*—О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирск. Карамзинск. библіотекѣ. *И. Я. Христофорова.*—*Къ исторіи войнъ Москов. госуд. съ Казанью. *А. И. Маркевича.*—Преданіе о Пугачевѣ среди уральск. казаковъ *В. Н. Витевскаго.*—*О народныхъ праздникахъ въ Пензенск. губ. *Н. Я. Аристова.*—*О кирсметяхъ крещеныхъ Татаръ. *И. М. Софійскаго.*—*Повѣрья, обряды и обычаи Вотяковъ Мамад у. *Б. Г. Гаврилова.*—О старин. рукоп. сборникахъ народ. былинъ и пѣсенъ. *Л. Н. Майкова.*—Свѣдѣнія о рукописяхъ И. Пуб. Библіот. содерж. народныя пѣсни. *А. Ѳ. Бычкова.* — Объ «обличеніи на Соловецкую челобитную» Ю. Крижанича. *И. М. Добротворскаго.*—О раскольничьей рукоп.

конца XVII в. *И. С. Некрасова.*—«Сказаніе о Соловецк. монаст. и объ Аѳонѣ». *Н И. Петрова.*—О Родопскомъ открытіи *С. Верковича.* (пер. *М. П Петровскаго* и подлинникъ).—О Соловецк. библіотекѣ. *И. Я. Порфирьева.*—Апокрифич. молитвы по рукоп. Солов. библ. *Его-же.* — Объ упрекѣ мон. Нила Курлятевыхъ въ незнаніи митр. Кипріаномъ греческ. и нашего яз. при исправленіи псалтири. *Арх. Амфилохія.* — *Гдѣ книги, писан. зырян. и перм. азбукою, составленною св Стефаномъ Пермскимъ? *П. Д. Шестакова.*—О вліяніи русскаго яз. на инородческіе. *Егоже.* — Крымскій полуостровъ до Монгол. нашествія въ Араб. литер. *А. Я. Гаркави.* — *Топографія др. города около с. Русскихъ Кирменей (Мамад. у. Каз. губ.). *Е. Т. Соловьева.*—*О старой чувашской вѣрѣ. *Н. И. Золотницкаго.* — *Сказки, загадки и пѣсни Нагайбаковъ въ уральск. у. Оренб. губ. *В. Н. Витевскаго.*—*Документы и рукописи, относящ. къ Каз. губ. и хранящ. въ Моск. Главн. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ и его библіотекѣ. *И. Ѳ. Токмакова.*—Указатель личныхъ и географ. именъ, встрѣч. въ I и II т. Трудовъ IV Археол. съѣзда.—Атласъ къ Трудамъ IV Археол. Съѣзда. Казань 1891. Ц. съ атласомъ 10 р. За оба тома вмѣстѣ ц. 12 р.

2) Архивъ кн. В. И. Баюшева. Разобранъ и приготовленъ къ изданію проф. Н. П. Загоскинымъ. К. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

3) Памяти гр. Алексѣя Сергѣевича Уварова. Рѣчи, произнесенныя С. М. Шпилевскимъ, П. Д. Шестаковымъ и Д. А. Корсаковымъ. К. 1885. Ц. 75 к.

4) Краткій очеркъ восьмилѣтней дѣятельности Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи и его задачи. К. 1886. Ц. 10 к.

5) Этнографія на Казанской научно-промышленой выставкѣ. *П. Н. Смирнова.* К. 1890. Ц. 20 к.

6) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій съѣздъ. *Его-же.* К. 1890. Ц. 20 к.

Всѣ изданія Общества, за исключеніемъ I и II томовъ, можно получать въ Казани у книгопродавцевъ А. А. Дубровина и Н. Я. Башмакова, въ С.-Петербургѣ у А. С. Суворина и Карбасникова.

I и II томы «Извѣстій», оставшіеся въ самомъ ограниченномъ количествѣ, можно получить только при выпискѣ отъ Общества всѣхъ томовъ «Извѣстій».

Выписывающіе отъ Общества за пересылку не платятъ.

Дѣствительные члены и члены-сотрудники, выписывающіе изданія отъ Общества, пользуются скидкой въ 30%.

1892 г. | ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА | Годъ 4-й.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

издаваемое Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ СЕКРЕТАРЯ ОТДѢЛА Н. А. ЯНЧУКА,

при участіи проф. В. Б. Антоновича, проф. Д. Н. Анучина, проф. Д. И. Багалѣя, Е. В. Барсова, акад. Александра Н. Веселовскаго, проф. Алексѣя Н. Веселовскаго, проф. А. И. Кирпичникова, М. М. Ковалевскаго, проф. В. Ѳ. Миллера, П. Н. Милюкова, А. Н. Минха, В. М. Михайловскаго, Г. Н. Потанина, Е. Р. Романова, проф. И. Н. Смирнова, проф. А. И. Соболевскаго, проф. М. И. Соколова, проф. Н. Ѳ. Сумцова, акад. Н. С. Тихонравова, А. Н. Харузина, Н. Н. Харузина, А. С. Хаханова, П. В. Шейна, проф. И. В. Ягича, Н. М. Ядринцева, Е. И. Якушкина и другихъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ.

Изданіе посвящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи, причемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій будутъ служить слѣдующіе вопросы:

1. Вѣрованія, обычаи, обряды. 2. Народная словесность, языкъ. 3. Народная музыка, живопись и другія искусства. 4. Народная медицина. 5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д. 6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ. 7. Историческая и доисторическая этнографія. 8. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, будутъ помѣщаться также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе.

Обширный БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ изданія заключаетъ въ себѣ:

1) Отзывы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, поскольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи. 2) Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданій съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала. 3) Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Въ отдѣлѣ „**Смѣси**“ сообщаются мелкіе этнографическіе матеріалы.

Наконецъ, въ „**Извѣстіяхъ и Замѣткахъ**“ помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также **приложенія:** портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ, и т. п.

«ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ» выходитъ 4-мя книжками въ годъ (около 15 листовъ каждая) приблизительно въ слѣдующіе сроки: 1-я кн.— въ началѣ марта, 2-я—въ началѣ іюня, 3-я—въ концѣ сентября, 4-я—въ концѣ декабря.

Цѣна годовому изданію безъ перес. **4** р. **50** к., съ перес. **5** р., заграницу **6** р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшія, продаются въ складѣ при канцеляріи Общества и въ книжныхъ магазинахъ по **1** р. **50** к. съ пересылкой.

Учащимся, сельскимъ учителямъ и священникамъ дѣлается уступка **40%**. Допускается разсрочка по соглашенію.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (*Москва, Политехническій Музей*) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (Москва и Петерб.), Н. П. Карбасникова (Москва, Петерб. и Варшава), А. А. Карцева (Москва), Н. И. Мамонтова (Москва) и А. Ланга (Москва). **АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Политехническій Музей.**

☞ Распоряженіемъ г. Министра Народнаго просвѣщенія изданія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи **рекомендованы** для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднеучебныхъ заведеній. ☜

1892 г. | ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА | Годъ 4-й.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

издаваемое Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ СЕКРЕТАРЯ ОТДѢЛА Н. А. ЯНЧУКА

при участіи проф. В. В. Антоновича, проф. Д. Н. Анучина, проф. Д. И. Багалѣя, Е. В. Барсова, акад. Александра Н. Веселовскаго, проф. Алексѣя Н. Веселовскаго, проф. А. И. Кирпичникова, М. М. Ковалевскаго, проф. В. Ө. Миллера, П. Н. Милюкова, А. Н. Минха, В. М. Михайловскаго, Г. Н. Потанина, Е. Р. Романова, проф. И. Н. Смирнова, проф. А. И. Соболевскаго, проф. М. И. Соколова, проф. Н. Ө. Сумцова, акад. Н. С. Тихонравова, А. Н. Харузина, Н. Н. Харузина, А. С. Хаханова, П. В. Шейна, проф. И. В. Ягича, Н. М. Ядринцева, Е. И. Якушкина и другихъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ.

Изданіе посвящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи, причемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій будутъ служить слѣдующіе вопросы:

1. Вѣрованія, обычаи, обряды. 2. Народная словесность, языкъ. 3. Народная музыка, живопись и другія искусства. 4. Народная медицина. 5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д. 6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ. 7. Историческая и доисторическая этнографія. 8. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, будутъ помѣщаться также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе.

Обширный БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ изданія заключаетъ въ себѣ:

1) Отзывы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, поскольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи. 2) Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданій съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала. 3) Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Въ отдѣлѣ **„Смѣси“** сообщаются мелкіе этнографическіе матеріалы.

Наконецъ, въ **„Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“** помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также **приложенія:** портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ, и т. п.

«ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ» выходитъ 4-мя книжками въ годъ (около 15 листовъ каждая) приблизительно въ слѣдующіе сроки: 1-я кн.— въ началѣ марта, 2-я—въ началѣ іюня, 3-я—въ концѣ сентября, 4-я—въ концѣ декабря.

Цѣна годовому изданію безъ перес. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р., заграницу 6 р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшія, продаются въ складѣ при канцеляріи Общества и въ книжныхъ магазинахъ по 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Учащимся, сельскимъ учителямъ и священникамъ дѣлается уступка 40%. Допускается разсрочка по соглашенію.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (*Москва, Политехническій Музей*) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (Москва и Петерб.), Н. П. Карбасникова (Москва, Петерб. и Варшава), А. А. Карцева (Москва), Н. И. Мамонтова (Москва) и А. Ланга (Москва). **АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Политехническій Музей.**

☛ Распоряженіемъ г. Министра Народнаго просвѣщенія изданія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи **рекомендованы**, для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднеучебныхъ заведеній. ☚

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ X, вып. 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Н. Тиховъ.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ И КЪ 1 ІЮЛЯ 1892 г. ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ

„АНАНЬИНСКІЙ МОГИЛЬНИКЪ"

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

П. А. Пономарева.

Текстъ отъ 1½ до 2 печ. листовъ и атласъ изъ 12 фотографическихъ таблицъ (видъ могильника, схематическій видъ одной изъ вскрытыхъ могилъ, черепа, орудія и украшенія изъ бронзы, желѣзныя орудія, керамика).

Подписавшіеся до 1 іюля платятъ за текстъ и атласъ 3 р. Послѣ 1 іюля цѣна изданія будетъ повышена до 4 р. 50 к.

Подписка принимается у казначея Общества А. Т. Соловьева въ зданіи Университетской Типографіи.

ИЗЪ ПРОШЛАГО И НАСТОЯЩАГО

ДОИСТОРИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГІИ ВЪ ЕВРОПѢ

3) *Доисторическая археологія во Франціи*).*

Германія въ археологическомъ отношеніи такъ же, какъ въ географическомъ и геологическомъ, составляетъ посредствующее звено между Сѣверомъ, Югомъ и Западомъ Европы. Сѣверными своими областями она составляетъ одинъ культурный районъ съ Скандинавскими государствами, южными и западными—входитъ вмѣстѣ съ Швейцаріей, Франціей и Бельгіей въ составъ той части Европы, которая въ археологическомъ и біологическомъ смыслѣ имѣетъ болѣе, чѣмъ Сѣверъ, древнюю исторію. Результаты, добытые изслѣдованіемъ южногерманскихъ и западно-германскихъ пещеръ, позволяютъ намъ догадываться о томъ, въ какую глубокую старину должно увести насъ ознакомленіе съ французской палеоэтнологіей.

Одновременно съ тѣмъ, какъ первые скандинавскіе археологи вырабатывали свою схему періодовъ доисторическаго развитія, Французы сдѣлали первый шагъ въ такую область человѣческаго прошедшаго, которая лежитъ за предѣлами современной геологической эпохи. Въ 1828 г. Турналь въ одной

*) **Матеріалами для составленія этого очерка послужили: 1) «Revue d'anthropologie» 1877—1890 и «Bulletins de la Soc. d'anthropologie de Paris», 2) отчеты Г. Шаффгаузена о сессіяхъ международнаго конгресса доист. археологіи и антропологіи въ «Archiv für Anthropologie».**

пещерѣ близъ Бизе открылъ кости человѣка рядомъ съ костями вымершихъ ископаемыхъ животныхъ. На другой годъ подобныя же открытія были сдѣланы Кристолемъ въ Гардскомъ департаментѣ, Шмерлингомъ въ Бельгіи; кости человѣка на этотъ разъ были найдены рядомъ съ костями пещерной гіены и риноцероса. И Турналь и Шмерлингъ предположили, что тѣ и другія кости относятся къ одной эпохѣ, но ихъ предположеніе встрѣтило еще меньше довѣрія, чѣмъ теоріи скандинавовъ. Прошло около десяти лѣтъ со времени этого перваго дебюта и изъ среды французскихъ ученыхъ выдѣлился человѣкъ, который рѣшился провѣрить не встрѣтившія сочувствія догадки. Это былъ Бушэ де Пертъ. Новый изслѣдователь исходилъ изъ библейскихъ преданій и думалъ найти остатки людей, жившихъ до потопа, въ тѣхъ слояхъ, которые у геологовъ носятъ названіе дилювіальныхъ (ледниковая или четвертичная эпоха—époque quaternaire). Въ пещерахъ долины Соммы ему удалось, дѣйствительно, найти кремневыя орудія рядомъ съ остатками дилювіальной фауны. Въ 1847 г. онъ опубликовалъ свое открытіе, но встрѣтилъ такъ-же мало довѣрія, какъ и Турналь. Скептики говорили, что надъ ученымъ добрякомъ подшутили рабочіе. Только въ 1859 г., незадолго до смерти, Бушэ де Пертъ увидѣлъ свое открытіе признаннымъ — однако не на родинѣ, которая все еще не признавала его пророкомъ, а въ Англіи. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нашелся наконецъ и во Франціи ученый, который высказался рѣшительно въ пользу Бушэ де Перта. Это былъ Ed. Lartet. Въ 1863 г. знаменитый англійскій геологъ Чарльзъ Ляйель разсѣялъ послѣднія сомнѣнія относительно дилювіальнаго человѣка и предѣлы археологическаго изслѣдованія разомъ отодвинулись на цѣлыхъ двѣ геологическихъ эпохи далѣе той, въ которой оперировали Скандинавы. Группа молодыхъ французскихъ ученыхъ съ жаромъ бросилась въ новую область изслѣдованія. Теперь, почти черезъ тридцать лѣтъ, имена ихъ составляютъ гордость французской науки; это были— Мортилье, Картальякъ, Рамъ, Буржуа. Въ 1864 г. одинъ изъ

нихъ, Мортилье, основываетъ спеціальный органъ для изслѣдователей этихъ древнѣйшихъ эпохъ въ исторіи человѣка: „Matériaux pour l'histoire positive et philosophique de l'homme“. Не довольствуясь тѣми данными, которыя могли предложить французскіе изслѣдователи, Мортилье въ слѣдующемъ 1865 г. на собраніи итальянскихъ географовъ въ Специи предложилъ сдѣлать изслѣдованіе этой новой области доисторіи международнымъ предпріятіемъ и для обмѣна мыслей учредить международный конгрессъ доисторической археологіи (палеоэтнологіи) и антропологіи. Проэктъ Мортилье былъ поддержанъ итальянскими археологами. Первое международное собраніе палеоэтнологовъ имѣло мѣсто въ Швейцаріи, въ Невшателѣ. Съ этого времени Французы, можно сказать, спеціализировались на каменномъ вѣкѣ. Здѣсь имъ приходилось и приходится творить независимо отъ Скандинавовъ.

Орудія, которыя служили человѣку на протяженіи громадныхъ періодовъ палеолитическаго вѣка, мѣнялись. Первой потребностью изслѣдователя являлась классификація громаднаго матеріала, установленіе признаковъ, по которымъ можно было-бы опредѣлить относительную древность той или другой находки, — и въ этой области наука многимъ обязана французскимъ археологамъ. Создать общепринятую классификацію имъ пока не удалось, но многое уже сдѣлано тѣмъ, что они довели до минимума выборъ между основаніями для нея. Такихъ основаній въ настоящее время допускается только два: 1) фауна слѣдующихъ одинъ за другимъ геологическихъ пластовъ, 2) типы орудій.

Лартэ раздѣлилъ палеолитическую эпоху на періоды пещернаго медвѣдя, мамонта и оленя. Другіе палеоэтнологи оспариваютъ это дѣленіе, указывая на то, что всѣ эти животныя жили одновременно, только—въ различныхъ географическихъ условіяхъ: медвѣдь въ горахъ, мамонтъ на равнинахъ и т. д.

Мортилье въ 1873 г. предложилъ дѣлить каменный вѣкъ по геологическимъ пластамъ на эпохи эолитическую (‖ третичная эпоха), палеолитическую (‖ эпоха четвер-

тичная) и неолитическую;—по способамъ обработки орудій на 1) эпоху кремневыхъ орудій, добытыхъ посредствомъ накаливанія и охлажденія кремня, 2) эпоху оббивныхъ орудій и 3) эпоху шлифованныхъ орудій. Орудіями, приготовленными посредствомъ накаливанія кремня, начинается, по его мнѣнію, индустрія. Буржуа встрѣтилъ ихъ въ самыхъ древнихъ, третичныхъ пластахъ (Thenay). Палеолитическій вѣкъ (четвертичная эпоха) представляетъ постепенное усложненіе индустріи и распадается на четыре періода по типамъ орудій, которыя называются именами мѣстностей, гдѣ каждый типъ былъ обнаруженъ—Chelléen, Mustérien, Solutréen, Magdalenien. Періодъ St. Acheul (или Chelles) со стороны климатической характеризуется тепломъ и влажностью, со стороны фауны—присутствіемъ гиппопотама и Elephas antiquus, со стороны культуры—миндалевидной формы каменными орудіями изъ кремня (кам. топоры); періодъ Mustier—влажностью, холодомъ и широкимъ распространеніемъ глетчеровъ, въ области фауны пещернымъ медвѣдемъ и мускуснымъ быкомъ; въ области культуры отсутствіемъ костяныхъ орудій и кремневыми орудіями, обработанными съ одной стороны; періодъ Solutré—отступленіемъ ледниковъ, широкимъ распространеніемъ оленя, въ области культуры кремневыми, съ двухъ сторонъ оббитыми орудіями (форма скребка). Въ ближайшій къ нашей геологической эпохѣ періодъ Madélaine произведенія человѣческаго творчества—предметы изъ роговъ оленя и слоновой кости—покрыты рисунками. Подлинность этихъ рисунковъ представлялась многимъ, особенно нѣмецкимъ ученымъ сомнительной — и въ отдѣльныхъ случаяхъ не безъ основанія. Léguau въ своемъ рефератѣ „gravure et sculpture avec le silex“ (Bul. 1874, 3), показалъ, что рисунки эти не только могли, но даже должны быть сдѣланы кремнемъ; металлическій инструментъ даетъ на кости болѣе тонкій штрихъ, а для обработки свѣжей кости даже прямо не годится.

Существо, которое примѣнило впервые въ третичную эпоху огонь къ изготовленію орудій изъ кремня, по мнѣнію Мортилье, не было еще человѣкомъ. Это былъ его предшествен-

никъ, среднее между человѣкомъ и обезьяной. На Парижскомъ антропологическомъ конгрессѣ 1878 г. Мортилье предложилъ названіе для этого существа — Anthropopithecus и намѣтилъ два слѣдовавшихъ одинъ за другимъ его вида—A. Bourgeois и A. Rames. Изъ небольшого размѣра найденныхъ Буржуа кремневыхъ орудій Мортилье заключилъ, что A. Bourgeois, употреблявшій ихъ, былъ мельче человѣка.

Въ ледниковую эпоху является человѣкъ. На основаніи его анатомическихъ признаковъ, особенностей созданной имъ культуры и анализа окружавшихъ физическихъ условій Мортилье находитъ возможнымъ обрисовать его внѣшній бытъ и внутренній міръ. Въ періодъ St. Acheul человѣкъ не владѣлъ еще даромъ членораздѣльной рѣчи; его творчество ограничивалось изготовленіемъ одного типа орудій, мягкій климатъ дѣлалъ для него ненужнымъ жилище. Культура St. Acheul имѣетъ громадный районъ распространенія, захватывая С. Америку, гдѣ найдены были орудія совершенно тожественныя съ французскими. Культурная связь С. Америки съ Европой была результатомъ связи физической. Въ этотъ періодъ отношеніе и внѣшній видъ материковъ были совершенно иныя, чѣмъ теперь: на С. Европа непосредственно соприкасалась съ Америкой, на Ю.—съ Африкой; Ламанша не было и Франція представляла одну территорію съ Англіей; Ледовитый океанъ покрывалъ половину Россіи, всю Пруссію, Ганноверъ, большую часть Голландіи. Въ слѣдующій періодъ Moustier измѣнившійся климатъ заставилъ искать убѣжища въ пещерахъ и позаботиться объ одеждѣ и орудіяхъ для ея изготовленія,—является цѣлый рядъ новыхъ орудій.

Въ періодъ Madélaine творчество удовлетворяетъ уже не однимъ практическимъ потребностямъ; въ немъ находятъ свое выраженіе и высшія эстетическія потребности. На оленьемъ рогѣ и кости мамонта артистъ, современникъ сѣвернаго оленя, посредствомъ кремневыхъ орудій вырѣзываетъ изображенія рыбъ, животныхъ, людей. Содержаніе искусства эпохи Madélaine показываетъ,

что человѣкъ въ эту эпоху, какъ, конечно, и въ предшествовавшія ей, не имѣлъ еще религіозныхъ представленій: въ его художественныхъ произведеніяхъ отсутствуютъ имѣющія религіозное значеніе символическія фигуры: круги, треугольники, кресты (свастика). За орудіями эпохи Madélaine слѣдуютъ послѣ продолжительнаго перерыва орудія современной геологической эпохи,—неолитическія, типъ Robenhausen.

Съ наступленіемъ неолитической или робенгаузенской эпохи зарождается религія. Первымъ выраженіемъ ея является уходъ за умершими. Сначала пещеры, потомъ мегалитическія сооруженія (дольмены и пр.) начинаютъ служить мѣстомъ погребенія; во внѣшнемъ бытѣ совершаются также значительныя перемѣны: человѣкъ употребляетъ шлифованныя орудія, окруженъ прирученными животными, занимается земледѣліемъ, изготовляетъ сосуды изъ глины (форма человѣческаго черепа); въ его искусствѣ находятъ примѣненіе религіозные символы—полулунія, треугольники; рядомъ съ украшеніями встрѣчаются амулеты—кружки, вырѣзанные изъ трепанированныхъ человѣческихъ череповъ; на религіозной почвѣ создается антропофагія.

Классификація, предложенная Мортилье, принята сочувственно значительной частью французскихъ и иностранныхъ палеоэтнологовъ. Не такую судьбу имѣла его смѣлая попытка набросать исторію культуры въ третичную и четвертичную эпохи.

Anthropopithecus Мортилье былъ очень нелюбезно принятъ какъ французскими, такъ и иностранными учеными. Брока высказался противъ бо́льшей измѣняемости высшихъ организмовъ, предполагаемой М.: организмы эти, напротивъ, обладаютъ бо́льшей способностью сопротивляться вліяніямъ среды. Шаффгаузенъ, разбирая „Le préhistorique“ М., замѣтилъ, что представить мысленно человѣка, который не умѣлъ добывать огонь, еще можно, но обезьянъ, которыя добывали-бы огонь и пользовались имъ для изготовленія каменныхъ орудій, никто еще не видалъ. Катрфажъ, не полемизируя противъ М. непосредственно, указалъ въ „Matériaux pour l'histoire prim. de l'homme“ за 1885 г. на современныхъ Андаманцевъ, какъ на

народъ, который стоитъ на той-же ступени развитія, чтó и существо, оставившее въ Thenay свои орудія: до прибытія Европейцевъ они не имѣли ниодного прирученнаго животнаго, ниодного культурнаго растенія, не имѣли орудій для добыванія огня и располагали единственнымъ каменнымъ орудіемъ, которое приготовляли, накаливая кремень, — но это были уже люди, а не переходныя существа.

Перерывъ (hiatus), отдѣляющій по мнѣнію Мортилье человѣка и фауну палеолитической эпохи отъ человѣка и фауны неолитической, также признается далеко не всѣми. Salmon въ „Matériaux" Картальяка за 1886 г. помѣстилъ статью, въ которой доказываетъ, что этого перерыва не существуетъ: фабрикація каменныхъ орудій идетъ въ обоихъ періодахъ при помощи тѣхъ же пріемовъ; между фауной той и другой эпохи существуетъ рядъ промежуточныхъ ступеней. Изъ населенія палеолитической эпохи выселилась или погибла только часть; другая осталась рядомъ съ новымъ народомъ. Неолитическую эпоху Salmon не считаетъ возможнымъ обозначать всю именемъ робенгаузенской. Начальный періодъ этой эпохи можно наблюдать въ одной стоянкѣ въ Шампиньи; названіе робенгаузенской можно приложить только къ культурѣ свайныхъ построекъ, — будетъ-ли эта культура мѣстной или пришлой; мегалитическія сооруженія относятся къ концу періода. Сообразно съ этимъ Salmon дѣлитъ неолитическій періодъ на эпохи campinienne, robenhausienne и carnacéenne.

Изслѣдованіе неолитическаго періода имѣетъ во Франціи, какъ и всюду, болѣе древнюю исторію. Употребленіе каменныхъ орудій у древнихъ обитателей Франціи было констатировано Антуаномъ Жюсье въ 1723 г. Аббатъ Mahudel въ 1734 г. развивалъ этотъ взглядъ предъ парижской академіей, хотя не встрѣтилъ довѣрія. Goguer въ своемъ „Origine des lois" (1758) говоритъ о времени, когда люди не знали металловъ, и тутъ-же высказываетъ мысль, что употребленіе мѣди предшествовало употребленію желѣза. Въ ряду памятниковъ неолитической эпохи наибольшее вниманіе французскихъ архео-

логовъ привлекли къ себѣ такъ называемыя мегалитическія сооруженія. Начало изслѣдованія ихъ относится еще ко второй половинѣ XVIII в. Графъ Кайлюсъ въ своемъ „Requeil d'antiquités" далъ рисунки и описанія этихъ памятниковъ (1767), Legrand d'Aussi въ VII году республики установилъ ихъ классификацію, терминологію и опредѣлилъ назначеніе—служить для погребенія умершихъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ начались первыя раскопки этихъ памятниковъ; на конгрессѣ 1867 г. былъ принятъ впервые терминъ мегалитическій. Новѣйшіе изслѣдователи неолитической эпохи: Картальякъ, Салмонъ и Шове обратили вниманіе на то, что многіе французскіе дольмены имѣли ту же судьбу, что и скандинавскія мегалитическія сооруженія: поверхъ погребенныхъ въ нихъ представителей народа, который созидалъ ихъ, клали своихъ усопшихъ новые пришельцы, — люди, жившіе въ эпоху перехода отъ бронзоваго вѣка къ желѣзному и въ первый періодъ желѣзнаго вѣка, даже въ римскую пору. Хищники, искавшіе въ дольменахъ сокровищъ, своими поисками внесли еще болѣе неясностей въ вопросъ объ ихъ происхожденіи: они уничтожили естественную послѣдовательность культурныхъ слоевъ и оставили послѣ себя перемѣшанную кучу предметовъ изъ различныхъ эпохъ—римскія монеты съ орудіями неолитической эпохи и т. п. Въ связи съ трудностью разобраться въ содержимомъ дольменовъ находятся безспорно различныя теоріи относительно ихъ происхожденія. Кому принадлежатъ дольмены? Въ какихъ отношеніяхъ стоятъ люди, созидавшіе ихъ, къ людямъ, которые погребали своихъ мертвыхъ въ пещерахъ, къ людямъ свайныхъ построекъ и людямъ бронзоваго вѣка? Французская археологія представляетъ значительное разнообразіе мнѣній по этимъ вопросамъ.

Мортилье на конгрессѣ въ Стокгольмѣ въ 1874 г. высказался противъ существованія особаго народа, воздвигавшаго дольмены. Дольмены—подражанія естественнымъ гротамъ изъ скалъ и могли возникнуть одновременно у разныхъ народовъ.

Нату, поддерживая этотъ взглядъ, указалъ на то, что въ нѣкоторыхъ дольменахъ были обнаружены остатки расы, которая жила въ эпоху оленя. Картальякъ на парижскомъ конгрессѣ 1878 г. утверждалъ, что дольмены—продуктъ среды, геологическаго характера страны; считать создателей ихъ народомъ высшей культуры сравнительно съ тѣмъ, который погребалъ своихъ умершихъ въ пещерахъ, нѣтъ основанія.

Другая группа ученыхъ считаетъ мегалитическія постройки произведеніями особаго народа. Casalis de Fondouce относитъ ихъ къ переходной порѣ отъ каменнаго къ бронзовому вѣку: въ нихъ встрѣчается трупосожженіе рядомъ съ погребеніемъ полнаго трупа. Дэзоръ считаетъ народъ, оставившій свайныя постройки, инымъ сравнительно съ тѣмъ, который воздвигалъ мегалитическія сооруженія: въ его орудіяхъ и глиняныхъ издѣліяхъ видна высшая техника. Извѣстный историкъ H. Martin считаетъ дольмены произведеніями Кельтовъ. Такія сооруженія воздвигались Кельтами Ирландіи; на вещахъ, добытыхъ изъ нихъ, орнаментъ оказывается тожественнымъ съ тѣмъ, который употреблялся у кельтскихъ народовъ до начала среднихъ вѣковъ; на нѣкоторыхъ дольменахъ имѣются надписи, которыя были дешифрированы и оказались кельтскими (Lagneau, Ferguson); ни Иберійцы, ни Финны не могли воздвигать ихъ, такъ какъ подобныя работы предполагаютъ существованіе высшей соціальной организаціи; отсутствіе металловъ въ дольменахъ не говоритъ непремѣнно объ ихъ принадлежности каменному вѣку,—оно можетъ имѣть религіозныя основанія.

Въ вопросахъ, касающихся исторіи металловъ, французская археологія обнаруживаетъ меньшую самостоятельность чѣмъ въ изслѣдованіи каменнаго вѣка. Представленіе объ особомъ бронзовомъ вѣкѣ сложилось у французовъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Скандинавовъ. Археологи начала нынѣшняго столѣтія видѣли въ бронзовыхъ орудіяхъ принадлежности культа и не приписывали имъ того значенія, какое было установлено Скандинавами. Часть Французовъ, подобно Нѣмцамъ, скептически отнеслась къ скандинавскимъ те-

оріямъ относительно пріоритета бронзы и это скептическое отношеніе держалось до семидесятыхъ годовъ. На международномъ конгрессѣ по доисторической археологіи въ Брюсселѣ (1872 г.) извѣстный ассирологъ Oppert заявилъ, что скандинавское ученіе о трехъ періодовъ не можетъ имѣть значенія для Азіи: здѣсь желѣзо предшествовало бронзѣ. Годъ спустя въ томъ же смыслѣ высказался другой не менѣе извѣстный ассирологъ Fr. Lenormant. Въ первомъ томѣ своихъ „Les civilisations premieres"—Ленорманъ говоритъ, что употребленіе металловъ начиналось въ различныхъ странахъ различно; далеко не вездѣ бронза была первымъ металломъ, которымъ сталъ пользоваться человѣкъ вмѣсто камня. Негры начали, несомнѣнно, съ желѣза—и можетъ быть съ желѣза метеоритовъ, которое они обработывали холоднымъ путемъ при помощи каменныхъ молотковъ. Въ Китаѣ бронзѣ предшествовала мѣдь для орудій, золото и серебро для украшеній; бронзовый вѣкъ начался около 1123 г. до Р. Х. и продолжался до III вѣка, когда бронзу стало вытѣснять желѣзо, въ странахъ, примыкающихъ къ Тибету (съ сѣвера?), этотъ металлъ, по китайскимъ извѣстіямъ, обработывался уже за 2,500 л. до Р. Х.

Въ 1875 — 76 г. въ Ліонѣ появилась капитальная трехтомная работа Шантра: „Etudes paléoethnologiques dans le bassin du Rhône. — Age du bronze, recherches sur l'origine de la métallurgie en France"—плодъ двѣнадцатилѣтнихъ изслѣдованій въ бассейнахъ Роны и Соны. Къ изданію приложенъ былъ атласъ съ 679 изображеніями разнообразныхъ предметовъ изъ бронзы. Какъ-бы отвѣчая на возраженія Хостмана, который говорилъ, что изъ бронзы дѣлались только бездѣлушки и бутафорскія орудія, Шантръ доказываетъ, классифицируя свои находки, что въ памятникахъ бронзоваго вѣка заключаются всѣ необходимые элементы самостоятельной культуры: тутъ фигурируютъ плавильныя формы—доказательство, что бронза производилась на мѣстѣ—молотки, топоры, рѣзцы, ножи, иглы, гвозди, мечи, кинжалы, копья, стрѣлы, изъ украшеній—браслеты, серьги, кольца, фибулы, аграфы, подвѣски, цѣпочки, бусы, ожерелья. Пе-

речисленіе сопровождается статистическими данными, которыя указываютъ на распространенность того или другого орудія (мечей найдено въ одной Франціи 386, кинжаловъ 149, бронзовыхъ предметовъ всякаго рода 32,418). Бронзовый вѣкъ, по мнѣнію Шантра, слѣдовалъ во Франціи непосредственно за каменнымъ. Французскій археологъ не отрицаетъ того, что употребленію металлическаго сплава, какимъ является бронза, предшествовало употребленіе мѣди, какъ простого металла. Онъ думаетъ, что этотъ мѣдный вѣкъ долженъ былъ существовать въ исторіи культуры, — но пережитъ онъ былъ не въ Европѣ, гдѣ слѣдовъ его не обнаружено. Во второмъ томѣ его сочиненія указаны мѣстонахожденія переходнаго времени: свайныя постройки, погребальные гроты и въ особенности севеннскіе дольмены. Примитивныя металлическія орудія, которыя находятся здѣсь рядомъ съ каменными, оказываются не мѣдными, а бронзовыми. Вопросъ о томъ, изъ чего сдѣлана вещь рѣшается въ лучшемъ случаѣ анализами, но и при анализахъ нужна большая осторожность: металлъ слѣдуетъ брать не съ поверхности предмета, на которой бронза можетъ измѣняться вслѣдствіе окисленія въ чистую мѣдь, и изъ внутреннихъ частей его. Внѣ Европы началось, по мнѣнію Шантра, употребленіе мѣди; внѣ ея зародилась и бронзовая техника. Въ Европу бронза проникла Средиземнымъ моремъ и Дунаемъ и образовала здѣсь нѣсколько обособленныхъ районовъ (провинцій):

1) Греко-Италійскій со включеніемъ побережья Средиземнаго моря въ Испаніи и Франціи,

2) Французско-Швейцарскій со включеніемъ лѣваго побережья Рейна,

3) Венгерскій—бассейнъ Дуная, Эча въ Италіи, верховья Днѣстра, Вислы и Эльбы,

4) Скандинавскій (+С. Германія),

5) Британскій (Великобританія, Бретань и С. З. Франція до Бельгіи).

Идеи Шантра встрѣтили горячее сочувствіе со стороны извѣстнаго изслѣдователя каменнаго вѣка Габріеля Мортилье. Мортилье напечаталъ въ „Revue d'A“. разборъ книги Шантра и заявилъ, что составленныя ліонскимъ археологомъ таблицы содержатъ въ себѣ смертный приговоръ противъ школы, отрицающей существованіе особаго бронзоваго вѣка во Франціи. Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ Мортилье развивалъ основныя идеи ліонскаго археолога. Рона, по мнѣнію Мортилье, служила путемъ, по которому бронза проникла не только во Францію, но и вообще на западъ Европы, какъ Дунай служилъ путемъ для ея проникновенія въ среднюю и сѣверную Европу. Мортилье счелъ возможнымъ указать и пунктъ, откуда приходило въ Европу нужное для бронзоваго сплава олово—полуостровъ Малакку и Зондскіе острова, обладающіе первыми въ мірѣ по богатству мѣстонахожденіями олова. Здѣсь явилась впервые бронза; отсюда шло все олово, которое употреблялось въ доисторическую пору Европы. Оружіе, которое выработывалось изъ бронзы—преимущественно мечи—было приспособлено къ рукѣ болѣе узкой, чѣмъ средняя рука Европейца; изъ современнаго оружія только индѣйское имѣетъ эти пропорціи. Въ пользу Индіи, по мнѣнію Мортилье, говорятъ и мотивы орнамента—напр. свастика—и господствующій въ бронзовую эпоху погребальный типъ—сожженіе трупа. Воззрѣнія Шантра на мѣдь были также поддержаны Мортилье. М. заявилъ, что полые кельты, которые обыкновенно оказываются мѣдными, представляютъ позднѣйшую форму сравнительно съ другими,—и вообще въ Европѣ мѣдные предметы имѣютъ болѣе позднее происхожденіе, чѣмъ бронзовые: первое примѣненіе ихъ было сдѣлано гдѣ-то внѣ ея. Венгерскіе мѣдные кельты могли служить нѣкотораго рода слитками, замѣнявшими монету.

Въ 80-хъ годахъ г-жа Клемансъ Ройэ выступила въ парижскомъ антропологическомъ обществѣ съ теоріей близкой къ той, которую развивалъ въ Германіи Вибель: человѣкъ открылъ бронзу случайно, расплавляя мѣдь съ примѣсью оловоноснаго песка. Открытіе это могло произойти тамъ, гдѣ эти пески на-

ходятся на поверхности, а такіе пункты имѣются во всей Европѣ—во Франціи, въ Швейцаріи, въ Испаніи, въ Чехіи. Орудія, приготовляемыя изъ сплава, могли предназначаться для кельтовъ или иберійцевъ, которые отличались отъ Германцевъ незначительнымъ ростомъ и тонкими руками; потомки этой мелкой, темной расы до сихъ поръ отличаются своими пропорціями отъ рослыхъ и массивныхъ блондиновъ. Противъ этой теоріи высказался Мортилье: пункты, на которые указываетъ г-жа Ройэ, или недоступны для первобытнаго рудокопа, или слишкомъ тощи, ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ слѣдовъ доисторической эксплуатаціи: самыя раннія копи — испанскія — не восходятъ далѣе поры карѳагенскаго владычества. Англійское олово было извѣстно съ глубокой древности, но изъ этого нельзя еще заключать, что Англія была родиной бронзы: бронзовыя находки въ бóльшемъ количествѣ встрѣчаются во Франціи, чѣмъ въ Англіи; это вполнѣ естественно, если бронза шла въ Европу Средиземнымъ моремъ и Роной, но этого не могло бы быть, если бы она распространялась изъ Англіи. Въ ряду теорій, которыя созданы Французами относительно бронзы, слѣдуетъ упомянуть объ оригинальной теоріи Батальяра. Б. считаетъ народомъ, принесшимъ въ Европу бронзу, предковъ нынѣшнихъ цыганъ. Пришли они не изъ Египта, какъ думаетъ большая часть изслѣдователей этого племени, а изъ Индіи. Уже въ доисторическую пору они выселились оттуда и раскинулись по М. Азіи, Кавказу и островамъ Средиземнаго моря. Геродотъ ихъ зналъ подъ именемъ Сиґиновъ въ обширной странѣ на С. отъ Дуная (Истра), въ гомеровскомъ эпосѣ они фигурируютъ подъ именемъ, которое до настоящаго времени является однимъ изъ ихъ самоназваній—Sinti; подъ именемъ Сикановъ они жили въ Сициліи раньше, чѣмъ тамъ появились Сикулы.

По вопросу о томъ, кому человѣчество обязано открытіемъ желѣза, одни французскіе изслѣдователи высказываются въ пользу азіатскихъ, туранскихъ племенъ (Ленорманъ), другіе въ пользу африканскихъ (Мортилье). Въ подтвержденіе своего мнѣнія Мортилье приводитъ сомнительныя доказательства: на С. Россіи и въ Сибири желѣзо будто-бы стало извѣстно толь-

ко въ IX в., въ нѣкоторыхъ сибирскихъ курганахъ, которые не старше 800 лѣтъ, нѣтъ желѣза; немногимъ ранѣе оно оказывается будто-бы и въ курганахъ Россіи. Идя съ С. на Ю. Европы, мы будемъ наблюдать, что употребленіе желѣза отходитъ все болѣе и болѣе къ отдаленнымъ эпохамъ; въ Египтѣ оно становится извѣстнымъ уже при первыхъ династіяхъ—т. е. за 4000 л. до Р. Х., Италія его узнала ранѣе чѣмъ остальная Европа благодаря вторженіямъ Сикуловъ и Этрусковъ въ Египетъ. Теорія Мортилье вызвала въ парижскомъ антропологическомъ обществѣ оживленныя пренія, которыя тянулись въ теченіе 2-хъ лѣтъ (1883—1884). Противъ Мортилье выступилъ скульпторъ Soldi. Солди утверждалъ на основаніи опытовъ, которые ему удалось произвести, что крѣпкія породы камня — гранитъ, діоритъ, порфиръ—доступны обработкѣ посредствомъ кремня и ясписа (jaspe - caillou égyptien); стало быть ни іероглифы, ни грандіозныя скульптуры первыхъ династій не могутъ говорить въ пользу знакомства Египтянъ первыхъ династій съ желѣзомъ. Для провѣрки своихъ соображеній Солди просилъ назначить техническую коммиссію. Кремень могъ также служить и для того чтобы чеканить бронзу—Soldi убѣдился въ этомъ на опытѣ. Мортилье не отрицая фактовъ, на которые опирался Солди, оспаривалъ сдѣланные изъ нихъ выводы: чтобы приготовить орудіями изъ кремня камни для одной пирамиды нужно было испортить массу кремней; мастеровые должны были ихъ бросать—но скопленія испорченныхъ орудій не обнаружено нигдѣ въ Египтѣ. Споръ былъ конченъ благодаря вмѣшательству извѣстнаго египтолога Масперо, который заявилъ, что ему удалось найти долго отыскиваемыя желѣзныя орудія въ пирамидахъ старой имперіи.

Изслѣдованію тѣхъ культурныхъ измѣненій, которыми сопровождалось начало желѣзнаго періода, посвященъ спеціальный трудъ Шантра „Premier âge du fer. Nécropoles et tumulus. P. 1881“. Шантръ отмѣчаетъ медленность, съ которой входило въ употребленіе желѣзо. Въ тѣхъ свайныхъ постройкахъ (озеро Bourget и др.), гдѣ бронзовый вѣкъ достигъ своего апогея, желѣзо является въ видѣ рѣдкаго исключенія, но вліяніе чужой и высшей культуры уже чувствуется,—явля-

ются новыя орудія, новые мотивы орнаментовъ (звѣриный, спираль, свастика), новыя украшенія. Начало желѣзнаго вѣка характеризуется измѣненіемъ погребальнаго ритуала (погребеніе скелета вмѣсто сожиганія) и насыпаніемъ кургановъ (tumulus) изъ камней; только въ Бургони замѣчаются еще кромлехи рядомъ съ трупосожженіемъ. Культура перваго желѣзнаго вѣка во Франціи оказывается по своимъ элементамъ родственной съ культурой могильниковъ перваго желѣзнаго вѣка въ Ломбардіи, въ бассейнахъ Рейна и Дуная и на Кавказѣ: типы ломбардскихъ фибулъ ранняго желѣзнаго вѣка представляютъ поразительное сходство съ кавказскими (les fibules à arcs simples). Скелеты найденные въ кавказскихъ могильникахъ въ свою очередь обнаруживаютъ наибольшую близость къ скелетамъ изъ могильниковъ Юры,—существовала очевидно какая-то продолжительная связь между населеніемъ этихъ далеко отстоящихъ одна отъ другой странъ. Не рѣшаясь утверждать, что желѣзо принесъ съ собой на западъ Европы народъ, жившій первоначально на Кавказѣ, Шантръ находитъ болѣе правдоподобнымъ, что прото-этруски, съ воздѣйствіемъ которыхъ приводится въ связь желѣзный вѣкъ, простирали свое вліяніе до Кавказа.

Въ заключеніе нашего очерка мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о международныхъ палеоэтнологическихъ конгрессахъ, устройство которыхъ принадлежитъ Французамъ. Созданіе Мортилье представляетъ нѣчто среднее между постоянной международной ассоціаціей и временнымъ собраніемъ ученыхъ, какимъ являются конгрессы или съѣзды у насъ. Текучій элементъ въ нихъ представляютъ члены отдѣльныхъ сессій—по большей части граждане той страны, въ которой назначается конгрессъ. Элементъ постоянный состоитъ изъ выдающихся ученыхъ всѣхъ странъ, въ которыхъ назначались сессіи, бывшихъ во время той или другой сессіи предсѣдателями или вице - предсѣдателями конгресса. Изъ нихъ составляется постоянный комитетъ конгрессовъ. Сдѣлать конгрессы вполнѣ международнымъ учрежденіемъ не удалось. Препятствіемъ явился вопросъ о языкѣ. Оффиціальнымъ языкомъ конгресса

въ Специи рѣшено было признать французскій. Итальянцы, Швейцарцы, Португальцы, Бельгійцы, Шведы, Датчане, Мадьяры—въ настоящее время мы, Русскіе—признали этотъ пунктъ; Нѣмцы Германіи и Австріи протестуютъ противъ него и ставятъ условіемъ назначенія конгресса въ Вѣнѣ или Берлинѣ употребленіе на немъ нѣмецкаго языка—по крайней мѣрѣ рядомъ съ французскимъ. Въ этомъ смыслѣ не разъ уже дѣлались заявленія тѣми нѣмецкими учеными, которые являются постоянными гостями конгресса напр. извѣстнымъ Шаффгаузеномъ, но постоянный комитетъ всякій разъ отклонялъ эти предложенія. Политическіе мотивы не препятствуютъ однако корифеямъ нѣмецкой науки (Вирхову, Шаффгаузену и др.) принимать дѣятельное участіе въ совмѣстной работѣ европейскихъ ученыхъ надъ общими вопросами палеоэтнологіи. Рядъ нейтральныхъ пунктовъ, на которыхъ могутъ сходиться представители европейской науки, служитъ ручательствомъ того, что конгрессы еще долго будутъ служить органомъ европейскаго единенія на почвѣ науки и созданіе этого органа останется навсегда одной изъ крупнѣйшихъ услугъ, оказанныхъ палеоэтнологіи Французами.

И. С.

Литература. Rougemont. L'âge du bronze ou les Semites en Orient. P. 1866. Lartet. Reliquiae aquitanicae. Casalis de Fondouce. Derniers temps de l'âge de la pierre polie dans l'Aveyron. P. 1867. E. Chantre. Études paleo-ethnologiques. P. 1867. E. Marichard. Les grottes et les monum. mégalit. du Vivarais. 1869. Hamy. Paleontologie humaine. P. 1870. E. Chantre. Les palafittes du lac de Paladrou. 1871. Ducrost et Lortet. Études sur la station préhist. de Solutré. 1871. L. Clos. Archéologie de Jura. 1873. Lukis. Monum. mégal. en Algérie. 1873. Rabut. Hist. des habitations lacustres en Savoie. 1873. H. Martin. Études d'archéologie céltique. P. 1877. Cartaillac. L'art chez les chasseurs de rennes de l'Europe préhist. 1878. Chantre. De l'origine orient. de la métallurgie. 1879. Joly. L'homme avant les métaux. 1879. Nadaillac Les premiers hommes. P. 1881.—L'Amérique préhistorique. P. 1883. Quatrefages. Hommes fossiles et hommes sauvages. 1884. Mortillet. Musée préhist. 1882.—Importation de la néphrite et du bronge. 1881.—Le préhistorique. Antiquité de l'homme. P. 1883. Jeanjean. L'âge du cuivre dans les Cevennes. 1885 Cartaillac. Les âges préhist. de l'Espagne et de Portugal. 1886. Chauvet. Les débuts de la gravure et de la sculpture. 1887. J. de Baye. L'archéologie préhist. 1888. Nadaillac. Moeurs et monuments des peuples préhistor. 1888. Reinach. Esquisses archéologiques. 1888. Piette. L'art pendant l'âge du renne.

ДАННЫЯ О ГОРОДАХЪ КАМСКО-ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРІИ [1]).

(*Археологическія замѣтки*).

I

ОШЕЛЬ И ЕГО СЛѢДЫ.

Лѣтомъ 1890 года, осматривая съ археологическими цѣлями нагорный берегъ Волги отъ Богородской пристани до г. Тетюшъ [2]), я ознакомился, между прочимъ, съ окрестностями с. Кирельскаго, въ районѣ котораго еще Георги и Татищевъ указывали слѣды булгарскаго города Ошеля или Ашлы.

---

[1]) Авторъ настоящихъ замѣтокъ не занимался спеціально изученіемъ булгарскихъ памятниковъ, но во время археологическихъ экскурсій имѣлъ случай мимоходомъ ознакомиться съ слѣдами нѣкоторыхъ булгарскихъ поселеній. Наблюденія въ этихъ предѣлахъ конечно не отличаются полнотою, но интересующіеся булрарской стариною найдутъ, быть можетъ, возможность оправдать появленіе ихъ въ печати: они касаются не главныхъ центровъ Булгаріи—Булгара и Бюляра, болѣе или менѣе обстоятельно описанныхъ, а тѣхъ второстепенныхъ булгарскихъ городовъ и ауловъ, которые мало обращали на себя вниманіе и въ характеристикѣ которыхъ могутъ встрѣтиться по этому черты, не имѣвшія еще мѣста въ литературѣ. *Авт.*

[2]) Въ этой поѣздкѣ, по моему предложенію, сопутствовалъ мнѣ А. А. Спицынъ, которому я и считаю своимъ долгомъ выразить здѣсь признательность.

Сдѣланныя мною наблюденія и послужили поводомъ къ изложенію въ настоящемъ очеркѣ нѣкоторыхъ данныхъ и соображеній относительно этого небезъинтереснаго памятника булгарской старины.

Мѣстоположеніе с. Кирельскаго. Нагорный берегъ Волги, противъ Камскаго устья, оканчивается Богородской горой или—по мѣстному названію—Обачемъ [1]).

Отъ этого пункта нагорье праваго берега далеко отступаетъ отъ рѣки и, описавши дугу, выходитъ къ ней снова верстъ на семь ниже, образуя здѣсь крутой горный выступъ—Соколъ.

Просторная долина, раскинувшаяся между Обачемъ и Соколомъ, состоитъ изъ трехъ постепенно возвышающихся террасъ: нижней, средней и верхней. Нижняя или береговая, шириною верстъ до трехъ, представляетъ заливную луговину, называемую Дубравою. Лѣсной поросли на ней въ настоящее время нѣтъ, но въ старину, по преданію, высился крупный дубовый лѣсъ, охватывавшій все побережье. Средняя терраса возвышается надъ Дубравою въ началѣ сажени на три, но далѣе въ глубь долины постепенно приподнимается и версты за двѣ отъ окраины переходитъ въ верхнюю, которая и выступаетъ къ Волгѣ упомянутыми выше кручами.

Въ южной сторонѣ долины, у самой подошвы верхней террасы, извивается небольшая рѣчка Кирелка [2]), выбѣгающая

---

[1]) У Будагова: «оба» — войлочная кибитка нагайцевъ; холмъ; курганъ; могила; монг. слово «обо» — сооруженная на холмѣ или горѣ насыпь, куда стекались монголы для приношенія жертвъ своимъ богамъ; персид. слово убашь—шайка разбойниковъ.

[2]) С. Мельниковъ называетъ эту рч. Клярой (Каз. Г. В., 1854 г., № 9). Въ «Замѣткахъ о городищахъ Каз. г.» она названа «Безымянной», причемъ разъясняется, что въ свѣдѣніяхъ, достав. въ Стат. Ком. волост. правленіями, эта рѣчка названа Дубравою, а между тѣмъ такой рѣчки не значится ни на картахъ, ни въ «Спискѣ насел. мѣстъ». Названіе Мельникова ошибочно, а недоразумѣніе «Замѣтокъ» вполнѣ разъясняется моимъ показаніемъ, что Дубравою мѣстные жители называютъ не рѣчку, а всю береговую террасу.

къ Волгѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ поднимается надъ нею недоступнымъ утесомъ Соколъ.

На средней террасѣ, никогда не затопляемой водою, располагаются четыре селенія: с. Барскіе Каратаи у подошвы Обача, с. Кирельское на правомъ берегу низовья Кирелки, у самой подошвы и на склонѣ Сокола, а въ промежуткѣ — деревни Мельситова и Капердина.

Средняя и верхняя террасы покрыты неглубокимъ слоемъ чернозема съ глинистой подпочвой и представляютъ пашни. Дубрава состоитъ изъ иловатыхъ наносовъ, поросшихъ травою. Кустарники и мелкій лиственный лѣсокъ сохранились только на кручахъ праваго берега Кирелки, выше села. Въ садахъ с. Кирельскаго съ успѣхомъ разводятся яблони.

Что касается Волги, то она, широко раскинувшись ниже устья Камы, образуетъ здѣсь цѣлую систему острововъ, отдѣляющихъ обмелѣвшую коренную Волгу отъ судоходнаго протока Чертыка, идущаго подъ лѣвымъ берегомъ. Изъ этихъ острововъ, противъ самаго выступа горы Сокола, раскинулся Соколенокъ, а ближе къ Чертыку—Заволга, обширный островъ, разбитый протоками на нѣсколько частей [1]).

Изъ этой бѣглой характеристики современной физіономіи долины р. Кирелки не трудно видѣть, что она, обладая черноземной почвой, поемными лугами и лѣсомъ, могла представлять достаточныя удобства и для булгарскаго насельника - земледѣльца, тѣмъ болѣе, что отдѣлена была отъ города Булгара только р. Волгой и 10—15 верстнымъ разстояніемъ.

Описаніе городища. Пріѣхавъ въ с. Кирельское вечеромъ, когда уже совершенно стемнѣло, я принужденъ былъ ограничиться до утра только тѣмъ, что пригласилъ къ себѣ на квартиру тѣхъ крестьянъ, которые уже давно распахиваютъ мѣстное городище. Свѣдѣнія, сообщенныя ими, были не особенно утѣшительны. На городищѣ было въ прежнее время мно-

---

[1]) «Заволга», начиная нѣсколько выше с. Кирельскаго, оканчивается близъ Сюкеевскаго взвоза и тянется такимъ образомъ верстъ на 7.

жество ямокъ, но они теперь уже запаханы. Выпахивали много угля и даже большихъ обугленныхъ кусковъ дерева, попадались изрѣдка ржавые желѣзные ножички и стрѣлки, но въ послѣдніе годы ничего уже не выпахивается, кромѣ черепковъ глиняной посуды, раздробленныхъ костей, окалины и мелкихъ желѣзныхъ обломковъ. Попадались-ли какія нибудь другія вещи въ окрестностяхъ: монеты, украшенія и т. п.,—никто не помнитъ. О находкахъ кладовъ и отъ стариковъ не слыхивали. Только разъ одинъ мужикъ нашелъ на берегу кошель съ нѣсколькими старинными крупными пятаками. Гдѣ хоронился жившій на городкѣ народъ — неизвѣстно: ни при пашнѣ, ни при землекопныхъ работахъ человѣческихъ костей не попадалось, не вымывало ихъ нигдѣ и весеннимъ разливомъ и водороями...

Утромъ съ шестью рабочими я вышелъ на городокъ. Онъ находится въ полуверстѣ отъ с. Кирельскаго къ сѣверу и располагается на самой окраинѣ средней террасы, въ углу, образуемомъ заливными долинами Волги и Кирелки, и возвышается надъ ними сажени на три. Очертаніе его почти прямоугольное, но съ закругленными слегка углами. Поверхность его ровная и обнесена валомъ высотою около сажени [1]), за которымъ съ внутренней стороны находится такой-же глубины ровъ. Но этого укрѣпленія, служившаго значительной преградой только со стороны заливныхъ долинъ, жителямъ городка казалось—должно быть—недостаточно для двухъ остальныхъ сторонъ—сѣверной и западной, гдѣ площадь городка находится на одномъ уровнѣ съ окрестными полями. По крайней мѣрѣ здѣсь, внутри первой ограды, насыпанъ еще одинъ валъ нѣсколько выше наружнаго, а за нимъ выкопанъ ровъ глубиною въ сажень, считая отъ площади городка, къ которой онъ непосредственно примыкаетъ.

Наружный валъ со стороны Волги и Кирелки, подмываемый весенними разливами, разрушился почти на всемъ протя-

[1]) У Георги высота вала показана въ 2 саж., вѣроятно считая со дна рва.

женіи, но всѣ укрѣпленія съ прочихъ сторонъ сохранились вполнѣ и имѣютъ въ длину 65 саж. на сѣверѣ и 85—на западѣ [1]). Разрѣзы въ валахъ и соотвѣтственные перерывы во рвахъ указываютъ на существованіе двухъ воротъ: одни находились въ срединѣ сѣверной стороны, а другіе—въ юго-западномъ углу.

Такъ какъ прочная обдерновка укрѣпленій и ихъ строго-правильная форма ясно показываютъ, что они мало измѣнились, то и можно думать, что городокъ обладалъ крайне незначительными оборонительными средствами. Городища въ большинствѣ случаевъ располагаются на возвышенной мѣстности, огражденной съ двухъ или даже съ трехъ сторонъ крутыми и малодоступными обрывами и оврагами. Въ подобныхъ мѣстахъ не трудно было защищаться за земляными укрѣпленіями и слабой профили. Но Кирельскій городокъ находится на вполнѣ доступной равнинѣ и поэтому невольно побуждаетъ думать, что онъ долженъ былъ имѣть еще какія нибудь дополнительныя сооруженія для обороны, чтобы быть сколько нибудь значительнымъ опорнымъ пунктомъ.

Культурный слой городка очень тонокъ, не глубже одной-двухъ четвертей, и памятниковъ древняго быта содержитъ въ себѣ очень немного. Значительная раскопка, произведенная по всей волжской его окраинѣ, гдѣ осыпающійся культурный слой представляетъ наибольшую мощность, ничего не дала кромѣ обломковъ глиняной посуды и кухонныхъ остатковъ въ видѣ мелко раздробленныхъ костей животныхъ. Пробныя раскопки въ другихъ мѣстахъ городища дали тѣ-же результаты. На пашнѣ, за валами, по направленію къ д. Капердиной и Мельситовой, черепковъ и костей почти не встрѣчается.

Но какъ ни скудны эти данныя, все-же на основаніи ихъ можно прійти къ нѣкоторымъ вѣроятнымъ заключеніямъ.

[1]) Изъ этихъ измѣреній видно, что вся окружность городка—300 саж. Въ «Замѣткахъ» показано 362 с. вѣроятно потому, что измѣреніе производилось шагами.

Черепки и ручки отъ сосудовъ съ плоскимъ дномъ, выдѣланныхъ на кругѣ изъ чистой и хорошо обожженой глины, совершенно однородны съ подобными-же частями посуды всѣхъ вообще второстепенныхъ булгарскихъ городищъ. Такого разнообразія въ формахъ и орнаментикѣ, какъ въ Булгарѣ и Бюлярѣ, нѣтъ.

Выборъ мѣста для городка также указываетъ болѣе на булгарскую земледѣльческую культуру, чѣмъ на древне-финскую—звѣроловную и рыболовную. Первобытный финнъ мѣстнаго края выбиралъ себѣ для жительства береговыя недоступныя кручи, миніатюрныя площадки на горныхъ выступахъ, занимающія всего саженъ 10—50 въ длину и ширину. Земледѣльческое населеніе Камско-Волжской Булгаріи, напротивъ, останавливало свое вниманіе по преимуществу на плодородныхъ равнинахъ, удобныхъ для хлѣбопашества. Оно, конечно, пользовалось для устройства селеній и высокими горными площадями, если онѣ удовлетворяли потребностямъ земледѣльческаго быта, но не чуждалось и доступныхъ долинъ. Нерѣдко встрѣчаются на такихъ мѣстахъ ясные слѣды булгарскихъ поселеній, которыя не были защищены даже окопами. Въ послѣднемъ случаѣ укрѣпленіе устраивалось гдѣ нибудь на ближайшей горной кручѣ, господствующей надъ окрестностями, служа наблюдательнымъ постомъ, а иногда и редюитомъ на случай опасности.

Характеръ укрѣпленій Кирельскаго городища,—прямолинейныхъ, тщательно обдѣланныхъ и снабженныхъ разрѣзами въ валахъ и перерывами во рвахъ для выѣзда, — совершенно аналогиченъ съ фортификаціонными сооруженіями прочихъ булгарскихъ городовъ.

Ту-же аналогію представляютъ и тѣ многочисленныя ямы, которыя до распашки покрывали площадь городища и о формѣ которыхъ у мѣстныхъ крестьянъ сохранилось вполнѣ опредѣленное представленіе. Подобныя ямы обыкновенно сопровождаютъ болгарскіе городища. Форма ихъ квадратная, длина отъ одной до двухъ саженъ, глубина около двухъ аршинъ. На

одной изъ сторонъ есть всегда дополнительная выемка, напоминающая входъ въ русскую баню—землянку. Ямки располагаются очень близко другъ къ другу и нерѣдко тянутся правильной улицей.

Если подобныя ямки служатъ слѣдами неприхотливыхъ булгарскихъ жилищъ—землянокъ, то по числу ихъ можно, конечно, составлять приблизительное понятіе о численности жителей древняго поселка.

Къ сожалѣнію ямки на Кирельскомъ городкѣ, за исключеніемъ одной, давно уже запаханы и о числѣ ихъ можно судить только на основаніи сопоставленія площади городка съ обычными размѣрами ямокъ и отдѣляющихъ ихъ другъ отъ друга промежутковъ. Площадь Кирельскаго городка занимаетъ приблизительно 5000 кв. саж. Выдѣляя $^4/_5$ этого пространства на промежутки, получимъ на долю землянокъ 1000 кв. саж. Принимая размѣры каждой землянки въ 4 квад. саж., найдемъ, что число жилищъ могло доходить до 250. При размѣрѣ семьи въ 4 человѣка опредѣлимъ общую численность жителей городка въ 1000 душъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ. При такой цифрѣ населенія городокъ могъ выставить въ случаѣ нападенія 200—300 защитниковъ [1]).

Наблюдательный постъ. Обитатели Кирельскаго городка, живя въ лощинѣ, окаймленной съ трехъ сторонъ горами, а съ четвертой лѣсомъ, весьма естественно нуждались въ возвышенномъ пунктѣ, откуда можно-бы было наблюдать, что дѣлается въ окрестностяхъ и узнавать о приближеніи враговъ. Такимъ ближайшимъ пунктомъ является здѣсь гора Соколъ, на которой еще Мельниковъ указывалъ какую-то „насыпь въ видѣ маяка".

При осмотрѣ этой горы оказалось, что она на самомъ концѣ, круто обрывающемся къ Волгѣ, раздѣляется оврагомъ на два горныхъ мыска. Съ этихъ мысковъ, поднимающихся

---

[1]) Это вычисленіе, понятно, только приблизительное и я не нахожу возможнымъ на немъ настаивать.

надъ рѣкою саженъ на 40, открывается обширная панорама на луговое Заволжье, вверхъ по Волгѣ до Обача и Камскаго устья, а внизъ—до окрестностей с. Болгаръ (г. Булгаръ). Оба мыска окаймлены дугообразными рвами, длиною въ 70 и 20 саж., и валами, изъ которыхъ первый сильно приподнятъ въ срединѣ, что придаетъ ему видъ высокой курганной насыпи. Разрѣзовъ въ валахъ и соотвѣтственныхъ перерывовъ во рвахъ, т. е. воротъ, нѣтъ. Площади городковъ, длиною въ 65 и 22 саж., очень покаты къ Волгѣ и культурный слой ихъ, смытый водою, не толще одного-двухъ вершковъ. Хотя строеніе укрѣпленій на горѣ Соколъ и не соотвѣтствуетъ обычному характеру булгарскихъ фортификаціонныхъ сооруженій и указываетъ на другую культуру, но обломки глиняной посуды, встрѣчающіеся здѣсь, совершенно однородны съ черепками Кирельскаго городища и даютъ возможность думать, что булгарское населеніе его, если и не само воздвигло укрѣпленіи на Соколѣ, то по крайней мѣрѣ пользовалось ими какъ обсерваціоннымъ постомъ.

Вопросъ о названіи города. У современнаго поколѣнія мѣстныхъ крестьянъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ назывался древній булгарскій городъ, находившійся въ долинѣ р. Кирелки. Крестьяне называютъ слѣды его просто „городкомъ“ и сообщаютъ преданіе, что здѣсь въ старые годы жилъ царь „Темиръ Ясакъ — желѣзная нога“, который „зажигалъ семь огней“, т. е. костровъ, на горѣ Соколъ, когда его городу угрожала опасность. Это преданіе, служа отголоскомъ смутныхъ татарскихъ легендъ о Тимурѣ, хотя и не разъясняетъ вопроса о названіи города, но тѣмъ не менѣе не лишено нѣкотораго интереса. Оно даетъ вѣроятное объясненіе назначенію укрѣпленныхъ площадокъ горы Сокола, какъ наблюдательному посту.

Вопросъ о названіи опредѣленно устанавливаютъ Георги и Татищевъ. Георги, описывая городище на лѣвомъ берегу Кирелки, называетъ его остатками татарскаго города Ашлы или Ошеля [1]). Что касается Татищева, то онъ сообщаетъ, что

[1]) Bemerkungen einer Reise im Russisch. Reich. II, 801.

„на нагорной сторонѣ, ниже Камы верстъ на пять, былъ городъ Ашла“, а въ другомъ мѣстѣ по тому-же вопросу высказывается такъ: „городъ Ашля былъ ниже Камы, на правой сторонѣ Волги, верстахъ въ семи, котораго остатки видимы и имя въ памяти хранится“ [1]).

Хотя въ настоящее время имя города, приведенное у Татищева, въ памяти народа уже не сохранилось, но тѣмъ не менѣе точность показаній Георги и Татищева можетъ быть до извѣстной степени выяснена сближеніемъ русскихъ лѣтописныхъ сказаній съ данными мѣстности и обстановкой городища.

Въ Воскр. лѣтописи [2]), при описаніи похода Святослава, брата вел. кн. Юрія Всеволодовича, на „безбожныя Болгары“, между прочимъ сказано: „И сняшася вси на Волзѣ, на усть Оки, въ насадѣхъ и въ лодіяхъ, и оттолѣ поидоша внизъ; и бывшимъ имъ на Исадѣхъ противу Ошлю, и выидоша на берегъ“.

Но это показаніе еще не пріурочиваетъ г. Ошель къ району с. Кирельскаго. Болѣе опредѣленный свѣтъ на это проливаетъ то мѣсто лѣтописи, гдѣ разсказывается, что Святославъ, разгромивъ городъ 15-го іюня, по случаю бури не рѣшился плыть въ обратный путь, а направился для ночевки „въ завѣтріе на островъ“ и только „на утреи“, послѣ обѣда „поидоша вверхъ по Волзѣ“ и, „минувъ Исады“, „ста на усть Камы“.

Отсюда слѣдуетъ, что г. Ошель находился ниже устья Камы, близь Исадовъ, располагавшихся, какъ уже ранѣе выяснилось, „противу Ошлю“.

Но что такое Исады?

Этотъ вопросъ разрѣшается показаніемъ Ипат. лѣтоп. о походѣ Всеволода Юрьевича въ 1184 году, гдѣ сказано, что русскіе плыли „по Волзѣ на Болгары“ до мѣста, „идеже островъ, нарѣцаемый Исади“. Здѣсь они вышли на берегъ и

---

[1]) У Татищева: т. I, стр. 351 и т. Ш, 606.

[2]) Воскр. 126—128.

пошли „на конѣхъ в землю Болгарьскую к великому городу Серьбреныхъ Болгаръ".

Подъ „великимъ городомъ" въ данномъ случаѣ разумѣется, безъ сомнѣнія, г. Бюляръ, такъ какъ русской рати для нападенія на него пришлось перейти черезъ р. „Черемисанъ", т. е. Малый Черемшанъ, близь берега котораго и находятся развалины Бюляра, орошаемые рѣчкой Серебрянкой.

Принимая во вниманіе, что Исады—островъ, находившійся ниже устья Камы и вмѣстѣ съ тѣмъ на ближайшей линіи къ г. Бюляру, т. е. нѣсколько сѣвернѣе г. Булгара, и можно думать, что это былъ одинъ изъ островов, располагающихся противъ нынѣшняго с. Кирельскаго. Въ Соколенкѣ можно видѣть мѣсто ночевки Святослава, а въ „Исадахъ"—обширный островъ Завѣлгу, который сѣверной своей частью находится противъ Кирельскаго городища („противу Ошлю") и мимо котораго необходимо плыть къ устью Камы отъ Соколенка.

Кромѣ того можно найти нѣкоторыя данныя для сближенія Кирельскаго городища съ Ошелемъ и въ сказаніи лѣтописи о разгромѣ этого городка Святославомъ.

Вотъ что разсказываетъ Воскр. лѣтопись о дѣйствіяхъ русской рати по высадкѣ на берегъ, противъ Исадовъ: „Изряди же Святославъ полкы своя: Ростовьскый по правой руцѣ, Переяславьской по лѣвой, а самъ ста съ Муромскими князи посреди, а инъ полкъ остави у лодей. Сами же поидоша отъ берега къ лѣсу, и прошедшимъ имъ лѣсъ, выидоша на поля ко граду, и устрѣтоша ихъ Болгаре со княземъ своимъ на конѣхъ и поставиша полкъ на поли; Святославъ-же поиде къ нимъ вборзѣ, они же, постоявше мало, пустиша по стрѣлѣ въ наши и возмятшеся побѣгоша ко граду, и вбѣгше во градъ затворишася".

Эта картина легко укладывается въ тѣ рамки, которыя представлялъ булгарскій городъ на р. Кирелкѣ.

Лѣсъ, который необходимо было пройти, чтобы приблизиться къ городу, это — Дубрава, покрывавшая нѣкогда всю береговую террасу кирельской долины. Малочисленность кон-

наго болгарскаго отряда, выступившаго изъ города для отраженія нападенія и не рѣшившагося на полевой бой, соотвѣтствуетъ размѣрамъ Кирельскаго городка.

Ближайшими воротами этого городка со стороны Волги являются сѣверныя; слѣдовательно, примѣнительно къ Кирельскому городку, наступленіе русскихъ направлялось съ полей д. Мельситовой.

Далѣе лѣтопись даетъ и еще нѣкоторыя подходящія черты.

„Князь-же Святославъ поиде вборзѣ ко граду, бѣ-же острогъ утвержденъ около града крѣпокъ, тынъ дубовъ, а за тѣмъ два оплота и межи има валъ ссыпанъ, и по тому валу рыщуще изъ затканія біахуся. Князь же Святославъ пришедъ къ городу и наряди люди впередъ со огнемъ и съ сѣкирами, и за ними стрѣлци и копейники, и приступи ко граду, и бысть брань межи има крѣпка зѣло, и подсѣкоша тынъ, и разсѣкоша оплоты и зажгоша ихъ“...

Здѣсь прямо указывается, что Ошель кромѣ земляного укрѣпленія имѣлъ еще внѣшнюю деревянную ограду („тынъ дубовъ“) и два деревянныхъ оплота по сторонамъ вала. Это указаніе можно примѣнить къ Кирельскому городку на томъ основаніи, что земляныя укрѣпленія его были незначительны и несоотвѣтствовали его доступному мѣстоположенію, вызывая необходимость въ дополнительныхъ преградахъ, матеріаломъ для которыхъ могъ служить окрестный дубовый лѣсъ.

Деревянные оплоты Ошеля были невысоки: приставивъ къ оплоту доску, можно было перескочить черезъ него. Объ этомъ свидѣтельствуетъ подвигъ Ермила Охотина, о которомъ разсказываетъ Татищевъ. Когда русскіе заняли уже валъ, но „отъ многаго стрѣлянія болгарскаго“ хотѣли было отступать,— Ермилъ Охотинъ, „взявъ мечъ въ руку, огнь въ другую, брося доску, скочилъ черезъ оплотъ, и за нимъ не умедлилъ братъ его Вавило, и начали сѣчь Болгаръ; товарищи-же ихъ, смотря съ вала, удивлялись, и стали имъ помогать, и приступя ближе, разметали оплотъ и зажгли самый градъ“...

„И бысть дымъ силенъ зѣло,—говоритъ Воскр. лѣтопись,— и потяну вѣтръ съ града на полкы Святославли, и не бѣ видѣти человѣка въ дымѣ, и не могуще трьпѣти дыма и зноя, паче-же безводіа, и отступиша отъ града; и сѣдоша опочивати отъ многаго труда. Рече-же Святославъ: „поидемъ съ повѣтреа со другую страну града“; они же воставше поидоша объ ону страну града и, пришедше, сташа противу вратомъ града... И потече самъ князь преди всѣхъ ко граду. Видѣвше же его вои, вси устремишася ко граду борже, и посѣкоша тынъ и оплоты и съ ту страну, и зажгоша, а Болгари побѣгоша въ городъ; сіи же погнаху ихъ сѣкуще и потомъ зажгоша градъ отвсюду. И объятъ градъ огнь отвсюду, и бысть буря велія, и страшно бысть видѣти, и бысть во градѣ вопль великъ зѣло. Князь же Болгарьскый выбѣже инѣми вороты и утече на конехъ въ малѣ дружинѣ, а что пѣшець выбѣгло, мужи избиша, а жены и дѣти въ полонъ взяша, а иніи во градѣ погорѣша, а иніи сами изсѣкоша жены своа и дѣти, и потомъ сами ся избиша; нѣціи же отъ вой Святославлихъ дрзнуша внити во градъ, корысти дѣля, и едва утекоша пламене, а иніи ту изгорѣша“.

Въ примѣненіи къ Кирельскому городищу эти показанія имѣютъ слѣдующія соотношенія:

1. Двое воротъ Кирельскаго городища почти противуположны и, соотвѣтствуя такимъ образомъ двумъ воротамъ Ошеля, даютъ возможность довольно наглядно представить оба момента штурма: нападеніе начинается со стороны сѣверныхъ воротъ, гдѣ мѣстность дѣйствительно вполнѣ безводная; затѣмъ русская рать переходитъ на другую сторону, гдѣ протекаетъ поблизости Кирелка, и наноситъ рѣшительный ударъ со стороны юго-западныхъ воротъ; князь-же болгарскій, пользуясь тѣмъ, что сѣверныя ворота сдѣлались свободными, съ небольшой дружиной своихъ конниковъ спасается изъ города.

2. Свидѣтельство крестьянъ, что въ почвѣ городка находилось гари такъ много, какъ на пожарищѣ, также со-

отвѣтствуетъ до извѣстной степени сказанію лѣтописи о совершенномъ истребленіи Ошеля огнемъ.

Представляется умѣстнымъ остановиться еще на томъ мѣстѣ Воскр. лѣтописи, гдѣ говорится о томъ, что происходило въ окрестностяхъ Ошеля, когда Святославъ, переночевавъ послѣ разгрома города на островѣ, пошелъ „прочь вверхъ по Волзѣ“.

„Слышавше-же болгары въ Великомъ градѣ и во иныхъ градѣхъ, яко и городъ ихъ Ошель взятъ, и печални быша по велику зѣло, и собрашася вси со князьми своими: овіи на конѣхъ, друзіи пѣши, и пріидоша на брегъ. Слышавъ-же Святославъ, оже Болгары собравшеся ждутъ его на Исадахъ, повелѣ-же воемъ своимъ оболочитися во броня и стяги наволочити, и наряди полкы въ насадѣхъ и лодіяхъ, и поиде полкъ по полцѣ, бьюще въ бубны и во трубы и въ сопѣли, а самъ князь по нихъ поиде. Болгари-же, идуще по брегу, видяще своихъ ведомыхъ, овому отци, иному сынъ и дщерь, другому-же братіа и сестры и соплеменницы, и стаху покивающе главами своими, и стоняще сердце ихъ, и смѣжающе очи свои“.

С. М. Шпилевскій справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ отрывкѣ констатируется „важный фактъ о существованіи въ Булгаріи въ одно время нѣсколькихъ князей“, но вмѣстѣ съ тѣмъ впадаетъ, повидимому, въ нѣкоторую погрѣшность, утверждая, что подъ Великимъ городомъ нужно разумѣть въ данномъ случаѣ отдаленный Бюляръ, а не близкій Булгаръ. „Понятно—говоритъ онъ—что изъ Булгара къ Исадамъ ни на коняхъ, ни пѣшкомъ не пошли-бы, а поднялись-бы на судахъ по Волгѣ“ [1]).

Но чтобы принять это положеніе, необходимо прежде всего имѣть передъ собою вполнѣ доказанный фактъ, что булгары располагали достаточной рѣчной флотиліей и предпринимали военныя экспедиціи на судахъ. Но такого доказаннаго

[1]) «Древніе города и др. булгаро-татарскіе памятники», стр. 153.

факта не только не существуетъ, но нѣтъ, повидимому, даже никакихъ данныхъ, изъ которыхъ можно-бы было видѣть, что Булгары на Камѣ и Волгѣ противупоставляли рѣчнымъ походамъ русскихъ какія либо препятствія. Ушкуйники сновали по Камѣ то и дѣло, высаживались безпрепятственно на берега и нападали на близь лежащіе города. Булгары не преграждали имъ водный путь, не заходили на судахъ въ тылъ, а почти исключительно отсиживались за укрѣпленіями.

Что подъ „Великимъ городомъ“ въ описываемомъ случаѣ естественнѣе разумѣть не Бюляръ, какъ утверждаетъ г. Шпилевскій, а Булгаръ,—это явствуетъ уже изъ одного того, что Бюляръ находился отъ Ошеля за нѣсколько десятковъ верстъ, между тѣмъ какъ Булгаръ всего за 10—15 верстъ, такъ что изъ него свободно можно было видѣть даже дымъ, поднимавшійся надъ горѣвшимъ Ошелемъ, и немедленно узнать о его печальной участи.

Конные и пѣшіе булгары, собравшіеся къ Исадамъ изъ Булгара и другихъ ближайшихъ городовъ и ауловъ и пассивно смотрѣвшіе на торжественное шествіе флотиліи Святослава, явились сюда конечно не для помощи своимъ заволжскимъ родичамъ и не для отмщенія за разгромъ Ошеля, а единственно для наблюденія за дальнѣйшимъ движеніемъ непріятеля, который могъ произвести попытку высадиться на лѣв. бер. Волги и внести опустошеніе въ самый центръ Булгаріи.

Если Святославъ съ такою помпой дефилировалъ мимо своихъ враговъ, то, значитъ, былъ вполнѣ убѣжденъ, что на рѣкѣ онъ безопасенъ, что булгары не имѣютъ средствъ помѣшать церемоніальному маршу его судовъ.

Независимо отъ этого, необходимо имѣть въ виду и то, что единство въ дѣйствіяхъ и солидарность не имѣли, повидимому, прочной обосновы въ отношеніяхъ булгарскихъ князей и городовъ. Такъ, напр., во время похода Всеволода Юрьевича въ 1184 году русская рать, высадившись у Исадовъ на лѣвый берегъ Волги, безпрепятственно прошла черезъ самый центръ Булгаріи къ Бюляру. Жители Булгара и другихъ городовъ,

мимо которыхъ шли дружинники Всеволода, не произвели ни малѣйшей попытки оказать содѣйствіе Бюляру, своевременно ударивъ во фланги и тылъ общему врагу. Только жители нѣскольких второстепенныхъ пунктовъ — Собѣкуляне, Челмата и Темтюзи—произвели неудачную попытку напасть на русскій отрядъ, оставленный у Исадовъ для охраненія лодей.

Возстановлялся-ли послѣ 1220-го года сожженный до тла Ошель? Едва-ли. По крайней мѣрѣ русскіе источники болѣе о немъ не упоминаютъ. Въ татарскихъ сказаніяхъ имени его и совсѣмъ не встрѣчается. У татаръ нѣтъ даже и слова, подходящаго къ названіямъ Ошель, Ашла, Ашля...

Есть основаніе думать, что слово это мордовскаго происхожденія. У Мордвы названія рѣчекъ состоятъ изъ слова, характеризующаго мѣстность, свойства рѣки, имя перваго поселенца и т. д., и слова лей—рѣка, долина рѣчки. Въ Спас. у. Тамб. г., въ районѣ мордовскаго разселенія есть рѣчка Ашилья, на берегу которой находится городище. Можно думать, что это названіе образовалось изъ мордовскихъ словъ—Ошъ (городъ) и лей (Ошлей—городская рѣчка). Въ рус. яз. мордовское названіе рѣкъ измѣняетъ суффиксъ лей на ля, ль; наблюдаются и болѣе значительныя отклоненія. Напр.: Кирлей (въ Ниж. г.); Кирля, Кирленка (Симб.); Кирель (Ниж.). По этому и названіе Ошлей можетъ перейти въ Ошла (Ашла), Ошля (Ашля, Ашилья), Ошель [1]).

Обращаясь къ мѣстности, гдѣ находился булгарскій городъ, которому русскіе дали это мордовское имя, встрѣчаемъ и нѣкоторые другіе мордовскіе элементы. Въ булгарскую эпоху, къ западу отъ Булгаріи, за Волгой, начинались мордовскія земли. Мордва живетъ и теперь версты за двѣ отъ Кирельскаго городища, въ д. Мельситовой, имѣющей названіе мордов-

¹) См. подробности въ статьѣ И. Н. Смирнова о Мордвѣ (Изв. Каз. О. А. И. и Э. 1892 г., т. X, стр. 71, 72, 73 и 163).

ское и притомъ—старинное, языческое. Въ именахъ р. Кирелки и с. Кирельскаго также слышится мордовское слово Кирлей. Мордовскіе слѣды можно подозрѣвать здѣсь и въ своеобразныхъ укрѣпленіяхъ горы Сокола. Въ настоящее время нѣтъ еще данныхъ утверждать, что валы и рвы безъ прорѣза для воротъ и въ особенности валы въ видѣ курганообразной насыпи характерны именно для древне-мордовскихъ поселковъ, но я беру на себя смѣлость утверждать и въ своемъ мѣстѣ буду доказывать, что подобное строеніе укрѣпленій, наблюдаемое въ районѣ древне-финскаго разселенія и за предѣлами булгарской территоріи, совсѣмъ не свойственно собственно булгарскимъ городищамъ.

На основаніи изложенныхъ данныхъ прошлое долины р. Кирелки укладывается въ слѣдующія рамки:

1) На горѣ Соколѣ существовалъ нѣкогда мордов. городокъ (Ошъ) подлѣ рѣчки, называвшейся по этому городскою (Ошлей).

2) Булгары, овладѣвши долиной этой рѣчки, основали на берегу ея свой городъ, а укрѣпленіемъ на горѣ воспользовались какъ наблюдательнымъ пунктомъ.

3) Въ 1220 г. этотъ булгарскій аванпостъ, разобщенный съ центромъ Булгаріи р. Волгой и занимавшій доступное мѣстоположеніе, былъ совершенно разоренъ русскими, усвоившими ему по имени рѣчки названіе Ошеля.

4) Впослѣдствіи запустѣвшая мѣстность снова заселилась Мордвой и рѣчка получила новое имя — Кирлей, которое у русскихъ поселенцевъ перешло въ названія—Кирель, Кирелка, Кирельское.

Вѣроятность этихъ рамокъ обусловливается конечно въ значительной степени изученіемъ мордовскихъ городищъ, типъ которыхъ пока еще не выясненъ.

П. Пономаревъ.

ФОРМЫ ПОГРЕБЕНІЯ

У СОВРЕМЕННЫХЪ И ДРЕВНИХЪ НАРОДОВЪ

ВОСТОЧНОЙ РОССІИ.

3) Бассейнъ Амура[1]).

Гиляки (живутъ частью на низовьяхъ Амура отъ Никольска до села Богородскаго, частію на ост. Сахалинѣ). „Умершаго везутъ въ сопровожденіи родственниковъ въ лѣсъ и кладутъ на костеръ. Трупъ обкладывается дровами со всѣхъ сторонъ и сгораетъ весь въ продолженіе 3—4 часовъ. Пепелъ собирается, кладется въ особый турсучекъ и ставится въ нарочно выстроенномъ небольшомъ игрушечномъ домикѣ. Подъ домикомъ зарывается платье умершаго, трубка, оружіе; иногда-же все это складывается въ домикъ. Платье вмѣсто того, чтобы зарывать, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сожигается. Погребальные домики ставятся въ одиночку въ тайгѣ, не слишкомъ далеко отъ деревни.

Гиляки Софійскіе, представляющіе помѣсь съ Гольдами, кладутъ трупъ въ могилу безъ гроба. Съ боку кладется чашка съ будой, трубка съ табакомъ, водка. Въ головахъ и ногахъ ставятъ столбики, на которые навѣшиваютъ лукъ, копье. Особыхъ мѣстъ или кладбищъ нѣтъ; иногда, вмѣсто того, кладутъ

[1]) Продолженіе. См. «Извѣстія» 1892, I.

трупы открытыми въ особыя люльки, сдѣланныя изъ вѣтвей, и подвѣшиваютъ послѣднія на деревьяхъ или особыхъ шестахъ. Эта послѣдняя процедура имѣетъ мѣсто, „когда много люди умираютъ“.

(Зеландъ. О Гилякахъ. Изв. М. Об-ва Люб. Ест. Антр. и Этн. т. XLIX, в. 3, 114).

5) Бассейнъ Енисея.

Карагасы, или Туба (вѣтвь Саянскихъ татаръ, близкая къ Качинцамъ, Черневымъ Татарамъ и Урянхайцамъ; живутъ въ верховьяхъ р. Бирюсы). „Умершаго человѣка въ теплое время закапываютъ въ землю, вырывъ могилу глубиною до плечъ. Внутри могилы дѣлаютъ ящикъ, гробъ. Въ холодное время землю не копаютъ, а кладутъ покойника непосредственно на землю, построивъ вокругъ него подобіе ящика съ крышкой. Всюду кладутъ у ногъ умершаго ножикъ, топоръ, чайную чашку, горшокъ, сѣдло. Покойника кладутъ головой на В., а ногами на З. Всѣхъ покойниковъ не хоронятъ въ одномъ мѣстѣ, а въ разныхъ.

(Катановъ. Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XVII, вып. 2.).

Качинцы (жили прежде по р. Качѣ близь Красноярска, гдѣ и доселе существуютъ немногіе остатки ихъ; въ настоящее время занимаютъ Качинскую степь въ Минусинскомъ округѣ). „Нынѣшніе Татары хоронятъ своихъ мертвыхъ на возвышенныхъ мѣстахъ и стараются, чтобы могилы копались въ одномъ направленіи съ В. къ З. Могилы рѣдко бываютъ глубже аршина; для взрослыхъ дѣлается въ самой могилѣ родъ деревяннаго ящика, шамановъ кладутъ прямо въ землю, дѣтей обвертываютъ берестой. Покойника кладутъ въ лежачемъ положеніи, лицомъ вверхъ съ глазами, обращенными къ В. Въ ноги покойника кладутъ сѣдло, мясо, масло. Сверхъ могилы насыпаютъ бугоръ вышиной отъ одного до двухъ футовъ и покрываютъ его камнями“.

(Костровъ. Бытъ Минус. Татаръ. Труды IV Арх. Съѣзда. I, 221).

„Богатые покидаютъ послѣ покойника юрты и дома, бѣдные переставляютъ ихъ на другое мѣсто. Выбравъ толстый тополевый или сосновый обрубокъ, выдалбливаютъ гробъ, предварительно отколовъ верхнюю часть для крышки. При похоронахъ богатаго, поставивъ гробъ въ могилу, сейчасъ-же колютъ его любимую лошадь, бросаютъ ее сверхъ гроба съ сѣдломъ и со всѣми принадлежностями. Для кладбищъ избираются мѣста въ возвышенной степи, большею частію на горахъ. Могилы обкладываются плитами, а у богатыхъ дѣлаются деревянные голбчики... Шамановъ хоронятъ не на кладбищахъ, а въ тайгѣ на самой вершинѣ высокой горы; сначала ставятъ четыре столба съ перекладинами, на нихъ накладываютъ жерди, на жерди хворостъ и наконецъ самого шамана со всѣми его принадлежностями... или, одѣвъ шамана, зашиваютъ его въ войлокъ и привязываютъ къ лѣсинѣ головой“.

(Качин. Татары Минус. Округа. И. Р. Г. О. т. XX, 629—631)

Бельтиры (живутъ въ Сагайской степи Минус. округа) „не имѣютъ обыкновенія хоронить въ землю покойниковъ, а въ лѣсныхъ чащахъ въ гробахъ вѣшаютъ на деревьяхъ или ставятъ на столбахъ. Вотъ одинъ примѣръ, замѣченный у Бельтировъ, кочующихъ по Тагитыпу. Здѣсь похоронены были такимъ образомъ молодая женщина и мущина. Гробы изъ связанныхъ веревками сырыхъ досокъ повѣшены были на двухъ старыхъ лиственницахъ... Женскій гробъ стоялъ такъ низко, что влѣзши невысоко на дерево можно было покойницу видѣть... Съ боку лежалъ у ней кожаный мѣшокъ съ крупой, чашка съ жиромъ, копалка для сараны, косарь съ ножнами, топоръ, сдѣланный на подобіе долота (кельтъ?)... Сѣдло лежало между ногъ. Покойница лежала головой на С., а покойникъ на В. ...При мужскихъ тѣлахъ, кромѣ лучшихъ одеждъ и сѣделъ, кладутъ лукъ съ колчаномъ и переломленными стрѣлами“.

(Сиб. Вѣстникъ. 1818, I, 18.).

Выбралъ И. С.

Тунгусы (живутъ въ Богучанскомъ и Туруханскомъ округахъ въ Бассейнѣ Енисея. Къ сѣверу они доходятъ до селенія Дудинскаго, верстъ за 500 ниже Туруханска, вдоль по теченію Енисея; къ югу же до рѣки Оны или Бирюсы, протекающей по границѣ Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ; отдѣльныя группы проникаютъ на притоки Вилюя въ бассейнъ Лены). „Если кто въ чумѣ Тунгуса умеръ обыкновенною смертью и притомъ покойникъ (будень) [1]) былъ христіанинъ, то сейчасъ послѣ смерти съ чума снимается вся покрышка [2]), а въ срединѣ разводится огонь и ставится на немъ сковорода съ оленьимъ жиромъ. Потомъ убиваютъ оленя и покойника, зашивъ въ его шкуру, зарываютъ въ яму. Если это мужчина, то вмѣстѣ съ нимъ зарываютъ любимыя его вещи—винтовку съ натруской, ножъ, пальму, топоръ, лукъ со стрѣлами и непремѣнно котелъ съ пробитымъ дномъ; если же женщина, то ножъ и тіовунъ или посошокъ, которымъ погоняютъ оленей. Убитаго оленя варятъ и, отрѣзавъ одно стегно, кладутъ на свѣжую могилу, а остальное ѣдятъ сами. Послѣ этого всѣ чумы немедленно снимаются, навьючиваются на оленей и Тунгусы уходятъ въ другое мѣсто. Слѣдъ свой они стараются завалить снѣгомъ или деревьями, чтобы мертвецъ не всталъ и не пришелъ къ нимъ по слѣду.

Похороны Тунгусовъ нехристіанъ отправляются иначе. Тутъ мертвый также зашивается въ шкуру оленя, но только не зарывается въ яму, а вѣшается на дерево. Если случится найти по близости четыре дерева, близко стоящія другъ отъ друга, и въ особенности кедра, то на нихъ устраивается лабазъ и покойника кладутъ туда. Тутъ же вѣшаютъ его любимое оружіе [3]) и непремѣнно котелъ съ пробитымъ дномъ. Туруханскіе Тунгусы, устроивъ такой лабазъ, иногда подклады-

[1]) У Третьякова въ его «Туруханскомъ краѣ» (Зап. И. Р. Г. О. по отд. общ. геогр. т. II, Спб. 1869)—«буни» (382).

[2]) У Третьякова—«чумъ раскрывается съ одной стороны».

[3]) У Третьякова «винтовку безъ замка, лукъ съ оборванной тетивой, надломленные отказъ, топоръ, трубку съ табакомъ». 383.

ваютъ подъ него сухихъ деревьевъ и зажигаютъ [1]). Когда мертвецъ обуглится, они уходятъ какъ можно далѣе отъ этого мѣста. Богучанскіе Тунгусы нехристіане не сожигаютъ своихъ покойниковъ, а оставляютъ ихъ просто на деревьяхъ, срубая всѣ сучки на нихъ опять таки для того, чтобъ покойнику нельзя было спуститься на землю. Если какому нибудь Тунгусу во время промысла случится нечаянно найти на такое дерево, то онъ тотчасъ же останавливается и начинаетъ пятиться назадъ. Пройдя такимъ образомъ такое пространство, что дерево съ мертвецомъ скрылось изъ виду, онъ оборачивается къ нему спиною и идетъ другою дорогой" [2]).

Долганы (часть Тунгусовъ, нѣсколько родовъ) отправляютъ похороны почти такъ-же, какъ Самоѣды, съ которыми они находятся въ частыхъ сношеніяхъ. Они оставляютъ покойника въ томъ самомъ чумѣ, гдѣ онъ умеръ, накидываютъ на этотъ чумъ нѣсколько оленьихъ кожъ и обкладываютъ его сухимъ хворостомъ. Потомъ ближайшіе родственники подходятъ и зажигаютъ хворостъ".

(Костровъ. Очерки Туруханскаго края. Зап. Сиб. О. И. Р. Г. О. IV, 96—98).

„Покойниковъ своихъ они хоронили въ гробахъ, которые въ ростъ человѣческій отстояли отъ земли и втиснуты были между двухъ деревъ [3]); на тризну, по значительной стоимости упряжныхъ и верховыхъ сѣверныхъ оленей, употребляли не больше двухъ сѣв. оленей. По небольшой съ нарѣзами палочкѣ отсчитывали праздники, а въ особенности день поминокъ".

(Миддендорфъ. Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири стр. 703).

[1]) У Третьякова «трупъ обставляютъ досками на подобіе гроба — киривка гачинъ», ibid.

[2]) У Третьякова: «женщину чаще всего по зашитіи въ оленью шкуру кладутъ на землю вмѣстѣ съ принадлежащими ей вещами и заваливаютъ деревьями». 583.

[3]) «Охотничьи принадлежности зарываются въ землю». Вруцевичъ. Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области. Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XVIII, в. 2. Спб. 1891.

Вилюйскіе Т. „Заслуживаетъ описанія старинная гробница на берегу рѣки Эякитъ, въ которой похороненъ Тунгусъ Бёкчёрюсъ. Гробница эта находится въ ста шагахъ отъ берега рѣки Эякитъ на тропинкѣ въ лиственичномъ лѣсу. По преданію Бёкчёрюсъ былъ очень зажиточный Тунгусъ, имѣлъ большія стада оленей и долгое время промышлялъ въ той мѣстности. Покойникъ лежалъ головою къ сѣверо-востоку и сама гробница состояла изъ четырехъ досокъ, продолговатаго ящика, поставленнаго на высотѣ двухъ съ половиною аршинъ отъ земли, на двухъ срубленныхъ деревьяхъ. На послѣднихъ положены были два поперечныхъ бревна, скрѣпленныхъ двумя вбитыми въ землю кольями.

Весьма небольшого роста скелетъ и особенно черепъ очень хорошо сохранились. По правую сторону трупа лежала пальмà и вышитый бисеромъ колчанъ съ шестью стрѣлами, съ лѣвой стороны—лукъ. Около колѣнъ находился небольшой деревянный ящикъ съ нѣсколькими запасными мѣдными и изъ мамонтовой кости стрѣлами; въ ногахъ—берестяный буракъ (туязъ), ложка, махалка и мѣдный котелъ съ пробитымъ дномъ. Въ такіе котлы кладутъ оленій желудокъ, набитый оленьимъ мясомъ и дно пробивается намѣренно, но съ какою цѣлью—я не могъ узнать. Въ трехъ шагахъ отъ гробницы сохранились еще воткнутыя въ землю жерди, на которыхъ въ видѣ жертвоприношенія развѣшивается шкура убитаго во время похоронъ оленя.

Другая тунгузская гробница мною найдена у опушки лѣса на берегу рѣки Джегдендали, впадающей въ рѣку Моркоку. Она укрѣплена на трехъ столбахъ: одинъ столбъ поддерживалъ ту часть гробницы, гдѣ находилась голова покойника, и два столба были расположены въ ногахъ. Сама гробница была устроена изъ узкихъ досокъ, положенныхъ со всѣхъ сторонъ по три — (по три по сторонамъ и по три наверху и внизу). Въ гробницѣ помѣщался вырубленный въ цѣльномъ бревнѣ гробъ, въ которомъ лицомъ къ югу лежалъ покойникъ.

Къ сожалѣнію всѣ кости въ гробницѣ были поломаны и значительнаго числа не доставало вовсе. Изъ вещей я нашелъ здѣсь маленькій буракъ (туязъ) и берестяный ящикъ, въ которомъ находились деревянная чашка и роговая ложка, узкій кожанный поясъ съ мѣдными бляхами и больше ничего. Черепъ безъ нижней челюсти лежалъ на землѣ подъ гробницею и челюсти я не могъ найти. Неизвѣстно, человѣкъ или звѣрь или, наконецъ, старое толстое дерево, гнившее по близости на землѣ и упавшее отъ времени, разрушили описываемую гробницу".

(Маакъ. «Вилюйскій округъ»).

Ѳодеевскіе Самоѣды или Аси (кочуютъ въ рѣчной области Боганиды, Дудыпты и Верхняго Таймыра, и доходятъ лѣтомъ до южнаго берега Таймырскаго озера ($74^1/_2$ с. ш.); слѣд., это самые сѣверные жители Таймырскаго края)—Тунгусскаго происхожденія.

„Само собою разумѣется, что шаманъ играетъ главную роль и тогда, когда приходится проложить путь усопшему въ будущей жизни, и опять все дѣло вертится на пированіи.

Во время странствованія моего съ Асинцами умерла старуха. Вмѣстѣ съ лучшею ея одеждою, въ такомъ же сидячемъ положеніи, какое мы встрѣчаемъ въ нашихъ европейскихъ могилахъ каменнаго періода, ее зашили и притомъ (такъ какъ благодаря нашей экспедиціи ей удалось быть схороненной великолѣпнѣйшимъ образомъ) въ кусокъ старой парусины. Затѣмъ ее завернули въ часть шалашной покрышки, вынесли изъ чума чрезъ боковое отверстіе (но ни за что на свѣтѣ въ дверь) и посадили на женскія сани, украшенныя кусками красной кожи, вмѣстѣ съ принадлежавшимъ ей лично скарбомъ, мѣдными украшеніями и т. п., впрягли двухъ сѣверныхъ оленей, которыми правили изъ другихъ саней. Въ такомъ видѣ отправились въ тундру, куда и нашъ старшина поѣхалъ въ этотъ день, потому что ему приходилось копьемъ своимъ заколоть двухъ сѣв. оденей, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и съѣсть лучшіе куски. Такъ какъ покойница была бѣдная жен-

щина, оставившая по себѣ дочь съ маленькимъ сыномъ, то съ единственною частью шалашной покрышки, съ санями, разными приборами и одеждою, и съ сѣв. оленями, покойной отдана была для будущей жизни большая часть ея имущества.

У осиротѣвшихъ, которые вслѣдствіе похоронъ лишались большей части своего добра, осталось всего 3 оленя. Какъ ни жалко было положеніе, въ которомъ находились наслѣдники, они однакоже не выказывали ни малѣйшихъ признаковъ горя, ничѣмъ не проявляли, что съ ними произошло нѣчто необычайное. Но все-таки они цѣлую недѣлю должны были провести въ особомъ, устроенномъ для нихъ шалашѣ, прежде нежели имѣли право приняться опять за обычныя занятія. Европейцу не слѣдуетъ впрочемъ думать, что это свидѣтельствуетъ о равнодушіи. По прошествіи года они опять посѣщаютъ могилу своихъ родныхъ“.

„Пустыни тундры, подобно безпредѣльно обширному кладбищу, были усѣяны самоѣдскими могильными памятниками, далеко отстоявшими другъ отъ друга. Въ одномъ мѣстѣ уединенно торчали мужскія, въ другомъ женскія сани, а мѣстами и символическое изображеніе дѣтскихъ санокъ. На послѣднихъ также находилось миніатюрное оружіе, лукъ и стрѣлы, для употребленія въ будущей жизни. Котлы и желѣзные ковши сохранились тамъ, гдѣ несмотря на охранительный климатъ деревянныя вещи уже успѣли развалиться. Часто можно было еще ясно различать мѣста, на которыхъ были разведены очистительные огни. На свѣжихъ могилахъ мѣхъ отъ одеждъ и упряжи сѣв. оленей первый дѣлался добычею волковъ и лисицъ, которые съѣдали даже тѣло покойника, если въ часъ его смерти земля еще была ненарушимо мерзла и тѣло либо оставалось на саняхъ, либо клалось въ снѣгъ. Это даже считается хорошимъ праздникомъ, но если окажется, что могила разрыта людьми, то это принимается за весьма дурное предзнаменованіе.

Для устройства могилы обыкновенно выбирается вершина холма. Но когда мы собирались устроить свой шалашъ на бо-

лѣе продолжительное время у р. Таймыра, на полувысотѣ береговой покатости, и я успѣлъ пріискать для него довольно сухое мѣстечко съ прежнимъ очагомъ, то мы не мало удивились, что по снятіи нѣкоторыхъ каменныхъ плитъ, для уравненія мѣста подъ нашу стоянку, и вслѣдствіе разгребанія земли моею собакою, добрались до сайды или до самоѣдскаго потаеннаго хранилища запасовъ. Дѣйствительно, вскорѣ появилось маховое гусиное перо, но подъ нимъ, среди кучки валуновъ мы открыли не запасъ съѣстныхъ припасовъ, а зашитое въ шкуру мертвое тѣло. Оно было стянуто въ сидячемъ положеніи, т. е. схоронено точно такъ, какъ хоронили тѣла въ Европѣ во время каменнаго періода. Оказалось, что это было тѣло дѣвушки въ полномъ облаченіи лучшаго наряда; горѣлое же мѣсто было остаткомъ заупокойной тризны.

Переводчикъ нашъ увѣрялъ, что гусиное перо кладутъ въ могилу несовершеннолѣтнихъ".

(Миддендорфъ. Путеш. на Сѣверъ и Востокъ Сибири, стр. 687—688).

Остяки (живутъ въ южной части Туруханскаго края). „Когда умретъ Остякъ, то обмывъ его горячею водою, ноги складываютъ одну на другую, а руки протягиваютъ вдоль по бокамъ. Иногда, по желанію покойника, отрѣзываютъ у него волосы съ головы и отдаютъ шаману для прикрѣпленія къ идолу, затѣмъ надѣваютъ на умершаго то самое платье, которое онъ носилъ, и зашиваютъ его въ одѣяло. Умершій выносится не дверью, а въ особое отверстіе, сдѣланное въ чумѣ, и кладется на лабазъ, устраиваемый какъ у тунгусовъ. При покойникѣ кладутъ всѣ его вещи въ поврежденномъ видѣ и нѣсколько убитыхъ оленей. Въ теченіе года родственники посматриваютъ, не повредился ли лабазъ и не коснулись ли тѣла звѣри, причемъ кладутъ около покойника съѣстные припасы и табакъ, и отходя пускаютъ стрѣлу въ ближайшее дерево. Инбатскіе же Остяки придерживаются старины и ставятъ покойниковъ въ выдолбленное на подобіе борти углубленіе въ стоячемъ деревѣ, которое и заколачиваютъ доскою. Прежде,

когда Остяки были позажиточнѣе, то съ покойниками клали ружья и деньги; нынѣ это уже вывелось. Въ случаѣ смерти шамана тазовскіе Остяки дѣлаютъ семь могилъ, изъ коихъ на шести ставятъ по палкѣ, съ развилками на верху, а въ седьмой кладутъ тѣло шамана съ такими же церемоніями, какъ это дѣлается при похоронахъ обыкновеннаго Остяка. На поверхности могилы ставятъ надъ шаманомъ доску съ вырѣзаннымъ на ней изображеніемъ дьявола, имѣющаго голову человѣка, а туловище птицы. Идоловъ шамана складываютъ на санки и, обвязавъ ихъ крѣпко оленьими шкурами, ставятъ около могилы. По увѣренію Остяковъ всѣ семь могилъ въ теченіе 7 лѣтъ охраняются дьяволами, которые потомъ разлетаются къ родственникамъ шамана“ [1]).

(Третьяковъ. l. c. 391—392).

6) Бассейнъ Таза.

Юраки (самый сѣверный народъ Самоѣдскаго племени. Черта, мысленно проведенная отъ селенія Курейскаго, лежащаго ближе къ Ледовитому океану, ниже Тураханска, на западъ до рѣки Таза, служитъ южнымъ предѣломъ бродяжества Юраковъ. Съ запада ихъ земли ограничиваются рѣкою Тазомъ, съ сѣвера Ледовитымъ моремъ и съ востока рѣкою Енисеемъ).

„Какъ скоро Юракъ, не смотря на всѣ лѣкарства, умеръ, всѣ жившіе съ нимъ въ одномъ чумѣ убѣгаютъ изъ него и въ нѣкоторомъ отдаленіи разбиваютъ для себя другой чумъ. Тутъ же мужчины начинаютъ приготовлять похороны покойнику. Для этого врываютъ въ землю четыре столба, вышиною сажени въ двѣ каждый, и оконечности ихъ связываютъ четырьмя перекладинами, которыя зарѣшечиваются хворостомъ [2]).

[1]) У Кострова (l. c.): «для умершаго обыкновенной смертью вырывается могила, тѣло покойника обертывается въ бересту и зарывается въ землю... съ лукомъ, стрѣлами, ножемъ». (Стр. 122). И. С.

[2]) У Третьякова: «если близь становища находился лѣсъ, то въ немъ дѣлаютъ для погребенія умершаго лабазъ, въ противномъ случаѣ приготовляютъ срубъ и кладутъ въ оный покойника лицомъ къ землѣ; срубъ заваливаютъ хворостомъ». 398.

На этомъ возвышеніи разстилаютъ кожу убитаго оленя, снявъ ее такъ, чтобы голова, рога и копыта остались цѣлыми. На этой кожѣ, по мнѣнію Юраковъ, покойный долженъ отправиться на небо. Потомъ втаскиваютъ на верхъ тѣло умершаго со всѣми его вещами и одеждою и кладутъ тутъ же переднюю часть нарочно убитаго для того оленя. Требуется непремѣнно, чтобы этотъ олень былъ самецъ и притомъ первенецъ въ стадѣ. Оставивъ покойнаго лежать на устроенныхъ такимъ образомъ полатяхъ дня два или три, родные его, по истеченіи этого времени, отходятъ отъ него на разстояніе выстрѣла изъ лука и пускаютъ по двѣ или по три стрѣлы. Затѣмъ все становище снимается и отходитъ куда нибудь въ другое мѣсто. Къ жилищу покойнаго прикочуетъ кто нибудь развѣ только по незнанію, а то вообще Юраки стараются избѣгать подобныхъ мѣстъ“.

(Костровъ. l. c. 160).

Выбралъ П. Тр-б-гъ.

Мордва.

Историко-этнографический очеркъ.

Глава I.

Очеркъ исторіи.

(Продолженіе)

Первымъ, несомнѣнно тюркскимъ народомъ, который появился въ Поволжьи послѣ Гунновъ, были Булгары. Въ концѣ V в. (около 482 г.) часть ихъ оказывается далеко на западѣ у береговъ Дуная [1]), другая поднялась на сѣверъ по Волгѣ и четырьмя столѣтіями позднѣе сдѣлалась извѣстной благодаря торговымъ сношеніямъ Арабовъ. Виновниками этого раздробленія болгарской орды были, вѣроятно, Авары, которыхъ Прискъ около 460 г. зналъ уже на пространствѣ между Каспійскимъ и Азовскимъ морями [2]). Оставить нижнее Поволжье Булгары должны были такимъ образомъ не позже половины V в. Авары держались здѣсь, кажется, до конца VI в. Въ VII в. мѣсто Аваръ въ Нижнемъ Поволжьи заступили Хозары, представлявшіе собою смѣсь тюркскихъ элементовъ съ какими-то иными — по мнѣнію Френа, финскими. Въ теченіе почти полутора столѣтій Хозары ведутъ безпрестанную борьбу на Ю.

---

[1]) Дриновъ. Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. М. 1872. Стр. 90.

[2]) Ibid. 102.

съ Арабами, которые стремились прорваться на С. отъ Кавказскихъ горъ, на З. и С. съ Булгарами и Славянами. Весь югъ Россіи вошелъ за это время въ сферу ихъ владычества. Не осталась, конечно, внѣ его и Мордва. Хозары раздѣлили съ Болгарами господство надъ Волгой и жившими по берегамъ ея народами. Въ числѣ этихъ послѣднихъ Арабы, начиная съ Ибн-Даста, упоминаютъ Буртасъ. О народности Буртасъ много спорили; одни считаютъ ихъ Тюрками, другіе Финнами — Мещерой или Мордвой. Послѣднее, наиболѣе распространенное мнѣніе заставляетъ насъ внимательнѣе пересмотрѣть вопросъ о Буртасахъ: если Буртасы и Мордва одно и тоже, мы можемъ начать достовѣрную исторію Мордвы по крайней мѣрѣ съ IX в.

Первымъ изъ арабскихъ писателей, говорившихъ объ этомъ народѣ, былъ компиляторъ Ибн-Дастъ (писалъ ранѣе 913 г.). Земля Буртасовъ, по его извѣстіямъ, лежала на 15 дней пути отъ хозарской, имѣла 17 дней пути въ длину и ширину и примыкала къ землѣ Булгаръ; она отличалась ровной поверхностью; изъ деревьевъ чаще всего въ ней встрѣчался холенджъ. Кромѣ Булгаръ и Хозаръ съ Буртасами сосѣдили Печенѣги; съ обоими послѣдними народами Буртасы вели борьбу. Буртасы имѣли верблюдовъ, рогатый скотъ и много меду; главное богатство ихъ состояло въ куньихъ мѣхахъ; занимались они и землепашествомъ. Верховнаго главы у нихъ не было. Въ каждомъ селеніи было одинъ или два старшины, къ которымъ они и обращались за судомъ. Подчиняясь хозарскому царю, они выставляли въ полѣ 10,000 всадниковъ. Вѣра Буртасовъ была похожа на вѣру Гузовъ. Покойниковъ одни изъ нихъ хоронили, другіе сожигали [1]).

Для того, чтобы хотя съ нѣкоторымъ основаніемъ отожествлять народъ, выступающій предъ нами въ этомъ описаніи, съ Мордвой, нужно прежде всего установить, что Буртасы жили на правомъ берегу Волги, гдѣ тремя десятилѣтіями позже

[1]) Хвольсонъ. Извѣстія Ибн-Даста о Хазарахъ и т. д. Спб. 1869. 19—21.

помѣщаетъ Мордву Константинъ Багрянородный [1]). Ибн-Дастъ не даетъ для этого оснований. Земля Буртасовъ примыкала съ сѣвера (на разстояніи трехъ дней пути) къ землѣ Булгаръ — говоритъ онъ, а Булгары, какъ извѣстно, занимали лѣвобережье Волги. Въ числѣ животныхъ, которыхъ водили Буртасы, Ибн-Дастъ упоминаетъ верблюда, райономъ распространенія котораго до сихъ поръ служатъ уходящія въ Среднюю Азію степи Самарской, Оренбургской и Астраханской губерній. Подобно теперешнимъ насельникамъ этихъ степей, Буртасы были народомъ, хорошо знакомымъ съ конемъ. На лѣвомъ-же берегу Волги помѣщаетъ Ибн-Дастъ и Хозаръ, съ которыми Буртасы соприкасались на югѣ. Волга (Итиль) по его извѣстіямъ протекала между землями хозарской и славянской. Здѣсь въ IX в., къ которому относятся источники Ибн-Даста, кочевалъ и третій народъ, сосѣдившій съ Буртасами—Печенѣги [2]).

Извѣстія о Буртасахъ слѣдующаго по времени писателя Массуди также не говоритъ въ пользу того, что они жили на правомъ берегу Волги. Разсказавши о битвѣ, которая произошла въ Итилѣ—конечно, на правой сторонѣ Волги [3])—между жившими здѣсь мусульманами и Руссами, вернувшимися изъ персидскаго похода, Массуди продолжаетъ: „едва пять тысячъ изъ нихъ спаслись и бросились на судахъ на ту сторону рѣки, которая примыкаетъ къ землѣ Буртасовъ. Тамъ бросили они суда и укрѣпились въ странѣ. Часть ихъ была

[1]) См. «Извѣстія» 1892, I, 65.

[2]) По извѣстіямъ Константина Багрянороднаго Печенѣги жили первоначально между рѣками Атель и Геехъ (Яикъ - Уралъ) — въ сосѣдствѣ съ Хозарами и Узами (Половцами). Переселились они за Волгу въ концѣ IX в., въ 894—899 г. Хвольсонъ. l. с 46—47. Арабскій писатель IX в. (855—874) Ибн-Хордадбэгъ знаетъ ихъ, какъ сосѣдей азіатскихъ народовъ. Часть Печенѣговъ, оставшуюся на Яикѣ, видѣлъ еще въ 940 г. Абу-Долефъ.

[3]) Руссы, возвращаясь изъ персидскаго похода, само собою разумѣется, должны были пристать къ тому берегу, съ котораго они могли сухимъ путемъ добраться до своей земли; интересъ мусульманъ итильскихъ заключался, напротивъ, въ томъ, чтобы загородить имъ путь на родину.

истреблена Буртасами, другихъ, которые направились въ страну мухамеданскихъ Болгаръ (сухимъ путемъ—суда были брошены), постигла таже участь" [1]). Пройти изъ буртасской земли въ землю мухамеданскихъ Болгаръ—въ культурный центръ болгарщины сухимъ путемъ можно было, конечно, только лѣвобережьемъ Волги. Старые комментаторы Массуди такъ и понимали дѣло. Френъ въ примѣчаніи къ этому отрывку замѣчаетъ, что земля Буртасовъ находилась на лѣвомъ берегу Волги и простиралась до Хорезма (Хивы). Въ томъ сочиненіи, гдѣ разсказывается о пораженіи Руссовъ, Массуди даетъ неясныя указанія относительно земли Буртасовъ. Буртасы, по его словамъ, жили по берегамъ рѣки, вытекающей изъ окрестности Булгарской земли и впадающей въ Волгу выше Итиля, и дали ей свое имя; по этой рѣкѣ плавали суда Хозаръ и Болгаръ. Комментаторы Массуди считаютъ такой рѣкой то Оку, то Буртасъ на границѣ Пензенской и Тамбовской губерній [2]). Ни то, ни другое опредѣленіе не выдерживаетъ критики. 1) Буртасъ не впадаетъ непосредственно въ Волгу, а Ока впадаетъ въ нее не выше Итиля, а выше Булгара, о которомъ хорошо зналъ Массуди. 2) Трудно было-бы допустить, чтобы на маленькой рѣчкѣ Пензенской губерніи плавали торговыя суда Булгаръ и Хозаръ и держалось племя, выставлявшее 10,000 всадниковъ; еще труднѣе представить себѣ, чтобы на Окѣ въ непосредственномъ сосѣдствѣ княжества Рязанскаго жилъ диковинный народъ, располагавшій стадами верблюдовъ и коней. Мы думаемъ, что рѣкой, на которой держалась главная масса Буртасовъ, могъ быть только Иргизъ, самый крупный изъ лѣвыхъ притоковъ Волги между устьемъ Камы и Астраханью. Въ сочиненіи „Китабъ-этъ-Тенхибъ" Массуди самъ очень опредѣленно помѣщаетъ

---

[1]) Fraehn. Ibn-Fozlan. 246—247. Григорьевъ, комментировавшій этотъ разсказъ Массуди въ своей статьѣ о «походахъ Руссовъ», также приходитъ къ убѣжденію, что Руссы были отброшены на лѣвый берегъ. «Россія и Азія». Спб. 1876. 16.

[2]) Хвольсонъ. l. c. 71—72. Савельевъ. Мухаммед. Нумизм. LXV, пр. 109.

Буртасовъ на лѣвомъ берегу Волги — между Ховарезмомъ и Хозарской землей [1]).

Эль-Балхи говоритъ о Буртасахъ кратко: „Буртасы—народъ, который сосѣдитъ съ Хозарами; между ними и Хозарами нѣтъ никакого другого народа. Они живутъ разбросанно тамъ и сямъ при рѣкѣ Итилѣ [2])". О томъ, на которомъ берегу Волги помѣщаетъ онъ Буртасъ, можно догадываться изъ того, что онъ говоритъ о нихъ подъ рядъ съ Башкирами. На Эль-Балхи кончаются оригинальныя извѣстія Арабовъ о Буртасахъ. Далѣе идутъ компиляціи—болѣе или менѣе удачныя.

Географическія основанія не позволяютъ намъ отожествлять Буртасовъ съ Мордвой. Не больше правъ на это даютъ намъ и культурные признаки Буртасъ. Буртасы были, несомнѣнно, кочевымъ, пастушескимъ, вышедшимъ изъ степей Средней Азіи народомъ—земледѣліе составляло второстепенный элементъ въ ихъ культурѣ и, нужно думать, имѣло мѣсто на С. страны въ сосѣдствѣ земледѣльцевъ-же Болгаръ. Такой бытъ—характеристичный признакъ Тюрковъ. Въ пользу родства Буртасъ съ Тюрками говоритъ и то, что ихъ вѣра была близка къ вѣрѣ Гузовъ или Половцевъ. Что они говорили языкомъ, непохожимъ на языкъ Булгаръ и Хозаръ, не противорѣчитъ предположенію объ ихъ тюркизмѣ: даже не заподазривая способности Арабовъ различать языки, мы можемъ допустить, что въ IX в. существовали тюркскія нарѣчія, не представлявшія очевиднаго для всѣхъ сходства съ булгарскимъ или хозарскимъ. Языкъ Буртасовъ отличался отъ языка Булгаръ, но онъ могъ быть близокъ къ языку Половцевъ, какъ близки были, по извѣстіямъ Арабовъ, религіозныя вѣрованія обоихъ народовъ.

Чтобы исчерпать вопросъ объ отношеніи Буртасовъ къ Мордвѣ, мы должны коснуться тѣхъ аргументовъ, на которыхъ основывается ихъ отожествленіе. Констатируя фактъ обитанія

---

[1]) Хвольсонъ. I. с. 73.

[2]) Ibid.

Буртасовъ на лѣвомъ берегу Волги, мы устраняемъ главное основаніе для этого отожествленія. Всѣ ученые, занимавшіеся древней этнографіей Поволжья, подчеркиваютъ тотъ фактъ, что въ то время, какъ Арабы говорятъ о Буртасахъ и не знаютъ Мордвы, западные и русскіе писатели знаютъ на той-же территоріи Мордву, но не знаютъ Буртасовъ. Изъ этого обыкновенно дѣлается выводъ, что названія „Буртасы" и „Мордва" должны относиться къ одному и тому-же народу—Мордвѣ-Мокшѣ. Въ пользу этого отожествленія приводится затѣмъ 1), что Буртасы говорили особымъ языкомъ, не похожимъ ни на булгарскій, ни на хозарскій, 2)—характеръ ихъ культуры—занятіе охотой и земледѣліемъ. Ниодинъ изъ этихъ аргументовъ не оправдываетъ однако отожествленія Буртасъ и Мордвы. — Русскія лѣтописи, безспорно, не говорятъ о Буртасахъ, но ихъ молчаніе ничего не доказываетъ: онѣ не говорятъ вообще о народахъ, съ которыми русскимъ не приходилось имѣть дѣла: о Мордвѣ и Болгарахъ они упоминаютъ по случаю первыхъ столкновеній съ ними, между тѣмъ о Башкирахъ, которые были сосѣдями Булгаръ, они не упоминаютъ ниоднимъ словомъ; первоначальный лѣтописецъ совсѣмъ не говоритъ о тюркскихъ народностяхъ Поволжья. Говорить о тожествѣ культуры у Мордвы и Буртасъ довольно рискованно. Самыя раннія свѣдѣнія о бытѣ Мордвы даетъ намъ Рубруквисъ (XIII в.), но его картина далеко не совпадаетъ съ картинами буртасскаго быта у Арабовъ. „За Дономъ къ С., читаемъ мы у него, идутъ громадные лѣса, въ которыхъ живутъ два народа (genera hominum). Moxel (Мокша) — чистые язычники, не знающіе законовъ; они не имѣютъ городовъ и живутъ въ лачужкахъ (casulis) среди лѣсовъ. У нихъ находятся въ изобиліи свиньи, медъ и воскъ, драгоцѣнные мѣха и соколы. За ними живетъ другой народъ, который называется Merdas, а у Латинянъ Morduini. Они Сарацины [1])". Въ этой картинѣ бытъ Мокши рисуется совершенно со-

---

[1]) Tomaš. l. c. 15. У Бержерона вмѣсто Morduini Mardues, Mardes. I, R. 30.

гласно съ физическими условіями сѣвернаго правобережья Волги, гдѣ еще въ XVII в. лѣса изобиловали всякимъ звѣремъ — съ кабаномъ въ томъ числѣ—и пчелой. Говорить, что она совпадаетъ съ картиной буртасскаго быта у Арабовъ, значитъ— забывать о типическомъ для Буртасъ широкомъ развитіи скотоводства, въ частности о стадахъ верблюдовъ, которыя понятны на „ровной землѣ“ т. е. въ степяхъ лѣваго берега Волги и представляются измышленіемъ литературнаго Хлестакова въ мордовскихъ лѣсахъ.

Противъ предполагаемаго тожества Мордвы и Буртасъ, кромѣ данныхъ географическихъ и культурныхъ, говоритъ и тотъ фактъ, что о Буртасахъ, какъ народности отличной отъ Татаръ, Мещеры и Мордвы, упоминаютъ русскіе источники XVI—XVII в.в. Въ „Степенной книгѣ“ Буртасы упоминаются въ числѣ народовъ, которые были покорены Татарами. Въ актахъ XVI—XVII вв. встрѣчаются неоднократно выраженія „буртасская дорога“, „буртасскія ухожеи“. Въ граматѣ царя Ѳедора Алексѣевича стольнику князю Кучушеву 1682 г. повелѣвается дать бывшему Курмышскому воеводѣ Емельяну Засѣцкому „новокрещенымъ, и Мордвѣ и Буртасамъ имянные списки и ясачныя книги, почему съ Буртасъ и Мордвы сбираютъ ясакъ и посопной хлѣбъ и медвяный оброкъ“ [1]). Кромѣ Кадомскаго уѣзда въ томъ-же XVII в. Буртасы были извѣстны въ Алатырскомъ. Въ архивѣ нашего Общества имѣются подлинные акты и копіи, относящіеся къ этому уѣзду, изъ собранія рукописей покойнаго нашего сочлена А. Ѳ. Бѣлокрысенко. Просматривая эти документы, мы встрѣчаемъ неоднократныя упоминанія о Буртасахъ Позволяемъ себѣ привести изъ нихъ нѣсколько выписокъ, которыя имѣютъ для насъ существенное значеніе. „Выпись съ книгъ письма и мѣры Дмитрея Юрьевича Пушечникова да подъячего Аѳанасья Костяева 132, 133 и 134 годовъ. Въ Олаторскомъ уѣздѣ, въ Верхосурскомъ стану деревня Нагаева, Чулпаново тожь, на рѣчкѣ на Чучерме, что выставилась изъ старово Янышева

[1]) Изв. Тамб. Арх. Ком. XIV, 85.

Лашинсково беляка, а въ ней Буртасы, посопные татаровя... да пустыхъ дворовъ буртасскихъ... Деревня тетякова на речке на Чучерме выставка изъ деревни Ногаевы, а въ ней посопные татаровя... да пустыхъ дворовъ буртасскихъ... Деревня Беремшина выставка изъ деревни старова янышева на речке на Беремше а въ ней посопные татаровя... а всего въ деревнѣ Ногаеве и въ выставкахъ семнадцать дворовъ буртасскихъ, посопныхъ Татаръ, семь дворовъ бобыльскихъ непашенныхъ, да двадцать пять дворовъ пустыхъ буртасскихъ... А межа деревни Ногаевы и съ выставками отъ мордовской отъ поводимовской земли отъ мысу суходоломъ до речки оксермы правая сторона буртасская деревни Ногаевы съ выставками, а лѣвая сторона мордовская деревни Поводимовы, а речкою оксельмою на низъ до ахматовскаго устья левая сторона мордовская деревни Поводимовой, а правая сторона деревни Нагаевы Буртасъ а отъ ахматовскаго устья вверхъ идучи до сухова врага правая сторона Нагаевскихъ Буртасъ, а лѣвая сторона мордовская дер. Ардатовой, а черезъ сухой врагъ до речки ахматовки до вершинъ и отъ вершинъ черезъ лесъ до речки до сучерминские вершины, а съ сучерминские вершины прямо черезъ лесъ до мысу сучерминсково... і по государеву и цареву и великаго князя Михаила Өедоровича вся руси указу и по сей выписи Буртасомъ деревни Ногаевы и съ выставками государевы подати платить вновь, какъ писцы Дмитрей Пушечниковъ да подъячей Афанасей Костяевъ книги отдадутъ, въ приказъ Казанскаго дворца, а до писцовыхъ книгъ платить имъ всякіе подати по приправочнымъ книгамъ Гаврила Бобрищева Пушкина да Гневаша Норова. Къ подлинной выписи Дмитрей Пушечниковъ печать свою приложилъ. На оборотѣ по склейкамъ написано Аөонасей Костяевъ" [1]).

---

[1]) Книга копій Алатырской приказной избы.—Ср. Симб. Сборн. т. II. Симб. 1870.

20*

Тѣже Буртасы деревни Ногаевой фигурируютъ въ копіи съ граматы царей Петра и Іоанна Алексѣевичей Алатырскому воеводѣ Кирилу Сомову. Послѣ выписки изъ писцовыхъ книгъ Пушечникова мы читаемъ въ граматѣ извлеченіе изъ челобитной Мордвы деревни Новыхъ Дубенокъ: „после де писцовъ те буртасы посопные татаровя изъ деревни Ногаевы и изъ выставокъ сошли жить на иные места и та земли лежала пуста“ и затѣмъ: „и въ прошломъ де во 166 году августа въ 25 день по указу отца нашего великихъ государей блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича... а по ихъ мордовскому челобитью воевода Емельянъ Пестриковъ посылалъ на ту поместную землю нагаевскую, на которой жили Буртасы, подьячего Ивана Супонева для отказа земли и подъячей Иванъ Супоневъ со старожилы на ту землю ѣздилъ и по скаскамъ старые межи и урочища, какъ прежь сего владѣли Буртасы, описалъ а описавъ отказалъ дубенской мордвѣ... и те отказные книги подъячій Иванъ Супоневъ подалъ на Алаторе въ приказной избе и съ техъ отказныхъ книгъ далъ имъ мордве воевода Емельянъ Пестриковъ за своею рукою выпись и по той выписи они мордва на той землѣ поселились дворами и была у нихъ въ деревнѣ десятинная пашня и тое пашню они пахали и всякія подати ...и полоняничные деньги платили со 166 по 176 годъ, а со 176 года вмѣсто десятинной пашни за всякіе доходы платили они съ той земли денежныхъ доходовъ по окладу по пятидесяти рублей на годъ и больше и въ нынѣшнемъ де 201 году прислана изъ приказа казанскаго дворца наша великихъ государей грамата на алаторь къ тебе по челобитью стольника нашего Ѳедора Плещеева а велено тое нагаевскую поместную землю на речке чеберчине отказать ему въ поместье и въ оброкъ и въ платеже оброчныхъ денегъ по крестьянамъ его собрана поручная запись и для отказу тое земли посыланъ съ алаторя подъячей Петръ Пестриковъ и онъ де Петръ нагаевскую пустовую землю ему стольнику нашему отказалъ Ѳедору Плещееву на речке Чеберчинке и где

въ межахъ и урочищахъ и скемъ смежна та нагаевская пустовая земля и тово въ отказные книги имянно ненаписалъ а ихъ де Мордву на отказъ не призывалъ и стольника де нашего Федора Плещеева крестьяне ево села Чеберчина ихъ Мордву, гдѣ они живутъ, съ земли ссылаютъ и пахать не велятъ а та де ихъ нагаевская земля на речке Сучерме и на иныхъ речкахъ, а не на Чеберчинке речке и отъ речки Чеберчинки тое землю разошла мордовская земля деревни поводимовы и въ писцовыхъ де книгахъ Дмитрея Пушечникова нагаевская земля написана на речке Сучерме" [1]).

Связью между Кадомскими и Нагаевскими Буртасами могутъ служить татарскія, буртасскія и мордовскія вотчины и ухожья цѣлаго Алатырскаго уѣзда, занесенныя въ писцовыя книги Дмитрія Пушечникова. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ составъ Алатырскаго уѣзда въ XVII в. входили, кромѣ нынѣшняго уѣзда того-же названія, на С. часть нынѣшнихъ уѣздовъ Курмышскаго Симбирской и Лукояновскаго Нижегородской губерній, на З.—весь Ардатовскій уѣздъ до соприкосновенія съ Саранскимъ или Атемарскимъ уѣздомъ, на Ю. Корсунскій. Смежными съ нимъ въ актахъ являются уѣзды Арзамасскій, Чебоксарскій, Цивильскій, Саранскій и Пензенскій (послѣдній обнималъ собою и нынѣшній Городищенскій уѣздъ). Выдѣленіе буртасскихъ вотчинъ изъ другихъ инородческихъ земель указываетъ, что въ XVII в. Буртасы представляли собою замѣтный элементъ въ тогдашнемъ Алатырскомъ уѣздѣ. Въ Краснослободскомъ уѣздѣ посредствующимъ звеномъ является селеніе Буртасы. Пробѣлъ въ топографическихъ указаніяхъ относительно Буртасъ представляетъ только Саранскій уѣздъ —въ предѣлахъ XVII в.

Въ приведенныхъ нами выше извлеченіяхъ выступаетъ эпизодъ изъ закрытой пока отъ глазъ изслѣдователей исторіи Буртасъ. Тамбовскіе акты даютъ только имя этой народности рядомъ

[1]) Книга копій Алатырской приказной избы.—Ср. Симб. Сборн. т. II. Симб. 1870.

съ именемъ Мордвы. Здѣсь это имя получаетъ нѣкоторое этнографическое содержаніе. Рядомъ съ словомъ Буртасы, какъ поясняющій терминъ, мы встрѣчаемъ „посопные татаровя". Въ XVII в., стало быть, Буртасы представляются настолько отатарившимися, что писцы ихъ не различали отъ татаръ иначе какъ по соціальному положенію („посопные"). Въ нашихъ актахъ они занимаютъ опредѣленный районъ, состоящій изъ нѣсколькихъ деревень: Старое Янышево, Нагаева, Тетякова, Беремшина. Дорога, которая была проложена изъ этихъ деревень чрезъ лѣсъ, носила у окрестной Мордвы названіе буртасской [1]). Ниодна изъ этихъ деревень не сохранилась до нашего времени, но опредѣлить ихъ положеніе нетрудно, если принять во вниманіе, что возникшая на мѣстѣ Нагаевой деревня Дубенки существуетъ до сихъ поръ (въ 52 в. отъ Алатыря по лѣвую сторону почтоваго тракта изъ Алатыря въ Симбирскъ) такъ же, какъ сосѣднія съ ней деревня Поводимово (48 в.), с. Чеберчино, Ардатово. Кореннымъ селеніемъ, которое могло основаться во всякомъ случаѣ не позже XV в., было Старое Янышево; наиболѣе ранней выставкой изъ него была Ногаева, которая въ началѣ XVII в. представляется уже больше, чѣмъ на половину опустѣвшей. Основались эти селенія, повидимому, на мордовской землѣ. Объ этомъ можно догадываться по тому, что Ногаевскіе Буртасы не имѣли своего лѣса и писцовыми книгами Пушечникова имъ предоставляется право лѣсъ сѣчь въ мордовскомъ черномъ лѣсу [2]).

Въ половинѣ XVII в. Буртасы этого края исчезаютъ „невѣдомо куда", но слѣды ихъ или ихъ родичей мы, можетъ быть, найдемъ когда нибудь въ „посопныхъ татарскихъ" деревняхъ. Такъ, безъ прибавленія Буртасы, назывались жители дер. Ногаевой еще до Пушечникова. Это можно видѣть изъ данной имъ

[1]) «А по буртасской дорогѣ до рѣчки Парамзы, а отъ Парамзы по суходолу на ольховый кустъ, а середи ольховаго куста набита грань на ольхѣ, правая сторона съ поля идучи Алтышева, а лѣвая Сайнинской Мордвы...» Книга копій. Ср. Сп. нас. м. Симб. г. № 283.—«Сайнино при р. Промзѣ».

[2]) Ibid.

выписи Мордвѣ дер. Ардатовой: „на тетяковскую пустошь, на примѣрную землю, что примѣряли писцы Никонъ Бутурлинъ съ товарищи у деревни Нагаевы у посопныхъ татаръ..." Эти „посопные татаровя"—послѣднiй моментъ въ исторiи буртасской народности. О болѣе раннемъ этнографическомъ содержанiи термина „Буртасъ" можно догадываться изъ мѣстныхъ названiй занятаго ими временно края. Названiя рѣчекъ, по которымъ сидѣли Буртасы, рѣзко выдѣляются на фонѣ извѣстныхъ уже намъ мордовскихъ съ окончанiемъ на лей: Шушерма (‖ Сучерма, Чучерма, Сюксюрма), Окселма, Кячерма (въ районѣ дер. Морги Алатырскаго у.). Названiя рѣки или рѣчной долины, оврага, очевидно слагалось у Буртасъ изъ слова черма (‖ серма, сюрма, селма) + опредѣляющее слово[1]). Такое слово въ формѣ сирмы мы встрѣчаемъ въ названiяхъ рѣчекъ и овраговъ у Чувашъ. У той же народности мы найдемъ и тожественныя названiя деревень—ср. Янышево буртасское Ал. у. и названiе деревни Яныши въ Ядринскомъ уѣздѣ Казанской губернiи. Факты эти даютъ намъ право заключить, что посопные Татаровя, Буртасы и Чуваши оказываются въ весьма близкомъ родствѣ, т. е. выдвинуть, обставивши новыми основанiями, старую, почти забытую гипотезу Сбоева. Въ пользу родства, если не тожества Чувашъ и Буртасъ, можно привести не одни мѣстныя названiя. Изъ документовъ конца XVI в. оказывается, что Чуваши жили какъ разъ на той территорiи, гдѣ мы видимъ въ другихъ актахъ Буртасъ. Въ наказѣ астраханскимъ воеводамъ князю Сицкому и Пушкину говорится напр., что Черкесы въ 1589 г. нападали на Темниковскiя и Алатырскiя мѣста на Мордовскiя и Чувашскiя вотчины. Упоминанiе о бывшихъ чувашскихъ деревняхъ встрѣчаются даже въ актахъ, относящихся къ нынѣшнему Городищенскому уѣздѣ, входившему нѣкогда въ составъ Пензенскаго[2]).

---

[1]) Ср. въ Каз. г. Ядр. у. дер. Буртасы при оврагѣ Хозямъ-сирма.

[2]) «Пензенскаго уѣзду деревни Карамалъ и деревни Чувашевы Мордва тое землю назвала своею..» Собр. актовъ Бѣлокрысенко. № 19.

Въ пользу этого-же родства говоритъ, намъ кажется, еще и то обстоятельство, что Чуваши, судя по языку, нѣкогда были знакомы съ степями и ихъ обитателемъ верблюдомъ. Позволяемъ себѣ надѣяться, что дальнѣйшія археографическія изысканія въ предѣлахъ Симбирской губерніи и разработка древнихъ актовъ, относящихся къ нынѣшнимъ Буинскому, Корсунскому, Симбирскому, Сызранскому и Сенгилеевскому уѣздамъ поставитъ родство Буртасовъ и Чувашъ внѣ сомнѣнія.

Установивши, 1) что Буртасы до X в. жили на лѣвомъ берегу Волги и представляли народъ совершенно отличный отъ Мордвы, 2) что съ XVI в. они начинаютъ упоминаться въ русскихъ оффиціальныхъ актахъ въ качествѣ особой народности на правомъ берегу Волги рядомъ съ Мордвой, мы должны выяснить, когда-же и при какихъ обстоятельствахъ они здѣсь появились. Припомнимъ сосѣдей, среди которыхъ жили Буртасы на лѣвомъ берегу Волги. Изъ Константина Багрянороднаго мы знаемъ, что въ странѣ между Волгой и Яикомъ до конца IX в. жили Печенѣги, Половцы и Хозары. Печенѣги были вытѣснены затѣмъ двумя послѣдними народами и Нижнее Поволжье осталось во власти Хозаръ и Половцевъ. Половцевъ или Гузовъ на лѣвомъ берегу Волги упоминаютъ и Арабы — Ибнъ Хордадбэхъ въ IX в., Эль-Бекри въ XI в. На З. отъ Волги и Дона они появились только въ половинѣ XI в. и сразу стали грозой для Руси; очевидно, они переселились за Волгу массой. Въ своемъ движеніи они могли увлечь за собою и Буртасъ, которые приходились имъ родичами. Переселеніе это могло произойти въ первой половинѣ XI в.; первое знакомство Русскихъ съ Половцами произошло въ 1054 г.: „приходи Болушъ с Половци и сотвори Всеволодъ миръ съ ними и возвратишася вспять, отнюду-же пришли“ читаемъ мы въ лѣтописи [1]). Насколько можно судить по району распространенія каменныхъ бабъ, Половцы заняли на правомъ берегу Волги часть Астрахан-

[1]) Лѣт. по Лавр. сп. 158. Изд. Арх. Ком. Спб. 1872.

ской губерніи, Землю Войска Донскаго и южную половину Саратовской губерніи; для Буртасъ остались свободными противолежащіе устью Иргиза сѣверные уѣзды Саратовской губерніи и смежные съ ними уѣзды Пензенской и Тамбовской губерній. Допустить передвиженіе Буртасовъ подъ напоромъ Половцевъ мы имѣемъ полное основаніе. Результаты половецкаго движенія на З. можно сравнить—конечно, значительно уменьшая масштабъ—съ тѣмъ, что происходило двумя столѣтіями позднѣе во время татарскаго нашествія. Если Татары могли загнать Половцевъ на берега Дуная и бросить на правый берегъ Волги Башкиръ и Маджаръ сѣвернаго лѣвобережья [1]), то болѣе слабые Половцы могли во всякомъ случаѣ сдѣлать это съ однимъ народомъ, если только этотъ народъ не двинулся съ ними на З. добровольно. О передвиженіи Буртасовъ на правый берегъ Волги можно догадываться изъ того, что въ XII в. все лѣвобережье Волги внѣ болгарскихъ границъ находится во власти Половцевъ. Во второй половинѣ этого столѣтія они ведутъ уже борьбу съ Болгарами. Въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Всеволода на Болгаръ послѣ сообщенія о высадкѣ Русскихъ на булгарскій берегъ мы читаемъ: „пошедшю же князю въ поле, узрѣша наши сторожеве полкъ въ поли и мняху болгарскій полкъ и пріѣхаша 5 мужъ изъ

[1]) Въ дѣлахъ Шацкаго архива сохранилась копія съ граматы данной въ 1539 г. князю Кугушеву на право «судить и вязать по старинѣ Татаръ изъ Тархановъ и Башкирцевъ и Можерянъ, которые живутъ въ Темниковѣ...» (Изв. Тамб. А. К. XXIII, 31). Въ Шацкомъ уѣздѣ близъ Вышенской пустыни еще въ концѣ XVII в. была извѣстна «Башкирская гора». (Ibid. XIV, 24). Воспоминанія о Маджарахъ на правомъ берегу Волги сохранилось въ цѣломъ рядѣ мѣстныхъ названій: въ Казанской губ. д. Можарка, Мишерь, р. Мижерь-сирма въ Цивильскомъ у., дер. Можарки, с. Можарово, рѣчка Можарка въ Тетюшскомъ, Мижаръ, Мижары въ Козмодемьянскомъ, р. Мажарка въ Чебоксарскомъ у., въ Симбирской губерніи въ Курмышскомъ у. дер. Мажаровскій Майданъ, Мажаръ-касы, въ Пензенской губерніи въ Городищенскомъ и Керенскомъ у.у. дер. Можаровка, руч. Можаровка, въ Тамбовской губ. деревни Можаровка, Можарово въ Кирсановскомъ и Козловскомъ у.у., Можаровская въ Темниковскомъ, въ Саратовской губерніи д. Мажары въ Аткарскомъ уѣздѣ. Ср. «Мачяринъ» въ договорѣ 1483 г. Собр. Гос. Грам. I, № 115—16.

того полку и удариша челомъ передъ княземъ Всеволодомъ и сказаша ему рѣчь: „кланяются, княже, Половци Емякове, пришли есьмы со княземъ Болгарскимъ воевати Болгаръ; князь-же Всеволодъ, здумавъ съ братьею своею и съ дружиною, води ихъ въ роту половецкую, поима ихъ, поиде къ великому городу“ [1]). Половцы, стало быть, были въ это время на лѣвомъ берегу Волги непосредственными сосѣдями Болгаръ. Положеніе это они занимаютъ до татарскаго нашествія. Даже послѣ того какъ Татары пришли на Русь, Плано Карпини включаетъ въ составъ половецкой земли пространство между р.р. Волгой и Ураломъ [2]).

Какъ отразились на культурѣ Мордвы всѣ тѣ народныя движенія, которыя происходили въ южномъ Поволжьи, опредѣлитъ когда нибудь лингвистъ-изслѣдователь, выдѣливши — подобно тому, какъ это сдѣлалъ г. Мункачи для Вотяковъ — заимствованные элементы въ языкѣ Мордвы. Пока такая работа не продѣлана, историкъ долженъ начинать обзоръ судебъ мордовскаго племени съ момента первыхъ его столкновеній съ Русскими.

Подъ 1103 г. въ лѣтопись занесено краткое извѣстіе о неудачномъ нападеніи Муромскаго князя Ярослава Святославича на Мордву: „бися Ярославъ съ Мордвою месяца марта въ 4 день и побѣжденъ бысть Ярославъ“ [3]). Слѣдующее не менѣе краткое извѣстіе относится уже къ концу XII в. къ 1184 г.: великій князь Владимірскій, возвращаясь изъ похода на Болгаръ, „пусти кони на Мордву“ [4]). Между двумя этими извѣстіями можно поставить еще одно—подъ 1172 г. мы читаемъ: „посла князь Андрѣй сына своего на Болгары и Рязаньскый князь сына своего; бысть не любъ путь всѣмъ людемъ

[1]) Лѣт. по Лавр. сп. 369.

[2]) Собр. путеш. къ Татарамъ. Плано Карпини. Асцелинъ. Спб. 1825. Стр. 17.

[3]) Лѣт. по Лавр. сп. 269.

[4]) Ibid.

симъ зане непогодье есть зимѣ воевати Болгаръ и поидучи не идяху. Бывшю же князю Мстиславу на Городьци совкупльшюся съ братома своима съ Муромьскымъ и Рязаньскымъ на усть Окы и ждаша дружины двѣ недѣли и не дождавше ѣхаша съ переднею дружиною... и въѣхаша въ поганыя безъ вѣсти, взяша селъ 6 и семое городъ, мужи исѣкоша, жены поимаша. Слышавше же Болгаре въ малѣ дружины князя Мстислава пришедша... доспѣша въборзѣ... за маломъ не постигоша ихъ за 20 верстъ" [1]). Въ виду того, что набѣгъ былъ произведенъ налегкѣ, въ ожиданіи серьезнаго похода, можно думать, что князь удалился не на очень далекое разстояніе отъ устья Оки и, стало быть, дѣйствовалъ въ предѣлахъ эрзянской территоріи. Быстрое появленіе Болгаръ заставляетъ думать, что въ концѣ XII в. они держали въ своихъ рукахъ побережье Волги на З. отъ Суры. Изъ XIII в. мы имѣемъ уже менѣе сухія извѣстія. Кромѣ фактовъ побѣды надъ Мордвой или пораженія отъ нея лѣтопись даетъ намъ кое-какія бытовыя черты. Подъ 1226 г. мы читаемъ: „посла великій князь Гюрги Святослава, Ивана, брату свою, на Мордву и побѣдиста Мордву и взяста нѣколико селъ и взвратистася съ побѣдою" [2]). Къ слѣдующему 1227 г. относится важное извѣстіе Нижегородской лѣтописи: „князь Юрій Всеволодовичъ поганскую Мордву отогналъ отъ града и жилища и зимницы раззорилъ... И великій князь Константинъ Юрьевичъ владѣлъ нижнимъ и городецкимъ княженіемъ. И повеле русскимъ селитися, по окѣ, и по волгѣ, и по кудмѣ, и на мордовскихъ селищахъ, гдѣ кто не похочетъ" [3]). Богаче другихъ бытовыми чертами разсказъ о походѣ 1228 г. „мѣсяца семтября великый князь Гюрги посла на Мордву Василка Костянтиновича и своего мужа Еремея Глѣбовича воеводьствомъ, съ полкомъ; и бывшимъ имъ за новымъ городомъ па предѣлѣхъ Мордовскыхъ пославъ Гюрги возврати ихъ, не дастъ имъ воевати,

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп. 345.

[2]) Ibid. 426.

[3]) Нижегор. лѣтописецъ. Изд. А. А. Гацискаго. Нижній Н. 1886. стр. 3.

зане непогодья бысть... Тое же зимы... въ 14 д. генваря великый князь Гюрги, и Ярославъ, и Костянтиновичи Василько, Всеволодъ идоша на Мордву; и Муромскый князь Гюрги Давыдовичъ вшедъ въ землю Мордовьскую, Пургасову волость, пожгоша жита и потравиша и скотъ избиша, полонъ послаша назадъ, а Мордва вбѣгоша въ лѣсы своя, въ тверди; а кто не вбѣглъ, тѣхъ избиша наѣхавше Гюргеви молодии, въ 4 день генваря. То видѣвше молодии Ярославли и Василкови и Всеволожи, утаившеся, назаутрие ѣхаша въ лѣсъ глубокъ, а Мордва давше имъ путь, а сами лѣсомъ обидоша ихъ около, избиша; а иныхъ изымаша и бѣжаша въ тверди, тѣхъ тамо избиша, и княземъ нашимъ не бысть кого воевати. А Болгарьскый князь пришелъ былъ на Пуреша, ротника Юргева, и слышавъ, оже великій князь Юрій съ братьею жжеть села Мордовьская, и бѣжа прочь ночи... Въ лѣто 6737, мѣсяца априля, придоша Мордва съ Пургасомъ къ Новугороду и отбишася ихъ Новгородци... Тогоже лѣта побѣди Пургаса Пурешевъ сынъ с Половци и изби Мордву всю и Русь Пургасову, а Пургасъ едва въ малѣ утече" [1]). Послѣднее извѣстіе о столкновеніи Руси съ Мордвою до татарскаго нашествія относится къ 1232 г. Въ то время, какъ Татары появились на границахъ болгарской земли — „посла великый князь Георги сына своего Всеволода на Мордву и съ нимъ Ѳеодоръ Ярославичъ и Рязаньскыи князи и Муромскыи и пожгоша села ихъ, а Мордвы избиша много" [2]). Подъ 1239 г. мы уже читаемъ въ лѣтописи: „взяша Татарове землю Мордовскую и Муромъ пожгоша и по Клязьмѣ воеваша" [3]).

Скудныя извѣстія нашихъ лѣтописей о дотатарскомъ періодѣ въ исторіи Мордвы даютъ нѣкоторое представленіе о культурѣ, которой обладало племя, и его отношеніяхъ къ русскому народу. Сѣверная Мордва—пограничная съ Муромомъ

[1]) Лѣт. по Лавр. сп. 428—429.

[2]) Ibid. 437.

[3]) Ibid. 446.

и Нижнимъ — выступаетъ предъ нами народомъ вполнѣ осѣдлымъ и земледѣльческимъ. У нея были села, окруженныя хлѣбными полями и выгонами для скота, и еще какія-то зимницы. На случай опасности отъ внѣшнихъ враговъ, какими кромѣ Русскихъ являлись Булгары на В. и Половцы на Ю., Мордва имѣла города, а въ лѣсахъ тверди, въ которыя укрывалось населеніе, оставляя свои дома. О размѣрахъ и значеніи городковъ можно судить по аналогіи съ тѣмъ, что намъ извѣстно относительно древней Перми и Югры [1]). Въ политическомъ отношеніи мордовская земля дѣлилась на области—мы видимъ на С. З. въ предѣлахъ Эрзи напр. область Пургасову. Отношенія этой области къ сосѣдней Руси въ XII в. представляются враждебными, но вражда раздѣляла, кажется, только правителей обоихъ народовъ: на земляхъ Пургаса жили мирно рядомъ съ Мордвой и русскіе колонисты — вѣроятно переселенцы изъ Муромскаго княжества—„Пургасова Русь". На Ю. въ области Мокши русское вліяніе чувствовалось уже глубже. Князьямъ Рязанскимъ удалось захватить въ свои руки все нижнее теченіе Мокши и поставить своего тысяцкаго въ Кадомѣ, древнѣйшемъ центрѣ Мокши. Это обстоятельство имѣло мѣсто, вѣроятно, еще въ XII в., такъ какъ подъ 1209 г. мы встрѣчаемъ уже извѣстіе о томъ, что въ Кадомѣ былъ убитъ тысяцкій. Можетъ быть, здѣсь-же въ области Мокши слѣдуетъ искать и ротника великаго князя Юрія-Пуреша. Районъ, въ которомъ можно предполагать область Пуреша, опредѣляется 1) тѣмъ, что во время борьбы Юрія съ Пургасомъ, на нее сдѣлалъ нападеніе „князь Болгарскій, 2) совмѣстными дѣйствіями сына Пуреша и Половцевъ противъ Пургаса. Очевидно, она находилась на Ю. В. отъ области Пургаса.

Первые результаты татарскаго нашествія для Мордвы были тѣже, что и для другихъ народностей Россіи. Въ своемъ

[1]) См. наши «Пермяки», стр. 131—132. Остатками мордовскихъ городковъ могутъ считаться тѣ изъ городищъ, которыя въ актахъ носятъ названіе «мордовскихъ».

движеніи на западъ Татары увлекли за собою, подобно Половцамъ, и часть Мордвы - Мокши. Объ этомъ положительно говоритъ Рубруквисъ. Мокша ослабѣла и представляла собою почву для дальнѣйшихъ насилій со стороны Татаръ. Въ 1288 г. сынъ Темира Еластей опустошилъ мордовскую землю. Съ конца XIII столѣтія Татары не довольствуются уже грабежами и осѣдаютъ на мордовскихъ земляхъ. Въ 1298 г. выходитъ изъ большой Орды Ширинскій князь Бахметъ и захватываетъ въ свои руки земли по Цнѣ и Нижней Мокшѣ. Верхнимъ теченіемъ Мокши (отъ Наровчата) въ половинѣ XIV в. овладѣлъ Мурза Тогай, выселившійся изъ окрестностей Астрахани изъ Бездежа. Никоновская лѣтопись говоритъ подъ 1365 г. о нападеніи этого Тагая на Переяславль Рязанскій и попути прибавляетъ: „Тагай князь Ордынскій, иже по разрушеніи ордынскомъ пріиде въ Норучай и тамо самъ о себѣ княжаше въ Наручацкой странѣ“ [1]). По среднему теченію Мокши отъ Кадома до Наровчата утвердились другіе татарскіе выходцы. Въ десяти верстахъ отъ нынѣшняго Темникова, внизъ по Мокшѣ, на мѣстѣ селенія „Городища“ стоялъ до 1535 г. старый Темниковъ, находившійся во владѣніи Астраханскихъ выходцевъ — Мурзъ Еникеевыхъ и Тенишевыхъ. Въ 15 верстахъ отъ г. Краснослободска на мѣстѣ нынѣшняго селенія Ефаева было становище татарскихъ мурзъ Тениша и Ефая. Тутъ, повидимому, былъ городокъ; до сихъ поръ существуетъ въ четырехъ верстахъ отъ Ефаева близь села Рыбкина урочище, которое называется по мордовски „Ошпырь“ т. е. городской лѣсъ [2]).

Акты, опубликованные въ послѣднее время Тамбовской Архивной Коммиссіей, заключаютъ въ себѣ цѣнныя дополненія къ исторіи татарской колонизаціи въ мордовской землѣ. Изъ нихъ мы узнаемъ прежде всего о существованіи новыхъ городищъ, тѣсно связанныхъ съ татарскими владѣніями. Въ

---

[1]) Карамз. Ист. Г. Р. V, 181. Соловьевъ. Ист. Россіи. III, 338.

[2]) Пенз. Губ. Вѣд. 1890. № 272.

дачахъ Вышенской пустыни близь р. Выши на Башкирской горѣ находилось городище, которое въ XVII в. носило названіе стараго. Городище это приходилось по близости владѣній „шацкаго новокрещена Василья князя Кудашева“ [1]). На мѣстѣ нынѣшняго Тамбова находилось Урлапово городище [2]). Можетъ быть, тоже происхожденіе имѣютъ село Доброе Городище [3]) въ Спасскомъ уѣздѣ (въ XVII в. — Козловскомъ) по рѣчкѣ Парцѣ между двухъ Липляевъ близь самаго Спасска, деревня Городище между рѣчками Погановкой и Духовкой въ Верхоценской волости Тамбовскаго уѣзда [4]), городище Грязновское въ Тамбовскомъ уѣздѣ въ Кершенскомъ десяткѣ [5]), Сосновское городище здѣсь же въ Верхоценскомъ станѣ [6]). Считать хотя часть ихъ татарскими мы можемъ въ виду того, что во всѣхъ извѣстныхъ пунктахъ Татарщины — въ Темниковѣ, въ Наровчатѣ мы знаемъ городища [7]).

Значительная часть мордовской территоріи оказалась такимъ образомъ въ рукахъ татарскихъ князьковъ—мурзъ. Акты, относящіеся къ XVI и XVII в.в., позволяютъ намъ уяснить картину, которую представлялъ край въ концѣ татарскаго владычества; сложившійся въ эту пору строй отношеній удержался и подъ русской властью. Участки отдѣльныхъ мурзъ назывались, кажется, *белякам и*. Въ Кадомскомъ уѣздѣ мы знаемъ беляки Еректинскій и *Кучуковъ*, въ Шацкомъ уѣздѣ белякъ Новосельскій на р. Цнѣ [8]), въ районѣ села Томникова белякъ Томниковскій [9]). Въ нынѣшнемъ Краснослободскомъ уѣздѣ въ округѣ упраздненнаго Пурдышскаго монастыря упоминается белякъ *Мурзогиль-*

---

1) Изв. Тамб. А. Ком. XIV, 24.
2) Ibid. 9.
3) Ibid. XV, 13.
4) Ibid. XXI, 16.
5) Наровчатское городище упоминается въ «Мат. для ист. статистики и археологіи города Темникова и его уѣзда». Тамб. 1890. Стр. 31.
6) Мамонт. Пустынь. Тамб. 1887. Стр. 23.
7) Ibid. 38.
8) Журн. Тамб. Арх. Ком. № 46, стр. 33.
9) Прил. къ Журн. Тамб. Арх. Ком. отъ 2 окт. 1886. Стр. 52.

дѣевъ [1]). Наиболѣе существенныя данныя относительно беляковъ представляютъ упомянутыя уже выше копіи съ актовъ Алатырской приказной избы. На пространствѣ, заключенномъ между рѣкою Сурой и пограничными линіями: а) между первымъ и вторымъ станомъ Алатырскаго уѣзда и б) между Ардатовскимъ и Алаторскимъ уѣздами, въ этихъ актахъ упоминается пять беляковъ: Дебердеевскій, Кержатскій, Кельдюшевскій, Кашмурскій, Тургаковскій. Затѣмъ по теченію р. Алатыря въ Ардатовскомъ Лунгенскій, въ Лукоян. у. при устьѣ Инзары Порасевскій (д. Баево), Сулеменскій (д. Пермѣево). Въ составъ однихъ беляковъ входило по нѣскольку деревень: въ Кильдюшевскомъ белякѣ напр. числилось до нынѣ существующія здѣсь деревни Сайнино (Списокъ нас. м. № 283), Морга (№ 280), Налитова (№ 275), Кирзять (№ 273), въ Лунгинскомъ—Пичеевка (№ 464?), Тарасова (№ 488?); относительно другихъ упоминается только по одной деревнѣ. Судя по тому, что почти въ каждой изъ названныхъ деревень упоминаются станичные мордовскіе мурзы (по именамъ и по оффиціальному наименованію ихъ Мордвой—мордовскаго происхожденія), можно предполагать, что въ XVII в. беляки утратили уже свое старое значеніе и упоминались въ значеніи мелкихъ территоріальныхъ участковъ. Во второй половинѣ XVII в. этотъ терминъ выходитъ, кажется, совсѣмъ изъ употребленія.—Ясакъ съ населенія, жившаго на участкѣ, составлялъ достояніе мурзы. Въ дѣлахъ Шацкаго архива хранится грамата, предоставляющая мурзамъ Тенишевымъ ясакъ съ Сыхретинской Мордвы Кучукова беляка [2]). Болѣе обстоятельное перечисленіе доходныхъ статей, извлекавшихся татарскими мурзами изъ своихъ владѣній, представляетъ грамата Лжедимитрія вдовѣ князя Темниковскаго Кулунчака Еникеева: „да мы же пожаловали княжь Колунчаковыхъ и ея Салтаниныхъ дѣтей Калмамая мурзу да Уразъ мурзу отца-же

[1]) Изв. Тамб. Арх. Ком. Вып. XVI; прил. 16.

[2]) Ibid. Вып. XXVIII, 132.

ихъ выслугой, помѣстьемъ и тамгой [1]) и съ посаду поземными и полавочными деньгами и разбойныхъ дѣлъ пошлинными и мордовскимъ ясакомъ, отца ихъ жеребьемъ, одиннадцатью рублевъ съ четью"). Всѣ эти вещи съ XVI в. были уже вознагражденіемъ за службу русскому государю [2]).

Политическій характеръ отношеній татарскихъ мурзъ къ Мордвѣ обнаруживается въ актахъ того-же Шацкаго архива. Въ приложеніи къ описи дѣлъ этого архива находится копія съ граматы, данной въ 1608 г. темниковскому мурзѣ Ишею Барашеву о пожалованіи его, по челобитью Крымскаго царя, княженіемъ дѣда (князя Акчуры) и брата его Сатай Кулаева сына Акчурина, которые княжили въ Суконяльской Мордвѣ. Княженіе Ишея Баришева было признано и Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ 7121 г. [3]).

Аналогичные факты имѣли мѣсто въ Симбирской губерніи. Мордва деревни Дубенокъ Алатырскаго уѣзда платила царю „князь-Колунзинскій ясакъ" [4]). Мельниковъ упоминаетъ о татарскомъ князѣ, владѣвшемъ Мордвой въ окрестностяхъ Саровскаго монастыря [5]).

Захватъ мордовскихъ земель не ограничился одной областью Мокши; и въ эрзянскомъ краѣ акты и преданія говорятъ о татарскихъ князьяхъ. Въ предѣлахъ Нижегородской губерніи Мельниковъ упоминаетъ о татарскихъ княжескихъ городкахъ на берегу р. Теши въ Саканахъ, въ Арзамасѣ, на мѣстѣ села Собакина (въ XVI в. оно писалось: „на мордовскомъ городищѣ"). Арзамасъ еще въ XVI в. называется Арзамасово мордовское городище. Резиденцію мордовскихъ князьковъ Мель-

[1]) Тамгой, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ Темниковскаго уѣзда, назывался базарный сборъ: «въ селѣ жъ Дѣвичьѣ Рукавѣ торгъ а торгуютъ въ недѣлю одинъ разъ, а тамгу сбираютъ на помѣщика». «Мат. для ист., стат. и археол. Тем. у.» 34.

[2]) Изв. Тамб. Арх. Ком. XXIII, 32.

[3]) Ibid. 102.

[4]) Труды IV арх. съѣзда. т. I. статья Христофорова. 34.

[5]) Рус. Вѣст. 1867, т. XLIX, 504.

никовъ упоминаетъ затѣмъ на р. Пьянѣ близь с. Барнукова („Городище"). Татарскому князю Чамбѣ преданіе приписываетъ курганы на Пьянѣ, раскопанные Дружкинымъ.

Перемѣна, происшедшая съ водвореніемъ въ краѣ русской власти, выражается въ томъ, что ясакъ потерялъ характеръ наслѣдственности; Московскій царь передаетъ его по усмотрѣнію то тому, то другому мурзѣ: ясакъ Сыхретинской Мордвы, напр., прежде чѣмъ сдѣлаться достояніемъ Емаша и Исята Тенишевыхъ, былъ данъ „Шикчурѣ да Мѣшаю, а напередъ того былъ за Казанскимъ княземъ за Мамышемъ съ сыномъ" [1]).

Рядомъ съ ясачною мордвой въ мордовскомъ краѣ, какъ и вездѣ въ предѣлахъ татарскаго вліянія, имѣли мѣсто тарханы. Въ челобитной строителя Рождественской пустыни на Цнѣ мы читаемъ „а вотчинъ де и рыбныхъ ловель у нихъ нѣтъ, а ловятъ деи они рыбку про монастырскую нужу у Мордвы на рѣкѣ на Цнѣ... а та деи рыбная ловля была за Мордвою за Мельсикомъ за Шендановинымъ съ товарищи, да за тарханы... на оброкъ" [2]).

И. Смирновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

[1]) Изв. Тамб. Арх. Ком. XXIV, 32.
[2]) Ibid. XIII, 19.

Хроника.

МУЗЕИ ВОСТОЧНОЙ РОССІИ ВЪ 1891 Г.

МУЗЕЙ УФИМСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

Статистическій Комитетъ вмѣстѣ съ музеемъ до 1871 года помѣщался въ наемномъ домѣ. На засѣданіи 15 апрѣля 1865 года было рѣшено прибѣгнуть къ частнымъ пожертвованіямъ со стороны лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу и заинтересованныхъ имъ, то есть къ членамъ Статистическаго Комитета въ уѣздахъ, выславъ имъ книжки для записи пожертвованій, и письменно къ почетнымъ лицамъ, владѣющимъ большими вотчинами и заводами въ губерніи. Недолго пришлось ждать результатовъ этой мѣры: уже къ 1872 г. накопилось денежныхъ пожертвованій на сумму 4428 руб.; въ томъ числѣ: Ив. Ѳед. Базилевскій прислалъ 1800 руб.; Д. Е. Бенардаки 456 руб.; Бій изъ Киргизской степи Биръ—Мухамедъ и Джантуринъ прислали 1120 руб.; многіе жертвовали по 100 руб.; отъ чугунной рѣшетки, пожертвованной городомъ въ пользу Комитета, выручено 287 руб., и отъ продажи желѣза, подареннаго Катавскими заводами князей Бѣлосельскихъ - Бѣлоэерскихъ — 200 руб. Скорѣйшему осуществленію постройки зданія помогло еще слѣдующее обстоятельство: въ 1867 году бывшему здѣсь губернатору Сер. Пет. Ушакову пришла мысль воспользоваться упраздненіемъ бывшаго до того на торговой площади каменнаго одноэтажнаго зданія, занимаемаго гауптвахтой, и ходатайствовать объ уступкѣ этого зданія, а также и мѣста подъ нимъ Статистическому Комитету для учрежденія въ этомъ зданіи музея, на что и было получено согласіе.—Затѣмъ избрана была особая коммиссія для составленія проекта и выполненія постройки зданія музея, съ удѣленіемъ небольшого помѣщенія въ нижнемъ этажѣ для Статистическаго Комитета. Къ осени 1870 г. отстроенъ былъ нижній этажъ и Комитетъ со складомъ коллекцій и библіотекой перешелъ въ свое помѣщеніе. Второй этажъ, отстроенный въ 1872 году, отдавался по по 1886 годъ въ наймы въ тѣхъ видахъ, чтобы покрыть часть расхода по постройкѣ и отдѣлкѣ зданія. Отъ найма 2-го этажа въ теченіе 13 лѣтъ поступило 5800 руб. Въ 1880 году, по просьбѣ Комитета, городская дума уступила позади музейнаго зданія мѣсто для насажденія разныхъ древесныхъ по-

родъ, растущихъ въ губерніи, а Министерство Государственныхъ Имуществъ разрѣшило отпускъ саженцовъ изъ казенныхъ лѣсовъ. Такимъ образомъ, благодаря заботамъ и щедротамъ горожанъ и многихъ просвѣщенныхъ лицъ, возникло каменное двухъ-этажное зданіе, вполнѣ приспособленное для своей цѣли, съ изящною чугунною парадною лѣстницей, частью пожертвованной заводовладѣльцами г.г. Дашковыми, и мѣстомъ, отгороженнымъ кругомъ заборомъ для дендрологическаго сквера. Въ этомъ же зданіи, въ нижнемъ этажѣ, помѣщается библіотека Статистическаго Комитета, занимая просторную комнату, въ которой размѣщены книги въ 10 большихъ шкафахъ съ подробнымъ каталогомъ по отдѣламъ.

Въ 1884 году наступила новая фаза въ судьбѣ музея; а именно: чтобы закрѣпить за нимъ зданіе юридическимъ документомъ, оказалось необходимымъ признать Общество музея самостоятельнымъ учрежденіемъ, независящимъ отъ Статистическаго Комитета и имѣющимъ право владѣть собственностью. На этомъ основаніи постановлено было проектировать учрежденіе въ Уфѣ Общества Губернскаго Музея и ходатайствовать предъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи этого предложенія и объ утвержденіи проектированнаго устава. На это Центральный Статистическій Комитетъ отвѣтилъ, что означенный проектъ, въ виду предположеннаго по § 10 онаго подчиненія Общества Музея вѣдѣнію Министерства Государственныхъ Имуществъ, переданъ на усмотрѣніе и зависящее распоряженіе Министерства Государственныхъ Имуществъ, съ присовокупленіемъ, между прочимъ, что согласно предположенію Статистическаго Комитета, открытіе Общества можетъ послѣдовать ко дню празднованія въ Уфѣ 300 лѣтняго юбилея, т. е. къ 8 іюля 1886 года. Утвержденіе Устава послѣдовало со стороны Министерства Государственныхъ Имуществъ въ январѣ 1888 года.

Археологическій отдѣлъ музея не богатъ количествомъ предметовъ: онъ занимаетъ двѣ витрины въ средней залѣ, а крупныя вещи размѣщены на щитахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ передней залы, — но располагаетъ интересными предметами, добытыми изъ могилъ и кургановъ, относящихся къ эпохѣ, назыв.емой археологами «бронзовымъ вѣкомъ», когда въ краѣ по обѣимъ сторон.мъ Уральскаго хребта жилъ народъ, называемый въ народныхъ сказаніяхъ «чудскимъ». Изслѣдованіе кургановъ особенно усердно производилъ членъ Статистическаго Комитета, горный инженеръ подполковникъ Романовскій, завѣдывавшій Міасскими промыслами. Находки свои онъ въ 1865 г. пожертвовалъ музею при подробномъ описаніи вещей и мѣстъ ихъ нахожденія. Міасскій округъ на восточной сторонѣ Уральскаго хребта оказывается изобилующимъ курганами. Присланныя вещи добыты изъ 8 кургановъ, лежащихъ близъ рудниковъ на горахъ Каскиновской и Кавелинской и по рѣчкамъ Абалѣ, Атлянкѣ и другихъ. Найденныя въ могилахъ предметы состоятъ преимущественно изъ желѣзныхъ стремянъ, удилъ, колецъ, пряжекъ, мѣдныхъ наконечниковъ копій и стрѣлъ, серебрянныхъ бляхъ, серегъ, пуговицъ, браслетовъ, бывшихъ еще на костяхъ скелетовъ; разныхъ обломковъ серебрянныхъ украшеній, стеклянныхъ бусъ разныхъ формъ и цвѣтовъ, черепковъ графитовой посуды и нѣсколькихъ костяныхъ наконечниковъ для стрѣлъ. Вся

присланная Г. Романовскимъ коллекція состоитъ изъ 35 номеровъ по описи, а съ мелкими вещами заключаетъ до 60 предметовъ. Всѣ эти вещи были отправлены въ С.-Петербургскую Императорскую Археологическую Коммиссію для опредѣленія эпохи, къ которой могутъ быть отнесены эти древности, и Коммиссія въ іюнѣ 1870 года увѣдомила Комитетъ съ возвращеніемъ вещей, что онѣ принадлежатъ къ разряду такъ называемыхъ «Чудскихъ древностей», часто встрѣчаемыхъ въ сѣверо-восточной полосѣ Россіи, и могутъ быть отнесены къ XI или XII вѣку по Рожд. Хр. Изслѣдованіемъ мѣста нахожденія кургановъ и частію раскопками ихъ не мало занимался покойный членъ Статистическаго Комитета Р. Игнатьевъ. Статьи его по сему предмету помѣщались въ свое время въ изданіяхъ Уфимскаго Статистическаго Комитета и трудахъ нѣкоторыхъ археологическихъ обществъ. Мензелинскій уѣздъ, прилегающій съ сѣвера къ рѣкѣ Камѣ, также не мало содѣйствовалъ обогащенію музея находками эпохи бронзоваго вѣка: такъ, въ 1874 году, мензелинское полицейское управленіе прислало 14 бронзовыхъ орудій, вѣсомъ 7 фунтовъ 90 золотниковъ, найденныхъ близь дер. Дербедень, въ лѣсу, при расчисткѣ пашни, на глубинѣ полъ-аршина. Въ числѣ ихъ было: 5 серповъ, 6 кайловъ, орудіе похожее на долото, крышечка и лопаточка, все изъ хорошей бронзы и тщательной отдѣлки. Изъ того же уѣзда получены черепки глиняной посуды (горшечковъ случайно найденныхъ въ землѣ), съ вытисненными въ видѣ украшеній узорами, но очень грубой работы. Въ маѣ 1890 года доставлена цѣлая кольчуга, найденная въ землѣ на глубинѣ 1/4 аршина однимъ башкиромъ дер. Тулубаевой.

Различныя древности присылались въ даръ и изъ другихъ уѣздовъ; такъ, въ 1878 году, при рытьѣ камня въ дачѣ помѣщика Новикова, въ двухъ верстахъ отъ г. Уфы открыта древняя могила съ человѣческими костями, при которыхъ оказались разныя золотыя и серебрянныя украшенія въ видѣ бляхъ, пряжекъ и кусокъ массивной золотой цѣпи искусной выдѣлки, нѣсколько костяныхъ пластинокъ, выстроганныхъ въ видѣ ноженъ, съ просверлеными отверстіями для подвѣшиванія. Г. Новиковъ прислалъ въ даръ въ 6 коробкахъ до 50 отдѣльныхъ вещей, считая и обломки. Въ самомъ городѣ, около Семинарской горы, въ могильномъ склепѣ при рытіи камня найдено при костяхъ огромное янтарное ожерелье съ бусами величиной отъ яблока и до грецкаго орѣха. Одна изъ бусъ, величиной съ яблоко, пріобрѣтена и прислана въ даръ музею отъ имени бывшаго губернатора С. П. Ушакова.—Въ томъ же уѣздѣ въ древней могилѣ найденъ желѣзный свѣтильникъ о трехъ лапахъ на высокой ножкѣ. Въ дачѣ г-на Бавилевскаго, въ 10 верстахъ отъ города, найденъ бронзовый серпъ одинаковаго фасона и матеріала съ серпами, присланными изъ Мензелинска. Въ Бирскомъ уѣздѣ найдены: бронзовый наконечникъ копья, двѣ большія пуговицы бронзовыя и того же матеріала большой набалдашникъ; все это изъ кургановъ по берегу р. Бѣлой близь г. Бирска. На берегу р. Камы, въ дачѣ дер. Сакловой, найденъ желѣзный топоръ первобытной выдѣлки. — Изъ Стерлитамакскаго уѣзда доставленъ вырытый изъ кургана близь р. Стерля, при скелетѣ, похороненномъ въ сидячемъ положеніи, глиняный горшокъ грубой работы. Изъ того же

уѣзда прислана въ даръ шпага временъ Императрицы Елизаветы Петровны съ гравированною надписью на клинкѣ на одной сторонѣ: «Богу и отечеству», на другой—«Виватъ Елизаветъ Великая».

Уфимскій музей имѣетъ въ своихъ витринахъ нѣсколько предметовъ древности и изъ другихъ мѣстностей Россіи. Такъ изъ эпохи Болгарскаго царства въ предѣлахъ Казанской губерніи при раскопкахъ въ селѣ Билярскомъ найдены и пожертвованы разныя бронзовыя вещи изящной работы, до 10 отдѣльныхъ штукъ, въ числѣ коихъ бронзовый сапожокъ съ колечкомъ для привѣшиванія. Есть въ музеѣ образцы древностей, добытыхъ изъ Керченскихъ могилъ въ горѣ Митридата, бывшаго царя Босфора—Киммерійскаго: глиняный кувшинчикъ, ручка отъ амфоры съ рельефною греческою надписью, глиняное украшеніе, барельефъ отъ саркофага, представляющій женскую фигуру и молящагося генія. Вещи эти пожертвованы вмѣстѣ съ нѣсколькими монетами царства Босфора—Киммерійскаго княземъ Ал. Іов. Кугушевымъ.— Нашествіе Пугачева на Оренбургскій край и осада города Уфы въ 177³/₄ г. не могли пройти безслѣдно и не оставить вещественныхъ доказательствъ пережитой уфимцами смутной эпохи. Эти памятники (трофеи смерти), часто попадаются въ самомъ даже городѣ при рытіи колодцевъ или фундаментовъ въ чертѣ города, называемаго нынѣ Старой Уфой. Трофеи эти: нѣсколько заржавленныхъ гранатъ и ядеръ, копій и кольчугъ; изъ Саткинскаго же завода, разграбленнаго шайками Пугачева, доставлена сохранившаяся чугунная пушка длиною въ 1 аршинъ 12 вершковъ съ заклепанной затравкой и засѣвшимъ внутри ядромъ. Есть въ музеѣ образцы и болѣе древняго происхожденія: шлемъ (шишакъ), панцыри, кольчуги, бердышъ, сѣкира, копье; даже луки, колчаны и стрѣлы, употреблявшіеся въ прошлое время, а мѣстами и нынѣ, здѣшними инородцами; также Коканское фитильное ружье, взятое при штурмѣ крѣпости Акъ-Мечети, доставленное однимъ изъ участвовавшихъ въ штурмѣ.

Достойно замѣчанія, что въ предѣлахъ Оренбургскаго края еще не было заявлено о находкахъ орудій эпохи каменнаго вѣка, хотя въ Чудскихъ копяхъ по Уралу въ предѣлахъ Пермской губерніи попадались молотки и кайлы изъ яшмы и кварца, обдѣланные довольно искусно.

Кости допотопныхъ животныхъ. Палеоэтнологическая коллекція костей разныхъ допотопныхъ животныхъ составляетъ украшеніе уфимскаго музея какъ по количеству, такъ и по громадности нѣкоторыхъ экземпляровъ, принадлежавшихъ когда то представителямъ животнаго царства, населявшаго въ доисторическія времена мѣстности, занимаемые Оренбургскимъ краемъ. Экземпляры череповъ, челюстей, мамонтовыхъ клыковъ и зубьевъ, бычачьихъ и оленьихъ роговъ и разныхъ оконечностей развѣшаны по стѣнамъ парадной лѣстницы, ведущей во второй этажъ. Ихъ развѣшано до 60 отдѣльныхъ штукъ, признанныхъ экспертами за кости мамонта, носорога, быка или допотопнаго боса; рога тура, лося и сѣвернаго оленя и проч.

Нумизматическій отдѣлъ. Въ передней залѣ, въ двухъ вращающихся витринахъ: въ витринѣ № 2. Отдѣлъ иностранныхъ монетъ.

Въ этомъ отдѣлѣ заслуживаютъ особаго вниманія коллекціи монетъ восточнаго чекана. Изъ нихъ монеты Золотой орды составляютъ истинное богатство музея, хранящаго въ своихъ витринахъ до 342 серебрянныхъ монетъ и 8 мѣдныхъ, временъ владычества Темучинъ—Чингизъ Хана, періода 1292 по 1346 годъ христіанскаго лѣтосчисленія и гиджры—710 по 762 годъ. Затѣмъ коллекція Бухарскихъ монетъ въ числѣ 34-хъ штукъ, изъ нихъ 19 серебрянныхъ и 15 мѣдныхъ. Коканскія монеты въ числѣ 5 штукъ; Хивинскихъ 2 монеты — серебрянная и мѣдная; Турецкихъ 34 монеты; изъ нихъ 27 сереб. и 7 мѣд.; Грузинскихъ 4 монеты серебр.—Есть представители древнѣйшихъ эпохъ; напримѣръ 2 серебр. монеты царя Александра Македонскаго, отъ 336 до 326 года, IV вѣка по Рожд. Христ., 2 серебр. и 1 мѣд. древняго Болгарскаго царства; 4 серебр. и 3 мѣд изъ раскопокъ города Геркуланума, засыпаннаго при изверженіи горы Везувія въ 79 году по Рожд. Христ. Изъ эпохи царства Босфора—Киммерійскаго, существовавшаго за нѣсколько вѣковъ до Рожд. Хрст., есть 4 монеты съ греческою надписью «Пантикапея» и изображеніемъ головы Пана, бога - покровителя города Пантикапеи, гдѣ нынѣ г. Керчь. Эти 4 монеты пожертвованы музею въ 1890 году княземъ А. Іов. Кугушевымъ. Одна мѣдная монета царя Босфора Иниптимея 185 — 223 г. по Рожд. Хр. Изъ новѣйшихъ временъ болѣе значительны: 1 мѣдная монета Пенсильванской республики въ Америкѣ, чекана 1716 года, до образованія союза Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и 6 монетъ чекана Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Китайскихъ 7 мѣдныхъ монетъ; Японскихъ 2 сереб. и 4 мѣд. Кромѣ того въ коллекціи есть еще нѣсколько десятковъ иностранныхъ монетъ, которыя не могли еще въ точности быть опредѣлены. Въ уфимской коллекціи древнѣйшими монетами оказываются 4 серебрянныя монеты эпохи княженія Ивана Калиты».

(Уфим. Губ. Вѣд. 1892, № 3—5).

ЭКСПЕДИЦІИ, РАСКОПКИ И СЛУЧАЙНЫЯ НАХОДКИ, ИМѢВШІЯ МѢСТО ВЪ ВОСТОЧНОЙ РОССІИ ВЪ 1892 г.

Николаевскій уѣздъ (курганы и легенды о нихъ). Въ половинѣ февраля мѣсяца здѣсь, пишетъ корр. «Сам. Газ.», начались общественныя работы по заготовкѣ камня для исправленія уже существующихъ въ уѣздѣ степныхъ плотинъ и сооруженія новыхъ. Въ настоящее время предпринята заготовка камня близъ хутора Мѣловаго, пограничнаго съ казачьими владѣніями. Кромѣ геологическихъ особенностей эта мѣстность имѣетъ характерныя историческія особенности. На многихъ возвышенностяхъ существуютъ памятники весьма отдаленныхъ въ глубину исторіи временъ. Состоятъ они изъ груды камней, всѣ одинаковой круглой формы и имѣютъ отъ 20 до 50 саженъ въ окружности; надъ поверхностью земли эти каменные памятники имѣютъ до 4 аршинъ высоты. Въ каждомъ изъ нихъ есть центръ, выложенный изъ громадныхъ плитъ, далеко углубляющихся внутрь земли. Въ настоящее время одинъ изъ такихъ памятниковъ разобранъ рабочими по

заготовкѣ камня до основанія и часть камня свезена за 40 верстъ на кочетковскую плотину. Но обнажена лишь поверхность земли; между тѣмъ громадныя плиты, изъ которыхъ состоитъ центръ, уступами, какъ бы составляя лѣстницу, опускаются внутрь земли и покрыты крѣпко промерзшей сѣрой глиной, почему и не поддаются усиліямъ рабочихъ, которые, ожидая найти подъ ними кладъ, съ особеннымъ усердіемъ извлекаютъ одну плиту за другой. Мѣстное объясненіе существованія этихъ памятниковъ, разумѣется, останавливается прежде всего на сокрытыхъ когда-то Разинымъ и Пугачевымъ въ этихъ мѣстахъ всевозможныхъ сокровищахъ. Одинъ изъ рабочихъ на разбираемомъ памятникѣ разсказалъ своимъ товарищамъ даже списокъ сокровищъ, до которыхъ они съ незапамятныхъ временъ мечтали, а сейчасъ больше чѣмъ когда-либо въ другое время мечтаютъ, добраться подъ трудно поддающимися усиліямъ плитами. По этой описи сокровищъ подъ разобраннымъ памятникомъ должна быть прежде всего золотая пушка, а къ ней привязанъ золотой конь съ глазами изъ драгоцѣнныхъ камней, а затѣмъ уже и груды золота. Другой варіантъ этой описи сокровищъ отзывается нѣсколько мистичностью. На извѣстной глубинѣ къ востоку должна оказаться крѣпкая стѣна, отгораживающая подземную комнату; въ ней долженъ быть скелетъ старика, за второй стѣной должна быть «красная дѣвица»; за третьей стѣной долженъ быть крестъ и евангеліе и наконецъ за четвертой — золото, груда золота. Историческое объясненіе происхожденія этихъ памятниковъ, разумѣется, не отличается такой богатой фантазіей, какъ мѣстное народное преданіе. Нѣкоторые говорятъ, что это могилы татарскихъ или киргизскихъ князей, знаменитыхъ воиновъ и проч., другіе объясняютъ, что у древней казанской орды былъ въ этомъ мѣстѣ родъ каторжныхъ работъ и наказанные этими работами «на урокъ» сооружали подобные памятники. (Кав. Вѣсти. 1 апр. 1892 г.)

ТЕКУЩАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Международный конгрессъ доисторической археологіи и антропологіи въ Москвѣ 1—8 августа 1892 г.— Московское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи дѣятельно готовится къ предстоящему въ Москвѣ по его иниціативѣ международному конгрессу по доисторической археологіи и антропологіи. Изъ помѣщенной въ настоящей книжкѣ статьи о доисторической археологіи во Франціи читатели «Извѣстій» могли уже усмотрѣть, что конгрессъ этотъ не новое и не случайное явленіе. Международные съѣзды палеоэтнологовъ и антропологовъ начались безъ малаго тридцать лѣтъ тому назадъ: начиная съ 1865 г. они обошли Францію, Италію, Португалію, Швейцарію, Австро-Венгрію, Англію, Данію, Швецію. Нѣкоторые города, какъ Парижъ, Стокгольмъ и Копенгагенъ видѣли ихъ по 2 и по 3 раза. Теперь пришла очередь для Россіи, на которую все съ большимъ и бóльшимъ любопытствомъ устремляются взоры европейскихъ антропологовъ и археологовъ. Въ силу тѣсныхъ отношеній, въ которыхъ съ антропологической выставки 1879 г. Московское Общество Естествознанія стоитъ къ французскимъ антропологамъ, въ силу значе-

нія, которое имѣетъ Москва въ дѣлѣ развитія антропологическихъ, этнографическихъ и археологическихъ изученій въ Россіи, наконецъ въ силу интереса, который Москва представляетъ для иностранцевъ, имѣющихъ впервые посѣтить Россію, выборъ мѣстъ для перваго въ Россіи международнаго археологическаго конгресса палъ на Москву и Москва дѣятельно принялась за осуществленіе выпавшей на нее нелегкой задачи. Для предварительныхъ работъ образовался комитетъ, во главѣ котораго стоитъ Его Импер. Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ, а членами являются всѣ наиболѣе видные московскіе представители антропологіи и археологіи, затѣмъ десятки близкихъ къ дѣлу лицъ во всѣхъ углахъ Россіи. Съ просьбой принять участіе въ его предварительныхъ работахъ, высказаться относительно выставки и вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, Комитетъ обратился къ важнѣйшимъ представителямъ европейской науки и встрѣтилъ со всѣхъ сторонъ полное сочувствіе. На конгрессъ выразили готовность пріѣхать изъ Австро-Венгріи Ф. Гегеръ — ближайшій сотрудникъ извѣстнаго Гохштеттера, проф. Вольдрихъ, проф. Брудина (Загребъ), д-ръ Нидерле (Прага), проф. Вейдовскій (Прага), д-ръ Тёрёкъ (Будапештъ), изъ Англіи д-ръ Э. Мёнро (Эдинбургъ), изъ Бельгіи Камгеръ, президентъ Бельгійскаго Общества Палеоэтнологіи, проф. антропологіи Хузѐ (Брюссель), изъ Германіи д-ръ Гремплеръ (Бреславль), проф. Беценбергеръ и Штида (Кенигсбергъ), д-ръ А. Фоссъ, директоръ доисторическаго отдѣла Берлинскаго Этнографическаго Музея, и представители Берлинскаго Этнографическаго и Антропологическаго Общества съ Р. Вирховомъ во главѣ, изъ Испаніи проф. Донъ-Жуанъ-Виланова (Мадридъ), изъ Италіи проф. Капеллини (Болонья), д-ръ Соммье (Флоренція), проф. Монтегацца (Флоренція), проф. Белуччи (Перуджія), проф. Николуччи (Неаполь), проф. Борсари (Неаполь), проф. Г. Гильоли (Флоренція), изъ Франціи г.г. д'Аси, де-Бай, Гами проф. Говелякъ (Парижъ), проф. Г. де-Мортилье (Парижъ), проф. Манувріе (Парижъ), д-ръ Топинаръ (Парижъ), принцъ Роландъ Бонапартъ, маркизъ Надальякъ, проф. Казали де-Фондусъ (Монпелье), проф. Эмиль Шантръ (Ліонъ), Г. Шове (Шаранта), изъ Швеціи извѣстный Монтеліусъ и Государственный Антикварій Гансъ Гильдебрандтъ.

Уже изъ этого перечня будущихъ иностранныхъ членовъ конгресса можно видѣть, что въ немъ примутъ участіе самые крупные дѣятели современной палеоэтнологіи. Нѣтъ сомнѣнія, что число предполагаемыхъ участниковъ конгресса до 1 августа значительно увеличится. Судя по заявленіямъ и вопросамъ, съ которыми перечисленные ученые обратились къ комитету, слѣдуетъ ожидать, что на предстоящемъ конгрессѣ будутъ затронуты всѣ стоящіе на очереди важнѣйшіе вопросы современной палеоэтнологіи и по большей части въ тѣхъ видахъ, чтобы воспользоваться русскими матеріалами. Извѣстный шведскій археологъ Гансъ Гильдебрандтъ ставитъ вопросъ о предполагаемомъ перерывѣ между палеолитическимъ и неолитическимъ періодами европейскаго каменнаго вѣка и выражаетъ надежду возстановить благодаря восточно-европейскимъ даннымъ отвергнутый на предыдущемъ конгрессѣ переходный періодъ, когда кремень употреблялся одновременно съ шлифованными орудіями. Французскій археологъ Густавъ Шове желаетъ воспользоваться рус-

скими данными для того, чтобы выяснить вопросъ о томъ, до какой степени періоды, установленные для палеолитической эпохи во Франціи, могутъ служить общими хотя бы для Европы и Азіи, существуютъ-ли общія подраздѣленія періодовъ, приложимые къ обѣимъ частямъ свѣта, другими словами въ какой степени одинаково развивалось человѣчество въ теченіе каменнаго вѣка. Сравненіе палеолитическаго періода въ Россіи съ таковымъ-же во Франціи ставитъ въ число задачъ конгресса и извѣстный Мортилье. Переходя къ періодамъ, слѣдующимъ за палеолитическимъ, мы встрѣчаемъ поставленные тѣмъ-же Мортилье вопросы о происхожденіи нефритовыхъ орудій, о мѣстѣ, гдѣ началось въ Азіи употребленіе мѣди, и попутно — объ относительной древности сибирскихъ мѣдныхъ орудій, о путяхъ распространенія олова. Вопросы эти обѣщаютъ занять первое мѣсто на засѣданіяхъ конгресса: кромѣ Мортилье о мѣдномъ періодѣ предполагаютъ реферировать испанецъ Виланова и итальянецъ Гильоли (распредѣленіе орудій, сдѣланныхъ изъ мѣди, у народовъ доисторическихъ и первобытныхъ). Гильоли, кромѣ того, выразилъ желаніе, чтобы на конгрессѣ сдѣлано было сообщеніе о каменномъ вѣкѣ въ Сибири. Проф. Штида считаетъ необходимымъ затронуть на конгрессѣ вопросы о курганахъ и каменныхъ бабахъ. Кромѣ перечисленныхъ вопросовъ будущіе члены конгресса намѣчаютъ рядъ другихъ, но они не имѣютъ отношенія къ Восточной Россіи и потому мы ихъ обходимъ.

Предположенная при конгрессѣ археологическая выставка также вызвала рядъ пожеланій и запросовъ со стороны иностранныхъ ученыхъ. Штида выражаетъ желаніе, чтобы на выставкѣ были собраны 1) всѣ модели, снимки и другіе предметы, относящіеся до кургановъ, 2) всѣ рисунки и сочиненія о курганахъ, 3) каменныя бабы въ оригиналахъ и слѣпкахъ съ спискомъ изслѣдованій о нихъ. А. Фоссъ считаетъ желательнымъ, чтобы на выставку были доставлены черепа, сгруппированные по большимъ доисторическимъ эпохамъ и территоріямъ съ найденными при нихъ вещами и обстановкой погребенія — въ особенности курганные.

Мы познакомились съ проэктами, надеждами и пожеланіями будущихъ ученыхъ гостей Москвы и Россіи. Что-же готовятъ для нихъ хозяева, русскіе и въ частности московскіе ученые? Въ Москвѣ отыскалась компанія господъ, о профессіи которыхъ къ чести русской науки лучше было бы не говорить: господа эти съ усердіемъ достойнымъ лучшей цѣли стремятся подорвать кредитъ конгресса въ Россіи и заграницей. Русскую публику они чрезъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», ставшіе по странной случайности орудіемъ этого своеобразно-патріотическаго предпріятія, увѣряютъ, что съ конгрессами мы только осрамимся: изслѣдованій у насъ нѣтъ, въ музеяхъ показывать нечего. Для иностранцевъ исполняется другой N: «лучшіе (!?)» русскіе ученые не сочувствуютъ конгрессамъ и не вѣрятъ въ ихъ успѣхъ; ѣхать въ Москву иностранцамъ, въ особенности нѣмецкимъ ученымъ опасно въ виду русской вражды къ нѣмцамъ и непріятностей, ожидающихъ этихъ послѣднихъ отъ демонстративныхъ симпатій къ французамъ. Былъ моментъ, когда эта позорная махинація пріобрѣла въ Германіи нѣкоторый кредитъ, но моментъ этотъ уже прошелъ и московскимъ «друзьямъ русской науки» придется съ огорченіемъ видѣть

нѣмецкихъ ученыхъ на засѣданіяхъ конгресса. Нельзя ожидать, конечно, что Москва дастъ ученымъ гостямъ то, что предлагали Парижъ, Копенгагенъ и Стокгольмъ, но вѣдь на то они и главные центры европейской палеоэтнологіи: успѣхомъ будетъ и то, если она не окажется ниже Будапешта, Лиссабона, а на это можно смѣло разсчитывать. Комитету заявленъ рядъ рефератовъ, которые обнимаютъ всѣ области русской археологіи. Въ рефератахъ Никитина, Докучаева и Анучина будутъ обрисованы геологическія условія, при которыхъ появился въ Россіи человѣкъ и породы (расы) домашнихъ животныхъ, окружавшихъ первобытнаго человѣка. Каменному вѣку въ Россіи будутъ посвящены сообщенія гр. Уваровой, г. Передольскаго, бронзовому и желѣзному — гр. Уваровой (Кавказъ), г. Нефедова, Антоновича, курганамъ и каменнымъ бабамъ сообщенія Бранденбурга, Сизова, Богданова, Спицына, Общему вопросу о значеніи погребальнаго типа, какъ признака племени — рефераты В. Б. Антоновича и Бранденбурга.

Нѣтъ сомнѣнія, что ко времени открытія конгресса число рефератовъ увеличится. Изслѣдователи Восточной Россіи могли бы безъ особеннаго труда удовлетворить по нѣкоторымъ вопросамъ любознательность иностранныхъ гостей Москвы: таковы напр. вопросы Гильоли о каменномъ вѣкѣ въ Восточной Сибири (достаточно свести данныя, опубликованныя въ «Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества»), объ употребленіи мѣдныхъ орудій (анализы и карта мѣстонахожденій этихъ орудій), вопросъ Мортилье объ относительной древности мѣдныхъ Сибирскихъ орудій. Важнѣе рефератовъ, можетъ быть, для иностранцевъ будетъ археологическая выставка при конгрессѣ — и сдѣлать ее возможно полной является теперь главной задачей всѣхъ, кому д ѣ й с т в и т е л ь н о дорога честь русской науки. Поволжье могло-бы прежде всего дать прекрасный матеріалъ для антропологическаго отдѣла выставки: у фотографовъ Казани, Оренбурга, Астрахани можно найти богатый запасъ т и п о в ъ мѣстныхъ инородцевъ—Башкиръ, Калмыковъ, Татаръ, Чувашъ и т. д.; изъ музеевъ Казани, Саратова, Уфы, Астрахани, можно было доставить если не вещи, то по крайней мѣрѣ фотографическіе снимки (разумѣется т и п и ч е с к і е предметы того или другого музея). Еще болѣе богатый и интересный матеріалъ могли-бы доставить музеи Сибири. Можно и должно надѣяться, что Поволжье и Сибирь не останутся безучастными къ дѣлу, которое предпринято Москвой. Этого требуютъ ихъ собственные интересы: конгрессъ опредѣлитъ научную цѣнность однихъ вещей, создастъ спросъ на другія и можетъ послужить эрой, съ которой для нихъ установятся правильныя научныя сношенія съ Европой.

И. Смирновъ.

Матеріалы.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

1.

Стихъ вельми полезный.

Страшна есть смерть грѣшнику,
Праведника ненавидящу;
О люте смерть скоро душу вынимаетъ,
На судъ къ Богу посылаетъ.
И како мнѣ на одрѣ спати,
О себѣ Богу отвѣтъ дати?
И чѣмъ мнѣ оправдаться,
Егда Господь во гнѣвѣ явится?
Горе мнѣ скверному:
Работахъ богу невѣрному!
Горе мнѣ мытарю:
Самовольно зло творю!
Многогрѣшная душа,
Почто ты ко діаволу пошла?
Не видиши ли предъ собою,
Что діаволъ роетъ подъ тобою?
О душе, на что ты обнадѣялася?
Не вѣдаеши того,
На огнѣ быть каково:
Едва начнеши горѣть,
Непрестанно имаши ревѣть.
О душе! не боишися ты геенны,—
Упадешь сатанѣ въ колѣни;
Убойся чтиться здѣсь,—
Тебя діаволъ зубомъ съѣстъ.
О душе! како я вниду въ царство,
Егда поведутъ душу мою чрезъ мытарство!
Увы, увы, великая бѣда:

Приходитъ ко мнѣ чреда!
Не вѣмъ, будетъ когда,
Отсюда возьмутъ куда?
Боюся страшнаго суда,
И гдѣ явлюся тогда?
Яко плоть моя немощна,
А душа моя вельми грѣшна.
Ты же, смерть, безобразна и страшна,
Внезапу ко мнѣ пришла,
Образомъ своимъ страшишь
И скоро ко мнѣ спѣшишь.
Сокровенная бо твоя коса и труба,
Много въ семъ вѣцѣ тебѣ труда:
Понеже ты ходиши сама нага и боса,
А на плечѣ лежитъ коса;
Лютая смерть суха и худа,
А бѣжать отъ нея некуда;
Пребываетъ она во всякомъ дому,
А поймать ее некому;
Сама собою мала—
Всю вселенную обняла;
Не боится она стужи
И языкъ ея наружи;
Острая твоя оскорда
Не щадитъ плоти оскорблой.
Тогда мнѣ, душе, будетъ худо,
Какъ смерть подрѣжетъ и растлитъ моя уды;
Аще я въ камени случусь,
И тутъ съ тѣломъ разлучусь;
Ни съ кѣмъ смерть не говоритъ,
А повелѣнная отъ Бога вся творитъ;
Ни дверью отъ нея затвориться,
Нечѣмъ отъ нея оборониться;
Входитъ она въ царскія палаты и хоромы,
Нѣсть отъ нея забороны,
Не щадитъ царскія короны;
Течетъ скоро къ порогу,
Не заставитъ ей никто дорогу;
О, ясныя ея очи,
Не имутъ себѣ темныя ночи;
Аще шествую я въ путь,
Обрящетъ мя и тутъ;
И аще по морю плыву,
И тутъ съ нею бою не творю.
Горе мнѣ, грѣшному піяницѣ!

Надъ піяницами діаволъ похваляется;
Піяница проснулся,—
Бѣсъ къ нему подвернулся;
Самъ хлопочетъ,
Не еще ли де онъ вина хочетъ;
Пора тебѣ прохмеляться,
Къ сатанѣ, нашему дѣдушкѣ, убраться;
А старикъ нашъ говоритъ:
Хощешь горечью адскою напоить.

2.

Кантъ.

Божіе нынѣ Рождество
Соединяетъ естество,
Ангели славу возглашаютъ,
На земли миръ возвѣщаютъ:
Се бо дѣва раждаетъ,
И утроба не истлѣваетъ,
Непорочна пребываетъ.
Пастыри пѣсни слышаху,
До Виѳлеема течаху,
Въ яслѣхъ Христа обрѣтоша,
Къ рожденному припадоша.
Мати при немъ сѣдяше,
Іосифъ все удовляше(?);
Волъ и оселъ тамо сташа,
Творца своего познаша.
Съ востока придоша тріе цари,
Принесоша тріе дары:
Ливанъ, кадило и злато,—
Безсмертіемъ взяли за то.
Съ востока звѣзда пріиде,
Гдѣ родися Мессія,
Надъ вертепомъ прямо стала,
Тамъ Христа всѣмъ показала.—
И мы ко Христу сближимся,
Грѣховъ блюстися потщимся,
Да будемъ съ Нимъ соединени,
Во царство Его водворени!

3.

Стихъ молебный Богородицѣ.

1 Мати милосерда!
Ты еси ограда:
Отъ лютаго, злаго врага хранишы мя всегда!

2 Онъ, лютый, рыкаетъ,
Бѣдна мя хищаетъ;
Твоя помощь скоро, скоро отъ того избавляетъ.

3 На всякій часъ зову,
Въ немощи вопію,
Воплемъ крѣпкимъ тебе, тебе, чистая дѣво, молю.

4 Не вѣмъ азъ кончину,
Дня того годину,
Къ тебѣ, къ тебѣ, всѣхъ царице, очи мои вину.

5 Прошу тя, прещедру,
Матерь милосерду,
Гласъ мой услыши, плачъ мой внуши, молю.

6 Руцѣ да воздѣну
Къ твоему сыну,
Мати, мати преблагая, ходатайствуй къ Нему.

7 Тебе, дѣво, молю,
Воплемъ крѣпкимъ зову,
Душу, сердце, въ воздыханіи преклоняю главу.

8 Тебе поютъ хоры,
Ангельски соборы,
Херувимы, серафимы, господства со престолы;

9 Тебе властей лики
Горнѣйшихъ силъ полки
И начала со ангелы хвалятъ тя во вѣки.

10 О, коль есть сильна
Пѣснь ихъ умильна,
Царице-владычице, слава ихъ премирна.

11 О царице вѣчна!
О слава превѣчна!
Тебе хвалятъ, тебе славятъ, хвальна буди вѣчно!

12 Вси небесніи дуси,
Превышнихъ силъ крузи,
Гласно поютъ, сладко зовутъ, поклонъ вѣчный даютъ.

13 И отъ земныхъ буди тебѣ
Поклонъ въ небѣ;
Въ скорбѣхъ, бѣдахъ и напастѣхъ утекаютъ къ тебѣ.

14 Моли о насъ слова,
Мати бо Христова,
О царица-владычица, въ помощь намъ готова!

15 Въ горнемъ царствѣ живешь,
Вѣчные дары даешь,
Бѣдныхъ, скорбныхъ, обидимыхъ въ утѣху ведешь.

16 Азъ, скорбный, молю,
Главу къ тебѣ клоню,
Всегда, всегда, госпоже всѣхъ, благость твою хвалю.

17 Въ слезномъ часѣ моемъ
Покрый кровомъ твоимъ,
Щитъ, помощь и ограда вѣрнымъ рабомъ твоимъ,

18 Егда моя кончина
Будетъ ми причинна, —
Еще лѣта и годины проси ми у сына!

19 Приклони ми уши,
Болѣзнь мою внуши,
Скорбный, слезный гласъ и плачевный скоро ми услыши!

20 Гдѣ ся азъ подѣну?
Кто поможетъ бѣдну?
Зѣльно, зѣльно сердцемъ болю отъ грѣховъ ми, вредну!

21 Нѣсть вѣчнаго въ свѣтѣ,
Аки въ сильномъ цвѣтѣ!
Лишенъ града и ограда, охъ, прелестный свѣте!

22 Подобно есть горю,
Бурнѣйшему морю,
Корабльноситъ и приноситъ волнами по нему.

23 Не глубина того,
Ни песокъ сего, —
Мои мя грѣси многи въ бездну влекутъ всего.

24 Горько въ семъ свѣтѣ,
Пристанища нѣсть здѣ,
Волны злобны житейскія погружаютъ вездѣ.

25 Зѣло врагъ прельщаетъ,
Злобно онъ хищаетъ;
Не даждь, не даждь мене тому, да мя прельщаетъ.

26 Злобы лукъ напряже,
Яда стрѣлу разжже,
Въ мое сердце и утробу жало грѣха вонзе.

27 Отъ челюсти того,
Изъ гортани его
Искупи мя и спаси мя, ей, раба твоего!

28 Моли о мнѣ сына,
О мати предивна,
Украшенна вѣчно въ солнце(?) и во святыхъ дивна!

29 О троическа слава,
Небесныхъ силъ глава!
Мати, мати, намъ царица и вѣчная хвала!

30 Вѣчный поклонъ тебѣ
Отъ всѣхъ святыхъ въ небѣ,
Авъ, скорбный и непотребный, въ помощь прошу тебе!

31 Призри своимъ окомъ,
Въ небеси широкомъ
Вѣчно живешь и царствуешь во вѣки вѣкомъ!

ЗАГОВОРЫ.

1.

По край моря стоитъ столпъ каменный, на томъ столпѣ святой великій Исай; и возмутися море и сташа на морѣ волны, и изыдоша двѣнадцать женъ простоволосыхъ, и вопроси ихъ святой великій Исай: что есте вы за жены?—«Мы жены трясавицы, вышли мучить родъ человѣческій: кто заутреню просыпаетъ, въ середу и въ пятокъ блудъ творитъ и во дни богородицыны нечистъ ходитъ, и того человѣка мы имамъ мучити довольно». — Святой великій Исай помолися Господу Богу, и посла Господь Богъ четырехъ евангелистовъ—Луку, Марка, Матвѣя и Іоанна Богослова, и они начали бить тѣхъ женъ дубцами желѣзными, и даша имъ по три тысячи разовъ и по три тысячи ударовъ. Онѣ же окаянницы возопиша: «Уже вы насъ не бейте, намъ милость свою покажите! въ коемъ градѣ или въ коемъ родѣ имена ваша прославляютъ, и того града и того рода мы за семь поприщъ и за три дня будемъ бѣгать». — И вопросиша ихъ святой великій Исай и четыре евангелиста: Что суть имена ваши? — «Имена наши суть: обыдея, блудея, ломота, харкота, хрипота, пухота, желтуха, глухота, сухота, трясея, невея, грѣета, и всѣмъ сестрамъ старѣйшая, что повелѣла отсѣщи главу Іоанну предотечѣ».— Господи Іисусе Христе, сыне божій! помилуй меня раба своего (или рабу свою) имя рекъ! слава отцу, и сыну, и святому духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь (трижды).

2.

Двери дверьми, ворота воротами; стану я подъ избой подъ нижнимъ бревномъ. Стоятъ тутъ тридцать три бѣса, изъ нихъ есть хамеонъ(?). И возговорилъ онъ: Куда вы, братцы, задумали?—Мы задумали и загадали въ чистое поле огни запущать, рабу имя рекъ разжигать, чтобъ она обо мнѣ тосковала и геревала и съ трепетомъ ее кверху поднимало; былъ бы я лучше отца и матери и всего роду-племени, вольнаго свѣта и яснаго солнца. (Наговаривать три раза на свѣжіе яблоки и на второй сортъ и на вино простое).

3.

Лягу я не благословясь, встану я не перекрестясь; умываюсь я не водой и не росой, утираюсь я нешитымъ и непряденымъ, немытымъ и некатанымъ; пойду я изъ дверей не въ двери. а пойду изъ-подъ избнаго подлежня, пойду я въ ночную сторону; въ ночной сторонѣ черное море, въ черномъ море черная баня, въ той банѣ складена печка ртинная(?) и дрова горятъ дубовыя и доска горитъ желѣзная; это не доска горитъ, а это горитъ тоска рабы имя рекъ. Пойду я отъ востока до запада; попался мнѣ навстрѣчу мамойла-сатана: Здравствуй, братъ меньшой, я буду тебѣ большой; сослужи ты мнѣ службу великую: дѣлай ты такой-то рабѣ имя рекъ сухоту, пусти въ мозгъ, и въ уши, и въ глаза, и подъ языкъ, въ сердце, въ чрево и въ подпятныя жилы. Слово — ключъ, языкъ—замокъ; пущу я ключъ въ окіянъ-море, замечетъ его желтыми песками, никто не можетъ достать. (Проговорить три раза на всякую вещь, которую она можетъ принять).

(Изъ старинраго рукописнаго сборника).

Сообщилъ А. Соколовъ.

КЪ ВОПРОСУ О ВЗАИМОДѢЙСТВІИ РУССКАГО И ИНОРОДЧЕСКАГО НАСЕЛЕНІЯ ВЪ ВОСТОЧНОЙ РОССІИ.

Обрусѣніе западно-сибирскихъ инородцевъ.

Въ своемъ отчетѣ объ экскурсіяхъ въ системѣ Абакана г. Клеменцъ сообщаетъ: «Проѣхавъ бродъ чрезъ р. Тою, мы остановились на 2 часа въ улусѣ на ея берегу. Улусъ называется Усть-Челейскимъ, по р. Чели, впадающей въ Тею справа, а жителей улуса инородцы и русскіе крестятъ именемъ джарымъ-казактеръ, т. е. полуказаки, и они заслуживаютъ этого названія. Вѣроятно благодаря смѣшенію съ русскими они усвоили себѣ многія черты жизни послѣднихъ. Все населеніе отъ мала до велика говоритъ на 2-хъ языкахъ. По-русски они говорятъ лучше подгороднихъ минусинскихъ татаръ. Обыкновенно у инородцевъ женщины не говорятъ по-русски, если даже и знаютъ этотъ языкъ: это считается неприличнымъ. Такое правило этикета соблюдается строго до нелѣпости. Разъ мнѣ пришлось встрѣтить инородца, женатаго на природной русской казачкѣ, и она ни полслова не сказала со мной по-русски, а вмѣстѣ съ тѣмъ переводила своему мужу все, что я говорилъ, на татарскій языкъ. Разговоръ приходилось вести при помощи такого односторонняго, если такъ можно выразиться, перевода. Мои вопросы переводились по-татарски, хозяинъ давалъ реплику на томъ же языкѣ, но хозяйка и не думала переводить ее по-русски, предоставляя мнѣ добираться до смысла сказаннаго, какъ я знаю, и только изрѣдка утвердительнымъ и отрицательнымъ киваніемъ головы давала знать, вѣрно или невѣрно я понимаю ея супруга. Здѣсь же у джарымъ-казактеръ, при входѣ въ юрту, хозяйка завела со мной бойкій разговоръ на русскомъ языкѣ, пересыпая его прибаутками и поговорками не хуже разбитной горожанки. Я думалъ, что она родомъ ка-

зачка, оказалось—чистѣйшей инородкой, сагайкой изъ рода Томнеръ. Обстановка жилищъ у джарымъ-казактеръ чисто инородческая. Типъ, очевидно, смѣшанный, — очень много бѣлокурыхъ, но приплюснутые носы и широкія скулы выдаютъ инородческую кровь. Костюмъ представляетъ дикую смѣсь русскаго съ инородческимъ. Женщины — и тѣ мѣняютъ свою традиціонную тюнику на мѣщанское женское платье съ гладкимъ лифомъ, застегивающимся на спинѣ на крючки, но характерный инородческій способъ повязывать голову платкомъ, завязывая концы на затылокъ, въ общемъ употребленіи. Этотъ улусъ единственный извѣстный мнѣ примѣръ такого тѣснаго смѣшенія двухъ культуръ. Близость русскихъ тутъ ни причемъ: около Минусинска и въ 2-хъ верстахъ отъ Таштыпа я видѣлъ инородческія поселенія, сохранившія въ чистотѣ свой первобытный обликъ. Къ сожалѣнію, я не могъ добиться свѣдѣній о происхожденіи населенія этого улуса и пробылъ въ немъ очень недолго, всего 2 часа». (Зап. З. С. Отдѣла И. Р. Г. Общ. Кн. XI).

2. «Стоящія на Яѣ село Шигарское съ деревнями Арышевой и Кисловой населены ясашными инородцами неизвѣстнаго происхожденія. Всѣ они говорятъ по-русски, занимаются земледѣліемъ и одѣваются какъ русскіе крестьяне. Помнившіе старый народный языкъ столѣтніе старики одинъ за другимъ сошли въ могилу и теперь указываютъ только на одного, который знаетъ нѣсколько словъ своего родного языка. По объясненію одного инородца, съ которымъ мнѣ пришлось бесѣдовать, всѣ они одного улуса и раньше были татарами. Но ихъ выше средняго ростъ, характерное длинное лицо съ густой бородой, ихъ болѣе или менѣе правильный тонкій носъ съ узкимъ межглазничнымъ промежуткомъ,—не говорятъ ни за родство ихъ съ чистыми татарами, ни за родство съ извѣстными мнѣ остяками, точно также какъ русые волосы и каріе глаза, свойственные большинству изъ нихъ, еще не указываютъ на ихъ принадлежность къ финскому или татарскому племени. Эта народность, очевидно, представляетъ обрывокъ какого-то невѣдомаго народа, смѣшавшагося ранѣе съ татарами-завоевателями, а позднѣе съ русскими переселенцами. Ни ихъ анатомическій типъ, ни ихъ языкъ, ни бытъ, ни вѣрованія,—ничто до сихъ поръ неизвѣстно, да въ цѣломъ едва-ли и можетъ быть узнано, такъ какъ національный типъ сглаживается, бытъ мѣняется, древнія вѣрованія исчезаютъ, языкъ умираетъ...» (Сиб. Вѣст. 1891, № 85.).

Библіографія.

Труды IV Археологическаго Съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. Томъ II. Казань. 1891.

Труды бывшаго въ Казани IV Археологическаго Съѣзда представляютъ крупный интересъ для всякаго изслѣдователя мѣстнаго края въ отношеніи археологическомъ, историческомъ и этнографическомъ. Съѣздъ 1877 г. представлялъ въ духовной жизни края моментъ значительнаго научнаго возбужденія. Къ нему готовились въ теченіе двухъ лѣтъ; вызванный имъ подъемъ научныхъ интересовъ держался и послѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Подъ вліяніемъ Съѣзда возникло наше Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи, члены котораго въ теченіе четырехъ лѣтъ съ достойнымъ подражанія усердіемъ вносили ежегодно высокую сравнительно членскую плату (10 руб. вмѣсто нынѣшнихъ пяти), посѣщали Общія Собранія, принимали въ мѣру своего разумѣнія участіе въ возникавшихъ преніяхъ, устраивали лекціи, выставки. Даже знаменитая своей апатіей казанская публика какъ будто почувствовала, что въ стремленіяхъ людей, начинавшихъ копаться въ мѣстной старинѣ, есть нѣчто нечуждое и для нея; она съ невиданнымъ позже усердіемъ посѣщала лекціи. Потомъ волна упала: и наше Общество, и публика занялись мелкими домашними дѣлишками и мало по малу проникались убѣжденіемъ, что общаго между их интересами ничего нѣтъ. Въ послѣдніе годы волна начала подниматься понемногу, но она далека еще отъ той высоты, на которой интересы небольшого кружка спеціалистовъ («диллетантовъ» —говорятъ иные) сообщаются большой публикѣ, захватываютъ широкіе круги.

«Труды» представляютъ собою такимъ образомъ документъ изъ эпохи подъема нашей научной мысли, и въ этомъ ихъ право на вниманіе публики. Съѣздъ, кромѣ поднятаго Д. А. Корсаковымъ общаго вопроса объ основаніи въ Казани ученаго общества для изслѣдованія археологіи, исторіи и этнографіи Казанскаго края, затронулъ длинный рядъ вопросовъ изъ области доисторической археологіи, исторической географіи, исторіи и современнаго быта русскаго и инородческаго населенія въ Поволжьи.

Читатель можетъ убѣдиться въ этомъ изъ прилагаемаго въ концѣ настоящаго выпуска «Извѣстій» объявленія о «Трудахъ» съѣзда. Изъ ряда рефератовъ, помѣщенныхъ во второмъ томѣ, мы беремъ самый обширный и, безъ сомнѣнія, самый богатый новыми фактами рефератъ г. Гаврилова: о Вотякахъ Мамадышскаго уѣзда. Въ 1877 г., когда рефератъ былъ доложенъ Съѣзду, онъ представлялъ капитальное явленіе въ литературѣ о Вотякахъ: тогда кромѣ статей, разбросанныхъ въ «Вят. Губ. Вѣд.», была одна болѣе или менѣе крупная работа о Вотякахъ — Островскаго. Редакція «Трудовъ», затянувши изданіе на 14 лѣтъ, уничтожила добрую половину научной цѣнности собраннаго Гавриловымъ матеріала: пока онъ лежалъ въ рукописи, вышелъ рядъ работъ о Вотякахъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Многими деталями рефератъ Гаврилова и въ настоящее время однако представляетъ для этнографовъ интересъ и на эти-то детали мы предполагаемъ обратить вниманіе читателей.

Изъ списка божествъ, предлагаемаго на стр. 82, оказывается, что у Казанскихъ Вотяковъ слово «Инмаръ» пріобрѣло такое-же нарицательное значеніе, какъ черемисское слово «юмо», означающее первоначально небо. Въ числѣ «инмаровъ» и другихъ духовъ у Гаврилова фигурируютъ нѣсколько новыхъ («алякъ-и.», «каба-и.», чажжис).

Говоря о вож-шудахъ, Гавриловъ замѣчаетъ, что ихъ дѣйствію приписываются Вотяками болѣзни и заболѣвшій по указанію ворожеца, идетъ умилостивить вож-шуда, пославшаго болѣзнь,—но не достаточно ясно говоритъ, своему, родовому или чужому вож-шуду приписывается болѣзнетворное вліяніе. По пути Гавриловъ сообщаетъ любопытныя подробности относительно умилостивленія дальняго вож-шуда.

Въ числѣ злыхъ духовъ у Гаврилова фигурируютъ неизвѣстные по другимъ изслѣдователямъ пор-вожо, бй вотлис'-мынис', сіис' јуис' (послѣдніе два, можетъ быть, эпитеты).

По поводу культа мудора или воршуда Гавриловъ говоритъ о закланіи въ куалѣ быка и тутъ-же даетъ любопытную подробность: «въ прежніе годы приносили въ жертву только телку... жертва эта приносилась за женщинъ (за каждую женщину 5 разъ въ продолженіе ея жизни—89)». Сообщеніе г. Гаврилова увеличиваетъ вѣроятность предположенія, что воршудъ представляетъ собою духа родоначальницы, основательницы дома. (Ср. наши «Вотяки» стр. 140).

Отдѣлъ, носящій заголовокъ «Разсказы туночи», взятый въ связи съ фактами, изложенными на стр. 123, 124, представляетъ интересъ по аналогіи вотяцкаго шаманизма съ лопарскимъ: туночи Мамадышскихъ Вотяковъ живо напоминаютъ лопарскихъ нойдовъ.

На стр. 93—94 слѣдуетъ отмѣтить указаніе на обычай во время семейныхъ моленій выносить жертвенныя яства на дворъ группами въ 5—7 человѣкъ.

Въ разсказѣ о моленіи въ куалѣ во время праздника «балвымъ акашка» встрѣчается деталь, проливающая свѣтъ на вотяцкія представленія о воршудѣ: въ переднемъ углу за столомъ, уставленнымъ жертвенными яствами, кладется на лавку подушка (предназначающаяся, конечно, для воршуда 94). Если мы

вспомнимъ обычай Черемисъ и Мордвы класть за столъ во время поминокъ подушку для чествуемаго усопшаго, то связь между вож-шудомъ и духомъ родоначальницы или родоначальника пріобрѣтетъ новую вѣроятность.

На стр. 110—111 интересъ новизны представляетъ извѣстія объ осеннемъ жертвоприношеніи на пашнѣ (овцы, пѣтуха).

На стр. 111—114 любопытны извѣстія о «лудахъ».

Въ параграфѣ «похороны» г. Гавриловъ сообщаетъ никѣмъ инымъ неконстатированное у Вотяковъ вѣрованіе, что смерть рѣжетъ человѣка (118). Говоря о культѣ усопшихъ, авторъ отмѣчаетъ обычай становиться при поминовеніи ихъ лицомъ на С. и туда-же обращать головой жертвенное животное.

На стр. 124 сообщается повѣрье, увеличивающее извѣстное уже число воспоминаній о первобытномъ каннибализмѣ у Вотяковъ: «чтобы избѣжать порчи извѣстнаго вѣдуна, слѣдуетъ поймать его, бить до того, чтобы потекла кровь, и выпить нѣсколько капель этой крови».

На стр. 139 сообщается извѣстіе о духѣ-хранителѣ ребенка «нуныкылчинъ». Параграфъ «мудоръ с'уан», трактующій объ обрядахъ, съ которыми соединено основаніе новаго очага, представляетъ нѣсколько деталей, дополняющихъ извѣстія объ этомъ предметѣ г. Богаевскаго («Этн. Обозр.» V, 82).

На стр. 142 — 143 подъ заголовками «Ором» и «Дусым» сообщается о видахъ условнаго родства, имѣющаго мѣсто у Мамадышскихъ Вотяковъ (нѣчто въ родѣ побратимства и посестримства).

Интересъ новизны представляетъ бóльшая часть повѣрій, излагаемыхъ на послѣднихъ страницахъ реферата. Повѣрья частію вносятъ новый матеріалъ для уясненія констатированныхъ уже фактовъ, частію намѣчаютъ новые вопросы для изслѣдованія. Отмѣтимъ одно повѣріе послѣдней категоріи: если воронъ пролетитъ, крича надъ головой, на Сѣверъ, то это не къ добру. Оно имѣетъ несомнѣнную связь съ обычаемъ становиться лицомъ къ С. при поминовеніи усопшихъ и вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ даетъ ключъ къ объясненію обычая Вотяковъ — и кажется восточныхъ Финновъ вообще—класть покойниковъ въ могилѣ головой на С.

Повѣріе, въ силу котораго человѣкъ, становящійся во время грозы подъ дерево, долженъ предварительно ранить его, представляетъ въ связи съ другимъ, по которому шайтанъ во время грозы прячется отъ инмара въ деревья, прекрасный матеріалъ для уясненія вотяцкихъ воззрѣній на природу духовъ.

Отмѣтимъ въ заключеніе нѣсколько неточностей. Г. Гавриловъ въ числѣ вотяцкихъ божествъ упоминаетъ «осто иньмара». Особаго божества съ такимъ именемъ нѣтъ; слово «óстэ (+кóсма)» представляетъ остатокъ древняго молитвеннаго обращенія къ Инмару и представляетъ собою по формѣ и ударенію повелительное наклоненіе позабытаго въ настоящее время глагола. По поводу «каба иньмара» г. Гавриловъ говоритъ, что «каба — непонятное слово»; справившись въ литературѣ, онъ могъ-бы узнать, что «каба» есть заимствованное татарское слово для обозначенія судьбы, доли. Въ ряду злыхъ духовъ мы встрѣчаемъ «ибыр'а» — по толкованію г. Гаврилова это имя означаетъ вѣдьму; на самомъ дѣлѣ «ибыр (въ др. м. убир) означаетъ колдуна-вампира; эпитетами этого «ибыр'а» являются слова «сіис' јуис'», изъ которыхъ

г. Гавриловъ сдѣлалъ особаго духа. Въ передачѣ вотяцкихъ словъ встрѣчаются опечатки: на стр. 85 «нюлэе-кужо» вм. «нюлэс-кужо», на стр. 137 «винь корка» вм. «виль корка», на стр. 139 «таньѣ» вм. «такьѣ».

И. Смирновъ.

Munkácsi Bernát. Votják Szótár. Etsö füzet. Budapest. 1890. (Мункачи Бернгардъ. Вотяцкій Словарь. Вып. 1).

До сихъ поръ въ печати былъ извѣстенъ одинъ только вотяцкій словарь, составляющій приложеніе къ зырянско-нѣмецкому словарю Видемана (стр. 461—561). Трудъ мадьярскаго ученаго представляетъ собою первый опытъ научнаго словаря вотяцкаго языка. Г. Мункачи самъ посѣтилъ въ 1884 г. вотяцкій край и ознакомился со всѣми доступными для иностранца работами о Вотякахъ (изъ русскихъ работъ онъ цитируетъ Верещагина, Гаврилова, Кошурникова, Потанина и нашихъ «Вотяковъ»). Рядомъ съ каждымъ вотяцкимъ словомъ помѣщаетъ его переводъ сначала на мадьярскій, потомъ на нѣмецкій языкъ; для многихъ словъ, записанныхъ самимъ составителемъ словаря, имѣются еще русскія слова, которыми ему переводили ихъ Вотяки. Послѣ значеній того или другого слова слѣдуетъ рядъ выраженій, въ которыхъ оно употребляется, съ указаніемъ источника заимствованія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ рядъ такихъ выраженій занимаетъ страницу и даже болѣе. Уже эти особенности начатаго г. Мункачи словаря дѣлаютъ его цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ литературѣ финновѣдѣнія. Его достоинство увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Мункачи выдѣляетъ слова, заимствованныя Вотяками, и указываетъ источникъ заимствованія то въ татарскомъ, то въ арабскомъ и персидскомъ языкахъ, изъ которыхъ они проникли черезъ татарскій, а можетъ быть и черезъ древній болгарскій. Подготовительныя работы въ этомъ направленіи составитель началъ еще передъ своей поѣздкой въ Россію.

Цѣнный для лингвиста словарь г. Мункачи будетъ, конечно, со временемъ необходимымъ пособіемъ и для историка культуры восточныхъ Финновъ: извѣстно, что исторія развитія значенія того или другого слова даетъ матеріалъ для исторіи обозначаемаго этимъ словомъ явленія. Какъ образчикъ того матеріала, который можетъ извлечь изъ словаря г. Мункачи историкъ, мы приведемъ статью, относящуюся къ слову kar. Общераспространенное значеніе kar — городъ, городище. Въ виду обилія каровъ въ вотяцкомъ краѣ можно построить очень фантастическія соображенія относительно древней культуры Вотяковъ; но обратимся къ тѣмъ значеніямъ слова, которыя даетъ намъ г. Мункачи, и къ тѣмъ комбинаціямъ, въ которыхъ оно встрѣчается—kuzili-kar=муравейникъ, sir-kar=мышья норка, pene-kar=собачья конура — и kar окажется, подобно зап. фин. linna, словомъ, обозначающимъ первоначально всякое жилье.

По отношенію къ нѣкоторымъ культурнымъ словамъ можно было-бы пожелать большей полноты въ указаній значеній:

azbar переведено — дворъ; значитъ кромѣ того околодокъ, совокупность построекъ, занятыхъ однимъ родомъ;

In-voǯo переведено—метеоръ; значитъ еще—душа колдуна или мертвеца, летающая въ такомъ видѣ къ живымъ;

Inmar-miǯ переведено—притязаніе бога на обѣщанную, но не принесенную жертву; значитъ собственно кара (miǯ), насылаемая богомъ или усопшими за неисполненіе обѣта (ср. Пермяки);

Ubir переведено — злой духъ; значитъ духъ мертвеца (въ част. колдуна), пьющій изъ живыхъ кровь, вампиръ;

urt переведено—душа, духъ усопшаго, привидѣніе; значитъ еще вообще духъ; йу-уртъ (Уф.)—хлѣбный духъ;

kart переведено—мужъ; значитъ еще старикъ, глава семьи, жрецъ.

И. Смирновъ.

Д. А. Корсаковъ. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка. Казань. 1891 г.

Книга проф. Д. А. Корсакова представляетъ, безспорно, выдающееся явленіе въ русской исторической литературѣ за прошлый годъ. Хотя это— сборникъ характеристикъ, біографическихъ очерковъ и эпизодовъ изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в., хотя собранныя здѣсь статьи печатались раньше въ спеціально - историческихъ изданіяхъ, но вслѣдствіе того что теперь эти статьи частью переработаны, частью исправлены и размѣщены не по времени ихъ появленія въ печати, а по хронологической послѣдовательности важнѣйшихъ событій изъ жизни описываемыхъ лицъ, — она представляетъ интересъ новизны. Содержаніе ея слѣдующее: 1) Н. А. Кудрявцевъ и его потомство; 2) кн. И. А. Долгорукой—фаворитъ и оберкамергеръ Петра II (1708—1739); 3) кн. Н. Б. Долгорукая (1714—71): 4) кн. С. Г. Долгорукой и его семья въ ссылкѣ, въ Раненбургѣ, съ 1730 по 1735 г.г.; 5) ссылка кн. В. Л. Долгорукаго въ с. Знаменское (1730 г.); 6) судъ надъ кн. Д. М. Голицынымъ (1736—1737 г.г.); 7) А. П. Волынскій и его «конфиденты» (1689—1740 г.г.); 8) В. Н. Татищевъ (1686 — 1750 г.г.); 9) нѣкоторые изъ сторонниковъ воцаренія Екатерины II (1757—1762 г.г.). Въ концѣ помѣщены три рецензіи на сочиненія: М. И. Семевскаго — «Царица Прасковья» и «Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Вилимъ Монсъ» и Д. Ѳ. Кобеко—«Царевичъ Павелъ Петровичъ».

Сборникъ начинается статьей, которая имѣетъ значеніе для мѣстной исторіи, къ слову сказать—разработанной еще весьма мало; на нее-то мы и обращаемъ вниманіе нашихъ читателей. Очеркъ о родѣ Кудрявцевыхъ даетъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ Казанской исторіи, такъ какъ фамилія Кудрявцевыхъ играла видную роль въ мѣстной администраціи и общественной жизни. Кудрявцевы не принадлежатъ къ числу «родословныхъ» русскихъ фамилій; они вышли изъ слоя среднеслужилыхъ людей Московскаго государства. Никита Алферовичъ Кудрявцевъ, сынъ костромского дворянина, началъ службу жильцомъ и участвовалъ въ азовскихъ походахъ Петра В. Въ 1697 г. онъ былъ назначенъ вторымъ воеводою въ Казань. Интересенъ наказъ, данный Петромъ кн. Львову (первому воеводѣ) и Кудрявцеву: уже въ этомъ наказѣ

царь обращаетъ вниманіе на сохраненіе дубовыхъ лѣсовъ въ Казанской губерніи. Далѣе наказъ говоритъ о положеніи въ краѣ инородцевъ: Татаръ, Чувашъ, Черемисъ, Мордвы и Вотяковъ, бывшихъ въ то время еще опасными воинственными врагами русской власти; о иноземцахъ, поселенныхъ въ краѣ и находившихся тамъ на службѣ. Изъ этого же наказа мы узнаемъ, что въ самой Казани и въ ея окрестностяхъ еще въ 1653 г. начато мѣдное рудокопное дѣло; но къ концу XVII ст. казанскіе рудники уже истощились, а поэтому Кудрявцевъ обратилъ вниманіе на разработку мѣдной руды въ Кунгурѣ.

На другой годъ службы въ Казани Никита Алферовичъ остается здѣсь воеводою одинъ. Дѣятельность его была направлена на то, чтобы сплавлять лѣсъ Волгой и Дономъ въ Азовъ; тягло по вырубкѣ и сплаву лѣса несли мѣстные инородцы и дворцовые крестьяне. Въ то-же время воевода обязанъ былъ отправлять рабочихъ въ Ингрію для постройки Петербурга, набирать людей и лошадей въ драгунскіе полки и исполнять массу мелочныхъ порученій царя, въ родѣ освидѣтельствованія вѣса всѣхъ церковныхъ колоколовъ Казани и ея окрестностей, что вызвано было необходимостью пополнить артиллерію для войны съ Карломъ XII. За усердную службу Кудрявцевъ былъ награжденъ помѣстной землей въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ въ размѣрѣ 4½ т. десятинъ.

Съ 1705 по 1709 г.г. наступаетъ для Казанскаго края смутное время, причинившее Петру В. столь много заботъ; это — астраханскій и башкирскій бунты. Благодаря нетактичнымъ распоряженіямъ Б. П. Шереметьева, посланнаго съ войскомъ на востокъ изъ Лифляндіи, башкирскій бунтъ разгорѣлся до того, что скопища бунтовщиковъ появились въ 30 верстахъ отъ Казани. Волненіе было временно потушено. Петръ В. остался недоволенъ Кудрявцевымъ, приписавъ его нерадѣнію злоупотребленія уфимскихъ воеводъ, вызвавшихъ безпорядки, и сдѣлалъ Кудрявцеву выговоръ.

Въ 1708 г. была учреждена обширная Казанская губернія, въ предѣлы которой вошли всѣ низовые города и Башкирія. Первымъ губернаторомъ въ Казани былъ окольничій Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ. Какъ понималъ этотъ новый администраторъ свои обязанности, это лучше всего видно изъ слѣд. факта. Въ 1711 г. Апраксинъ отправился въ походъ за Кубань. Не зная, кому поручить дѣла въ свое отсутствіе, онъ сильно печалился. Наконецъ, будучи уже въ Царицынѣ, губернаторъ вспомнилъ о своемъ четырехмѣсячномъ сынѣ и послалъ въ Казань указъ, что оставляетъ этого сына своимъ намѣстникомъ, а по малолѣтству его опредѣлилъ къ нему своихъ старыхъ слугъ, которымъ и приказалъ именемъ сына справлять всякія дѣла. Указъ онъ приказалъ прочитать при собраніи казанскихъ жителей въ публичномъ мѣстѣ въ присутствіи сына, котораго велѣлъ приэтомъ держать подъ одѣяломъ. По возвращеніи изъ похода Апраксинъ приказалъ мамкѣ вынести своего сына предъ собравшимися именитыми гражданами и публично благодарилъ его за мудрыя распоряженія. Это не анекдотъ, а фактъ, занесенный въ оффиціальный документъ: «Послужной списокъ Кубанскаго походу». Итакъ, Казань имѣла въ числѣ своихъ губернаторовъ четырехмѣсячнаго ребенка!

Между тѣмъ Кудрявцевъ по прежнему оставался комендантомъ Казани. Въ 1712 г. онъ былъ назначенъ главнозавѣдующимъ корабельными лѣсами во

всемъ Поволжьи, отъ устья р. Оки до Каспія. Въ 1714 г. онъ назначается вицегубернаторомъ, каковымъ и состоитъ до 1726 г. За это время его дѣятельность весьма обширна и разнообразна. Онъ заготовляетъ лѣсъ и отправляетъ его вверхъ по Волгѣ до Твери, чтобы оттуда переправить въ Петербургъ. Съ 1818 г., когда было основано въ Казани адмиралтейство, Кудрявцевъ является главнымъ кораблестроителемъ. Подъ его наблюденіемъ, по подробнымъ инструкціямъ Петра В., строятся, «рейс-шиф'ы» или расшивы, какъ ихъ переименовалъ народъ, и «гортгоуты», предназначенные для преслѣдованія «удалыхъ добрыхъ молодцевъ понизовой вольницы». Кудрявцевъ же долженъ былъ заготовлять въ Казани до 15 т. пудовъ соленаго мяса для россійскаго флота. Въ послѣднее время своей службы Кудрявцевъ по дряхлости уже не могъ энергично исполнять всѣ свои обязанности и незадолго до смерти (13 февраля 1728 г.) за неисполненіе предписаній Верховнаго тайнаго совѣта былъ подвергнутъ штрафу въ 500 руб.

Изъ дѣтей Никиты Алферовича младшій сынъ Меѳодій, въ просторѣчіи Нефедъ, дослужившійся до чина полковника, въ 1727 г. былъ назначенъ на мѣсто отца вицегубернаторомъ въ Казань. Онъ не сошелся съ Арт. П. Волынскимъ, бывшимъ съ 1728 г. вторично казанскимъ губернаторомъ, и много способствовалъ къ раскрытію злоупотребленій по вымогательству Волынскимъ денегъ у мѣстныхъ инородцевъ. Въ 1740 г. онъ вышелъ въ отставку и сталъ проживать частью въ г. Казани, частью въ с. Каймарахъ, гдѣ построилъ церковь (еще въ 1723 г.). Названія Каймары и Байтеряково (другое имѣніе Кудрявцева) наводятъ автора на размышленія о колонизаціи русскими Казанскаго края. Въ 1767 г. произошла въ Казани встрѣча «Семирамиды сѣвера» съ 90 лѣтнимъ Нефедомъ Ивановичемъ, а въ 1774 г. онъ былъ убитъ въ казанскомъ монастырѣ пугачевцами. Въ слѣд. двухъ (7 и 8) главахъ первой статьи авторъ говоритъ о фамиліи Нармацкихъ, состоявшихъ въ родственныхъ связяхъ съ Кудрявцевыми. Весьма любопытны свѣдѣнія объ Андреѣ Петровичѣ Нормацкомъ, самоуправство котораго дошло до того, что изъ своего с. Шурана онъ занимался разбоемъ и грабежомъ на р. Камѣ. Сынъ этого Нормацкаго Петръ, кончившій курсъ въ казанской гимназіи вмѣстѣ съ Державинымъ, отличался совсѣмъ инымъ характеромъ. Онъ былъ весьма религіозенъ и возмущался помѣщичьимъ произволомъ надъ крѣпостными крестьянами, скорбѣлъ за нихъ душою, объяснялъ имъ, что Богъ создалъ всѣхъ людей свободными, и мечталъ объ освобожденіи своихъ крѣпостныхъ. Дворяне Казанской губерніи подали Екатеринѣ II прошеніе о «сумасбродныхъ» намѣреніяхъ Нармацкаго. За свои идеи о христіанской любви къ ближнему въ примѣненіи ихъ къ крестьянству Петръ Андреевичъ былъ признанъ сумашедшимъ и оставленъ на жительство въ Нижнемъ, гдѣ и умеръ.

Слѣдующія главы посвящены другимъ родственникамъ Кудрявцевыхъ— Татищевымъ, Пакаевымъ, Давыдовымъ, Боратынскимъ. Повѣствованіе вкратцѣ доведено до 70-хъ р.г. XIX столѣтія. Здѣсь выводятся шесть поколѣній, представители которыхъ въ теченіе двухъ столѣтій подвизались на самыхъ разнообразныхъ общественныхъ поприщахъ: судостроитель и администраторы смѣняются поэтами. На этихъ лицахъ «отражаются общія русскія событія и идеи

вѣка отъ Петра В. до Николая I, отражаются—правда—не полно и не ясно; но такова участь всѣхъ отдѣльныхъ человѣческихъ личностей, не возвышающихся надъ общимъ уровнемъ современнаго имъ умственнаго развитія».

Живо написанная, богатая бытовыми картинами книга проф. Корсакова читается съ живымъ интересомъ. Излагая историческіе и бытовые факты прошлаго вѣка, она даетъ полезную пищу уму. Сравнивая прошлое съ настоящимъ, читатель можетъ подмѣтить, что современная жизнь, при всѣхъ ея недостаткахъ, содержитъ въ себѣ всетаки болѣе элементовъ добра и справедливости чѣмъ прошлая, и что отъ направленія нашей дѣятельности зависитъ лучшее будущее.

М. П-нъ.

Медоксъ. Инородцы въ Поволжьи. Саратовъ. 1892.

Изданіе г. Медокса (мы затрудняемся назвать книгой или брошюрой довольно изящную типографическую имитацію нашихъ старинныхъ «столбцовъ») заслуживаетъ вниманія какъ симптомъ зараждающихся въ провинціи научныхъ интересовъ. Съ тѣхъ поръ какъ въ Саратовѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ основалась Архивная Коммиссія, обывателей стали занимать больше чѣмъ прежде вопросы о народахъ, которые владѣли низовымъ Поволжьемъ до появленія въ немъ Русскихъ. Раньше другихъ на этомъ поприщѣ выступилъ г. Чекалинъ; въ 1890 г. дебютировалъ г. Краснодубровскій; въ 1892 г. мы видимъ наконецъ г. Медокса. Въ свиткѣ, который онъ предлагаетъ читателямъ, изложены сообщенія о томъ, кто были Гунны, съ какими изъ существующихъ инородческихъ племенъ оказываются въ родствѣ древніе Буртасы, Половцы, Булгары и т. д.

Г. Медоксъ — диллетантъ чистой крови. Онъ, видимо, много читалъ, немало возился съ словарями разныхъ русскихъ инородцевъ, но, какъ это зачастую бываетъ съ любителями, ему не хватаетъ школы, критики, метода. Онъ не чувствуетъ разницы между случайной и органической связью фактовъ, не признаетъ логическихъ оттѣнковъ въ сужденіяхъ о вещахъ и высказываетъ увѣреннымъ тономъ самыя сомнительныя соображенія. Мы найдемъ эти черты въ каждой изъ рубрикъ его свитка. Возьмемъ рубрику «Гунны». Изложивши на основаніи китайскихъ лѣтописей на нѣсколькихъ десяткахъ строкъ исторію Гунновъ, г. Медоксъ рѣшаетъ, что Гунны были предками нынѣшнихъ Бурятовъ: какъ Буряты, они были узкоглазы, имѣли большую голову, сплюснутый носъ и желтую кожу; кромѣ того они носили имя, которымъ Буряты называютъ себя до сихъ поръ (хунъ). Послѣднее замѣчаніе во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія; но если дѣло стоитъ такъ, то почему г. Медоксъ считаетъ Гунновъ Финнами? Вѣдь между современными Бурятами и Финнами нѣтъ ничего общаго.

Подъ рубрикой «Буртасы» мы узнаемъ, что и этотъ загадочный народъ приходится сродни Бурятамъ. Доказательства этого родства г. Медоксъ видитъ въ мѣстныхъ названіяхъ Саратовской губерніи: въ Саратовскомъ уѣздѣ есть село Юнгерово; въ Бурятскомъ языкѣ юнг значитъ что, гер—домъ. Мы

не будемъ настаивать на томъ общеизвѣстномъ пунктѣ, что во всѣхъ языкахъ мѣстныя названія имѣютъ опредѣленное строеніе и, главное, смыслъ, а въ названіи деревни «что домъ» смысла не усматривается; но что будетъ съ Буртасами, если по справкѣ окажется, что Юнгерово называется по имени стараго помѣщика. который носилъ нѣмецкую фамилію Junger? Относительно истолкованія изъ бурятскаго языка другихъ мѣстныхъ названій: (р. Иделга ‖ бур. иделга—пить, Манговина ‖ бур. мангун—деньги, р. Коломонтай ‖ бур. коэалтай — жаркая) мы бы посовѣтовали г. Медоксу одно: пусть онъ найдетъ сначала на громадномъ пространствѣ Россіи хоть одну рѣку, которая бы называлась русскими словами: пить, деньги.

Подъ рубрикой «Башкиры» г. Медоксъ сообщаетъ, что Башкиры представляютъ собою потомковъ Половцевъ: у Половцевъ былъ ханъ Башкуртъ, въ Саратовской губерніи есть рѣчка Карагужа, а по башкирски Карагай значитъ лѣсъ. Sapienti sat. Саратовскій изслѣдователь не считаетъ нужнымъ приводить другихъ доказательствъ и спѣшитъ, хотя не совсѣмъ кстати, сообщить сенсаціонную новость: «при сравненіи цѣлой сотни языковъ Европейскихъ и Азіатскихъ близкаго сходства какого либо изъ нихъ съ черемисскимъ не замѣчено (кѣмъ?)». Нужно думать, что не только въ Саратовѣ, но даже въ Дубовкѣ эта новость будетъ встрѣчена съ недовѣріемъ: вѣроятно и тамъ слыхали хоть бы о родствѣ Черемисъ съ Мордвой.

Въ рубрикѣ «Булгары» сообщается, что этотъ народъ—одно и тоже съ сибирскими Бельтирами: Булгары назывались у восточныхъ писателей Бил-яръ. Was willst du noch mehr?

Въ рубрикѣ «Чуваши» устанавливается тожество Чувашъ съ Якутами: въ Забайкальской области есть хребетъ «Чуваченскій», въ Колымскомъ округѣ живетъ вѣтвь Якутовъ «Чуванцы», въ Тобольской губерніи есть «Чувашское» городище; Чуваши пришли въ Россію, стало быть, изъ Забайкалья чрезъ Тобольскую губернію—«какъ разъ по направленію утвержденной Сибирской желѣзной дороги»!

Фактовъ, которые мы привели, достаточно для того, чтобы составить представленіе о научной цѣнности «свитка» г. Медокса. Новаго въ науку онъ, конечно, ничего не вноситъ; въ немъ нѣтъ даже обстоятельнаго, безпретенціознаго свода извѣстныхъ вещей, за который автора могъ-бы поблагодарить какой нибудь начинающій мѣстный изслѣдователь.

Такія вещи интересны только для тѣхъ, кто интересуется исторіей духовнаго развитія края. Онѣ — malum necessarium, признакъ, по которому можно догадываться, что историческіе интересы начинаютъ прививаться въ извѣстныхъ общественныхъ слояхъ. Теоріи и гипотезы любителей, конечно, очень скоро забудутся, но тотъ духовный интересъ, который вызываетъ ихъ, не останется безъ вліянія на общество; пройдутъ годы — и саратовскіе обыватели выучатся научно обращаться съ фактами; тогда ученые грѣхи г. Медокса забудутся и въ памяти останется только то, что онъ зналъ другія слова кромѣ «роббера», «шлема» и «коронки».

И. Смирновъ.

Буличъ: Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета, т. 2.

Буличъ давно занимается изученіемъ далекаго прошлаго Казанскаго Университета; онъ уже выпустилъ въ свѣтъ два объемистыхъ тома своихъ «разсказовъ» «по архивнымъ документамъ». Не смотря однако на то, что эти книги заслуживаютъ серьезнаго вниманія, мы въ періодической прессѣ не встрѣтили ихъ надлежащей оцѣнки. Кромѣ статьи г. Пыпина о первомъ томѣ (въ Вѣстникѣ Европы), мы не знаемъ ничего, что выходило бы изъ уровня поверхностной замѣтки; въ виду этого мы и остановимся на 2-мъ томѣ настолько подробно, чтобы у читателя не осталось сомнѣнія на счетъ истинныхъ достоинствъ «разсказовъ» о Казанскомъ Университетѣ. Выдающійся и новый во 2-мъ томѣ предметъ — старинное казанское студенчество. Предметъ, разумѣется, очень интересный и достойный обстоятельнаго изученія. Но прежде всякаго изученія изслѣдователь обыкновенно ставитъ самому себѣ вопросъ: какіе источники положить въ основу изученія? Выборомъ источниковъ и умѣньемъ ими воспользоваться и опредѣляется изслѣдовательская правоспособность.

Г. Буличъ вообще любитъ пользоваться источниками «судебными».

«Нельзя, говоритъ онъ, не порадоваться тому обстоятельству, что студенты Казанскаго Университета были подчинены университетскому суду... Не такъ счастливъ будетъ тотъ, кто захотѣлъ бы ближе, по источникамъ и документамъ (?), узнать жизнь, нравы и обычаи современной университетской молодежи, которая внѣ университета за нарушеніе не формальныхъ университетскихъ правилъ, а общихъ законовъ и постановленій, подчинена общему суду. Источники для изслѣдованія подобнаго рода придется искать въ архивахъ мировыхъ судей или Окружного Суда» (стр. 125). Итакъ, г. Буличъ убѣжденъ, что «жизнь, нравы и обычаи» студенчества можно обрисовать на основаніи «дѣлъ» о разнаго рода «нарушеніяхъ» благопристойности. Онъ такъ и поступаетъ, изображая, впрочемъ, и профессорскую «жизнь» на основаніи оффиціальныхъ «донесеній» болѣе или менѣе пикантнаго свойства. Но г. Буличу мало однихъ оффиціальныхъ «источниковъ», т. е. канцелярскихъ бумагъ, сообщающихъ болѣе или менѣе провѣренные, хотя и исключительные эпизоды; нашъ авторъ не брезгаетъ и такимъ «источникомъ», показанія котораго не могутъ подлежать провѣркѣ; это — «книга о поведеніи», или дневникъ, веденный инспекторомъ Боннеромъ лично для себя, книга, куда, какъ и самое заглавіе ея показываетъ, инспекторъ для собственнаго назиданія заносилъ свои наблюденія надъ нравственностью студентовъ; на основаніи такого-то мутнаго источника, въ которомъ скорѣе отразилась физіономія автора дневника, чѣмъ студенческіе «нравы и обычаи», г. Буличъ и дѣлаетъ рѣшительный и огульный отзывъ о нравственной и умственной жизни стараго казанскаго студенчества. Въ отзывѣ слышится все то, что г. Буличъ нашелъ въ своихъ судебныхъ документахъ, какъ оффиціальныхъ, такъ особенно любительскомъ кондуитѣ инспектора. «Изъ этой юной сферы (студенчества), говоритъ почтенный историкъ Казанскаго Университета, «вѣетъ гнилымъ и затхлымъ воздухомъ. Глубокая испорченность свидѣтельствуетъ не о юности»... (стр. 209).

Г-нъ Буличъ такъ увлеченъ своимъ «источникомъ», что, будучи спеціалистомъ по русской словесности, на этотъ разъ не хочетъ помнить, напр., объ Аксаковѣ, вышедшемъ изъ этой самой «гнилой сферы», человѣкѣ, какъ извѣстно, весьма симпатичномъ и высокой нравственности

Воспоминанія С. Т. Аксакова о Казанскомъ Университетѣ всѣмъ извѣстны, почему и нѣтъ нужды распространяться о томъ, что отзывъ г. Булича о старомъ казанскомъ студенчествѣ ложенъ въ самомъ своемъ основаніи; показанія современника, правдивость и искренность котораго создали ему славу, приводятъ всякаго безпристрастнаго наблюдателя къ заключенію, что, если въ первые годы Казанскаго Университета его питомцы и не блистали ученостью и даже, можетъ быть, достаточной грамотностью, то все же это былъ въ общемъ свѣжій и хорошій народъ, увлекавшійся не только кутежами, но и литературой, и искусствомъ. Занятый усиленно фактами одного порядка, исключительно скандальнаго свойства, г. Буличъ и въ своихъ то бумагахъ не замѣчаетъ того, что дало бы ему возможность изобразить старинное студенчество и вообще состояніе Университета въ первые годы не въ одинъ цвѣтъ, какъ окрашиваются самыя плохія лубочныя картины, а во столько, сколько того потребовала бы жизненная правда. Такъ, для г. Булича совершенно не имѣетъ значенія то обстоятельство, что комитетъ, образованный изъ членовъ университетскаго совѣта для обсужденія поведенія провинившихся студентовъ, считая ихъ «проступки» «дурными и несвойственными благовоспитаннымъ юношамъ», однако не нашелъ въ нихъ «ни духа буйства, ни ожесточенія»; профессорскій комитетъ рѣшилъ, что это— «шалости, только молодости свойственныя»... Кромѣ того комитетъ, оцѣнивая каждаго изъ провинившихся, отмѣчалъ въ числѣ другихъ разныхъ ихъ свойствъ, и «ревность къ наукамъ» (стр. 190 и 191). Г. Буличъ, выписавъ это, удивился только снисходительности членовъ совѣта и въ утѣшеніе себя отнесъ ее къ грубости времени, когда «не возмущались тѣмъ, что возмущаетъ насъ». Можетъ быть, г. Буличу, у котораго въ юности несомнѣнно не было ровно никакихъ «шалостей», и прилично удивляться снисходительности членовъ совѣта, но и мы въ свою очередь тоже не можемъ не подивиться близорукости г. Булича, когда онъ высоко-гуманное отношеніе профессорскаго комитета къ студентамъ приписалъ, по шаблону, «грубости нравовъ», вмѣсто того чтобы сдѣлать выводъ, что и въ то вообще печальное время въ стѣнахъ Университета нашлись люди, по человѣчески смотрѣвшіе на жизнь и отнесшіеся съ участіемъ къ провинившейся молодежи. А что эта молодежь была вовсе не испорчена до мозга костей,—доказываетъ ея самоотверженіе во время страшныхъ казанскихъ пожаровъ, на которыхъ студенты высказывали рѣдкое мужество, засвидѣтельствованное и тогдашней печатью, и университетомъ. Излюбленная г. Буличемъ «книга о поведеніи» была спасена студентами «изъ пламени», какъ это разсказываетъ самъ ея авторъ. Среда людей, которые, по словамъ газетной статьи того времени, «съ чернью не стыдились помогать своему ближнему» (стр. 213), не могла быть гнилой; г. Буличъ о студенческихъ подвигахъ разсказываетъ очень подробно (210—214), но въ состояніи вывести только то, что «изъ студентовъ можно было

бы образовать превосходную вольную команду» (210). Впрочемъ, при разсказѣ объ участіи студентовъ на пожарахъ у г. Булича срываются и такія фразы, которыя стоятъ совершенно одиноко, въ полномъ противорѣчіи съ общимъ тономъ изложенія. «Этотъ, говоритъ онъ, «лучшій, болѣе гуманный, чуждый эгоизма элементъ были студенты Казанскаго Университета; это было увлеченіе, но увлеченіе чистое, человѣческое, какое только бываетъ въ молодости (стр. 212). А на стр. 209 говорится о студенческихъ «стремленіяхъ», въ которыхъ было мало свѣтлаго, человѣческаго»... И на стр. 136 было заявлено, что «молодые люди не выносили ничего въ жизнь (изъ Университета), кромѣ глубокаго эгоизма»... Но тутъ мы входимъ въ область логики, относительно которой г. Буличъ держитъ себя также независимо, какъ и относительно пріемовъ изслѣдованія. Приведемъ, чтобы не затягивать статьи, лишь нѣкоторые примѣры этого рода развязности бытописателя Казанскаго Университета, очень любящаго отъ времени до времени прерывать свои выписки изъ архивныхъ бумагъ и расплывчатыя повѣствованія размышленіями «философскаго» характера. На стр. 135 г. Буличъ разсуждаетъ: «до сихъ поръ наша школа (рѣчь идетъ о высшемъ университетскомъ образованіи) не только не воспитываетъ людей, давая часто ничтожныя, безполезныя или вполнѣ тенденціозныя свѣдѣнія, скоро и безъ сожалѣнія забываемыя людьми, выходящими изъ школы въ жизнь, но она не въ состояніи дѣйствовать сколько-нибудь сильнымъ и благотворнымъ образомъ на самую жизнь». Слѣдовательно, значеніе школы сводится къ нулю, ибо «свѣдѣнія» «безъ сожалѣнія» забываются; но на слѣдующей страницѣ г. Буличъ очевидно забылъ о только-что сдѣланномъ имъ заключеніи и приписываетъ школѣ, хотя и плачевное, но чрезвычайное вліяніе на жизнь; оказывается, что школа «по своему формировала все будущее страны» (стр. 136). На той же страницѣ г. Буличъ, вообще пессимистически относящійся къ нашей «школѣ» (т. е. университетамъ), откровенно высказывается, что молодые люди «ничего не выносятъ изъ этой школы кромѣ ненависти къ ней, когда жизненный опытъ дастъ позднее и напрасное сознаніе о безполезно потраченныхъ школьныхъ годахъ». Послѣ такой тирады для всякаго читателя дѣлается несомнѣннымъ, что почтенный авторъ ставитъ ни во что существовавшее и существующее высшее образованіе; да едва ли можно серьезно и говорить объ образованіи, когда приходится только жалѣть, что старался получить его въ университетѣ? Но пусть читатель не торопится дѣлать заключенія о «взглядахъ» г. Булича; они очень перемѣнчивы; приведенная тирада помѣщается въ началѣ 136 стр., а въ срединѣ ея г. Буличъ заявляетъ: «ни научное, ни общеобразовательное содержаніе школы» «неповинно» во «временныхъ увлеченіяхъ молодежи, которыя прошли и забылись очень скоро». И самъ г. Буличъ успѣлъ уже забыть, что имъ же на верху страницы отказано русскимъ университетамъ въ научномъ и обще-образовательномъ содержаніи. Примѣровъ такой забывчивости можно было бы привести очень много изъ толстаго тома, если бы мы захотѣли слѣдить за логикой г. Булича на значительныхъ пространствахъ; но въ виду недостатка мѣста мы къ отмѣченному добавимъ

лишь два-три примѣра, въ которыхъ наиболѣе рельефно отразилось философическое настроеніе нашего историка. На стр. 135 г. Буличъ съ понятнымъ сожалѣніемъ говоритъ, что «школа» до сихъ поръ совсѣмъ «не воспитываетъ людей», а на стр. 138 убѣжденъ въ томъ, что «воспитаніе собственно принадлежитъ семьѣ». На стр. 136, 137 и 138 г. Буличъ толкуетъ на разные лады «о всемогущемъ вліяніи жизни на школу», послѣ чего на стр. 139 странно читать обвиненіе «школы» въ ранней испорченности юноши, жившаго въ интернатѣ; вѣдь «школа», по словамъ же г. Булича, есть «созданіе» «жизни» (137 стр.) и въ добавокъ она «въ борьбѣ съ жизнью вообще безсильна (стр. 135). Изъ всего этого не можетъ подлежать никакому сомнѣнію только одно, что г. Буличъ еще самъ неуяснилъ себѣ содержанія употребляемыхъ терминовъ. Унего выходитъ такъ: жизнь сама по себѣ, школа сама по себѣ и даже семья сама по себѣ. «Плохая жизнь, говоритъ онъ, создаетъ и плохую школу и плохую семью». Словомъ, вся сила—въ «жизни», а раньше мы видѣли, что вся сила — въ «школѣ», которая «по своему формировала все будущее страны», т. е. всю ея «жизнь»; слѣдовательно «жизнь» создаетъ «школу», а «школа»—«жизнь»—ларчикъ открывается, по обыкновенію, очень просто! Жаль, что г. Буличъ не договорился, что же именно такое создаетъ «семья»? Тутъ, мнѣ думается, онъ нашелъ бы больше простора для своего остроумія.

Что сказать и о такихъ фразахъ г. Булича, какъ, напр., «у насъ нѣтъ никакой преемственности культуры» (135), «въ нашихъ университетахъ не сохраняется никакихъ духовныхъ традицій, за исключеніемъ развѣ анекдотическаго свойства» и т. под.? Едва ли слѣдуетъ подробно доказывать, что первый изъ этихъ взглядовъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о совершенномъ непониманіи г. Буличемъ историческаго процесса, что не было, нѣтъ и быть не можетъ общества и государства, въ исторіи котораго было бы невозможно установить фактъ «преемственности» культуры; какъ это ни азбучно, а приходится, въ виду «маститости» автора, напоминать ему, что въ исторіи, какъ и въ природѣ, скачковъ не бываетъ... Что касается второго изъ процитированныхъ изрѣченій, то не намъ бы напоминать человѣку, учившемуся въ университетѣ въ 40-хъ годахъ, о такихъ русскихъ университетскихъ традиціяхъ, какія соединяются съ именами Грановскаго, Кудрявцева, Соловьева, Кавелина, Мейера, Ешевскаго и др., о которыхъ многіе старые студенты оставили восторженныя воспоминанія и вліянія которыхъ на позднѣйшія поколѣнія никто не станетъ отрицать. Мы, впрочемъ, не будемъ спорить противъ того, что для г. Булича и эти традиціи памятны только съ анекдотической стороны, потому-что трудно отыскать другого подобнаго любителя анекдотовъ, какъ нашъ авторъ, блистательно доказавшій это всею своей книгой. Разсужденія же со свободнымъ отношеніемъ къ логикѣ сдѣланы имъ, очевидно, для того, чтобы придать своимъ вообще механическимъ писаніямъ научную окраску, и такъ какъ эти разсужденія вовсе не вытекаютъ изъ фактическаго текста, а пришиты къ нему бѣлыми и довольно толстыми нитками, то они къ пользѣ репутаціи г. Булича могли бы быть выпущены въ слѣдующихъ изданіяхъ его веселой книги въ большинствѣ ея страницъ. Мы на мѣстѣ г. Булича исключили бы и лирическія отступленія, производящія

впечатлѣніе не совсѣмъ лестной для автора неожиданности. Посудите сами: пока г. Буличъ разсказываетъ «разныя исторіи», б. ч. грязнаго содержанія, онъ, повидимому, — въ прекраснѣйшемъ расположеніи: и хихикаетъ, и подмигиваетъ, и потираетъ руки отъ удовольствія, но лишь только ударился въ размышленія, его сейчасъ же посѣщаетъ самая черная меланхолія; такъ, напр., на стр. 155 онъ жалуется на свое «тяжелое душевное состояніе», которое онъ испытываетъ при благородномъ желаніи «уяснить себѣ безсиліе нашей интеллигенціи», на стр. 209 опять говоритъ: «у насъ остается въ душѣ чрезвычайно тяжелое чувство» и т. под. Мы, пожалуй, не стали бы и указывать на эту лирику, если бы не подозрѣвали, что, вѣроятно, нехорошимъ настроеніемъ автора и объясняются тѣ вылазки, которыя г. Буличъ нерѣдко дѣлаетъ въ разбираемомъ трудѣ противъ разныхъ современныхъ намъ учрежденій, напр., противъ казанскаго Археологическаго Общества, противъ лицъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ первымъ годамъ Казанскаго Университета, наконецъ противъ позднѣйшей учащейся молодежи и даже противъ всего русскаго народа; этотъ послѣдній провинился въ томъ, что отличается равнодушіемъ къ пожарному бѣдствію (212).

Приведенныхъ данныхъ, намъ кажется, вполнѣ достаточно для заключенія, что книга г. Булича не можетъ претендовать на серьезное значеніе историческаго изслѣдованія, такъ какъ въ ней нѣтъ ни надлежащаго историческаго метода, ни логической мысли. Нельзя ее оцѣнивать и какъ художественнонарисованную бытовую картину, потому-что авторомъ не соблюдено двухъ основныхъ требованій, которыя всегда необходимо предъявить всякому художественному произведенію: извѣстной мѣры въ выборѣ однородныхъ фактовъ и жизненной правды, густо замазанной г. Буличемъ одной краской. Книгу г. Булича можно оцѣнивать только съ точки зрѣнія простой сводки архивнаго матеріала; какъ таковая она, разумѣется, будетъ имѣть значеніе для будущаго историка нашего культурнаго роста въ 1-ой четверти XIX-го ст.

Н. Н. Ѳ.

Н. Н. Бакай. Общій обзоръ главнѣйшихъ актовъ, относящихся къ исторіи колонизаціи Сибири въ концѣ XVI-го и XVII-го ст. О составленіи переписныхъ книгъ городовъ Мангазеи и Туруханска во второй половинѣ XVII в. Къ вопросу объ изученіи исторіи Сибири. Рѣчь, читанная на актѣ въ красноярской женской гимназіи 3-го декабря 1889 г. препод. Н. Н. Бакай.

Всѣ эти брошюры препод. Н. Н. Бакай изданы въ Красноярскѣ, и это обстоятельство, независимо отъ внутреннихъ ихъ достоинствъ, производитъ на читателя особенно симпатичное впечатлѣніе. Пріятно воочію убѣдиться, что и въ «медвѣжьихъ углахъ» нашей родины попадаются люди, искренне увлеченные научнымъ изслѣдованіемъ историческихъ вопросовъ, польза отъ разрѣшенія которыхъ для нашего національнаго сознанія не можетъ подлежать сомнѣнію. Первыя двѣ брошюры посвящены спеціальнымъ вопросамъ

сибирской исторіи и обнаруживаютъ въ авторѣ и значительную наблюдательность, и умѣнье сгруппировать намѣченныя явленія въ стройномъ и осмысленномъ изложеніи, особенно въ статьѣ о колонизаціи; а третья, представляя добросовѣстный обзоръ того немногаго, что сдѣлано для сибирской исторіи, показываетъ въ авторѣ серьезное желаніе поставить изученіе сибирской исторіи на вполнѣ научную почву. Предъ мѣстнымъ обществомъ г. Бакай прежде всего пропагандируетъ образованіе архивной коммиссіи, убѣждая красноярскую интеллигенцію въ необходимости этого учрежденія, напр., слѣдующими словами: «вѣдь въ непривлекательныхъ архивныхъ занятіяхъ есть тоже свѣтлыя стороны. Подъ слоемъ архивной пыли, въ мрачныхъ, сырыхъ подвалахъ, въ полуистлѣвшихъ рукописяхъ съ едва замѣтными начертаніями, можно найти много живненныхъ, полныхъ смысла и значенія свѣдѣній» и пр.

Въ добрый путь!

Н. Н. Ѳ.

Указатель

статей по археологіи, исторіи и этнографіи, помѣщенныхъ въ журналѣ „Заволжскій Муравей“ (1832—1834).

Этнографическія статьи мѣстно-областного содержанія:

«Праздники казанскихъ татаръ», К. Ф. фукса. 1834 г., т. 3, стр. 52 — 71, 178—194.

«Имена боговъ черемисскихъ» 1833 г. т. 2, стр. 924—925.

«Собраніе молитвъ, читаемыхъ черемисами крещеными и некрещеными при жертвоприношеніи въ киреметн» 1833 г. т. 2, стр. 584—587.

«О чувашскомъ языкѣ» прот. Вишневскаго. 1832 г. т. 3, стр. 1155—1157.

«Черемисскія поминки», А. А. Фуксъ. 1834 г. т. 3, стр. 460—471.

«Поѣздка изъ Казани въ Чебоксары», письма А. А. и К. Ф. Фуксовъ. 1834 г. т. 1, стр. 39 — 50, 90 — 101, 154—170, 211 — 224, 271 — 287, 348 — 362, 454—467; т. 2, стр. 41—50, 102—121, 166—175.

«Замѣчанія чувашскаго жителя на статью «поѣздка въ Чебоксары» 1834 г. т. 3, стр. 507—516.

«О водвореніи колонистовъ Саратовской губ. по Камышинскому уѣзду». Сабанщикова. 1832 г. т. 3. стр. 944—965.

«Картина башкирскаго быта» 1832 г. т. 1, стр. 156—159.

«Сатовка въ Омскѣ», Владиміра Веселли, 1832 г. т. 3, стр. 1051—1055.

«О казакахъ Енисейской губ.», Петрова. 1833 г. т. 1. стр. 215—229.

«О ламахъ кочующихъ въ забайкальскомъ краю Бурятъ шигемоніанскаго исповѣданія и о догматахъ ихъ вѣры», полковника Маслова. 1832 г. т. 2, стр. 888-902; т. 3, стр. 1012—22, 1203—18.

«О честности Остяковъ». 1834 г. т. 2, стр. 358—360.

«Нѣчто о Солонахъ», 1834 г. т. 2, стр. 357—358.

Статьи топо-этнографическія.

«Рынь-пески», Сабанщикова 1832 г. т. 2, стр. 660—678.

«Описаніе Екатеринбурга и его окрестностей» 1834 г. т. 3, стр. 446—462, 491—506.

«Бродящіе народы Туруханскаго края», полковника Маслова. 1833 г. т. 1, стр. 275 — 291, 392 — 415; т. 2, стр. 506—523, 562—575.

«Красноярскъ», изъ путевого журнала Антропова. 1832 г. т. 3, стр. 1183—91.

ОПЕЧАТКИ ВО 2 ВЫП. X Т. „ИЗВѢСТІЙ“.

Стран.	строк.	напечатано	должно быть
204	13 сверху	гробъ	срубъ
226	1 —	обѣдепная	обыденная

☛ *По постановленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи цѣна „Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда" значительно понижена. Подробности см. въ Объявленіи.* ☚

ОТЧЕТЪ

ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ

ЗА 1890—92 ГОДЫ.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА

КЪ 19 МАРТА 1892 Г.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря Н. Тиховъ.

ОТЧЕТЪ

Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ за 1890—92 гг.

Составъ Общества. Къ 19 марта 1892 г. Общество имѣло 16 почетныхъ членовъ, 4 члена-соревнователя, 90 дѣйствительныхъ членовъ и 71 членовъ сотрудниковъ.

Въ этомъ числѣ, за время съ 1 апрѣля 1890 г. по 1 марта 1892 года, вновь избрано: а) два почетныхъ члена: 1) бар. Тизенгаузенъ В. Г. и 2) Штида Л. Х., проф. Кенигсбергскаго университета; б) 17 дѣйствительныхъ членовъ: 1) Айналовъ Д. В. прив.-доц. Казанскаго университета; 2) Воронцовъ К. И., преподаватель 1-й гимназіи; 3) Газенвинкель К. Б., товарищъ прокурора Казанск. Судебн. Палаты; 4) Горталовъ Н. К., преподаватель первой гимназіи; 5) Кирилловъ Н. Я., надзиратель при той-же гимназіи; 6) Кротовъ П. И., проф. Казанскаго университета; 7) Кулагинъ А. К., преподаватель 1-й гимназіи; 8) Латышевъ В. В, помощникъ попечителя Казан. учебнаго округа 9) Михайловъ М. Д., архитекторъ; 10) Молоствовъ В. В.; 11) Пинегинъ М. Н., воспитатель татарской школы; 12) Смышляевъ Д. Д.; 13) Тиховъ Н. З., кандидатъ истор.-филол. наукъ; 14) Толстой А. В., землевладѣлецъ Самарской губ.; 15) Шершеневичъ Г. Ф., проф. Казанскаго университета; 16) Штеръ Г. К., проф. Казанскаго университета и 17) Ѳирсовъ Н. Н., прив.-доц. тогоже университета; в) 6 членовъ-сотрудниковъ: 1) Вихманъ Г., магистръ Гельсингфорскаго университета; 2) Логачевъ, учит. въ с. Йогвѣ Соликамск. у.; 3) Смирновъ С. М., хранитель ботаническаго кабинета; 4) Софоновъ К. Т., фотографъ-художникъ; 5) Троицкая, учительница въ Царевококш. у. и 6) Хорошевъ, учитель въ с. Ошибѣ Соликамск. у.

За отчетные годы Общество понесло тяжелыя утраты въ лицѣ умершихъ: а) почетныхъ членовъ 1) П. Н. Масленикова, попечителя Казанск. округа, 2) Н. А. Попова, директора Архива Министерства Юстиціи, 3) М. И. Семевскаго, ред.-изд. «Русской Старины» б) дѣйствительныхъ членовъ: 4) М. П. Веске, преподав. финск. нарѣчій, 5) Н. И. Ильминскаго, директора учительск. семинаріи; 6) А. Ѳ. Лихачева, 7) И. Я. Порфирьева, проф. Духовной Академіи, 8) Я. С. Степанова, проф. университета; в) членовъ-сотрудниковъ: 8) Е. Т. Соловьева и 10) И. Н. Холмогорова, проф. Лазаревскаго института.

Составъ Совѣта. Совѣтъ Общества въ отчетные годы составляли: Предсѣдатель Общества Н. А. Ѳирсовъ, Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ, члены совѣта: П. А. Пономаревъ, И. Н. Смирновъ, А. И. Соколовъ, Н. В. Сорокинъ и А. А. Штукенбергъ; секретарь П. В. Траубенбергъ. Вслѣдствіе отказа послѣдняго обязанности секретаря (съ 25 февр. 1891 г.) поручено было исполнять дѣйствит. члену проф. А. И. Александрову, а за его отъѣздомъ обязанности эти поручены были дѣйств. члену Н. З. Тихову. Обязанности казначея исполнялъ г. Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ; ревизіонная комиссія состояла изъ Н. А. Толмачева и Я. С. Степанова; за смертію послѣдняго были назначены выборы, на которыхъ избраны были П. В. Траубенбергъ и А. К. Кулагинъ. — Членами редакціонной комиссіи были: И. Н. Смирновъ, А. И. Соколовъ и секретарь Общества (независимо отъ перемѣны лицъ).—Музеемъ Общества завѣдывалъ А. А. Штукенбергъ, библіотекой—И. Н. Смирновъ, отдѣломъ рукописей—А. И. Соколовъ.

Дѣятельность Общества. За время съ 27 апрѣля 1890 г. по 12 марта 1892 г. было 13 засѣданій Совѣта и 15 Общихъ Собраній. На этихъ Общихъ Собраніяхъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія: a) Предсѣдателя Общества Н. А. Ѳирсова (1): 1) «Памяти П. Д. Шестакова»; b) Товарища Предсѣдателя И. А. Износкова (3): 2) «О памятникахъ древности въ Казанской губерніи»; 3) «Кара-якуповская волость Уфимской губ. и уѣзда» и 4) «Памяти Н. И. Ильминскаго»; c) дѣйствительныхъ членовъ: А. И. Александрова (1): 5) «Внѣшній бытъ Сербовъ»; В. Н. Витевскаго (2): 6) Новыя данныя относительно Батырши, предводителя въ башкирскомъ мятежѣ въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны» и 7) «Памяти Н. И. Ильминскаго»; В. В. Латышева (1): 8) «Присяга гражданъ Херсониса Таврическаго»; В. К. Магницкаго (2): 9) Объ ирихахъ у чувашъ» и 10) »Этнографическо-статистическія данныя о бракахъ Чувашъ Казан. губ.»; Ѳ. Г. Мищенко (1): 11) «По поводу I тома «Сборника ученыхъ трудовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ; М. Н. Пинегина (1): 12) «Свадебные обычаи казанскихъ татаръ»; П. А. Пономарева (2): 13) «По вопросу о монгольскомъ городѣ Укекѣ» и 14) «Булгарскій городъ Ошель и его окрестности»; И. Н. Смирнова (8): 15) Предварительный отчетъ о поѣздкѣ къ Пермякамъ», 16) «Обзоръ источниковъ и пособій для изученія исторіи и современнаго быта Пермяковъ»; 17) «Очеркъ исторіи Пермяковъ», 18) «Семейный и общественный бытъ Пермяковъ», 19) «Погребальные обычаи и остатки языческой старины у Пермяковъ», 20) Предварительный отчетъ о поѣздкѣ къ Мордвѣ», 21) «Очеркъ исторіи Мордвы (данныя географическія)» и 22) «Очеркъ исторіи Мордвы (данныя археологическія)»; А. И. Соколова (1): 23) «Русскія имена и прозвища въ XVII в.»; Н. З. Тихова (1): 24) «Болгарскій домъ и относящіяся къ нему постройки»; А. А. Штукенберга (2): 25) «Объ одной изъ древнихъ могилъ Спасскаго уѣзда Казанск. губ. и 26) «Послѣднія раскопки въ Болгарахъ»; d) членовъ-сотрудниковъ: Р. А. Нелидовой (2): 27) «О наглядныхъ пособіяхъ для преподаванія русской исторіи» и 28) «Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ, заключающимся въ извѣстномъ изданіи сенатора Д. И. Ровинскаго»; Е. Т. Соловьева (1): 29) «Памятники татар-

-ской старины въ дачѣ с. Сюкеева Тетюшск. у. Казанск. губ.»; А. А. Спицына (1): 30) «Оброчныя земли на Вяткѣ въ XVII в.»; Троицкой (1): 31) «Черемисы Арбанской волости Царевококш. у. Казанск. губ.»; Безрукова (1): 32) Свадебные обряды русскихъ крестьянъ Красноуфимск. у. Пермск. губ.» и студ. Обрѣзкова (1): 33) «Слѣды древняго поселенія въ окрестностяхъ г. Спасска Казанск. губ.» — Кромѣ этого дѣйств. чл. И. Н. Смирновъ прочелъ двѣ публичныхъ лекции на темы: 1) Задачи и значеніе этнографіи» и 2) Этнографическій матеріалъ, его собираніе и обработка».

Музей Общества обогатился частями вотской одежды (женской-дѣтской рубашкой и фартукомъ), пожертвованными помощницей учителя В. В. Ложкиной; 32 монетами, принесенными въ даръ чл.-сотр. О. Ѳ. Суринымъ; 2 серебряными кабильскими застежками, пожертвованными Н. А. Бобровниковымъ; различными предметами булгарской культуры, пріобрѣтенными для Общества Н. А. Ѳирсовымъ и А. А. Штукенбергомъ. Кромѣ того чл.-сотр. П. К. Вагинъ принесъ въ даръ Обществу рисованный имъ самимъ портретъ царствующаго Государя Императора Александра Александровича и д. ч. А. Н. Бекетовъ—циркуляръ Казанскаго медицинскаго инспектора, сдѣлавшійся рѣдкостью по той причинѣ, что онъ отбирался административнымъ путемъ послѣ того, какъ былъ повсемѣстно разосланъ.

Библіотека Общества также очень значительно увеличилась, особенно—благодаря обмѣну изданіями съ другими учрежденіями. Въ отчетные годы Общество обмѣнивалось: съ Императорскими университетами: 1) Варшавскимъ, 2) Казанскимъ, 3) Кіевскимъ, 4) Новоросійскимъ; 5) съ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ и его отдѣленіями: 6) Оренбургскимъ, 7) Западно-Сибирскимъ и 8) Восточно-Сибирскимъ, 9) съ Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ, 10) съ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, 11) съ Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, 12) съ Обществомъ Естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ, 13) съ Уральскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, 14) съ Историческимъ Обществомъ Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ, 15) съ Финляндскимъ Археологическимъ Обществомъ, 16) съ Историческимъ Обществомъ при С.-Петербургскомъ университетѣ, 17) съ Историко-филологическимъ Обществомъ при Харьковскомъ университетѣ, 18) съ Эстонскимъ Ученымъ Обществомъ въ Дерптѣ, 19) съ Физико-экономическимъ Обществомъ въ Кенигсбергѣ, 20) съ Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи, 21) съ Ростовскимъ, 22) Минусинскимъ и 23) Тобольскимъ Музеями, 24) съ Вятскимъ Земскимъ Статистическимъ Бюро, 25) съ Курляндскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, 26) съ Кавказскимъ Учебнымъ Округомъ, 27) съ Енисейскими, 28) Нижегородскими, 29) Пензенскими и 30) Уфимскими Губернскими Вѣдомостями, 31) съ Астраханскими, 32) Казанскими, 33) Нижегородскими, 34) Самарскими и 35) Саратовскими Епархіальными Вѣдомостями, 36) съ Костромской, 37) Нижегородской, 38) Пермской, 39) Рязанской, 40) Саратовской, 41) Таврической, 42) Тамбовской и 43) Ярославской Архивными Комиссіями, 44) съ Петровскимъ Обществомъ Изслѣдователей Астраханскаго Края, 45) съ Одесскимъ

Обществомъ Исторіи и Древностей, съ редакціями 46) Волжскаго Вѣстника, 47) Казанскаго Биржевого Листка, 48) Владивостока, 49) Южнаго Края, 50) Вѣстника Грузинскаго Экзархата, 51) Православнаго Собесѣдника, 52) Славянскаго Обозрѣнія, 53) Русской Старины, 45) Этнографическаго Обозрѣнія, 55) Wisła и 56) Česky lid.

Кромѣ того въ библіотеку пожертвованы книги отъ слѣдующихъ лицъ: Anderson'a (№ 2455), Вильчинскаго (№ 2524), Корсакова (№ 2536), Красносельцева (№№ 2522—23), Кувнецова (№№ 2562—63), Латышева (№№ 2457—60, 2462—68), Лебедева (№ 2450), Лопатинскаго (№ 2477), Малова (№№ 2449, 2569), Masing'a (№ 2456), Налимова (№ 2452), Napiersk'aго (№ 2528), Пантусова (№ 2489), Рябинскаго (№ 2446), Самуилова (№ 2451), Семенова (№ 2571) Смирнова И. Н. (№№ 2548 — 49), Смышляева (№ 2537), Титова (№№ 2483, 2566—67), Толстого М. В. (№ 2565) и Ушакова (№ 2568).

По опредѣленію Совѣта Общества изданы 3 выпуска IX тома и 2 выпуска X тома, занимающіе въ общей сложности 33 печатныхъ листа.

ДЕНЕЖНЫЯ СРЕДСТВА ОБЩЕСТВА.

Приходъ:

Къ 23 марта 1890 года оставалось въ наличности . . .	808 р.	18	к.
Къ 8 марта 1892 года вновь поступило:			
% по купонамъ	43 »	43	»
Облигація 2 Восточнаго займа	100 »	—	»
Членскихъ взносовъ въ 1890—91 г.г.	325 »	—	» [1])
На охрану Болгаръ на 1891 г.	300 »	—	»
На расширеніе изданія.	177 »	—	»
Отъ продажи изданій.	366 »	34	» [2])
Остатокъ отъ изданія «Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда»	22 »	09	»
Сборъ съ лекцій И. Н. Смирнова	30 »	—	»
Итого . . .	2172 р.	04	к.

Расходъ:

За 5% облигацію 2 Восточнаго займа и храненіе процентныхъ бумагъ	108 р.	20	к.
Жалованье писцу и служителямъ	229 »	50	»
За охрану и ремонтъ Болгарскихъ развалинъ. . .	314 »	—	»
На устройство Музея.	27 »	86	»
На вѣнокъ д. ч. М. П. Веске	11 »	—	»
За телеграмму Вирхову.	5 »	30	»
На экскурсіи.	110 »	—	»

[1]) Въ томъ числѣ въ 1890 г.—160 р и въ 1891 г.—165 р.

[2]) Въ томъ числѣ за 1891—92 г. выручено 295 р. 49 к.

Внесено въ типографію а) за платные листы IX т.	248 р. — »
б) за мелкія печатанія . .	65 » 70 »
Уплачено фотографамъ Соболеву и Софонову . .	74 » — »
На мелкіе канцелярскіе и почтовые расходы . . .	63 » 40 »
Итого	1256 р. 96 к.

Такимъ образомъ въ наличности къ 8 марта 1892 года, когда была произведена ревизія, оставалось. . . . . 915 р. 08 к.

Въ томъ числѣ:

Неприкосновеннаго капитала.	500 р. — »
Редакціоннаго фонда	380 р. 21 к.
На текущіе расходы	34 р. 87 к.

Сверхъ указанныхъ расходовъ Общество имѣетъ уплатить, на основаніи постановленій Совѣта отъ 27 января и 12 марта 1892 г., 186 руб. университетской типографіи: 66 р.—въ погашеніе долга за IX т. и 120 р.—за печатанія 1889—90 г.г., стоимость которыхъ составляла сумму въ 631 руб.

Отчетъ объ явленіяхъ, изъ которыхъ слагается исторія Общества за 1890—1892 г.г., былъ бы неполонъ, еслибы мы обошли молчаніемъ нѣсколько фактовъ, небезынтересныхъ какъ для г.г. членовъ Общества, такъ и для постороннихъ лицъ, сочувствующихъ его дѣятельности.

1) Научная цѣнность изданій, сдѣланныхъ Обществомъ, и цѣнность не маловажная,—констатирована критикой русской и иностранной.

Сочувственный отзывъ о VII томѣ за это время помѣщенъ въ Вѣстн. Европы 1890, IV. Въ журналѣ «Globus» за 1890 г. (т. LVIII, №№ 12, 13) помѣщенъ подробный отчетъ P. Stenin'а о заключающемся въ VII т. «Извѣстій» очеркѣ «Черемисы». Въ журналѣ Филол. отд. Венг. Академіи Наукъ мадьярскій филологъ Мункачи, дѣлая разборъ VII т. «Извѣстій», останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на «Изслѣдованіяхъ о нарѣчіяхъ черемисскаго языка» М. П. Веске, сочувственно упоминая приэтомъ и объ очеркѣ «Черемисы». — Томъ VIII, вып. 1, заключающій въ себѣ трудъ покойнаго М. П. Веске: «Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка», вызвалъ слѣдующій отзывъ В, И. Ламанскаго въ журналѣ «Живая Старина» (1891, 1): «Трудъ замѣчательный и важный и для филологовъ, и для этнологовъ, для исторіи финскихъ и славянскихъ языковъ и народностей. По своимъ достоинствамъ и по своему значенію эта отличная ученая работа даровитаго, прекрасно подготовленнаго и увы! уже покойнаго Веске должна быть поставлена рядомъ съ извѣстнымъ изслѣдованіемъ датскаго ученаго Томсена: «О вліяніи германскихъ языковъ на финно-лапарскіе». Проф. Вс. Миллеръ говоритъ о томъ-же трудѣ въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» (1890, IV): «будущій изслѣдователь будетъ признателенъ покойному Веске уже за то, что онъ первый собралъ довольно значительный матеріалъ для этого вопроса. Вообще, трудъ покойнаго финнолога представляетъ добросовѣстную и хлопотливую работу, затрогивающую цѣлый рядъ культурно-историческихъ вопросовъ, и остается пожалѣть, что внезапная смерть прервала въ самомъ разгарѣ его научную дѣятельность». — О вып. 2 тома VIII помѣщены отзывы

въ Историч. Вѣстникѣ 1890, въ Наблюдателѣ 1890, Русск. Мысли 1891, II Вѣстн. Европ. 1890, IV, Русск. Старин. 1890, III въ Нови 1890, Этнограф. Обозрѣн. 1890, I, въ Живой Старинѣ 1890, I; обширное извлеченіе изъ этого выпуска сдѣлано (P. Stenin'ымъ) для извѣстнаго этнологическаго журнала «Ausland»; подробный и весьма сочувственный отчетъ о томъ-же выпускѣ помѣстилъ г. Н. Харузинъ, авторъ монографіи о Лопаряхъ, въ органѣ Парижскаго Антропологическаго Общества «Anthropologie». О т. IX, вып. 1 и 2 помѣщены отзывы въ Русск. Стар. 1891, X, Русск. Мысли 1891, VIII Русск. Богатствѣ 1891, Екатеринбургск. Недѣлѣ 1891, 25, въ Гражданинѣ, Новостяхъ 1891, 219, Этногр. Обозр. 1891, II и IV и Славян. Обозр. 1892, II. — Наконецъ въ англійскомъ журналѣ «Atheneum» изданія Общества А., И. и Э. фигурируютъ въ числѣ выдающихся явленій русской этнографической литературы въ годичныхъ обзорахъ русской литературы за 1890 и 1891 г.г.

2) Комиссіонные счеты книгопродавцевъ Дубровина, Башмакова и Суворина за 1890 и 1891 годы показываютъ, что и съ точки зрѣнія экономической изданные Обществомъ томы «Извѣстій» представляютъ цѣнность не незначительную для спеціальныхъ и притомъ выходящихъ въ провинціи изданій. Отъ продажи принадлежащихъ Обществу изданій въ послѣдніе два года выручено около 366 руб., изъ которыхъ 248 руб. уже уплачены университетской типографіи, а 118 руб. съ присоединеніемъ 30 руб. отъ публичныхъ лекцій И. Н. Смирнова, 22 руб. и 16 р. изъ редакціоннаго фонда, какъ видно изъ вышесказаннаго, назначены къ уплатѣ. — Къ косвеннымъ выгодамъ, которыя Общество извлекаетъ изъ выпущенныхъ имъ въ свѣтъ изданій, служитъ 1) увеличивающійся изъ года въ годъ обмѣнъ съ другими учрежденіями, изданія которыхъ представляютъ очень значительную цѣнность и 2)—возрастающая аккуратность, съ которой уплачиваются членскіе взносы: уклоненіе отъ платежа становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ

Приведенныя данныя позволяютъ Совѣту выразить убѣжденіе въ томъ, что погашеніе долга въ 511 руб., который остается еще на Обществѣ отъ прошлыхъ лѣтъ, представляетъ только вопросъ времени и времени недалекаго, если принять во вниманіе періодъ, въ теченіе котораго собрана для уплаты сумма въ 434 руб. Вѣроятность скораго погашенія долга увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1892 г. въ продажѣ за счетъ Общества будутъ состоять кромѣ «Извѣстій» съ III тома по IX включительно и мелкихъ брошюръ еще «Труды IV Археологическаго Съѣзда», переданные въ собственность Общества по окончаніи ихъ печатанія, и 6 выпусковъ X-го тома, печатаніе которыхъ обезпечено благодаря горячей отзывчивости гг. членовъ Общества суммами, собранными по спеціальной подпискѣ.

И. д. Секретаря Н. Тиховъ.

Приложеніе къ Отчету.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ

Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ

КЪ 19 МАРТА 1892 ГОДА

съ указаніемъ времени вступленія въ Общество и мѣста жительства.

I. ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

1 Аспелинъ, проф. универс. (4 окт. 1884 г.). *Гельсингфорсъ.*

Буслаевъ, Өедоръ Ивановичъ, академикъ, (4 нояб. 1888 г.). *Москва.*

Бычковъ, Афанасій Өедоровичъ, академикъ, директоръ Импер. Публичн. библіотеки (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*

Бюлеръ, Ө. А. почетн. членъ Импер. Академіи Наукъ, директоръ Главнаго Архива Министерства Иностр. Дѣлъ (14 февр. 1888 г.). *Москва.*

5 Васильевъ, Василій Павловичъ, академикъ, заслуж. орд. проф. Импер. С.-Петер. унив. (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*

Вирховъ, проф. универс. (30 окт. 1881 г.). *Берлинъ.*

Доннеръ, проф. универс. (4 окт. 1884 г.). *Гельсингфорсъ.*

Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, предсѣдатель Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ универ. (16 мая 1884 г.). *Москва.*

Мещериновъ, Григорій Васильевичъ, командующій войсками Казан. Воен. Округа (22 дек. 1889 г.). *Казань.*

10 Островскій, Андрей Николаевичъ, кандидатъ естеств. наукъ (16 мая 1884 г.). *Казань.*

Павелъ, Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій, Членъ Свят. Синода (22 дек. 1889 г.). *Казань.*

Полтарацкій, Петръ Алексѣевичъ, Казанскій губернаторъ (22 дек. 1889 г.). *Казань.*

Леонъ де Рони, Сенаторъ франц. республики, предсѣдатель Париж. Этнографическаго Общества (30 окт. 1881 г.). *Парижъ.*

Савваитовъ, П. И., Членъ Импер. Русскаго Археологическ. Общества (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*

15 Тизенгаузенъ, Владиміръ Густавовичъ, баронъ членъ Императ. Археологической Коммиссіи (11 апр. 1891 г.). *С.-Петербургъ.*

16 Штида, Людвигъ Христіановичъ, проф. универ. (27 апрѣля 1890 г.). *Кенигсбергъ.*

II. ЧЛЕНЫ-СОРЕВНОВАТЕЛИ.

1 Горемыкинъ, Игнатій Ивановичъ, Членъ Окружн. Суда (16 апр. 1879 г.). *Казань.*

Кекина, Анна Авксентьевна, Потомст. поч. гражд. (27 янв. 1882 г.). *Казань.*

Унженинъ, Василій Авксентьевичъ, Потом. поч. гражд. (16 мая 1881 г.). *Казань.*

4 Шимановскій, Митроф. Васильевичъ, Членъ суд. Пал. (28 сент. 1879 г.). *Одесса.*

III. ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.

а) Городскіе:

1 Айналовъ, Дмитрій Власьевичъ, прив. доц. унив. (11 апр. 1891 г.).

Александровъ, Александръ Иван., проф. унив. (20 апр. 1889 г.).

Архангельскій, Александръ Семен., проф. унив. (3 нояб. 1885 г.).

Ахмеровъ, Шахбасъ-Гирей Измаиловичъ, инспекторъ татарской учительской школы (23 нояб. 1889 г.).

5 *Бекетовъ, Андрей Николаев., д. с. с. (5 сент. 1878 г.).

Бѣляевъ, Дмитрій Ѳедоров., проф. унив. (16 мая 1884 г.).

Васильевъ, Александръ Васильев., проф. унив. (3 мая 1886 г.).

Витевскій, Владиміръ Никол., препод. гимназ. (11 апр. 1879 г.).

Воронцовъ, Константинъ Иванов., препод. гимн. (27 февр. 1892 г.).

10 Газенвинкель, Константинъ Борисов., товар. прокурора Судебн. Палаты (19 дек. 1891 г.).

Галкинъ-Врасскій, Николай Никол., членъ Суд. пал. (членъ-основатель).

Горталовъ, Николай Констан., преп. гимн. (27 февр. 1892 г.).

Готвальдъ, Осипъ Ѳедоров., библіот. унив. (членъ основ.).

Дормидонтовъ, Григорій Ѳедоров., проф. унив. (29 дек. 1885 г.).

15 Загоскинъ, Николай Павл., проф. унив. (членъ-основатель).

Заусайловъ, Василій Иванов., пот. поч. гражд. (30 нояб. 1878 г.).

Износковъ, Иліодоръ Александ., директ. реальн. уч. (членъ-основ.).

Корсаковъ, Дмитрій Александр., проф. унив. (членъ-основ.).

Корсакова, Варвара Дмитріевна (4 нояб. 1888 г.).

20 Кириловъ, Никол. Яковл., надзир. 1-й гимн. (11 апр. 1891 г.).

Кротовъ, Петръ Иванов., проф. унив. (10 нояб. 1891 г.).
Кукурановъ, Никол. Сергѣев., препод. реал. уч. (23 нояб. 1889 г.).
Кулагинъ, Александръ Корнилов., преп. гимн. (12 дек. 1891 г.).
Латышевъ, Василій Васильев., пом. поп. округа (8 марта 1891 г.).
25 Львовъ, Дмитрій Михайлов., проф. унив. (19 дек. 1885 г.).
Михайловъ, Митрофанъ Дмитр., гражданскій инженеръ (12 дек. 1891 года).
Мищенко, Өедоръ Герасимовичъ, проф. унив. (22 дек. 1889 г.).
Молоствовъ, Владиміръ Вадимовичъ, (10 нояб. 1891 года).
Нагуевскій, Дарій Ильичъ, проф. унив. (16 дек. 1886 г.).
30 Насыровъ, Каюнъ Насыровичъ, казанск. купецъ (3 нояб. 1885 г.).
Образцовъ, Дмитрій Илларіевичъ (14 февр. 1888 г.).
Осокинъ, Николай Алексѣев., проф. унив. (членъ-основ.).
Пельцамъ, Эммануилъ Даниловичъ (30 нояб. 1878 года).
Пинегинъ, Михаилъ Николаевичъ, надзир. татар. школы (19 дек. 1891 года).
35 Пономаревъ, Петръ Алексѣев., преп. Родіон. инст. (членъ-основ.).
Розенъ, баронъ Фридрихъ Фридриховичъ, проф. ун. (членъ-основ.).
Сластниковъ, Семенъ Иванов., канд. мат. наукъ (17 дек. 1886 г.).
Смирновъ, Аполлонъ Ивановичъ, проф. унив. (3 мая 1886 г.).
Смирновъ, Иванъ Николаевичъ, проф. унив. (29 дек. 1885 г.).
40 Соколовъ, Авдій Ивановичъ (14 февр. 1888 г.).
Соловьевъ, Александръ Титовичъ, казн. унив. (16 мая 1884 г.).
Сорокинъ, Николай Васильев., проф. унив. (членъ-основ.).
Тиховъ, Николай Захаровичъ, канд. истор.-филол. наукъ (17 дек. 1890 г.).
Толмачевъ, Николай Александровичъ, проф. унив. (членъ-основ.).
45 Траубенбергъ, Петръ Викторовичъ, преподав. татарской школы (27 февр. 1887 г.).
Хрщановичъ, Левъ Казиміровичъ, губерн. инж. (29 дек. 1885 г.).
Шершеневичъ, Гавріилъ Феликсов. проф. унив. (11 апр. 1891 г.).
Штеръ, Георгій Карловичъ, проф. унив. (12 дек. 1891 г.).
Штукенбергъ, Александръ Антонов., проф. унив. (членъ-основ.).
50 Щеголевъ, Николай Иванов., казан. землевл. (23 дек. 1885 г.).
*Юшковъ, Николай Өирсовичъ (членъ-основ.).
*Ярыгинъ, Иванъ Александров., чиновн. отд. госуд. банка (19 марта 1881 года),
Өирсовъ, Николай Алексѣевичъ, заслуж. орд. проф. университета (членъ-основатель).
Өирсовъ, Николай Николаевичъ, прив.-доцентъ универ. (8 марта 1891 года).

б) иногородніе:

55 Буличъ, Николай Никитичъ, т. с. (членъ-основ.). *Спасскъ* Каз. губ.
Вахрамѣевъ, И. А., (14 февр. 1888 г.). *Ярославль*.

Владиміровъ, Петръ Владиміров. проф. Кіевск. универс. (членъ-основатель). *Кіевъ.*

Зайцевъ, Алексѣй Михайловичъ, проф. Томск. универс. (3 ноября 1885 года). *Томскъ.*

Измайловъ, Александръ Силовичъ, магистръ ветер. наукъ (членъ-основатель). *С.-Петербургъ.*

60 Качановскій, Владиміръ Васильевичъ, проф. Нѣж. института (17 декаб. 1886 г.). *Нѣжинъ* Черниг. губ.

Красносельцевъ, Николай Ѳомичъ, проф. Новорос. университета (3 мая 1886 г.). *Одесса*

Кремлевъ, Николай Александровичъ, заслужен. орд. проф. (17 дек. 1886 г.). *С.-Петербургъ.*

Кривошапкинъ, Михаилъ Ѳомичъ (членъ-основатель).

Кузнецовъ, Степанъ Кировичъ, библіотекарь университета (25 окт. 1884 года). *Томскъ.*

*Лихачевъ, Иванъ Ѳедоровичъ, в.-адмир. (25 нояб. 1884 г.) *Москва.*

65 Магницкій, Василій Константин., инспекторъ нар. учил. (3 нояб. 1885 года). *Елабуга* Вятск. губ.

Мазунинъ, Николай Михайловичъ, землемѣръ (29 сент. 1889 года). *Глазовъ* Вятск. губ.

Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, помощн. директора Императ. Публичн. библіот., д. с. с. (27 января 1879 г.) *С.-Петербургъ.*

Можаровскій, Александръ Ѳедоровичъ, инспекторъ нар. училищ. (4 сент. 1878 года).

Можаровскій, Аполлонъ Ѳедоров., преподават. семинаріи (4 сент. 1878 года). *Нижній-Новгородъ.*

70 Овсянико-Куликовскій, Дмитрій Николаев., проф. универс. (14 февр. 1888 года). *Харьковъ.*

Пантусовъ, Николай Николаевичъ, правит. канцеляріи Семирѣч. воен. губерн. (3 мая 1886 года). *Вѣрный.*

Петровъ, Александръ Александровичъ, преподават. промышленнаго училища (22 дек. 1889 года). *Красноуфимскъ* Пермск. губ.

Подтягинъ, Григорій Иванов., инженеръ (10 апр. 1880 г.). *Петро-Александровскъ,* Тургайск. обл.

*Поливановъ, Владиміръ Николаев., камеръ-юнкеръ двора Е. И. В. (членъ-основ.). *Симбирскъ.*

75 Путиловъ, Александръ Аристархов., землевл. Самар. губ. (27 янв. 1879 года). *Самара.*

Радловъ, Василій Васильевичъ, академикъ (членъ-основатель). *С.-Петербургъ.*

Рамбо, Альфредъ, докторъ рус. истор., проф. слов. факультета въ Парижѣ (членъ-основ.). *Парижъ.*

Сверчковъ, Николай Дмитріевичъ, уѣздн. предв. дворян. (27 янв. 1879 года). *Тетюши* Казанск. губ.

Смышляевъ, Дмитрій Дмитріевичъ (11 апр. 1891 г.). *Пермь.*

80 Спасскій, Николай Александров., секрет. губ. стат. комит. (22 дек. 1889 года). *Вятка.*

*Тимаевъ, Евгеній Матвѣевичъ, драгоманъ азіатскаго Департ. Мин. Иностран. дѣлъ (членъ-основ.). *С.-Петербургъ.*

Титовъ, Андрей Александровичъ, потом. почетн. гражд. (27 февр. 1887 года). *Ростовъ* Ярослав. губ.

Толстой, Александръ Васильевичъ, землевл. Саратов. губ. (27 апр. 1890 года). *Сызрань* Симбирск. губ.

Трубниковъ, Юрій Владиміровичъ, землевл. казан. губ. (25 окт. 1885 года). *Спасскъ* Казанск. губ.

85 Трутовскій, Владиміръ Констант., членъ Москов. Арх. Общ. (17 дек. 1886 года). *Москва.*

Хорошавинъ, Сергѣй Александр. (членъ-основ.).

Христофоровъ, Иванъ Яковлевичъ, инспект. гимназіи (членъ-основатель). *Астрахань.*

*Чекалинъ, Өедоръ Өедоровичъ предсѣд. Мир. Съѣзда (29 дек. 1882 года). *Кузнецкъ* Саратов. губ.

Шишкинъ, Өедоръ Ростиславов. (29 дек. 1885 г.). *Тетюши* Казан. г.

90 Шпилевскій, Сергѣй Михайловичъ, директоръ Демидовск. лицея (членъ-основ.). *Ярославль.*

IV. ЧЛЕНЫ СОТРУДНИКИ ОБЩЕСТВА.

а) городскіе:

1 Вагинъ, Петръ Константинов. учитель (15 дек. 1879 г.).

Геркенъ, Вѣра Александровна (18 апр. 1887 г.).

Ивановъ, Александръ Павловичъ, преподав. Ксеніинской гимназіи (25 дек. 1878 г.).

Казариновъ, Всеволодъ Абрамовичъ (16 апр. 1879 г.).

5 Канонниковъ, Иннокентій Ивановичъ, проф. унив. (28 апр. 1881 г.).

Кобаевъ, Макаръ Евсевьевичъ, учитель (3 апр. 1889 г.).

Кунгурцевъ, Ипполитъ Семеновичъ, преподават. реальн. училища (31 янв. 1890 г.).

Лихачевъ, Николай Петровичъ, прив.-доц. унив. (22 апр. 1881 г.).

Люстрицкій, Викторъ Өедоровичъ, инспекторъ народн. училищъ (16 окт. 1882 г.).

10 Маловъ, Ефимій Александровичъ, прот., професс. Академіи (2 апр. 1884 года).

Нелидова, Раиса Александровна (16 мар. 1890 г.).

Пашковскій, Христофоръ Григорьевичъ, архитекторъ, преподав. реальн. учил. (22 нояб. 1880 г.).

Семеновъ, Тимофей Семеновичъ, о. діаконъ (3 апр. 1889 г.).

Смирновъ, Сергѣй Михайл., хранит. бот. каб. (2 мая 1890 г.).

15 Софоновъ, Константинъ Трифоновичъ (2 мая 1890 г.). Адмир. слоб.

Суринъ, Өедоръ Осиповичъ, подполк. артиллер. (18 дек. 1880 г.).

Щербаковъ, Арсеній Яковл., проф. унив. (28 апр. 1882 г.).
Эрахтинъ, Алексѣй Петровичъ (29 дек. 1885 года).
Юртовъ, Авксентій Филиппов. препод. учит. семин. (1 февр. 84 г.)

б) иногородніе:

20 Аптіевъ, Гавріилъ Андреевичъ, учитель дер. *Варяшъ*, Бирск. уѣзд. (19 нояб. 1889 года).
Аристовъ, Михаилъ Николаевичъ, Мировой судья (22 мар. 1879 г.). *Чистополь* Казанск. губ.
Архангельскій, Иванъ Васильев., штатн. смотрит. Тетюшскаго уѣздн. учил. *Тетюши*.
Балабановъ, Иванъ Петров., редакторъ «Саратов. губерн. Вѣдом.» (4 окт. 1880 г.). *Саратовъ*.
Батьковскій, Василій Ефимов., священ. (1 янв. 1880 г.) с. *Воронежское*, Казан. губ.
25 Вакуловскій, Николай Никол. (27 янв. 1882 г.). *С.-Петербургъ*.
Васильевъ, Егоръ Васильев. учитель Бичуринск. учил. Казанской губерніи (10 мая 1887 года).
Веселицкій, Владиміръ, священн. села *Богородскаго* Казанск. уѣзда (8 сент. 1889 года).
Вихманъ, Георгъ, магистръ Гельсингфорск. унив. (15 окт. 1891 г.). *Гельсингфорсъ*.
Владимірскій, Василій Өедоровичъ, священ. (29 дек. 1885 года) село *Богаево*, Свіяжск. уѣзда.
30 Гейкель, магистръ философіи Гельсингф. университета (30 сент. 1884 года). *Гельсингфорсъ*.
Гуляевъ, Костантинъ Иванов. (28 мая 1881 года).
Дмитріевъ, Александръ Алексѣевичъ, инспект. народн. учил. (3 нояб. 1885 года). *Пермь*.
Дмитріевскій, Николай Ивановичъ, сельскій учитель (22 ноября 1881 года) с. *Билярскъ*.
Дубасовъ, Иванъ Ивановичъ. *Тамбовъ*.
35 Дьяконовъ, Павелъ Иванов., священ. (22 сент. 1879 г.) с. *Можарово* Тетюшскаго уѣзда.
Ефимовъ, Николай Ефимовичъ учитель народнаго училища (16 мая 1889 года).
Жилинъ, Алексѣй Дмитріев., священ. (22 мар. 1879 г.) село *Верхъ-Ушнуръ*, Вятской губерніи.
Жизневскій, А. К. предсѣдатель архивн. коммиссіи. *Тверь*.
Заитовъ, Мухаметзянъ Биккининъ, указный мулла (8 март. 1880 г.) *Кугарчино*, Лаишевскаго уѣзда.
40 Зайцевъ, Иванъ Яковлевичъ, сельскій учитель (30 сент. 1884 года). *Тетюшск.* уѣзда.
Извощиковъ, Михаилъ Иванов., полицейск. урядн. (8 нояб. 1879 г. с. *Новодѣвичье* Севг. у. Симб. г.

Ильченко, Дмитрій Васильевичъ, директоръ народн. учил. (28 апр. 1882 г.). *Тамбовъ.*

Каратаевъ, Бахитъ-Джанъ Джіеневичъ (30 сент. 1885 г.). *Оренбургъ.*

Катановъ, Николай Өедоров. (8 дек. 1884 г.) *С.-Петербургъ.*

45 Логачевъ, учитель с. *Йогва*, Соликамскаго уѣзда (1 нояб. 1890 г.).

Любимовъ, Николай Александр., священ. (8 мар. 1880 г.). *Арскъ.*

Маліевъ, Николай Михайлов. проф. унив. (8 нояб. 1879 г.). *Томскъ.*

Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, проф. унив. (27 окт. 1888 года). *Дерптъ.*

Мелетій, Епископъ Селенгинскій (20 іюля 1878 года).

50 Наливкинъ, Владиміръ Петров., преподав. учит. семин. (5 февр. 1888 года). *Ташкентъ.*

Нохратскій, Василій Михайлов. сельскій учитель (22 нояб. 1880 г.) *Чистоп.* уѣзда.

Остроумовъ, Николай Петров., директоръ гимназіи (8 мар. 1880 г.) *Ташкентъ.*

Пасынковъ, Павелъ Петров., помощ. испр. (28 сент. 1889 г.) *Вятка.*

Пироговъ, П. Г., правитель дѣлъ архив. коммиссіи *Рязань.*

55 Потанинъ, Григорій Николаев. (17 дек. 1880 г.). *Иркутскъ.*

Радаковъ, Александръ Николаев. (28 сент. 1879 г.). *Вятка.*

Рейнгольмъ, художникъ (30 сент. 1884 года). *Гельсингфорсъ.*

Рябинскій, Константинъ Сергѣевичъ, инспект. городск. училища (16 окт. 1882 года). *Козмодемьянскъ.*

Сабуровъ, Василій Васильев., землевл. Пензенск. губерн. (22 марта 1879 года). *Пенза.*

60 Сапожниковъ, Василій Васильев., (28 сент. 1879 г.). *Рынъ-Пески.*

Селивановъ, А. В. правитель дѣлъ архив. коммиссіи. *Рязань.*

Семеновъ, Александръ Өедоров. препод. реал. училища (3 февраля 1883 года). *Владикавказъ.*

Скопинъ, Василій Никитичъ, (16 апр. 1879 года). *Чекментъ*, Сыръ-Дарьинской области.

Спицынъ, Александръ Андреевичъ членъ. Импер. Археол. Комиссіи (4 ноября 1881 года). *С.-Петербургъ.*

65 Троицкая, учительница въ *Царевококш.* уѣзд. (1 нояб. 1890 г,).

Фанагорскій, Петръ Иванов., священ. (27 янв. 1878 г.) село *Бозяково* Спасск. у.

Фатьяновъ, Михаилъ Иванов., землевл. (15 дек. 1879 г.) *Сенгилеевск.* у. Симбир. губ.

Хорошевъ, учитель въ с. *Ошибъ*, Соликамск. у. (1 нояб. 1890 г.).

Шкапскій, Евлампій Семеновичъ, учит. уѣздн. училища. *Ядринъ.*

70 Шляковъ, И. А. членъ музея въ *Ростовѣ.*

71 Яковлевъ, Трифонъ Степанов., сельскій учитель села *Астраханки*, Лаишевскаго уѣзда.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ РЕВИЗІОННОЙ КОМИССІИ.

1892 г. марта 8 дня мы, члены ревизіонной комиссіи Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, свидѣтельствовали денежную приходо-расходную книгу этого Общества, а также провѣряли всѣ расходныя статьи, оправдательные документы и всѣ наличныя деньги и процентныя бумаги. При ревизіи оказалось: на приходѣ двѣ тысячи сто девяносто три руб. семьдесятъ три коп. (2193 р. 73 к.), а на расходѣ: тысяча двѣсти семьдесятъ восемь руб. шестьдесятъ пять коп. (1278 р. 65 к.) и въ остаткѣ девятьсотъ пятнадцать руб. восемь коп. (915 р. 08 к.), каковыя деньги и процентныя бумаги оказались всѣ на лицо.

Члены ревизіонной Комиссіи { *Н. Толмачевъ.* *П. Траубенбергъ.* *А. Кулагинъ.*

ГОЛОДЪ ПРЕДЪ СМУТНЫМЪ ВРЕМЕНЕМЪ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ[1]).

Въ мірѣ есть царь; этотъ царь безпощаденъ,—голодъ прозванье ему.
Некрасовъ.

До половины XVI-го столѣтія пространство между Волгой и Окой постепенно наполнялось пришлымъ населеніемъ, которое, повидимому, крѣпко „осѣдало" въ этомъ междурѣчьи. Колонизація съ юга изъ украинскихъ степей, казалось, готова была остановиться здѣсь и не пойти дальше, найдя себѣ окончательный пріютъ въ земляхъ копителей—собирателей московскихъ князей, сумѣвшихъ объединить подъ своею властью всю Великороссію. Но это только казалось: дальше пока и идти было некуда: путь на сѣверо- и юго-востокъ былъ еще плотно закрытъ двумя татарскими царствами. Только это внѣшнее препятствіе и пріостановило на время передвиженіе населенія. Справедливость этого соображенія доказывается тѣмъ, что лишь только указанное препятствіе было устранено, почти тотчасъ же цѣлыя массы народа начали отливать отъ центра и расплываться по обширнымъ областямъ средняго и южнаго Поволжья, Прикамья и Пріуралья. Несомнѣнно этимъ бродяжничествомъ управляли весьма серьезныя причины, какъ агрономическія, такъ и соціально-политическія. Переходить все на новыя и новыя мѣста побуждалъ земледѣльца уже самый способъ обработки земли; большею частью пашня возникала на мѣстѣ выжженнаго лѣса и питалась только пепломъ и пере-

[1]) Публичная лекція, читанная отъ лица Общества А. И. и Э. 15 марта 1892 г. въ пользу нуждающихся учениковъ сельскихъ школъ и недостаточныхъ студентовъ И. К. У.

гноемъ; понятно, что этого питанія хватало не надолго: земля, представляющая въ верхнемъ Поволжьи не особенно благодарный суглинокъ, быстро выпахивалась, и земледѣлецъ, собравъ свой несложный инвентарь, переходилъ на нетронутую почву. Но какъ бы этотъ процессъ ни былъ быстръ, одни агрономическія условія не могли бы его сдѣлать такимъ, какимъ мы его наблюдаемъ въ концѣ XVI стол.: движеніе походило на сплошное бѣгство населенія отъ центра къ окраинамъ.

Иностранные наблюдатели-современники мѣтко указываютъ на тѣ обстоятельства, которыя сильно ускоряли темпъ движенія. Одинъ изъ нихъ—человѣкъ, весьма трезво смотрѣвшій на вещи и называвшій ихъ настоящими именами, свидѣтельствуетъ, что земли и движимое имущество на Руси принадлежатъ простому народу *„только по названію“*, а *„на самомъ дѣлѣ нисколько не ограждены отъ хищничества и грабежа какъ высшихъ властей, такъ даже и простыхъ дворянъ, чиновниковъ и солдатъ“* [1]). Вслѣдствіе этого *„простой народъ подверженъ такому грабежу и такимъ поборамъ отъ дворянъ, разныхъ властей и царскихъ посыльныхъ, что случается видѣть многія деревни и города въ полмилю или цѣлую милю длины совершенно пустыя, народъ весь разбѣжался по другимъ мѣстамъ отъ дурного съ нимъ обращенія и насилій“* [2]).

По дорогѣ къ Москвѣ (между Вологдою и Ярославлемъ) въ концѣ XVI-го ст. путешественникъ насчитывалъ на растояніи 180 верстъ до 50 деревень, въ которыхъ не было „ни одного жителя“ [3]). Какъ раньше, подъ вліяніемъ страха предъ внѣшними врагами, русское населеніе сбѣгалось въ сравнительно сносное убѣжище—въ Московское княжество, какъ теперь, подъ вліяніемъ того же чувства, оно спѣшило подальше отъ Москвы, опека которой сдѣлалась чрезмѣрно заботливой.

---

[1]) Флетчеръ, стр. 12.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid. стр. 45.

Это бродячее направленіе въ жизни древне-русскаго крестьянина не располагало его къ заготовленію значительныхъ хлѣбныхъ запасовъ на черный день; отбивали послѣднюю охоту къ такой хозяйственности и всевозможные „наѣзды" царскихъ прикащиковъ [1]); вообще—состояніе сельскаго хозяйства было весьма жалкимъ: большинство населенія кормилось съ грѣхомъ пополамъ отъ жатвы до жатвы. Фигура русскаго крестьянина XVI—XVII ст. обрисовывается предъ нами довольно отчетливо: это—полуголодный пахарь съ кое-какими примитивными орудіями, но безъ устойчивой почвы подъ ногами, человѣкъ съ кочевыми наклонностями, но прежде всего имѣющій предъ собой трудно преодолимую преграду — лѣсную чащу; каждый шагъ въ этихъ вѣковыхъ лѣсахъ дается ему послѣ упорной борьбы, надрывающей его силы; наконецъ это—человѣкъ, который въ случаѣ неурожая былъ заранѣе обреченъ на злѣйшій голодъ, повальныя болѣзни и смерть и который разсматривалъ эти бѣдствія какъ „божеское наказаніе". „Наказанія" такого рода посѣщали древнюю Русь весьма часто, но никогда они не достигали такой жестокости, какъ въ царствованіе Бориса Годунова. Неурожаю предшествовали, какъ и всегда, нѣкоторыя атмосферическія явленія, отмѣченныя нашими лѣтописцами рядомъ съ заявленіями, что самъ Богъ „наведе гладъ великій" [2]). Лѣто 1601 г. было весьма дождливое; дождя было такъ много, „что вси человѣци во ужасъ впадоша" [3]); хлѣбъ уже наливался, но не зрѣлъ, стоялъ зеленый, „аки трава". Кромѣ того, въ ночь на Успеньевъ день (16-го августа) ударилъ сильный морозъ („мразъ велій") и погубилъ весь хлѣбъ. Въ этотъ годъ, по свидѣтельству русскаго лѣтописца, народъ

[1]) Ibid.: ...«народъ, будучи стѣсненъ и лишаемъ всего, что пріобрѣтаетъ, теряетъ всякую охоту къ работѣ», стр. 46. Маржеретъ: «простой народъ довольствуется весьма немногимъ... весьма лѣнивъ, работы не любитъ»... (Сказ. совр. т. III, стр. 15).

[2]) Лѣтоп. о мн. мятеж., стр. 63 и 64. Палицинъ, Сказаніе объ осадѣ Троицко-Серг. мон., стр. 10.

[3]) Палицинъ, стр. 10.

еще питался „съ нуждою“ тѣми остатками, которые сохранились отъ стараго года и спаслись отъ мороза въ этомъ году; даже на посѣвъ хватило, какъ на озимое, такъ и на яровое; всѣ надѣялись, „что возрастетъ“, но сѣмена погибли „въ землѣ: тогда наступилъ „гладъ велій, яко и купити негдѣ“; отцы начали покидать своихъ дѣтей, мужья—женъ, „и мроша люді“, какъ и „въ повѣтріе моровое не мроша“. „Бысть же гладъ три годы“, заканчиваетъ русскій лѣтописецъ краткое описаніе этого бѣдствія [1]).

Иностранцы, жившіе въ то время въ Россіи, словоохотливѣе; ихъ описанія, которыми не одинъ разъ пользовались наши историки, заключаютъ въ себѣ не только общія черты бѣдствія, но и частные, весьма трагическіе эпизоды. Приэтомъ иностранцы большею частью завѣряютъ, что они были очевидцами сообщаемыхъ ими „случаевъ“. Такъ, напр., одинъ изъ нихъ, заявивъ: „я самъ видѣлъ ужасное дѣло“, затѣмъ разсказываетъ о томъ, какъ четыре женщины заманили мужика съ возомъ дровъ на дворъ и удавили, намѣреваясь его съѣсть, когда выйдетъ мясо его лошади; пойманныя въ этомъ преступленіи, онѣ сознались, что два человѣка ими уже съѣдены [2]). Другой очевидецъ, ученый географъ Масса, изъ оконъ своей квартиры въ Москвѣ созерцалъ человѣка, который „ѣлъ сѣно въ продолженіе четырехъ дней“, вслѣдствіе чего, объясняетъ сообразительный голландецъ, „онъ надорвался и умеръ“. Ученый географъ, по его словамъ, „самъ охотно далъ бы поѣсть молодому человѣку“, но онъ опасался, что на него нападутъ; географъ былъ очень напуганъ; каждое утро онъ встрѣчалъ за городомъ „людей, лежавшихъ близь кучекъ навоза“; трупы нѣкоторыхъ изъ нихъ были полусъѣдены, и когда Масса смотрѣлъ на нихъ, то у него „волосы становились дыбомъ“. Если ученый географъ совершенно спасовалъ въ дѣлѣ частной благотворительности, то его землякъ, царскій аптекарь, ока-

[1]) Лѣт. о мн. мят., стр. 63 и 64.

[2]) Маржеретъ; Сказанія совр. о самозванцѣ Устрялова, 3 ч., стр. 74 и 75.

зался человѣкомъ сострадательнымъ. Аптекарь, „пользовавшійся почетомъ между вельможами", однажды нашелъ ребенка на дорогѣ, „еще живого, лежавшаго въ снѣгу безъ памяти отъ холода". Онъ не побоялся этого ребенка поднять, положить въ свои сани и окутать его шубами и медвѣжьими шкурами. Пріѣхавъ въ деревню, „въ которой еще оставалось въ живыхъ нѣсколько человѣкъ", аптекарь отогрѣлъ ребенка на печкѣ. Дѣвочка, пріймдя въ себя, разсказала своему благодѣтелю, что мать бросила ее на дорогѣ, а сама убѣжала. „Больше ничего нельзя было узнать отъ ребенка", говорилъ аптекарь впослѣдствіи. А тогда онъ оставилъ дѣвочку въ избѣ, давъ „кое-что" хозяевамъ на ея „содержаніе", и сказалъ, что онъ скоро вернется и возьметъ ее съ собою. Но ему не удалось исполнить своего обѣщанія; на возвратномъ пути онъ въ этой деревнѣ уже никого не нашелъ — „всѣ жители вымерли". Аптекарю осталось только сдѣлать предположеніе, что „ребенка съѣли" „вмѣстѣ со съѣстными припасами".

Ученый географъ, которому царскій аптекарь разсказалъ все это, убѣжденъ, что „происшествіе вѣрно передано". „Оно, прибавляетъ Масса, достовѣрно и потому, что въ то время было много подобныхъ происшествій" [1]). Дѣйствительно, разсказы о нихъ мы слышимъ со всѣхъ сторонъ—разсказы, которымъ, если и можно недовѣрять, то лишь въ подробностяхъ, въ ихъ, такъ сказать, казусной сторонѣ; въ общей же правдѣ этихъ разсказовъ нельзя сомнѣваться, потому-что сущность ихъ засвидѣтельствована единогласно всѣми современниками, писавшими о голодныхъ годахъ при Борисѣ. Конечно очевидцы, подавленные отдѣльными исключительными фактами, были склонны разсматривать эти факты обыкновеннымъ явленіемъ и въ своихъ обобщеніяхъ доходили до утрировки, которая замѣтна съ перваго взгляда; такъ, только напуганное воображеніе могло привести Буссова къ заключенію, что „вездѣ

[1]) Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи. Изданіе Археогр. Коммиссіи; стр. 78 и 79.

отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ дѣтей; дѣти своихъ родителей, хозяева гостей" [1]); но уже самое это преувеличеніе въ выраженіяхъ весьма типично: едва ли кто станетъ отрицать, что крайнія выраженія были продиктованы крайнимъ ужасомъ, которымъ современники были совершенно подавлены. Словомъ, общій характеръ картины былъ приблизительно таковъ: мучительно борясь съ голодною смертью, люди набрасывались на что ни попало: *„ядоша всяку траву и мертвину, и псы и кошки, а инъ кору липовую и сосновую"* [2]): не гнушались иногда и людоѣдствомъ, бывали также случаи и голоднаго бѣшенства, въ каковое впала, напр., та женщина, которая, проходя по улицѣ, „схватила—по словамъ очевидца—„руками собственное дитя и начала отъѣдать у него ручки" съ такою жадностью, „что народъ едва силою могъ отнять младенца и спасти его". Погибая отъ голода, вскорѣ начали погибать и отъ „черной смерти" или чумы, проявившейся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ государства. За три года бѣдствія населеніе, и безъ того незначительное встарину, сильно уменьшилось; источники не даютъ намъ возможности точно опредѣлить число погибшихъ во время голода; на основаніи свидѣтельствъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, мы можемъ только предполагать, что это число равнялось прибли-

---

[1]) Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, т. 1. изд. Устрялова, стр. 38; вошло также въ обыкновеніе повторять, вслѣдъ за Буссовымъ, что «мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкѣ за говяжье, въ пирогахъ» (стр. 38); это сообщеніе дало въ свое время поводъ французскому историку де-Ту, очевидно не любившему блѣдныхъ красокъ, разсказывать, что въ голодные годы при Борисѣ «мясо человѣческое лежало на рынкахъ, туда возили трупы, кто только могъ» (Сказ. совр. т. 3, стр. 128). Даже Устряловъ, издатель и большой поклонникъ этого историка, усумнился въ этомъ случаѣ въ правдоподобіи такихъ сообщеній, разсказанныхъ по слухамъ (Ibid. стр. 232).

[2]) Повѣсть о Гришкѣ Отрепьевѣ. Къ сдержаннымъ сообщеніямъ нашего лѣтописца любители сильныхъ подробностей могутъ прочитать у Буссова (Сказ. совр. о Дмитр. Самозв., т. 1., стр. 38), что «у мертвыхъ находили во рту, вмѣстѣ съ навозомъ, человѣческій калъ» и т. п.

зительно 500,000 въ одной Москвѣ [1]). Не удивительно, что „зрѣлище было неописанное: по дорогамъ лежали мертвые и умирающіе отъ голода и холода" [2]). Вообще, бѣдствіе, по выраженію современника, „*было такъ необыкновенно и ужасно, что ниодинъ человѣкъ, какими бы необыкновенными способностями онъ ни былъ одаренъ, не могъ бы описать его*" [3]).

Вполнѣ соглашаясь съ приведеннымъ мнѣніемъ современника, я со своей стороны лишь старался на основаніи показаній источниковъ намѣтить предъ Вами общіе размѣры народнаго бѣдствія на Руси въ началѣ XVII-го стол. Теперь мнѣ слѣдовало бы разсмотрѣть мѣры, употребленныя русскимъ правительствомъ для борьбы съ голодомъ, съ этимъ, по мѣткому выраженію поэта, „безпощаднымъ царемъ". Но чтобы вѣрно оцѣнить эту борьбу, надо знать обоихъ противниковъ; съ однимъ мы уже познакомились,—посмотримъ, каковъ другой—царь Борисъ Годуновъ, глава московскаго правительства того времени. Сравнивая Годунова съ другими московскими царями, нельзя не признать, что это былъ лучшій изъ нихъ. Отъ представителей Рюриковской династіи Бориса выгодно отличаетъ извѣстная степень вниманія къ нуждамъ населенія, а также значительная терпимость ко всему тому, что отзыва-

[1]) Маржеретъ сообщаетъ, что въ одной Москвѣ погибло болѣе 120,000 ч., которыхъ «похоронили за городомъ на трехъ кладбищахъ иждивеніемъ Государя» (Сказанія совр., т. 3, стр. 75); Авраамій Палицинъ: въ 2 года и 4 мѣс. схоронили въ трехъ скудельницахъ 127,000 труповъ повелѣніемъ Бориса, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ, коихъ считалось въ Москвѣ болѣе 400. Если Буссовъ и преувеличиваетъ, говоря, что иждивеніемъ царя было похоронено 500,000 труповъ, то всетаки можно признать приблизительную вѣрность такого количества для погибшихъ отъ голода въ Москвѣ, соединивъ въ него, какъ похороненныхъ царемъ, такъ и частными лицами; первыя два показанія, особенно Палицина, даютъ намъ полное право для такого заключенія, а самъ Буссовъ подкрѣпляетъ его утвержденіемъ, что онъ сообщаемую имъ цифру «самъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ купцовъ и достовѣрныхъ сановниковъ» (Сказ. соврем., т. 1, стр. 39 и 242). О погибшихъ въ другихъ мѣстахъ государства мы тоже не знаемъ ничего опредѣленнаго: «умирало много»—и все тутъ!

[2]) Маржеретъ, стр. 76.

[3]) Масса, стр. 79.

лось „нерусскимъ духомъ“; отъ своихъ преемниковъ на Московскомъ тронѣ, кончая Ѳедоромъ, Борисъ отличается далеко незаурядными правительственными дарованіями. Даже современники считали Бориса весьма разсудительнымъ правителемъ. Съ виду онъ казался крайне хитрымъ, „пронырòмъ лукавымъ“, и спокойнымъ человѣкомъ, который не способенъ сильно увлечься какимъ-бы то ни было чувствомъ; но эта холодность Бориса была не природнымъ его свойствомъ, а пріобрѣтеннымъ въ трудной школѣ Ивана Грознаго, при дворѣ котораго актерскія качества только и могли нѣсколько гарантировать жизнь. И изъ Бориса вышелъ хорошій актеръ,—настолько хорошій, что понравился даже Грозному царю, который, какъ извѣстно, былъ очень строгимъ цѣнителемъ. Крайности сошлись: сильный волей Борисъ пришелся по душѣ безвольному Ивану Васильевичу. Выдержка, пріобрѣтенная Борисомъ, очень рѣдко измѣняла ему и тогда, когда онъ самъ сдѣлался царемъ; я говорю „очень рѣдко“, потому-что вышли два случая, когда Борисъ увлекся до того, что совсѣмъ измѣнилъ самому себѣ. Онъ былъ хорошій актеръ, но не такой, чтобы никогда не переигрывать, потому-что на самомъ дѣлѣ это была страстная натура, державшая себя въ уздѣ при помощи могучей воли. Благодаря этому послѣднему качеству Годунову и удалось сдѣлать свою блестящую карьеру, но когда цѣль была достигнута, въ моментъ коронованія на царство, Борисъ поддался охватившему его восторгу и голосомъ „зѣло высокимъ“ поклялся всенародно, призывая Бога въ свидѣтели, что въ его государствѣ никогда не будетъ нищихъ и убогихъ, что онъ даже послѣднюю рубашку раздѣлитъ со всѣми. Этому, разумѣется, никто не повѣрилъ, но кромѣ того выходка Бориса не понравилась и потому, что была противъ всякаго обыкновенія, противъ тогдашняго этикета или „чина“; современники удивились безтактности новаго царя, не сумѣвшаго въ торжественную минуту соблюсти должнаго спокойствія [1]).

[1]) Авраамій Палицинъ, разсказывая объ инцидентѣ съ клятвой, замѣчаетъ съ недоумѣніемъ: «невѣмы чего ради», стр. 7.

Царь. „мужъ зѣло чуденъ и сладкорѣчивъ“, вѣроятно, и самъ понялъ, что вложилъ въ свое сладкорѣчіе слишкомъ много сахару, но, чтобы заслужить расположеніе народа и чрезъ то утвердить свою династію на московскомъ тронѣ, онъ дѣлалъ все, что могъ. Мало симпатизирующій Борису Авраамій Палицинъ свидѣтельствуетъ, что царь весьма „промышлялъ“ о бѣдныхъ и нищихъ и что, вслѣдствіе этого, онъ былъ „всѣмъ любезенъ“.

Но вотъ, одновременно съ наступленіемъ голода, пронесся слухъ, что живъ еще послѣдній представитель старой династіи, царевичъ Дмитрій, котораго Борисъ такъ долго считалъ умершимъ въ Угличѣ. Выдержка опять измѣнила Борису: онъ чрезмѣрно испугался. Какъ въ счастливый моментъ онъ не сумѣлъ скрыть свой восторгъ, такъ теперь онъ не сумѣлъ подавить въ себѣ страхъ предъ призракомъ, вышедшимъ изъ могилы. Борисъ навѣрное не зналъ даже, призракъ ли это, потому-что о кончинѣ царевича ему сообщили въ какихъ-то фальшивыхъ чертахъ. Если же это призракъ, то всетаки онъ очень опасенъ, въ силу своего магическаго имени. Борисъ почувствовалъ, что усилія всей его жизни могутъ быть разбиты однимъ ударомъ... Чьимъ?... Кто выставилъ этого человѣка?... Кто стремится лишить его власти,—его, который имѣлъ „ко властолюбію ненасытное желаніе“ [1])? Воспитанникъ Грознаго—Годуновъ заподозрилъ въ крамолѣ московское именитое боярство. Долго сдерживаемая ненависть противъ вліятельныхъ боярскихъ фамилій, наконецъ проявилась въ полной силѣ. По доносамъ начались пытки и тайныя казни. Борису пришлось совмѣщать добросердечіе къ голодающимъ съ жестокостью къ заподозрѣннымъ; быть добрымъ онъ обѣщалъ, не быть жестокимъ онъ оказался не въ состояніи. Эта двойственность въ поведеніи Бориса произвела на современниковъ столь неблагопріятное впечатлѣніе, что въ

---

[1]) Сказ, т. I, стр. 255.

доброту его совсѣмъ перестали вѣрить [1]). Поэтому мѣры Бориса противъ народнаго бѣдствія встрѣчались многими съ большимъ предубѣжденіемъ, которое въ извѣстной степени вредило дѣлу; но было бы странно, вслѣдъ за нѣкоторыми учеными историками, приписывать полную неудачу мѣропріятій Бориса его собственнымъ ошибкамъ,—тому, что онъ несумѣлъ заслужить народнаго довѣрія. Проницательные историки, читающіе давно умершимъ людямъ уроки мудрости, забываютъ или не хотятъ помнить объ одномъ весьма простомъ обстоятельствѣ,—о томъ, что въ жизни человѣческихъ обществъ всегда на лицо имѣются такія условія, предъ которыми человѣкъ совершенно безсиленъ, какою бы энергіею онъ ни обладалъ и какъ бы благородно ни поступалъ. Такъ и въ русскомъ обществѣ разсматриваемаго времени было много такого, съ чѣмъ борьба была не по плечу не только Борису, но и гораздо позднѣе, превосходившему его во всѣхъ отношеніяхъ Петру Великому.

Изъ этого многаго достаточно для нашей цѣли указать на слѣдующее неотразимое явленіе. Въ то время, когда массы народа погибали голодною смертью, богачи хранили подъ спудомъ обильные хлѣбные запасы, выжидая, что страшная дороговизна хлѣба [2]) еще значительно усилится; такой политики придерживались и служилые люди высшихъ статей, и купцы, и монастыри, бывшіе, какъ извѣстно, самыми крупными послѣ царя землевладѣльцами въ странѣ [3]). Хлѣбъ гнилъ въ скир-

[1]) Маржеретъ, стр. 78.

[2]) Въ 1601 г. «Сольвычегодскіе на посадѣхъ и въ уѣздахъ хлѣбъ дорого купятъ: четь ржи по рублю, овесъ въ двадцать алтынъ, ячмень по 30 алтынъ безъ гривны». (Русск. Стар. 1891 г., ноябрь). Въ 1602 г. рожь продавали по 2 р. четверть, овесъ по 1 р. 10 алт.; въ 1603 рожь по 3 руб., овесъ по 1 р. 10 алт., жито по полтретья рубля четв.; а четверть была невелика противъ нынѣшней вдвое) (Карамзинъ, т. XI, примѣч., стр. 35).

[3]) Авраам. Палиц., стр. 13; Сказанія, т. 1, стр. 40; Масса, стр. 80: «Во многихъ монастыряхъ и у многихъ знатныхъ богатыхъ людей амбары были полны хлѣба, часть котораго отъ продолжительнаго времени уже сгнила, а они не хотѣли его продавать». Буссовъ: «нашлись на поляхъ огромные скирды: длиною въ 1000 саж., болѣе полувѣка неприкосновенные и ...*уже поросшіе*

дахъ, но „знатные и богатые люди“ и „лукавые мнихи“ были терпѣливы, не подозрѣвая, что кромѣ повышенія цѣны они дождутся и тѣхъ ужасовъ, которыми было чревато смутное время, когда холопы платили своимъ господамъ очень крупною монетою: связывали мужа или сына и предъ глазами ихъ „студъ содѣвающе и не десять числомъ, но и сугубѣ двоицею и вящши“, когда они не щадили даже малолѣтнихъ дѣвочекъ, когда „невѣсты Христовы честныя и святыя инокини“ насильно разстригались и подвергались самому безтыдному поруганію въ воровскихъ станахъ [1]). Не подозрѣвали всѣхъ этихъ и другихъ несчастій богатые люди, скрывая отъ умирающихъ хлѣбъ, который былъ „обрѣтенъ“ уже въ царствованіе Василія Шуйскаго или „во время плѣненія отъ всѣхъ окольнихъ языкъ“. Въ это время, т. е. въ разгаръ смутной эпохи, было найдено огромное количество „разхищеннаго“ всякаго хлѣба: житницы и гумна оказались переполненными одоньями и копнами хлѣба, котораго хватило бы на десять лѣтъ; современникъ, сообщающій намъ это, достаточно ясно понималъ, что основная причина смуты кроется въ безпощадномъ эгоизмѣ людей, владѣвшихъ капиталомъ и народнымъ трудомъ; разсказавъ о найденныхъ запасахъ хлѣба, скрытаго богачами въ голодные годы, онъ прибавляетъ: „*отъ нелѣже смятѣніе бысть во всей русской земли*“ [2]).

Характеризуемое направленіе было настолько господствующимъ въ общественныхъ верхахъ, что „даже самъ патріархъ, глава духовенства, на котораго смотрѣли въ Москвѣ какъ на святого, имѣя большой запасъ хлѣба, говорилъ, что онъ не хочетъ еще продавать его въ ожиданіи возвышенія цѣны [3])“.

Какія, при такихъ условіяхъ, мѣры борьбы съ голодомъ достигли бы своей цѣли? Предоставимъ этотъ вопросъ рѣшать

деревьями(?)», — заканчиваетъ этотъ современникъ, нѣсколько склонный къ гиперболизму. (Сказ. совр., т. 1, стр. 40).

[1]) Авраам. Палиц., стр. 53.

[2]) Ibid. 13.

[3]) Масса, стр. 79.

людямъ компетентнымъ въ практическихъ дѣлахъ и обратимся прямо къ тому, что было сдѣлано.

Лишь только появились первые признаки голода, какъ отъ царя Бориса мы слышимъ такія рѣчи:

„*вѣдомо намъ учинилось*“, что „*у всѣхъ богатыхъ людей, прошлыхъ лѣтъ ржаного и яроваго молоченаго и въ кладѣхъ немолоченаго всякаго хлѣба много; а архимандриты, и игумены, и епискупли, дѣти боярскіе, и десятильники, и Строгановы и ихъ прикащики и многіе прожиточные и пашенные люди межъ себя сговоряся... хлѣбною дорогою цѣною обогатѣли, тотъ весь хлѣбъ у себя затворили и затаили, и для своихъ прибылей вздорожили въ хлѣбѣ великую цѣну*“... и т. д.

Правительство нисколько не скрывало истиннаго положенія вещей; отмѣтивъ печальный фактъ, оно въ указѣ вступило съ нимъ въ борьбу; оффиціальная рѣчь лилась и милостливо, и грозно: „*и мы, великій Государь, Борисъ Ѳедоровичъ, и нашъ сынъ великій Государь царевичъ князь Ѳедоръ Борисовичъ вся Русіи*“..., *жалѣя о васъ, о всемъ православномъ крестьянствѣ и сыскивая вамъ всѣмъ всего народа людямъ полезныя, чтобы... было въ нашихъ во всѣхъ земляхъ хлѣбное изобилованіе, житіе немятежное и неповредимый покой у всѣхъ ровно,... велѣли... хлѣбныхъ скупщиковъ и тѣхъ всѣхъ людей, которые цѣну въ хлѣбѣ вздорожили и хлѣбъ затаили, сыскивати. И впредь того смотрѣти и беречи, и провѣдывати накрѣпко и о скупщикахъ, и о закупномъ хлѣбѣ по всѣмъ городамъ нашего государства учинити укрѣпленіе и береженье великое, чтобы отъ тѣхъ скупщиковъ и ни отъ какихъ людей... нигдѣ хлѣбъ не дорожалъ... и нужи, и скудости, и оскорбленія никакимъ людямъ не было*“ [1]. Это предписывалось въ 1601 г., въ началѣ голода; тутъ же были установлены и крайнія цѣны на хлѣбъ, тутъ же приказывалось покупать „всякимъ людямъ“ хлѣба „*понемногу про себя, а не въ скупъ, чети по двѣ и по три, и по четыре человѣку*“ [2].

[1]) Русская Старина, 1891 г. ноябрь.
[2]) Ibid.

Но, мм. гг., вы отлично понимаете, что этимъ хорошимъ словамъ было не суждено перейти съ бумаги въ дѣйствительность. Никакая сила не могла бы ихъ реализировать въ средѣ, относительно которой одинъ изъ самыхъ типическихъ ея представителей царь Иванъ Васильевичъ Грозный выразился: „мои русскіе всѣ воры“ [1]). Само собой ясно, что при такихъ общественныхъ привычкахъ „береженье великое“ было пустымъ звукомъ безъ малѣйшаго смысла. А если чего и достигала регламентація, то лишь бо́льшей изворотливости тѣхъ, къ кому она относилась; такъ, напр., постановленіе Бориса, опредѣлявшее точно вѣсъ хлѣба, привело къ тому, что пекари изловчились увеличивать вѣсъ хлѣба водой [2]).

Видя такимъ образомъ, что предписанія вполнѣ безсильны въ борьбѣ съ бѣдствіемъ, царь Борисъ обратился къ болѣе радикальнымъ средствамъ; онъ затѣялъ каменныя постройки въ Москвѣ, „чтобы людямъ питаться“ [3]) и началъ раздавать населенію изъ царской казны милостыню деньгами и хлѣбомъ [4]). Но это повлекло только къ осложненіямъ. Царская благотворительность приманила въ столицу такъ много народа, что объ удовлетвореніи всѣхъ нечего было и думать; тѣмъ болѣе, что милостыня часто попадала не тѣмъ, для кого была назначена, а лицамъ, имѣвшимъ чрезмѣрно развитой

[1]) Это не было случайно вырвавшейся фразой. Подобное же убѣжденіе высказалъ почти черезъ 100 лѣтъ послѣ царя Ивана царь Алексѣй, этотъ «тишайшій» изъ царей; по смерти патріарха Іосифа онъ лично переписывалъ «келейную казну». Любопытно его простодушное объясненіе (въ письмѣ къ Никону) этого личнаго участія въ описываньи имущества покойнаго патріарха: «если бы самъ не ходилъ, то думаю, что и половины бы не почему сыскать, потому-что записки нѣтъ; не осталось бы ничего, *все бы раскрали*»... Но еще любопытнѣе добавленіе къ этому описанію на счетъ другихъ: «*немного и я не покусился* на иные сосуды, да милостію Божіею воздержался и вашими молитвами святыми: ей, ей, владыка святый, *ни до чего не дотронулся*»... (Исторія Россіи съ древ. врем., т. 10, стр. 210).

[2]) Масса, стр. 81.

[3]) Лѣтопись о мн. мят., стр. 64.

[4]) Буссовъ, стр. 40; Масса. 80; Маржеретъ, 76 по издан. Устрялова; Авраам. Пал., стр. 11.

аппетитъ. „*Чиновники, назначенные для раздачи милостыни,* сообщаетъ намъ ученый географъ Масса, „*были воры, каковыми всѣ они по большей части бываютъ въ Московіи. Своихъ племянниковъ, племянницъ и другихъ родственниковъ они заставляли приходить въ тѣ дома, въ которыхъ раздавали милостыню, въ разодранныхъ платьяхъ, какъ будто они ничего не имѣли и раздавали всѣ деньги имъ и своимъ любовницамъ, негодяямъ, и нахлѣбникамъ, которые также приходили, какъ нищіе, ничего не имѣющіе. Между тѣмъ истинно бѣдствующихъ, страждущихъ и нищихъ давили въ толпѣ или прогоняли дубинами и палками отъ дверей. Всѣ эти бѣдные, между которыми были изувѣченные, умирали какъ скотъ на улицахъ. Если же кому-нибудь и удавалось получить милостыню, то ее отнимали негодяи надсмотрщики. Я самъ видѣлъ богатыхъ дьяковъ, приходившихъ за милостынею въ нищенской одеждѣ*“ [1]). Наконецъ и самихъ бѣдняковъ богачи сдѣлали своими сообщниками, покупая чрезъ нихъ муку изъ царскихъ магазиновъ по уменьшенной цѣнѣ, а затѣмъ по высокой—продавая ее голодающему люду [2]).

При такихъ условіяхъ продовольственнаго дѣла смертность въ Москвѣ достигла до такихъ размѣровъ, что царь Борисъ былъ принужденъ прекратить раздачу милостыни для предотвращенія дальнѣйшаго наплыва населенія въ столицу. Борисъ, кромѣ всего перечисленнаго, прибѣгалъ и къ экспропріаціи хлѣбныхъ запасовъ, но мы уже знаемъ, какъ успѣшно въ тѣ времена владѣльцы хлѣбомъ боролись, въ свою очередь, противъ этого средства. Нѣкоторые изслѣдователи обвиняютъ Бориса въ томъ, что онъ непредусмотрительно собралъ множество голодныхъ въ одинъ пунктъ; но этотъ упрекъ всецѣло устраняется свидѣтельствомъ достовѣрныхъ источниковъ. Отъ одного современника мы узнаемъ, что конфискованный хлѣбъ Борисъ повелѣлъ везти не только въ Москву, но и въ другіе города,

[1]) Масса, стр. 80 и 81.

[2]) Буссовъ, стр. 40 и 41.

а другой заявляетъ, что *„во всей Россіи не было города, куда бы Борисъ не посылалъ денегъ болѣе или менѣе для раздачи народу“*. Маржеретъ, человѣкъ, совсѣмъ нерасположенный къ Борису, говоритъ: *„я самъ знаю, что въ Смоленскъ отправлено было съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ 20,000 р.*; всю сумму, розданную Борисомъ народу, Маржеретъ называетъ „невѣроятной“ [1]). Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и въ городахъ эта сумма распредѣлялась такимъ же образомъ, если не болѣе безсовѣстно, какъ и въ Москвѣ, которою преимущественно интересовались современники, оставившіе намъ свѣдѣнія о бѣдствіи.

Итакъ, правительственная помощь голодающимъ, не смотря на полную благожелательность Бориса и его энергію, не принесла сколько-нибудь видимой пользы, особенно, если припомнить количество умершихъ. Общественную же благотворительность было бы болѣе чѣмъ рискованно искать въ государствѣ, въ которомъ весь политическій строй былъ основанъ на частномъ интересѣ верховнаго вотчинника и его слугъ. Общее направленіе людей того времени, вытекающее изъ сущности соціально-политическаго строя и извѣстное намъ изъ выше приведенныхъ фактовъ, исключаетъ всякую возможность ожидать разлива частной благотворительности. Были, конечно, и въ ту пору хорошіе и сердечные люди, способные пожертвовать своимъ имуществомъ и жизнью для своихъ ближнихъ, и прекрасныя качества такихъ людей собрались, какъ въ фокусѣ, въ личности идеальной женщины древней Руси—Іуліаніи Ла-

[1]) Маржеретъ, стр. 76; Буссовъ свидѣтельствуетъ, что въ Москвѣ ежедневно раздавалось около 50,000 польскихъ грошей (стр. 36). По вычисленіямъ В. О. Ключевскаго «въ смутное время рубль по цѣнамъ хлѣба равнялся 12 нынѣшнимъ, т. е. хлѣбъ въ началѣ XVII ст. сталъ въ пять разъ дороже, чѣмъ былъ во второй половинѣ XVI ст.» «Если эти выводы заслуживаютъ какого-нибудь довѣрія, прибавляетъ В. О. Ключевскій, «то они довольно выразительно обозначаютъ силу народно-хозяйственнаго потрясенія, испытаннаго Московской землей въ смутное время». (Русскій рубль XVI—XVII ст. въ его отношеніи къ нынѣшнему, стр. 51). Въ данномъ случаѣ экономическія послѣдствія были результатомъ *событій*, вызванныхъ *экономическими причинами*.

заревской, которая на лучшихъ современниковъ произвела сильное впечатлѣніе своею беззавѣтною дѣятельностью въ страшные голодные годы; но справедливо и то, что такіе люди были весьма рѣдкимъ исключеніемъ въ ту эпоху: ихъ признавали или за юродивыхъ, или за святыхъ... Тонъ жизни давали не эти исключительные люди, не эти „блаженненькіе“, которымъ удивлялись и даже молились, но вообще избѣгали подражать, а подавляющее большинство, поступавшее лишь въ интересахъ собственныхъ желудковъ. Всѣ источники единогласно свидѣтельствуютъ намъ о крайнемъ развитіи хищничества и объ окончательномъ паденіи и безъ того слабыхъ нравственныхъ началъ въ русскомъ обществѣ того времени. „*Во всѣхъ сословіяхъ*, говоритъ современникъ, „*воцарились раздоры и несогласія*; *богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ*; *бѣдныхъ вездѣ притѣсняли*“ [1]). Другой ему вторитъ: „*люди становились все хуже и хуже, болѣе и болѣе вдавались въ разбои и грабежи и впадали въ такое коснѣніе, какого еще никогда не было на свѣтѣ*“ [2]). „*Надъ всѣми же сими*, добавляетъ третій современникъ, *во объяденіе и пьянство велико и во блудъ впадохомъ... и во всякая злая дѣла*“ [3]). Все предвѣщало наступленіе полной анархіи. На лицо были ясные признаки, что больной соціальный строй долженъ испытать сильный параксизмъ. Это было такъ очевидно, что предсказателемъ потрясенія общественнаго тѣла могъ явиться въ то время простой татаринъ. Если вѣрить Буссову, то одинъ татаринъ, опираясь, положимъ, на нѣкоторыя необычныя явленія изъ царства животныхъ, пророчествовалъ, что „*московитяне измѣнятъ сами себѣ и какъ псы будутъ язвить и истреблять другъ друга*“ [4]).

Вообще положеніе вещей было таково: одни спѣшили поскорѣе нажиться на счетъ голода, другіе, доведенные до не-

---

1) Буссовъ, стр. 44.
2) Масса, стр. 81.
3) Авраам. Палиц., стр. 20 и 21.
4) Буссовъ, стр. 43.

возможности жить въ государствѣ, уходили въ разбой и вступали съ обществомъ и правительствомъ въ непримиримую войну. Сильное развитіе разбойничества въ это время было самымъ яркимъ симптомомъ приближавшагося великаго соціальнаго кризиса. А разбойничество на Руси къ тому же имѣло крѣпкія традиціи, потому-что издавна бродячее крестьянство выдѣляло изъ своей среды довольно много людей, которые совсѣмъ покидали пашню для „широкаго раздолья“ и такимъ образомъ сами освобождали себя отъ всѣхъ тягостей и повинностей, кромѣ застѣнка и плахи въ случаѣ поимки. Прикрѣпленіе закономъ къ землѣ послужило, между прочимъ, къ увеличенію рядовъ вольницы. Къ голодному времени при Борисѣ отъ „голытьбы“ на Руси настолько „стало тѣсно“, что царю пришлось „думать“ съ боярами о разбойничествѣ какъ о важнѣйшемъ государственномъ дѣлѣ, и „придумать“ посылку на разбойниковъ воеводъ „съ многою ратью“. Хотя этой „многой рати“ и удалось въ упорномъ бою подъ Москвой одолѣть удальцовъ, дравшихся, по словамъ лѣтописца, „аки звѣри“,—но отъ этого разбойничество нисколько не уменьшилось. Голодъ былъ сильнѣе правительственныхъ войскъ; число разбойниковъ все увеличивалось и увеличивалось: къ нимъ присоединилась та масса холоповъ, которую господа выбросили за ворота своихъ усадьбъ добывать пропитаніе вполнѣ самостоятельно [1]). Эти обездоленные не считали даже себя ворами и разбойниками, можетъ быть—смутно чувствуя, что таковыми они сдѣлались не по своей винѣ, а вслѣдствіе несокрушимыхъ условій жизни; по крайней мѣрѣ нѣчто подобное слышится въ ихъ пѣсенной поэзіи; изъ смятенной разбойничьей души невольно вырвался вопль: „ты взойди, взойди солнце красное! Обогрѣй насъ добрыхъ молодцевъ, людей бѣдныхъ, сиротъ бѣглыхъ; мы не воры, не разбойники“... Эти „сироты

[1]) Аврам. Палиц., стр. 13. Холопы и начали «добывать»; напр., Масса показываетъ: ...холопы, принадлежавшіе различнымъ московскимъ боярамъ и господамъ, возмутились, соединились вмѣстѣ и начали грабить путешественниковъ» (стр. 96).

бѣглые“ и являются той основной силой, которая породила смутное время на Руси. Нельзя, само собой разумѣется, отрицать и того, что въ эту эпоху играли довольно видную роль и другія силы: разнаго рода политическія и династическія притязанія, но дѣло въ томъ, что представители этихъ притязаній дѣйствовали въ силу тѣхъ же самыхъ соображеній, вслѣдствіе какихъ рыбакъ спѣшитъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Такая именно была жизнь въ этотъ моментъ: ее взмутилъ страшный голодъ. Хронически голодающее русское крестьянство, не смотря на свою привычку ко всякаго рода „божескимъ наказаніямъ“, на этотъ разъ не вынесло сильнаго обострѣнія своего недуга и скоро отъ прошенія пищи перешло къ требованью имущества „лучшихъ“ людей, ихъ женъ и дочерей,—словомъ—безпощадно выразило желаніе занять первое мѣсто въ государствѣ. Эти побужденія, которыя кровавою нитью проходятъ чрезъ смутную эпоху, лучше всего показываютъ, что въ основѣ смуты лежали не политическія и династическія причины, а коренная органическая потребность, переставшая удовлетворяться.

Всѣ эти мрачныя воспоминанія нашего прошлаго я разсказалъ, исходя изъ того убѣжденія, что и отрицательныя стороны жизни заслуживаютъ полнаго вниманія и что не слѣдуетъ закрывать на нихъ глаза когда-бы то ни было. Оставаясь въ качествѣ историка по профессіи на исторической почвѣ и стараясь нарисовать предъ Вами невеселую картину страданій и слѣпого человѣческаго эгоизма встарину, я имѣлъ въ виду простой, но глубокій принципъ, которымъ всегда было живо историческое знаніе и который такъ задушевно выраженъ самимъ народомъ: „все минется, одна правда останется“.

Н. Ѳирсовъ.

Содержаніе „Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“.

Т. I. Уставъ Общества, списокъ членовъ-учредителей Общества. Протоколы засѣданій Совѣта и Общаго Собранія. *Проэктъ Публичнаго Историко-Этнографическаго Музея, сост. В. М. Флоринскимъ.—Приложенія. Свѣдѣнія о древностяхъ, найденныхъ близь деревни Увекъ.—*Описаніе русскихъ монетъ клада 4 сентября 1878 г. *В. К. Савельева* и *Н. А. Толмачева.*—*О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію исторіи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова.*—*Замѣтки о городкахъ курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. *И. А. Износкова.*—*О замѣчательной Китайской монетѣ конца X или начала XI в., пріобрѣтенной въ селѣ Болгарахъ. *В. П. Васильева.* К. 1879. Ц. 1 р.

Т. II. Годовой отчетъ за 1878 г. Протоколы засѣданій Общества.—Приложенія. Два городища Спасскаго уѣзда. Свящ. *П. Фанагорскаго.*—Объ историческомъ значеніи библіотеки Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской Духовной Академіи. *П. В. Владимірова.* — О возможности существованія каменоломенъ въ окрестностяхъ пригорода Билярска. *М. П. Аристова.*—Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древн. жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. *И. А. Износкова.*—Замѣтки о селеніяхъ Чистопол. у.: В.-Никиткиной, Татарской Баганѣ, Кизляу и Билярь-Озеро. *В. А. Казаринова.*—Описаніе части клада русскихъ денегъ XV в., открытаго въ Казанскомъ кремлѣ 4 сент. 1878 г. *А. Ѳ. Лихачева.*—Замѣтка о харатейномъ Евангеліи к. XIV или нач. XV в. *П. Д. Шестакова.*—Нѣсколько словъ о могильникѣ, находящемся близь деревни Ананьиной. *Его же.*—Описаніе монетъ, найденныхъ въ д. Карташихѣ Каз. г. *В. К. Савельева.*—Описаніе городищъ и кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ г. Сенгилея Симб. губ. *М. И. Извощикова.*—О старинномъ кладбищѣ близь с. Билярморскаго Вят. губ. *А. Рязанцева.*—Попытка объясненія одного мѣста изъ Булгарской лѣтописи Хисамъ Эддина Ибн Шарафъ-Эддина. *П. Д. Шестакова.*—Выдержка изъ архива Елабужскаго духовнаго Правленія. *Его-же.*—Описаніе дополнител. коллекціи Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Укека. *В. К. Савельева.*—Описаніе чудскихъ вещей, пожертвованныхъ въ музей Общества А. Е. Теплоуховымъ.—Бытъ Вотяковъ Сарапульскаго уѣзда. *В. Кошурникова.* Полный систематическій указатель статей мѣстно-областного содержанія, напечатанныхъ въ «Казанскихъ извѣстіяхъ» съ 1811—1821 г. *П. А. Пономарева.* К. 1880. Ц. 1 р.

Т. III. О задачахъ дѣятельности К. О. И. А. и Э. *С. М. Шпилевскаго.*—Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Моркваши. *Н. И. Золотницкаго.*—По поводу сообщенія Н. И. Золотницкаго. *П. Д. Шестакова.*—Замѣтка о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. губ. *И. А. Износкова.*—Объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ Билярскѣ. *Его-же.*—Описаніе Билярскаго и Баранскаго городищъ. *В. А. Казаринова.*—Замѣтка о Калмыкахъ Астрахан. губерніи. *П. Смирнова.*—Изъ поѣздки въ село Шуматово Ядр. у. Каз. губ. (бытъ Чувашъ) *В. К. Магнитскаго.*—О раскопкахъ близь д. Палкиной на р. Чусовой. *П. И. Кротова.*—У Вотяковъ Елабужскаго уѣзда. *Г. Н. Потанина.*—Изъ дорожныхъ замѣтокъ во время этногр. экскурсіи. *С. К. Кузнецова.*—О Чаллынскомъ городищѣ. *А. М. Зайцева.*—Одно изъ древнихъ булгаро-татарскихъ городищъ въ Тет. у. *Е. Т. Соловьева.*—Преданія Чувашъ и Татаръ Чебокс. у. Каз. г. *М. А. Арзамазова.*—Остатки древности въ с. Увекѣ. *Г. С. Саблукова.*—Предварительное сообщеніе о раскопкахъ близь с. Шурана. *П. А. Пономарева.*—Предв. сообщеніе о раскопкахъ надъ Ройскимъ истокомъ. *С. К. Кузнецова.*

—Замѣтки о вышеупом. раскопкахъ. *А. А. Штукенберга.*—Краткое описаніе Краснослободскаго муж. монастыря (Пенз. г.). *Д. В. Ильченко.*—Описаніе рус. сер. копѣекъ изъ клада 1881 г. *В. К. Савельева.*—Описаніе двухъ коллекцій джуч. монетъ пожерт. обществу. *Его-же.*—Описаніе клада золотоордынскихъ монетъ, найденнаго въ 1881 г. *Н. П. Загоскина.*—Атамановы кости. *С. К. Кузнецова.*—Замѣтка по поводу сообщенія Г. Н. Потанина: у Вотяковъ Елабужск. у. *С. К. Кузнецова.* К. 1884. Ц. 2 р. 50 к.

Т. IV. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1880—81 г. Приложенія.—Духовная В. Н. Татищева.—О Мишаряхъ чистоп. уѣзда. *В. А. Казаринова.*—Свѣдѣнія о Мишаряхъ. *Е. А. Малова.* К. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

Т. V. Протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1882—84 гг.—Скиѳскій слѣдъ на билярской почвѣ. *А. Ѳ. Лихачева.*—Особенности русскаго говора въ Урж. у. Вят. г. *В. К. Магницкаго.* Смѣсь. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 1. Извлеченія изъ Протоколовъ за 1885 г.—Стишки крестьянскихъ дѣтей селъ Астраханки и Карташихи Лаишевскаго у. *С. К. Рябинскаго.* — Замѣтка по поводу этой статьи. *А. Ѳ. Можаровскаго.*—Къ археологіи Урала. *А. М. Зайцева.* — Нѣсколько словъ о русскомъ вліяніи на инородцевъ въ предѣлахъ Казанскаго края. *Н. Н. Смирнова.* К. 1889. Ц. 50 к.

— Вып. 2. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма. *Н. Ѳ. Высоцкаго.*—Развалины древнихъ зданій при селѣ «Болгарахъ». *В. А. Казаринова.*—Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Спицына.*—Неизданныя грамоты изъ аѳонскихъ архивовъ. *В. В. Качановскаго.*—Матеріалы для Русскаго словаря (слова, имѣющія особенное значеніе въ говорѣ жителей с. Великорѣчья, Яранск. у.). Свящ. *А. Д. Жилина.*—Обычай колядованія въ Симбирской губерніи. *М. Извощикова.*—Библіограф. замѣтка о двухъ рефератахъ, читанныхъ въ засѣд. VII Арх. Съѣзда въ Ярославлѣ А. Верещагинымъ. *В. В. Качановскаго.* — Отчетъ и извлеченія изъ протоколовъ за 1887 г. К. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Изслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемисскаго языка *М. П. Веске.*—Новая антропологическая находка въ с. Болгарахъ. *Н. Ѳ. Высоцкаго.* —Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитріева.*—Гдѣ былъ древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соловьева.*—Старая церковь въ селѣ Богородскомъ (съ рисункомъ). *Н. В. Сорокина.*—Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова.* К. 1889. Ц. 2 р.

Т. VIII. Вып. 1. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. *М. П. Веске.* К. 1890. Ц. 2 р.

— Вып. 2. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова.* К. 1890. Ц. 2 р. 25 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1889—90 г.—Письмо Стеньки Разина къ казанскимъ Татарамъ. *А. И. Соколова.*—Отчетъ Общ. А., И. и Э. за 1889—90 г.—Списокъ членовъ Общ. А., И. и Э. К. 1890. Ц. 25 к.

Т. IX. Вып. 1. Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ Коммиссіи 1767 г. *Н. Н. Ѳирсова.*—Памяти П. Д. Шестакова. *Н. А. Ѳирсова.*—Толковая икона села Царицына (съ фотографіей). *Н. В. Сорокина.*—Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. Болгарскій домъ. *Н. З. Тихова.*—Прихи у Чувашъ. *В. К. Магницкаго.*—Русскія имена и прозвища въ XVII в. *А. И. Соколова.*—Свадебные обычаи казанскихъ Татаръ. *М. Н. Пинегина.* К. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

— Вып. 2. Пермяки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова.* К. 1891. Ц. 1 р. 75 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1890—91 г. — Отчетъ Общ. А. И. и Э. за 1890—91 г.—Списокъ членовъ.—Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ Ровинскаго. *Р. А. Нелидовой.*—Мелкія этнографическія сообщенія. К. 1891. Ц. 30 к.

(Статьи I тома, означенныя звѣздочкой, можно получать отъ Общества за 25 к.).

Изданія, составляющія собственность Общества:

1) Труды IV Археологическаго Съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. Т. I и II съ Атласомъ.

(Звѣздочка (*) указываетъ на статьи, относящіяся къ мѣстному краю).

Содержаніе I тома: Правила, вопросы, списокъ членовъ и протоколы Съѣзда.—*Объ основаніи въ Казани ученаго Общества для изслѣдованія археологіи, исторіи и этнографіи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова.*—*О русскихъ древностяхъ Каз. губ. и средняго Поволжья до XVI в. *И. И. Срезневскаго.*—*Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта. *Н. В. Калачова.*—О задачахъ корреспондентовъ археолог. съѣздовъ. *А. С. Гацискаго.*—О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторич. временахъ (съ 39 фиг.). *I. Р. Аспелина.*—О нѣкоторыхъ химическихъ измѣненіяхъ въ костяхъ, находимыхъ при раскопкахъ. *И. М. Гвоздева*—О раскопкахъ гр. *Сиверса* въ Лифлян. губ.—О желѣзномъ вѣкѣ въ Балтійскомъ краѣ. *К. Гревингка.* *Каменныя орудія и бронзовыя вещи изъ Печерск. края 1874 г. *А. А. Штукенберга.*—О каменныхъ орудіяхъ изъ Варнав. у. Костр. губ. *А. П. Поливанова.*—О раскопкахъ кургановъ на р. Сити 1875 г. *Л. К. Ивановскаго.*—О древнемъ кладбищѣ у Іорданской церкви въ Кіевѣ. *В. Б. Антоновича.*—О похоронныхъ типахъ Юго-зап. края. *Егоже.*—О городищѣ Черниг. у. *Н. А. Константиновича.*—О древнихъ могилахъ Мцхеты. *В. Т. Тизенгаузена.*—*Объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Каз. края. *Н. А. Толмачева.*—Майнское городище Спасск. у. Каз. губ. *В. Н. Поливанова.*—Курганы въ окрестн. г. Екатеринбурга Перм. губ. *М. В. Малахова.*—*О землян. насыпи недалеко отъ впаденія р. Вятки въ Каму. *Н. Савельева.*—*Извѣстные остатки древности въ Самар. краѣ. *П. В. Алабина.*—О пещерахъ каменн. рѣка на сред. течен. р. Днѣпра *В. Б. Антоновича.*—О валахъ на территоріи др. Кіев, княж. *Его-же.* *О древнемъ г. Маджарѣ. *П. Д. Шестакова.*—*Городъ Булгаръ.—*С. М. Шпилевскаго.*—*Гдѣ искать потомковъ Можаръ, бившихся за русск. въ 1551 г. *А. Ѳ. Можаровскаго.*—*Очеркъ исторіи Болгарск. и Казанск. царства. *Муллы Шихабъ-уд-дина Бага-уд-динова* (перев. *В. В. Радлова* и подлинникъ). *Топографія Казани въ 1852 г. Прот. *П. І. Заринскаго.*—*О сохранившихся преданіяхъ по поводу мѣстн. названій Каз. и смежн. губ. *И. А. Износкова.*—*Списокъ населенн. мѣстъ Мамадыш. у. *Его-же.*—*О личныхъ инородческихъ именахъ. *Его-же.*— Списокъ др. инородч. именъ изъ актовъ *Н. И. Золотницкаго.*—*О селеніяхъ съ назван. «тарханъ». *Его-же.*—*Къ вопросу о преданіяхъ относит. занятія Русскими Казан. края и борьбѣ ихъ съ туземцами. *П. Н. Вечеслава.*—Нѣсколько данныхъ по 30-му вопросу программы IV съѣда. *Д. А. Корсакова.*—*О старомъ и новомъ городахъ въ Н.-Новгородѣ. *П. И. Мельникова.*—*Селитряный городокъ Астрах. губ. Енотаев. у. *Н. П. Загоскина.*—*Преданія Томскихъ инородцевъ о подданствѣ ихъ Россіи *Кн. Н. А. Кострова.*—*Очерки быта Минусинскихъ Татаръ. *Его-же.*—Нѣкоторыя данныя по историч. геогр. и этнограф. Россіи по рукопис. И. Пуб. библіотеки *А. Я. Гаркави.*—Кто были 4 тюрк. племени. разбивш. Грековъ въ 934 г. при г. Валендарѣ и гдѣ находился этотъ городъ. *Ф. К. Бруна.*—Программа по предм. «исторія и теорія искусствъ». *П. В. Павлова.*—*О городахъ Маджарѣ и Булгарѣ по монетамъ. *В. К. Савельева.*—О монетахъ Владиміра Святого. *Д. И. Прозоровскаго.* — Объ отдѣльн. букв. на копѣйкахъ и денежкахъ до Петра Великаго. *Ю. Б. Иверсена.* — *О загадочныхъ сосудахъ изъ Волжск. Булгаріи. *А. Ѳ. Лихачева.*—О др. иконахъ въ г. Старой Русѣ. Гр. *М. В. Толстого.* Казань. 1884. **Цѣна 3 р.**

Содержаніе II тома: О характерѣ власти варяжск. князей. *К. Н. Бестужева-Рюмина.*—Слѣды церкови. братствъ въ вост. Малороссіи. *И. А. Сребницкаго.*—О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирск. Карамзинск. библіотекѣ. *И. Я. Христофорова.*—*Къ исторіи войнъ Москов. госуд. съ Казанью. *А. И.*

Маркевича.—Преданіе о Пугачевѣ среди уральск. казаковъ *В. Н. Витевскаго.* —*О народныхъ праздникахъ въ Пензенск. губ. *Н. Я. Аристова.*—*О кирeметяхъ крещеныхъ Татаръ. *И. М. Софійскаго.*—*Повѣрья, обряды и обычаи Вотяковъ Мамад. у. *Б. Г. Гаврилова.*—О старин. рукоп. сборникахъ народ. былинъ и пѣсенъ. *Л. Н. Майкова.*—Свѣдѣнія о рукописяхъ И. Пуб. Библіот. содерж. народныя пѣсни. *А. Ѳ. Бычкова.* — Объ «обличеніи на Соловецкую челобитную» Ю. Крижанича. *И. М. Добротворскаго.*—О раскольничьей рукоп. конца XVII в. *И. С. Некрасова.*—«Сказаніе о Соловецк. монаст. и объ Аѳонѣ». *Н. И. Петрова.*—О Родопскомъ открытіи *С. Верковича.* (пер. *М. П. Петровскаго* и подлинникъ).—О Соловецк. библіотекѣ. *И. Я. Порфирьева.*—Апокрифич. молитвы по рукоп. Солов. библ. *Его-же.* — Объ упрекѣ мон. Нила Курлятевыхъ въ незнаніи митр. Кипріаномъ греческ. и нашего яз. при исправленіи псалтири. *Арх. Амфилохія.* — *Гдѣ книги, писан. зырян. и перм. азбукою, составленною св Стефаномъ Пермскимъ? *П. Д. Шестакова.*—О вліяніи русскаго яз. на инородческіе. *Егоже.* — Крымскій полуостровъ до Монгол. нашествія въ Араб. литер. *А. Я. Гаркави.* —*Топографія др. города около с. Русскихъ Кирменей (Мамад. у. Каз. губ.). *Е. Т. Соловьева.*—*О старой чувашской вѣрѣ. *Н. И. Золотницкаго.* — *Сказки, загадки и пѣсни Нагайбаковъ въ уральск. у. Оренб. губ. *В. Н. Витевскаго.*—*Документы и рукописи, относящ. къ Каз. губ. и хранящ. въ Моск. Главн. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ и его библіотекѣ. *Н. Ѳ. Токмакова.*—Указатель личныхъ и географ. именъ, встрѣч. въ I и II т. Трудовъ IV Археол. съѣзда. **Цѣна 3 рубля. — Атласъ къ Трудамъ IV** Археол. Съѣзда. Казань 1891. **Ц. 2 руб.**

2) Архивъ кн. В. И. Баюшева. Разобранъ и приготовленъ къ изданію проф. Н. П. Загоскинымъ. К. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

3) Памяти гр. Алексѣя Сергѣевича Уварова. Рѣчи, произнесенныя С. М. Шпилевскимъ, П. Д. Шестаковымъ и Д. А. Корсаковымъ. К. 1885. Ц. 75 к.

4) Краткій очеркъ восьмилѣтней дѣятельности Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи и его задачи. К. 1886. Ц. 10 к.

5) Этнографія на Казанской научно-промышленой выставкѣ. *Н. Н. Смирнова.* К. 1890. Ц. 20 к.

6) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій съѣздъ. *Его-же.* К. 1890. Ц. 20 к.

Всѣ изданія Общества, за исключеніемъ I и II томовъ, можно получать въ Казани у книгопродавцевъ А. А. Дубровина и Н. Я. Башмакова, въ С.-Петербургѣ у А. С. Суворина и Карбасникова.

I и II томы «Извѣстій», оставшіеся въ самомъ ограниченномъ количествѣ, можно получить только при выпискѣ отъ Общества всѣхъ томовъ «Извѣстій».

Выписывающіе отъ Общества за пересылку не платятъ.

Дѣйствительные члены и члены-сотрудники, выписывающіе изданія отъ Общества, пользуются скидкой въ 30%.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ X, вып. 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря И. Смирновъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО И НАСТОЯЩАГО

ДОИСТОРИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГІИ ВЪ ЕВРОПѢ

д) *Доисторическая археологія въ Швейцаріи, Италіи и на Пиринейскомъ полуостровѣ.*

Маленькая Швейцарія является важнымъ факторомъ въ развитіи палеоэтнологическихъ изученій въ Европѣ. Въ силу особенностей своей физической исторіи она сдѣлалась первымъ центромъ изслѣдованія неолитическаго періода—въ особенности его начальныхъ моментовъ. Въ четвертичную или палеолитическую эпоху она лежала еще, вѣроятно, подъ сплошной ледяной корой. Человѣкъ появился въ ней только тогда, когда низменности освободились изъ подъ этой коры и обратились въ систему озеръ. Съ остатками его культуры Швейцарцы ознакомились впервые въ концѣ 50-хъ годовъ. Случайность—сильное пониженіе уровня воды въ Цюрихскомъ озерѣ—обнаружила въ 1858 г. первые слѣды свайныхъ сооруженій и послужила исходнымъ моментомъ для развитія швейцарской палеоэтнологіи. Среди полусгнившихъ свай были найдены каменныя орудія неизвѣстнаго до тѣхъ поръ типа и кости животныхъ современной геологической эпохи. Передъ глазами изслѣдователей обозначались слѣды построекъ, которыя оставили древнѣйшіе обитатели Швейцаріи—протогельветы, какъ ихъ называютъ новѣйшіе изслѣдователи. По матеріалу орудія древнихъ насельниковъ Швейцаріи были одинаковы съ орудіями обитателей французскихъ и бельгійскихъ пещеръ, но ихъ формы

и способъ обработки были существенно отличны — орудія эти были уже шлифованы. На основаніи формъ и условій залеганія было установлено, что эти орудія относятся къ позднѣйшей эпохѣ и эта эпоха получила названіе робенгаузенской—по мѣстечку Робенгаузенъ въ Цюрихскомъ кантонѣ, близь Пфеффиконскаго озера, гдѣ были сдѣланы первыя крупныя находки этого рода. Терминъ „робенгаузенскій" держался до тѣхъ поръ, пока его не вытѣснилъ предложенный англичанами терминъ „неолитическій"; нѣкоторые французскіе археологи употребляютъ его въ общемъ значеніи до сихъ поръ (Мортилье). Съ открытіемъ свайныхъ сооруженій швейцарскіе изслѣдователи обратили вниманіе на торфяныя болота, какъ на мѣстности, гдѣ можно ожидать слѣдовъ доисторическаго человѣка и добытые ими результаты вызвали однородныя изслѣдованія въ Италіи, Германіи, Франціи; съ начала 80-хъ годовъ изслѣдованіе этихъ пунктовъ распространилось и на Востокъ Россіи (Зауралье). Роль швейцарскихъ изслѣдователей свайныхъ построекъ не ограничивается однимъ указаніемъ новаго объекта для изслѣдованій. При разработкѣ добытаго въ нихъ матеріала—каменныхъ, мѣдныхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ орудій—оказалось, что Швейцарія пережила всѣ намѣченные скандинавской археологіей фазисы развитія (каменный вѣкъ преимущественно на В., бронзовый на З.) и Швейцарцамъ пришлось принять участіе въ разработкѣ общихъ археологическихъ вопросовъ—напр. о происхожденіи и взаимномъ отношеніи мѣдной и бронзовой культуры въ Европѣ. Швейцарскіе изслѣдователи въ большинствѣ высказались за южное происхожденіе бронзъ, найденныхъ въ свайныхъ постройкахъ, и смотрятъ на страну Протогельветовъ, какъ на станцію для южныхъ бронзовыхъ издѣлій по пути съ Ю. на С. и СВ.

Палльманъ („Die Pfahlbauten und ihre Bewohner". Greifswald. 1866) высказалъ предположеніе, что свайныя постройки были стоянками южныхъ торговцевъ металлическими (бронзовыми и желѣзными) издѣліями — кареагенскихъ, этрусскихъ и массаліотскихъ—и ремесленниковъ, которые на мѣстѣ приго-

товляли каменныя и бронзовыя орудія. Эта гипотеза подрывала ученіе о самостоятельномъ скандинавскомъ періодѣ бронзовой культуры.

Въ 80-хъ годахъ на основаніи данныхъ, добытыхъ при изслѣдованіи свайныхъ построекъ швейцарскіе ученые подняли вопросъ о мѣдномъ періодѣ въ Европѣ. Вопреки мнѣнію такихъ выдающихся французскихъ изслѣдователей, какъ Мортилье и Шантръ, В. Гроссъ на франкфуртскомъ съѣздѣ нѣмецкихъ антропологовъ въ 1882 г. выдвинулъ гипотезу о существованіи мѣднаго періода въ Европѣ. На мѣдныя находки въ свайныхъ постройкахъ было обращено вниманіе еще въ 60-хъ годахъ, но изъ нихъ не рѣшались дѣлать какихъ нибудь общихъ выводовъ. Гроссъ обратилъ вниманіе съѣзда на новѣйшія находки на стоянкѣ Finelz (близь Neuville) и предложилъ раздѣленіе каменнаго вѣка Швейцаріи на 3 періода: періодъ грубыхъ издѣлій изъ камня, кости и дерева, періодъ употребленія рядомъ съ другими нефритовыхъ и ядеитовыхъ орудій, періодъ совмѣстнаго употребленія камня (серпентинъ вмѣсто нефрита и ядеита) и металловъ (бронза и преимущественно мѣдь). Въ остаткахъ Финельцскихъ свайныхъ построекъ Гроссъ нашелъ около пятнадцати штукъ мѣдныхъ ножей и кинжаловъ рядомъ съ кремневыми и нефритовыми орудіями. Аналогичныя находки — мѣдный кинжалъ съ остаткомъ прикрѣпленной къ нему берестой деревянной ручки — были обнаружены на стоянкѣ St. Blaise. Швейцарскимъ-же ученымъ принадлежитъ инниціатива въ вопросѣ о нефритѣ. Нефритовыя орудія, находимыя въ значительномъ количествѣ въ свайныхъ постройкахъ каменнаго вѣка, подали поводъ однимъ ученымъ (Дезоръ) говорить о томъ, что ихъ принесли съ собою арійскіе предки протогельветовъ изъ Азіи, другимъ (Гроссъ), что они представляютъ собою продуктъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ.

Открытія, сдѣланныя въ Швейцаріи послужили толчкомъ для развитія итальянской палеоэтнологіи. На классической почвѣ Италіи идеи о смѣнѣ доисторическихъ культурныхъ періодовъ восходятъ еще къ римскимъ временамъ. Еще Лук-

рецій Каръ въ своемъ „de rerum natura“ высказываетъ мысль, что раньше всего человѣкъ употреблялъ камень, потомъ мѣдь и наконецъ желѣзо (ст. 1282—1285). Начиная съ XVI в. до конца XVIII в. идетъ рядъ ученыхъ, которые высказывали догадки о каменномъ вѣкѣ: назовемъ Mercati (1541 — 1593), который въ своей Metallotheca, изданной только въ 1717 г., устанавливаетъ настоящее значеніе каменныхъ орудій, затѣмъ Aldrovandi (1522—1605), Cupani (1657—1711), Vallisnieri (1705—1730), Bianchi (1752), Giovene (1753—1881)—проводившихъ ту-же мысль и въ нѣкоторыхъ случаяхъ независимо другъ отъ друга. Alberto Fortis (1786) и Giovanni Costa (1794) предположеніе о каменномъ вѣкѣ подкрѣпляли общимъ соображеніемъ, что о древнемъ человѣкѣ слѣдуетъ заключать на основаніи быта дикихъ. Venturi Giambattisto около 1795 г. занимался уже террамарами, которыя онъ приписываетъ Боямъ. Въ 1815 г. о террамарахъ говоритъ Filippo Re. Знаменитая свайная станція Peschiera была обнаружена еще въ 1830 г. во время работъ по укрѣпленію мѣстныхъ фортовъ. Въ 1850 г. здѣсь вторично были обнаружены остатки свай и среди нихъ бронзовыя орудія. Почти весь матеріалъ, надъ которымъ теперь оперируетъ итальянская палеоэтнологія, такимъ образомъ былъ извѣстенъ до начала 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія — и однако только цюрихскія открытія 1858 — 1859 г. уяснили Итальянцамъ смыслъ ихъ доисторическихъ памятниковъ и заставили ихъ углубиться въ изученіе свайныхъ построекъ и террамаръ. Съ 60-хъ годовъ, со времени первыхъ открытій Gastaldi палеоэтнологія быстро завоевываетъ вниманіе итальянской публики и ученыхъ. Въ новую область знанія, по словамъ историка итальянской палеоэтнологіи Castelfranco, бросились всѣ. Образовалась манія—въ родѣ собиранія почтовыхъ марокъ. Самыя экстравагантныя гипотезы встрѣчали полное довѣріе и чѣмъ экстравагантнѣе, тѣмъ больше. Газеты, которыя сдѣлались проводниками новыхъ научныхъ открытій, обобщали и раздували отдѣльные факты, не заботясь объ ихъ провѣркѣ. Итальянцы какъ будто торопились разобраться въ ма-

теріалѣ, который копился въ теченіе столѣтій. Въ 80-хъ годахъ это возбужденіе улеглось: диллетанты остыли, а серьезные ученые успѣли осмотрѣться среди массы вновь открытыхъ фактовъ и провѣрить свои общія соображенія. Не смотря на сильное вліяніе Швейцарцевъ и Французовъ, они выработали къ этому времени рядъ мнѣній, которыя имѣютъ существенное значеніе для оцѣнки общаго значенія французскихъ палеоэтнологическихъ теорій.

Для русскихъ и въ частности для восточно-русскихъ изслѣдователей,—по причинамъ, которыя изложены будутъ ниже—особенный интересъ должны представлять итальянскія воззрѣнія на каменный вѣкъ и отношеніе палеолитической эпохи къ неолитической.

Итальянцы на первыхъ порахъ безъ колебаній приняли французскую систему воззрѣній на каменный вѣкъ и дѣлили его на періодъ эолитическихъ оббивныхъ и шлифованныхъ орудій изъ кремня. Скоро однако они пришли къ убѣжденію, что французская палеоэтнологическая схема не вполнѣ примѣнима къ итальянскому матеріалу. Надежды найти слѣды человѣка третичной эпохи не оправдались. Gastaldi въ своихъ „Frammenti di Paletnologia italiana“ 1876 г. говоритъ, что ни одно изъ открытій, сдѣланныхъ въ Италіи до сихъ поръ не позволяетъ намъ предполагать, что человѣкъ существовалъ здѣсь въ эпохи пліоценовую и міоценовую. Скоро была обнаружена ошибка и по отношенію къ пещерамъ. Идя по слѣдамъ Французовъ, Итальянцы на первыхъ порахъ относили найденныя въ нихъ предметы древней культуры къ палеолитической эпохѣ. Позднѣе было обнаружено, что въ Италіи пещеры служили мѣстомъ убѣжища для человѣка начиная съ отдаленнѣйшихъ эпохъ до близкихъ къ намъ историческихъ временъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи пещеры служили жилищами Лигуровъ почти до временъ имперіи. Еще въ 58 г. Діодоръ Сицилійскій зналъ Лигуровъ, которые жили въ пещерахъ и искусственныхъ гротахъ. Обитатели пещеръ были уже знакомы съ мѣдью—Chierici и Morelli встрѣтили при своихъ раскопкахъ мѣдные кинжалы—но сами они обработывали только камень и кость.

Въ сочиненіи „Iconografia di alcuni oggetti di remota antiquità rinvenuti in Italia“ тотъ же Gastaldi высказалъ мысль, что раздѣленіе каменнаго вѣка на два различные періода не приложимо къ Италіи: здѣсь встрѣчаются въ обработанной почвѣ и на поверхности кремневыя орудія обоихъ періодовъ. Такъ какъ при этомъ въ большей части случаевъ нельзя воспользоваться указаніями фауны, то найдя въ одной и той-же мѣстности одинъ разъ грубыя, другой разъ тонко обработанныя кремневыя орудія изслѣдователь относитъ ихъ къ тому или другому періоду соотвѣтственно своимъ субъективному расположенію. Подъ вліяніемъ замѣчаній Gastaldi и другіе итальянскіе палеоэтнологи—Concezio Rosa, Belucci, Nicolucci, Pigorini говорятъ просто о каменномъ вѣкѣ, не пускаясь въ подробныя дѣленія. Nicolucci дополнилъ соображенія Gastaldi замѣчаніемъ, что каменныя орудія отдаленныхъ эпохъ оставались въ употребленіи у послѣдующихъ, ближайшихъ къ намъ поколѣній. Pigorini доказываетъ неправильность французской системы къ Италіи другимъ путемъ: „въ доисторическую пору, какъ и у современныхъ дикарей, дѣла стояли такъ, что въ то время, какъ одни выдѣлывали орудія, приближающіяся по своему типу къ шлифованнымъ, другіе пользовались грубыми оббивными орудіями. Могилы и стоянки одного и того-же періода могутъ заключать себѣ предметы различные: въ могилѣ помѣщались лучшія издѣлія каменной индустріи, на стоянкахъ и мѣстахъ мастерскихъ такія совершенныя издѣлія не встрѣчаются. Если бы кто нибудь составилъ отдѣльные атласы вещей, найденныхъ въ этихъ двухъ категоріяхъ залеганій, пришлось-бы намѣтить различныя фазы въ индустріи одной эпохи“. Приводя это мнѣніе Castelfranco замѣчаетъ, что каменные кинжалы типа Солютрэ, обнаруженные въ могилахъ Remedello, находились въ сосѣдствѣ съ металлическими издѣліями. Эпохи, которая бы соотвѣтствовала французской Солютрэ, итальянскіе палеоэтнологи у себя не знаютъ. Стрѣлки и наконечники тождественныя съ таковыми-же Solutré во Франціи въ Италіи (Molina, Rolcadi Rivole) были найдены въ могилахъ вмѣстѣ

съ полированными топорами и горшечными издѣліями. Стрѣлки въ видѣ лавроваго листа чаще всего находились въ могилахъ рядомъ съ мѣдными и бронзовыми орудіями.

Въ результатѣ сопоставленія итальянскаго матеріала съ французскимъ оказалось съ одной стороны, что итальянскій палеолитическій періодъ не заключаетъ въ себѣ всѣхъ эпохъ принятыхъ Французами, съ другой, что здѣсь имѣли мѣсто другія эпохи или точнѣе другія народности, которыхъ не могло быть въ другихъ мѣстахъ. Итальянскіе изслѣдователи нашли и ключъ къ объясненію этого различія доисторическихъ культуръ Италіи и Франціи. Когда дѣло идетъ о дикихъ племенахъ, живущихъ на большихъ разстояніяхъ одно отъ другого, при различной фаунѣ, различной флорѣ, различномъ матеріалѣ для подѣлокъ, было бы абсурдомъ думать, что они въ одно и тоже время будутъ имѣть одни и тѣже обычаи, орудія и оружіе—говоритъ одинъ изъ крупныхъ представителей итальянской палеоэтнологіи Castelfranco. Оставаясь въ своихъ предѣлахъ Итальянцы классифицируютъ свои древности по группамъ: мастерскія на открытомъ воздухѣ, фундаменты хижинъ, гроты, пещеры, убѣжища подъ скалами, озерныя поселенія и т. д., но отваживаются только на приблизительную хронологію этихъ группъ.

Для изслѣдователей восточной Россіи спеціальный интересъ представляютъ итальянскія данныя относительно ранняго неолитическаго періода Италіи — культура такъ называемыхъ Лигуровъ.

Почти всѣми изслѣдователями доисторическаго прошлаго Италіи (Nicolucci, Molon, Gelbig) Лигуры признаются предшественниками Арійцевъ-Италиковъ и особымъ отъ нихъ народомъ. Сводъ любопытныхъ предположеній объ этихъ аборигенахъ Италіи мы встрѣчаемъ въ книгѣ Molon'a „Preistorici e contemporanei. Studi paletnologici in relazione al popolo ligure“.—Неолитическая эпоха начинается съ того времени, какъ стаяли ледники, покрывавшіе Европу въ концѣ послѣ-третичной эпохи. Растительные и животные виды Средней и Малой Азіи, Кавказа и Арменіи за-

няли мало по малу освободившуюся изъ подъ ледяной коры Европу и подготовили появленіе новыхъ насельниковъ изъ Азіи. Насельники эти не были однако совершенно чужды европейской почвѣ Европы. Они происходятъ отъ человѣка, жившаго еще въ третичную эпоху въ сѣверной, арктической зонѣ стараго и новаго свѣта. Глечеры двинули потомковъ этихъ третичныхъ людей на югъ и въ Азію. Сѣверяне двигались, отбрасывая еще далѣе на Ю. къ крайнимъ предѣламъ Индіи и Аравіи встрѣчныя азіатскія племена. Столкнувшись съ племенами, обладавшими высшей цивилизаціей (въ Минусинскомъ краѣ еще въ четвертичную эпоху процвѣтала бронзовая культура), сѣверяне научились шлифовать камень, познакомились съ бронзой, съ прирученіемъ животныхъ. Отсюда они вновь направляются въ Европу двумя потоками—первый образовали туранскія или монгольскія племена, второй—иранскія или арійскія. Остатками отъ этого древнѣйшаго выселенія изъ Азіи являются между прочимъ Амурскіе и Сахалинскіе Айно. Туранскій потокъ прошелъ чрезъ Арменію и чрезъ Уралъ. Къ числу самыхъ западныхъ его представителей относятся Баски; вѣтвь туранцевъ заняла Вавилонію и продержалась тамъ до появленія Семитовъ. Къ этой монгольской группѣ относятся на Ю. Европы всѣ лигурійскія и иберійскія племена, на С. гренландскія, лапландскія и финскія. Иберійцы принесли съ собою искусство воздвигать свайныя постройки и знакомство съ бронзой. Иранское движеніе — Кельтовъ, Германцевъ и Славянъ—послѣдовало позднѣе и знаменуется мегалитическими сооруженіями.—Теорія Molon'а далеко не во всѣхъ частностяхъ раздѣляется другими итальянскими палеоэтнологами и, кажется, основательно. Лигурирійская культура обрисовывается предъ нами довольно ясно благодаря даннымъ антропологіи и палеоэтнологіи. Лигурійцы жили сначала въ пещерахъ, потомъ въ искусственныхъ подземныхъ хижинахъ по теченію главныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ, съ особенной любовью останавливаясь при ихъ сліяніи. Остатки ихъ жилищъ — fondi di capanne — даютъ право предположить, что эти послѣднія по своей формѣ

были тождественны съ урало-алтайскими чумами или юртами— были вырыты въ землѣ и имѣли коническую крышу (лоп. ямы). Открытіемъ этихъ остатковъ (въ Абруццахъ, въ долины Вибраты) итальянская палеоэтнологія обязана Concezio Rosa. На первый взглядъ fondi di capanne представляли собою широкія пятна черной земли. Раскапывая эти пятна, въ нихъ встрѣчали угли, обломки костей, черепки, обработанные кремни, полированные топоры изъ кварцита и известняка, скребки, кремневые ножи — и при этомъ полное отсутствіе наконечниковъ копій и стрѣлъ. Разработка этого матеріала въ Эмиліи доставила извѣстность Gaetano Chierici. Между особенностями культуры того народа, который оставилъ fondi di capanne, Chierici отмѣчаетъ фактъ, что ему какъ будто не извѣстна была еще собака: ея слѣдовъ не было найдено ни въ одной изъ изслѣдованныхъ станцій этого рода. Фактъ этотъ кажется страннымъ въ виду того, что изслѣдователи считаютъ народъ, оставившій fondi di capanne по преимуществу охотничьимъ, хотя ему извѣстны были и домашнія животныя. Strobel пользуется имъ для того, чтобы опредѣлить относительную древность fondi, и считаетъ ихъ древнѣе сѣверныхъ Kiokkenmoedding'овъ и швейцарскихъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка. Подъ нѣкоторыми изъ такихъ fondi на глубинѣ 5 метровъ Chierici нашелъ могилы — и притомъ съ трупосожженіемъ,— фактъ, находящійся въ рѣшительномъ противорѣчіи со всѣмъ, что извѣстно относительно каменнаго вѣка во всей Европѣ и въ Италіи. Памятниками позднѣйшей эпохи въ исторіи Лигуровъ являются пещеры и искусственные гроты, которые служили или жилищами или могилами человѣка. Къ числу памятниковъ, оставленныхъ послѣ себя Лигурами Molon относитъ и надписи на скалахъ (къ его книгѣ приложены 54 снимка этихъ письменъ). Къ неолитической эпохѣ относятся и древнѣйшія свайныя постройки Италіи. Первыя работы по изслѣдованію этого рода памятниковъ начались въ 1863 г., когда С. Италію посѣтилъ швейцарскій палеоэтнологъ Дэзоръ. Совмѣстно съ французомъ Г. Мортилье и мѣстнымъ дѣятелемъ

Стоппани Дэзоръ предпринялъ первую экскурсію вдоль береговъ сѣверныхъ озеръ и открылъ свайныя стоянки Varese. Въ 1864 другой иностранецъ баронъ Саккенъ предпринялъ правильныя раскопки стоянки Peschiera. За этими открытіями послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ. На однихъ изъ свайныхъ стоянокъ не обнаружено никакихъ слѣдовъ металла (Lagozza), на другихъ (Verese) каменныя орудія (кремневыя стрѣлки) встрѣчены были рядомъ съ бронзовыми орудіями; на стоянкѣ Peschiera были найдены чисто-мѣдныя орудія. Часть ихъ (самая древняя), предполагается, принадлежитъ Лигурамъ. Свайныя постройки съ металлическими находками принадлежитъ, по мнѣнію итальянскихъ изслѣдователей уже другому народу. Мѣдную и бронзовую культуру принесъ съ собой другой народъ, отличающійся отъ долихоцефаловъ-Лигуровъ своимъ брахицефализмомъ.

Разработка новаго матеріала ввела Итальянцевъ, какъ и Швейцарцевъ, въ кругъ основныхъ вопросовъ европейской палеоэтнологіи. По поводу кремневыхъ стрѣлокъ, найденныхъ рядомъ съ мѣдными вещами, Итальянцы пришли къ заключенію, что онѣ стали входить въ употребленіе почти одновременно съ бронзовыми орудіями и служили главнымъ образомъ въ теченіи такъ называемаго бронзоваго вѣка:

1) Наиболѣе богатыя бронзовыми предметами свайныя постройки Varese дали и наибольшій запасъ этихъ стрѣлокъ;

2) въ Лагоццѣ рядомъ съ отсутствіемъ металловъ замѣчается и отсутствіе кремневыхъ стрѣлокъ,

3) стрѣлки отсутствуютъ—по крайней мѣрѣ съ крыльями и ножками—въ fondi di capanne.

По поводу находокъ въ Peschiera швейцарскій изслѣдователь свайныхъ построекъ Ф. Келлеръ поставилъ вопросъ о мѣдномъ вѣкѣ въ Италіи. Анализы Саккена показали, что въ каждомъ изъ найденныхъ предметовъ находилось олово, хотя не въ обычной пропорціи: 89,07 мѣди + 10,78 олова, 97 + 3, 99 + 1. Позднѣйшими анализами проф. Briosi были обнаружены и такіе предметы, въ которыхъ вовсе не оказалось олова. Пигорини, не нашелъ возможнымъ допустить относительно Pes-

chier'ы мѣднаго періода и объясняетъ обнаруженное здѣсь уклоненіе въ составѣ бронзовыхъ вещей тѣмъ, что бронзовыя издѣлія приходили на Peschier'у извнѣ; мѣстные обитатели неимѣли въ своемъ распоряженіи другого металла кромѣ мѣди и при самостоятельномъ производствѣ орудій переплавляли бронзовый ломъ, произвольно увеличивая количество мѣди, а за отсутствіемъ бронзы и вовсе отливали орудія изъ мѣди по типу бронзовыхъ.

Воззрѣнія Итальянцевъ на бронзовый вѣкъ существенно отклонились отъ сѣверо-европейскихъ подъ вліяніемъ добытыхъ на мѣстѣ фактовъ. Возникшее первоначально подъ чуждымъ вліяніемъ представленіе, что такъ называемый бронзовый вѣкъ представляетъ собою моментъ въ самостоятельномъ развитіи всего населенія полуострова, смѣнилось постепенно другимъ: факты показали, что бронзовая культура локализуется въ долинѣ По и является созданіемъ народа, который въ теченіе нѣкотораго періода держался на пространствѣ между Альпами и Аппенинами. По другимъ существеннымъ общимъ вопросамъ палеоэтнологіи Итальянцы высказываются согласно съ второй генераціей скандинавскихъ археологовъ. Они отказываются отъ старой теоріи, въ силу которой одинъ періодъ рѣзко смѣнялся другимъ и являлся результатомъ появленія новаго народа; вмѣсто новыхъ иммиграцій они, какъ и Скандинавы, начинаютъ говорить о новыхъ вліяніяхъ. Богатый историческій опытъ Италіи кромѣ того подсказалъ имъ, что не всѣ пришельцы-завоеватели являются побѣдителями и на культурномъ поприщѣ: часто они сами усвояютъ культуру побѣжденныхъ. Въ ряду частныхъ вопросовъ, возникшихъ на почвѣ итальянской палеоэтнологіи, можно отмѣтить одинъ, имѣющій интересъ для археологовъ южной Россіи—это вопросъ о происхожденіи окрашенныхъ въ красную краску костяковъ. По близости мѣстечка Sgurgola итальянскій изслѣдователь Росси нашелъ могилу, въ которой лежалъ окрашенный костякъ, снабженный каменными стрѣлками, каменнымъ молоткомъ, грубымъ горшкомъ и маленькимъ бронзовымъ копьемъ. Разработкой этого мате-

ріала занялся Pigorini. По его просьбѣ химикъ римскаго университета Panebianco произвелъ анализъ окраски и констатировалъ что она произведена киноварью и не случайно. Какимъ образомъ возникла эта окраска? Прежде всего возникало предположеніе, что древніе обитатели Лигуріи покрывали свое тѣло красной краской и клали ее въ могилы усопшимъ. Но противъ такого предположенія говорило то обстоятельство, что кости въ могилѣ оказались не въ естественномъ порядкѣ, у нѣкоторыхъ кромѣ того не хватало. Pigorini пришелъ на основаніи этихъ фактовъ къ заключенію, что окрашивалось не тѣло, а костякъ послѣ того какъ онъ былъ очищенъ отъ мяса. Въ подтвержденіе своей догадки онъ ссылается на обычаи Папуасовъ, Новозеландцевъ, Таитянъ и др. современныхъ дикарей. Народомъ, оставившимъ послѣ себя окрашенные костяки были по мнѣнію Chierici Лигуры.

Переходя изъ Италіи на Пиринейскій полуостровъ, мы должны припомнить, что доисторическое населеніе послѣдняго Иберы—считаются ближайшими родичами Лигуровъ. Въ этомъ родствѣ и предполагаемомъ монгольскомъ происхожденіи обоихъ народовъ лежитъ основаніе спеціальнаго интереса, съ которымъ археологъ В. Россіи долженъ отнестись къ палеоэтнологіи далекаго пиринейскаго полуострова. Раздѣленный политически между Испаніей и Португаліей, Пиринейскій полуостровъ и въ исторіи палеоэтнологическихъ изученій представляетъ эту двойственность. Португалія съ 1863 г., когда открыты были въ долинѣ Тахо первые слѣды третичнаго человѣка, рядомъ съ Франціей работаетъ надъ самыми отдаленными эпохами въ исторіи человѣка. Carlos Ribeiro считается однимъ изъ главныхъ защитниковъ третичнаго человѣка. Его именемъ Мортилье назвалъ одинъ изъ видовъ своего Anthropopitecus. Въ 1880 г. спеціально для выясненія вопроса о третичномъ человѣкѣ состоялась въ Лиссабонѣ сессія международнаго конгресса доисторической археологіи. Была предпринята спеціальная поѣздка въ одно изъ мѣстонахожденій этой эпохи—въ Отту, составилась коммиссія для опредѣленія добытыхъ здѣсь нахо-

докъ — но результаты оказались сомнительными: пласты, въ которыхъ залегали находки, всѣми были признаны за третичные, но самые находки представляли, по мнѣнію коммиссіи, смѣсь палеолитическихъ, неолитическихъ и можетъ быть третичныхъ. Рибейро до 80-хъ годовъ былъ почти единственнымъ палеоэтнологомъ Португаліи. Кромѣ слѣдовъ третичнаго человѣка онъ изслѣдовалъ стоянки неолитической эпохи, дольмены, погребальныя пещеры изъ переходной между камнемъ и бронзой эпохи. Въ своихъ общихъ заключеніяхъ относительно каменнаго вѣка Рибейро сходится съ Итальянцами и думаетъ, что по типамъ орудій далеко не всегда и не вездѣ можно судить о времени, къ которому онѣ относятся. Онъ указываетъ на тотъ фактъ, что въ португальской академіи имѣются кремневыя орудія изъ неолитическихъ стоянокъ, послѣтретичныхъ и третичныхъ пластовъ, принадлежащія къ одному типу и до такой степени сходныя, что ихъ невозможно различить. Въ неолитическихъ стоянкахъ долины Тахо Рибейро констатировалъ фактъ, привлекающій вниманіе итальянскихъ ученыхъ относительно древнихъ Лигуровъ—отсутствіе собаки. Новѣйшіе анализы мѣдныхъ орудій, найденныхъ въ Португаліи, констатируя въ нихъ существованіе въ разнообразныхъ пропорціяхъ олова и цинка предлагаютъ новые факты въ пользу гипотезы о европейскомъ происхожденіи бронзовой культуры (Alfredo Ben-Sande).

Доисторическое прошлое Испаніи уяснено для науки главнымъ образомъ трудами иностранныхъ ученыхъ — француза Э. Картальяка и бельгійцевъ гг. Сирэ. Въ силу этого намъ приходится говорить не о томъ, что дали палеоэтнологіи испанскіе ученые, а о томъ, что дала почва Испаніи. Г. Картальякъ производилъ изслѣдованія по порученію французскаго министерства просвѣщенія. Французскій археологъ находитъ на пиринейскомъ полуостровѣ аналогичныя съ французскими доисторическія отношенія: въ Португаліи оказываются на лицѣ всѣ типы орудій послѣтретичной культуры; неолитическая эпоха рѣзко обособляется и начинается съ прибытіемъ народа, кото-

рый принесъ съ собой знакомство съ земледѣліемъ и скотоводствомъ и потребность погребать своихъ усопшихъ въ пещерахъ или гротахъ. Въ могилахъ неолитической эпохи рядомъ съ каменными орудіями встрѣчаются и промитивной формы мѣдныя и бронзовыя. Г. Картальякъ приходитъ, какъ и мѣстные изслѣдователи къ заключенію, что въ Европѣ вообще и въ частности на Пиринейскомъ полуостровѣ имѣлъ мѣсто мѣдный періодъ.

И. С.

Древнія поселенія

Яранскаго уѣзда.

Бывшій въ Казани IV археологическій съѣздъ возбудилъ живой интересъ къ изученію различныхъ памятниковъ древности и особенно къ разысканію слѣдовъ древнихъ поселеній не только въ Приволжьи и Прикамьи собственно, но и далеко за предѣлами ихъ. Въ послѣднее десятилѣтіе мѣстные археологи особенно заинтересовались Вятской губерніей, на обширномъ пространствѣ которой оказались разсѣянными памятники весьма разнообразныхъ культурныхъ періодовъ. Въ этомъ отношеніи южная полоса Вятской губерніи возбуждала едвали не преимущественное вниманіе какъ археологическихъ учрежденій, такъ и мѣстныхъ изслѣдователей и любителей старины. Въ данномъ случаѣ мы остановимся на территоріи Яранскаго уѣзда, занимающаго юго-западную часть Вятской губерніи, и посмотримъ, какія имѣются данныя для сужденія о характерѣ и культурѣ *древняго* населенія этого края.

Еще въ 60-хъ годахъ этого столѣтія въ прессу начали проникать указанія на нахожденіе каменныхъ орудій въ предѣлахъ Яранскаго уѣзда. Такія орудія были констатированы въ 1864 году г. *Алабинымъ* въ Комаровской, Водозерской и Ситкинской волостяхъ этого уѣзда, гдѣ были найдены наконечники

стрѣлъ, копій, ножи и проч.[1]). Но главнѣйшая масса свѣдѣній объ этомъ предметѣ относится уже къ 80-мъ годамъ, въ теченіи которыхъ весьма усерднымъ собирателемъ свѣдѣній о вятскихъ древностяхъ, а въ послѣднее время и изслѣдователемъ ихъ былъ *А. А. Спицынъ*, напечатавшій въ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и изданіяхъ Вят. Губерн. Статистич. Комитета нѣсколько статей и замѣтокъ по археологіи Вятской губерніи[2]). Но во всѣхъ этихъ статьяхъ и замѣткахъ нѣтъ опредѣленныхъ указаній на культурную эпоху, къ которой должны быть отнесены вышеназванныя орудія, между тѣмъ какъ по отношенію къ другимъ древностямъ Яранскаго уѣзда сдѣлано уже не мало попытокъ къ уясненію ихъ культурно-историческаго характера.

Вещественные памятники древности Яранскаго уѣзда концентрировались главнѣйше въ Вятскомъ Статистическомъ Комитетѣ и въ Вятскомъ музеѣ. Но въ послѣднее время не мало каменныхъ орудій, преимущественно молотковъ, колотушекъ и проч., изъ Яранскаго уѣзда попало въ музеи Казанскаго университета и собранія частныхъ лицъ въ Казани, куда они доставлялись преимущественно татарами — яичниками и другими странствующими торговцами, совершавшими для своихъ цѣлей поѣздки по Яранскому уѣзду и скупавшими у мѣстныхъ жителей имѣвшіеся у нихъ памятники древности. Понятно, что въ этомъ случаѣ не могло быть и рѣчи ни о точномъ констатированіи мѣстонахожденія этихъ орудій, ни о выясненіи условій ихъ нахожденія.

---

[1]) Вятск. Губерн. Вѣдомости, 1865 г., №№ 54, 55 и 74.

[2]) Каталогъ древностей Вятскаго края въ «Календарѣ Вят. губерн. на 1882 г.»; различныя статьи въ Вятск. Губерн. Вѣдомостяхъ за 1883, 1887, 1888, 1889 и 1890 годы; Новыя свѣдѣнія по доисторической археологіи Вятскаго края, 1887 г.; Программа для описанія доисторическихъ древностей Вятской губерніи, 1886; Вещественные памятники древнѣйшихъ обитателей Вятскаго края, 1889 г. и друг.

Мнѣ извѣстно далѣе, что члены статистической экспедиціи Вятск. Губерн. Земства, экскурсировавшіе лѣтомъ 1891 года въ Яранскомъ уѣздѣ, вывезли оттуда въ Вятку не мало различныхъ древностей. Такъ какъ мнѣ пришлось посѣтить различныя части Яранскаго уѣзда уже послѣ объѣзда его членами вышеназванной экспедиціи, то на мою долю досталась только небольшая часть имѣвшихся у мѣстныхъ жителей каменныхъ орудій, которыя и переданы мною въ географическій кабинетъ Казанскаго университета. Но при своихъ поѣздкахъ прошлаго 1891 года по Яранскому уѣзду я занимался не только составленіемъ коллекціи каменныхъ орудій, но также опредѣленіемъ условій ихъ нахожденія. И хотя при этихъ поѣздкахъ я былъ занятъ другого рода изслѣдованіями и только немного времени могъ удѣлять археологіи этого края, но тѣмъ не менѣе собранный мною фактическій матеріалъ, вмѣстѣ съ данными другихъ изслѣдователей, мнѣ кажется, можетъ приблизить насъ къ рѣшенію вопроса о культурной эпохѣ, къ которой относятся Яранскія каменныя орудія и другіе памятники древнихъ обитателей Яранскаго уѣзда. При дальнѣйшемъ изложеніи я считаю болѣе удобнымъ распредѣлить обозрѣніе относящихся къ этому вопросу матеріаловъ по отдѣльнымъ территоріямъ этого уѣзда. Разсмотримъ прежде всего ЮВ—ную часть Яранскаго уѣзда.

Въ этомъ районѣ я встрѣтилъ впервые каменныя орудія въ Тожсолинской волости, въ бассейнѣ верхняго Ижа, около д. д. Емакаевой - Кугунуръ и Емакаевой - Бахтенки. Около первой изъ этихъ деревень, въ ½ верстѣ къ западу отъ нея, находятся два глубокіе оврага, сливающіеся между собою подъ угломъ около 50°, обращеннымъ вершиною къ сѣверу. При сліяніи этихъ овраговъ находятся слѣды древняго городища, называемаго нынѣ мѣстными жителями „Прокопомъ". Съ сѣверо - восточной и сѣверо-западной сторонъ это городище недоступно, благодаря почти отвѣснымъ склонамъ названныхъ овраговъ, а съ юга оно было защищено валомъ до 1½ арш. высоты и параллельнымъ ему рвомъ до 2 арш. глубины, расположеннымъ на внѣшней сторонѣ вала. Благодаря

такой естественной и искусственной защитѣ, на стрѣлкѣ между оврагами образовалась треугольная площадка до 17 саж. ширины и 21 саж. длины, занятая бывшимъ здѣсь поселеніемъ. Произведенныя мною небольшія раскопки показали, что валъ сложенъ изъ песчанаго матеріала, очевидно взятаго при рытьѣ сопровождающаго его рва. Въ поверхностныхъ частяхъ вала были обнаружены обломки битыхъ и рубленыхъ костей и куски угля. Нужно замѣтить, что лѣтъ 100 тому назадъ это городище было покрыто густымъ хвойнымъ лѣсомъ, уничтоженнымъ бывшимъ здѣсь лѣснымъ пожаромъ. Послѣ этого прилегающая къ городищу мѣстность, вмѣстѣ съ площадкой самаго городища, была обращена въ пашню. При полевыхъ работахъ около городища мѣстные жители нерѣдко находили и находятъ теперь каменныя орудія, напр. кремневые наконечники стрѣлъ и копій, кремневые ножики и много притесаныхъ обломковъ кремня. Попадающіеся здѣсь наконечники стрѣлъ и копій отличаются небольшой величиной и приготовлялись изъ темно-сѣраго и темно-бураго кремня валуннаго происхожденія, какъ и ножики и притесаные куски кремня. Нахожденіе каменныхъ орудій въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ этимъ городищемъ можетъ дать основаніе съ вѣроятностію заключать о принадлежности этихъ орудій къ одной эпохѣ съ городищемъ, хотя прямыхъ доказательствъ этого не имѣется.

Кремневые наконечники стрѣлъ и копій встрѣчаются нерѣдко и въ другихъ частяхъ разсматриваемаго района. Мнѣ извѣстно, что наконечники стрѣлъ встрѣчаются напр. въ поляхъ д. Рус. Руя на Руѣ, притокѣ Ошмы, гдѣ вмѣстѣ съ ними попадаются кремневые скребки и много притесаныхъ кусковъ кремня. Они встрѣчаются далѣе на поляхъ д.д. Табашевой и Кулашевой, расположенныхъ по берегамъ оз. „Зрывъ“; ихъ находятъ въ поляхъ д. Кресты, что̀ на царевококшайско-яранскомъ трактѣ, гдѣ кромѣ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ встрѣчаются скребки и каменныя колотушки. Отмѣчу при этомъ, что въ окрестностяхъ д. Кресты имѣются и другіе слѣды древнихъ поселеній. Это—группа кургановъ,

которые расположены на плоскомъ скатѣ къ широкой долинѣ Ошмы, между д.д. Кресты и М. Кугунуръ, въ 1½ вер. отъ первой. Здѣсь на равнинѣ хорошо выдѣляются три большихъ и нѣсколько меньшихъ кургановъ, поросшихъ мелкимъ хвойнымъ лѣсомъ. На вершинахъ большихъ кургановъ находятся глубокія полуобвалившіяся шахты — слѣды недавнихъ раскопокъ этихъ кургановъ однимъ изъ вятскихъ археологовъ [1]). Въ области лѣвыхъ притоковъ р. Ошмы каменныя орудія встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ. Они извѣстны мнѣ изъ окрестностей д.д. Спорной и Созы Курбатовой, гдѣ на высокихъ поляхъ на пашнѣ встрѣчаются каменные молотки и точильные камни изъ кварцеваго песчаника валуннаго происхожденія. Въ моей коллекціи имѣются отсюда точильные камни удлиненно-столбчатой формы, съ плоско-вогнутыми и выпуклыми сторонами, которые могли употребляться для шлифованія каменныхъ орудій, напр. при приготовленіи каменныхъ молотковъ изъ мелкихъ валуновъ, каковые дѣйствительно встрѣчаются въ окрестностяхъ этихъ деревень. Но здѣсь имѣются и другого рода слѣды древнихъ поселеній. Это—древнее городище, расположенное въ лѣсистой и болотистой мѣстности, по зимней дорогѣ изъ д. Салонеръ въ с. Норку. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, при раскопкахъ на этомъ городищѣ находятъ различные металлическіе предметы, напр. серебряныя и бронзовыя украшенія. Укажу еще, что въ бассейнѣ Ошмы каменные молотки встрѣчаются около д.д. Шуйки, Яндушевой и во многихъ другихъ мѣстахъ этого района. Очевидно, уже въ древности здѣсь было довольно густое населеніе, оставившее намъ разнообразные слѣды своего существованія.

Еще болѣе убѣждаютъ насъ въ этомъ слѣды древнихъ поселеній, констатированные въ области М. Кокшаги, въ сосѣднемъ съ Ошмой районѣ. Изъ нихъ прежде всего нужно

---

1) Вѣроятно, эти именно курганы стоятъ подъ знакомъ вопроса на стр. 17 «Новыхъ свѣдѣній о доисторической археологіи Вятскаго края» А. А. Спицына.

упомянуть о небольшомъ курганѣ, находящемся около с. Ернуръ, на задахъ д. Лапсолы [1]). Онъ расположенъ на плоскомъ скатѣ коренного праваго берега Кокшаги и имѣетъ плоскую форму, а высота его въ настоящее время не болѣе 3 аршинъ. Какъ показали пробныя раскопки, этотъ курганъ сложенъ изъ глины, перемѣшанной съ почвой. Но ни при моихъ раскопкахъ, ни при прежнихъ раскопкахъ г. Спицына, никакихъ предметовъ въ этомъ курганѣ не было найдено, изъ чего можно заключать, что лапсолинская насыпь есть сторожевой курганъ, построенный для наблюденій надъ р. Кокшагой и ея широкой долиной. Вѣроятно, такой же характеръ имѣетъ курганообразная насыпь на противоположномъ, лѣвомъ берегу М. Кокшаги, верстахъ въ 2—3 къ востоку отъ лапсолинскаго кургана, гдѣ она расположена на землѣ крестьянъ Фузиковыхъ.

Мы едвали ошибемся, если отнесемъ ернурскіе курганы къ той же эпохѣ, къ которой относится находящееся недалеко отъ с. Ернуръ городище „Одо-лемъ, т. е. жилище Одо, названное такъ потому, что по преданію оно служило мѣстообитаніемъ нѣкоего Одо, хотя нѣкоторые авторы думаютъ, что слово Одо обозначаетъ вотяковъ. Хотя это городище описано уже *А. Спицынымъ* [2]), но я считаю необходимымъ пополнить описаніе этого автора нѣкоторыми новыми данными, полученными мною при изслѣдованіи городища.

Городище Одо-лемъ находится въ $1^1/_2$ вер. къ сѣверу отъ с. Ернуръ и д. Лапсолы и расположено на высотахъ (60 саж. надъ уровнемъ моря), сложенныхъ изъ пермскихъ пластовъ, вдали отъ рѣки, въ лѣсистой мѣстности, хотя въ настоящее время лѣсъ здѣсь уже почти весь вырубленъ. Мѣстность около городища сильно расчленена широкими и глубокими оврагами. Самое городище расположено на стрѣлкѣ между двумя оврагами, сходящимися подъ острымъ угломъ. Оно имѣетъ

---

[1]) Также упоминается г. Спицынымъ на стр. 17 той же статьи.

[2]) *А. Спицынъ.* Новыя свѣдѣнія по доистор. арх. Вят. края, 34—35; см. также Вят. Губ. Вѣд. за 1887, №№ 89 и 90.

видъ плоской трапецоидальной площадки, нѣсколько покатой къ СВ, къ мѣсту сліянія овраговъ. Въ направленіи наибольшей длины (до 80 саж.) это городище вытянуто съ СВ на ЮЗ, а максимальная ширина его, около юго-западнаго конца, простирается до 40 саженъ. Довольно крутые склоны овраговъ защищаютъ это городище съ СВ, СЗ и ЮВ, а съ ЮЗ оно защищено крутымъ валомъ, до $3^1/_2$ арш. высоты, за которымъ располагается узкій ровъ, съ крутыми склонами, имѣющій до 3—4 арш. глубины. Валъ состоитъ изъ вынутаго при рытьѣ рва песчанаго матеріала. Еще сравнительно недавно все городище было занято хвойнымъ лѣсомъ, а теперь площадь его распахивается, что даетъ возможность ознакомиться съ остатками культуры древнихъ обитателей его. На площади этого городища, на пашнѣ я нашолъ кучки битыхъ костей млекопитающихъ, угли отъ кострищъ и сравнительно немного черепковъ битой посуды грубой работы (не обожженой). Тутъ же встрѣчаются гальки и валуны кварцита, величиною съ дѣтскую голову, а также угловатые куски краснаго гранита. Но всего замѣчательнѣе масса встрѣчающихся на пашнѣ притертыхъ и обточенныхъ плоскихъ кусковъ пермскаго сѣраго песчаника, имѣющихъ клиновидно-треугольную форму, очевидно бывшихъ въ употребленіи у обитателей этого городища, которымъ они служили какимъ то орудіемъ. Тутъ же найдены два крупные точильные камня изъ того же пермскаго песчаника. Разныя части поверхности этихъ камней являются плоско вогнутыми или выпуклыми, притертыми, имѣя видъ современныхъ точильныхъ камней, употребляющихся для точенія желѣзныхъ орудій. Весьма вѣроятно, что жители городища употребляли эти камни, а равно и мелкіе куски песчаника въ качествѣ точилъ для своихъ желѣзныхъ орудій. И дѣйствительно, при распашкѣ поверхности городища находили здѣсь желѣзные топоры. Кромѣ того, по разсказамъ мѣстныхъ черемисъ, здѣсь находятъ изрѣдка серебряныя и бронзовыя вещи. Тутъ же я нашолъ порядочное количество шлаковъ.

Слѣды подобной же культуры находятся въ вершинахъ р. Ярани, около с. Ярань-мучашъ. Нѣсколько западнѣе этого села, недалеко отъ берега Ярани, въ оврагѣ, вблизи проѣзжей дороги я замѣтилъ прямоугольный разрѣзъ ямы, не глубоко заложенной въ элювіальной красной глинѣ. Яма оказалась заполненной богатой органическими веществами глиной, въ которой разсѣяно не мало обломковъ глиняной посуды очень грубой работы, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ количествомъ небольшихъ клинообразныхъ кусковъ пермскаго песчаника, съ зашлифованными и заглаженными, какъ бы притертыми поверхностями. Нѣкоторые изъ этихъ кусковъ были весьма значительно истерты. По своему характеру они вполнѣ соотвѣтствуютъ такимъ же точильнымъ камнямъ съ вышеописаннаго городища Одо-лемъ. Очевидно, что въ вершинѣ Ярани были поселенія того же народа, который около Ернура защищалъ себя городками, употреблялъ металлическія орудія, пользовался весьма грубой посудой, питался продуктами охоты и, вѣроятно, былъ земледѣльческимъ. Весьма вѣроятно, что Ярань-мучашскія ямы представляютъ остатки примитивнаго жилища обитавшихъ здѣсь финновъ, вродѣ западно-финской коты, которую И. Н. Смирновъ склоненъ считать примитивнымъ жилищемъ черемисъ [1]).

Таковы слѣды древней культуры въ юго-восточной части Яранскаго уѣзда. Посмотримъ, что даетъ намъ юго-западная часть этого уѣзда, бассейнъ Б. Кокшаги и смежныя съ нею мѣстности. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на слѣдахъ сравнительно недавнихъ поселеній, каковы: кубашевское городище, кладбище близь с. Галицкаго, гдѣ въ могилахъ встрѣчаются: желѣзные ножи, огнива, мѣдныя кольца и пряжки, остатки холщевой и шерстяной тканей, вмѣстѣ съ костями черепа [2]); мы минуемъ также сравнительно поздняго происхо-

---

[1]) *И. Н. Смирновъ.* Черемисы, стр 70 (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этнографіи, т. VII).

[2]) *А. Спицынъ.* Новыя свѣдѣнія, 58.

жденія культурные слѣды, упоминаемые г. *Спицынымъ* [1]) изъ Царевосанчурска, с. Сметанина, с. Кувшинскаго и проч. Мы разсмотримъ здѣсь слѣды болѣе древней культуры, выраженной каменными орудіями, особенно каменными молотками. Въ этомъ районѣ каменные молотки были находимы около Царевосанчурска, въ с. Улешъ, близь с. Люмпануръ и проч. [2]). Но особенно интересно мѣстонахожденіе такихъ орудій около дер. Барышниковой на р. Руткѣ. Здѣсь русскіе поселенцы нашли въ старомъ хвойномъ лѣсу слѣды прежняго жилья, въ видѣ бороздъ отъ старой распашки полей, ямъ, какія остаются на мѣстахъ прежнихъ поселеній и проч. Тутъ находили также желѣзные серпы, косы и ральники; тутъ же, на мѣстѣ бывшаго жилья, попадается не мало каменныхъ шлифованныхъ молотковъ и другихъ полированныхъ орудій, напр. точильные камни, колотушки. Теперь это мѣсто расчищено подъ пашню и при пахотѣ и другихъ полевыхъ работахъ вышеназванныя орудія встрѣчаются. Такимъ образомъ, слѣды древняго поселенія около д. Барышниковой достаточно ясно опредѣляютъ культурное состояніе того народа, который употреблялъ каменные молотки и другія полированныя орудія.

Къ аналогичному же заключенію приводятъ насъ культурные остатки западной и сѣверной полосы Яранскаго уѣзда. Намъ извѣстно не мало мѣстностей въ западной полосѣ этого уѣзда, гдѣ встрѣчаются шлифованные каменные молотки. Сюда относятся: д. Килнмары, д. Могунова, поч. Ивановскій, д. М. Рѣчважъ, откуда имѣется также желѣзный топоръ, поч. Лоскутовъ, гдѣ встрѣчаются также желѣзные наконечники копій, поч. Реутовскій, п. Малозвѣревскій, поч. Тумановъ, д. Черномужъ и проч. около с. Шаранги, гдѣ каменные молотки находили при аналогичныхъ же условіяхъ. Ихъ находятъ также около с. Устинскаго, с. Кикнура, д. Кундышъ, поч. Высокогривскаго и проч., причемъ

[1]) *А. Спицынъ.* Вещественные памятники, стр. 34; Вят. Губ. Вѣд. за 1888, № 83.

[2]) Ibidem, стр. 3.

высокогривское мѣстонахожденіе, описанное г. *Спицынымъ* [1]), представляется не менѣе интереснымъ, чѣмъ и барышниковское, описанное выше. Около этого починка находится удлиненно-овальное возвышеніе, до 5 саж. высоты, называемое „Высокой гривой" и имѣющее 120 саж. длины, при ширинѣ въ 30 саженъ. Образованіе этого возвышенія остается до сихъ поръ не выясненнымъ, хотя преданіе считаетъ его курганомъ. Оно состоитъ изъ глинистаго матеріала. Русскіе поселенцы, появившіеся здѣсь въ 1851 году, нашли на мѣстѣ этой гривы молодой лѣсокъ, обгорѣлые пни и дубовые стволы, свидѣтельствовавшіе о бывшемъ здѣсь крупномъ лѣсѣ, уничтоженномъ пожаромъ. Тогда же они замѣтили на поверхности этой гривы слѣды прежней распашки. Въ настоящее время „грива" также распахивается и мѣстные жители находятъ при паханіи различные предметы древней культуры. Здѣсь были найдены: каменный молотокъ, желѣзный кодочигъ и желѣзные скребки, напоминающіе тѣ орудія, которыя употребляются черемисами при выдѣлкѣ бортей. При раскопкѣ же этого возвышенія мѣстные жители замѣтили на глубинѣ $2^1/_2$ арш. кости, похожія на человѣческія. Изъ сказаннаго вытекаетъ, что на Высокой гривѣ обиталъ народъ-земледѣлецъ, ухаживавшій за пчелами, умѣвшій плести лапти,— черты, которыя свойственны нашимъ финнамъ. И дѣйствительно, находящаяся недалеко отсюда д. Останшурга есть одно изъ древнѣйшихъ черемисскихъ поселеній.

Совершенно аналогичные слѣды древнихъ поселеній находятся также въ сѣверной полосѣ Яранскаго уѣзда, напримѣръ между починками Ошетскимъ и Казанскимъ [2]), близь границы Яранскаго уѣзда съ Костромской губерніей. Здѣсь въ $1^1/_2$ вер. отъ поч. Казанскаго находится плоское курганообразное возвышеніе до 8 саженъ высоты и 123 саж. въ окружности, сло-

---

[1]) *А. Спицынъ*. Новыя свѣдѣнія, стр. 17.
[2]) *А. Спицынъ*. Новыя свѣдѣнія, стр. 11, 20 и 58.

женное изъ суглинистаго матеріала. Оно, какъ и вся прилегающая страна, было занято прежде хвойнымъ лѣсомъ, который послѣ появленія здѣсь русскихъ поселенцевъ въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія началъ сильно сокращаться въ своихъ размѣрахъ. Теперь названное возвышеніе и прилегающая къ нему мѣстность распахиваются. При первыхъ распашкахъ, особенно при поднятіи нови, крестьяне находили около этого возвышенія желѣзные топоры, серпы, косы и другіе желѣзные предметы. Вмѣстѣ съ ними былъ найденъ здѣсь каменный молотокъ превосходной работы, а въ спискѣ предметовъ вятскаго отдѣла на выставкѣ Ярославскаго археологическаго съѣзда значится кромѣ того каменный топоръ, также найденный въ полѣ починка Казанскаго.

Намъ осталось остановиться на слѣдахъ древнихъ поселеній по р. Пижмѣ и въ прилегающей къ ней мѣстности. Здѣсь наибольшею извѣстностію пользуются три городища: Еманаевское на Пижмѣ, Нижневотское на Немдѣ и Жеребцовское на Ижѣ. Изъ нихъ городище у д. Еманаевой остается мало изслѣдованнымъ и объ немъ приводятся еще и теперь только тѣ свѣдѣнія, которыя вошли въ отчетъ Вятскаго статистическаго Комитета за 1873 годъ [1]), а потому мы и не будемъ на немъ останавливаться. Перейдемъ къ Жеребцовскому городищу, расположенному на крутомъ правомъ берегу Ижа, между д.д. Жеребцовой и Городище. Съ трехъ сторонъ его окружаютъ глубокіе овраги, а съ четвертой оно примыкаетъ къ крутому берегу Ижа. Параллельно оврагамъ оно окружено съ трехъ сторонъ валомъ, сложеннымъ изъ глины, перемѣшанной съ углемъ, а при раскопкахъ въ немъ находили пережженныя кости, наконечникъ желѣзной стрѣлы и проч. Овраги, огибающіе съ трехъ сторонъ городище, вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія и образовались изъ бывшихъ здѣсь рвовъ, размытыхъ потомъ стекавшей съ поверхности высокихъ полей

[1]) См. у *Спицына*, Программа для описанія доисторическихъ древностей Вятскаго края, стр. 10; Каталогъ древностей, 8.

водой. Площадка городища трапецоидальной формы и имѣетъ до 40 саж. длины и 25 саж. ширины. Въ старину городище было подъ хвойнымъ лѣсомъ, а теперь оно распахивается и при паханіи нерѣдко находятъ различные предметы, свидѣтельствующіе о культурѣ обитавшаго здѣсь народа. Здѣсь находятъ много черепковъ глиняной посуды грубой работы, истлѣвшія и жженыя кости, бронзовыя подвѣски и части ихъ, желѣзные наконечники стрѣлъ, желѣзныя остроги и проч. Тутъ же былъ найденъ переданный мнѣ священникомъ І. Бобровскимъ каменный скребокъ, превосходно отполированный и вообще изящно сдѣланный.

Такого же характера и Нижневотское городище на правомъ берегу Немды. Оно расположено надъ высокимъ, отвѣснымъ известковымъ утесомъ и поросло густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Это городище уже давно обратило на себя вниманіе археологовъ и было раскопано еще *Алабинымъ* въ 1864 году [1]), а въ послѣднее время его изслѣдовалъ *П. А. Пономаревъ*. Но послѣдній еще не обнародовалъ результаты своихъ раскопокъ, а результаты изслѣдованій Алабина уже неоднократно были пересказаны *Спицынымъ* [2]). Въ виду этого я ограничусь перечисленіемъ предметовъ, найденныхъ при прежнихъ раскопкахъ, а за другими свѣдѣніями отсылаю къ указанной здѣсь литературѣ. Здѣсь были найдены: черепки глиняной посуды, угли, много костей и издѣлій изъ нихъ, напр., костяныя стрѣлы и копья, желѣзные ножи и стрѣлы, молотки и топоры, обломокъ бруска, различныя серебряныя и мѣдныя (?) украшенія, синія бусы, плоскія каменныя кружки (напрясла?) и проч. Я имѣю оттуда не мало шлаковъ, а изъ прилегающей къ городищу мѣстности нѣсколько кремневыхъ скребковъ и ножиковъ. Вообще на этомъ городищѣ и въ окрестностяхъ его встрѣчаются довольно разнообразные культурные остатки.

---

[1]) Вятск. Губерн. Вѣдомости за 1865, №№ 55—56.

[2]) Программа, стр. 21; Каталогъ древностей, 22; Вещественные памятники, 33; Вятск. Губ. Вѣд., 1883 г., № 67.

Г. Спицынъ соединяетъ три вышеупомянутыя городища въ особую группу пижемскихъ и считаетъ ихъ чудскими [1]). Послѣднее мнѣніе основывается на сходствѣ нѣкоторыхъ предметовъ, найденныхъ на этихъ городищахъ, съ предметами изъ чепецкихъ и камскихъ городищъ. Но и самъ г. Спицынъ справедливо сознаетъ непрочность этого вывода, такъ какъ указываетъ на нѣкоторыя отличія пижемскихъ древностей отъ чудскихъ собственно и даже считаетъ пижемскія городища позднѣйшими. Гораздо вѣроятнѣе, на нашъ взглядъ, мысль г. Спицына объ одновременности пижемскихъ городищъ съ другими городищами и проч. древними поселеніями Яранскаго уѣзда. Эти послѣднія отличаются отъ пижемскихъ только бо́льшею своею примитивностію и бо́льшею однородностію своихъ культурныхъ остатковъ. Если въ древнихъ поселеніяхъ сѣверной, припижемской полосы Яранскаго уѣзда мы встрѣчаемъ довольно разнообразные остатки культуры того времени, въ видѣ различныхъ желѣзныхъ орудій и оружія, бронзовыхъ и серебряныхъ украшеній, костяныхъ стрѣлъ и различныхъ предметовъ домашняго обихода, приготовленныхъ изъ кости, въ видѣ стеклянныхъ бусъ, глиняной посуды грубой работы и сравнительно рѣдкихъ каменныхъ скребковъ, то удаляясь въ глубь уѣзда, мы встрѣчаемъ здѣсь, вдали отъ Пижмы и Вятки, этихъ древнихъ колонизаціонныхъ и культурныхъ трактовъ, бо́льшую простоту и однообразіе содержимаго различныхъ древнихъ поселеній. Бронзовыя и серебряныя украшенія и другіе предметы болѣе высокой культуры здѣсь отступаютъ на второй планъ, а на первомъ планѣ мы видимъ предметы для удовлетворенія нуждъ первой необходимости, которые и придаютъ тонъ культурѣ этихъ поселеній. Здѣсь въ содержимомъ различныхъ городищъ, мѣстъ древнихъ поселеній и такъ называемыхъ кургановъ стоятъ на первомъ планѣ желѣзные топоры, ножи, серпы, косы, ральники, кодочиги, желѣзные скребки, а также точильные камни для этихъ орудій. Къ нимъ

[1]) «Вещественные памятники древн. обитателей Вятск. края». 32—34.

обыкновенно присоединяются каменные шлифованные молотки, колотушки и скребки. Около мѣстъ древнихъ поселеній на поляхъ всюду попадаются кремневые наконечники стрѣлъ и копій, кремневые ножики и много оббитыхъ, но не отдѣланныхъ кусковъ кремня. Глиняная посуда здѣсь также весьма грубой работы. Все это изображаетъ намъ древняго обитателя Яранскаго уѣзда, занятаго тогда обширными лѣсами, народомъ на низкой ступени культуры, но занимавшимся земледѣліемъ, пчеловодствомъ, звѣроловствомъ, носившимъ лапти, жившимъ въ примитивныхъ жилищахъ, вродѣ западно-финской коты, принужденнымъ защищать занимаемую имъ территорію отъ нападенія враждебныхъ сосѣдей. По этимъ чертамъ древнихъ обитателей Яранскаго уѣзда можно признать финнами, всего вѣроятнѣе черемисами и вотяками, этими аборигенами яранской страны.

Нѣкоторыя историческія, лингвистическія и другія данныя указываютъ, что Яранскій уѣздъ до появленія черемисъ былъ занятъ вотяками, съ чѣмъ согласуется также распространеніе здѣсь вотскихъ названій урочищъ. Но вотъ появляются со стороны Волги черемисы, вступаютъ въ борьбу съ вотяками, вытѣсняютъ ихъ и обширнымъ потокомъ разливаются по территоріи Яранскаго уѣзда, являясь преимущественно аборигенами страны. Въ свою очередь они впослѣдствіи начинаютъ вытѣсняться русскими, появившимися въ началѣ въ небольшомъ количествѣ и только сравнительно недавно оттѣснившими на второй планъ коренное финское населеніе этого уѣзда. Этимъ-то финнамъ-вотякамъ и черемисамъ и могли принадлежать тѣ древнія поселенія, слѣды которыхъ были разсмотрѣны выше.

Съ этой точки зрѣнія нѣтъ никакой необходимости вводить въ составъ древняго населенія этого уѣзда чудскую народность, какъ это дѣлаетъ г. Спицынъ, да и сама чудь является еще исторической и этнографической загадкой, которую все болѣе и болѣе склоняются рѣшить въ смыслѣ признанія чудью предковъ тѣхъ же финновъ, которые и теперь насе-

ляютъ бассейнъ Камы. Что же касается псевдо-чудскихъ элементовъ среди остатковъ древнихъ поселеній Яранскаго уѣзда, то ихъ слабое и спорадическое распространеніе въ глубинѣ уѣзда и преимущественное нахожденіе въ области пижемскихъ городищъ указываетъ только на путь распространенія предметовъ высшей культуры со стороны Вятки и Пижмы, этихъ древнихъ колонизаціонныхъ и культурныхъ путей въ здѣшнемъ краѣ. Своего рода культуртрегеры того времени проникали по Вяткѣ и Пижмѣ и распространяли по Яранскому уѣзду элементъ такъ называемой чудской культуры, чѣмъ и объясняется сравнительное обиліе на Пижмѣ чужеземныхъ элементовъ культуры и бѣдность ими внутреннихъ частей этого уѣзда.

Второе обстоятельство, вытекающее изъ разсмотрѣнія слѣдовъ древнихъ поселеній Яранскаго уѣзда, не менѣе интересно. Оказывается, что эти же аборигены страны употребляли для своихъ цѣлей и каменныя орудія, распространеніе которыхъ по Яранскому уѣзду тѣсно связано съ нахожденіемъ слѣдовъ древнихъ поселеній, городищъ преимущественно. Особенно это относится къ каменнымъ шлифованнымъ молоткамъ, колотушкамъ и скребкамъ, которые находятся именно въ районѣ здѣшнихъ древнихъ поселеній и встрѣчаются вмѣстѣ съ желѣзными предметами. Но и другого рода каменныя орудія, каковы кремневые наконечники стрѣлъ, копій, кремневые ножи, скребки и проч. находятся въ такомъ же тѣсномъ соотношеніи съ древними финскими поселеніями этого края. Эти послѣднія орудія были вполнѣ необходимы финнамъ при ихъ занятіяхъ звѣроловствомъ и могли употребляться также какъ орудія защиты и нападенія при столкновеніяхъ съ враждебными сосѣдями. Для послѣдней цѣли особенно могли употребляться молотки и колотушки, которыя, судя по преобладающей изящной отдѣлкѣ ихъ, были преимущественно боевыми молотками, хотя могли служить также и для цѣлей охоты и для домашняго обихода. Что же касается полированныхъ скребковъ, то кромѣ другихъ цѣлей они могли употребляться при

бортевомъ пчеловодствѣ, разсказы о чемъ мнѣ приходилось слышать отъ жителей Яранскаго уѣзда. Впослѣдствіи каменные скребки были замѣнены другими орудіями, употребляющимися и теперь.

Извѣстные мнѣ каменные молотки и колотушки приготовлены изъ діорита и всего вѣроятнѣе изъ діоритовыхъ валуновъ, каковые дѣйствительно встрѣчаются на территоріи Яранскаго уѣзда, вмѣстѣ съ валунами кварцита, гранита и проч. Смотря по величинѣ валуновъ и ихъ формѣ, изъ нихъ приготовлялись то крупные, то мелкіе молотки, которые или являются вполнѣ симметричными, или же имѣютъ болѣе или менѣе асиметрическую форму. Послѣднее нужно объяснить не только несовершенствомъ самой техники, но и характеромъ самаго матеріала (валуна), часто имѣющаго такой видъ, что изъ него очень трудно приготовить вполнѣ симметричный молотокъ. Одни изъ молотковъ имѣютъ плоскую форму, съ большимъ круглымъ отверстіемъ по срединѣ; другіе же имѣютъ удлиненную, боченковидную форму, а круглое отверстіе ихъ помѣщается ближе то къ верхнему, то къ нижнему концу молотка. Верхній конецъ молотка въ большинствѣ случаевъ имѣетъ клиновидную форму, такъ что при случаѣ могъ даже играть роль топора. Къ нижнему же концу молотокъ всегда съуживается и имѣетъ почти цилиндрическій видъ, такъ что самый конецъ имѣетъ почти круглую поверхность небольшого діаметра. Иногда вдоль всего молотка проходитъ искусно отшлифованное ребро на одной сторонѣ или же по одному ребру на каждой сторонѣ. Чаще же другая сторона молотка является плоскою или плоско-выпуклою. Иногда же на верхнемъ концѣ молотка, на внѣшней его сторонѣ, по отношенію къ рукояткѣ, находится хорошо отшлифованный небольшой придатокъ, благодаря которому молотокъ получаетъ болѣе изящный видъ.—Характеръ отверстій въ молоткахъ ясно указываетъ, что они дѣлались путемъ сверленія съ внѣшней и внутренней сторонъ молотка. Между молотками имѣется и такой, у котораго отверстіе еще не просверлено, а только намѣчено

мѣсто его. Колотушки имѣютъ удлиненную форму, съ пережимомъ по срединѣ, назначеннымъ очевидно для болѣе прочнаго привязыванія къ рукояткѣ.

Что же касается точильныхъ камней, то они приготовлялись или изъ мелкозернистаго краснаго кварцеваго песчаника валуннаго происхожденія (д. Соза Курбатова), или же изъ мѣстнаго пермскаго известковистаго песчаника краснаго и желто-сѣраго цвѣта (Одо-лемъ с. Ернура, с. Ярань-мучашъ), а форма ихъ была описана выше, гдѣ указано также и на валунное происхожденіе того кремня, изъ котораго приготовлялись скребки, ножи, наконечники стрѣлъ и копій, попадающіеся на мѣстахъ древнихъ поселеній Яранскаго уѣзда.

Въ окончательномъ выводѣ изъ всего вышесказаннаго является положеніе, что каменныя орудія Яранскаго уѣзда не относятся къ каменному вѣку собственно, а принадлежатъ къ эпохѣ городищъ и другихъ формъ древнихъ поселеній финновъ, вѣроятно вотяковъ и черемисъ, употреблявшихъ, наряду съ орудіями изъ камня и кости, также желѣзныя и бронзовыя орудія и другіе металлическіе предметы.

П. Кротовъ.

Формы погребенія

у современныхъ и древнихъ народовъ

восточной россіи.

Лопари [1]). Прекрасная работа Н. Н. Харузина даетъ намъ возможность возстановить съ достаточной ясностью прошлое и настоящее лопарскаго погребальнаго обряда. Древнѣйшей могилой Лопаря, быть можетъ, была вежа, которую онъ занималъ при жизни (318). Слѣдующую стадію развитія представляетъ погребеніе внѣ дома. Сначала умершихъ хоронили въ пещерахъ, затѣмъ въ спеціально вырытыхъ ямахъ. Умершій оставался въ вырытой ямѣ на саняхъ и закладывался сверху древесными пнями (319). Иногда могила закладывалась кучей камней (321). Мѣстомъ погребенія избирались лѣса. Позднѣе мѣсто саней замѣнилъ выдолбленный гробъ и сани стали оставляться на верху могилы. Съ покойникомъ клали топоръ, огниво, иногда лукъ и стрѣлы; съ охотниками собаку, рыболовныя снасти, метательныя копья. Свѣдѣнія, добытыя въ новѣйшее время, въ общемъ сходятся съ тѣмъ, что констатировано старинными бытописателями Лопарей. Относительно могилы мы получаемъ болѣе точныя указанія: могила копается

---

[1]) Мы помѣщаемъ Л. въ ряду народностей В. Россіи въ силу того, что есть основаніе предполагать былое пребываніе ихъ въ бассейнахъ рр. Ветлуги и Юга.

не глубоко ½ арш.—1 арш. (ibid. 324), закрывается сверху камнями. Къ погребенію имѣетъ отношеніе поминальный обрядъ, также оставляющій послѣ себя вещественные слѣды къ почвѣ. При поминкахъ закалается олень, кости котораго укладывались въ ящики и зарывались вмѣстѣ съ деревянной статуеткой, долженствующей изображать покойника (ibid. 320). Данныя, которыя сообщаютъ намъ бытописатели Лопарей, наблюдаются, дѣйствительно въ могилахъ, которыя называются лопарскими. Горкъ, производившій раскопки такихъ могилъ въ Скандинавской Лапландіи, находилъ костяки въ кережахъ (санкахъ); около костяковъ оказывались рыболовные крючки, луки, стрѣлы, копья, лыжи и употребляемыя при бѣганьи на лыжахъ палки. Могилами оказывались пещеры съ заложенными камнемъ отверстіями или вырытыя въ землѣ ямы. Раскопки констатировали на несомнѣнно лопарской почвѣ нѣкоторыя детали, о которыхъ не говорятъ бытописатели. Обнаружено были два новыхъ рода могилъ: 1) неглубокая яма съ крышей изъ двухъ большихъ наклоненныхъ одинъ къ другому камней, заваленныя съ открытыхъ сторонъ кучей мелкихъ камней, 2) четырехъугольная яма обложенная по сторонамъ равной величины камнями съ двумя большими, поставленными въ головахъ и ногахъ, и покрытая плоскими камнями на подобіе черепичной крыши (ibid. 322). Затѣмъ покойники найдены были обернутыми въ куски бересты, покрытые рисунками животныхъ и сшитые оленьими жилами (ibid.).

Условія кочевой жизни создаютъ фактъ, имѣющій существенное значеніе для археолога—отсутствіе опредѣленныхъ мѣстъ погребенія, могильниковъ. Мѣста на горахъ, въ лѣсахъ, по берегамъ рѣкъ, подходящія по своему значенію къ могильникамъ, встрѣчаются лишь около зимнихъ погостовъ. Умершихъ во время весенняго, лѣтняго или осенняго промысла хоронятъ одиночно неподалеку отъ мѣста кончины (ibid 323). Детали, констатированныя г. Хорузинымъ въ современномъ лопарскомъ погребальномъ обрядѣ, позволяютъ предположить, что покойникъ полагался первоначально не въ ямы, а на ма-

терикѣ. Въ пользу этого предположенія говоритъ обычай класть на могилу, а не въ могилу, вещи необходимыя для покойника—сани, орудія, пищу и напитки (ibid. 324—5), и, можетъ быть, устройство надъ могильной насыпью кивота—низенькаго сруба съ крышей (ibid. 325).

Угры, предки нынѣшнихъ Маньзовъ и Мадьяръ являются другимъ народомъ, жившимъ нѣкогда въ Заволжьи въ бассейнѣ Вычегды и, можетъ быть, Сухоны.

Мѣсто погребенія у современныхъ Маньзовъ находится обыкновенно въ лѣсу [1]). Могила, какъ и у Лопарей, не глубока, но имѣетъ нѣкоторыя особенности: бока ея выкладываются деревомъ или берестой (Гондатти—„Сл. языч. у инор. С. З. Сибири", 42). Покойникъ кладется въ яму не въ гробу, а въ лодкѣ - однодеревнѣ съ отпиленными кормой и носомъ и накрывается сверху берестой или досками; за неимѣніемъ лодки служитъ ящикъ, имѣющій ея форму (ibid.). Могила Маньзовъ имѣетъ своеобразное прикрытіе: „поверхъ ямы, на высотѣ двухъ вершковъ отъ земли дѣлается крышка, уплющенная и только слегка покатая на обѣ стороны. Крышка эта состоитъ изъ ряда тонкихъ бревенъ, расположенныхъ продольно и покрытыхъ очень искусно сверху и снизу слоями бересты, отъ чего не смотря на малую глубину могилы и на то, что тѣло землей не засыпается, запаха на кладбищахъ не бываетъ. Наконецъ, вершковъ на 6—8 отъ земли возвышается еще крыша, устроенная совершенно подобно предыдущей. Вещи, особенно мелкія, кладутся во внутреннюю часть и только болѣе крупныя—лыжи и т. п. находятся на крышкѣ гроба" (ibid. 43). Содержаніе могилы Маньза дополняется костями оленей, на которыхъ его везли и которые поступаютъ на поминальную трапезу въ честь похороненнаго (ibid. 42).

У низовыхъ Остяковъ типъ погребенія нѣсколько иной: могилы не роютъ вовсе, тѣло кладутъ на материкъ и покры-

[1]) «Красивая и возвышенная мѣстность».

ваютъ опрокинутыми нартами (ibid. 43). Этотъ типъ, можетъ быть заимствованъ Остяками у Самоѣдовъ.

Могилы шамановъ заключаютъ въ себѣ рядомъ съ обыденными вещами „изображенія боговъ и разные талисманы въ видѣ просверленныхъ зубовъ домашнихъ животныхъ, разныя мелкія кости и въ томъ числѣ черепа (не жертвы? ib. 44—5)“.

Въ дополненіе къ этой картинѣ приведемъ еще нѣсколько сообщеній: у Новицкаго въ „Описаніи остяцкаго народа“ мы читаемъ: „Имѣнія-же отъ частей, а паче нужная въ житіи: одежду, лукъ, стрѣлы, котелъ, топоръ и прочая съ умершимъ въ гробъ полагаютъ“ (стр. 45—46)“.

Въ описаніи печерскаго путешествія Латкина заключается указаніе на третій типъ устройства могилы: „У Самоѣдовъ и Манзей, говоритъ онъ, мертвыхъ иногда кладутъ въ срубы изъ тонкихъ бревенъ“ (Зап. Г. О. т. VII, 150).

Юрьевъ въ „Топографическомъ описаніи С. Урала“ говоритъ: „Покойниковъ Остяки... одѣвши завертываютъ въ оленью шкуру. Въ неглубокую могилу кладутъ запасную одежду. Кромѣ того къ мужчинамъ кладутъ ружье, топоръ, ножъ, сверло, ложку, котелокъ... Съѣдая оленя оставляютъ на могилѣ голову съ рогами и нарту, опрокинутую вверхъ полозьями... (Зап. И. Г. О. VI, 353).

Финшъ, посѣтившій Обскихъ Остяковъ вмѣстѣ съ Бремомъ въ началѣ 80-хъ годовъ, такъ описываетъ остяцкое кладбище у Чернаго Яра. „При устройствѣ остяцкой могилы сначала вбиваютъ въ землю три пары кольевъ, потомъ соединяютъ ихъ сверху перекладинами, въ головахъ и въ ногахъ кладутъ поперечныя доски въ видѣ распорокъ и эти доски поддерживаютъ весь ящикъ. Въ ногахъ ящикъ дѣлается значительно ниже и уже передней части. Погребальный ящикъ богатаго Остяка былъ покрытъ берестяными циновками.... Чего нельзя помѣстить внутри склепа, то помѣщаютъ снаружи. Кладутъ иногда пику, которой управляютъ оленями, носъ челнока, лыжи. На деревьяхъ, окружающихъ могилу, вѣшаютъ оленью упряжь. На подпорки втыкаются черепа съѣденныхъ при различныхъ

тризнахъ оленей.... Остяки кладутъ своихъ умершихъ головою къ югу, ногами къ сѣверу. По близости остяцкихъ кладбищъ всегда находится идольскій домикъ — въ уменьшенномъ видѣ остяцкій зимній чумъ — накрытый берестой. Здѣсь находили остяцкихъ деревянныхъ идоловъ и разную домашнюю утварь". (Городковъ. Рел. воззр. Остяковъ. Пер. Еп. Вѣд. 1890, 1—3).

И. С.

Киргизы обыкновенно „не держатъ умершаго болѣе трехъ, четырехъ часовъ, а много полсутокъ; тотчасъ же въ кибитку умершаго приглашаются изъ окрестныхъ ауловъ муллы, которые съ поспѣшностью и являются туда для чтенія положенныхъ молитвъ и корана" [1]). Покойника сначала тщательно „обмываютъ, а затѣмъ наряжаютъ въ лучшее платье или пеленаютъ въ холстѣ" [2]); въ Семипалатинской области покойника-киргиза завертываютъ въ особаго рода саванъ, называемый ахретъ. Послѣдній состоитъ изъ нѣсколькихъ простынь,— трехъ для мущины и пяти или семи для женщины,—сшитыхъ изъ тонкой, бѣлой ташкентской ткани; изъ той же матеріи приготовляются длинныя завязки, которыми и затягиваютъ ахретъ надъ головой, по таліи и подъ ступнями покойника; руки покойника всегда вытянуты вдоль тѣла" [3]). Гробовъ киргизы не дѣлаютъ и обряженнаго указаннымъ образомъ покойника зарываютъ въ могилу, для которой обыкновенно избираютъ мѣстность возвышенную, холмистую [4]); обращаютъ также вниманіе при выборѣ мѣста для погребенія усопшаго и на то, чтобы могила была близь воды, дабы проѣзжіе находили по ней источникъ для утоленія жажды" [5]). „По большей же

---

[1]) Алтынсаринъ. «Очеркъ обычаевъ при похоронахъ и поминкахъ у Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства»; Записки Оренб. Отдѣла И. Р. Г. О., 1870 г. стр. 116.

[2]) А. Левшинъ. «Описаніе Киргизъ-Казачьихъ или Киргизъ-Кайсакскихъ ордъ и степей»; стр. 110.

[3]) П. «Обычаи Киргизовъ Семипалатинской области»; Русскій Вѣстникъ 1878 г., Сентябрь, стр. 48.

[4]) Указанное сочиненіе Левшина, стр. 112.

[5]) Указанная статья Алтынсарина, стр. 119.

части", замѣчаетъ путешественникъ Палласъ, они „хоронятъ мертвыхъ около могилъ тѣхъ усопшихъ, коихъ за святыхъ почитаютъ, и притомъ подлѣ старыхъ мечетей, а особливо въ такихъ мѣстахъ, гдѣ уже много старыхъ могилъ находится"[1]). „Въ могилѣ дѣлаютъ углубленіе или ложбинку такой величины, чтобы только можно было положить тѣло. Покойника кладутъ немного на бокъ и лицомъ обращеннымъ къ западу"[2]). Впрочемъ, относительно этого послѣдняго предмета, т. е положенія мертваго тѣла въ могилѣ имѣются и другого рода указанія: такъ, А. Харузинъ, описывая свое путешествіе по степямъ Киргизской Букеевской орды, разсказываетъ, что, когда, проѣзжая мимо двухъ могилъ, онъ спросилъ сопровождавшаго его киргиза, какъ у нихъ кладутъ мертваго, то киргизъ сообщилъ ему: „ноги на Востокѣ, а голова на Западѣ, голова положена на правую щеку, слѣдовательно лицо обращено на Югъ"[3]); путешественникъ же Палласъ замѣчаетъ, что голова покойника-киргиза обыкновенно лежитъ къ Сѣверу[4]). Отверстіе въ сдѣланное въ могилѣ „углубленіе, или ложбинку, куда положено тѣло, киргизы закладываютъ жердочками и замазываютъ глиной; въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда невозможно достать глины, закладываютъ травой и затѣмъ уже засыпаютъ землей"[5]). По свидѣтельству Ал. Левшина, углубленіе въ могилѣ или маленькая яма дѣлается въ боку ея и именно въ тѣхъ видахъ, „чтобы земля, которая насыпается на главную яму, не давила покойника"[6]). „Иногда съ тою цѣлію дѣлаютъ въ могилѣ срубъ, или плетень, и накрываютъ оный досками,—а потомъ уже сыплютъ землю"[7]). Въ древнія

---

[1]) Палласъ. «Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи», стр. 586.

[2]) Указанная статья въ Русск. Вѣстн., стр. 49.

[3]) Ал. Харузинъ. «Степные очерки»; стр. 124.

[4]) Палласъ. Путешествіе, стр. 586.

[5]) Указан. статья въ Р. Вѣстн., стр. 49.

[6]) Указан. сочиненіе Левшина, стр. 112.

[7]) Ibidem.

времена съ усопшимъ клали „ратную сбрую, ножъ, брусокъ, огниво, кремень, шило, иголку, нитки, сухія жилы и проч.“ [1]). Случалось, что зарывались съ умершимъ и лучшія его лошади [2]). Надъ могилами киргизы или дѣлаютъ насыпи [3]) изъ земли, камней, или же—по большей—части строятъ разнаго рода памятники. „Бѣдные люди складываютъ просто призму изъ сырца или изъ глины, а богатые ставятъ дорогія постройки изъ жженаго кирпича, въ видѣ квадратныхъ или конусообразныхъ склеповъ съ отверстіемъ на верху, на подобіе юрты“ [4]). Въ Семипалатинской области могильные памятники киргизовъ представляютъ собой „или каменныя ограды съ окнами, дверью и башенками по угламъ, или деревянныя, совершенно схожія съ обыкновеннымъ домомъ постройки, только стѣны дѣлаютъ у богатыхъ рѣзныя, узорчатыя, какъ у насъ садовыя рѣшетки. На могилу мущины втыкаютъ или его переломленную найзу [5]) или просто палку въ видѣ древка отъ найзы; иногда на нее надѣваютъ черепъ любимой лошади. На могилу женщины ставятъ баканъ [6]), дѣвушки—уукъ [7]) съ арканомъ, которымъ онъ

---

[1]) А. Харузинъ. «Киргизы Букеевской орты; вып. I, стр. 105.

[2]) Ibidem.

[3]) Левшинъ, стр. 112.

[4]) «Народы Россіи»—Этнограф. очерки, изд. редакціей журнала «Природа и Люди», т. II, стр. 194.

[5]) Найза—киргизское копье или пика съ длиннымъ древкомъ. Во многихъ мѣстахъ у Киргизовъ существуетъ слѣдующій древній обычай: какъ только умираетъ Киргизъ, въ юртѣ его тотчасъ же устанавливаютъ особымъ образомъ его найзу или пику, а именно, ставятъ ее въ вертикальномъ положеніи и притомъ такъ, чтобы острый конецъ ея выходилъ черезъ крышу юрты наружу; на этотъ конецъ навязываютъ особый флагъ, цвѣта краснаго или чернаго или бѣлаго, смотря потому, какого возраста былъ умершій,—молодой, или среднихъ лѣтъ, или старикъ. Въ такомъ положеніи найзу оставляютъ годъ или болѣе до особыхъ поминокъ по умершемъ, во время которыхъ при соблюденіи особыхъ обрядовъ найзу переламываютъ и затѣмъ, какъ сказано выше, иногда втыкаютъ на могилу умершаго (см. указ. статью въ Рус. Вѣстн., стр. 49, 53 и статью Алтынсарина, стр. 120).

[6]) Баканъ—толстая, аршина въ четыре жердь съ раздвоеннымъ концомъ, въ видѣ короткой вилы съ тупыми концами; когда ставятъ юрту, баканомъ поддерживаютъ такъ наз. чанаракъ, — деревянный кругъ, составляющій верхушку юрты.

[7]) Ууки — выгнутыя, плоскія деревянныя палки, составляющія сводъ юрты. Они оставляются однимъ концомъ въ чанаракъ, другимъ привязываются арканами къ кереге.

привязывался къ кереге [1]), на могилу ребенка—его колыбельку" [2]). Кладутъ иногда киргизы на могилы своихъ покойниковъ и разныя другія вещи, какъ, напр., конскія гривы, сѣдла, луки, стрѣлы и т. п. [3]); въ древнія же времена, приблизительно до начала нынѣшняго вѣка, когда мусульманство еще не вытѣснило у киргизовъ многихъ языческихъ обрядовъ, они ставили иногда на могилы умершихъ и грубыя изображенія человѣка или животнаго и совершали передъ ними особаго рода жертвоприношенія [4]).

Кромѣ зарыванія въ могилахъ, въ сравнительно болѣе древнихъ описаніяхъ жизни и нравовъ киргизскаго народа имѣются указанія и на нѣкоторыя другія формы погребенія усопшихъ. Такъ, путешественникъ Палласъ сообщаетъ, что киргизы „для погребенія мертвыхъ копаютъ могилы, или вколачиваютъ въ землю колья, переплетаютъ хворостомъ, кладутъ мертваго поверхъ земли въ платьѣ, покрываютъ вѣтвями и засыпаютъ землею" [5]). При этомъ, сообщаетъ далѣе Палласъ, „подлѣ головы обыкновенно лежащей къ сѣверу вколачиваютъ толстый колъ, и не вынимаютъ онаго до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ сдѣлаютъ могильный бугоръ; а какъ оной колъ вынутъ, то остается дыра въ могилу. Въ каменистыхъ мѣстахъ складываютъ они кучу камней надъ мертвымъ тѣломъ. Потому", замѣчаетъ Палласъ, неудивительно, что во всѣхъ степяхъ находится множество такихъ могильныхъ бугровъ, коихъ число и впредь умножаться будетъ" [6]). Наконецъ вышеназванный этнографъ Левшинъ сообщаетъ, что „богатыхъ людей, умирающихъ зимою, въ нѣкоторыхъ поколѣніяхъ Средней и Большой (Киргизской) Орды, вмѣсто погребенія, вѣшаютъ на де-

---

[1]) Кереге—складная, деревянная рѣшетка, составляющая стѣны юрты.

[2]) Указан. статья въ Рус. Вѣстн., стр. 54.

[3]) Левшинъ, стр. 113.

[4]) Харузинъ. К. Б. О., стр. 105, 106.

[5]) Палласъ. Путеш., стр. 586.

[6]) Палласъ. Путеш., стр. 586.

ревьяхъ, обернувъ въ войлокъ или въ полотно; весною же отвозятъ ихъ въ Туркестанъ и хоронятъ тамъ близь гроба киргизскаго пророка Ходжи Ахмета" [1]).

Однако въ настоящее время общераспространенною и едвали не единственною формою погребенія у Киргизовъ является именно зарываніе умершаго въ могилѣ; по крайней мѣрѣ новѣйшіе наблюдатели быта Киргизовъ никакихъ другихъ формъ погребенія у нихъ не указываютъ.

Калмыкъ передъ кончиною обыкновенно спѣшитъ послать „за гемонгомъ [3]), молится бурханамъ [4]), приноситъ имъ жертвы, и если у него есть семейство, благословляетъ дѣтей тѣльниками съ изображеніями бурхановъ, или маленькими литыми бурханами. которыхъ носятъ на груди. Какъ скоро больной скончается, всѣ переходятъ изъ этой кибитки въ другую, а при умершемъ остаются только гелюнги. Они моютъ тѣло и, обернувъ полотномъ, кладутъ на постель или на коверъ у постели, покрывъ бѣлымъ покрываломъ. Въ такомъ положеніи тѣло лежитъ двое сутокъ. Только на третій день входятъ въ кибитку въ первый разъ родственники покойнаго и прощаются съ нимъ, наклоняясь надъ ногами его такъ, что касаются ихъ лбомъ" [5]).

Самое погребеніе умершаго совершается у калмыковъ различнымъ образомъ, и особенно особые жрецы-астрологи, или такъ назыв. зурхачеи производятъ у нихъ на основаніи времени рожденія и кончины покойнаго опредѣленіе того,

---

[1]) Левшинъ, стр. 112.

[2]) Калмыки живутъ въ Европѣ и Азіи; въ Европѣ они кочуютъ между нижнимъ теченіемъ Волги, Дономъ и притокомъ послѣдняго Малычемъ; въ Азіи же они обитаютъ на склонахъ и долинахъ Алтайскихъ горъ, въ области рѣкъ Біи и Катуни.

[3]) Гемонгами называются калмыцкіе жрецы; они ведутъ безбрачную жизнь и пользуются большимъ уваженіемъ въ народѣ.

[4]) Бурханами назыв. статуэтки, изображающія буддійскія божества.

[5]) «Народы Россіи», — этнографическіе очерки, издан. редакціей журнала «Природа и Люди»; 1881 г.; томъ II, стр. 469.

когда именно, какимъ способомъ и въ какомъ приблизительно мѣстѣ слѣдуетъ похоронить его [1]).

„Первое или самое простое погребеніе", говоритъ путешественникъ второй половины прошлаго вѣка Палласъ, въ томъ состоитъ, что тѣло выносятъ (калмыки) въ степь, кладутъ головою къ востоку, безъ всякаго одѣянія, и притомъ такимъ образомъ, какъ будто бы онъ спитъ, подложа руку подъ голову. По обѣимъ сторонамъ головы и у ногъ втыкаютъ въ землю четыре кола, къ которымъ привязываютъ четвероугольные тангутскими молитвами исписанные синіе китайчатые лоскуты, вѣющимъ флагамъ подобные" [2]).

Второй способъ погребенія, по сообщенію того же Палласа, а также Нефедьева, Горохова и др., состоитъ въ томъ, что покойника относятъ въ находящійся по близости лѣсъ или кустарникъ и здѣсь или оставляютъ его на землѣ въ лежачемъ положеніи или вѣшаютъ па деревьяхъ, зашивъ иногда предварительно въ войлокъ [3]). При этомъ калмыки считаютъ хорошимъ предзнаменованіемъ касательно загробной участи умершаго, если оставленный въ лѣсу или степи трупъ его скоро дѣлается добычею дикихъ звѣрей или хищныхъ птицъ, и наоборотъ — „за весьма худой знакъ почитаютъ, если къ положенному тѣлу дикіе звѣри не прикасаются" [4]).

Третьимъ способомъ погребенія является опусканіе трупа въ воду рѣки или озера, четвертымъ—зарываніе его въ землю, пятымъ—накладываніе надъ нимъ болѣе или менѣе значительной груды камней [5]).

---

[1]) Палласъ. «Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи». С.-Пет., 1809 г.; стр. 533. Нефедьевъ. «Подробныя свѣдѣнія о Волжскихъ калмыкахъ». С.-Пет., 1834 г.; стр. 201.

[2]) Палласъ. Путеш., стр. 534. Нефедьевъ, стр, 201.

[3]) Ibidem. Гороховъ. «Краткое этнографич. описаніе Бійскихъ или Алтайскихъ калмыковъ», въ журналѣ М. В. Д. 1840 г., Октябрь, стр. 228.

[4]) Палласъ, стр. 535. Нефедьевъ, стр. 201.

[5]) Ibidem.

Изъ всѣхъ этихъ способовъ, которые примѣняются обыкновенно къ лицамъ простого, незнатнаго происхожденія, а также къ низшему духовенству и женщинамъ, сравнительно болѣе распространеннымъ въ настоящее время является, повидимому, зарываніе умершаго въ землю; такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ той статьи о калмыкахъ, что находится въ сборникѣ „Народы Россіи": здѣсь категорично говорится, что умершихъ лицъ простого сословія калмыки, хоронятъ въ землю, обертывая тѣло полотномъ"[1]), и никакого другаго способа погребенія, какъ обычнаго или общепринятаго по отношенію къ лицамъ этого сословія, не указывается. Въ прежнее время, при зарываніи умершаго калмыка въ землю, зарывались съ нимъ и разныя вещи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ современный Палласу путешественникъ Лепехинъ, который говоритъ, что, когда калмыки предаютъ землѣ покойника, то „всѣ члены его обертываютъ въ восчаную бумагу и зарываютъ его въ землю со всѣмъ воинскимъ снарядомъ, куда принадлежитъ пищаль, лукъ, стрѣлы, сабля и сѣдло"[2]). Нужно также замѣтить, что какъ при первомъ изъ указанныхъ способовъ погребенія, такъ и при слѣдующихъ четырехъ у калмыковъ весьма употребительно то втыканіе около головы и ногъ покойника кольевъ съ священными лоскутами или флагами, о которомъ уже упомянуто выше[3]).

Наконецъ шестымъ и, такъ сказать, самымъ почетнымъ способомъ погребенія у калмыковъ является сожженіе тѣла умершаго. Этотъ способъ погребенія примѣняется лишь къ тѣмъ умершимъ лицамъ, которые принадлежали къ числу наиболѣе знатныхъ лицъ въ калмыцкомъ обществѣ, каковыми являются такъ называемые нойоны, или владѣтели улу-

---

[1]) Народы Россіи, т. II, стр. 470.

[2]) Лепехинъ. «Дневныя записки путешествія». 1795 г., ч. I, стр. 485.

[3]) Палласъ, стр. 554. Лепехинъ, стр. 485. Нефедьевъ, стр. 201.

совъ [1]), затѣмъ зайсанги, или управители аймаковъ [2]), и старшіе гелюнги, или высшія духовныя лица [3]). Сожженіе трупа производится обыкновенно при весьма торжественной обстановкѣ. „Умершаго облекаютъ во всю парадную одежду, по его званію, и украшаютъ голову особеннымъ уборомъ въ видѣ вѣнца; потомъ, посадивъ на покрытыя богатыми коврами носилки, въ сопровожденіи духовенства и народа, выносятъ изъ кибитки къ мѣсту, гдѣ предварительно въ небольшой, нарочно ископанной ямѣ приготовляются дрова, и здѣсь посаженный на костеръ трупъ превращается въ пепелъ" [4]). По другому сообщенію, для сожженія трупа калмыки „выкапываютъ пять ямъ, одну посрединѣ, а четыре около нея, и накладываютъ въ нихъ дровъ. Въ среднюю яму ставятъ большой котелъ и сажаютъ въ него трупъ. Гелюнги начинаютъ погребальное пѣніе, и костры зажигаютъ. Котелъ раскаляется докрасна, и надъ кострами подымаются клубы чернаго дыма. Когда они разсѣятся и послѣднія головни погаснутъ и истлѣютъ, въ котлѣ не останется уже больше ничего кромѣ горсти пепла [5]). У Алтайскихъ или Бійскихъ калмыковъ, по сообщенію Горохова, при сожженіи покойника непремѣнно закалывается и сожигается и лучшая его лошадь [6]); у Волжскихъ же калмыковъ лошади вмѣстѣ съ покойникомъ не сожигаютъ, но передъ самымъ началомъ сожженія трупа просто „отводятъ ее въ хурулъ, какъ жертву бурхану" [7]). Съ тѣмъ пепломъ, кото-

[1]) Улусомъ называется часть калмыцкаго народа, заключающая въ себѣ нѣсколько родовъ, происшедшихъ отъ одного корня. Народы Россіи, т. II, стр. 444.

[2]) Аймакомъ называется собраніе нѣсколькихъ хотоновъ, которые въ свою очередь составляются изъ нѣсколькихъ близко родственныхъ семей. Ibidem.

[3]) Палласъ, стр. 535. Нефедьевъ, стр. 201. Лепехинъ, стр. 486,

[4]) Нефедьевъ, стр. 202.

[5]) Народы Россіи, т. II, стр. 469, 470.

[6]) Вышеуказанная статья Горохова, стр. 228.

[7]) Народы Россіи, т. II, стр. 469.

рый остается послѣ сожженія трупа, калмыки поступаютъ различно. Иногда они просто хранятъ его у себя въ юртѣ въ знакъ уваженія къ покойнику [1]), иногда же отсылаютъ, въ сопровожденіи богатыхъ подарковъ, въ Тибетъ къ Далай-Ламѣ, какъ о томъ сообщаютъ путешественники Палласъ и Лепехинъ [2]). Согласно же сообщенію Нефедьева, „изъ сего (т. е. оставшагося по сожженіи трупа) пепла, смѣшаннаго съ глиною, дѣлаются у калмыковъ маленькіе цилиндрики, называемые цяця; они ставятся въ курулахъ [3]) и въ сооружаемыхъ на мѣстахъ сожженія, изъ глины или кирпичей, памятникахъ, которые носятъ тоже названіе цяця, и въ продолженіи существованія служатъ предметомъ общаго уваженія калмыковъ; проѣзжая мимо такой цяци, каждый калмыкъ непремѣнно долженъ сдѣлать какое нибудь приношеніе, и если ничего при себѣ не имѣетъ, то обязанъ положить хоть кость, камень и т. п.“ [4]). Объ этомъ же обычаѣ калмыковъ сооружать особые памятники на мѣстахъ сожженія покойника и хранить въ нихъ пепелъ послѣднихъ сообщается также и въ томъ очеркѣ о калмыкахъ, что̀ находится въ сборникѣ „Народы Россіи“; авторъ этого очерка, вслѣдъ за вышеприведенной картиной сожженія трупа въ котлѣ, говоритъ слѣдующее: „пепелъ (калмыки) такъ и оставляютъ въ котлѣ, и надъ нимъ сооружаютъ памятникъ....: къ востоку отъ котла съ пепломъ ставятъ столикъ съ бурханами и жертвенными куреньями, и обводятъ все это круглою кирпичною стѣною. Потолокъ образуетъ внутри сводъ, укрѣпленный снаружи разными украшеніями въ китайскомъ стилѣ. Дверь дѣлаютъ съ восточной стороны и запираютъ на замокъ. Когда памятникъ готовъ, въ немъ совершаютъ моленія и приносятъ жертвы“ [5]).

Н. Воронцовъ.

[1]) Гороховъ, стр. 228.
[2]) Палласъ, стр. 535. Лепехинъ, стр. 486.
[3]) Курулами называются калмыцкія кумарни.
[4]) Нефедьевъ, стр. 202.
[5]) Народы Россіи, т. II, стр. 470.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ БРОНЗОВОЙ ЭПОХИ

КАМСКО-ВОЛЖСКАГО КРАЯ.

I.

Ананьинскій могильникъ [1].

(Археологическій этюдъ).

I.

Изъ многочисленныхъ памятниковъ древности, разсѣянныхъ на обширномъ пространствѣ Камско-Волжскаго края, ни одинъ еще (за исключеніемъ, конечно, главнаго центра Камской Булгаріи — г. Булгара) не возбуж-

[1]) Собравъ нѣкоторыя данныя относительно бронзовой эпохи Камско-Волжскаго края, я предполагалъ осенью текущаго года приступить къ напечатанію ихъ въ «Извѣстіяхъ» Каз. Арх. Общества въ видѣ очерковъ, изъ которыхъ послѣдній долженъ былъ касаться Ананьинскаго могильника. Но по случайнымъ обстоятельствамъ порядокъ этотъ пришлось измѣнить. И. Н. Смирновъ, задумавъ издать къ предстоящему въ Москвѣ международному антропологическому съѣзду фотографическіе снимки съ предметовъ изъ Ананьинскаго могильника, принадлежащихъ музею Каз. Археол. Общества, обратился ко мнѣ съ предложеніемъ составить для «Извѣстій» Общества замѣтку объ этомъ могильникѣ, которая могла бы вмѣстѣ съ тѣмъ служить и дополненіемъ къ фотографическому альбому. Къ сожалѣнію, я въ настоящее время не имѣлъ возможности удѣлить этой работѣ достаточно времени и только въ послѣдующихъ главахъ «Матеріаловъ» надѣюсь по возможности пополнить пробѣлы и приложить пояснительные чертежи и рисунки, которые помогутъ детальнѣе ознакомиться съ наблюдавшимися мною погребальными обрядами въ Ананьинскомъ могильникѣ. Авт.

далъ такого интереса и не привлекалъ такого вниманія, какъ Ананьинскій могильникъ, имя котораго сдѣлалось небезъизвѣстно и за предѣлами Россіи.

Первое слово о существованіи этого могильника принадлежитъ елабужскому купцу и любителю старины Ивану Васильевичу Шишкину. Въ 1855 году проф. Московскаго университета Невоструевъ, встрѣтивъ у булгарскаго лѣтописца XVI вѣка Шереффъ-эд-дина указаніе на могилы послѣдователей Мухаммеда при устьѣ р. Тоймы, обратился къ Шишкину съ просьбой сообщить, нѣтъ ли въ окрестностяхъ г. Елабуги какого нибудь древняго кладбища, кургана или насыпи. Отвѣтомъ на эту просьбу было извѣщеніе, что верстахъ въ 5 отъ Елабуги и въ одной верстѣ отъ д. Ананьиной и р. Тоймы есть „какое-то старое кладбище, которое и донынѣ называется могильникомъ и изъ котораго жители вырывали камни“ для домашнихъ потребностей.

На слѣдующій годъ, посѣтивъ могильникъ, Шишкинъ доставилъ Новоструеву желѣзные удила и шесть бронзовыхъ вещей—„согнутый въ кругъ длинный прутъ съ петлею на одномъ концѣ для зацѣпки другого“ (шейная гривна), кельтъ, долото, предметъ въ видѣ „бараньей головки“, продолговатую полукруглую подвѣску и длинную желтоватую бляху, которые вымыты были изъ могильника высокимъ весеннимъ разливомъ Камы.

Придя изъ разсмотрѣнія этихъ находокъ къ заключенію о научной важности могильника, Невоструевъ обратился къ елабужскому любителю съ новой просьбой—произвести раскопки, руководясь тѣми археологическими сочиненіями, которыя онъ ему доставилъ.

Но Шишкину, относившемуся къ ознакомленію съ стариною съ осторожной внимательностью, не смотря на неоднократныя ходатайства передъ Вятской удѣльной конторою, на землѣ которой находился могильникъ, не позволено было приступить къ работамъ, и въ качествѣ первыхъ изслѣдователей выступили мѣстные удѣльные чиновники. „Самъ управляющій

удѣльной конторою — разсказываетъ Невоструевъ — своими людьми, безъ надлежащихъ свѣдѣній и правилъ, а потому и безъ результатовъ, рылъ въ могильникѣ яму аршина въ четыре". Не смотря на эту неудачу, удѣльные чиновники — по словамъ Шишкина, напрасно хлопотавшаго о томъ, чтобы работа поручена была кому либо изъ членовъ Археологическаго общества—пытались еще разъ на раскопки, но столь-же „безпорядочныя и безуспѣшныя": „въ разныхъ мѣстахъ они изрыли землю, и опять въ нѣкоторыхъ зарыли и все перемѣшали"...

Тѣмъ не менѣе удѣльное вѣдомство рѣшилось произвести и болѣе значительныя раскопки, поручивъ это дѣло чиновнику Алабину. Въ іюнѣ 1858 года г. Алабинъ, пригласивъ Шишкина присутствовать при раскопѣ, исполнилъ возложенную на него задачу и, произведя обширную раскопку, напечаталъ о результатахъ ея статью въ „Вѣстникѣ Императорскаго географическаго общества" [1]).

Важнѣйшія фактическія данныя этой статьи могутъ быть сведены къ слѣдующимъ краткимъ положеніямъ:

1) могильникъ состоитъ изъ двухъ кургановъ—большаго и малаго, о чемъ уже Шишкинъ и ранѣе сообщалъ Невоструеву;

2) большой курганъ, на вершинѣ котораго, по преданію, „были нѣкогда большіе камни съ какими-то непонятными надписями или знаками", занималъ въ окружности 219 шаговъ, а въ высоту—до 3-хъ аршинъ;

3) при раскопкѣ этого кургана, въ западномъ концѣ его, обращенномъ къ деревнѣ, подъ слоемъ чернозема обнаружился „круглый валъ" около 9 саж. окружностью, обложенный въ два и три ряда каменными плитами, лежащими косвенно одна на другой;

[1]) «Вѣстникъ Импер. Рус. Географич. Общества», 1860 г., ч. 29, стр. 87—120.

4) Раскопка поведена была отъ этого „вала" вдоль по всему кургану на протяженіи 28 саженъ трехъаршинной канавой, при чемъ черезъ 13 саженъ отъ перваго каменнаго „круга" встрѣчена была „каменная гряда", обложенная плитами и идущая поперекъ кургана, а за ней въ полусажени—другая, параллельная ей, но гораздо короче. За этой „грядою" обнаружена была еще „каменная стѣна" не болѣе аршина толщиною, подъ которой находился „будто гротъ", выложенный камнемъ. Далѣе курганъ заканчивался вторымъ „круглымъ валомъ", подобнымъ первому, „каменнымъ одромъ" и „помостомъ, сдѣланными изъ плитъ".

5) На всемъ протяженіи раскопки, въ кругахъ и между ними, встрѣчено было 46 человѣческихъ костяковъ—полныхъ и неполныхъ, сожженныхъ и несожженныхъ, лежавшихъ головой къ сѣверу, а ногами на югъ, за исключеніемъ трехъ, изъ коихъ два располагались въ обратномъ порядкѣ и одинъ — вдоль кургана, головой къ западу.

6) При костякахъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно разрушившихся отъ времени, найдены глиняные горшки, различныя бронзовыя и желѣзныя вещи, точильные камешки, кости лошадей и пр. Всѣ эти предметы, положеніе которыхъ въ могилахъ описано въ статьѣ Алабина, препровождены были имъ въ Императорское Географическое Общество [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что раскопка г. Алабина дала весьма обильный археологическій матерьялъ (150 номеровъ). Составленное имъ описаніе „съ величайшею—по его словамъ—точностію рисуетъ все, что курганъ въ теченіи многихъ вѣковъ хранилъ ревниво отъ человѣческаго взора". Но Невоструевъ, имѣя въ виду частное сообщеніе очевидца раскопокъ, нашелъ тѣмъ не менѣе возможнымъ назвать „Записку" г. Алабина „не вездѣ точной и удовлетворительной" и указалъ на существенное разногласіе съ нимъ Шишкина въ вопросѣ о каменныхъ кладкахъ въ могильникѣ. Шишкинъ

[1]) Къ сожалѣнію, эти вещи, по видимому, не сохранились. По крайней мѣрѣ, при посѣщеніи музея въ 1883 году, мнѣ было сообщено, что отъ Алабинскихъ находокъ осталось только нѣсколько ярлычковъ.

„совершенно отвергаетъ" существованіе „грота", а относительно двухъ „каменныхъ грядъ" говоритъ, что плитами обложены были не какія нибудь особенныя насыпи, а просто ими прикрывались скелеты или гробницы.

Въ виду этого является позволительнымъ поставить вопросъ: не объясняется-ли указанное разногласіе тою поспѣшностью, съ которой производилась раскопка. Г. Алабинъ не упоминаетъ въ своей статьѣ о времени, которое потребовалось ему для вскрытія и описанія 46 погребеній и ограничивается только указаніемъ на то, что онъ „приступилъ къ поиску съ достаточнымъ числомъ нанятыхъ рабочихъ, при нѣсколькихъ нарочито назначенныхъ благонадежныхъ людяхъ для присмотра за рабочими". Но г. Аспелинъ, посѣщавшій лично могильникъ и имѣвшій такимъ образомъ возможность собрать свѣдѣнія на мѣстѣ, разъясняетъ, что подъ руководствомъ Алабина „40 человѣкъ рабочихъ сдѣлали въ могильникѣ въ одинъ день ровъ (un fossé) около 60 метровъ длины и $2^1/_4$ метра ширины и глубины", причемъ слова „en un jour" подчеркиваетъ и называетъ раскопку „сдѣланной такъ быстро". Мнѣ лично довелось выслушать отъ мѣстныхъ крестьянъ — непосредственныхъ участниковъ въ раскопкѣ г. Алабина— еще болѣе рѣшительную и быть можетъ даже нѣсколько преувеличенную характеристику той быстроты, съ которой производилась работа. „При Алабинѣ — разсказывали они—согнали народъ изъ трехъ удѣльныхъ деревень—изъ нашей Ананьиной, изъ Мальцевой и Поспѣловой; собралось насъ человѣкъ со-сто и копали мы цѣльный день, а Алабинъ съ корзиной ходилъ, находки обиралъ и запись велъ"...

Такимъ образомъ, если допустить, что память не измѣнила очевидцамъ, то придется установить фактъ однодневной раскопки со вскрытіемъ и описаніемъ 46 погребеній въ теченіи не болѣе какъ 10—12 рабочихъ часовъ. Понятно, что при подобной обстановкѣ замѣчаніе Невоструева о „неточности" получаетъ вѣроятный характеръ и побуждаетъ относиться къ наблюденіемъ г. Алабина и его статьѣ съ нѣкоторой осторожностью.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, а именно въ 1865 году П. И. Лерхъ, командированный Императорской Археологической Коммиссіей, произвелъ новое обслѣдованіе Ананьинскаго могильника. Относительно его раскопки въ отчетѣ Коммиссіи за 1865 годъ сообщены были хотя и краткія, но крайне существенныя данныя. „Въ началѣ сентября—раскազывается тамъ—г. Лерхъ занялся окончательною развѣдкой Ананьинскаго могильника“, часть котораго, послѣ раскопокъ Алабина, „оставалась еще не тронутою, и была изслѣдована г. Лерхомъ“. „Найденныя имъ вещи вмѣстѣ съ предметами, пріобрѣтенными отъ Ананьинскихъ крестьянъ“ привели составителя отчета къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) могильникъ принадлежитъ „къ началу періода введенія въ употребленіе въ здѣшнемъ краѣ желѣза“, 2) „бронзовые топоры представляютъ по своей формѣ прямой переходъ отъ топоровъ, употреблявшихся на сѣверѣ Россіи въ періодъ каменныхъ орудій“, 3) рукоятки кинжаловъ, „иногда бывающія изъ бронзы, по формамъ своимъ сходны съ рукоятками бронзовыхъ кинжаловъ, находимыхъ въ курганахъ Западной Сибири“.

Въ іюлѣ 1870 года посѣтилъ Ананьинскій могильникъ давно уже интересовавшійся имъ проф. Невоструевъ и нашелъ, что „разрыта только средина его, а оба бока, обѣщающіе еще довольно открытій, равно и другой меньшій курганъ, невполнѣ еще изслѣдованы“. Посѣщеніе это не осталось безъ послѣдствій. Проф. Невоструеву посчастливилось пріобрѣсти отъ мѣстныхъ крестьянъ въ высшей степени замѣчательную находку, а именно „надгробный камень съ изображеніемъ человѣка“.

„Камень этотъ“, разбитый на восемь частей, „опоковый, найденъ крестьяниномъ въ главномъ или большомъ Ананьинскомъ курганѣ, въ землѣ, на четверть отъ верха; высоты онъ 6 четвертей 11 вершковъ, шириною внизу 8 вер., а вверху, нѣсколько съуженномъ и сведенномъ полукругомъ, 7 вер., толщины — одна четверть. Камень, по сказанію крестьянина, лежалъ въ извращенномъ положеніи, внизъ голо-

вою. На лицевой выглаженной сторонѣ его вырѣзано вглубь во весь ростъ изображеніе человѣка современнаго могильнику, въ полномъ вооруженіи и украшеніи, какія наблюдаются на скелетахъ, положенныхъ въ могильникѣ. „На камнѣ представленъ человѣкъ въ остроконечной шапкѣ“, отъ которой спускаются на плеча и ниже двѣ какія-то покромки. На шеѣ человѣка широкій кругъ съ продольными на немъ чертами, показывающими разныя фигуры и украшенія. На поясѣ — продольными чертами также показаны разныя украшенія. Въ правой рукѣ или сбоку — кинжалъ и военная сѣкира въ видѣ кирки, насаженная на древко, — подобные находимымъ въ могильникѣ; въ лѣвомъ боку — что-то полукруглое съ продольными же чертами, можетъ быть щитъ или чашка для питья. Глаза у человѣка большіе“.

Кромѣ того, проф. Невоструевъ, послѣ личнаго ознакомленія съ могильникомъ, напечаталъ о немъ въ „Трудахъ перваго археологич. съѣзда“ обстоятельную статью, въ которой произвелъ попытку научной обработки результатовъ раскопки Алабина и другихъ отрывочныхъ данныхъ, которыя успѣли накопиться къ 1870 году. Окончательный выводъ этой капитальной работы, къ которой приложенъ былъ и научно-составленный каталогъ Ананьинскихъ находокъ, былъ тотъ, что могильникъ относится „въ бронзовомъ вѣкѣ не къ концу его, когда бронза, вытѣсняемая желѣзомъ, сдѣлалась лишь предметомъ роскоши, а ко времени преобладанія бронзы“ [1]).

Въ послѣдующее затѣмъ время посѣщалъ Ананьинскій могильникъ г. Аспелинъ и составилъ большую коллекцію, вошедшую въ составъ его превосходнаго атласа. Въ замѣткѣ, предшествующей таблицамъ, характеризующимъ „Nécropole d'Ananino“—какъ называетъ г. Аспелинъ описываемый могильникъ—высказывается мысль о принадлежности его къ „концу

[1]) Труды перваго Археолог. съѣзда въ Москвѣ. 1871 г. т. II, стр. 594—632.

бронзоваго Урало-Алтайскаго вѣка и первыхъ временъ желѣзнаго на берегахъ Камы“ [1]).

Въ концѣ 70-хъ годовъ осматривали могильникъ члены Казанскаго Общ. Арх., Истор. и Этногр. П. Д. Шестаковъ, Н. Ѳ. Высоцкій, Н. М. Маліевъ и Н. А. Толмачевъ и производили здѣсь частичныя раскопки, давшія въ результатѣ нѣсколько древнихъ вещей.

Но несмотря на многочисленность всѣхъ указанныхъ выше раскопокъ, производимыхъ съ научной цѣлью, не смотря на поиски мѣстныхъ крестьянъ, которые, по словамъ г. Аспелина, перерыли могильникъ „во всѣхъ направленіяхъ для продажи находимыхъ тамъ древностей“, содержаніе этого стародавняго памятника еще не вполнѣ истощилось. По крайней мѣрѣ, лѣтомъ 1880 года г. Ралакову удалось пріобрѣсти въ Ананьинѣ еще около 40 различныхъ предметовъ.

Обширность собранной г. Аспелиномъ коллекціи и благопріятные результаты, достигнутые г. Радаковымъ, побудили меня весною 1881 года въ представленный мною Казанскому Археологическому Обществу проэктъ обслѣдованія праваго берега Камы отъ устья этой рѣки до района Камско-Воткинскаго завода [2]) включить, между прочимъ, и производство раскопокъ въ большомъ Ананьинскомъ могильникѣ.

Общество сочувственно отнеслось къ этому предложенію и поручило мнѣ, совмѣстно съ членомъ-сотрудникомъ обще-

---

[1]) Antiquités du Nord Finno-Ougrien, II, ст. 105—106.

[2]) Основной цѣлью этаго проэкта ставилось собираніе матеріала для возможно точнаго разграниченія тѣхъ культуръ, которыя характеризуютъ съ одной стороны Камскую Булгарію, а съ другой—Ананьинскій могильникъ. Въ качествѣ средствъ для достиженія этой цѣли указывалось: обслѣдованіе городищъ на правомъ берегу Камы отъ устья до Воткинскаго завода, ознакомленіе съ слѣдами могильника у Пьянаго Бора и раскопки въ большомъ Ананьинскомъ могильникѣ. Общество присоединило къ этому еще обслѣдованіе такъ называемыхъ «чудскихъ копей» на границахъ Казанской и Вятской губерній, пригласивъ принять участіе въ выполненіи послѣдней задачи совмѣстно со мною А. А. Штукенберга.

ства Н. П. Лихачевымъ, выполнить работы, означенныя въ проэктѣ экскурсіи.

19 іюня 1881 года мы отправились въ Елабугу. Намъ сопутствовали—Н. М. Маліевъ, котораго общество пригласило принять участіе въ раскопкахъ Ананьинскаго могильника, какъ спеціалиста по антропологіи, Н. П. Загоскинъ, любезно предложившій на нѣсколько дней свое содѣйствіе и этнографъ-путешественникъ Г. Н. Потанинъ, принявшій на себя трудъ собиранія у инородцевъ Елабужскаго уѣзда преданій о мѣстныхъ памятникахъ древности.

20-го іюня къ вечеру мы были уже въ д. Ананьиной и производили предварительный обзоръ мѣстности и внѣшняго вида могильника, собирая матеріалъ для рѣшенія вопроса о системѣ раскопки.

II.

Мѣстоположеніе могильника представляется въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ.

Подъ г. Елабугой вливается въ Каму небольшая рѣчка Тойма, протекающая по развалистой долинѣ, которая, при выходѣ на Каму, заканчивается обширной заливной террасой, состоящей изъ песчаныхъ наносовъ, покрытыхъ кое-гдѣ травой и кустарниками. Въ западной сторонѣ эта низина ограничена высокимъ нагорьемъ праваго берега Камы, которое у самой рѣки обрывается очень круто, а далѣе вглубь мѣстности образуетъ среднюю террасу. Эта терраса, на которой раскинулся городокъ Елабуга, далѣе къ востоку постепенно понижается и переходитъ въ заливные луга р. Тоймы, а за этой рѣчкой, верстахъ въ 4—5 отъ города мѣстность снова приподнимается, образуя невысокую песчаную равнину, примыкающую западной стороной къ лѣвому берегу Тоймы, а южной и восточной — къ описанной выше заливной низинѣ р. Камы.

При ближайшемъ осмотрѣ мѣстности, становится довольно вѣроятнымъ, что р. Тойма, какъ утверждаетъ мѣстное преда-

ніе, вливалась нѣкогда въ Каму не подъ Елабугой, а версты на 4—5 выше, т. е. близь того мѣста, гдѣ соприкасаются между собою заливное побережье Камы съ песчаной равниной лѣваго берега Тоймы. Эту невысокую равнину и можно разсматривать какъ песчаный наносъ или дюну, образовавшуюся въ мѣстѣ стариннаго сліянія рѣкъ.

Во время разлива Камы, особенно въ высокую воду, дюна эта, а равно и небольшая деревенька Ананьина, пріютившаяся на юго-западной сторонѣ ея, сплошь затопляются водою и только въ одномъ мѣстѣ, а именно въ самой срединѣ южной окраины дюны, обращенной къ камской заливной низинѣ, остается небольшая продолговатая гривка. Въ этомъ пунктѣ дюна достигаетъ наибольшей высоты и опускается къ сторонѣ Камы двухсаженной кручей, прикрытой сверху черноземомъ.

Пластъ чернозема имѣетъ форму продолговатаго овала, длиною въ 30, а шириною въ 7 саженъ; толщина черноземнаго слоя въ средней части обрыва доходитъ до 3-хъ аршинъ, а во всѣ остальныя стороны постепенно сходитъ на нѣтъ.

Этотъ-то едва замѣтный черноземный пригорокъ, находящійся на разстояніи версты къ востоку отъ д. Ананьиной, и есть большой Ананьинскій могильникъ.

Наружный видъ могильника сильно измѣнился съ того времени, когда нашъ извѣстный пейзажистъ И. И. Шишкинъ много лѣтъ тому назадъ дѣлалъ свой эскизъ, пожертвованный имъ черезъ Г. Н. Потанина Казанскому Археологическому Обществу. На этомъ наброскѣ ясно замѣтны на окраинѣ песчаной дюны, за изгородью, отдѣльные черноземные холмики, образующіе описываемый могильникъ.

Въ настоящее время весенними разливами уже успѣло отрѣзать отъ дюны всю южную окраину, гдѣ стояла изгородь, и даже значительную часть черноземнаго пласта, за противоположную, т. е. сѣверную сторону котораго давно уже пришлось перенести и изгородь. Отдѣльные бугорки, ясно различаемые на эскизѣ Шишкина, слились въ сплошной продолго-

ватый холмъ съ слегка волнообразной поверхностью. Склоняясь постепенно къ западу, къ сторонѣ деревни, этотъ холмъ только на востокѣ образуетъ едва замѣтную куполообразную выпуклость и заканчивается здѣсь довольно крутымъ скатомъ. На поверхности черноземнаго пласта, покрытой тощей травою, не безъ труда можно было различить нѣсколько небольшихъ темныхъ пятенъ—слѣдовъ позднѣйшихъ раскопокъ. Часть дугообразнаго вала на западномъ концѣ и узкая лощинка, которыя становятся замѣтными только тогда, когда ихъ укажутъ мѣстные старики-крестьяне,—служатъ единственными свидѣтелями обширныхъ раскопокъ Алабина, его перваго каменнаго круга и 28 саженной широкой и глубокой траншеи. Алабинъ велъ раскопку, придерживаясь средины могильника, а слѣды его работъ мы видѣли уже близь самой окраины—ясное доказательство разрушительнаго воздѣйствія весеннихъ разливовъ. Что касается „окончательныхъ развѣдокъ“ г. Лерха, то отъ нихъ не осталось и признака. Причина понятна: черноземъ во время раскопокъ, по словамъ крестьянъ, никогда не отвозился въ сторону и черезъ нѣкоторое время при помощи дождевыхъ и снѣговыхъ водъ совершенно затягивалъ углубленія и выравнивалъ поверхность насыпи.

Послѣ внѣшняго осмотра намъ предстояло рѣшить: что и какъ раскапывать.

Вопросъ оказывался не легкимъ.

Въ теченіи послѣднихъ 25 лѣтъ могильникъ то и дѣло подвергался болѣе или менѣе значительнымъ раскопкамъ, размываетъ и рветъ его съ незапамятныхъ временъ весенней водою, крестьяне и особенно ребята каждое воскресенье и вообще въ свободное время копаются въ его обрывѣ съ коммерческими цѣлями [1])—все это невольно наводило на мысль, что могильникъ представлялъ въ сущности уже ничто иное, какъ простую груду земли, которую много разъ перетряхивали по всѣмъ направленіямъ до самаго материка и что позднѣйшія

[1]) Они продаютъ находки заѣзжимъ любителямъ или елабужскимъ мѣдникамъ.

находки принадлежатъ къ числу послѣднихъ и случайно обойденныхъ.

При подобныхъ обстоятельствахъ послойная съемка всего черноземнаго пласта большинствомъ голосовъ признана была не соотвѣтствующей какъ описанной выше обстановкѣ, такъ и матеріальнымъ средствамъ, которыя могли быть удѣлены на раскопку. Взамѣнъ этого, рѣшено было съ общаго согласія разрѣзать восточную болѣе возвышенную половину могильника четырьмя поперечными траншеями, отстоящими на двѣ сажени одна отъ другой и имѣвшими отъ 7 до 9 футовъ въ ширину.

Траншея Н. П. Загоскина (№ 1-й) заложена была въ самой восточной части могильника и направлялась черезъ центръ описанной выше едва замѣтной куполообразной выпуклости; западнѣе—заложены были три параллельныя траншеи: Н. П. Лихачева (№ 2-й), моя (№ 3-й) и Н. М. Маліева (№ 4-й).

Работа поведена была такимъ образомъ: на всемъ протяженіи каждой траншеи (7 саженъ) земля снималась послойно и послѣ тщательнаго осмотра отвозилась въ сторону отъ могильника на телѣгахъ. При этомъ обнаружилось, что въ верхней части могильникъ состоялъ изъ слоя довольно рыхлаго и жирнаго чернозема чернаго цвѣта, а далѣе вглубь вплоть до самой дюны шла сухая земля темно-сѣраго цвѣта мѣстами рыхлая и какъ-бы потревоженная прежними раскопками, а мѣстами очень твердая и плотная, очевидно еще нетронутая лопатой. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ залегала эта твердая и плотная земля сѣроватаго цвѣта замѣчалось въ разрѣзахъ траншей какъ-бы куполообразное строеніе, т. е. поверхность этого слоя была не горизонтальна, а волнообразна.

Начиная отъ самой поверхности могильника и вплоть до его песчанаго основанія попадались въ небольшомъ количествѣ частички угля и пепла, мелкіе обломки глиняной посуды, кусочки вывѣтрившихся костей, а изрѣдка и бронзовыя и желѣзныя вещицы. Болѣе благопріятной для находокъ оказалась траншея Н. М. Маліева (№ 4-й), гдѣ найдены были въ разныхъ мѣстахъ и на разной глубинѣ сплошнаго рых-

лаго слоя два желѣзныхъ кинжала, точильный камешекъ и бронзовая пуговка; въ моей (№ 3-й) при тѣхъ-же условіяхъ—двѣ бронзовыя коническія подвѣски съ боковыми прорѣзами, обломокъ витой бронзовой трубочки и мѣдной пластинки; у Н. П. Лихачева (№ 2-й) на глубинѣ 1½ аршина—очень большихъ размѣровъ желѣзный современный буравъ.

Всѣ эти обстоятельства приводили къ заключенію, что наши траншеи пришлись на мѣстахъ прежнихъ раскопокъ. Это было, покрайней мѣрѣ, несомнѣнно въ отношеніи двухъ западныхъ траншей, гдѣ, пробравъ рыхлую и слѣдовательно потревоженную землю до самаго материка, мы не нашли ничего, кромѣ указанныхъ выше вещей, расположенныхъ безпорядочно и по всему вѣроятію случайно незамѣченныхъ во время прежнихъ раскопокъ. Но въ траншеяхъ Н. П. Лихачева и Н. П. Загоскина (№№ 2 и 1-й), особенно въ послѣдней, нижній слой оказался почти совсѣмъ нетронутымъ. Въ траншеѣ № 1-й обнаружились ряды необдѣланныхъ каменныхъ плитъ, которыя стояли наклонно и пересѣкали траншею на глубинѣ 1½ аршина въ видѣ дугъ значительнаго радіуса. Въ сосѣдней траншеѣ № 2-й также показались подобныя плиты, расположеніемъ своимъ указывавшія на связь съ предъидущими.

Въ виду этого рѣшено было соединить двѣ восточныя траншеи и, не выбирая изъ земли плитъ, обнаружить всю каменную кладку. Работа эта пала на мою долю и Н. П. Лихачева а Н. П. Загоскинъ и Н. М. Маліевъ заложили 5 траншею и повели ее вдоль могильника, начиная отъ западнаго конца.

При соединеніи двухъ восточныхъ траншей обнаруженъ былъ постепенно обширный поясъ каменныхъ плитъ, описывавшій правильный кругъ и опиравшійся непосредственно на дюну. Въ центральной части этого круга обнаружена была кромѣ того продолговатая ладьеобразная впадина, также выложенная плитами.

Правильность формъ этой подземной постройки, подробная характеристика которой будетъ сдѣлана ниже, побудила пригласить изъ Елабуги фотографа съ цѣлью сдѣлать точный снимокъ.

Таковы были не совсѣмъ опредѣленные результаты пятидневныхъ непрерывныхъ работъ, производимыхъ при помощи 20 рабочихъ, четырехъ телѣгъ и двухъ носилокъ.

Пятая траншея, проведенная къ этому времени Н. М. Маліевымъ и Н. П. Загоскинымъ на протяженіи 10 саженъ вдоль кургана, дала болѣе опредѣленные результаты. Въ средней части ея, на глубинѣ 5 четвертей отъ поверхности могильника обнаружена была нетронутая могила (А). Совершенно разрушившійся костякъ лежалъ на поверхности песчаной дюны головой на сѣверо-востокъ, ногами на юго-западъ. Въ головахъ находились черепки глинянаго сосуда и небольшая прослойка пепла и углей. Костякъ не представлялъ слѣдовъ сожженія и никакихъ вещей при немъ не было. Но въ другихъ мѣстахъ траншеи № 5, въ рыхломъ потревоженномъ пластѣ найдены были—шейный жгутъ изъ неправильно согнутой массивной бронзовой проволоки и обломокъ другого такого-же бронзоваго жгута.

Что касается „землянки"—такъ называли рабочіе обнаруженную въ восточной части могильника каменную кладку—то возлагать на нее особенныя надежды было, повидимому, невозможно: запонка изъ такъ называемаго „новаго золота" съ двумя ножками, какіе носили въ манжетахъ въ 50-хъ годахъ, найденная на глубинѣ 2-хъ аршинъ, почти у самого подножія каменнаго пояса; самая кладка, мѣстами разрушенная и какъ-бы доказывавшая этимъ, что нѣкоторые камни давно уже извлечены отсюда; отсутствіе слѣдовъ погребенія въ ладьеобразной центральной котловинѣ—все это невольно наводило на мысль, что могила уже вскрыта Алабинымъ, который на протяженіи своей траншеи отъ перваго западнаго круга встрѣтилъ въ восточной части могильника второй такой-же каменный кругъ. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что разру-

шенныя части обнаруженной нами кладки находились какъ разъ на направленіи Алабинской траншеи.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда отвлекаемые другими спѣшными дѣлами Н. П. Загоскинъ и Н. М. Маліевъ принуждены были возвратиться въ Казань и лишить насъ своей дѣятельной помощи.

Для успѣшнаго движенія дальнѣйшихъ работъ мы пришли къ необходимости подраздѣлить ихъ: Н. П. Лихачевъ занялся проведеніемъ новыхъ траншей; мнѣ довелось исключительно сосредоточиться на вскрытіи обнаруживаемыхъ при этомъ могилъ.

Нанеся на планъ 5 упомянутыхъ выше траншей, г. Лихачевъ, составилъ проэктъ цѣлой системы дальнѣйшихъ траншей, который и сталъ приводить постепенно въ исполненіе. Въ теченіи 10 послѣдующихъ дней удалось настолько подвинуть работы, что могильникъ оказался почти разрытымъ, за исключеніемъ узкихъ промежуточныхъ полосъ, оставленныхъ для размѣщенія выбрасываемой изъ траншей земли [1]).

За это время, помимо отдѣльныхъ предметовъ, встрѣченныхъ въ небольшомъ количествѣ въ потревоженныхъ пластахъ, обнаружились и совершенно нетронутыя мѣста, давшія возможность ознакомиться съ особенностями мѣстнаго погребенія. Всѣхъ могилъ вскрыто было мною 10. При характеристикѣ ихъ я позволю себѣ нѣсколько долѣе остановиться только на трехъ важнѣйшихъ, представляющихъ новыя данныя.

Къ востоку отъ упомянутой выше круглой каменной кладки, на разстояніи двухъ саженъ, обнаружилась группа изъ трехъ могилъ, расположенныхъ въ одномъ горизонтѣ, на разстояніи аршина другъ отъ друга [2]). Погребеніе во всѣхъ

[1]) Земля изъ первыхъ пяти траншей вывозилась въ сторону и такимъ образомъ удалено было нѣсколько сотъ возовъ; но потомъ земля стала относиться на носилкахъ въ опорожненныя траншеи, а отчасти выбрасываться на промежуточныя полосы, такъ какъ подъѣзжать къ мѣстамъ раскопки оказалось затруднительно, вслѣдствіе сдѣланныхъ разрѣзовъ.

[2]) Въ записи раскопокъ они значатся подъ литерами M, L и K; этими литерами означаю я ихъ и въ настоящемъ очеркѣ.

трехъ случаяхъ совершенно однообразно: голова на сѣверо-востокъ, ноги на юго-западъ, въ ногахъ раздавленый глиняный горшокъ. Костяки лежатъ на песчаномъ материкѣ, прикрыты тонкимъ слоемъ песку и золы, надъ которымъ располагается пластъ углей толщиною въ $^1/_4$ аршина. Костяки совершено разрушились, но вмѣстѣ съ тѣмъ не представляютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ сожженія.

Въ 1-й могилѣ (М) подлѣ черепа находились: тонкая бронзовая бляшка, 5 цилиндрическихъ бронзовыхъ подвѣсокъ, двѣ коническія бронзовыя подвѣски въ формѣ колокольцевъ съ боковыми прорѣзами, 1 большая и 56 мелкихъ бусинокъ, сдѣланныхъ повидимому изъ бѣловатой глины и покрытыхъ свѣтло-голубоватой эмалью. Кромѣ того, у лѣваго локтя маленькій глиняный сосудъ.

Во 2-й могилѣ (L) около черепа — 65 такихъ-же бусинокъ.

3-я могила (К) оказалась болѣе богатой. Въ головахъ наклонно лежалъ овальный камень, на разстояніи 2-хъ четвертей отъ черепа. На лобной кости черепа—бронзовая бляшка; у затылочной—два набора изъ бронзовыхъ бляшекъ (45 бляшекъ съ 3 выпуклостями) и раковинъ (сургаеа); подъ однимъ изъ наборовъ сохранился даже кусокъ ремня; у праваго виска—большая круглая бляха, двѣ овальныя бляшки съ дырочками, одна четыреугольная, одна ромбоидальная и маленькіе обломки какого-то деревяннаго издѣлія въ видѣ трубочки, покрытаго бороздками. Поверхъ этихъ вещей—изогнутый въ кругъ деревянный прутъ, на который нанизаны 64 пронизки изъ бронзы, а подъ этимъ ожерельемъ 486 мелкихъ глиняныхъ съ эмалью бусинокъ, отчасти нанизанныхъ на тонкую истлѣвшую отъ времени нить.

Къ югу отъ группы изъ этихъ трехъ, судя по украшеніямъ, женскихъ могилъ, на разстояніи сажени отъ нихъ и на глубинѣ трехъ четвертей отъ поверхности могильника встрѣченъ былъ еще одинъ костякъ (Н), который тянулся также въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Въ голо-

вахъ его стояла каменная плитка. Костякъ находился на разстояніи аршина отъ поверхности песчаной дюны, залегалъ въ толстомъ слоѣ углей и сплошь состоялъ изъ совершенно перегорѣвшихъ костей. Найденныя при немъ бусы и бронзовыя бляшки также совершенно перегорѣли и приводили къ заключенію, что трупъ женщины былъ сожженъ на этомъ мѣстѣ вмѣстѣ со всѣми ея вещами, входившими въ составъ погребальнаго обряда.

На три сажени къ западу отъ каменной кладки обнаружено было еще три могилы: двѣ рядомъ, ближе къ сѣв. сторонѣ могильника и одна—къ южной.

Въ двухъ первыхъ могилахъ (E и F), на глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ, лежали также въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу сильно разрушившіеся костяки, не представлявшіе ни малѣйшихъ слѣдовъ горѣнія. Въ ногахъ каждаго находилось по глиняному сосуду, на черепѣ западнаго костяка (F) лежала бронзовая бляшка.

Третья могила (D), находившаяся ближе къ южной сторонѣ могильника, представляла слѣдующія данныя:

На глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ, на материковомъ пескѣ, стоялъ сильно разрушившійся черепъ. Къ лѣвому виску его прилегалъ наклонно большой глиняный горшокъ, въ которомъ помѣщался еще горшокъ поменьше; въ большой горшокъ входила, кромѣ того, однимъ концомъ обломанная кость быка. Кругомъ черепа и горшка—711 мелкихъ бусинокъ. У затылочной кости—два браслета изъ тонкихъ бронзовыхъ пластинокъ и нѣсколько бронзовыхъ бляшекъ. Подлѣ черепа—плечевая кость, на ней большая бронзовая бляха, а лѣвѣе—желѣзный ножъ. Слѣдовъ остальныхъ частей скелета, а равно и слѣдовъ сожженія нѣтъ. Направленіе и дно могилы опредѣляются залеганіемъ въ томъ-же горизонтѣ нѣсколькихъ бронзовыхъ пластинокъ, встрѣченныхъ на протяженіи 5 футовъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу.

Затѣмъ я перехожу къ описанію трехъ послѣднихъ болѣе замѣчательныхъ могилъ (B, C и G).

Въ средней части могильника—двѣ могилы, на разстояніи 4 саженъ одна отъ другой.

Въ западной изъ нихъ (В), на глубинѣ въ $1^1/_2$ аршина, обнаружился слой перегнившихъ бревенъ или досокъ, тянувшихся на протяженіи 6 футовъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу. По удаленіи этого слоя, могила представляла слѣдующій видъ:

Въ сѣверо-восточномъ (головномъ) концѣ—два футляра или свертка изъ бересты; правый—продолговатой овальной формы, лѣвый—въ видѣ двухъ соединенныхъ кружковъ разныхъ размѣровъ; въ первомъ футлярѣ—бронзовое копье съ остатками древка во втулкѣ, во второмъ—бронзовый шейный жгутъ въ бо̀льшей половинѣ; черепныя косточки, зубы, пепелъ и серебряная спираль—въ меньшей.

Въ томъ-же горизонтѣ, но нѣсколько ниже праваго футляра, т. е. ближе къ средней части могилы—совершенно разрушившійся отъ ржавчины желѣзный кинжалъ; ниже втораго футляра—маленькій берестяный-же футлярчикъ, внутри котораго круглая бронзовая бляшка. Направо отъ кинжала въ продолговатомъ берестяномъ футлярѣ—бронзовый кельтъ съ короткимъ древкомъ, завернутый въ какую-то ткань въ видѣ рогожки, и нѣсколько бронзовыхъ стрѣлокъ.

Въ юго-западной части могилы—разрушившіяся нижнія конечности; прочихъ костей скелета нѣтъ, незамѣтно даже и малѣйшихъ слѣдовъ ихъ.

Всѣ означенные предметы располагались на черноземѣ, смѣшанномъ съ пескомъ, подъ которымъ на два вершка ниже начинался уже чистый песокъ дюны.

Вторая могила (С), къ востоку отъ предъидущей, оказалась еще болѣе оригинальной и содержательной.

Могила обложена была съ сѣвера и юга двумя несходящимися дугами изъ большихъ плитъ, плотно примкнутыхъ другъ къ другу и стоящихъ наклонно подъ угломъ въ 45 градусовъ. Эти дуги, судя по кривизнѣ, имѣли общій діаметръ въ двѣ сажени и, быть можетъ, сливались въ началѣ въ кругъ,

части котораго были разобраны во время прежнихъ раскопокъ. Изъ плитъ, образующихъ описанную кладку, одна была правильно обдѣлана въ формѣ треугольника, на поверхности котораго выбита или вытерта круглая впадина.

Въ срединѣ между дугами изъ плитъ, на глубинѣ $1^1/_2$ аршина отъ поверхности могильника, обнаружился слой сгнившихъ бревенъ толщиною около четверти аршина, которыя тянулись полосою въ 10 футовъ длины и 5 фут. ширины отъ сѣверо-востока къ юго-западу.

Когда этотъ слой былъ осторожно снятъ, то на горизонтальной поверхности песчаной дюны представилась слѣдующая картина погребенія:

Въ сѣверо-восточной или головной части могилы—двѣ большія плиты на разстояніи фута одна отъ другой. На правой гладко выбиты или вытерты двѣ впадины—круглой и эллиптической формы. Между плитами, ближе къ лѣвой—круглая бронзовая бляха съ орнаментомъ, ближе ко второй—обломокъ кости быка.

Далѣе, въ юго-западномъ направленіи, предметы располагались въ такомъ порядкѣ: черезъ 5 дюймовъ отъ лѣвой плиты—бронзовый кельтъ съ короткимъ древкомъ, лежащій на деревянной дощечкѣ, а за два дюйма далѣе кельта—большой футляръ изъ бересты въ формѣ колчана съ двумя отростками направо. Въ колчанѣ — красивой отдѣлки бронзовая сѣкира съ обломкомъ древка во втулкѣ, за сѣкирою—узорчатый бронзовый кинжалъ, направо отъ котораго — бронзовая круглая бляха, налѣво—большое желѣзное копье, а внизу — точильный камешекъ съ отверстіемъ для подвѣшиванія. Въ верхнемъ отросткѣ колчана—бронзовый шейный жгутъ, человѣческія зубы, пепелъ и с е р е б р я н а я спираль; въ нижнемъ отросткѣ—кельтъ съ древкомъ и бронзовыя стрѣлы.

За 6 дюймовъ далѣе описаннаго колчана—еще два футляра. Лѣвый, въ видѣ небольшаго кружка, заключалъ въ себѣ маленькій бронзовый кельтъ, а правый въ видѣ большаго

многоугольника—нѣсколько бронзовыхъ стрѣлокъ и одну желѣзную.

Еще далѣе на одинъ футъ—два небольшихъ камня, расположенныхъ симметрично съ первыми; наконецъ, на разстояніи одного фута, могила заканчивалась двумя большими плитами, между которыми въ срединѣ, въ видѣ луннаго серпа, располагалось 8 небольшихъ гладкихъ камешковъ. Костей, кромѣ упомянутыхъ, а равно и слѣдовъ сожженія, не было.

Затѣмъ мнѣ остается разсказать о послѣдней и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе замѣчательной могилѣ, находившейся подъ описанной выше каменной кладкой, обнаруженной въ первые пять дней раскопки въ самой восточной и возвышенной части могильника.

Изображаю ходъ раскопки этого пункта послѣдовательно.

1) Прежде всего, при послойной съемкѣ земли, обнаружилось, что она, на глубину аршина отъ поверхности, состояла изъ жирнаго чернозема, въ которомъ только изрѣдка попадались мелкіе обломки костей, угольки и прослойки пепла.

2) Затѣмъ пошла плотная и сухая темно-сѣраго цвѣта земля съ незначительной примѣсью мелкихъ угольковъ и обломковъ пережженыхъ костей. Этотъ слой рѣзко выдѣлялся изъ чернозема и залегалъ подъ нимъ въ видѣ куполообразной выпуклости. Въ немъ и обнаружена была плитняковая кладка, имѣвшая видъ полусвода, наклоненнаго подъ угломъ въ 45 градусовъ и состоявшаго изъ пояса плитъ шириною въ $2^1/_2$ аршина [1]). Нижнее основаніе этого полусвода, опиравшееся на поверхность песчаной дюны, имѣло видъ правильнаго круга длиною въ 12 саженъ; верхній край полусвода также представлялъ кругъ, длина котораго, вслѣдствіе наклона плитъ, не превосходила 8 саженъ. Внутри этаго полусвода обнаружена была выложенная плитами-же яма, имѣвшая подобіе лодки длиною до 14, а шириною до 9 футовъ. При глубинѣ

[1]) Всѣ плитняковыя кладки въ Ананьинскомъ могильникѣ безъ цемента.

въ 3 фута, эта лодкообразная впадина уходила средней частью своего дна на одинъ футъ въ песчаную почву дюны.

3) Послѣ снятія фотографіи съ этой кладки, я перешелъ къ дальнѣйшимъ раскопкамъ. Прежде всего сняты были плиты внѣшняго свода, подъ которымъ на глубинѣ одного фута обнаружился новый поясъ плитъ, параллельный первому. По удаленіи земли изъ подъ этого послѣдняго пояса, получилась ровная песчаная круглая площадка съ каменной лодкой въ срединѣ. При разборѣ послѣдней оказалось, что она состояла изъ двойнаго, а на днѣ изъ тройнаго ряда плитъ, прилегавшихъ къ сгнившимъ доскамъ, подъ которыми находилась уже песчаная почва дюны. Какъ самая лодка, такъ и промежутки между плитами наполнены были землею, смѣшанной съ небольшимъ количествомъ угольковъ, пепла и мелкихъ обгорѣлыхъ кусочковъ костей.

Послѣ снятія фотографіи съ каменной лодки и удаленія плитъ, раскопка имѣла видъ крутой площадки, средина которой представляла продолговатую впадину около фута глубиною. Затѣмъ я сталъ снимать послойно песокъ по окраинамъ этой площадки съ цѣлью придать ей вполнѣ горизонтальный видъ, прежде чѣмъ идти далѣе въ глубь. Верхній слой песку отличался желтоватымъ цвѣтомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ на поверхности дюны, былъ сухъ и не совсѣмъ чистъ — замѣчались кое-гдѣ тонкія жилки чернозема. Ниже онъ становился плотнѣе, сырѣе и чище и на глубинѣ $1^1/_2$ футовъ показался, наконецъ, столь плотный красноватый песокъ, что его только съ усиліемъ можно было скоблить острой желѣзной лопатой, при чемъ онъ отдѣлялся тонкими и нераспадавшимися листочками. Не оставалось сомнѣнія, что мы дорылись до материка, нетронутаго человѣкомъ, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ дюны, гдѣ мы производили изслѣдованіе почвы, она состояла въ верхнемъ слоѣ изъ сыпучаго желтаго песку, а въ нижнемъ—изъ плотнаго и красноватаго.

Невольно закрадывалась мысль о безплодной затратѣ пятидневнаго труда. А трудъ былъ не малый. Мы стояли на

материковомъ днѣ конусообразной ямы, верхняя окраина которой имѣла въ окружности около 20 саженъ и возвышалась надъ нами на 5 аршинъ; 14 каменныхъ ступенекъ устроены были рабочими для спуска на дно этого углубленія.

Но въ этотъ моментъ раскопокъ обстоятельства вдругъ измѣнились. Лишь только мы сняли вершковый слой краснаго материковаго песку по окраинамъ и окончательно сравняли такимъ образомъ дно ямы, какъ въ центрѣ ея желтымъ пятномъ обрисовался правильный четыреугольникъ около 9 футовъ длиной и 4 шириной, имѣвшій направленіе отъ сѣверовостока къ юго-западу.

Мы стали осторожно выбирать желтый песокъ. Онъ по своей рыхлости легко поддавался раскопкѣ и бока четыреугольника выяснились совершенно опредѣленно. На второмъ слоѣ лопатка вдругъ остановилась. Что-то звякнуло. На песчаной поверхности показался кончикъ металлическаго предмета.

Съ этого момента всѣ рабочіе были удалены изъ ямы и расположились по ея верхней окраинѣ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за дальнѣйшей раскопкой. Ожиданія были большія. „Теперь надо такъ говорить: до самаго настоящаго дѣла дошли, тутъ у нихъ и вся казна будетъ.... Не даромъ экую землянку наладили“—слышалось въ толпѣ.

Но лишь только я успѣлъ пройти еще два тонкихъ слоя въ четыреугольникѣ, какъ совершенно неожиданно пришлось пріостановить работу. Разразилась сильная двухчасовая гроза съ ливнемъ и градомъ. Я едва успѣлъ защитить могилу, прикрывъ ее кожаномъ и большимъ бархатнымъ ковромъ, который любезно предложила мнѣ г-жа Кваліо, пріѣхавшая изъ Елабуги посмотрѣть на раскопки.

Когда миновала гроза, было уже 8 часовъ вечера, поэтому пришлось отложить работу до слѣдующаго дня. Опасаясь, въ виду разговоровъ о „казнѣ“, за цѣлость могилы, я остался ночевать на могильникѣ съ 4 рабочими, изъ коихъ

двое уже провели здѣсь двѣ предъидущія ночи, оберегая каменную кладку.

Съ 3-хъ часовъ утра, когда уже достаточно разсвѣтало, я принялся за работу и послѣ полудня могила была окончательно обслѣдована, вещи вполнѣ обнаружены и съ расположенія ихъ снятъ точный рисунокъ съ показаніемъ всѣхъ размѣровъ. Въ этомъ окончательномъ періодѣ раскопки могила имѣла слѣдующій видъ:

1) Въ материкѣ дюны находилась правильная прямоугольная яма съ отвѣсными стѣнками и плоскимъ дномъ, идущая отъ сѣверо-востока къ юго-западу, длиною въ 8 футовъ 9 дюймовъ и шириною въ 3 фута 7 дюймовъ, а глубиною въ одинъ футъ.

2) На горизонтальномъ днѣ этого углубленія, засыпаннаго рыхлымъ желтымъ пескомъ съ тонкими жилками чернозема, располагалась слѣдующая картина погребенія:

a) Въ сѣверо-восточной головной части—двѣ каменныя плиты, изъ которыхъ лѣвая—правильной треугольной формы и раздѣлена выпуклой чертою на двѣ части; на одной изъ нихъ, а именно на верхней замѣтенъ врѣзанный кружокъ.

b) Между плитами, ближе къ ихъ верхней окраинѣ—каменная круглая плитка; ближе къ нижней, на лѣво—сѣкира съ бронзовой рукояткой и желѣзнымъ торчащимъ кверху остріемъ, а направо—небольшая глиняная чаша, наполненная желтымъ пескомъ. Чаша нѣсколько наклонена и на край ея положена однимъ концомъ узкая желѣзная пластинка, утратившая отъ ржавчины свой первоначальный видъ.

c) Между чашей и сѣкирой на небольшой и приплюснутой къ землѣ черепной косточкѣ лежитъ бронзовая круглая бляха съ орнаментомъ; налѣво отъ нея серебряная спираль, а направо точильный камешекъ съ сквознымъ отверстіемъ.

d) За бляхою и точиломъ, въ направленіи къ юго-западной сторонѣ могилы—серебряный витой шейный жгутъ, на пластинчатомъ концѣ котораго врѣзанъ кружокъ; жгутъ окружаетъ часть человѣческой челюсти, подлѣ которой помѣщается

еще какая-то неопредѣленнаго вида совершенно разрушившаяся небольшая косточка.

e) За жгутомъ, направо—втулка желѣзнаго копья, остріе котораго обратилось отъ ржавчины въ мелкую зернистую массу.

f) За копьемъ, въ средней части могилы, направо: двѣ кремневыя стрѣлки, положенныя одна на другую, а налѣво: берестяный свертокъ, въ которомъ—согнутая тонкая бронзовая пластинка; въ ней, какъ въ футлярѣ, помѣщается конусообразный бронзовый наконечникъ, съ кусочкомъ древка въ нижней полой части. Подъ берестянымъ футляромъ—небольшая скипѣвшаяся масса буроватаго цвѣта, въ которой ясно различаются пережженныя кости. Оригинальная форма бронзоваго наконечника, слишкомъ тупого, чтобы быть копьемъ, положеніе его на сожженныхъ костяхъ и тщательный способъ сбереженія въ двухъ футлярахъ—бронзовомъ и берестяномъ—наводятъ на мысль, что онъ былъ наконечникомъ какого нибудь почетнаго начальническаго жезла.

g) За этимъ футляромъ — большой желѣзный кинжалъ, мѣстами успѣвшій уже обратиться въ зернистую массу и, наконецъ, еще далѣе, т. е. въ самой юго-западной части могилы—двѣ каменныя плиты; изъ подъ лѣвой плиты, выставляется еще небольшая плитка, а на окраинѣ правой лежитъ однимъ концомъ кость быка.

h) Песокъ на днѣ могилы въ горизонтѣ расположенія описанныхъ вещей былъ покрытъ едва замѣтнымъ порошкообразнымъ налетомъ свѣтло-коричневаго цвѣта, а между двумя послѣдними плитами можно было хотя и не безъ труда различить въ двухъ мѣстахъ тонкій слой пепла и мельчайшихъ частицъ угля.

Вотъ и все, что мы нашли въ этой могилѣ. Наши рабочіе были разочарованы. Убѣжденіе ихъ въ существованіи „казны" было такъ сильно, что имъ не хотѣлось еще съ нимъ разстаться. По освобожденіи могилы отъ вещей, они съ прежней энергіей принялись за дальнѣйшую послойную

раскопку, но скоро принуждены были остыть, такъ какъ необычайная твердость и чистота красноватаго песку, приводили къ несомнѣнному заключенію, что мы разработываемъ материкъ и что раскопка окончена.

III.

Результаты описанныхъ выше раскопокъ, а равно и другія наблюденія, о которыхъ я не имѣлъ еще случая упомянуть, ставятъ меня въ необходимость коснуться еще нѣкоторыхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ Ананьинскому могильнику.

1. Могильникъ или курганъ? Крестьяне деревни Ананьиной называютъ мѣсто древняго погребенія близь ихъ деревни могильникомъ. Алабинъ присвоиваетъ этому пункту имя кургана. Эйхвальдъ, исходя изъ данныхъ раскопки Алабина, полагаетъ между прочимъ, что всѣ вырытые имъ 46 скелетовъ „сожжены были на многихъ небольшихъ кострахъ въ одинъ день, что это были тѣла женъ, придворныхъ и рабовъ, положенныхъ по древнимъ обычаямъ вмѣстѣ съ умершимъ владѣтелемъ нѣкогда цвѣтущей земли на Камѣ". Невоструевъ, указывая на то, что „скелеты найдены были въ разныхъ слояхъ земли, одни глубже, другіе мельче", отрицаетъ фантастическое предположеніе Эйхвальда и принимаетъ крестьянское названіе могильника, разсматривая послѣдній какъ древнее кладбище.

Мои личныя наблюденія побуждаютъ присоединиться къ мнѣнію Невоструева. Расположеніе могилъ въ разныхъ горизонтахъ—въ материкѣ песчаной дюны, на ея поверхности и во всѣхъ слояхъ насыпного чернозема, а равно и замѣченная мною куполообразность въ строеніи могилъ, находящихся въ нижнемъ и твердомъ пластѣ могильника, даютъ возможность думать, что образованіе его происходило слѣдующимъ образомъ: на небольшой гривкѣ, рѣдко затопляемой водою, погребали умершихъ и насыпали надъ ними небольшіе курганы;

затѣмъ, когда уже не оставалось на гривкѣ мѣста, стали погребать умершихъ по склонамъ этихъ кургановъ, дѣлая новыя присыпки, такъ какъ расширять кладбище по дюнѣ, затопляемой водою, представлялось невозможнымъ. Такимъ образомъ на гривкѣ и образовалась мало по малу цѣлая система кургановъ однихъ надъ другими, которые постепенно сглаживались дождевыми и снѣговыми потоками, а впослѣдствіи и распашкой, и принимали видъ одного невысокаго продолговатаго холма. Но въ нижнемъ слоѣ, вдали отъ воздѣйствія сохи, потоковъ и разливовъ, сохранились въ большей или меньшей степени куполообразныя очертанія первыхъ по времени и болѣе старыхъ могилъ, которыя и знакомятъ довольно опредѣленно съ структурою могильника.

2. Необходимость разграниченія древностей могильника и дюны и вопросъ о каменныхъ орудіяхъ. „Мы имѣемъ въ рукахъ своихъ восемь кремневыхъ стрѣлъ, найденныхъ въ Ананьинскомъ могильникѣ“ и „слышали“, что „П. И. Лерхъ отъ Ананьинскихъ крестьянъ пріобрѣлъ каменный или кремневый ножъ“, говоритъ Невоструевъ, замѣчая при этомъ, что и вообще каменныя орудія встрѣчаются иногда совмѣстно съ бронзовыми вещами и въ другихъ курганахъ Запад. Европы и Россіи.

Останавливаюсь на этомъ показаніи потому, что есть основаніе думать, что стрѣлы Невоструева, какъ и кремневый ножъ Лерха, пріобрѣтены отъ крестьянъ. Въ виду этого умѣстно поставить вопросъ: дѣйствительно ли упомянутыя выше кремневыя орудія найдены именно въ могильникѣ?

Въ интересахъ разъясненія его, считаю необходимымъ указать на содержаніе той песчаной дюны, на южной окраинѣ которой находится древнее кладбище. Во время раскопки могильника и обслѣдованія дюны въ разныхъ частяхъ ея я составилъ небольшую коллекцію каменныхъ орудій и кремневыхъ осколковъ съ слѣдами обработки, но эти слѣды каменнаго вѣка не изъ могильника, а изъ песчаной дюны, на которой онъ воздвигнутъ.

У подошвы дюны, на всемъ ея протяженіи, попадаются въ пескѣ обдѣланные и необдѣланные кремни. Они встрѣчаются и подлѣ самаго могильника, но опять таки не въ немъ, а въ пескѣ, вымытомъ изъ дюны. Крестьяне собираютъ ихъ и продаютъ, руководясь спросомъ, за найденные въ могильникѣ. Необходимость строгаго разграниченія этихъ памятниковъ каменнаго вѣка отъ древностей могильника выясняется уже изъ того, что первые встрѣчаются въ пескѣ дюны совмѣстно съ характерными обломками глиняной посуды, не имѣющей ничего общаго съ глиняной посудой могильника. На основаніи этихъ данныхъ я считаю позволительнымъ остановиться на слѣдующемъ предположеніи:

1. Песчаная дюна, почти сплошь затопляемая высокими весенними разливами, могла служить, въ періодъ предшествующій возникновенію могильника, мѣстомъ временныхъ стоянокъ человѣка каменнаго вѣка.

2. Дюна эта съ своими своеобразными бытовыми памятниками представляетъ, повидимому, нѣкоторую аналогію съ песчаными дюнами Оки, обслѣдованными гр. Уваровымъ и членами Каз. Арх. Общества г.г. Кротовымъ и Высоцкимъ. Аналогія эта подкрѣпляется и тѣмъ, что въ Ананьинской дюнѣ попадаются и костяныя орудія, доказательствомъ чего служатъ костяная стрѣлка и обломокъ шила, входящіе въ составъ собранной мною коллекціи.

Но говоря о необходимости строгаго разграниченія памятниковъ дюны и могильника, я не отрицаю и не могу отрицать, что и послѣднему присущи слѣды каменнаго вѣка. Въ описанной выше главной могилѣ (G) открыты мною двѣ кремневыя стрѣлки, характерное положеніе которыхъ въ одномъ горизонтѣ съ прочими бронзовыми, серебряными и желѣзными вещами не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что они входили въ составъ погребальнаго обряда. Такимъ образомъ и является возможнымъ утверждать, что эти двѣ стрѣлки есть единственныя каменныя орудія, которыя несомнѣнно принадлежали человѣку, погребенному въ Ананьин-

скомъ могильникѣ. Только онѣ и могутъ быть вводимы въ кругъ сужденій объ этомъ древнемъ памятникѣ.

3. Системы погребенія въ Ананьинскомъ могильникѣ. Нашими раскопками подтверждается уже замѣченный ранѣе фактъ разнообразія въ системахъ погребенія Ананьинскаго могильника, но при этомъ въ деталяхъ получается во многихъ отношеніяхъ существенная разница съ наблюденіями Алабина.

a) По его словамъ, костяки въ могильникѣ положены преимущественно головой на сѣверъ, ногами на югъ, но во всѣхъ могилахъ нашей раскопки погребеніе располагается въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Въ виду этой существенной разницы считаю возможнымъ допустить, что наблюденія Алабина производились глазомѣрно, безъ помощи компаса. Это представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что бывшіе Алабинскіе рабочіе во время нашихъ раскопокъ впервые видѣли примѣненіе компаса къ опредѣленію направленія погребеній и даже такъ увѣровали въ него, что относительный успѣхъ нашихъ изысканій приписывали ему почти исключительно. „Онъ, братъ, покажетъ—толковали они межъ собою и, дойдя до выпуклой поверхности плотной темно-сѣрой земли, говорили: „ну-ко, клади-ко штучку-то... какъ-бы зря въ сторону не заѣхать“...

Если-же признать, что указанная неточность дѣйствительно могла имѣть мѣсто, то вмѣстѣ съ тѣмъ придется установить тотъ фактъ, что погребеніе въ Ананьинскомъ могильникѣ располагалось вообще отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Что-же касается замѣченныхъ Алабинымъ трехъ отступленій (два погребенія въ обратномъ порядкѣ и одно вдоль могильника, ногами на западъ), то сужденіе о нихъ умѣстнѣе будетъ тогда, когда обнаружены будутъ другіе подобные варіанты.

b) Изъ наблюденій Алабина и анализа, сдѣланнаго на основаніи ихъ Невоструевымъ, выясняются три формы погребенія въ Ананьинѣ: съ трупосожженіемъ, безъ трупосожженія

и частичное, предполагающее предварительное разсѣченіе трупа.

Всѣ эти три формы наблюдались и вовремя нашей раскопки, но съ нѣкоторыми особенностями, вызывающими необходимость дополненій къ характеристикѣ Алабина.

Преобладающей формой у Алабина указывается трупосожженіе. „Мертвецы здѣсь погребенные—говоритъ онъ объ Ананьинскомъ могильникѣ — принадлежали къ народу, въ обычаѣ котораго было трупосожженіе". Наличность трупосожженія онъ признаетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ могилахъ не обнаружено было сожженныхъ костей, но находились „будто пережженная земля" и горшечки, наполненные изсѣра-черной землею, „какъ будто смѣшанной съ золою и перегорѣвшимъ человѣческимъ прахомъ„. Алабинъ на основаніи этихъ шаткихъ данныхъ рисуетъ даже цѣлую картину. Трупосожженіе въ Ананьинѣ производилось, по его словамъ, въ особыхъ, обложенныхъ камнями валахъ; „положеніе костяковъ въ курганѣ показываетъ, что по совершеніи обряда трупосожиганія выбирались изъ костра кости сожженнаго и укладывались по рисунку обыкновеннаго человѣческаго скелета. По сохранившимся остаткамъ скелетовъ видно, что изъ костра вынимались только черепъ да нѣсколько большихъ костей отъ рукъ и ногъ, остальныя-же обращались въ пепелъ и часть этого пепла собиралась въ горшечекъ, зарывавшійся съ покойникомъ; въ этомъ горшкѣ иногда находились захваченныя съ пепломъ и неперегорѣвшія мелкія кости".

Къ сожалѣнію, эта картина недостаточно обставлена и представляется поэтому произвольной. Наши раскопки также не говорятъ въ ея пользу. Они указываютъ только одну, судя по украшеніямъ, женскую могилу (Н), гдѣ совершенно опредѣленно констатируется обрядъ сожженія трупа на кострѣ. Что касается „обложенныхъ камнями валовъ", то они имѣли совсѣмъ иное назначеніе: поясомъ каменныхъ плитъ обкладывалось не мѣсто сожженія трупа, а самая могила; горшеч-

ки-же наполнены не пепломъ, а подобно черепамъ тою именно землею, какая соотвѣтствуетъ горизонту могилы: въ нижнемъ-дюннымъ пескомъ, въ среднемъ—сѣровато-темной землей, а въ верхнемъ—жирнымъ черноземомъ.

Въ шести случаяхъ мы наблюдали полное погребеніе трупа безъ малѣйшихъ слѣдовъ сожженія. Но кости отъ времени находились въ состояніи такого разрушенія что представляли рыхлую массу, до которой почти невозможно было прикоснуться. Зачиститъ могилу и подготовивъ ее для снятія рисунка, мы оставляли кости на нѣсколько часовъ нетронутыми. Окрѣпнувъ на воздухѣ, онѣ хотя и твердѣли, но при выниманіи распадались на части, такъ что изъ череповъ намъ удалось сохранить въ достаточно полномъ видѣ только одинъ, а другіе — только въ болѣе или менѣе существенныхъ частяхъ. Если при вскрытіи подобныхъ могилъ, нѣкоторыхъ мелкихъ костей и не хватало, то это объясняется тѣмъ, что онѣ совершенно разрушились, оставивъ въ почвѣ едва замѣтный слѣдъ.

Невоструевъ, встрѣтивъ у Алабина указаніе на обнаруженіе въ нѣкоторыхъ могилахъ или одного только черепа безъ прочихъ костей, или наоборотъ цѣлаго костяка безъ черепа, констатировалъ въ Ананьинскомъ могильникѣ слѣды такъ называемаго частичнаго погребенія встрѣченнаго и въ другомъ извѣстномъ могильникѣ переходной эпохи отъ бронзы къ желѣзу, а именно въ Гальштадтскомъ, въ Австріи, гдѣ въ 13 случаяхъ изъ 993 открыто было положеніе въ могилу не полнаго трупа, а отдѣльныхъ несожженныхъ костей. Составитель изслѣдованія объ этомъ могильникѣ замѣчаетъ между прочимъ, что „подобное погребеніе, возможное исключительно при разсѣченіи трупа, до такой степени представлялось страннымъ, что только послѣ самыхъ тщательныхъ изысканій признано было за достовѣрный фактъ, подтверждаемый также и тѣмъ, что варварскій обычай разсѣченія трупа умершаго на части сохранился отчасти до историческихъ временъ“.

Наши раскопки совершенно подтверждаютъ мнѣніе Нево-

струева: мы наблюдали частичное погребеніе въ четырехъ вышеописанныхъ могилахъ D, B, C и G. Если обнаруженіе въ могилахъ или однѣхъ только костей нижнихъ конечностей, или черепа съ правой плечевой костью, или небольшого отрѣзка черепной чашки и челюсти, и можетъ еще оставлять нѣкоторую тѣнь сомнѣнія, то погребеніе въ могилахъ B и C человѣческихъ зубовъ, помѣщенныхъ въ берестянныхъ футлярахъ, устраняетъ всякую возможность объяснять частичность погребенія въ Ананьинскомъ могильникѣ какою-либо случайностью.

Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что, обнаруживъ въ могилахъ футляры изъ бересты и видя, что береста обратилась въ совершенно рыхлую массу, мы не рѣшились вскрывать ихъ на мѣстѣ, желая сколько возможно сохранить отъ разрушенія. Снявъ рисунокъ съ наружной формы ихъ, мы давали имъ отлежаться на воздухѣ, а затѣмъ уже вечеромъ, когда нужно было уходить въ деревню, подрѣзавъ сниву землю, осторожно поднимали на лопаткахъ и на носилкахъ доставляли на квартиру. Когда береста успѣвала отвердѣть, мы осторожно приподнимали ея верхній пластъ, чтобы хотя отчасти познакомиться съ содержаніемъ футляровъ. Оказалось, что каждый изъ нихъ состоялъ изъ деревянной подстилки (доски), обратившейся въ гнилушку, на которую положены различные предметы и сверху прикрыты кускомъ бересты, которая по окраинамъ слилась съ деревянной подстилкой, образовавъ нѣчто въ родѣ футляровъ продолговатой, округленной или многоугольной формы. Дальнѣйшее вскрытіе этихъ футляровъ мы производили уже въ помѣщеніи музея Общества, при чемъ и обнаружено было ихъ содержимое. Въ такомъ видѣ они и доселѣ хранятся въ витринахъ музея: на сгнившей деревянной подстилкѣ лежатъ на своихъ мѣстахъ вещи, а сверху или рядомъ—и покрышки изъ бересты.

Оставляя, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, открытымъ вопросъ о томъ, сопровождался-ли обрядъ частичнаго погребенія сожженіемъ остальныхъ частей трупа, можемъ замѣтить

только слѣдующее: погребенныя части не имѣютъ слѣдовъ горѣнія, но около зубовъ въ футлярахъ наблюдается присутствіе небольшаго количества пепла, а въ могилѣ G подъ свертком изъ бересты находится скипѣвшаяся масса желтовато-бураго цвѣта, въ которой замѣчаются перегорѣлыя кости.

c) По наблюденіямъ Алабина и анализу Невоструева, погребеніе въ Ананьинѣ происходило или „на голой, твердой и, очевидно, пережженной землѣ", или „въ рыхломъ или твердомъ обожженномъ черноземѣ"; нѣкоторые, „вѣроятно, особенно знатные и богатые, были положены на особенныхъ нарочито устроенныхъ изъ обгорѣлыхъ бревенъ могильныхъ одрахъ или каменныхъ ложахъ; другія костяки, или вѣрнѣе отдѣльныя головы — на каменныхъ плитахъ, одинъ костякъ положенъ былъ на камнѣ и какъ бы обложенъ камнями".

Эти наблюденія находятся въ большемъ или меньшемъ противорѣчіи съ фактами нашей раскопки. Одна изъ нашихъ могилъ (G) была углублена въ материкъ дюны на одинъ футъ, прочія расположены или на ея поверхности, или въ разныхъ горизонтахъ черноземной насыпи. Обожженной земли, какъ подстилки въ могилахъ, не наблюдалось. „Могильный одръ изъ обгорѣлыхъ бревенъ" или проще сказать костеръ, на которомъ лежалъ совершенно перегорѣлый костякъ, констатированъ былъ только въ одномъ случаѣ. Каменныхъ одровъ или отдѣльныхъ плитъ, на которыхъ размѣщались черепа, мы также не видѣли. Но въ двухъ могилахъ, въ горизонтѣ погребенія, находилось 4 симметрично расположенныя плиты по двѣ въ головахъ и въ ногахъ. Въ двухъ другихъ могилахъ за черепомъ находилась наклонно положенная плитка, образовывавшая какъ-бы изголовье. Обложеніе могилъ камнями мы наблюдали въ двухъ случаяхъ, при чемъ каменныя плиты располагались наклонно подъ угломъ въ 45°. Въ двухъ случаяхъ надъ горизонтомъ погребенія было прикрытіе изъ сгнившихъ бревенъ, въ трехъ—изъ пласта углей и золы, и въ одномъ—каменная лодка, опиравшаяся на сгнившія доски.

Не входя, за неимѣніемъ данныхъ, въ разсмотрѣніе вопроса — были-ли особенности, замѣченныя Алабинымъ варіантами мѣстнаго погребенія, или результатами недостаточной точности его наблюденій, и предполагая, что пробѣлы настоящаго очерка будутъ восполнены фотографіями альбома и каталогомъ, которымъ предполагается его снабдить, я позволю себѣ въ заключеніе остановиться еще на слѣдующихъ данныхъ.

1) Изъ вещей, добытыхъ раскопками 1881 года особенное вниманіе обращаютъ на себя три серебряныя спирали, серебряный шейный жгутъ, обломки деревянной вещицы, бронзовый коническій наконечникъ, бронзов. бляшка съ звѣриной головкой и глиняный сосудъ съ изображеніемъ животныхъ, напоминающихъ лошадей.

2) При разсмотрѣніи могилъ, бросается въ глаза тотъ фактъ, что погребеніе безъ трупосожженія и съ трупосожженіемъ сопровождается довольно простой и бѣдной обстановкой; напротивъ, погребеніе частичное—болѣе сложной и богатой.

3) Изъ всѣхъ могилъ, вскрытыхъ нами, наиболѣе выдѣляется могила G. Врытая въ самый материкъ дюны, окруженная двумя полусводами плитъ и прикрытая каменной ладьеобразной кладкой, она имѣла надъ собою болѣе значительную насыпь и надъ нею именно, по разсказу мѣстныхъ крестьянъ, найденъ былъ тотъ камень съ изображеніемъ человѣка, который посчастливилось пріобрѣсти въ Ананьинѣ Невоструеву. Значеніе этой могилы увеличивается еще тѣмъ, что обстановка ея позволяетъ до извѣстной степени установить вопросъ объ эпохѣ могильника, не смотря на разнообразіе обнаруженныхъ въ ней предметовъ, относящихся къ разнымъ періодамъ (кремневыя стрѣлки, бронзовыя, серебряныя и желѣзныя вещи). Рѣшительное преобладаніе желѣзныхъ вещей надъ бронзовыми и желѣзная сѣкира съ бронзовой рукояткой въ значительной степени подрываютъ мнѣніе Невоструева о принадлежности могильника не „къ концу бронзоваго вѣка, а ко времени преобладанія бронзы“ и побуждаютъ

склониться въ пользу предположенія Аспелина, т. е. отнести могильникъ именно къ „концу бронзоваго вѣка и первымъ временамъ желѣзнаго на берегу Камы“.

Попытки установить болѣе точную хронологію и народность могильника не отличаются опредѣленностью. Въ виду этого о нихъ не представляется необходимости и говорить. Въ особомъ рефератѣ объ Ананьинскомъ могильникѣ, доложенномъ въ годичномъ собраніи Казан. Арх. Общества весною 1882 года, я уже проводилъ мысль о трудности, при наличности современныхъ свѣдѣній по археологіи Сибири и вост. полосы Европ. Россіи, задаваться широкими обобщеніями относительно этого памятника. Съ тѣхъ поръ сумма свѣдѣній измѣнилась сравнительно немного. Частичныя сближенія, основанныя на двухъ-трехъ фактахъ, конечно, возможны, но они не даютъ тождества. Настоящій очеркъ посвященъ исключительно установленію фактическихъ данныхъ о могильникѣ и въ немъ не можетъ быть мѣста для сближеній. Въ послѣдующихъ главахъ „Матеріаловъ“, собранныхъ мною для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжскаго края, мнѣ не разъ еще придется говорить объ Ананьинскомъ могильникѣ и о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между нимъ и другими мѣстными памятниками бронзовой эпохи.

П. Пономаревъ.

Хроника.

МУЗЕИ ВОСТОЧНОЙ РОССІИ ВЪ 1891 Г.

МУЗЕЙ УРАЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГѢ.

Описаніе музея дѣлается на основаніи скудныхъ данныхъ, которыя нашлись въ «Запискахъ» Общества за годы 1888—1889. Редакція обращалась къ хранителю музея съ просьбой доставить каталогъ археологическаго и этнографическаго отдѣловъ, но не получила никакого отвѣта.

Этнографическій отдѣлъ музея, образовался послѣ выставки изъ предметовъ, пожертвованныхъ Обществу экспонентами. На коллекціи по этому предмету слѣдуетъ смотрѣть, только какъ на зачатки будущаго, можетъ быть, очень значительнаго отдѣла. Въ Пермской губерніи насчитывается до 12 инородческихъ племенъ.

Въ настоящее время Общество имѣетъ:

предметовъ быта Пермяковъ	160
Вогулъ	88
Остяковъ	75
Черемисъ	87
Башкиръ	71
Самоѣдъ	25
Дунганъ	81
Киргизъ	19
Бурятъ	13
Якутъ	18
Тунгусовъ	1
Китайцевъ	12
Костюмъ русской женщины XVIII вѣка	5
Фотографическихъ снимковъ по этнографіи	97
Всего	751

Археологическій отдѣлъ получилъ въ 1888 г. самое значительное приращеніе—какъ по количеству экземпляровъ, такъ и по тому высокому интересу, который они представляютъ. Изъ нихъ первое мѣсто, безспорно, занимаетъ коллекція доисторическихъ предметовъ, поступившихъ отъ графа А. А. Стенбокъ-Фермора и найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ дачи Верхъ-Исетскихъ заводовъ. Затѣмъ слѣдуетъ коллекція черепковъ глиняной посуды изъ д. Палкиной съ описаніемъ, поступившая отъ Общества секретаря О. Е. Клера и находки, добытыя препараторомъ Общества А. И. Гаккелемъ въ 1888-мъ году и состоящія изъ глиняныхъ черепковъ, каменныхъ кремневыхъ орудій и т. п. предметовъ. Собраніе этихъ предметовъ еще не разработано, но представляетъ значительный интересъ для дополненія уже сдѣланныхъ открытій о существованіи доисторическаго человѣка на Уралѣ.

Коллекціи по археологіи раздѣлены на предметы по археологіи доисторической и на старинныя вещи и предметы.

Общество имѣетъ по доисторической археологіи

Коллекцію, состоящую изъ глиняныхъ горшковъ, черепковъ, каменныхъ и костяныхъ орудій, деревянныхъ веселъ и т. п. предметовъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Верхъ-Исетской дачи при добыванія золота и пожертвованныхъ въ музей, какъ упомянуто выше, графомъ А. А. Стенбокъ-Ферморъ. Коллекція эта не разработана 38

Коллекціи черепковъ и разныя орудія каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, поступившія отъ гг. Клера, Малахова, Ѳеплоуxова, Зырянова, Чердынской управы, Гебауэра и другихъ лицъ 706

Черепки глиняные безъ орнамента 16 и обломковъ костей 2. Изъ городища на р. Балдѣ, около дер. Малая Балда 18

Черепки безъ орнамента, найденные на берегу р. Исети, около заимки Злоказова, близь г. Екатеринбурга, на мысу ближе къ городу. 8

Черепки безъ орнаментовъ, найденные въ Сухомъ Логу близь берега р. Пышмы 11

Предметы, найденные А. И. Гаккелемъ въ первый разъ на Карасьемъ озерѣ, близь дер. Колюшкиной: черепковъ съ орнаментомъ 375, тоже безъ орнамента 1050. Форма для отливки по всей вѣроятности бронзы 1. Каменныхъ орудій болѣе крупныхъ 1, разныхъ мелкихъ предметовъ изъ камня 4, бронзовая пластинка 1, кибасьевъ глиняныхъ 27 (изъ нихъ 5 цѣльныхъ), разныхъ каменныхъ орудій и кремней 103. Всего. 1562

Предметы, найденные А. И. Гаккелемъ въ первый разъ у Карасьяго озера, въ 12 верстахъ отъ г. Екатеринбурга. Глиняныхъ черепковъ съ орнаментомъ и безъ него 365, осколковъ камней 18, кремней, орудій изъ нихъ и хорошо обработанныхъ стрѣлъ 295. Издѣлій изъ глины 9. 687

Черепковъ глиняной посуды съ узорами и безъ нихъ, собранныхъ А. И. Гаккелемъ въ дер. Палкиной 130, кремней 93 223

Остатокъ горна, служившаго вѣроятно для выплавки мѣди, найденный А. И. Гаккелемъ близь дер. Шабры, всѣ эти четыре коллекціи неразработаны 10

Старинныхъ вещей	22
Фотографическихъ снимковъ съ разныхъ археологическихъ вещей.	16
Снимковъ съ камней съ историческими надписями.	20
Всего.	3321

По антропологіи и краніологіи.

Череповъ изъ раскопокъ башкирскихъ могилъ	25
Разныхъ другихъ череповъ	2
Патологическихъ препаратовъ	11
Частей скелетовъ изъ раскопокъ башкирскихъ могилъ.	500
Фотографическихъ снимковъ типовъ народностей.	27
Всего	515

За лѣтніе мѣсяцы 1889 г. поступило въ музей

Большихъ камней со слѣдами обработки рукою человѣка . .	7	экв
Кремневыхъ и каменныхъ орудій	22	»
Кремней и камней со слѣдами обдѣлки.	24	»
Глиняныхъ вещей	11	»
Мѣдныхъ вещей.	2	»
Желѣзное колечко.	1	»
Мѣдный крючекъ рыболовный и мѣдное грузило. Добыты при промывкѣ золотоносныхъ песковъ на Березовскихъ промыслахъ . . .	2	шт.

Коллекція предметовъ, относящихся къ доисторической эпохѣ, съ городища, въ 3 верстахъ отъ желѣзнодорожнаго полотна и въ 6 верстахъ отъ ст. Исеть:

Желѣзныхъ предметовъ	1	»
Мѣдныхъ	3	»
Каменныхъ	1	»
Кусковъ костей.	21	»
Глиняныхъ черепковъ	53	»

Коллекція кремневыхъ орудій, глиняныхъ черепковъ съ береговъ озера Таватуй, въ 3 верстахъ отъ Тараскова:

Каменныхъ и кремневыхъ орудій.	42	»
Черепковъ глиняныхъ	120	»

Коллекція кремневыхъ орудій, костей и глиняныхъ черепковъ съ острововъ и береговъ Исетскаго озера, 1/4 вер. отъ ст. Исеть, съ острововъ Ельничнаго, Листвянаго и Соловковъ:

Кремневыхъ и каменныхъ вещей	18	»
Кусковъ костей	4	»
Глиняныхъ черепковъ.	83	»

Коллекція кремневыхъ и каменныхъ предметовъ и глиняныхъ черепковъ съ береговъ оз. Шитовскаго, въ 18 вер. отъ оз. Исетскаго:

Кремневыхъ и каменныхъ предметовъ.	14	»
Глиняныхъ черепковъ	48	»

По этнографіи—предметы быта Вогулъ:

1. Модель чума.
2. Модель юрты.
3. Модель лодки.
4. Стругъ.
5. Лось изъ дерева.
6. Медвѣдь изъ печенаго хлѣба.
7. Лось изъ печенаго хлѣба.
8. Самка оленя изъ печенаго хлѣба.
9. Самецъ оленя изъ печенаго хлѣба.
10. Люлька дѣтская.
11. Одежда малютки изъ оленьей шкуры при люлькѣ.
12. Одѣяло изъ оленьей шкуры при люлькѣ.
13. Подушка при люлькѣ.
14. Кисетъ для табаку изъ лапы лебедя.
15. Малица.
16. Совикъ.
17. Слонъ изъ печенаго хлѣба. Модель съ серебрянаго Остяковъ.

МУЗЕЙ ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЯ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Коллекціи Музея занимаютъ двѣ комнаты въ верхнемъ этажѣ главнаго корпуса. Не отличаясь богатствомъ и законченностью, онѣ все же представляютъ собою существенное пособіе для изученія мѣстной этнографіи — въ особенности инородческихъ племенъ. Одно изъ первыхъ по значенію мѣстъ въ ряду этихъ коллекцій занимаютъ фотографіи волжскихъ инородцевъ—Черемисъ горныхъ и луговыхъ, Чувашъ верховыхъ и низовыхъ, Вотяковъ-Ватка и Калмезовъ, Пермяковъ, Мордвы-Мокши и Татаръ. Общее число фотографій Музея Отечествовѣдѣнія доходитъ до 250. Фотографіи раздѣляются на два основныхъ разряда. Первый можно назвать антропологическимъ. Сюда относятся поясные снимки въ фасъ и профиль, имѣющіе цѣлью дать понятіе о типѣ лица — формѣ носа, губъ и т. д. Второй, гораздо болѣе обширный отдѣлъ, составляютъ фотографіи, иллюстрирующія бытъ инородцевъ — сюда относятся общіе виды деревень, виды деревенскихъ улицъ, водоемовъ, домовъ, гуменъ, овиновъ, пчельниковъ, сѣноваловъ, клѣтей, отдѣльныя части построекъ — крыльца, двери, окна. Разсматривая этотъ отдѣлъ, посѣтитель музея имѣетъ прежде всего возможность ознакомиться съ исторіей развитія инородческаго жилища. Начиная съ коническаго овина, который является остовомъ былого чума, переходя черезъ курную избу съ открытымъ ходомъ (пермяцкая изба), инородецъ постепенно доходитъ до русскаго дома, идеалъ котораго имѣется тутъ-же въ видѣ модели дома, какой строятъ раскольники-бѣгуны, къ дому съ крытымъ крыльцомъ, сѣнями и т. д. Обозрѣніе

жилищъ дастъ посѣтителю первую мѣрку культурности отдѣльныхъ инородческихъ племенъ. Низшую ступень развитія представляютъ постройки пермяковъ, за ними слѣдуетъ чувашскія, вотяцкія и наконецъ горно-черемисскія. Въ послѣднихъ посѣтитель встрѣчаетъ знакомыя рѣзныя ворота съ двускатной крышей, окна съ рѣзными наличниками. Все это заимствовано черемисами у русскихъ и носитъ печать заимствованія въ самыхъ названіяхъ — «русскія ворота», «русское окно». Снимки съ двускатныхъ воротъ, сдѣланные въ горно-черемисскихъ деревняхъ, являются не только показателями русскаго вліянія на черемисъ; мы знакомимся по нимъ съ вліяніемъ церковной архитектуры на крестьянскую въ обл.сти орнамента. Далѣе слѣдуютъ фотографіи, относящіяся непосредственно къ быту инородцевъ. Мы видимъ инородческую женщину за мятьемъ конопли, очищеніемъ коноплянныхъ волоконъ отъ костриги, колоченіемъ холста, вышиваніемъ, за пряжей шерсти и тканьемъ, за колоченіемъ сукна, обвареннаго горячей водой (чтобы сдѣлать ткань болѣе плотной), мужчинъ за кустарными промыслами и домашними работами. Здѣсь-же фигурируютъ и первобытныя орудія труда: мельница-ступа и деревянные жерновки съ наколоченными чугунными полосками, деревянная борона, до сихъ поръ сохранившаяся въ употребленіи у инородцевъ. За фотографіями, относящимися къ обыденной трудовой жизни, мы видимъ другія, которыя знакомятъ насъ съ исключительными, важнѣйшими моментами жизни—напр. съ чувашской свадьбой, съ остатками языческой старины чувашъ и черемисъ: напольнымъ моленіемъ предъ началомъ пашни. Есть фотографіи, которыя ведутъ насъ на чувашское кладбище и знакомятъ съ переживаніями древняго языческаго погребальнаго обряда, съ обычаемъ пермяковъ провожать покойника на саняхъ даже лѣтомъ.

За фотографіями слѣдуетъ коллекція инородческой посуды — издѣлія вотяковъ, пермяковъ, черемисъ и чувашъ. Посуда рѣзко различается на орнаментированную и неорнаментированную: первая принадлежитъ вотякамъ и пермякамъ, вторая черемисамъ и чувашамъ, другими словами—инородцамъ, входившимъ въ составъ бывшаго Булгарскаго царства. Въ болѣе тонкихъ издѣліяхъ этого типа обращаетъ на себя вниманіе сходство ихъ формъ съ формами древнихъ русскихъ металлическихъ издѣлій того-же назначенія (большіе ковши). На образцахъ этой же неорнаментированной посуды, пользуясь сосѣдними фотографіями, мы можемъ ознакомиться съ исторіей развитія нѣкоторыхъ формъ утвари. Сопоставивши издѣлія черемисъ и чувашъ, мы замѣчаемъ, что мотивы орнамента разграничены Волгой: на С. отъ Волги, въ области луговыхъ и вятскихъ черемисъ ручка ковша украшается обыкновенно фигурой медвѣдя или птицы; на Ю., въ области чувашъ и горныхъ черемисъ— фигурой коня. Ковши съ коньками на ручкѣ оказываются поразительно сходными у чувашъ и черемисъ. Это какъ будто произведенія одного народа, разнообразящіяся въ мелочахъ по деревнямъ и семьямъ.

Собраніе инородческихъ головныхъ уборовъ заключаетъ въ себѣ черемисскіе, мордовскіе, чувашскіе, пермяцкіе, вотяцкіе и татарскіе головные уборы. При всемъ кажущемся разнообразіи, они распадаются на три главныхъ группы: къ первой относятся уборы съ коническимъ верхомъ — тюрики, къ

второй сороки или кокошники, къ третьей шапочки, убранныя бисеромъ и монетами. Мы имѣемъ здѣсь возможность наблюдать исторію развитія основныхъ формъ приволжскаго головнаго убора. Первообразомъ тюрика является кусокъ ткани, перегнутый пополамъ и сшитый съ одного конца. Въ своей простѣйшей формѣ этотъ головной уборъ удержался у зырянъ и называется «накомарникомъ», такъ какъ защищаетъ щеки и шею отъ укусовъ комаровъ.

Головныя, шейныя, грудныя и поясныя украшенія инородцевъ Волжско-Камскаго края, предлагая обильный матеріалъ, относящійся къ вышиванью, даютъ возможность различить основные типы орнамента по народностямъ. Сравнивая узоры на остяцко-вогульскихъ берестяныхъ издѣліяхъ и одеждахъ, на пермяцкихъ головныхъ уборахъ и опоясках, на щитахъ съ вотяцкими и черемисскими вышивками, мы находимъ, что въ отношеніи орнаментальныхъ мотивовъ всѣ восточные финны распадаются на три группы. Первую группу составляютъ пермяки, вогулы и остяки. Пермяки перенесли на ткацкія работы орнаментальные мотивы, выработанные въ пору, когда они одѣвались въ звѣриныя шкуры (что такая пора у пермяковъ была, свидѣтельствуетъ языкъ). Вторую группу въ области орнамента представляютъ собою вотяки. Въ отличіе отъ пермяцкаго вотяцкій орнаментъ имѣетъ ясно выраженный геометрическій характеръ: мы видимъ различнымъ образомъ скомбинированные треугольники и многоугольники. Черемисскій орнаментъ выдѣляется изъ другихъ финскихъ и богатствомъ мотивовъ и ихъ сравнительной оригинальностью. Начелыши «сорокъ» Яранскаго и Ветлужскаго уѣздовъ, покрыты довольно отчетливо выполненнымъ звѣринымъ орнаментомъ: на одномъ начелышѣ представлены два животныхъ, симметрично расположенныхъ по бокамъ дерева, на другомъ два животныхъ съ птицей надъ каждымъ. Рядомъ имѣютъ мѣсто образцы растительнаго орнамента. Всматриваясь въ черемисскія и чувашскія вышивки, мы открываемъ въ нихъ такъ же, какъ и въ посудѣ, замѣчательное тождество мотивовъ. Вышивки черемисокъ Козмодемьянскаго уѣзда оказываются совершенно однородными по мотивамъ съ чувашскими изъ того-же уѣзда; это совпаденіе наблюдается и внѣ Козмодемьянскаго уѣзда въ пограничныхъ черемисскихъ селеніяхъ Царевококшайскаго. Вышивки низовыхъ чувашекъ въ свою очередь оказываются иногда черта въ черту тожественными съ вышивками черемисокъ заволжной, противолежащей стороны. Это сходство техники и мотивовъ говоритъ о культурномъ взаимодѣйствіи сосѣднихъ, но не родственныхъ народовъ. Помимо своего происхожденія и сходства съ чувашскимъ, черемисскій орнаментъ обнаруживаетъ еще одну любопытную черту: отдѣльные мотивы оказываются замѣчательно близкими къ мотивамъ чудскихъ бронзовыхъ издѣлій: рисунокъ, изображающій животное съ парящей надъ нимъ птицей, поразительно напоминаетъ бронзовую группу, находящуюся въ коллекціи Ѳ. А. Теплоухова. Чувашскія вышивки даютъ возможность указать лишній признакъ, обособляющій верховыхъ чувашъ (живутъ въ Козмодемьянскомъ, Ядринскомъ и части Чебоксарскаго уѣзда — на З. отъ р. Цивиля) отъ низовыхъ (живутъ главнымъ образомъ въ Чебоксарскомъ и Цивильскомъ уѣздахъ). Объединяясь между собою отсутствіемъ звѣринаго орнамента — въ отличіе отъ черемисскихъ—узоры верховыхъ и низовыхъ чу-

вашъ различаются во всемъ остальномъ. У низовыхъ чувашъ мы видимъ тяготѣніе къ растительному орнаменту — цвѣтамъ; верховые разрабатываютъ почти исключительно геометрическій орнаментъ.

Шейныя и грудныя украшенія заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ, интересный, помимо своего бытоваго значенія, и съ точки зрѣнія культурно-исторической: здѣсь мы еще разъ наталкиваемся на фактъ культурнаго взаимодѣйствія тюркскаго и финскаго міра. Среди черемисскихъ украшеній заимствованіемъ у тюрковъ представляется перевязь черезъ плечо (ши—аршашъ). Мы видимъ ее въ витринѣ съ чувашскими украшеніями и въ витринѣ, заключающей въ себѣ принадлежности женскаго башкирскаго костюма. Здѣсь она является въ видѣ ленты, унизанной серебряными деньгами съ подушечкой, въ которой зашита молитва. Витрины съ шейными и грудными украшеніями заключаютъ въ себѣ матеріалъ не для однихъ только сужденій о взаимодѣйствіи приволжскихъ тюрковъ и финновъ. Мы находимъ въ нихъ и такія вещи, которыя позволяютъ установить связь между современными инородцами волжско-камскаго края и тѣми исчезнувшими поколѣніями, могилы которыхъ даютъ матеріалъ для археологическихъ коллекцій.

Звеномъ, соединяющимъ современныя инородческія вещи съ древними чудскими и мерянскими являются вещи, извлеченныя изъ инородческихъ могилъ—вотяцкихъ, черемисскихъ, мордовскихъ (эрзянскихъ и мокшанскихъ). Вещи эти добыты по большей части членами Общества Естествоиспытателей—гг. Маліевымъ, Стояновымъ, Чугуновымъ и составляютъ собственность этого Общества.

Коллекція инородческихъ одеждъ заключаетъ въ себѣ костюмъ мордвы-терюханъ Нижегородской губерніи—послѣдній признакъ народности, по формамъ тожественный съ эрзянскимъ, костюмъ Мещеряковъ, народности, которая, говоря, подобно терюханамъ, по русски, тѣмъ не менѣе сама обособляетъ себя отъ русскихъ, старинныя одежды крещеныхъ татаръ также, какъ религія и зародыши искусства, обособляющія ихъ отъ татаръ-мусульманъ. Онѣ сдѣланы изъ бѣлаго холста и расшиты, подобно чувашскимъ и черемисскимъ, шелкомъ.

Небольшая коллекція стариннаго черемисскаго вооруженія даетъ понятіе о томъ, какое оружіе употреблялось приволжскими звѣроловами еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Особеннаго вниманія заслуживаютъ стрѣлы съ костяными наконечниками, употреблявшіяся одновременно съ стрѣлами, у которыхъ наконечники уже желѣзные, берестяный колчанъ одного рода съ тѣмъ, который обнаруженъ недавно С. К. Кузнецовымъ въ древнихъ могильникахъ близъ Томска. Коллекціи, иллюстрирующія бытъ приволжскихъ инородцевъ заканчиваются предметами, относящимися къ вѣрованіямъ и культу. Здѣсь имѣютъ мѣсто рисунки карандашемъ, изображающіе моленіе и сдѣланные черемисиномъ, лыко, которое обагряется первой струей крови жертвеннаго животнаго и которымъ опоясывается священное дерево, вотяцкій «воршудный» коробъ—коробъ, въ которомъ хранятся жертвы домовому божеству, а иногда помѣщается и изображеніе этого божества—разбитыя чашки, деревянныя корытца, грубые горшки и нѣчто въ видѣ деревянной кирки знако-

мящія насъ съ особенностями погребенія и воззрѣній на загробную жизнь у инородцевъ края.

Средне-Азіатская коллекція Галеева содержитъ образцы бухарскаго вооруженія; мы видимъ народъ, который еще пользуется сѣкирой, лукомъ, стрѣлами, прикрываетъ себѣ грудь броней или желѣзнымъ нагрудникомъ. Но у этого народа мы встрѣчаемъ уже мысль о возможности пользоваться давленіемъ воздуха для выбрасыванья бьющихъ снарядовъ. Въ коллекціи имѣется сдѣланный изъ жилъ длинный стволъ, изъ котораго охотникомъ выдувается въ цѣль глиняный шарикъ—снарядъ, который является первообразомъ ружья. Бѣднѣе другихъ отдѣловъ музея Русскій: въ него входятъ фотографіи, дающія понятіе о типѣ русскаго населенія расположившагося съ XVII в. среди низовыхъ чувашъ въ окрестностяхъ Маріинскаго Посада (Чебок. у. Каз. г.), модели сѣверно-русскаго дома, фотографіи, знакомящія съ формами народной архитектуры Нижегородской, Вятской и Костромской губерніи, перенесенными на З. Казанской губерніи, манекенъ г. Нелидовой, дающій понятіе о костюмѣ, который носился въ Казанской губерніи въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка, женскій костюмъ Вятской губерніи, 2 женскихъ костюма Нижегородской губерніи и нѣсколько образцовъ головныхъ женскихъ уборовъ изъ губерній Казанской, Вятской, Нижегородской, Симбирской и Пензенской. Между русскими вещами заслуживаетъ исключительнаго вниманія расшитый шелкомъ кокошникъ Казанской губерніи. Это единственный въ музеѣ и отсутствующій въ богатыхъ собраніяхъ русскихъ головныхъ уборовъ Москвы (Историческій и Дашковскій Музеи) образецъ русскаго шитаго шелкомъ гоголовнаго убора и звено, соединяющее инородческія шитыя шелкомъ и шерстью сороки съ шитыми золотомъ, мишурой, бисеромъ, жемчугомъ, русскими кокошниками*). Въ послѣднее время русскій отдѣлъ обогатился цѣнными пожертвованіями Н. Л. Шабельской — принадлежностями женскаго костюма Тульской и Рязанской губерній, кружевами, вышивками.

И. Смирновъ.

МУЗЕЙ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Музей расположенъ въ небольшомъ помѣщеніи въ зданіи университета. Въ составъ его входятъ коллекціи, принадлежащія Обществу А. И. Э., антропологическіе и археологическіе предметы принадлежащіе Обществу Естествоиспытателей и Геологическому Кабинету Университета. Въ общемъ музей представляетъ довольно полно археологическія особенности Казанской и прилегающихъ къ ней губерній.

*) Подробности см. въ нашей брошюрѣ: «Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ».

Каменный вѣкъ представленъ очень полно. Палеолитическій періодъ представленъ слѣпками и подлинными орудіями, происходящими изъ разныхъ мѣстъ Франціи, неолитическій—орудіями, оружіемъ и разными предметами домашняго быта изъ свайныхъ построекъ Швейцаріи. Отдѣлъ неолитическихъ орудій заключаетъ въ себѣ обширную коллекцію (около 1500 экз.) предметовъ, найденныхъ въ губерніяхъ Казанской, Вятской, Нижегородской, Пермской и др. Большая часть этой коллекціи принадлежитъ геологическому кабинету. Одни предметы куплены у разныхъ лицъ, другіе собраны въ мѣстахъ поселеній и стоянокъ каменнаго вѣка по обоимъ берегамъ Волги въ сс. Мордовѣ, Карташихѣ и пр.

Бронзовый или мѣдный вѣкъ представленъ довольно значительнымъ собраніемъ отдѣльныхъ предметовъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Казанской и сосѣднихъ губерній. Наибольшій интересъ представляютъ въ этой коллекціи вещи, добытыя путемъ раскопокъ Ананьинскаго могильника — который относится къ концу бронзоваго вѣка. Къ этому-же періоду относятся древности Кавказа (Кобанъ и Кагабульти) принесенныя въ даръ Обществу графиней П. С. Уваровой.

Желѣзный вѣкъ, принадлежащій уже исторіи, представленъ въ музеѣ наиболѣе полно. На первомъ планѣ тутъ стоятъ древности булгаро-татарскія. Коллекціи ихъ собраны въ разныхъ городищахъ Казанской губерніи— преимущественно въ Болгарахъ и Билярскѣ. Главная масса этихъ вещей собрана путемъ отдѣльныхъ находокъ. Коллекція состоитъ болѣе, чѣмъ изъ 3000 предметовъ, не считая серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, которыхъ имѣется нѣсколько тысячъ. Кромѣ этой основной коллекціи болгаро-татарскихъ древностей можно еще указать на небольшое собраніе предметовъ той-же категоріи изъ Укека и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ. Весьма любопытны относящіяся къ этому-же времени коллекціи изъ могильниковъ Костромской губерніи, изъ костищъ и городищъ Пермской и Вятской—и аналогичныя коллекціи изъ костищъ около Сорочьихъ Горъ и Шурана въ предѣлахъ Казанской губерніи (на берегахъ р. Камы)*).

А. Штукенбергъ.

ЭКСКУРСІИ, РАСКОПКИ И СЛУЧАЙНЫЯ НАХОДКИ.

Раскопка «четырехугольника» въ с. Болгарахъ.—9—17 іюня сего года въ Болгарахъ происходили на средства Императорской Археологической Коммиссіи раскопка развалинъ такъ называемаго четырехугольника. Задача раскопокъ состояла въ томъ, чтобы обнаружить планъ и остатки зданія, погребеннаго подъ грудой мусора. Раскопки велись коммиссіей, въ составъ которой входили члены Общества Н. А. Ѳирсовъ, И. А. Износковъ,

*) Съ подробностями читатели могутъ ознакомиться изъ каталога коллекцій, который начнется печатаніемъ въ ближайшихъ №№ «Извѣстій».

Ѳ. Г. Мищенко и И. Н. Смирновъ, и привели къ довольно существеннымъ результатамъ: освобождена параллельная улицѣ стѣна зданія—длиною около 15 саж., вышиной до 1 саж.—съ двумя выступами въ видѣ крылецъ, расчищена вся внутренняя площадь четырехугольника, расчлененная рядами базъ отъ поднимавшихся надъ ней колоннъ, выяснено отношеніе башенъ къ зданію. Подробности будутъ сообщены въ слѣдующей книжкѣ «Извѣстій».

Новѣйшая экскурсія къ Вотякамъ. Въ половинѣ іюня вернулся изъ восьми-мѣсячной экскурсіи къ Вотякамъ магистръ Гельсингфорскаго Университета Г. Вихманъ. Экскурсантъ собралъ матеріалы для вотяцкаго словаря, собраніе пѣсенъ и загадокъ и любопытныя детали относительно быта Вотяковъ.

Матеріалы.

А) АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

Памятники татарской старины въ дачѣ села Сюкеева Тетюшскаго уѣзда.

Въ дачѣ села Сюкеева Тетюшскаго у. Казанской губ. находится урочище, называемое «Татарскимъ жилищемъ». Это жилище расположено въ 3-хъ верстахъ отъ села на юговостокъ, вь 2-хъ верстахъ отъ р. Волги, въ 16 верстахъ отъ мѣста древняго Булгара. Жилище лежитъ на совершенно ровномъ мѣстѣ и занимаетъ площадь, до 500 десятинъ земли, а вовсе не на мысу, межлу двухъ глубокихъ суходоловъ, какъ напечатано о немъ у Мельникова и валами съ двухъ сторонъ вовсе не ограждается. Татарское жилище занимало не менѣе половины квадратной версты земли; въ этомъ убѣждаютъ насъ разбросанные на такомъ пространствѣ черепки глиняной посуды — нѣкоторые съ такими орнаментами, которые встрѣчаются и на посудѣ древняго Булгара; убѣждаютъ въ томъ же и известковые камни, выломанные изъ сосѣднихъ приволжскихъ горъ для фундаментовъ домовъ и разбросанные на томъ же пространствѣ, — затѣмъ также нахожденіе здѣсь мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ, золотыхъ и серебряныхъ колецъ, серебряныхъ браслетъ и одного экземпляра серебряной гривны. По опредѣленію нѣкоторыхъ мѣдныхъ монетъ, сдѣланномъ бывшимъ членомъ Императорскаго Казанскаго Общества А. И. и Э. В. К. Савельевымъ, оказалось, что между ними были монеты и Хызръ-Хана 762 года (1384 г. по Р. Хр.). Тутъ-же имѣется другой городокъ, который былъ мнѣ указанъ техникомъ сюкеевскаго сѣрнаго завода Н. Р. Шишкинымъ. Здѣсь также были находимы вмѣстѣ съ другими монетами и монеты Хызръ-Хана. Этотъ послѣдній городокъ находится въ 5 верстахъ отъ с. Сюкеева, на юговостокъ, въ 2-хъ верстахъ отъ описаннаго жилища и въ 200 саж. отъ р. Волги, на высотѣ 100 саж. надъ уровнемъ ея, на разстояніи 12 верстъ отъ древняго Булгара.

Площадь жилища по формѣ приближается къ квадрату, гдѣ каждая сторона достигаетъ 250 саж.; а площадь городка представляется въ видѣ фигуры, близкой къ трапеціи, гдѣ западная сторона городка равняется 28 саж., сѣверо-восточная — 22 саж., сѣверо-западная — 37 саж. и юго-занадная — 16½ саж.

Городокъ имѣетъ ровъ и валъ лишь съ сѣверо-запада, а съ остальныхъ сторонъ его укрѣпленій не существовало, да въ нихъ не было и надобности, такъ какъ со всѣхъ остальныхъ сторонъ городка спускается внизъ гора на протяженіи около 150 саженъ подъ угломъ не менѣе 80°. Высота сохранившагося вала составляетъ $1^1/_2$ саж., ширина его 3 саж., глубина рва 2 саж. Валъ къ площади городка примыкаетъ плотно съ сѣверо-восточной стороны. Ровъ идетъ параллельно валу и, по окончаніи его, тотчасъ же спускается своими обоими концами внизъ. Въ срединѣ онъ шире, почти въ 2 раза, чѣмъ по краямъ. Въ городкѣ останавливаетъ на себѣ вниманіе круглый фундаментъ постройки съ діаметромъ въ 3 саж.; такого же размѣра ямы со слѣдами каменныхъ фундаментовъ. Фундаментъ одинъ сохранился вполнѣ хорошо, толщина его въ верхней части равняется аршину, а глубина ямы достигаетъ 1 сажени. Кургановъ около городища нѣтъ, но имѣются мазарки, т. е. кладбища. Послѣднія находятся въ $1^1/_2$ верстахъ отъ жилища, въ $3^1/_2$ верстахъ отъ городка и въ $1^1/_2$ верстахъ отъ села Сюкеева. Упомянутое кладбище во всякомъ случаѣ могло принадлежать жилищу, когда на немъ былъ городъ. По преданію крестьянъ с. Сюкеева, на упомянутомъ кладбищѣ болѣе никого не хоронятъ. Въ старое время, лѣтъ 250 тому назадъ въ с. Сюкеевѣ жили татары *) и имѣли свою мечеть. Около Сюкеева былъ значительный черный лѣсъ, за версту же отъ него, къ сѣверо-востоку, росъ крупный дубнякъ и мѣсто это называлось дубравой, то же названіе сохранилось за нимъ и теперь, хотя самой дубравы нынѣ нѣтъ и въ поминѣ; чернолѣсье также все вырублено и вся земля, бывшая подъ лѣсомъ, обращена въ пахатное поле. Основаніе с. Сюкеева мѣстными жителями приписывается татарину Сюкею, впервые поселившемуся со своимъ семействомъ на этомъ мѣстѣ.

Г. Глинскій, проживавшій въ с. Сюкеевѣ, воспользовался преданіемъ о находящемся вблизи жилища кладѣ и сталъ рыть землю. Преданіе оказалось отчасти справедливымъ, такъ какъ г. Глинскому удалось дѣйствительно найти костякъ человѣка, лежавшій подъ плитой, а черезъ 16 аршинъ послѣ него отверстіе и далѣе встрѣтить новую плиту. Около костяка, какъ сообщаютъ, найдено было нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Слѣдуетъ добавить, что, по словамъ г. Глинскаго, вторая плита до потолка вырытой пещеры не доходитъ; а потому, когда онъ влѣзалъ на верхъ плиты, то видѣлъ за ней куполообразный потолокъ съ отверстіемъ, прикрытый каменною плитою. При входѣ въ пещеру г. Глинскимъ найдено было въ разныхъ положеніяхъ нѣсколько человѣческихъ костяковъ. Земля въ пещерѣ оказалась мелкая и сухая, откуда г. Глинскій, принимая во вниманіе отверстіе куполообразнаго потолка, заключилъ, что земля въ пещеру насыпалась сверху горы, гдѣ было продѣлано отверстіе. Стѣны пещеры, полъ и потолокъ ея

*) Въ дачахъ с. Сюкеева и до сихъ поръ есть земля, находящаяся во владѣніи мурзъ древнихъ татарскихъ родовъ; мурзы эти живутъ теперь въ разныхъ татарскихъ деревняхъ Тетюшскаго уѣзда.

состоятъ изъ алебастра. Имъ же при дальнѣйшихъ развѣдкахъ найдена древняя купальня, высѣченная изъ камня.

Находками въ жилищѣ, какъ упомянуто выше, являются мѣдныя и серебряныя монеты, встрѣчавшіяся и въ городкѣ, золотыя и серебряныя кольца, серебряныя вещи и такіе же браслеты и экземпляръ древней гривны серебра. Монеты, по опредѣленію казанскаго нумизмата-практика В. К. Савальева, относились какъ къ періоду 1251 — 1259 г.г. съ именемъ Менгу-Каана—верховнаго, Берки-Хана, Менгу-Тимура-Хана, такъ и къ 1301, 1325 *), 1360 и 1384 г.г., гдѣ съ послѣднимъ годомъ монеты принадлежатъ Хызръ-Хану.

Много мѣдныхъ монетъ, найденныхъ крестьянами с. Сюкеева и ихъ дѣтьми, растеряно и только небольшая часть ихъ сдѣлалась достояніемъ музеевъ и попала въ руки людей науки; серебряныхъ монетъ нумизматы добыли еще меньше, такъ какъ значительное количество ихъ скупалось и скупается мѣстными серебряками и обращается въ слитки, а затѣмъ идетъ на различныя подѣлки, что является общимъ характеристическимъ условіемъ для всѣхъ находокъ, гдѣ бы онѣ не получались изъ благородныхъ металловъ; таже участь постигла и найденные на татарскомъ жилищѣ серебряные браслеты, золотыя и серебряныя кольца, а также древнюю серебряную гривну, которую, къ счастію, мнѣ удалось видѣть и срисовать. Гривна состояла изъ чистаго серебра и имѣла вѣсъ ровно 46 золотниковъ. Серебро мѣстами окислилось и почернѣло, но весьма незначительно; сплавлено оно совершенно безъ всякихъ примѣсей. Принимая во вниманіе, что гривны серебра въ древней Руси были въ большомъ ходу до XIV вѣка, а также имѣя въ виду нахожденіе въ городкахъ упомянутыхъ выше монетъ и останавливаясь на ихъ датѣ и другихъ перечисленныхъ находкахъ, мы можемъ съ твердой увѣренностью сказать, что существованіе городковъ должно быть отнесено не ранѣе, какъ къ XII вѣку, когда описываемая мѣстность была въ предѣлахъ Булгарскаго царства и господствующая народность, которой они принадлежали, были Чуваши, какъ главнѣйшая часть населенія Булгаріи. Русскія же древнія гривны серебра могли попасть въ ту мѣстность путемъ торговыхъ сношеній Булгаръ, или Чувашъ, съ Русскими.

Е. Соловьевъ.

Развалины каменнаго городища близь с. Рус. Канадея въ Сызранскомъ уѣздѣ.

Эти развалины, о которыхъ было высказано предположеніе, что онѣ составляютъ остатки нѣкогда бывшаго здѣсь Болгарскаго городка, разореннаго татарами [1]), находятся верстахъ въ 5 къ сѣверозападу отъ упомянутаго села

*) О монетахъ 1301 и 1325 г.г. сообщено было мною Казанскому Археологическому Обществу въ январѣ 1882 г.

[1]) См. с. Канадей въ Географич. Словарѣ Семенова.

по пути въ с. Головино и въ 1 верстѣ отъ праваго берега р. Сызранки и извѣстны на мѣстѣ подъ названіемъ «Чертова Городка». Онѣ расположены на горѣ и представляютъ въ настоящее время цѣлый небольшой холмъ каменной розсыпи очень плотной и заросшей травою; середину этого холма образуетъ впадина. Среди груды камней въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по окружности холма до сихъ поръ сохранились еще выступающіе наружу остатки стѣнъ или фундамента повидимому одного и того же зданія круглой формы. Эти стѣны состоятъ изъ явственно различимыхъ слоевъ плитъ темнокраснаго песчаника, длина которыхъ доходитъ иногда въ доступныхъ осмотру мѣстахъ до $3^1/_2$ арш. при ширинѣ въ $1^1/_2$ и болѣе арш. и толщинѣ до 8 верш. Судя по сохранившимся остаткамъ стѣнъ, діаметръ этого зданія имѣлъ въ основаніи около 10 саженъ. Въ ближайшей окрестности такого камня, какъ тотъ, изъ коего было построено это зданіе, не встрѣчается. Крестьяне с. Канадея издавна брали этотъ камень изъ городка для точилъ и даже жерноновъ; старожилы между ними помнятъ еще на южной сторонѣ городища стѣну вышиною болѣе сажени и входъ въ него съ сѣвера со стороны р. Сызранки. О находкахъ въ этихъ развалинахъ никакихъ преданій не сохранилось.

Въ разстояніи около 50 саж. отъ описаннаго городка находятся три холма въ видѣ кургановъ такой же величины, какъ и городокъ, но немного пониже его; они состоятъ изъ каменнаго щебня той же породы и уже повидимому не содержатъ въ себѣ слѣдовъ каменной кладки; они изрыты, такъ какъ камнемъ ихъ также пользовались мѣстные крестьяне. Два изъ нихъ находятся на западъ отъ главнаго городка въ разстояніи 50 саж. другъ отъ друга и одинъ на востокъ отъ него.

По народному преданію, впрочемъ очень смутному, два западные кургана также представляли каменныя постройки около описаннаго выше главнаго зданія. Теперь однакоже никакой существенной разницы между всѣми этими тремя курганами не замѣчается и по всей вѣроятности всѣ они вмѣстѣ съ главнымъ принимали участіе въ образованіи предполагаемаго Болгарскаго городка.

Ѳ. Ѳ. Чекалинъ.

Рождественскій курганъ и прилегающія къ нему мѣстности.

Рождественскій курганъ находится въ $^3/_4$ версты отъ деревни Дятловой, въ $1^1/_2$ верстахъ отъ села Рождествена и полуверстѣ отъ большой лаишевской дороги, на правомъ берегу р. Меши. Такъ какъ «курганъ» съ давняго времени подвергается разрушенію полой водой, то въ настоящее время остается отъ него небольшая часть представляющая собою отсѣченный край конуса, обращенный вертикальною стороною къ обрыву рѣки. Сохранившая часть его имѣетъ въ основаніи около 20 арш., высоту отъ вершины гребня по обрыву до глинистаго подпочвеннаго слоя до 4 арш. Въ «курганѣ» съ обрывистой сто-

роны его подъ самымъ гребнемъ видны слѣды двухъ четыреугольниковъ по формѣ похожихъ на могильныя ямы, подъ которыми въ низу обрыва образовалась отлогая осыпь; отъ нея рѣка отходитъ ежегодно далѣе и далѣе, оставляя наносъ песку, саж. на 15 внизъ по рѣкѣ. Въ отвѣсномъ берегѣ, при ежегодномъ его размываніи полой водой обнаруживаются съ верху въ глубину правильныя четырсхъугольныя ямы, наполненныя черноземной массой и рѣзко выдѣляющіяся своимъ очертаніемъ въ глинистомъ слоѣ; количество этихъ ямъ, принимаемыхъ нѣкоторыми за древне-татарскія могилы, отъ опусканіи берега въ воду, ежегодно мѣняется. Лѣтомъ 1887 г. ихъ насчитывалось до 20; разстояніе ихъ одна отъ другой не равномѣрно: иногда онѣ являются группами по 3, 4, 5 вмѣстѣ, иногда по одиночкѣ,—то близко, то на значительномъ разстояніи; какъ ширина, такъ и глубина ихъ также различны: отъ 2 до 4 арш. сверху до низу и отъ $1^1/_2$ до 3 по длинѣ берега. При раскопкѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ ямъ въ наполнявшемъ ихъ черноземѣ, я находилъ: золу, уголь, куски сгнившаго дерева, красные и черные глиняные посудные черепки, кости различныхъ животныхъ, между прочимъ, кости лошади, собаки, и изрѣдка — человѣческія. Все это находится въ разрозненности, по всему углубленію; костяковъ же въ цѣломъ своемъ видѣ находить не удавалось. Къ культурнымъ остаткамъ древняго народа, населявшаго эту мѣстность, относятся находки, иногда попадающія въ береговыхъ отвалахъ—мѣдныя, желѣзныя вещи и глиняная посуда. Въ 1887 г. мои розысканія обнаружили и находки серебра. Обнаруженіе мѣстныхъ находокъ зависитъ отъ обваловъ берега и относится (хотя не исключительно) къ весеннему времени (до спада полой воды). Разсказываютъ случай появленія здѣсь послѣ обвала въ берегѣ какой то большой металлической посудины, которая, прежде чѣмъ видѣвшіе имѣли возможность достать ее, опустилась съ новымъ обваломъ въ рѣку. 26 мая 1887 г. я проѣзжалъ здѣсь въ лодкѣ съ двумя рождественскими учениками. Мы держались близь самаго берега, внимательно разсматривая, выходящую тогда день отъ дня болѣе, береговую осыпь и всматриваясь у края ея въ воду; на откосѣ этой осыпи у воды, между глиняными камнями, въ разстояніи саженъ 50 отъ «кургана», мы увидѣли бѣлѣвшійся металлическій предметъ; вышедши изъ лодки, я выдернулъ его за край изъ расплывшейся черноземной массы, и это оказался витой металлическій кругъ съ погремушками; затѣмъ въ двухъ шагахъ выше я поднялъ браслетъ, кольцо и набралъ еще нѣсколько кусочковъ металла; сдѣлавши тутъ, совмѣстно съ учениками, небольшую раскопку, мы нашли еще нѣсколько такихъ же металлическихъ кусочковъ. Найденные предметы оказались серебряными (за исключеніемъ браслета, который, какъ видно, не изъ чистаго металла); первыя три вещи, весьма вѣроятно, принадлежали къ женскому украшенію: 1) ожерелье, въ видѣ круга, свито изъ трехъ серебряныхъ жгутовъ въ двѣ проволоки, скованныхъ къ концамъ въ одну, застегивается сверху двумя загибами; по срединѣ жгутовъ, на тонкихъ цѣпочкахъ въ 1 вершокъ длины, висятъ подвѣсы-бубенчики похожіе по формѣ и величинѣ на желуди, внутри которыхъ находятся маленькіе металлическія жеребеечки; такихъ погремушекъ въ цѣлости оказалось 20, но смотря по находящимся еще цѣпочкамъ безъ подвѣсокъ, ихъ было

больше. Кругъ этотъ имѣетъ 32 дюйма по окружности и вѣситъ 68 золотниковъ; 2) браслетъ свитъ также изъ 6 проволокъ, скованныхъ на концахъ лопатками, но по сравненію съ ожерельемъ, другаго образца завивки; 3) перстень средней величины довольно сношенный и истертый, на кружкѣ котораго вмѣсто камня видны слѣды, повидимому, арабской надписи; 4) серебряные кусочки, которыхъ оказалось не много болѣе фунта (въ томъ числѣ еще добытые мною раскопкой въ другія поѣздки) имѣютъ различную величину и по вѣсу отъ $^1/_2$ золотника до $^1/_8$ фунта; всѣ они рублены жеребейками и, смотря по большимъ кускамъ, серебро это было въ формѣ трубокъ или желобковъ. Противъ полосы этихъ находокъ въ стѣнѣ берега сверху видны 3 четыреугольника описанныхъ выше ямъ; изъ которыхъ отъ одной оставались едва замѣтные слѣды и послѣдняя приходилась какъ разъ надъ мѣстомъ находокъ, почему можно предположить, что они свалились изъ этой ямы. Въ это же время саженъ на 40 ниже того мѣста, у самой воды, среди также расплывшагося чернозема, я поднялъ человѣческій черепъ, не подалеку отъ его—2 тазовыя кости и нѣсколько другихъ; всѣ они были, повидимому, отъ одного костяка, вѣроятно, вымытаго также изъ обваловъ. Около мѣстонахожденія упомянутыхъ мною находокъ одинъ ученикъ нашелъ еще глиняную посудину, края которой немного выступали изъ размытой осыпи, а самая посудина была въ землѣ и наполнена иломъ; по формѣ она похожа на горшечекъ, съ 4 ушками, судя по которымъ, становится загадочнымъ опредѣлить ея назначеніе. По разсказамъ мѣстныхъ жителей о «рождественскомъ курганѣ» лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ «курганъ» сохранялъ свою полную вышину, поднимаясь саженъ на 5 вверхъ; на вершинѣ его было небольшое углубленіе; стороны его были настолько круты, что едва можно было туда взобраться. Въ одно время, много лѣтъ тому назадъ, осыпавшійся у кургана берегъ, обнаружилъ углубленіе внутри земли на подобіе печи, гдѣ было найдено много глиняной посуды, которая, къ сожалѣнію, до нынѣ ни у кого не сохранилась. Осыпающійся берегъ съ ямами тогда былъ отъ большой дороги въ разстояніи полуверсты (нынѣ средина дуги берега находится саженъ на 5 отъ телеграфнаго столба) ямъ показывалось въ берегѣ больше, чѣмъ нынѣ, но вообще количество ихъ послѣ каждогодныхъ разрушеній мѣнялось. Утверждаютъ, что давно когда-то здѣсь жили татары, которые куда-то убрались. Весною 1887 г. мнѣ удалось здѣсь не въ далекѣ изслѣдовать еще одну интересную въ археологическомъ отношеніи мѣстность, также по р. Мешѣ, въ полуверстѣ по прямому направленію вверхъ отъ «кургана», на одной съ нимъ сторонѣ. Мѣстность эта представляетъ низменную луговую впадину близь дер. Дятловой и Пановой. Среди этой впадины есть возвышенный полукругъ, имѣющій длину дуги около версты одинъ конецъ этой дуги сходитъ въ Мешу, а другой—на луговую низменность. Говорятъ въ старину этотъ полукругъ окружала канава съ насыпью, а нынѣ мѣсто это распахано подъ посѣвы хлѣбовъ и слѣды канавы изгладились, но осталось замѣтнымъ возвышеніе, ограничивающее этотъ полукругъ; на нижнемъ концѣ его (по рѣкѣ) въ разрушающимся берегѣ, высота котораго здѣсь отъ $1^1/_2$ до 2 саж., видны такія-же четыреугольныя ямы, какъ и близь кургана; здѣсь подъ обрывомъ и въ самыхъ ямахъ я нашелъ человѣческія кости. По разсказамъ дятловскихъ крестьянъ, таковыя кости

попадаются здѣсь всегда послѣ половодья, нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ крестьянинъ здѣсь въ берегѣ нашелъ два мѣдныхъ котла, а разъ на самомъ возвышеніи, окружающимъ эту впадину, у д. Дятловой, при рытьѣ ямы для овина былъ найденъ цѣлый костякъ; далѣе по отлогому скату той же возвышенности при распашкѣ земли иногда находятъ человѣческія кости.

П. Яковлевъ.

Кубашевское городище около Царевосанчурска.

Это городище называется мѣстными жителями Борокъ и расположено недалеко отъ дд. Кубашевой и Шуи, въ 1 верс. къ югу отъ царевосанчурско-ветлужскаго тракта и въ 3—5 верс. отъ Царевосанчурска. А. А. Спицынъ въ своей статьѣ «Новыя свѣдѣнія по доисторической археологіи Вятскаго края» описываетъ это городища (стр. 18) подъ именемъ Кубашевскаго кургана, а въ статьѣ «Вещественные памятники древнѣйшихъ обитателей Вятскаго края» (стр. 3) относитъ его, подъ именемъ шуйскаго, къ особой группѣ городищъ, называемой имъ одо-лемами, вродѣ ернурскаго одо-лема. Впрочемъ, на стр. 30 «Новыхъ свѣдѣній» г. Спицынъ описываетъ подъ именемъ городища при д. Шуя, вѣроятно, это же кубашевское городище. Въ виду упомянутаго разногласія является необходимымъ заявить, что кубашевское городище есть дѣйствительно городище, какъ я убѣдился въ этомъ путемъ непосредственнаго осмотра его. Оно расположено на высокомъ коренномъ берегу Мамокши, около впаденія ея въ Б. Кокшагу. Этотъ берегъ сложенъ изъ пермскихъ сѣрыхъ и желто-бурыхъ песковъ и тянется крутымъ урѣзомъ съ ВСВ на ЗЮЗ, а въ сѣверо-южномъ направленіи эти высоты здѣсь прорѣзываются узкимъ и глубокимъ оврагомъ. Вслѣдствіе этого, при впаденіи указаннаго оврага въ долину Мамокши, образовался узкій и острый мысъ, который и занятъ городищемъ. Площадка его имѣетъ треугольную форму и вытянута съ СВ на ЮЗ. Съ сѣверо-востока это городище защищалось высокимъ валомъ, за которымъ находится не глубокій ровъ. Валъ сложнаго устройства и очень изрытъ кладоискателями и другими любителями. Въ составѣ его—масса песку, перемѣшаннаго съ углемъ, золой; тутъ же встрѣчаются обломки кирпичей На сколько мнѣ извѣстно, на этомъ городищѣ не было находимо никакихъ предметовъ, а циркулирующія въ народѣ преданія о немъ были сообщены уже г. Спицынымъ (Новыя свѣдѣнія, стр. 18 и 30).

Изъ вышеизложеннаго вытекаетъ, что кубашевское городище не имѣетъ ничего общаго съ ернурскимъ одо-лемомъ. Болѣе вѣроятно, что оно было передовымъ укрѣпленнымъ пунктомъ Царевосанчурска, расположеннаго недалеко отсюда, за широкой и замѣчательно плоской долиной Мамокши-Кокшаги. Но для полнаго уясненія характера этого городища необходимо тщательное собираніе на мѣстѣ различныхъ свѣдѣній о немъ, что принялъ на себя священникъ сосѣдняго села Галицкаго, членъ-сотрудникъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи А. Д. Жилинъ.

П. Кротовъ.

Библіографія.

Записки Уральскаго Общества Любителей Естествознанія. Т. XII, вып. 2. Т. XIII, вып. 1 (Екат. нед. 1892 г.).

Разсматриваемые выпуски «Записокъ» Урал. Общества содержатъ въ себѣ рядомъ съ протоколами нѣсколько статей по мѣстной археологіи и этнографіи. Таковы въ XII т. вып. 2 статьи А. А. Дмитріева «Народное творчество въ Билимбаевскомъ заводѣ Екатеринбургскаго уѣзда Пермской губерніи» (по матеріаламъ П. А. Шилкова), И. Г. Остроумова «Резюмэ реферата о Вогулахъ», его-же «Курганы восточной части Ирбитскаго уѣзда Пермской г.». Д. П. Никольскаго «О раскопкахъ древнихъ Башкирскихъ могилъ въ Екатеринб. у.» и въ приложеніяхъ сообщеніе С. М. Сергѣева о поѣздкахъ лѣтомъ 1889 г. на «Чертово городище» и озеро Исетское, Шитовское и Таватуйское, Въ невышедшемъ еще отдѣльно 1-мъ вып. XIII т. помѣщены статьи М. Е. Соловьева «Начало горнаго промысла на Уралѣ» (Ек. Нед. 1891, № 8, 10, 13), г. Копалова «Памятники старины въ Киргизской степи» (ibid. № 13, 14), переводъ статьи Соммье «Fra i Baskiri» (№ 14, 16, 18, 21), А. А. Дмитріева «Народное творчество въ дер. Косой Бродъ Екат. у.» (№ 21, 28, 30), отчетъ о лѣтней экскурсіи С. И. Сергѣева. На статьи А. А. Дмитріева обратитъ, несомнѣнно, вниманіе состоящая при Имп. Р. Геогр. Обществѣ коммиссію по изданію русскихъ народныхъ пѣсенъ. Мы остановимся въ своей замѣткѣ лишь на сообщеніяхъ гг. Остроумова, Сергѣева и Соловьева.

По адресу г. Остроумова можно высказать сожалѣніе, что онъ напечаталъ только резюмэ своего интереснаго реферата. Судя по этому резюмэ, онъ серьезно приступилъ къ изслѣдованію Вогуловъ—пересмотрѣлъ литературу и составилъ (первая часть реферата), на основаніи ея цѣльный и повидимому интересный очеркъ первобытной жизни этого инородческаго племени и причинъ его постепеннаго исчезновенія по слѣдующей программѣ: происхожденіе вогулъ, географическое положеніе занимаемаго ими пространства, краткій историческій очеркъ жизни племени, внѣшній видъ вогулъ, характеръ, жилища, одежда, домашняя обстановка, пища, занятія и промыслы, заключеніе браковъ, похороны, религія, общественность, мѣропріятія правительства къ обрусѣнію вогулъ, неблагопріятныя условія жизни бродячихъ вогулъ, число

вогулъ и условія ихъ жизни въ настоящее время. Вторая часть, реферата посвященная критическому обзору обширной литературы о вогулахъ, констатируетъ въ ней много существенныхъ пробѣловъ. Такъ, наприм., до сихъ поръ нѣтъ болѣе или менѣе достаточнаго количества чисто антропологическаго (особенно краніологическаго) матеріала объ этомъ племени, а также и данныхъ объ его языкѣ. Нѣтъ также въ данный моментъ болѣе или менѣе основательной возможности опредѣлить, какое отношеніе вогульское племя имѣетъ къ остяцкому и не составляютъ ли они одно и тоже племя, говорящее только разными нарѣчіями? По крайней мѣрѣ, такъ называемыхъ, ляпинскихъ остяковъ нужно, по всей справедливости, причислить тоже къ вогуламъ—манси.

Далѣе г. О. не нашелъ строго точныхъ указаній, въ какихъ пунктахъ, напр., Верхотурскаго уѣзда жили и живутъ вогулы? Имѣющіеся разнообразные источники для этого вполнѣ противорѣчивы и не даютъ возможности съ увѣренностью назвать всѣ чисто вогульскія поселенія и т. п.

До сихъ поръ нѣтъ правильно составленной карты, на которой были-бы показаны мѣста обитанія вогулъ — какъ прежде, такъ и теперь; имѣющаяся въ музеѣ Уральскаго Общества этнографическая карта Пермской губерніи, спеціально составленная г. Вологодскимъ по даннымъ литературы, земскихъ управъ и врачей, далеко неудовлетворительна въ отношеніи указанія на мѣста жительства вогулъ.

Вторая статья г. Остроумова сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія объ Ирбитскихъ курганахъ дачи Ницинскаго завода. Курганы расположены среди воздѣлывающихся пахатныхъ земель, за исключеніемъ двухъ; послѣдніе не только находятся въ лѣсу, но даже на нихъ самихъ ростутъ сосновыя и березовыя деревья, лѣтъ 70—80-ти. Курганы разной величины: меньшій имѣетъ саженъ 8 въ діаметрѣ основанія, а большій до 20 с. Съ внѣшней стороны курганы представляютъ изъ себя усѣченный конусъ, съ отлогими ребрами, съ конусообразнымъ углубленіемъ на вершинѣ. Такія-же углубленія, но меньшихъ размѣровъ, находятся еще на нѣсколькихъ сторонахъ кургана ближе къ основанію. Всѣ курганы покрыты сплошнымъ толстымъ слоемъ дерна и, повидимому, нетронуты никакими раскопками.

Въ первый разъ раскопки одного изъ кургановъ,—самого меньшаго по размѣрамъ,—были произведены въ 1888 году, владѣльцемъ Ницинскаго винокуреннаго завода, г. В—мъ. Раскопанъ былъ курганъ первоначально одной траншеей насквозь, безъ соблюденія всякихъ научныхъ требованій и предосторожностей, столь необходимыхъ при археологическихъ раскопкахъ вообще. По словамъ г. В., результатомъ этихъ раскопокъ были слѣдующія находки: подъ воронкой, образовавшейся на верхушкѣ кургана, былъ найденъ хорошо сохранившійся человѣческій черепъ, съ нижней челюстью и зубами; при внимательномъ осмотрѣ его, въ наружномъ слуховомъ отверстіи оказалась, вѣроятно, сережка, представляющая изъ себя очень маленькую золотую, четырехъ-угольную пластинку, съ двумя дырочками на одной изъ сторонъ, при чемъ въ одной дырочкѣ сохранилось колечко; на пластинкѣ находится грубое, какъ-бы нацарапанное чѣмъ-то твердымъ, изображеніе не то животнаго, не то

птицы. Далѣе среди земли попадались плохо сохранившіяся мелкія кости, желѣзная вещь, напоминающая по формѣ какъ-бы остатки коробки, нѣсколько глиняныхъ черепковъ. На уровнѣ окружающей почвы обнаружилась могила, въ которой оказался хорошо сохранившійся большой кусокъ дерева (повидимому, сосны)—остатокъ не то столба, не то сруба.

Раскопки г. О. были начаты 1889 г. 23 мая, при чемъ въ этотъ день были найдены подъ дерномъ, на западномъ склонѣ кургана, среди мелкихъ угольковъ, небольшой кусокъ желѣза неопредѣленнаго значенія, по формѣ подходящій къ продолговатому четырехъ-угольнику, одинъ край котораго съ ясно замѣтною выемкой; вскорѣ послѣ этого попался небольшой кусочекъ перегорѣлой кости; еще нѣсколько глубже попался маленькій глиняный черепокъ съ многочисленными крапинами изъ слюды; западнѣе всѣхъ этихъ находокъ показались въ значительномъ количествѣ древесные угли, довольно крупные, перемѣшанные съ землей; на глубинѣ втораго аршина попались еще два черепка такого же вида, какъ и первый; угли начали попадаться все въ большемъ количествѣ и съ меньшей примѣсью земли, пока, наконецъ, на глубинѣ, почти соотвѣтствующей уровню окружающей курганъ почвы, изъ нихъ не образовался цѣлый, совершенно свободный отъ всѣхъ примѣсей, угольный слой въ двѣ четверти толщины и три ширины, въ формѣ полукруга, причемъ встрѣчались очень крупные куски и даже какъ бы непрогорѣлое дерево, отчасти подвергшееся гніенію. Среди этого угля вынуты два небольшихъ куска желѣза; они плохо сохранили свою форму, но все же безъ особеннаго риска ихъ можно счесть остатками наконечниковъ копій. Затѣмъ въ слоѣ, находящемся прямо подъ конусообразнымъ углубленіемъ, т. е. на глубинѣ 3-хъ аршинъ, среди углей, перемѣшанныхъ съ землей, попались двѣ косточки, несомнѣнно черепныя (ясно замѣтенъ черепной шовъ); за ними еще двѣ, опредѣлить которыя затруднительно.

При раскопкахъ (24 мая) восточной траншеи, сейчасъ подъ дерномъ найденъ продолговатый кусокъ желѣза, имѣвшій, вѣроятно, назначеніе служить какимъ-либо рѣжущимъ орудіемъ или оружіемъ.

25 мая, въ третій и послѣдній день раскопокъ, обѣ части траншеи были соединены на уровнѣ сажени отъ вершины кургана, при чемъ съ обѣихъ сторонъ оказались расположенные параллельно съ N на S, пласты угля и древесины, плохо прогорѣвшей. Подъ ними находился овальный слой красной глины сильно затвердѣвшей, точно прокаленной; большихъ усилій стоило пробить его; но снимать этотъ слой не пришлось, такъ какъ онъ уже лежалъ на нетронутой почвѣ и подпочвѣ той площади, на которой расположились курганы. Нетронутой-же оказалась почва и на разстояніи отъ упомянутаго слоя глины до краевъ кургана, т. е. до восточной и западной оконечностей траншеи. Оставалось поэтому только разрыть небольшое пространство, которое находилось въ центрѣ кургана между указанными параллельными глиняными слоями. При дальнѣйшихъ раскопкахъ оказалось, что красная глина, составляющая подпочву всей дачи Ницинскаго завода, образуетъ подъ курганомъ какъ бы овальной формы дно довольно обширной ямы. Съ этого глиняного пола была снята вся земля, и въ ней найдено 20 разныхъ крупныхъ и мел-

кихъ костей, одни изъ которыхъ вполнѣ сохранились, а другія только полуразрушены, въ силу чего ихъ можно безошибочно опредѣлить. Когда все содержимое могилы, представляющей изъ себя яму въ аршинъ глубины и пять аршинъ ширины, было вынуто, то оказалось, что обнаружены вполнѣ лишь три ея стороны, четвертая-же, сѣверная, осталась не откопанной, въ силу чего оказалось необходимымъ прорыть вторую траншею съ N на S.

Всѣ до одной изъ найденныхъ въ могилѣ костей различны и лежали, повидимому, безъ всякаго порядка; удалось только замѣтить, что ножныя кости лежали южнѣе ручныхъ.

Громадное количество угля, мѣстами нетронутаго — въ однихъ слояхъ и присутствіе пепла въ другихъ, — несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что въ указанныхъ мѣстахъ горѣли костры, громадные по величинѣ, прокалявшіе землю настолько, что она пріобрѣтала твердость, подобную утрамбованной. Устройство подъ кострами ямъ или могилъ, отсутствіе какихъ бы то ни было костей въ томъ курганѣ, гдѣ замѣчено полное сгораніе, и обиліе ихъ въ курганѣ съ непрогорѣвшими углями даютъ нѣкоторую возможность предположить, что тутъ на кострахъ сжигались человѣческіе трупы. Поэтому-же, можетъ быть, кости и найдены нами на днѣ ямы, лежащими въ полномъ безпорядкѣ, но соотвѣтственно угольнымъ слоямъ, т. е. чѣмъ ниже лежала кость, тѣмъ она болѣе сохранилась, чѣмъ выше надъ почвой, гдѣ было сильнѣйшее сгораніе, тѣмъ менѣе сохранилась. Вмѣстѣ съ трупами своихъ близкихъ или начальниковъ, древніе аборигены этой мѣстности, вѣроятно, сжигали и болѣе любимыхъ ими или чтимыхъ почему-либо животныхъ, домашнюю утварь и оружіе, чѣмъ можно было бы легко объяснить присутствіе среди человѣческихъ костей костей животныхъ, остатковъ желѣзныхъ и глиняныхъ вещей, труднѣе поддающихся дѣйствію огня и разрушительной силѣ времени.

Отчетъ г. Сергѣева содержитъ любопытныя данныя относительно «Чертова Городища» близь станціи Исетъ: куча черепковъ и костей лежала на поверхности темно-сѣраго песка, подъ тонкимъ слоемъ котораго находилась глина. Проѣзжая 18-ти верстнымъ протокомъ, соединяющимъ озера «Исетское» и «Шитовское» г. Сергѣевъ имѣлъ случай узнать отъ старика-сторожа, что отцы и дѣды, посѣщая эти мѣста для выжига угля, находили у подножія горъ совершенно круглыя ямы, неизвѣстно съ какою цѣлью сдѣланныя. Впослѣдствіи, когда стали строить проселочную дорогу въ этихъ мѣстахъ, то брали землю и песокъ изъ этихъ ямъ и находили человѣческія кости, узорчатые черепки, каменныя орудія и пр., которыя вновь бросали въ ямы и закапывали. Онъ предложилъ пройти по дорогѣ и посмотрѣть эти ямы, которыхъ много между подножіемъ горъ и дорогой. Горы эти образуютъ долину рѣки Черной, текущей, по показанію старика, на протяженіи 30 верстъ, въ Исетское озеро. Г. С. принялъ предложеніе и вскорѣ дошелъ до высокой горы съ пологимъ скатомъ, покрытымъ каменными плитами и рѣдкимъ сосновымъ лѣсомъ. У подошвы горы, у самой дороги, оказались двѣ круглыя ямы, не вдалекѣ другъ отъ друга найдены на дорогѣ граненые кремневые осколки.

На Исетскомъ озерѣ, на кругломъ островѣ, поднимающемся въ серединѣ его, и на сосѣднихъ островахъ г. Сергѣевъ нашелъ нѣсколько череп-

ковъ. На озерѣ «Шитовскомъ» у пристанищъ онъ собралъ небольшую коллекцію глиняныхъ черепковъ и кремневыхъ подѣлокъ. Современный человѣкъ построился тамъ, гдѣ были остатки прежнихъ временъ, перерылъ этотъ слой земли и растопталъ и разбросалъ то, что сберегалось вѣками. Весь берегъ Таватуйскаго озера исхоженъ г. С. пѣшкомъ и на поверхности песка онъ находилъ во множествѣ глиняные черепки кремневыя подѣлки и осколки въ бухтахъ 3—4 у истока рч. Витильной на югозападномъ берегу озера и на противоположной сторонѣ нѣсколькихъ бухтъ на сѣв. западѣ и на сѣв. востокѣ.

Путемъ опыта г. С. дошелъ, что искать черепки и кремневые осколки и подѣлки надо въ мѣстности, удовлетворяющей слѣдующимъ условіямъ: во первыхъ, берега должны состоять изъ каменныхъ глыбъ, во вторыхъ должны омываться водою непосредственно и, въ третьихъ, чтобы берегъ не былъ-бы покрытъ растительнымъ слоемъ, состоя изъ песку. Тогда весеннимъ или осеннимъ половодіемъ эти глиняные черепки и кремневыя подѣлки вымываются изъ подъ почвы или изъ разсѣлинъ каменныхъ глыбъ и появляются на поверхности; часто они находятся у корней сосенъ, доставляющихъ временныя преграды движенію поверхностныхъ водъ.

Въ статьѣ г. Соловьева заключается сводъ извѣстныхъ уже данныхъ о древнихъ мѣдныхъ копяхъ на Уралѣ. Г. Копыловъ сообщаетъ рядомъ съ данными о степныхъ могилахъ любопытныя извѣстія о древнихъ мѣдныхъ рудникахъ въ Киргизской степи (въ уѣздахъ Каркаралинскомъ, Павлодарскомъ, Семипалатинской и отчасти Акмолинской областяхъ»). Съ большой достовѣрностью можно сказать, говоритъ онъ, что чудь добывала только однѣ мѣдныя руды, пренебрегая при этомъ находившимися у нихъ подъ руками серебросвинцовыми. Самымъ главнымъ доказательствомъ этого служитъ Кызылъ-Эспинскій разрѣзъ: чудью онъ былъ выработанъ до 5 саж., на каковой глубинѣ нынѣшними работами нашли серебросвинцовую руду въ видѣ бѣлой свинцовой, свинцоваго блеска, но часть штока была заполнена самородною мѣдью и мѣднымъ блескомъ. Имѣя въ виду, что книзу эти руды исчезли, и руководствуясь примѣрами другихъ рудниковъ степи, гдѣ въ верхнихъ горизонтахъ жилы заполнены мѣдными рудами, про Кызылъ-Эспу можно сказать, что чудь вынимала одну мѣдь. Къ тому-же найденные шлаки верстахъ въ 20 на западъ указываютъ на мѣдную плавку. Далѣе въ той-же мѣстности есть много ямъ, при осмотрѣ которыхъ не замѣчено признаковъ ни свинца ни серебра, а только лишь мѣдь. Другіе рудники, какъ напр. Рождественскій, точно также чудь работала только на мѣдь, серебросвинцовыя же руды остались нетронутыми.

О способѣ и орудіяхъ выработки многаго сказать нельзя. При расчисткѣ Кызылъ-Эспинскаго разрѣза, какъ говорятъ, были находимы каменныя орудія.

Количество работъ въ краѣ позволяетъ сдѣлать заключеніе, что мѣдное дѣло имѣло порядочные результаты.

Авторъ предполагаетъ, что въ своихъ поискахъ чудь руководилась естественными обнаженіями. Ранѣе было упомянуто, что мѣсторожденія степи, въ верхнихъ горизонтахъ, всегда болѣе или менѣе богаты мѣдью. Замѣтивъ окислы мѣди на земной поверхности, вблизи жилъ или штоковъ, въ такъ называемыхъ розсыпяхъ, прежніе народы по нимъ, очевидно, и начинали работу.

Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи 1891 г. Томъ VI. №№ 7—8.

Для археологіи Восточной Россіи имѣетъ значеніе статья: Замѣтка о Борковскомъ могильникѣ. Въ 1874 году, близь с. Борокъ, въ верстѣ отъ г. Рязани, былъ открытъ древній могильникъ. Гораздо раньше на этомъ мѣстѣ Борковскіе крестьяне часто находили мелкія украшенія: металлическія подвѣски и разнообразныя бусы, почему они издавна называютъ его—«жемчужнымъ полемъ». Прорѣзая выемку и выбирая песокъ изъ сосѣдняго бугра для полотна дороги, саженяхъ въ 20 отъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ, у Борковскаго лѣса, желѣзнодорожный домъ, были открыты первыя находки, и затѣмъ онѣ попадались безъ перерыва на протяженіи 40 или 50 саженъ, по направленію къ Окѣ. Въ случайно открытомъ могильникѣ нашли много человѣческихъ костей, среди которыхъ было до 20 цѣлыхъ череповъ. При одномъ черепѣ оказалась сохранившеюся длинная женская коса: цвѣтъ волосъ ея былъ темный. Костяки лежали въ землѣ или по одиночкѣ, или по два и болѣе. Въ одномъ мѣстѣ нашли остовъ лошади. Кости и черепа, за исключеніемъ 2-хъ или 3-хъ взятыхъ какимъ-то студентомъ, были собраны и снова зарыты въ землю.

Вмѣстѣ съ костями находили разныя металлическія вещи, каменныя и стеклянныя бусы; послѣднія отличались большимъ разнообразіемъ, какъ по формѣ, такъ и по матеріалу. Изъ вещей особенно много было бронзовыхъ,— «позеленѣвшія», какъ выражались объ нихъ рабочіе. Здѣсь находили бронзовые обручи (гривны) съ коробками и безъ коробокъ, разной формы пряжки и подвѣски, серьги, запястья, четыреугольныя и круглыя большія бляхи съ крышками по срединѣ ихъ и безъ крышекъ, сплошныя и съ прорѣзами, и множество мелкихъ бронзовыхъ вещей и обломковъ встрѣчалось на каждомъ шагу. Найдено было много остатковъ желѣзнаго оружія и конской сбруи: наконечники копій и стрѣлъ, перержавленные мечи (кажется два), ножи, удила, стремена и другіе обломки, назначенія которыхъ нельзя было опредѣлить. Встрѣчались и серебряныя вещи; но повидимому, рабочіе быстро научились различать ихъ и, опасаясь, что эти болѣе цѣнныя находки у нихъ отберутъ, они старательно припрятывали ихъ и потомъ сбывали знакомымъ торговцамъ. Изъ серебряныхъ вещей извѣстны находки — толстаго серебрянаго круглаго обруча (шейной гривны), серебряного тройного обложного обруча и нѣсколькихъ серебряныхъ узкихъ, продолговатыхъ пластинокъ. Между костями попадались отдѣльныя серебряныя монеты; нѣкоторыя изъ нихъ были съ отверстіями. Въ числѣ извѣстныхъ найденныхъ монетъ оказались исключительно только одни арабскіе диргемы чеканеные въ VIII, IX и началѣ X вѣка. Беря среднюю величину монетныхъ датъ, можно съ значительною увѣренностью сказать, что въ IX столѣтіи могильникъ уже существовалъ. Основаніе его, вѣроятно, относится къ болѣе раннему времени, примѣрно—къ началу VIII ст., основывая это предположеніе на древнѣйшемъ диргемѣ (Мервана II 736,7 г. по Р. Хр.).

Въ статьѣ «Случайная находка» мы встрѣчаемъ указанія относительно погребальнаго ритуала, который имѣлъ мѣсто въ могильникѣ. Г.г.

Андріевскій и Черепнинъ разрыли одну случайно обозначившуюся могилу и въ ней обнаружили цѣлый костякъ, лежавшій на правомъ боку, головою на сѣверъ Положеніе костяка было нѣсколько изогнутое, руки протянуты вдоль —къ колѣнямъ. Около ручной кисти костяка найденъ остатокъ желѣзнаго ножа, обыкновеннаго курганнаго типа; у поясничныхъ позвонковъ лежала сильно проржавленная желѣзная пряжка. Съ этой же стороны (къ западу отъ востока) оказались гладкіе черепки глинянаго горшка, небольшіе куски разбитыхъ камней (красноватый песчаникъ), толстые кусочки обожженой глины, гладкіе съ одной стороны и неправильные съ другой;—эти куски напоминали собою разбитый дискъ, вѣроятно—остатки грузила. Никакихъ другихъ вещей около костяка не было. На ключицѣ и на ржавомъ слоѣ желѣзной пряжки видны были слѣды зеленой окраски, которая, могла произойти отъ совершенно разложившихся бронзовыхъ вещей,—серьги въ ухѣ, бронзовой бляшки или кольца на поясѣ. Костякъ лежалъ на глубинѣ 19½ вершковъ отъ поверхности земли, въ свѣтло-желтомъ, съ легкимъ розовымъ оттѣнкомъ, пескѣ который шелъ непрерывнымъ пластомъ какъ подъ костякомъ, такъ и надъ нимъ. Вершкахъ въ семи надъ костякомъ, въ нижней части темно-сѣраго слоя, найдены были узорчатые и гладкіе черепки, небольшіе угли, часть зуба неизвѣстнаго животнаго и куски обожженной красной, темной и сѣрой глины, а также нѣсколько кусковъ расколотыхъ камней (плотный известнякъ). Эти предметы лежали близко другъ къ другу, почти кучею, и все еще хранили явные признаки дѣйствія огня. Въ одномъ кускѣ красноватой глины, внутри, видны остатки ножа, въ другомъ кускѣ сѣроватой глины замѣтно желѣзное кольцо или пряжка, на кускѣ темной глины сохранились отпечатки, напоминающіе стебельки травянистыхъ растеній. Кромѣ зуба здѣсь нашлась небольшая часть обуглившейся кости, опредѣлить происхожденіе которой было невозможно и нѣсколько мелкихъ кусочковъ обожженой кости. Никакихъ другихъ костей въ этомъ мѣстѣ не оказалось.

Въ отчетѣ о дѣятельности Рязанской Ученой Архивной Комиссіи за 1891 г. мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ музей поступили курганныя вещи, найденныя близь д. Бутовой, Егорьевскаго уѣзда, нѣсколько шейныхъ металлическихъ гривенъ, привѣсокъ и др. вещей мерянскаго типа, затѣмъ нѣсколько также курганныхъ предметовъ изъ Касимовскаго уѣзда.

Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. 3-й. Харьковъ. 1891.

Большая часть статей, помѣщенныхъ въ разсматриваемомъ томѣ «Сборника» посвящена быту Харьковской Украйны. Для изслѣдователей Восточной Россіи представляетъ интересъ статья проф. Н. Ѳ. Сумцова «Колдуны, вѣдьмы и упыри» и проф. Д. И. Багалея «Раскопка кургановъ въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, произведенная И. М. Бичъ-Лубенскимъ». Статья проф. Сумцова представляетъ обстоятельную библіографію вопроса о вѣдьмахъ и упыряхъ и является полезной новинкой въ нашей этнографической литературѣ. За послѣдніе годы въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» и нашихъ

«Извѣстіяхъ» помѣщено было нѣсколько указателей относящихся къ области частной этнографіи (для отдѣльныхъ народностей). Г. Сумцовъ даетъ указатель, относящійся не къ отдѣльной народности, а къ отдѣльному явленію духовнаго творчества у различныхъ народовъ. Такіе указатели существенны важны для каждаго этнографа, который задается цѣлью отдѣлить продукты самостоятельнаго творчества изучаемой народности отъ заимствованій. Статья проф. Багалѣя сообщаетъ результаты раскопки кургановъ въ урочищѣ Могильномъ въ 5 верстахъ отъ села Корульки. Констатированныя раскопками формы погребенія представляютъ интересъ и для восточно-русскихъ археологовъ: было время, когда Нижнее Поволжье и Харьковская Украйна имѣли одно и тоже населеніе (Хазары, Печенѣги, Половцы, Татары). Въ одномъ курганѣ (4) на глубинѣ 4 аршинъ былъ обнаруженъ срубъ «въ видѣ четырехскатной крыши(?)», въ немъ скелетъ съ подогнутыми ногами головой на Ю.З., въ другомъ (7) найденъ былъ скелетъ, лежавшій головой на С., ногами на Ю., въ перемычкѣ былъ обнаруженъ скелетъ всадника, лежавшаго головой на З. съ правой рукою, подложенной подъ голову, и рядомъ съ нимъ скелетъ коня. Особенный интересъ представляютъ результаты раскопки кургана № 12. Здѣсь были найдены 4 скелета (три взрослыхъ и одинъ дѣтскій); всѣ они *сидѣли на корточкахъ* лицемъ къ З.; *въ согнутыхъ рукахъ каждый держалъ какъ-бы прижимая къ груди два горшка*, по одному въ рукѣ. Въ положеніи погребенныхъ многое напоминаетъ положеніе каменныхъ бабъ. Не старался-ли народъ, ставившій надъ своими усопшими каменныя бабы, дать имъ позу и аксессуары погребеннаго?

Протоколы Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края. Астрахань. 1890.

Въ IV протоколѣ Историко-Этнографической Секціи напечатано интересное сообщеніе дѣйствительнаго члена Общества И. А. Житецкаго: «Къ археологіи калмыцкой степи». Г. Ж. изслѣдовалъ 1) Городище, называемое окрестнымъ населеніемъ «Шареными или Жареными буграми» въ Астраханскомъ у., на которое указываютъ то какъ на остатки Балангіара или Ителя, то какъ на первоначальное мѣстонахожденіе г. Астрахани. Поверхность 1 и 2 холмовъ не имѣетъ остатковъ обитанія въ прошломъ, поверхность-же послѣдняго усѣяна разной величины холмами и усыпана битой глиняной посудой, кусками израсцовъ и обожженныхъ кирпичей—версты на 2—3 въ окружности, если не болѣе. Несомнѣнно, что здѣсь было когда-то довольно большое поселеніе. Форма холмовъ (круглая) и нѣкоторыя особенности посуды, израсцовъ и кирпича даже въ деталяхъ напоминаютъ холмы, израсцы и кирпичъ и пр. находившіеся въ мѣстности около г. Царева, гдѣ была когда-то извѣстная столица Золотой Орды-Сараево. У подошвы обрыва средняго бугра разбросано множество хорошо сохранившихся череповъ и другихъ большихъ костей человѣческаго скелета. Въ самомъ обрывѣ на разстояніи 2—3 саж. отъ основанія и около сажени отъ поверхности обнаженъ цѣлый рядъ могилъ, состоящихъ одна отъ другой почти на одинаковомъ промежуткѣ. Во всѣхъ могильникахъ скелеты

обращены ногами на востокъ. Ж—цкому удалось раскопать съ вершины грунтъ надъ нѣкоторыми могильниками настолько, что можно было разсмотрѣть поближе; при этомъ въ нихъ, кромѣ скелетовъ, не было ничего,—вѣроятно, покойники клались безъ всякихъ украшеній и безъ гробовъ, а только въ нѣкоторыхъ погребальныхъ ямахъ дѣлались небольшіе склепы (годные для одного покойника) изъ необожженнаго кирпича или же изъ толстыхъ досокъ, не сбитыхъ ни металлическими, ни деревянными гвоздями. Интересно здѣсь то, что могилы изъ кирпича расположены въ самомъ центрѣ бугра, за ними по спуску идутъ могилы съ деревянными склепами, а по двумъ сторонамъ послѣднихъ — безъ всякихъ склеповъ. Въ центральной части обрыва этого бугра былъ обнаженъ рядъ довольно оригинальныхъ кувшино-видныхъ ямъ, которыя заполнены были глиной, пескомъ, золой, костями, обломками посуды. Изъ мусора одной изъ такихъ ямъ былъ извлеченъ неразбитый кувшинъ существующей и теперь формы, но сдѣланный довольно грубо.

2) Курганныя насыпи южной Манычской части Малодербетевскаго улуса. Всѣ курганы имѣютъ около 10 саж. въ высоту и болѣе 25—въ окружности, продольной формы, съ небольшою площадкою на верху, иногда затрамбованною мелкими камнями; на такихъ площадкахъ прежде стояли каменныя статуи или «бабы», но теперь ихъ растащили сосѣдніе поселяне. Вокругъ большихъ кургановъ, покрайней мѣрѣ, около урочища Элиста, площадь на значительное разстояніе усѣяна мелкими курганами разной величины, въ видѣ обыкновенныхъ могильниковъ. Въ поселеніи Бислюрта г. Ж. удалось видѣть остатки разбитыхъ каменныхъ бабъ: у внѣшнихъ стѣнокъ дворовой изгороди находились четыре обломка, видимо образовавшіеся изъ двухъ разбитыхъ статуй. По словамъ поселянъ, статуи взяты на курганахъ въ окрестностяхъ Бислюрты. На двухъ обломкахъ, составляющихъ, очевидно, нижнюю часть каменныхъ бабъ, незамѣтно никакихъ слѣдовъ фигуры, кромѣ украшеній, расположенныхъ по двумъ параллельнымъ длинѣ краямъ, представляющихъ углубленія изъ ломанныхъ линій; но на другихъ двухъ камняхъ отчетливо видны еще грубо высѣченныя фигуры людей. Первый камень представляетъ собою нижнюю часть корпуса человѣка со сложенными на животѣ руками, которыя держатъ сосудъ, части ногъ и пьедесталъ, который представляетъ широкую, и книзу съуживающуюся и едва закругленную плиту. Второй камень, хотя и гораздо менѣе отчетливо, представляетъ собою остатокъ той-же фигуры, какъ и первый. По величинѣ, работѣ и размѣру остатки бабъ совершенно напоминаютъ тѣ фигуры, какія находимы были во множествѣ въ Новороссійскомъ краѣ *).

Отчетъ о дѣятельности Петровскаго Общества И. А. К. За 1889—1890 г.г. Астрахань. 1891.

Въ отчетѣ за 1889 г. напечатано краткое содержаніе нѣкоторыхъ сообщеній. Отмѣчаемъ отчетъ о поѣздкѣ въ село Селитряное К. Н. Малинов-

*) По словамъ поселянъ Бислюрты, голова одной изъ статуй была представлена въ „татарской шапочкѣ“,—ее увезъ бывшій помощникъ главн. попечит. калм. нар. г. Кузнецовъ.

скаго. Экскурсантъ, намѣтивъ село Селитряное, попутно посѣтилъ нѣкоторыя другія мѣста, замѣчательныя въ археологическомъ отношеніи, какъ напр. г. Черный-Яръ, село Никольское (Енотаевскаго уѣзда). Въ г. Черномъ-Яру, въ городскомъ полицейскомъ управленіи добыты свѣдѣнія, что 1) въ чертѣ надѣла крестьянъ Кормовскаго общества находятся два замѣчательныхъ по своей высотѣ, круглыхъ кургана, и 2) въ селахъ Крестовской волости сохраняются остатки каменныхъ бабъ, служащихъ столбами для изгородей. Въ с. Никольскомъ стоятъ три кургана «кругообразной формы», имѣющей до 70 саженъ протяженія и до 1½ саж. высоты. Свѣдѣній и сказаній о происхожденіи и значеніи этихъ кургановъ у мѣстныхъ жителей не получено. Окончивъ обозрѣніе указанныхъ мѣстъ, экскурсантъ 25 іюля выѣхалъ на лодкѣ изъ г. Енотаевска и на слѣдующій день прибылъ въ с. Селитряное и посѣтилъ Каменный бугоръ, въ которомъ крестьяне «отрываютъ могилы, выложенныя кирпичемъ, выходы со сводами и иногда деревянные гробы. Въ 3-хъ верстахъ отъ этого бугра на болѣе низкомъ и расширенномъ пространствѣ расположено древнее татарское кладбище, пользующееся глубокимъ уваженіемъ Кундровскихъ Татаръ».

Во дворѣ крестьянина, Тихона Петрова Гончарова было осмотрѣно и описано подземное каменное строеніе, формою напоминающее кибитку или палатку, удлиненныхъ въ одну сторону, съ потолкомъ въ видѣ поднимающагося къ центру свода. Строеніе это случайно открыто крестьяниномъ, при копаніи имъ ямки или выхода. Полицейскій урядникъ сообщилъ, что такая-же ямка находится во дворѣ другаго крестьянина, но за отсутствіемъ хозяевъ на работахъ, вторая ямка не была осмотрѣна.

Во дворѣ крестьянки А. А. Борисовой встрѣтились «2 замѣчательно красивыхъ, бѣлаго гранитнаго камня, плиты квадратной формы, почти въ ¾ аршина длины—сторона; вся наружная поверхность изящно испещрена оттиснутыми украшеніями, изображающими цвѣты и какъ-бы вазы съ ними; на вдавленныхъ линіяхъ украшеній сохранилась позолота, отчасти стершаяся».

Сибирскія древности. В. Радлова. Т. I, вып. 1 и 2.—Матеріалы по Археологіи Россіи, издаваемые Императорской Археологической Коммиссіей. № 3 и 5. Спб. 1888—1891.

Сибирскія древности академика В. В. Радлова заключаютъ въ себѣ описаніе громадной коллекціи мѣдныхъ орудій, составленной горнымъ инженеромъ И. А. Лопатинымъ въ системѣ верхняго и средняго Енисея. Въ видѣ дополненія къ Лопатинской коллекціи являются рисунки предметовъ, добытыхъ г. Радловымъ при раскопкахъ, которыя онъ производилъ въ Южной Сибири, и копіи съ рисунковъ помѣщенныхъ въ описаніи Минусинскаго Музея. Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ описаніе мѣдныхъ вещей, добытыхъ въ замкнутомъ горами, лѣсами и болотами пространствѣ отъ Красноярска до Саянскихъ горъ съ С. на Ю. и отъ р. Юса до Канской тайги съ З. на В. Въ древностяхъ этого края Радловъ видитъ памятники культуры, которая

самостоятельно развились изъ зерна, случайно занесеннаго можетъ быть съ юга и составляетъ достояніе одного народа.

Текстъ изданія состоитъ изъ описанія предметовъ, изображенныхъ на таблицахъ и изъ отрывковъ изъ различныхъ изданныхъ и неизданныхъ литературныхъ памятниковъ о Сибири. Выводы относительно южно-сибирской культуры предполагается дать въ концѣ. Описаніе, понятно, находится въ зависимости отъ того плана, по которому составлены и расположены таблицы. Г. Радловъ желалъ-бы расположить предметы въ хронологическомъ порядкѣ—и за неимѣніемъ монетъ и письменныхъ источниковъ находитъ необходимымъ руководствоваться тѣми указаніями, которыя заключаются во взаимныхъ отношеніяхъ формъ предметовъ—т. е. становится на почву типологическаго изслѣдованія. Представляя спеціалистамъ рѣшить, въ какой степени выдержанъ въ трудѣ почтеннаго академика типологическій методъ, мы отмѣтимъ нѣсколько имѣюшихъ общее значеніе фактовъ: въ первомъ выпускѣ г. Радловъ устанавливаетъ несомнѣнную связь между формами желѣзныхъ, мѣдныхъ и бронзовыхъ ножей, во второмъ вып. на стр. 60 онъ констатируетъ тоже явленіе относительно кинжаловъ—въ пору господства исключительно мѣдныхъ орудій возникаютъ формы, которыя дѣлаются всеобщими, когда входитъ въ употребленіе желѣзо. На стр. 69 по поводу кинжала, имѣющаго желѣзную рукоятку и мѣдный клинокъ г. Радловъ замѣчаетъ: «этотъ кинжалъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что не слѣдуетъ строго отдѣлять такъ называемый мѣдный (бронзовый) вѣкъ отъ желѣзнаго, т. е. что въ жизни обитателей бассейна верхняго Енисея навѣрное существовалъ переходъ, когда оба металла были извѣстны и употреблялись одинаково—и этотъ переходный періодъ продолжался довольно долго». По пути бросается догадка, что желѣзо привозилось съ юга, можетъ быть изъ Китая.

Въ приложеніи къ обоимъ выпускамъ помѣщены относящіеся къ предмету отрывки изъ актовъ и записокъ путешественниковъ XVIII в. между этими отрывками цѣнность новизны представляютъ тѣ, которые сдѣланы изъ ненапечатаннаго до сихъ поръ дневника Мессершмитта.

Содержаніе „Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“.

Т. I. Уставъ Общества, списокъ членовъ-учредителей Общества. Протоколы засѣданій Совѣта и Общаго Собранія. *Проэктъ Публичнаго Историко-Этнографическаго Музея, сост. В. М. Флоринскимъ.—Приложенія. Свѣдѣнія о древностяхъ, найденныхъ близь деревни Увекъ.—*Описаніе русскихъ монетъ клада 4 сентября 1878 г. *В. К. Савельева* и *Н. А. Толмачева.*—*О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію исторіи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова.*—*Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. *И. А. Износкова.*—*О замѣчательной Китайской монетѣ конца X или начала XI в., пріобрѣтенной въ селѣ Болгарахъ. *В. П. Васильева.* К. 1879. Ц. 1 р.

Т. II. Годовой отчетъ за 1878 г. Протоколы засѣданій Общества. —Приложенія. Два городища Спасскаго уѣзда. Свящ. *П. Фанагорскаго.*—Объ историческомъ значеніи библіотеки Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской Духовной Академіи. *П. В. Владимірова.* — О возможности существованія каменоломенъ въ окрестностяхъ пригорода Билярска. *М. П. Аристова.*—Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древн. жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. *И. А. Износкова.*—Замѣтки о селеніяхъ Чистопол. у.: В.-Никиткиной, Татарской Баганѣ, Кизляу и Биляръ-Озеро. *В. А. Казаринова.*—Описаніе части клада русскихъ денегъ XV в., открытаго въ Казанскомъ кремлѣ 4 сент. 1878 г. *А. Ѳ. Лихачева.*—Замѣтка о харатейномъ Евангеліи к. XIV или нач. XV в. *П. Д. Шестакова.*—Нѣсколько словъ о могильникѣ, находящемся близь деревни Ананьиной. *Его же.*—Описаніе монетъ, найденныхъ въ д. Карташихѣ Каз. г. *В. К. Савельева.*—Описаніе городищъ и кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ г. Сенгилея Симб. губ. *М. И. Извощикова.*—О старинномъ кладбищѣ близь с. Билярморскаго Вят. губ. *А. Рязанцева.*—Попытка объясненія одного мѣста изъ Булгарской лѣтописи Хисамъ Эддина Ибн Шарафъ-Эддина. *П. Д. Шестакова.*—Выдержка изъ архива Елабужскаго духовнаго Правленія. *Его-же.*—Описаніе дополнител. коллекціи Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Укека. *В. К. Савельева.*—Описаніе чудскихъ вещей, пожертвованныхъ въ музей Общества А. Е. Теплоуховымъ.—Бытъ Вотяковъ Сарапульскаго уѣзда. *В. Кошурникова.* Полный систематическій указатель статей мѣстно-областного содержанія, напечатанныхъ въ «Казанскихъ извѣстіяхъ» съ 1811—1821 г. *П. А. Пономарева.* К. 1880. Ц. 1 р.

Т. III. О задачахъ дѣятельности К. О. И. А. и Э. *С. М. Шпилевскаго.*—Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Морквашн. *Н. И. Золотницкаго.*—По поводу сообщенія Н. И. Золотницкаго. *П. Д. Шестакова.*—Замѣтка о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. губ. *И. А. Износкова.*—Объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ Билярскѣ. *Его-же.*—Описаніе Билярскаго и Баранскаго городищъ. *В. А. Казаринова.*—Замѣтка о Калмыкахъ Астрахан. губерніи. *П. Смирнова.*—Изъ поѣздки въ село Шуматово Ядр. у. Каз. губ. (бытъ Чувашъ) *В. К. Магнитскаго.*—О раскопкахъ близь д. Палкиной на р. Чусовой. *П. И. Кротова.*—У Вотяковъ Елабужскаго уѣзда. *Г. И. Потанина.*—Изъ дорожныхъ замѣтокъ во время этногр. экскурсіи. *С. К. Кузнецова.*—О Чаллынскомъ городищѣ. *А. М. Зайцева.*—Одно изъ древнихъ булгаро-татарскихъ городищъ въ Тет. у. *Е. Т. Соловьева.*—Преданія Чувашъ и Татаръ Чебокс. у. Каз. г. *М. А. Арзамазова.*—Остатки древности въ с. Увекѣ. *Г. С. Саблукова.*—Предварительное сообщеніе о раскопкахъ близь с. Шурана. *П. А. Пономарева.* —Предв. сообщеніе о раскопкахъ надъ Ройскимъ истокомъ. *С. К. Кузнецова.*

—Замѣтки о вышепоим. раскопкахъ. *А. А. Штукенберга.*—Краткое описаніе Краснослободскаго муж. монастыря (Пенз. г.). *Д. В. Ильченко.*—Описаніе рус. сер. копѣекъ изъ клада 1881 г. *В. К. Савельева.*—Описаніе двухъ коллекцій джуч. монетъ пожерт. обществу. *Его-же.*—Описаніе клада золотоордынскихъ монетъ, найденнаго въ 1881 г. *Н. П. Загоскина.*—Атамановы кости. *С. К. Кузнецова.*—Замѣтка по поводу сообщенія Г. Н. Потанина: у Вотяковъ Елабужск. у. *С. К. Кузнецова.* К. 1884. Ц. 2 р. 50 к.

Т. IV. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1880—81 г. Приложенія.—Духовная В. Н. Татищева.—О Мишаряхъ чистоп. уѣзда. *В. А. Казаринова.*—Свѣдѣнія о Мишаряхъ. *Е. А. Малова* К. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

Т. V. Протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1882—84 гг.—Скиоскій слѣдъ на билярской почвѣ. *А. Ѳ. Лихачева.*—Особенности русскаго говора въ Урж. у. Вят. г. *В. К. Магнитскаго.* Смѣсь. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 1. Извлеченія изъ Протоколовъ за 1885 г.—Стиши и крестьянскихъ дѣтей селъ Астраханки и Карташихи Лаишевскаго у. *С. К. Рябинскаго.* — Замѣтка по поводу этой статьи. *А. Ѳ. Можаровскаго.*—Къ археологіи Урала. *А. М. Зайцева.* — Нѣсколько словъ о русскомъ вліяніи на инородцевъ въ предѣлахъ Казанскаго края. *И. Н. Смирнова.* К. 1889. Ц. 50 к.

— Вып. 2. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма. *Н. Ѳ. Высоцкаго.*—Развалины древнихъ зданій при селѣ «Болгарахъ». *В. А. Казаринова.*—Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Спицына.*—Неизданныя грамоты изъ аѳонскихъ архивовъ. *В. В. Качановскаго.*—Матеріалы для Русскаго словаря (слова, имѣющія особенное значеніе въ говорѣ жителей с. Великорѣчья, Яранск. у.). Свящ. *А. Д. Жилина.*—Обычай колядованія въ Симбирской губерніи. *М. Извощикова.*—Библіограф замѣтка о двухъ рефератахъ, читанныхъ въ засѣд. VII Арх. Съѣзда въ Ярославлѣ А. Верещагинымъ. *В. В. Качановскаго.* — Отчетъ и извлеченія изъ протоколовъ за 1887 г. К. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Изслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемисскаго языка. *М. П. Веске.*—Новая антропологическая находка въ с. Болгарахъ. *Н. Ѳ. Высоцкаго.* —Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитріева.*—Гдѣ былъ древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соловьева.*—Старая церковь въ селѣ Богородскомъ (съ рисункомъ). *Н. В. Сорокина.*—Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова.* К. 1889. Ц. 2 р.

Т. VIII. Вып. 1. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. *М. П. Веске.* К. 1890. Ц. 2 р.

— Вып. 2. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова.* К. 1890. Ц 2 р. 25 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1889—90 г.—Письмо Стеньки Разина къ казанскимъ Татарамъ. *А. И. Соколова.*—Отчетъ Общ. А., И. и Э. за 1889—90 г.—Списокъ членовъ Общ. А., И. и Э. К. 1890. Ц. 25 к.

Т. IX. Вып. 1. Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ Коммиссіи 1767 г. *Н. Н. Ѳирсова.*—Памяти П. Д. Шестакова. *Н. А. Ѳирсова*—Толковая икона села Царицына (съ фотографіей). *Н. В. Сорокина.*—Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. Болгарскій домъ. *Н. З. Тихова.*—Ирихи у Чувашъ. *В. К. Магнитскаго.*—Русскія имена и прозвища въ XVII в. *А. И. Соколова.*—Свадебные обычаи казанскихъ Татаръ. *М. Н. Пинегина.* К. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

— Вып. 2. Пермяки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова.* К. 1891. Ц. 1 р. 75 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1890—91 г. — Отчетъ Общ. А. И. и Э. за 1890—91 г.—Списокъ членовъ.—Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ Ровинскаго. *Р. А. Нелидовой.*—Мелкія этнографическія сообщенія. К. 1891. Ц. 30 к.

(Статьи I тома, означенныя звѣздочкой, можно получать отъ Общества за 25 к.).

Изданія, составляющія собственность Общества:

1) Труды IV Археологическаго Съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. Т. I и II съ Атласомъ.

(Звѣздочка (*) указываетъ на статьи, относящіяся къ мѣстному краю).

Содержаніе I тома: Правила, вопросы, списокъ членовъ и протоколы Съѣзда.—*Объ основаніи въ Казани ученаго Общества для изслѣдованія археологіи, исторіи и этнографіи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова.*—*О русскихъ древностяхъ Каз. губ. и средняго Поволжья до XVI в. *И. И. Срезневскаго.*—*Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта. *Н. В. Калачова.*—О задачахъ корреспондентовъ археолог. съѣздовъ. *А. С. Гацискаго.*—О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторич. временахъ (съ 39 фиг.). *I. Р. Аспелина.*—О нѣкоторыхъ химическихъ измѣненіяхъ въ костяхъ, находимыхъ при раскопкахъ. *И. М. Гвоздева*—О раскопкахъ гр. *Сиверса* въ Лифлян. губ. О желѣзномъ вѣкѣ въ Балтійскомъ краѣ. *К. Гревингка.* *Каменныя орудія и бронзовыя вещи изъ Печерск. края 1874 г. *А. А. Штукенберга.*—О каменныхъ орудіяхъ изъ Варнав. у. Костр. губ. *А. П. Поливанова.*—О раскопкахъ кургановъ на р. Сити 1875 г. *Л. К. Ивановскаго.*—О древнемъ кладбищѣ у Іорданской церкви въ Кіевѣ. *В. Б. Антоновича.*—О похоронныхъ типахъ Юго-зап. края. *Егоже.*—О городищѣ Черниг. у. *Н. А. Константиновича.*—О древнихъ могилахъ Мцхета. *В. Т. Гизенгаузена.*—*Объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Каз. края. *Н. А. Толмачева.*—Майнское городище Спасск. у. Каз. губ. *В. Н. Поливанова.*—Курганы въ окрестн. г. Екатеринбурга Перм. губ. *М. В. Малахова.*—*О землян. насыпи недалеко отъ впаденія р. Вятки въ Каму. *Н. Савельева.*—*Извѣстные остатки древности въ Самар. краѣ. *П. В. Алабина.*—О пещерахъ каменн. вѣка на сред. течен. р. Днѣпра. *В. Б. Антоновича.*—О валахъ на территоріи др. Кіев. княж. *Его-же.* *О древнемъ г. Маджарѣ. *П. Д. Шестакова.*—Городъ Булгаръ.—*С. М. Шпилевскаго.*—*Гдѣ искать потомковъ Можаръ, бившихся за русск. въ 1551 г. *А. Ѳ. Можаровскаго.*—*Очеркъ исторіи Болгарск. и Казанск. царства. *Муллы Шихабъ-уд-дина Баіа-уд-динова* (перев. *В. В. Радлова* и подлинникъ). *Топографія Казани въ 1852 г. Прот. *П. I. Заринскаго.*—*О сохранившихся преданіяхъ по поводу мѣстн. названій Каз. и смежн. губ. *И. А. Износкова.*—*Списокъ населенн. мѣстъ Мамадыш. у. *Его-же.*—*О личныхъ инородческихъ именахъ. *Его-же.*— Списокъ др. инородч. именъ изъ актовъ *Н. И. Золотницкаго.*—*О селеніяхъ съ назван. «тарханъ». *Его-же.*—*Къ вопросу о преданіяхъ относит. занятія Русскими Казан. края и борьбѣ ихъ съ туземцами. *П. Н. Вечеслава.*—Нѣсколько данныхъ по 30-му вопросу программы IV съѣзда. *Д. А. Корсакова.*—*О старомъ и новомъ городахъ въ Н.-Новгородѣ. *П. И. Мельникова.*—*Селитряный городокъ Астрах. губ. Енотаев. у. *Н. П. Загоскина.*—*Преданія Томскихъ инородцевъ о подданствѣ ихъ Россіи. *Кн. Н. А. Кострова.*—*Очерки быта Минусинскихъ Татаръ. *Его-же.*—Нѣкоторыя данныя по историч. геогр. и этнограф. Россіи по рукопис. И. Пуб. библіотеки. *А. Я. Гаркави.*—Кто были 4 тюрк. племени, разбивш. Грековъ въ 934 г. при г. Валендарѣ и гдѣ находился этотъ городъ. *Ѳ. К. Бруна.*—Программа по предм. «исторія и теорія искусствъ». *П. В. Павлова.*—*О городахъ Маджарѣ и Булгарѣ по монетамъ. *В. К. Савельева.*—О монетахъ Владиміра Святого. *Д. И. Прозоровскаго.* — Объ отдѣльн. букв. въ копѣйкахъ и денежкахъ до Петра Великаго. *Ю. Б. Иверсена.* — *О загадочныхъ сосудахъ изъ Волжск. Булгаріи. *А. Ѳ. Лихачева.*—О др. иконахъ въ г. Старой Русѣ. Гр. *М. В. Толстого.* Казань. 1884. **Цѣна 3 р.**

Содержаніе II тома: О характерѣ власти варяжск. князей. *К. Н. Бестужева-Рюмина.*—Слѣды церковн. братствъ въ вост. Малороссіи. *И. А. Сребницкаго.*—О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирск. Карамзинск. библіотекѣ. *Н. Я. Христофорова.*—*Къ исторіи войнъ Москов. госуд. съ Казанью. *А. И.*

Маркевича.—Преданіе о Пугачевѣ среди уральск. казаковъ. *В. Н. Витевскаго* —*О народныхъ праздникахъ въ Пензенск. губ. *Н. Я. Аристова.*—*О кир-метяхъ крещеныхъ Татаръ. *И. М. Софійскаго.*—*Повѣрья, обряды и обычаи Вотяковъ Мамад. у. *Б. Г. Гаврилова.*—О старин. рукоп. сборникахъ народ. былинъ и пѣсенъ. *Л. Н. Майкова.*—Свѣдѣнія о рукописяхъ И. Пуб. Библіот. содерж. народныя пѣсни. *А. Ѳ. Бычкова.* — Объ «обличеніи на Соловецкую челобитную» Ю. Крижанича. *И. М. Добротворскаго.*—О раскольничьей рукоп. конца XVII в. *И. С. Некрасова.*—«Сказаніе о Соловецк. монаст. и объ Аѳонѣ» *Н. И. Петрова.*—О Родопскомъ открытіи. *С. Верковича.* (пер. *М. П. Петровскаго* и подлинникъ).—О Соловецк. библіотекѣ. *И. Я. Порфирьева.*—Апокрифич. молитвы по рукоп. Солов. библ. *Его-же.* — Объ упрекѣ мон. Нила Курлятевыхъ въ незнаніи митр. Кипріаномъ греческ. и нашего яз. при исправленіи псалтири. *Арх. Амфилохія.* — *Гдѣ книги, писан. зырян. и перм. азбукою, составленною св. Стефаномъ Пермскимъ? *П. Д. Шестакова.*—О вліяніи русскаго яз. на инородческіе. *Егоже.* — Крымскій полуостровъ до Монгол. нашествія въ Араб. литер. *А. Я. Гаркави.* — *Топографія др. города около с. Русскихъ Кирменей (Мамад. у. Каз. губ.). *Е. Т. Соловьева.*—*О старой чувашской вѣрѣ. *Н. И. Золотницкаго.* — *Сказки, загадки и пѣсни Нагайбаковъ въ уральск. у. Оренб. губ. *В. Н. Витевскаго.*—*Документы и рукописи, относящ. къ Каз. губ. и хранящ. въ Моск. Главн. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ и его библіотекѣ. *И. Ѳ. Токмакова.*—Указатель личныхъ и географ. именъ, встрѣч. въ I и II т. Трудовъ IV Археол. съѣзда. **Цѣна 3 рубля. — Атласъ къ Трудамъ IV** Археол. Съѣзда. Казань 1891. **Ц. 2 руб.**

2) Архивъ кн. В. И. Баюшева. Разобранъ и приготовленъ къ изданію проф. Н. П. Загоскинымъ. К. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

3) Памяти гр. Алексѣя Сергѣевича Уварова. Рѣчи, произнесенныя С. М. Шпилевскимъ, П. Д. Шестаковымъ и Д. А. Корсаковымъ. К. 1885. Ц. 75 к.

4) Краткій очеркъ восьмилѣтней дѣятельности Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи и его задачи. К. 1886. Ц. 10 к.

5) Этнографія на Казанской научно-промышленой выставкѣ. *И. Н. Смирнова.* К. 1890. Ц. 20 к.

6) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій съѣздъ. *Его-же.* К. 1890. Ц. 20 к.

Всѣ изданія Общества, за исключеніемъ I и II томовъ, можно получать въ Казани у книгопродавцевъ А. А. Дубровина и Н. Я. Башмакова, въ С.-Петербургѣ у А. С. Суворина и Карбасникова.

I и II томы «Извѣстій», оставшіеся въ самомъ ограниченномъ количествѣ, можно получить только при выпискѣ отъ Общества всѣхъ томовъ «Извѣстій».

Выписывающіе отъ Общества за пересылку не платятъ.

Дѣйствительные члены и члены-сотрудники, выписывающіе изданія отъ Общества, пользуются скидкой въ 30%.

Съ 1892 г. „Извѣстія“ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ, приблизительно чрезъ каждые два мѣсяца, книжками въ 7 — 8 листовъ in 8°.

Въ содержаніе каждой книжки будутъ входить:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ Обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи;

7) Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ Собраній Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Въ слѣдующихъ выпускахъ «Извѣстій» за 1892 г. будутъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: «Очеркъ развитія доисторической археологіи въ Европѣ: d) археологія въ Швейцаріи, Италіи и Испаніи, e) въ Англіи» **И. С.**; «Задачи и метод культурно-историческаго изслѣдованія жилища» **Н. З. Тихова**; «Формы погребенія у современныхъ и древнихъ народовъ Россіи» (Извлеченія изъ извѣстій историковъ, путешественниковъ и этнографовъ; въ составленіи свода примутъ участіе **А. К. Кулагинъ М. Н. Пинегинъ, И. Н. Смирновъ, Н. З. Тиховъ, П. В. Траубенбергъ** и др.) «Данныя о городахъ Волжско-Камской Булгаріи»; **П. А. Пономарева**; «Мордва. Историко-этнографическій очеркъ» **И. Н. Смирнова**; «Черемисы Арбанской волости» **Н. Троицкой**; «Программа для собиранія свѣдѣній объ ассимиляціи инородцевъ Восточной Россіи» **И. Н. Смирнова**. «Замѣтки о Мордвѣ Нижегородской губ.» **А. Д. Смирнова**.

Цѣна полному тому 5 руб., каждый выпускъ отдѣльно по 1 руб.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 руб.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ X, вып. 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря И. Смирновъ.

ДАННЫЯ О ГОРОДАХЪ КАМСКО-ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРІИ.

(*Археологическія замѣтки*).

II

ВЛАДѢНІЯ ЛИПОВОГОРСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Въ русскихъ лѣтописяхъ за періодъ времени отъ 1359 года до 1411 упоминается булгарскій городъ Жукотинъ, имя котораго совсѣмъ не встрѣчается въ другихъ источникахъ.

Никон. лѣтопись, подробнѣе другихъ касаясь разграбленія этого города новгородскими ушкуйниками въ 1359 году, говоритъ: „Изъ Великаго Новагорода разбойницы пріидоша въ Жукотинъ и множество татаръ побиша и богатство ихъ взяша, и за то разбойничество христіане пограблени быша въ Болгарѣхъ отъ Татаръ. Того-жъ лѣта князи Жуконстіи поидоша въ Орду къ царю, дабы царь оборонилъ себя и ихъ отъ разбойниковъ, понеже много убивства и грабленія отъ нихъ сотворяшесь безпрестани. Царь-же Хидырь посла трехъ пословъ своихъ во княземъ русскимъ, чтобы разбойниковъ поимали и къ нему прислали. И бысть всѣмъ княземъ съѣздъ на Костромѣ... и поимаша разбойниковъ, и выдаша ихъ всѣхъ посломъ царевымъ и со всѣмъ богатствомъ ихъ, и тако послаша ихъ въ Орду“ (III, 216).

Это лѣтописное показаніе представляется довольно существеннымъ, потому что даетъ поводъ къ слѣдующимъ вѣроятнымъ заключеніямъ:

1. Избіеніе множества татаръ при разгромѣ Жукотина въ 1359 году указываетъ на значительное многолюдство города въ это время.

2. Если Жукотинъ подвергался съ цѣлью грабежа набѣгамъ русскихъ ушкуйниковъ безпрестани,—значитъ, онъ былъ достаточно богатъ и привлекателенъ для разбойничьихъ предпріятій.

3. Ограбленіе русскихъ въ Булгарѣ въ отместку за погромъ Жукотина указываетъ на существованіе извѣстной солидарности между жителями этихъ булгарскихъ городовъ. Но съ другой стороны, если князи Жуконстіи непосредственно искали защиты въ Ордѣ, то значитъ они были вполнѣ независимы отъ Булгара и подчинялись только Сарайскому хану. Внимательное-же отношеніе къ нимъ послѣдняго показываетъ, что они пользовались не маловажнымъ значеніемъ.

Все это рисуетъ Жукотинъ въ монгольскую эпоху Камской Булгаріи, какъ центръ довольно значительный.

Но гдѣ-же онъ находился?

Архангелогородская лѣтопись, упоминая о набѣгѣ 1359 года, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ. „Болляринъ Великаго Новагорода Анфалъ Микитинъ — сообщаетъ она—ходилъ ратью на Каму, да взялъ г. Жукотинъ и много бесерменъ побилъ". Еще опредѣленнѣе высказывается Воскр. лѣтопись (VIII, 61) въ описаніи набѣга ушкуйниковъ въ 1391 году: „Новгородцы и Устюжане и прочіи, къ тому съвъкупившеся, выидоша въ насадехъ и въ ушкуехъ рѣкою Вяткою на низъ и взяша Жукотинъ и Кашанъ [1]), и вышедше на Вългу, пограбивше гостей всѣхъ, возвратишася".

[1]) Въ разныхъ спискахъ лѣтописи здѣсь упоминается собственно не Кашанъ, а Казань и даже Казнь, но уже С. М. Шпилевскій въ своей книгѣ о «Древнихъ городахъ» разсматриваетъ это какъ описку и доказываетъ, что нужно читать не Казань, а Кашанъ (ст. 176). Подробностямъ этого вопроса и характеристикѣ булгарскаго города Кашана у меня будетъ посвящена особая глава.

Если принять во вниманіе, что городъ Кашанъ располагался на Камѣ ниже Жукотина, близъ нынѣшняго с. Шурана (Лаишевскаго уѣзда), то изъ приведеннаго показанія лѣтописи и можно вывести заключеніе, что Жукотинскія владѣнія находились въ той части камскаго побережья, которая тянется отъ устья Вятки до с. Шурана.

Вѣроятность этого заключенія подтверждается и изысканіями мѣстныхъ изслѣдователей. Кондыревъ въ своемъ докладѣ совѣту Казан. университета еще въ 1812 году сообщалъ, что въ 10 верстахъ отъ Чистополя на берегу Камы находится „городокъ Жюкотинъ"; затѣмъ Рыбушкинъ и Артемьевъ въ 1833 и 1851 г., говоря объ этомъ городѣ, уже прямо пріурочиваютъ его къ окрестностямъ с. Жукотина, въ имени котораго сохранилось упоминаемое русскими лѣтописями названіе древняго булгарскаго города. Кромѣ того, Артемьевъ, Мельниковъ, Риттихъ и авторъ „Замѣтокъ о городищахъ Казанской губерніи" сообщаютъ и нѣкоторыя другія отрывочныя данныя, касающіеся этой мѣстности. Послѣ С. М. Шпилевскаго, воспользовавшагося всѣми этими замѣтками для характеристики „Жукотинскаго округа", сдѣланы были еще краткія сообщенія въ 1878 и 1879 г. И. А. Износковымъ и А. А. Штукенбергомъ [1]).

[1]) 1) «Записка» Кондырева, относящаяся къ 1812 г. и найденная С. М. Шпилевскимъ въ архивѣ Казан. универ.

2) «Поѣздка въ Болгары и Билярскъ», Рыбушкина (Заволжскій Муравей, 1833 г., т. 1).

3) «Древній булгарскій г. Жукотинъ», Артемьева (Жур. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1851 г. т. 33).

4) «Отъ Чистополя до с. Богородскаго», Мельникова (Каз. губ. вѣдомости, 1862 г., № 35).

5) «Матерьялы для этнографіи Россіи. Казанская г.», Риттиха, т. 2, ст. 161.

6) «Замѣтки о городищахъ Казан. г.», изд. Казанскаго статистическаго комитета.

7) «Древніе города и другіе булгаро-татар. памятники», С. М. Шпилевскаго.

Я лично имѣлъ случай ознакомиться съ лѣвымъ побережьемъ Камы близь Чистополя въ 1880 и въ 1881 г. [1]). Не смотря на довольно бѣглый обзоръ мѣстности, сдѣлалось очевиднымъ, что собранныя доселѣ свѣдѣнія не исключаютъ необходимости въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ.

Эти дополненія и служатъ темою настоящей главы.

Значительность археологическаго матеріала, указываемаго на Камѣ близь Чистополя нисколько не удивительна. Лѣвый берегъ рѣки, вообще довольно пологій, здѣсь на всемъ протяженіи отъ с. Кубасовъ до с. Булдыря или правильнѣе отъ долины р. Бахты до долины р. Шешмы представляетъ возвышенное плато, ниспадающее къ Камѣ обрывистыми кручами, которыя то выдвигаются къ самой рѣкѣ, то отдѣляются отъ нея привольно раскинувшимися луговыми займищами. Возвышенная равнина эта, состоящая изъ пермскихъ пластовъ и прикрытая сверху слоемъ чернозема, разсѣкается на нѣсколько болѣе или менѣе пространныхъ площадей, отдѣленныхъ другъ отъ друга то ущелистыми, то развалистыми оврагами, по дну которыхъ пробѣгаютъ быстрые ручьи и рѣчки. Вся эта мѣстность давно уже распахана; отъ старинныхъ лѣсовъ сохранились только небольшіе лиственные перелѣски близь Чистополя, да по склонамъ овраговъ виднѣется кое-гдѣ мелкое чернолѣсье, въ которомъ преобладаетъ липнякъ. Изъ всего этого не трудно

---

8) Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. г.», И. А. Износкова («Извѣстія Каз. археол. общ.» за 1878 г.

9) Сообщеніе А. А. Штукенберга о находкахъ на мѣстѣ г. Жукотина, сдѣланное Каз. арх. обществу.

[1]) Въ 1880 г., экскурсируя по порученію Каз. арх. общества совмѣстно съ Н. П. Загоскинымъ по юго-восточной полосѣ Каз. губ., мы осмотрѣли проѣздомъ изъ Лаишевскаго уѣзда въ Чистопольскій побережье Камы къ востоку отъ с. Жукотина и д. Данауровки до с. Булдыря; въ 1881 г. на пути въ Вятскую губернію осмотрѣнъ былъ совмѣстно съ А. А. Штукенбергомъ береговой районъ къ западу отъ д. Данауровки и с. Жукотина до с. Кубасъ и Утякова.

заключить, что описываемое побережье могло представлять для промышленнаго булгарскаго насельника достаточныя удобства— черноземныя поля для земледѣльческой культуры, многоводную рѣку для сношеній, малодоступныя береговыя кручи для защиты и т. п.

Наиболѣе замѣчательные слѣды булгарскаго разселенія обнаруживаются здѣсь въ 5—6 верстахъ къ западу отъ Чистополя, близь д. Данауровки и с. Жукотина. Деревня Данауровка разбросалась по обоимъ склонамъ тѣснаго оврага, который верстою ниже выходитъ на камское займище. По дну оврага пробирается между камнями небольшая рѣчка, которую всѣ мѣстные крестьяне называютъ теперь Килевкой [1]). Но это названіе несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, какъ и сама д. Данауровка. Въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ 1648 г. эта рѣчка означена подъ именемъ Жукоти, въ отказныхъ книгахъ—Жукотки, а на рукописной картѣ Каз. губ., принадлежащей Казанскому университету—Жукотинки. Этимъ стариннымъ прозвищемъ я и считаю болѣе умѣстнымъ пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Берега Жукоти не одинаковы: правый—представляетъ почти горизонтальную площадь, которая обрывается къ займищу и рѣчкѣ крутымъ десятисаженнымъ скатомъ и образуетъ нѣчто въ родѣ горнаго мыса съ обширнымъ видомъ на Каму и Чистополь; лѣвый—гораздо ниже; онъ поднимается сначала не болѣе какъ на 3—4 сажени, но далѣе къ западу постепенно повышается и верстахъ въ двухъ отъ Жукоти достигаетъ одного уровня съ правымъ. Здѣсь на самой окраинѣ горной береговой равнины стоитъ старинное с. Жукотино, упоминаемое уже въ актахъ 17-го вѣка.

Взявши изъ деревни проводника, мы по правому берегу Жукоти направились прежде всего къ горному мысу, гдѣ по мнѣнію Артемьева и располагался древній Жукотинъ.

---

[1]) Въ «Замѣткахъ о городищахъ Каз. губ.» она названа почему-то Клечеевкой, а у Артемьева—Каменнымъ мостомъ.

Но городокъ, вскорѣ открывшійся передъ нами, далеко не соотвѣтствовалъ тому представленію, какое мы невольно составили раньше. У Артемьева мы читали, что городокъ укрѣпленъ такъ, какъ „укрѣплялись резиденціи сильнѣйшихъ князей"—„тремя валами", придававшими ему видъ „нѣкогда крѣпкаго города" и показывавшими „его значеніе"; что валы эти, „судя по высотѣ ихъ, нельзя было образовать только одною землею изъ рвовъ".

Измѣнилось-ли сильно городище съ 1851 года, хотя крестьяне этого и не подтверждаютъ, или сказалось въ описаніи Артемьева нѣкоторое увлеченіе, но только рамка созданная имъ оказалась слишкомъ грандіозной для той миніатюрной картинки, которая находилась у насъ передъ глазами.

Склоны обрывистыхъ сторонъ городища, обращенные къ Камѣ и рѣчкѣ, дѣйствительно совершенно правильно обрыты, а съ доступной юго-восточной стороны городище защищено валами и рвами, образующими слегка выгнутую линію, но только валовъ этихъ не три, а два и никакого рва на прикамской сторонѣ нѣтъ. Городище приближается къ формѣ сектора и занимаетъ всего 372 сажени въ окружности. Два вала и два рва, прорѣзанные тремя воротами, тянутся на 107 саженъ и представляются незначительными; высота первыхъ и глубина вторыхъ, считая отъ уровня городища, не болѣе 2 аршинъ.

По составленіи плана городища, произведена была попытка собрать коллекцію. Но результаты были незначительны: заложивъ мѣстами небольшія траншеи и пройдя въ разныхъ направленіяхъ сохою [1]) по средней распаханной части городища, а равно и по его окраинѣ, гдѣ сохранилась еще узкая полоса „залога" или „цѣлины", мы не нашли ничего, кромѣ

[1]) Къ этому способу я позволялъ себѣ прибѣгать исключительно на давно уже распахиваемыхъ булгарскихъ городищахъ, гдѣ единственною добычею могутъ быть только черепки и притомъ лишь тогда, когда не удавалось имѣть рабочихъ, кромѣ тѣхъ, которые работали съ сохою по близости отъ пункта изслѣдованія.

мелкихъ глиняныхъ черепковъ, нѣсколькихъ желѣзныхъ обломковъ и кусковъ окалины. Обходъ деревни также мало помогъ дѣлу: коллекція пополнилась только 11-ю джучидскими монетами и двумя небольшими сосудами—глинянымъ и желѣзнымъ. Что-же касается восьмиведернаго кувшина, о которомъ слышалъ здѣсь г. Штукенбергъ въ 1879 году, то онъ оказался уже разбитымъ.

Тѣмъ не менѣе скитаніе по подъ-оконью для сбора „невѣрныхъ денежекъ" не прошло совсѣмъ безслѣдно. Изъ разговоровъ съ крестьянами удалось выяснить довольно опредѣленно вопросъ о дѣйствительныхъ размѣрахъ бывшаго здѣсь нѣкогда булгарскаго города. Къ разрѣшенію этого вопроса уже близко подходилъ г. Износковъ, указавшій, что близь с. Жукотина, къ востоку отъ него, находится „старое татарское жилище", и г. Артемьевъ, сообщавшій, что, кромѣ описаннаго выше городка, къ востоку отъ него располагаются какія-то ямы, называемыя крестьянами „баттареями", а къ западу —„на другомъ берегу ручья находилось кладбище", на которомъ еще въ недавнее время стояли могильные камни, растасканные окрестными жителями на каменки и фундаменты; что между кладбищемъ и с. Жукотинымъ есть слѣды „стараго татарскаго жилища", на которомъ жукотинскіе крестьяне выпахиваютъ мѣдныя и серебряныя татарскія денежки, напрясла, черепки и глиняные сосуды, и что, наконецъ, ручей называется Каменнымъ Мостомъ, указывая этимъ прозвищемъ на существованіе сооруженія, соединявшаго городокъ съ кладбищемъ.

Всѣ эти данныя, обратившія на себя вниманіе гг. Артемьева и Износкова, характеризуютъ, конечно, значительную населенность нижняго теченія Жукоти, но не даютъ еще картины одного неразрывнаго цѣлаго.

Тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ ознакомленіи съ мѣстностью, эти разбросанные слѣды древняго населенія легко связываются между собою и даютъ представленіе о значительномъ городѣ, топографія котораго представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) На правомъ берегу низовьевъ Жукоти, на крутомъ горномъ мысу, господствующемъ надъ всей окрестной мѣстностью, находилось укрѣпленіе, служившее обсерваціоннымъ постомъ и защитой населенію во время вражескихъ набѣговъ.

2) Что касается ямокъ, находящихся къ юго-востоку отъ этого укрѣпленія, то предположеніе крестьянъ, видящихъ въ нихъ „русскія баттареи", устроенныя съ цѣлью взятія города, а равно и предположеніе Артемьева, что здѣсь булгары брали землю для насыпки валовъ — не представляются вѣроятными: во 1-хъ потому, что въ этихъ ямкахъ и почвѣ, окружающей ихъ площади, попадаются такіе-же черепки, какъ и на городищѣ; во 2-хъ потому, что размѣры валовъ вполнѣ доказываютъ, что для насыпки ихъ за-глаза достаточно было и той земли, которая вынималась изо рвовъ, а въ 3-хъ, наконецъ, и потому, что на всѣхъ вообще нераспаханныхъ древне-булгарскихъ жилищахъ встрѣчаются подобныя-же ямки, идущія иногда правильными улицами и указывающія на слѣды булгарскихъ построекъ-землянокъ.

Такимъ образомъ съ гораздо бо̀льшимъ правдоподобіемъ можно признать, что площадь, покрытая ямками и примыкавшая къ указанному выше укрѣпленію съ юго-востока, была городскимъ посадомъ.

3) Къ западу отъ этого посада, на противуположномъ, т. е. лѣвомъ берегу Жукоти, находилось по мѣстному преданію, отмѣченному Артемьевымъ, древнее татарское кладбище съ могильными камнями, которые были растащены окрестными обывателями для домашнихъ потребностей.

Преданіе это нашло себѣ фактическое подтвержденіе. Въ селѣ Жукотинѣ, за церковной оградой, близь обрыва береговой равнины къ Камѣ, мнѣ былъ указанъ обломокъ могильнаго камня, вырытый изъ земли при закладкѣ фундамента для новой церкви. На этой плитѣ изъ песчаника, величиною около квадратнаго аршина, надпись почти изгладилась и только внизу сохранилось мѣстами нѣсколько словъ или скорѣе отдѣльныхъ арабскихъ буквъ. Снятая мною точная копія, если и не даетъ

возможности опредѣлить содержаніе надписи, то по крайней мѣрѣ позволяетъ отнести ее по характеру начертанія къ 14 вѣку. Никакихъ другихъ слѣдовъ древняго татарскаго кладбища въ той мѣстности, гдѣ найденъ былъ этотъ обломокъ, никогда не встрѣчалось, поэтому и можно думать, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ камней, которые въ старые годы были растащены жукотинцами съ лѣваго берега рѣчки.

4) На всемъ пространствѣ отъ этой рѣчки до с. Жукотина, т. е. на пространствѣ около двухъ квадратныхъ верстъ, въ верхнемъ слоѣ почвы залегаютъ черепки глиняныхъ сосудовъ, желѣзные обломки и куски окалины. Эта-то площадь, площадь распространенія черепковъ, по словамъ жукотинскихъ и данауровскихъ крестьянъ, и была прежде главнымъ пунктомъ мѣстныхъ находокъ, въ числѣ которыхъ они упоминаютъ глиняную посуду, „невѣрныя денежки", кольца, наручники, таганы и проч. Поле это давно уже распахивается и цѣнные предметы встрѣчаются теперь, и то изрѣдка, въ одномъ только мѣстѣ: въ лѣвомъ склонѣ оврага, по которому течетъ Жукоть. Здѣсь данауровскіе крестьяне выработываютъ известнякъ, при чемъ и находятъ иногда небольшіе клады монетъ и галантереи. Такъ еще весною 1880 г. одинъ рабочій нашелъ 25 сереб. татар. денегъ, а другой—сереб. браслетъ и серьги.

Изъ приведенныхъ данныхъ не трудно заключить, что описанная площадь, примыкавшая къ укрѣпленію съ запада и отдѣлявшаяся отъ него только узкою ложбиною рч. Жукоти, представляла собою ничто иное, какъ наиболѣе обширную часть городскаго посада. Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что черезъ рѣчку былъ устроенъ и каменный мостъ, какъ это предполагаетъ Артемьевъ, основываясь на забытомъ уже теперь названіи ручья.

Возстановивъ такимъ образомъ, насколько это оказалось возможнымъ, топографію древняго города, бывшаго въ районѣ Данауровки и Жукотина, сдѣлаю еще нѣсколько замѣчаній относительно его народности, названія и эпохи существованія.

Вопросъ о народности разрѣшается безъ всякихъ затрудненій: мѣстные глиняные черепки и сосуды, по пріемамъ и качеству выработки и характеру орнамента, совершенно тогоже типа, который можно считать общимъ для всѣхъ второстепенныхъ булгаро-татарскихъ городищъ; ту-же культуру обнаруживаютъ и золотоордынскія монеты, и характерныя укрѣпленія съ прорѣзами для воротъ, и обломокъ могильнаго камня.

Болѣе серьознымъ представляется вопросъ о названіи бывшаго здѣсь булгаро-татарскаго города. Всѣ писавшіе о немъ присвоиваютъ ему имя Жукотина, исходя изъ того факта, что названіе близьлежащаго села Жукотина однозвучно съ именемъ булгарскаго города, упоминаемаго въ нашихъ лѣтописяхъ. Но одно созвучіе едва-ли можетъ быть признано достаточнымъ въ рѣшеніи подобнаго вопроса, тѣмъ болѣе, что въ нашихъ лѣтописяхъ названіе города подвергается весьма разнообразнымъ видоизмѣненіямъ: онъ называется и Жукотинымъ и Жюкотинымъ, а князья его—Жукотинскими, Жукотынскими, Жукотенскими и даже Жекотстими и Жуконстими. Такимъ образомъ для названія города можетъ быть построено цѣлыхъ пять варіацій: Жукотинъ, Жукотынъ, Жукотенъ, Жекотъ и даже Жуконъ. Если-бы имя города сохранилось въ мусульманскихъ лѣтописяхъ и преданіяхъ, то вопросъ о названіи разрѣшился-бы, конечно, очень просто. Но татарскіе источники молчатъ, и мы не знаемъ, какъ сами булгары называли городъ, слѣды котораго сохранились на Чистопольскомъ побережьи.

Интересуясь этимъ вопросомъ, я обращался, между прочимъ, къ покойному Н. И. Ильминскому съ просьбой, не найдетъ-ли онъ возможнымъ объяснить лѣтописное названіе изъ татарскаго языка. Но Н. И. не нашелъ ничего подходящаго, тѣмъ болѣе, что въ татарскомъ языкѣ нѣтъ даже и звука Ж, а есть ДЖ. Объясненіе явилось совершенно случайно. Я предложилъ заняться этимъ вопросомъ одному знакомому муллѣ изъ д. Кугарчино Лаишевск. у., Мухаметзяну Заитову, который навѣщалъ меня, бывая въ Казани [1]). Въ первый-же

[1]) Съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ вспомнить объ этомъ, такъ какъ г. Заитовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ пре д

послѣдующій пріѣздъ онъ заявился ко мнѣ и, еще не поздоровавшись, съ довольной улыбкой проговорилъ: „А вѣдь я узналъ насчетъ Жукотина-то".

— Что-же именно?

— А то, что городъ-то назывался Джуке-тау... А русскіе передѣлали это слово въ Жукотинъ.

— Какъ-же ты узналъ?

— Очень просто. Ѣздилъ въ гости въ Чистополь, гулялъ съ знакомыми татарами по берегу и, указывая на Данауровскую гору, спрашиваю: „Какъ зовется у васъ эта гора?"— „Джуке-тау", говорятъ.—„Почему?—„А потому, что липа тутъ растетъ". Вотъ и все. Значитъ, булгарскій-то городъ назывался не Жукотинъ, а Джуке-тау. По русски это будетъ: „Липовая гора".

Я принужденъ былъ согласиться, что это дѣйствительно очень просто, такъ какъ у татаръ подобныя прозвища городовъ, характеризующія растительный покровъ или почву горы, на которой располагался городъ, представляются заурядными. Въ томъ-же Чистопольскомъ уѣздѣ есть слѣды булгаро-татарскаго города „Тубулгу-тау", т. е. Таволжья гора [1]), имя котораго встрѣчается у татарскаго лѣтописца половины XVI вѣка Шереффъ-эд-дина Булгари.

Такимъ образомъ устанавливается точное названіе еще одного булгаро-татарскаго города Джуке-тау. Вотъ почему я и озаглавилъ настоящую замѣтку „Владѣніями липовогорскихъ князей".

ставителей своей народности, которые не только хорошо освоились съ русскимъ языкомъ, но интересуются наукой и русской литературой и даже пріобрѣтаютъ себѣ русскія книги, особенно историческаго содержанія. Нельзя не пожалѣть, что почему-то въ послѣдніе годы прекратились сношенія г. Заитова съ Каз. археол. обществомъ, членомъ-сотрудникомъ котораго онъ состоялъ и даже напечаталъ въ «Извѣстіяхъ» очеркъ Чаллынскаго городища.

[1]) Подробности объ этомъ городѣ, мѣстность котораго и до сихъ поръ покрыта кустарникомъ таволги, найдутъ себѣ мѣсто въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Что касается хронологическаго вопроса, т. е. вопроса о времени существованія г. Джуке-тау, то онъ можетъ быть рѣшенъ только приблизительно.

Первое упоминаніе этого города въ русскихъ лѣтописяхъ относится къ 1359 г. Въ послѣдній разъ встрѣчается его имя въ описаніи боя въ Лысковѣ въ 1411 году. Никон. лѣтопись, говоря объ этой битвѣ между московскими и суздальскими князьями, указываетъ въ числѣ союзниковъ послѣднихъ „князей болгарскихъ и Жукотенскаго". (V. 36).

Фактъ этотъ, важный самъ по себѣ, какъ характеризующій съ одной стороны извѣстную обособленность князей Джуке-тау, а съ другой — и ихъ отношенія къ своимъ ближайшимъ русскимъ сосѣдямъ, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность точно установить промежутокъ времени, въ который г. Джуке-тау существовалъ несомнѣнно. Этотъ промежутокъ = 52 годамъ (отъ 1359 до 1411) и относится исключительно къ монгольской эпохѣ Камской Булгаріи. Но онъ не исчерпываетъ, конечно, всей продолжительности существованія города, такъ какъ въ 1359 г. князья Джуке-тау жаловались въ Ордѣ, что русскіе ушкуйники грабятъ ихъ „безпрестани", т. е. что набѣги на г. Джуке-тау бывали и раньше.

Въ какой-же степени можно раздвинуть предѣлы существованія г. Джуке-тау?

На этотъ вопросъ могли-бы, конечно, пролить значительный свѣтъ нумизматическіе факты. Но къ сожалѣнію, большая часть здѣшнихъ монетъ исчезала отъ опредѣленія въ рукахъ чистопольскихъ серебряковъ и мѣдниковъ, и только Невоструевъ опредѣленно говоритъ, что у него есть три монеты, найденныя на Жукотинскомъ городищѣ. Одна изъ нихъ серебряная — Узбекъ-хана, другая мѣдная — Хидыря (половины 14 в.), третья — также мѣдная — татарское пуло чеканки Новаго Сарая.

Что касается 11 монетъ, пріобрѣтенныхъ нами въ 1880 году, то, по опредѣленію покойнаго В. К. Савельева, онѣ даютъ слѣдующія нумизматическія показанія:

1) Три монеты безъ именъ хановъ и хронологической даты; на одной обозначено имя г. Булгара и фигура, образующая 9 небольшихъ полей; на другой — Нов. Сарая, шестнадцать деньговъ и фигура, похожая на двуглаваго орла; на третьей—тамга и украшеніе изъ 9 небольшихъ полей (серебр.).

2) Три монеты Хызръ-хана, чеканенныя въ Н. Сараѣ (двѣ) и Гюлистанѣ (одна), въ 762 г. гиджры, т. е. въ 1360,1 г.

3) Три мон. Джанибекъ-хана, чекан. въ Н. Сараѣ въ 752 г. гиджры, т. е. въ 1351 г. Украшеніе—распустившійся цвѣтокъ.

4) Одна монета Узбекъ-хана, булгарскій пулъ съ печатью Соломона, тамгой и годомъ—734 гиджры, т. е. 1333,4.

5) Одна монета, чеканен. въ Булгарѣ при Батыѣ отъ имени Менгу-каана верховнаго [1]).

Такимъ образомъ всѣ факты какъ лѣтописные, такъ и нумизматическіе не даютъ никакихъ указаній на существованіе г. Джуке-тау въ до-монгольскую эпоху, въ періодъ самостоятельнаго существованія Великой Булгаріи.

Тѣмъ не менѣе представляется возможность искать начало г. Джуке-тау именно въ этой эпохѣ. У Татищева, пользовавшагося несохранившимися до нашего времени источниками, прямо сказано, что въ 1236 году „пришли татаре на великихъ Болгаръ, всю землю ихъ поплѣнили, градъ Великій и Жукотинъ по жестокихъ бояхъ взявъ, всѣхъ мужей и женъ порубили, а младыхъ поплѣнили, и всѣ земли ихъ обладали“ [2]).

Это показаніе, не довѣрять которому нѣтъ основаній, опредѣленно свидѣтельствуетъ о томъ, что г. Джуке-тау существовалъ уже и въ до-монгольскій періодъ, т. е. въ самомъ

[1]) Монетъ съ именами первыхъ четырехъ хановъ Золотой Орды (Батыя, двухъ его сыновей и Берке-хана) не встрѣчается; онѣ чеканились во имя верховныхъ каановъ Великой Монгольской имперіи — Менгу и Эрикъ-бека. Монеты съ именами хановъ Золотой Орды появляются только при Менгу-Тимурѣ, т. е. при пятомъ ханѣ.

[2]) «Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ», Татищевъ, т. 3, ст. 465.

началѣ 13 вѣка, что и доводитъ доказанный промежутокъ времени существованія г. Джуке-тау покрайней мѣрѣ до 175 лѣтъ (отъ 1236 до 1411). На самомъ дѣлѣ онъ былъ, конечно, еще значительнѣе, расширяясь въ ту и другую сторону. Но для точнаго рѣшенія вопроса, за сколько времени до 1236 года возникъ городъ и долго-ли онъ просуществовалъ послѣ 1411— нѣтъ данныхъ. Можно только думать, что запустѣніе г. Джуке-тау относится къ моменту завоеванія булгарской земли въ 1431 году, когда „князь великій Василей посылалъ ратью на Болгаръ Волжскихъ князя Өедора Дав. Пестраго; онъ-же шедъ, взятъ ихъ, и всю землю ихъ плѣни". Основаніемъ для подобнаго предположенія можетъ служить то, что въ наступившемъ затѣмъ казанскомъ періодѣ Булгаріи г. Джуке-тау въ нашихъ лѣтописяхъ уже болѣе не упоминается.

Но обратившись въ пустошь, мѣстность бывшаго города снова стала заселяться послѣ паденія Казани. Въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ 1648 года уже упоминается „по ногайской дорогѣ с. Новое Никольское, Жукотино тожъ, въ вотчинѣ за Саввою Тимоѳеевымъ сыномъ Аристовымъ, у р. Жукоти".

Такъ какъ имя города Джуке-тау не встрѣчается въ татарскихъ лѣтописяхъ и не сохранилось въ памяти позднѣйшихъ татаръ, то надо думать, что первые русскіе насельники этой мѣстности назвали свое село Жукотинымъ по имени горы Джуке-тау, прозвище которой удержалось отъ стародавнихъ временъ и у современныхъ чистопольскихъ татаръ.

Окончивъ характеристику данныхъ о г. Джуке-тау, я перехожу затѣмъ къ обзору его ближайшихъ окрестностей. Въ нашихъ лѣтописяхъ указывается одновременное существованіе нѣсколькихъ жукотинскихъ князей и такимъ образомъ дается поводъ думать, что близь г. Джуке-тау находилась цѣлая система ауловъ, которые могли управляться отдѣльными князьками. Это обстоятельство и дѣлаетъ необходимымъ коснуться тѣхъ археологическихъ данныхъ, которые

разсѣяны на камскомъ побережьи до устья Шешмы на востокѣ и до рѣчки Бахты на западѣ.

Ознакомившись съ этой мѣстностью очень бѣгло и мимоходомъ, я ограничусь только нѣсколькими краткими замѣчаніями, которыя могутъ служить дополненіемъ къ книгѣ г. Шпилевскаго и трудамъ, цитируемыхъ имъ авторовъ.

Къ востоку отъ с. Жукотина замѣчательны въ археологическомъ отношеніи долины рѣчекъ Ерыклы и Грязнухи, а къ западу—окрестности д. Березовки и долина р. Бахты.

Долина р. Ерыклы. Рѣчка Ерыкла выбѣгаетъ на камское займище верстахъ въ 6 къ востоку отъ Чистополя, изъ тѣснаго и глубокаго берегового ущелья, ограниченнаго съ правой стороны высокимъ и обрывистымъ горнымъ мысомъ, основаніе котораго состоитъ изъ массивной толщи грязно-сѣраго песчаника, а верхняя часть—изъ известняковъ. Горный мысъ оканчивается массивнымъ висячимъ камнемъ, подъ которымъ внизу, у самой подошвы горы, нагромождены въ безпорядкѣ каменныя глыбы. Одна изъ нихъ, наиболѣе отдаленная и потому, вѣроятно, и болѣе древняя по времени отдѣленія отъ скалы, обращаетъ на себя нѣкоторое вниманіе. Это—громадный обломокъ очень твердаго песчаника въ 3 саж. длины и одну—толщины, приближающійся по формѣ къ трехъугольной призмѣ. Близь передняго, болѣе другихъ заостреннаго, угла призмы сдѣланы 4 глубокія нарѣзки—двѣ на верхней поверхности и двѣ на боковой. Нарѣзки вполнѣ правильной формы: каждая пара представляетъ изогнутыя параллельныя линіи.

— Что у васъ разсказываютъ объ этомъ камнѣ? спросили мы у сопровождавшаго насъ десятника с. Зміева.

— Да ничего не разсказываютъ, а такъ болтаютъ только, будто чертъ черезъ него на телѣгѣ переѣхалъ — вотъ и вышли полосы... Извѣстно, зрятину болтаютъ...

Не съ бо̀льшей вѣроятностью разсуждали объ этомъ камнѣ Мельниковъ и Риттихъ, изъ которыхъ первый задавался довольно неожиданнымъ вопросомъ: не начерталъ-ли эти знаки „въ память временъ грядущихъ“ Владиміръ Святой, а второй—

не представляетъ-ли этотъ камень слѣдовъ друидизма у первоначальныхъ насельниковъ Казанской губ.

Отвѣчая на запросъ книги г. Шпилевскаго, который нашелъ описаніе Мельникова „темнымъ и малопонятнымъ", я считаю умѣстнымъ замѣтить только, что Мельниковъ поступилъ-бы болѣе цѣлесообразно, если-бы остановился исключительно на своемъ-же собственномъ указаніи, что въ записяхъ 17-го вѣка упоминаются въ числѣ пограничныхъ знаковъ—нарѣзки на камняхъ.

Дѣйствительно, стоитъ только взглянуть на описанный камень, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ былъ нѣкогда оконечностью скалы и, какъ пунктъ видный отовсюду, представлялъ всѣ удобства для означенія межевой грани.

Верхняя площадь горнаго мыса, образующаго правый берегъ Ерыклы, представляетъ собою городище, часть котораго занимаетъ нынѣ с. Зміево. Городокъ ограниченъ съ трехъ сторонъ крутыми обрывами, а съ четвертой—защищенъ уже совсѣмъ почти изгладившимися валами. Въ трехъ верстахъ къ юго-востоку отъ села есть еще одинъ городокъ, расположенный въ совершенно ровной мѣстности и потому огражденный валами со всѣхъ сторонъ. Никакихъ находокъ, по словамъ крестьянъ, на этихъ городкахъ не встрѣчается и потому о культурѣ ихъ пришлось-бы судить исключительно по типу глиняныхъ черепковъ, еслибы не сохранился въ с. Зміевѣ тотъ могильный камень, который охарактеризованъ былъ въ „Замѣткахъ о городищахъ Каз. губ." именемъ „камня съ неизвѣстной надписью" и, по словамъ ихъ, найденъ былъ близь вала полевого городка, а по увѣренію крестьянъ всегда лежалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣ, т. е. среди самаго с. Зміева, въ двухъ шагахъ отъ дороги.

Снятая нами „неизвѣстная надпись" оказалась арабской и, по опредѣленію I. Ф. Готвальда, заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

„Онъ живой, который не умираетъ. Эта могила... Да помилуетъ ее Богъ своимъ милосердіемъ обширнымъ".

Такимъ образомъ этотъ могильный памятникъ, стоявшій надъ прахомъ мусульманки, имя которой изгладилось, и относящійся по характеру письма, какъ заключаетъ г. Готвальдъ, къ 14 вѣку, — служитъ яснымъ показателемъ того, что городища долины Ерыклы представляютъ собою ничто иное, какъ слѣды булгаро-татарскихъ укрѣпленныхъ поселеній—современниковъ города Джуке-тау.

Долина р. Грязнухи. Версты за 4 къ востоку отъ с. Зміева выходитъ на камское займище широкій долъ, по которому протекаетъ небольшая рѣчка Грязнуха. Съ мостика, перекинутаго черезъ нее, открывается видъ почти на всю долину. Ниже его—привольно раскинувшееся камское займище съ своими топями, озерами и протоками; съ боковъ—обрывистые склоны долины, изъ которыхъ правый въ полуверстѣ отъ моста оканчивается голымъ известняковымъ утесомъ; выше—развѣтвленія долины или по мѣстному прозвищу „отноги", по которымъ пробѣгаютъ Студеный Ключъ и притоки Грязнухи-Грязнуха Рубежная и Мѣстная.

У самаго мостика, на правомъ берегу Грязнухи, располагается кругообразный холмъ, имѣющій въ діаметрѣ около 30 саж., а въ высоту около 2-хъ аршинъ; сторона, обращенная къ рѣчкѣ, подмыта и обнаруживаетъ глинистое сложеніе.

„Пригорокъ этотъ—разсказывали намъ крестьяне сосѣдняго с. Булдыря—былъ почитай совсѣмъ круглый, да мостовщики стали изъ него землю брать и водой его подмываетъ... А какъ станутъ землю копать—кости вываливаются, вотъ и на дняхъ еще какъ-есть цѣлаго человѣка отрыли... А прô находки у насъ не слыхать; болтали допрежь на селѣ, будто одинъ мужикъ саблю нашелъ, да и то не здѣсь, а на горахъ" [1]).

Хотя изъ этого разсказа и можно было заключить, что описанный холмъ представляетъ собою могильную насыпь, но раскопать его вполнѣ оказалось невозможнымъ, такъ какъ

[1]) Въ с. Булдырѣ мы пріобрѣли только одинъ боевой топоръ (типъ, встрѣчающійся нерѣдко на булгарскихъ городищахъ).

средняя часть его занята часовней. Частичная-же раскопка, произведенная со стороны рѣчки, дала слѣдующій результатъ: па глубинѣ аршина обнаружился костякъ безъ голеней и ступней, которые, очевидно, вымыты были водою или извлечены мостовщиками; костякъ располагался на спинѣ, головою на сѣверо-западъ, ногами на юго-востокъ; черепъ на правой скулѣ, руки вдоль туловища, надъ лѣвымъ ухомъ—мѣдная серьга.

Такимъ образомъ разсказъ крестьянъ подтвердился и бугорокъ на Грязнухѣ оказался курганомъ.

На верхней площади указаннаго выше известняковаго утеса обнаружилось городище, упоминаемое, но не описанное Артемьевымъ. Утесъ или правильнѣе горный выступъ, поднимаясь саженъ на 8 надъ займищемъ, круто обрывается на 3 стороны: на сѣверъ — къ Камѣ, на западъ къ Грязнухѣ и на югъ—къ боковому овражку; съ востока-же, т. е. со стороны обращенной къ с. Булдырю и вполнѣ доступной, онъ защищенъ двумя раздѣленными рвомъ валами, которые, при высотѣ двухъ аршинъ, тянутся всего на протяженіи 13 саженъ и въ средней части прорѣзаны воротами. Площадь городка имѣетъ не болѣе 150 саженъ въ окружности и на столько поката, что культурный слой снесенъ безъ остатка. На обнаженной каменной почвѣ не сохранилось даже ни одного глиняннаго черепка, такъ что только по строенію валовъ можно было заподозрить булгарское происхожденіе городка и по характеру мѣстности признать его сторожевымъ постомъ.

Но что-же онъ могъ сторожить?

Этотъ вопросъ разъяснился до извѣстной степени изъ разсказовъ мѣстныхъ крестьянъ. Оказалось, что выше моста на Грязнухѣ, горныя площадки по сторонамъ ея долины во многихъ мѣстахъ покрыты глиняными черепками, а версты за 3 отъ моста, на одномъ изъ горныхъ выступовъ, еще недавно лежалъ „писанный камень“, длиною въ $1^1/_2$ аршина, а шириною въ $^3/_4$. „Камень былъ, почитай такой-же, какъ въ Зміевѣ— говорили очевидцы: на верху звѣзда, а подъ звѣздой надпись, но только на нашемъ камнѣ письма было много больше“.

Хотя этотъ камень, разбитый еще очень недавно пастухами, и не существуетъ болѣе, но детальность въ описаніи его позволяетъ вѣрить разсказу и, на основаніи его, придти къ заключенію, что въ бассейнѣ Грязнухи, во времена существованія города Джуке-тау, были булгарскіе аулы.

Что-же касается описаннаго выше кургана, то, не имѣя достаточныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса о его народности и эпохѣ, я оставляю его открытымъ и только ограничусь замѣчаніемъ, что сосѣднее село Булдырь хотя и населено исключительно русскими, но носитъ названіе чувашское. Слово Булдырь состоитъ изъ двухъ словъ: „пол“—обильный и „тыръ“—хлѣбъ; „тыр-болъ“ означаетъ „обиліе хлѣба“, а „пол-дыръ“—„густой хлѣбъ“.

Мѣстность къ западу отъ с. Жукотина и долина р. Бахты. Версты за 4 къ западу отъ с. Жукотина, на самой окраинѣ горной площади, обращенной къ Камѣ, располагаются д. Березовка и с. Кубасы, отдѣленные другъ отъ друга оврагомъ.

Въ дачѣ д. Березовки Мельниковъ указывалъ городище, но это невѣрно. Городище находится въ дачѣ с. Жукотина, къ западу отъ него версты за $1^{1}/_{2}$. Береговое нагорье разсѣкается здѣсь двумя соединенными между собою оврагами—Тюбеневымъ и Студенымъ и образуетъ четыре „стрѣлки“, т. е. треугольныя площадки, круто обрывающіяся къ Камѣ и оврагамъ. Восточная изъ этихъ стрѣлокъ, ближайшая къ с. Жукотину, покрыта мелкимъ чернолѣсьемъ и ограждена съ доступной стороны высокимъ валомъ ($1^{1}/_{2}$ саж.) и внѣшнимъ рвомъ. Валъ длиною въ 75 саженъ и на 20-й сажени отъ Тюбенева оврага разсѣченъ воротами. Городокъ никогда не распахивался, находокъ на немъ по этому не встрѣчалось, но на „стрѣлкѣ“ Студенаго оврага попадаются черепки. По типу укрѣпленія и черепковъ, онъ можетъ быть отнесенъ къ числу булгарскихъ.

Дача с. Кубасъ съ западной стороны ограничена долиною рѣчки Бахты, правый берегъ которой образуетъ мѣстами высокіе крутые „притесы“ или обрывы, обнаруживающіе извест-

няки, прикрытые мергелями. По отлогости лѣваго берега Бахты раскинулись селенія—Иванаево, Утяково и Байтеряково. Противъ Утякова, на кручѣ праваго берега рѣчки, находится между двумя боковыми овражками пространное городище, укрѣпленное тремя валами и двумя рвами, которые, протягиваясь на 150 саженъ, въ средней части разсѣкаются воротами. Площадь городка никогда не распахивалась и сплошь покрыта бугорками и ямками, какъ и часть смежнаго поля. Обломки глиняной посуды, разсѣянные здѣсь въ изобиліи повсюду, совершенно однородны съ находимыми на мѣстѣ г. Джуке-тау и такимъ образомъ позволяютъ отнести Утяковское городище къ числу булгарскихъ ауловъ — современниковъ г. Джуке-тау.

Подобное-же городище находится, по словамъ крестьянъ, и противъ с. Байтерякова на кручѣ праваго берега Бахты, называемой Красной горкой.

Изложенными данными и исчерпываются мои свѣдѣнія о районѣ булгарскаго г. Джуке-тау. С. М. Шпилевскій нашелъ возможнымъ включить въ „Жукотинскій округъ“ еще бассейны рѣкъ Кирмени и Шумбута. Но на мой взглядъ, подобное расширеніе владѣній „князей Джуке-тау“ совершенно произвольно. Кирмень и Шумбутъ находятся на противуположной, т. е. правой сторонѣ Камы и нѣтъ ни малѣйшихъ основаній причислять слѣды находящихся на ихъ берегахъ булгарскихъ ауловъ къ описанному району. Л и п о в а я г о р а (Джуке-тау) располагается на лѣвомъ берегу Камы. Здѣсь должны быть и „Владѣнія липовогорскихъ князей“.

П. Пономаревъ.

КНИГИ РАЗРЯДНЫЯ

ВЪ ОФФИЦІАЛЬНЫХЪ ИХЪ СПИСКАХЪ, КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ СИБИРИ XVII ВѢКА.

Со времени появленія въ свѣтъ оставшагося неоконченнымъ „Описанія Сибирскаго царства" Миллера и до нашихъ дней Сибирь не нашла себѣ еще историка. Были люди, занимавшіеся исторіей Сибири,—они оставили намъ различныя изслѣдованія по тому или другому вопросу, но исторіи Сибири не дали. Тѣмъ временемъ матеріалы для таковой все накапливались; по мѣрѣ организаціи центральныхъ московскихъ архивовъ и большей доступности ихъ количество сыраго матеріала все разросталось. Задача историка, съ одной стороны, какъ будто облегчалась, а съ другой, напротивъ, становилась все труднѣе. Современныя требованія и взгляды на исторію настолько подвинулись, что выступить въ роли историка Сибири въ настоящее время можетъ лишь человѣкъ, ознакомившійся со всѣмъ имѣющимся матеріаломъ. Это-то ознакомленіе и представляется особенно труднымъ, главнымъ образомъ потому что матеріалы разбросаны повсюду, не систематизированы, не обработаны, представляютъ изъ себя безжизненную, неодухотворенную массу. Требуется тяжелая предварительная работа группировки, распредѣленія и критическаго освѣщенія имѣющихся данныхъ. Въ этомъ направленіи и идутъ новѣйшія работы проф. Буцинскаго, собирающагося писать исторію Сибири.

Ознакомившись съ содержаніемъ Книгъ Разрядныхъ, еще въ пятидесятыхъ годахъ изданныхъ Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, и найдя тамъ не мало любопытныхъ данныхъ по исторіи Сибири, мы рѣшаемся ихъ представить вниманію будущихъ историковъ этой страны. Дѣлаемъ это еще и потому, что до сего времени изслѣдователи жизни Сибири XVII вѣка почему то совершенно игнорировали этотъ источникъ,—по крайней мѣрѣ, намъ ни разу не доведось встрѣтить въ какихъ бы то ни было спеціальныхъ изслѣдованіяхъ о Сибири ссылку на Книги Разрядныя.

I.

По мѣрѣ усиленія политическаго значенія великаго князя Московскаго и расширенія его владѣній за счетъ другихъ удѣльныхъ князей государственное устройство московскаго княжества постепенно становилось все болѣе и болѣе сложнымъ; когда же наконецъ Москва стала центромъ русскаго царства и великій князь принялъ титулъ Государя, Царя и Великаго Князя „всеа Русіи“, система государственнаго управленія, путемъ постепеннаго наслоенія учрежденій разнаго рода приняла формы крайне сложныя, спутанныя, до сего времени еще не достаточно выясненныя. Распорядительными органами правительства являлись въ то время Приказы различныхъ наименованій и съ функціями самыми разнообразными. Взаимное соотношеніе Приказовъ между собой съ трудомъ поддается опредѣленію болѣе или менѣе точному; еще менѣе въ состояніи мы строго разграничить предметы вѣдомства того или другаго Приказа. Нужно думать, что такого строгаго разграниченія и не существовало въ то время, что вполнѣ объясняется самою исторіею возникновенія Приказовъ. Едвали будетъ ошибкой утверждать, что московскіе Приказы не болѣе какъ распавшіяся части, осколки того единаго учрежденія, которое въ свое время вѣдало дѣлами всего удѣльнаго княжества, являясь, такъ сказать, конторой или канцеляріей

князя-правителя. Все болѣе усложнявшіяся условія управленія, въ связи съ территоріальными пріобрѣтеніями, постепенно расширяли дѣятельность этого органа, пока наконецъ, силою вещей, отъ него не стали отдѣляться другъ за другомъ разныя отдѣльныя части, образуя самостоятельные органы Приказы. Исторически слагаясь по мѣрѣ того, какъ или спеціализировалась та или другая отрасль управленія или присоединялась къ Москвѣ новая область, Приказы по предметамъ своего вѣдомства дѣлились на двѣ группы: одни завѣдывали какимъ либо спеціальнымъ дѣломъ, другіе вѣдали областями во всемъ объемѣ ихъ управленія. Отсюда вытекала неизбѣжная запутанность, затрудняющая точное опредѣленіе границъ компетентности того или другаго Приказа.

Смутное время междуцарствія не отразилось на внутреннихъ распорядкахъ московскихъ Приказовъ; они продолжали функціонировать все въ томъ же направленіи, развивая свою дѣятельность въ зависимости отъ политическаго и административнаго роста государственннаго строя московскаго царства.

Въ силу историческихъ условій русской государственной жизни воинскія дѣла въ Москвѣ стояли всегда на первомъ планѣ, почему весьма вѣроятно, что завѣдываніе ими выдѣлилось изъ общаго управленія еще въ очень отдаленныя времена. Впослѣдствіи дѣла эти сосредоточены были въ такъ называемомъ „Розрядѣ“ или Разрядномъ Приказѣ. Учрежденіе это, вѣдавшее такимъ образомъ дѣлами первой государственной важности несомнѣнно стояло близко къ Государю и тѣмъ выдѣлялось, такъ сказать, изъ ряда другихъ Приказовъ. Значеніе его въ общемъ государственномъ строѣ значительно увеличилось, когда въ немъ, помимо собственно военныхъ дѣлъ, сосредоточились и дѣла по мѣстничеству.

Возникшее первоначально на почвѣ спора о древности и первенствѣ однихъ родовъ передъ другими, мѣстничество, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ все усиливающейся царской власти, когда служебная близость къ царю стала единственнымъ мѣ-

рилом значенія того или другаго лица,—измѣнило свой характеръ и спорившіе о „мѣстѣ“ начали основывать свои права уже на службѣ своей и своихъ предковъ, опредѣляя старшинство рода отличіями и значеніемъ служебнымъ. Разъ вопросъ о „мѣстахъ“ изъ спора о древности и знатности рода перешелъ въ споръ о важности „службы“, въ зависимости отъ извѣстной близости къ царю, мѣстничество явилось обстоятельствомъ крайне выгоднымъ для московскихъ государей, видѣвшихъ въ немъ, и не безъ основанія, подтвержденіе со стороны знатнѣйшихъ родовъ въ государствѣ своихъ правъ на безусловное главенство. Понятно почему споры „о мѣстахъ“ до извѣстной степени даже поощрялись; столь строгіе государи какъ Иванъ III и Василій III терпѣливо разбирали лично мѣстническіе споры и обсуждали взаимныя притязанія сторонъ, подробно выясняя положеніе предковъ тяжущихся и ихъ прежнюю службу. Самъ Грозный довольно мягко относился къ мѣстническимъ счетамъ, можетъ быть, какъ полагаетъ г. Иловайскій [1]) съ тайною цѣлью постоянно возбуждать соперничество среди боярской знати и тѣмъ мѣшать сплотиться ей въ одно сильное сословіе, опасное для развивавшагося самодержавія.

Такъ какъ мѣриломъ „мѣста“ являлась служба, а подъ службой въ то время почти исключительно понималась служба ратная, то очевидно, что всѣ свѣдѣнія, необходимыя для правильнаго разрѣшенія мѣстническихъ споровъ, слѣдовало искать по преимуществу въ Разрядномъ Приказѣ. Этимъ до извѣстной степени, какъ намъ кажется, можно объяснить тотъ фактъ, что въ вѣдѣніи Разряднаго Приказа сосредоточены были и всѣ мѣстническія дѣла. Само собой разумѣется, что съ присоединеніемъ этого рода дѣлъ дѣлопроизводство Разряднаго Приказа неизбѣжно должно было увеличиться и осложниться. Очень вѣроятно, что въ началѣ по крайней мѣрѣ какъ распоряженія военныя, такъ и указы по мѣстничеству вносились

---

[1]) Исторія Россіи, т. III. 415.

въ однѣ и тѣ же, такъ сказать настольныя книги Приказа. Со временемъ, по мѣрѣ усиленія и возвышенія придворной службы появилась необходимость точно отмѣчать всѣ проявленія службы, и въ этомъ направленіи, не имѣвшемъ уже ничего общаго со службой ратной, — результатомъ чего явились особыя книги, хроники царскаго двора. Наконецъ, что тоже кажется не можетъ подлежать сомнѣнію, Розрядъ велъ книги „случаевъ" мѣстническихъ, куда по всѣмъ вѣроятіямъ вносились подлинникомъ челобитныя тяжущихся сторонъ, всѣ документы ими представленные, словомъ весь тотъ матеріалъ, на основаніи котораго разрѣшался данный „случай". Дьяческая практика XVII вѣка однако не выработала строго опредѣленныхъ формъ дѣлопроизводства, почему, рядомъ съ спеціальными книгами случаевъ, таковые, хотя и вкратцѣ и далеко не всѣ, включались и въ общія настольныя книги Разряднаго Приказа, — въ книгу распоряженій по военнымъ дѣламъ и книгу дворцоваго обихода. Насталъ 1682 годъ, ознаменовавшійся уничтоженіемъ мѣстничества и сожженіемъ разрядныхъ книгъ. Само собой разумѣется, что сожжены были лишь книги мѣстническія, т. е. тѣ въ которыя вносились „случаи"; странно и непонятно было бы уничтожать записи дворцоваго обихода и военныхъ распоряженій, записи, во всякомъ случаѣ только косвенно касавшіяся мѣстничества и имѣвшія огромное значеніе какъ для разрѣшенія сложныхъ вопросовъ придворнаго этикета, такъ, что гораздо важнѣе, для руководства при обсужденіи тѣхъ или другихъ мѣропріятій въ военной сферѣ. Не костеръ, разложенный въ 1682 году на крыльцѣ московскаго дворца, а всепожирающее время истребило большую часть этихъ драгоцѣнныхъ актовъ государственной жизни московскаго царства. Часто повторявшіеся опустошительные пожары, нашествіе французовъ въ 1812 году, а главное—небрежное храненіе, въ связи съ недостаточнымъ пониманіемъ всей важности охраненія этихъ актовъ — вотъ истинные виновники истребленія архивовъ Разряднаго Приказа. Только самая незначительная часть ихъ дошла до на-

шего времени и, если оказалось возможнымъ возстановить эти любопытныя записи за время царствованія первыхъ царей дома Романовыхъ, то благодаря лишь тому обстоятельству, что въ свое время многіе роды, ревниво оберегая свою честь, запасались отдѣльными списками и выписками изъ приказныхъ книгъ, и списки эти въ довольно значительномъ количествѣ сохранились и дошли до насъ. Эти частные списки, являвшіеся, какъ нужно думать, доказательствами, представляемыми по мѣстническимъ дѣламъ, не могутъ однако заслуживать того довѣрія, какъ записи, писанныя приказными дьяками; нерѣдко составители ихъ, по расчетамъ тщеславія, означали не всѣ случаи, относящіеся къ службѣ ихъ предковъ или предковъ споривших съ ними о старшинствѣ. Вотъ почему потребовалось тщательное и кропотливое сличеніе цѣлой массы списковъ для возстановленія подлиннаго, истиннаго текста.

Такимъ образомъ дошедшіе до насъ остатки дѣлопроизводства Разряднаго Приказа, извѣстныя подъ общимъ именемъ разрядныхъ книгъ, съ точки зрѣнія исторической достовѣрности сообщаемыхъ ими фактовъ, подраздѣляются на книги оффиціальныя, представляющія подлинныя производства Разряднаго Приказа и неоффиціальныя, частныя—являющіяся болѣе или менѣе точными копіями съ разныхъ книгъ и дѣлъ этого учрежденія.

По содержанію своему разрядныя книги разбиваются на двѣ группы: 1) книги обихода царскаго двора и 2) „Розряды“ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. книги съ записями о всѣхъ распоряженіяхъ по службѣ военной и частью приказной. Особенно рѣзкаго различія между этими двумя основными группами разрядныхъ книгъ провести всетаки нельзя. Какъ въ тѣхъ, такъ и другихъ мы встрѣчаемъ нерѣдко свѣдѣнія по одному и тому же предмету, не говоря уже о томъ, что напр. мѣстническіе случаи помѣщаются безразлично и въ книгахъ обихода царскаго двора и въ книгахъ распоряженій правительства по службѣ. Въ общихъ чертахъ можно лишь указать, что въ

книгахъ перваго рода особенно подробно излагается внутренній распорядокъ московскаго двора и придворной службы, причемъ лишь отчасти сообщаются свѣдѣнія о тѣхъ или другихъ назначеніяхъ, тѣхъ или другихъ распоряженіяхъ по службѣ внѣ дворца; въ книгахъ же втораго рода распредѣленіе служилыхъ людей является на первомъ планѣ, наравнѣ съ указаніемъ военныхъ силъ, которыми располагало правительство въ данное время.

Въ числѣ распоряженій правительства по службѣ мы находимъ въ разрядныхъ книгахъ не только отмѣтки о назначеніи и перемѣщеніи служилыхъ людей, но и наказы воеводамъ, отписки ихъ царю, а также самый распорядокъ различныхъ церемоній, по тому или другому случаю назначаемыхъ. Изъ этого краткаго перечня содержанія разрядныхъ книгъ уже видно, какой драгоцѣнный историческій матеріалъ представляютъ онѣ для изслѣдователя московской старины; захватывая любопытнѣйшія стороны государственнаго строя и общественнаго быта московскаго государства, онѣ безпристрастно отражаютъ на страницахъ своихъ данную эпоху, съ ея служебными интересами, интригами борющихся родовъ и распоряженіями правительства по водворенію порядка, благоустройства и безопасности въ странѣ.

Такой богатый матеріалъ конечно не преминулъ обратить на себя вниманіе изслѣдователей; еще въ прошломъ столѣтіи Новиковъ и Миллеръ издали нѣсколько разрядныхъ книгъ [1]); въ сороковыхъ годахъ появилась извѣстная книга Д. Валуева „Синбирскій Сборникъ", въ которой помѣщены были разряды второй половины XVI и начала XVII вѣка. Вслѣдъ затѣмъ стали издаваться отдѣльныя разряды въ чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. и въ другихъ сборникахъ. Наконецъ въ 50-хъ годахъ, по приказанію Императора Нико-

---

[1]) Новиковъ. Древн. Росс. Вивл., т. XIII и XIV; «Повседневныя записки Дворцовыя времени Государей Царей и Великихъ Князей Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михаиловича». 2 ч. М. 1769.—Изданіе Миллера.

лая Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи приведены были въ извѣстность всѣ разрядныя, какъ оффиціальныя, такъ и частныя, дошедшія до правительства. Тексты ихъ были сличены, провѣрены одни другими и изданы. Редакторы этого изданія признали необходимымъ раздѣлить весь имѣвшійся у нихъ матеріалъ по содержанію его на двѣ группы, согласно тому признаку, о которомъ мы упоминали выше. Хроники царскаго придворнаго обихода изданы были подъ названіемъ „Дворцовыхъ Разрядовъ". Какъ видно изъ предисловія къ этому изданію, источниками для Дворцовыхъ Разрядовъ послужили почти исключительно частныя разрядныя книги, текстъ которыхъ тщательно былъ сличенъ по различнымъ спискамъ и такимъ образомъ провѣренъ. Вторая группа разрядныхъ, обнимающая распоряженія правительства по военному и частью гражданскому управленію получило названіе „Книгъ Разрядныхъ" [1]). Въ противоположность съ Дворцовыми Разрядами, Книги Разрядныя составлены исключительно по оффиціальнымъ спискамъ, являясь такимъ образомъ точнымъ воспроизведеніемъ дѣлопроизводственныхъ книгъ Разряднаго Приказа. Обстоятельство это конечно имѣетъ немаловажное значеніе при разрѣшеніи вопроса о степени достовѣрности помѣщенныхъ въ нихъ свѣдѣній.

Оставляя въ сторонѣ первую группу разрядныхъ—книги дворцовыхъ разрядовъ, не заключающія въ себѣ особаго матеріала для исторіи Сибири, обратимся къ ближайшему ознакомленію съ Книгами Разрядными, дающими намъ не мало весьма цѣнныхъ свѣдѣній по нѣкоторымъ вопросамъ исторической жизни Сибири XVII вѣка.

Извѣстный знатокъ московской старины Ив. Забѣлинъ [2]) полагаетъ, что такъ называемые „розряды", составляющіе текстъ Книгъ Разрядныхъ, являются оффиціальнымъ журна-

---

[1]) «Книги Разрядныя». Спб. 1853—1855. Два тома; къ нимъ алфавитный указатель собственныхъ именъ и географическихъ названій.

[2]) «Опытъ изученія русск. древн. и исторіи». М. 1872.

ломъ, въ которомъ, въ хронологическомъ порядкѣ записывались поводы и порядокъ употребленія въ данныхъ случаяхъ военныхъ силъ государства. По его мнѣнію „Розряды“ ничто иное какъ исходящій журналъ Разряднаго Приказа, записка оффиціальныхъ отпусковъ бумагъ, и притомъ только по военному дѣлу. Присутствіе въ нихъ записокъ о счетныхъ дѣлахъ, т. е. приговоровъ по мѣстничеству, объясняется г. Забѣлинымъ тѣмъ, что записки эти „не составляли существеннаго, неизбѣжнаго дополненія къ общимъ разрядамъ, а вносились туда случайно, безъ опредѣленной цѣли, можетъ быть только потому, что подьячій, которому приказано было вести книгу „Розрядовъ“, составляя иногда, по случайному порученію, записку о „счетныхъ“ дѣлахъ, вносилъ въ свой журналъ въ концѣ и эту записку“.

Съ этимъ мнѣніемъ согласиться трудно; въ „Розряды“ вносились распоряженія и по службѣ гражданской, приказной, которую г. Забѣлинъ противопоставляетъ вообще службѣ, въ смыслѣ службы ратной. Это одно уже исключаетъ возможность признавать за „Розрядами“ характеръ исходящаго журнала по дѣламъ военнымъ. Несомнѣнно также, что записки по мѣстническимъ спорамъ, которыхъ мы въ изданныхъ двухъ томахъ Книгъ Разрядныхъ насчитали до 50-ти, не могли попасть туда случайно, по прихоти подьячаго; при господствовавшемъ въ то время осторожномъ взглядѣ на всякій документъ едва ли кто либо изъ приказныхъ подьячихъ рѣшился бы писать въ оффиціальной книгѣ то, что ему вздумается, безъ особаго распоряженія лица, завѣдывавшаго этимъ дѣломъ. Гораздо ближе къ истинѣ, какъ намъ кажется, мнѣніе Д. Валуева [1]), полагавшаго, что разрядные велись „преимущественно для того, чтобы опредѣлять въ роды родовъ чиноначаліе военной и отчасти придворной и гражданской службы

[1]) «Симбирскій Сборникъ» М. 1844 г.

и потомственнаго по службѣ старшинства военныхъ, придворныхъ и гражданскихъ сановниковъ".

Какъ было сказано выше, въ Разрядномъ Приказѣ сосредоточены были дѣла по военному управленію и по мѣстничеству, которое, въ основаніи своемъ имѣло счетъ по службѣ не только военной, но и гражданской. Понятно, что при отсутствіи въ то время строго опредѣленныхъ формъ приказнаго дѣлопроизводства въ „Розрядахъ", являвшихся собраніемъ указовъ и распоряженій исходившихъ отъ имени царя, по предметамъ вѣдомства Разряднаго Приказа,—распоряженія эти помѣщались безразлично по отношенію къ своему содержанію (по военному управленію, гражданской службѣ или мѣстничеству), подчиняясь лишь хронологическому порядку.

Книги Разрядныя заключаютъ въ себѣ рядъ разрядовъ, послѣдовательно, изъ года въ годъ обнимающихъ 22-хъ лѣтній періодъ, начиная съ 7123 и кончая 7144 годомъ (1615—1636). Такимъ образомъ, по времени, онѣ относятся къ первымъ годамъ царствованія Михаила Θеодоровича, когда жизнь русскаго государства, потрясенная междуусобіями смутнаго времени, стала мало по малу принимать свое нормальное теченіе. Это время совпадаетъ съ постепеннымъ и настойчивымъ распространеніемъ русскаго вліянія на дальнемъ востокѣ, въ недавно завоеванной Сибири. Чрезвычайно интереснымъ представляется прослѣдить дѣятельность московскаго правительства въ отношеніи укрѣпленія власти царя въ далекой его вотчинѣ и Книги Разрядныя должны были бы дать не мало къ тому матеріала. На дѣлѣ однако это не совсѣмъ такъ. Свѣдѣнія, почерпаемыя изъ нихъ о распоряженіяхъ правительства по отношеніи къ Сибири крайне скудны и въ первые десять лѣтъ исключительно сводятся къ перечисленію воеводъ, посылаемыхъ въ сибирскіе города и остроги. Едва ли мы ошибемся, если припишемъ эту скудость свѣдѣній тому обстоятельству, что въ первое время послѣ великаго раззоренія русской земли, центральному правительству было не до отдаленной Сибири: слишкомъ много было дѣла на коренной

Руси; интересы ея окраинъ, по необходимости, оставались на заднемъ планѣ. Самое управленіе сибирскими дѣлами не имѣло еще въ то время своего спеціальнаго органа въ Москвѣ. Сибирь состояла въ вѣдѣніи Казанскаго и Мещерскаго дворца, при которомъ, въ видѣ отдѣленія таковаго, учрежденъ былъ Сибирскій приказъ. Только съ 1637 года Сибирскій приказъ выдѣленъ въ особое, самостоятельное учрежденіе.

Съ 1625 года данныя Книгъ Разрядныхъ о Сибири увеличиваются; кромѣ списка воеводамъ и дьякамъ, сообщаются свѣдѣнія о количествѣ служилыхъ лицъ по городамъ, причемъ особенно подробно перечисляется составъ гарнизоновъ сибирскихъ городовъ и остроговъ. Такъ какъ въ то время въ Сибири постоянныхъ полевыхъ войскъ не было и всѣ вооруженныя силы пріурочивались къ тому или другому укрѣпленному мѣсту, подобное перечисленіе состава гарнизоновъ особенно важно, ибо имъ опредѣляется все то количество войска, которымъ правительство располагало въ Сибири въ данное время. Приводимыя Книгами Разрядными цифры особенно цѣнны еще и потому, что мы не имѣемъ до сего времени никакихъ другихъ правительственныхъ актовъ, которые устанавляли бы точное количество русскаго войска въ Сибири въ разсматриваемый періодъ. Книги Разрядныя даютъ намъ въ этомъ отношеніи матеріалъ за цѣлыхъ девять лѣтъ: съ 1625 по 1631 г. включительно и за 1635 и 1636 гг. Конечно, очень можетъ быть, что въ богатѣйшемъ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, въ дѣлахъ Сибирскаго приказа найдутся за это время смѣтные списки служилыхъ людей по городамъ, но съ достовѣрностью это можно будетъ рѣшить лишь по выходѣ въ свѣтъ замѣчательной работы ученаго архивиста Н. Н. Оглоблина, трудящагося надъ составленіемъ „Обозрѣнія столбцевъ и книгъ Сибирскаго Приказа“. Можно однако думать, что хранящіеся тамъ акты и книги не оправдаютъ возлагаемыхъ на нихъ надеждъ, по крайней мѣрѣ проф. Буцинскій, спеціально изучавшій документы Сибирскаго Приказа жалуется на недостатокъ таковыхъ и, опредѣляя число слу-

жилыхъ людей по уѣздамъ лишь за нѣкоторые годы, пользуется для этого не только найденными имъ списками „служилыхъ лицъ“, но и другими документами, только косвенно касающимися этого вопроса, какъ то: окладными, дозорными и иныхъ наименованій книгами [1]).

Помимо свѣдѣній о личномъ составѣ воеводъ и данныхъ о количествѣ войска, Книги Разрядныя сообщаютъ еще и о распоряженіяхъ правительства по отношеніи къ Сибири. Сообщеній этихъ однако очень не много, мы не нашли въ нихъ ни одного наказа, ни одной воеводской отписки, касающихся этого отдаленнаго края. Нѣсколько краткихъ указаній о присылкѣ изъ Россіи свѣжихъ войскъ, о верстаніи на службу мѣстныхъ жителей, да указъ царя Михаила и патріарха Филарета о раздѣленіи Сибири въ 1629 году на два разряда—вотъ все что даютъ намъ Книги Разрядныя въ этомъ отношеніи.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое по нашему мнѣнію можно придавать свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Книгами Разрядными. Ихъ несомнѣнно оффиціальный характеръ конечно имѣетъ извѣстное значеніе при опредѣленіи достовѣрности того или другаго факта, но одно это обстоятельство еще недостаточно съ точки зрѣнія исторической критики. Попытаемся найти другія основанія, по которымъ можно было бы опредѣлить относительную цѣнность свѣдѣній Книгъ Разрядныхъ, въ смыслѣ ихъ достовѣрности.

На сколько можно предполагать, цѣль, съ которою заносились въ разряды списки воеводъ по городамъ, не ограничивалась необходимостью своевременно отмѣчать наличный составъ извѣстной категоріи служилыхъ лицъ, но сводилась къ дачѣ правительству возможности во всякое время точно установить взаимныя отношенія служилыхъ людей, съ точки зрѣ-

[1]) Буцинскій. «Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ. Харьковъ. 1889. стр. 23, 24, 66 и др.

нія служебнаго мѣстничества. Въ силу этого всѣ свѣдѣнія о службѣ того или другаго лица, само собой разумѣется, заносились въ книги съ особенною точностью и въ этомъ отношеніи указанія на занятія извѣстными лицами воеводскихъ и иныхъ высшихъ мѣстъ должны быть признаваемы безусловно вѣрными и безспорными. Нѣтъ сомнѣнія, что московскіе дьяки, ведшіе записки служилыхъ людей, особенно внимательно относились къ составленію списковъ воеводъ, зная хорошо, что въ случаѣ какого либо спора „о чести" того или другаго лица, самыя книги не только служили Думѣ основаніемъ для разрѣшенія спора, но въ извѣстныхъ случаяхъ могли быть вытребованы на „Верхъ", къ самому царю, какъ это бывало не разъ [1]). Вотъ почему мы полагаемъ, что всѣ свѣдѣнія о личномъ составѣ воеводъ, ихъ товарищей, дьяковъ и письменныхъ головъ могутъ быть принимаемы полностью и всѣ другіе источники по тому же предмету, съ точки зрѣнія исторической ихъ достовѣрности, должны быть поставлены ниже. Внимательно пересмотрѣвъ эти списки, мы можемъ въ нихъ указать на одну только ошибку, точнѣе—описку: въ книгѣ за 1621 годъ значится, что въ Туринскомъ острогѣ былъ воеводой Данило Милославской, а нѣсколько далѣе, тамъ же указано, что въ Туринскомъ городѣ „воеводы князь Иванъ Шеховской да Максимъ Радиловъ" [2]). Уже изъ одного того, что въ спискѣ сибирскихъ городовъ за этотъ годъ пропущенъ городъ Томскъ, смѣло можно заключить, что слова, „въ Туринскомъ городѣ" нужно читать въ „Томскомъ городѣ". Дѣйствительно—въ 1621 г. въ Туринскѣ былъ воеводой Данило Милославской, извѣстный своимъ грубымъ столкновеніемъ съ назначеннымъ въ Сибирь архіепископомъ Кипріаномъ [3]); подтверждается это и послѣдовавшей царской грамо-

---

[1]) Книги Разряд., т. I пред. стр. VIII.

[2]) Кн. Разряд., т. I. Столб. 764, 765.

[3]) Буцинскій. «Открытіе Тоб. епархіи и первый архіепископъ Кипріанъ».. Вѣра и Разумъ. 1890 г. № 21.

той на его имя отъ 26 февраля 1621 г. [1]); князь же Шаховской съ Максимомъ Радиловымъ назначены были воеводами въ Томскъ еще 29 февраля 1620 г., какъ это видно изъ разрядной книги за 1622 г., гдѣ между прочимъ указанъ и день назначенія этихъ воеводъ [2]). Если указанная ошибка не есть простая опечатка (она не указана однако въ спискѣ опечатокъ) и если ее нельзя отнести къ неправильному чтенію можетъ быть не совсѣмъ разборчивой рукописи, то это единственная, допущенная московскимъ дьякомъ описка въ разрядахъ сибирскихъ служилыхъ людей.

Совершенно иначе стоитъ дѣло по отношенію къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Книгами Разрядными о численности и составѣ сибирскихъ гарнизоновъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ много пропусковъ, иногда очевидныхъ и потому легко возстановляемыхъ, а иногда и такихъ, которые чувствуются, но не поддаются исправленію. Прежде всего невольно обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе итоговъ въ спискахъ ратныхъ людей. Несмотря на то, что большинство списковъ по городамъ кончается словами: „всего всякихъ людей“, но цифра итога, за рѣдкими, незначительными исключеніями, отсутствуетъ постоянно. Получается впечатлѣніе чего-то недоконченнаго, какъ будто подлежащаго еще исправленію или дополненію. Помимо этого встрѣчаются прямо пропуски, что обыкновенно выясняется изъ сопоставленія списковъ предъидущихъ и послѣдующихъ годовъ. Подобная небрежность въ составленіи списковъ ратныхъ людей, какъ кажется, можетъ быть объяснена лишь тѣмъ, что составлявшіе списки дьяки, обращая преимущественное вниманіе на вѣрное и точное указаніе поименно воеводъ и упоминая рядомъ съ ними о ратныхъ людямъ, имѣли цѣлью не регистрировать болѣе или менѣе точно военныя силы государства въ Сибири, а указать лишь на количество тѣхъ лицъ, которыя находились въ распоряженіи воеводы на мѣстѣ

[1]) Собр. Грам. и Догов., т. III, № 54.
[2]) Кн. Разр. I, 873.

его служенія. Самая форма, которая употреблялась при внесеніи въ разрядныя рода и количество войска, даетъ какъ бы право на такое предположеніе. Назвавъ городъ и поименовавъ тамошнихъ воеводъ, дьякъ писалъ: „а съ ними:“—и затѣмъ слѣдовало перечисленіе ратныхъ и служилыхъ людей, составлявшихъ гарнизонъ извѣстнаго укрѣпленнаго мѣста, города или острога. Форма „а съ ними:“ употребляется и въ тѣхъ случаяхъ, когда о воеводахъ говорится, что они въ томъ только году посланы въ Сибирь. Для примѣра приведемъ запись книги 1627 г. года, когда смѣнились воеводы во всѣхъ сибирскихъ городахъ. „Въ Тарскомъ воевода Степанъ Ивановъ сынъ Исленьевъ, да Иванъ Олексѣевъ сынъ Аргамаковъ; и Степану и Ивану велѣно ѣхати къ Москвѣ, а на Тару посланъ воевода князь Юрьи княжъ Ивановъ сынъ Шеховской, да Михайло Өедоровъ сынъ Койсаровъ, а съ ними: 1 ч. голова у татаръ, 1 ч. ротмистръ Литовскій, 1 ч. голова конныхъ казаковъ, 3 ч. дѣтей боярскихъ, 140 конныхъ казаковъ“ и т. д. [1]). Грамматическій смыслъ этой записи таковъ, что вмѣстѣ съ Шаховскимъ и Койсаровымъ посланы были и тѣ люди, о которыхъ говорится послѣ словъ „а съ ними“, а между тѣмъ на дѣлѣ это не такъ: всѣ упомянутые люди и въ томъ самомъ количествѣ находились въ Тарѣ и въ 1626 и въ 1625 годахъ, что видно изъ книгъ за эти годы [2]). Изъ этого слѣдуетъ, что въ выраженіи „а съ ними“ подразумѣвать нужно глаголъ—были, т. е. находились въ ихъ распоряженіи, подъ ихъ начальствомъ. Разъ это такъ, становится понятнымъ извѣстная доля небрежности, допускаемая дьяками при перечисленіи подвѣдомственныхъ воеводамъ ратныхъ людей. Быть можетъ не всегда даже была тутъ небрежность; очевидно ратными дѣлами и денежными окладами сибирскихъ служилыхъ людей спеціально вѣдало не то учрежденіе, на обязанности котораго лежало веденіе разрядныхъ книгъ. Все

---

[1]) Кн. Разр. I, 1364.
[2]) Тамъ же, I. 1149, 1256.

управленіе Сибирью, по всѣмъ его отраслямъ сосредоточено было сначала въ Казанскомъ и Мещерскомъ дворцѣ, а потомъ въ Сибирскомъ приказѣ; только съ 1680 г. указано было „службу и всякія полковыя дѣла района Казанскаго дворца вѣдать въ Розрядѣ“, т. е. въ Разрядномъ Приказѣ. Вотъ почему едва ли мы ошибаемся утверждая, что въ разсматриваемый нами періодъ сибирскими гарнизонами и всѣми распоряженіями по этой части самостоятельно вѣдалъ Казанскій дворецъ, а Разрядный Приказъ, являясь какъ бы главнымъ штабомъ всѣхъ вообще вооруженныхъ силъ московскаго государства, велъ лишь списки сибирскихъ ратныхъ людей, руководствуясь свѣдѣніями, получаемыми изъ Казанскаго дворца [1]). При такомъ положеніи вещей нѣкоторая неточность этихъ списковъ можетъ быть объяснена несвоевременнымъ доставленіемъ свѣдѣній, а въ иныхъ случаяхъ можетъ быть даже и до извѣстной степени халатнымъ отношеніемъ къ дѣлу со стороны дьяковъ, находившихъ болѣе удобнымъ для себя переписываніе прошлогоднихъ свѣдѣній, чѣмъ затребованіе новыхъ.

Все вышеизложенное не лишаетъ однако упомянутые списки ихъ значенія, какъ цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ. Какими бы цѣлями не руководствовались составители разрядныхъ, помѣщая въ нихъ свѣдѣнія о составѣ и численности расположенныхъ въ Сибири войскъ, не нужно забывать, что сообщаемыя цифры носятъ характеръ оффиціальныхъ данныхъ, т. е. такихъ, которыми руководствовалось московское правительство при сужденіи о сибирскихъ дѣлахъ. А это одно уже придаетъ имъ огромное значеніе. Ниже, въ своемъ мѣстѣ,

[1]) Съ этимъ мнѣніемъ, какъ кажется, согласны — Масловскій («Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи». Спб. 1891 г. вып. 1, стр. 54) и Лаппо-Данилевскій («Организація прямаго обложенія въ Моск. госуд.» Спб. 1890. стр. 455);—по крайней мѣрѣ эти авторы утверждаютъ, что въ Сибирскомъ приказѣ сосредоточивались всѣ свѣдѣнія и распоряженія, относящіяся къ военнымъ силамъ въ Сибири.

мы укажемъ на соотвѣтствіе цифръ приводимыхъ Книгами Разрядными съ дѣйствительностью и на причины неизбѣжной разницы въ численности войскъ по счетамъ Москвы и счетамъ мѣстнымъ.

II.

Книги Разрядныя даютъ намъ перечневой списокъ воеводъ, дьяковъ и письменныхъ головъ за цѣлыхъ 22 года подъ рядъ, въ городахъ Тобольскѣ, Тюмени, Верхотурьѣ, Тарѣ, Березовѣ, Пелымѣ, Мангазеѣ, Томскѣ, Сургутѣ и острогахъ: Туринскомъ, Нарымскомъ и Кетскомъ. По мѣрѣ основанія новыхъ остроговъ, въ 1617 г. — Кузнецкаго,—1619 г. Енисейскаго и 1628 г. Красноярскаго, — появляются свѣдѣнія о воеводахъ и въ этихъ укрѣпленныхъ мѣстахъ. До 1629 года Тобольскъ являлся административнымъ центромъ всей сибирской земли. Въ немъ сидѣлъ „большой воевода", которому подчинялись до извѣстной степени всѣ остальные. Подчиненіе это зачастую было чисто фиктивное; съ одной стороны мы знаемъ не мало царскихъ грамотъ обращенныхъ къ мѣстнымъ воеводамъ непосредственно, помимо тобольскаго, а съ другой— нерѣдко встрѣчаемъ и самостоятельныя отписки этихъ воеводъ въ Москву, что конечно не могло бы быть, если бы идея о главенствѣ тобольскаго воеводы была проведена строго и послѣдовательно. По мнѣнію проф. Буцинскаго [1]) весьма трудно опредѣлить въ чемъ собственно состояла зависимость сибирскихъ воеводъ отъ воеводы тобольскаго. Можно только указать на нѣкоторыя черты этой зависимости: тобольскій воевода каждому другому воеводѣ сибирскаго города могъ дѣлать замѣчанія, могъ заставить его исполнить свое распоряженіе, могъ требовать отписокъ по дѣламъ, касающимся управленія его уѣздомъ; ему же присылались со всѣхъ городовъ приходорасходныя и ясачныя книги. Наиболѣе рѣзко подчиненность воеводъ выражалась въ томъ, что они не имѣли права, безъ разрѣшенія тобольскаго воеводы, посылать служилыхъ людей противъ непріятеля, даже въ томъ случаѣ, когда тотъ втор-

---

[1]) «Заселеніе Сибири», 233, 234.

гался въ ихъ уѣздъ. Не смотря на практическое неудобство подобнаго положенія вещей, московское правительство не рѣшалось измѣнить этотъ порядокъ и на ходатайства объ этомъ отвѣчало отказомъ [1]). Такимъ образомъ мы видимъ, что тобольскій воевода, до 1629 г., былъ главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ Сибири. Съ этого года онъ, въ этомъ отношеніи, раздѣлилъ свою власть съ томскимъ воеводою. По указу царя Михаила Ѳеодоровича, отъ 3 декабря 1629 г., Сибирь раздѣлена на два разряда: Тобольскій и Томскій; къ первому разряду приписаны города: Верхотурье, Тюмень, Пелымъ, Тара, Березовъ, Мангазея и Туринскій острогъ; ко второму, Томскому—г. Сургутъ [2]) и остроги: Нарымскій, Кетскій, Кузнецкій, Енисейскій и новый „что велѣно поставить Ондрею Дубенскому на Красномъ—Яру". Въ Томскѣ указано „быти воеводѣ болшому, а съ нимъ товарищу да дьякомъ и писменымъ головамъ такъ же какъ въ Тоболску", причемъ указывалось, что „впередъ Тобольскому большому воеводѣ съ Томскимъ болшимъ воеводою счоту и мѣстъ нѣтъ" [3]).

Обыкновенно въ сибирскіе города назначались по два воеводы; младшій изъ нихъ считался воеводскимъ „товарыщемъ". Остроги довольствовались однимъ воеводою, а маленькіе острожки и зимовья управлялись прикащиками, посылаемыми туда ежегодно изъ того города или острога, въ вѣденіи котораго числился острожекъ.

Такъ продолжалось до 1627 года, когда „по разсмотрѣнію боярина князя Юрья Яншеевича Сулешова [4])" было ука-

---

[1]) Русск. Ист. Библ. II. № 159.

[2]) Бунинскій, въ своемъ «Заселеніи Сибири», стр. 233, правильно относитъ Сургутъ къ городамъ Тобольскаго разряда, очевидно у него не было въ рукахъ книгъ разрядныхъ, гдѣ помѣщенъ цѣликомъ весь указъ отъ 3 дек. 1629; туже ошибку встрѣчаемъ въ «запискахъ съ Сибирской исторіи служащихъ»)—Др. Росс. Вивл. М. 1788 т. III, 148.

[3]) Кн. разр. II. 201, 202.

[4]) Воеводствовалъ въ Тобольскѣ съ 8 Іюля 1623 по 29 мая 1625 г. (Кн. р. I. 927, 1143; Др. Росс. Вивл. III. 139).

зано: „во иныхъ“ кромѣ Тобольска, „Сибирскихъ городахъ другимъ (т. е. вторымъ) воеводамъ впередъ не быти“ [1]). Распоряженіе это, на дѣлѣ, оказалось не совсѣмъ практичнымъ, почему оно никогда и не исполнялось въ точности. Не говоря уже о Томскѣ, получившемся съ 1629 г. „болшаго“ воеводу съ товарищемъ,—въ Тару и въ Мангазею продолжали назначать по два воеводы. Нужно думать, что правительство, вслѣдъ за послѣдовавшемъ распоряженіемъ, признало неудобнымъ примѣнить проектъ кн. Сулешова къ этимъ городамъ, поставленнымъ въ совершенно исключительныя условія. Дѣйствительно, — городъ Тара, являвшійся главнѣйшимъ оплотомъ противъ набѣговъ татаръ, калмыковъ и другихъ, немирныхъ инородцевъ, какъ увидимъ ниже, имѣлъ всегда значительный гарнизонъ, въ 1635—1636 годахъ превышавшій даже, по численности, гарнизонъ томскій. Одному воеводѣ трудно было бы управиться и съ городомъ и съ уѣздомъ, да вдобавокъ еще „надъ Колмацкими воинскими людми и надъ измѣнники Сибирскими Татары промышляти и поискъ чинить“, что ставилось въ непремѣнную обязанность каждому воеводѣ этого города. Еще болѣе труднымъ было положеніе мангазейскихъ воеводъ. Уѣздъ Мангазейскій, самъ по себѣ огромный, въ данный періодъ все болѣе и болѣе распространялся къ востоку, по мѣрѣ завоеванія и обложенія ясакомъ новыхъ народцевъ. Городъ Мангазея, вслѣдствіе этого, весьма скоро очутился на окраинѣ уѣзда, что и вынудило мангазейскихъ воеводъ ежегодно выѣзжать для сбора ясака въ Туруханское зимовье, пунктъ, по мѣстоположенію своему, болѣе центральный. Поѣздки эти на значительное время удаляли воеводу отъ завѣдуемаго имъ города, что въ свою очередь неизбѣжно должно было вредно отразиться на ходѣ дѣлъ. Въ виду этого понятно, почему правительство, сочувствуя проекту Сулешова, не могло однако не признать необходимымъ имѣть въ Мангазеѣ двухъ

---

[1]) Кн. разр. I. 1363.

воеводъ. Съ 1633 г. впрочемъ, второй воевода сталъ замѣняться дьякомъ.

Письменною, приказною частью въ воеводствѣ завѣдывали дьяки и подъячіе. Только первые изъ нихъ отмѣчаются въ Книгахъ Разрядныхъ, да и то не всегда. Въ Тобольскъ посылались обыкновенно два дьяка; съ 1629 г., когда Томскъ приравненъ былъ къ Тобольску, и туда назначались по два дьяка, но почему-то имена ихъ въ Книгахъ Разрядныхъ не указаны, хотя значутся въ Дворцовыхъ Разрядахъ.

Письменные головы являлись ближайшими помощниками, подручными воеводъ; ими временно замѣщались вакантныя должности воеводъ, они же посылались съ военными отрядами въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялось необходимымъ идти куда либо походомъ. До 1629 г. они были въ одномъ только Тобольскѣ, являвшемся въ то время центромъ управленія Сибирью; съ этого же года, согласно указу отъ 3 дек. 1629 г. письменныхъ головъ стали назначать и въ Томскъ. Назначали въ Тобольскъ обыкновенно двухъ письменныхъ головъ, но съ 1627 г., по случаю сокращенія въ другихъ городахъ воеводскихъ товарищей, число письменныхъ головъ въ Тобольскѣ увеличилось вдвое.

Въ началѣ описываемаго періода, съ 1615 по 1621 г., срокъ служенія воеводъ и другихъ, посылаемыхъ изъ Москвы должностныхъ лицъ, не былъ точно опредѣленъ и зависѣлъ, какъ кажется отъ взгляда, который имѣло правительство на дѣятельность того или другаго лица; такъ, нѣкоторые изъ воеводъ, напр. Чеботай Челищевъ, въ Кетскомъ острогѣ, безсмѣнно сидѣли на мѣстахъ всѣ шесть лѣтъ, другіе же, напротивъ, мѣнялись значительно чаще. Съ 1621 года, какъ видно, установился двухгодичный срокъ служенія и съ этого времени обыкновенно каждые два года была общая смѣна воеводъ по всей Сибири.

Книги Разрядныя не только даютъ намъ самыя точныя свѣдѣнія о томъ, какой воевода, въ какомъ сибирскомъ городѣ и когда воеводствовалъ, но позволяютъ зачастую про-

слѣдить, какъ предъидущую, такъ и послѣдующую службу даннаго лица, что не лишено интереса, до извѣстной степени разрѣшая вопросъ, изъ кого выбирались высшія начальствующія лица въ Сибири. Ниже, при перечисленіи воеводъ по городамъ, мы не преминемъ сообщить о нихъ все то, что можно было извлечь изъ Книгъ Разрядныхъ о службѣ этихъ лицъ вообще. Рядомъ съ этими свѣдѣніями считаемъ нелишнимъ сообщить и нѣкоторыя другія біографическія подробности о дѣятеляхъ того времени, поскольку оказалось возможнымъ извлечь таковыя изъ другихъ источниковъ. Дѣлаемъ это съ цѣлью по возможности освѣтить каждое данное лицо, вывести его изъ ничего не говорящаго ряда перечневыхъ списковъ служилыхъ людей, найти индивидуальныя особенности службы каждаго и тѣмъ, можетъ быть, содѣйствовать правильной оцѣнкѣ дѣятельности того или другаго лица.

Заканчивая нашъ краткій обзоръ тѣхъ свѣдѣній, которыя даютъ Книги Разрядныя о личномъ составѣ воеводъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ въ Сибири, не можемъ не обратить вниманія на то, рѣзко бросающееся въ глаза обстоятельство, что воеводскія мѣста весьма часто занимались лицами самыхъ „честнѣйшихъ" въ смыслѣ мѣстничества, фамилій. Достаточно назвать князей Трубецкихъ, Волконскихъ, Куракиныхъ, Бѣлосельскихъ, Долгорукихъ и др. Въ Тобольскѣ обыкновенно сидѣлъ бояринъ, т. е. высшее изъ чиновныхъ лицъ въ государствѣ. Намъ кажется это доказываетъ, съ одной стороны, что служба въ Сибири считалась до извѣстной степени почетной, а съ другой, что она была не безвыгодна и временное отстутствіе изъ Россіи достаточно вознаграждалось матеріальными выгодами воеводскаго кормленія въ Сибири. Весьма вѣроятно также, что правительство, въ цѣляхъ политическихъ, нерѣдко пользовалось случаемъ и назначало лицъ „честнѣйшихъ" фамилій воеводствовать въ Сибири, съ прямымъ расчетомъ держать ихъ подальше отъ Москвы.

Обратимся теперь къ ближайшему ознакомленію съ личнымъ составомъ представителей служилаго сословія въ Сибири

за время съ 1615 во 1636 гг. Перечень ихъ мы расположили по городамъ и острогамъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда свѣдѣнія о данномъ лицѣ приводятся нами не изъ Книгъ Разрядныхъ,—источникъ этихъ свѣдѣній оговаривается въ соотвѣтствующей выноскѣ.

I. Г. ТОБОЛЬСКЪ.

1616—1619 г. Бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ и князь Григорій Ивановъ сынъ Гагаринъ; письменный голова князь Данила (Григорьевъ) Гагаринъ; дьякъ Иванъ Булыгинъ.

Кн. И. С. Куракинъ смѣнилъ въ Тобольскѣ кн. Ив. Петр. Буйносова-Ростовскаго, женатаго на родной его сестрѣ княжнѣ Марьѣ Семеновнѣ. Въ 1597 г. Куракинъ—въ рындахъ при пріемѣ цесарскаго посольства; 1601 г.—стольникъ; 1606 г.—воевода на Тулѣ, 1614 г.—бояринъ [1]). Въ Тобольскѣ воеводой съ 24 янв. 1616 г. по 21 мая 1620 г.; умеръ въ 1632 г. [2]). Это былъ крупный дѣятелъ во время междуцарствія; вмѣстѣ съ боярской думой держался Владислава и воевалъ съ русскими [3])—вотъ вѣроятно почему, вскорѣ по воцареніи Михаила Ѳедоровича, и назначенъ былъ на воеводство въ Тобольскъ, какъ бы въ почетную ссылку.

Кн. Гр. И. Гагаринъ скончался въ Тобольскѣ въ 1616 г., а сынъ его Данила Гр. Гагаринъ, по прозванію «Коробъ», впослѣдствіи въ 1635—1636 гг. воеводствовалъ въ Сургутѣ [4]).

1620—1622 г. Бояринъ Матвѣй Михайловичъ Годуновъ и князь Иванъ Ѳеодоровъ сынъ Волконской; дьякъ Иванъ Шевыревъ—посланы въ Тобольскъ 29 февраля 128 г. (1620 г).

Бояринъ Годуновъ въ 1614—1615 гг. былъ воеводой въ Тюмени, откуда отозванъ въ Москву. Прибылъ въ Тобольскъ 10 мая 1620 г. и пробылъ тамъ до 25 мая 1623 г. [5]). Извѣстенъ своимъ столкновеніемъ съ первымъ сибирскимъ архіепископомъ Кипріаномъ, которому онъ дѣлалъ всякія непріятности, вопреки строжайшимъ царскимъ ука-

---

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ И. С. Куракинъ бояриномъ съ 1605 г. (Лихачевъ. «Разрядные дьяки XVI в.» Спб. 1888. Указ. личн. именъ, стр. 41)

[2]) Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Спб. 1890. т. I. стр. 357.

[3]) Маркевичъ. «О мѣстничествѣ». Кіевъ. 1879. стр. 476.

[4]) Долгоруковъ. Рос. Родосл. книга. I. 240.

[5]) «Книга записная», рукопись принадл. Тоб. Софіевск. собору.

вамъ. Взаимныя жалобы этихъ двухъ лицъ разрѣшились присылкой въ 1622 г. изъ Москвы особаго слѣдователя—Ивана Владимірова Спасителева [1]). Чѣмъ кончился этотъ розыскъ неизвѣстно, но, должно быть, дѣйствія Годунова не были одобрены и онъ извѣстное время состоялъ въ опалѣ, такъ какъ только въ 1630 г. мы встрѣчаемъ его въ Москвѣ на службѣ,—у монастырскихъ и приказныхъ дѣлъ: онъ въ 1632 г. былъ воеводой въ Казани.

Князь И. Ѳ. Волконской, по прозванію «Лось» [2]), до Тобольска служилъ воеводою въ Угличѣ, Лебедяни и Темниковѣ. Въ 1617 г. онъ, подъ начальствомъ кн. Ивана Хованскаго, ходилъ въ походъ на татаръ. Съ 4 апрѣля 1624 г. числился въ Москвѣ объѣзжимъ головой по Китай-городу, а въ 1625—27 гг. былъ воеводой въ Переяславлѣ-Рязанскомъ.

1623—1624 г. Бояринъ князь Юрій Яншѣевичъ Сулешовъ и Ѳедоръ Кирилловъ сынъ Плещеевъ; дьяки: Герасимъ Мартемьяновъ и Никита Леонтьевъ; письменные головы: Никита Бѣглецовъ и Григорій Зловидовъ [3]).

Князь Ю. Я. Сулешовъ, пожалованный боярствомъ 2 февраля 1615 г. [4]), служилъ въ 1616 г. воеводой въ Нижнемъ-Новгородѣ; въ 1617 г. былъ посланъ съ войскомъ въ Дорогобужъ противъ Гонсѣевскаго и за двѣ побѣды надъ поляками награжденъ двукратно царскимъ милостивымъ словомъ и золотыми деньгами. Въ 1621 г. ему поручено было въ Рязани и Шацкѣ «разобрать» дворянъ и дѣтей боярскихъ, «кому мочно ихъ Государева служба служити, чтобы дворяне и дѣти боярскіе никаковъ человѣкъ въ избылыкъ не былъ».—Въ 1625 г. Сулешовъ былъ отозванъ въ Москву, гдѣ въ 1630 г. былъ бояриномъ разбойнаго приказа, въ 1632—33 г.г. воеводствовалъ въ Великомъ Новгородѣ и въ томъ же 1633 г. занялъ должность боярина разряднаго приказа.

Ѳедоръ Плещеевъ переведенъ въ Тобольскъ изъ Каширы, гдѣ онъ, въ 1622 г, по указу Михаила Ѳедоровича, оберегалъ переправы черезъ Оку отъ нападенія ногайскихъ татаръ. Отозванный изъ Тобольска въ Москву, Плещеевъ въ 1632 г. посланъ былъ въ Новгородъ-Сѣверскъ въ походъ противъ татаръ, гдѣ въ томъ же году и умеръ.

Дьякъ Никита Леонтьевъ съ 1616—1623 г. служилъ дьякомъ въ Москвѣ у разныхъ объѣзжихъ головъ; вернувшись изъ Тобольска

---

1) Буцинскій. «Открытіе Тоб. епархіи и первый Тоб. архіеп. Кипріанъ». Вѣра и Разумъ. 1890 г. ноябрь, декабрь.

2) Дворц. Разр. I. 440, 485,

3) Назначены 13 января 1623 г. (Дв. Р, I. 533).

4) Тамъ-же. I. 170.

въ Москву, на свою прежнюю должность, онъ, въ 1630—31 г. былъ уже дьякомъ въ Каменномъ приказѣ.

Письменный голова Зловидовъ, въ 1629 г. занималъ туже должность въ Кольскомъ острогѣ.

За свою сибирскую службу кн. Сулешовъ, Плещеевъ и письменные головы Зловидовъ и Бѣглецовъ, по возвращеніи въ Москву, были награждены весьма щедро: 1 октября 1625 г. они удостоились приглашенія къ царскому столу, а 11 числа того же мѣсяца имъ вручены были царскіе подарки: Сулешову—драгоцѣнный серебряный кубокъ, изящной работы, вѣсомъ 10 гривенокъ, 39 зол., цѣною по 6 р. гривенка и атласная шуба на соболяхъ, стоимостью въ 180 р.; Плещееву—серебряный кубокъ, вѣсомъ 2 гривенки 32 зол., цѣною по 6 р. гривенка и атласная шуба, стоимостью въ 116 р. Зловидовъ и Бѣглецовъ получили по серебряному ковшу, цѣною по 9 р. 20 алт., да на шубу—по 10 арш. камки и по сороку соболей, по 50 р. за сорокъ [1]).

1625 г. Бояринъ князь Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой и Миронъ Андреевъ сынъ Вельяминовъ; дьяки: Иванъ Ѳедоровъ и Степанъ Угоцкой; письменные головы: Богданъ Лупандинъ и Семенъ Чаплинъ.

Назначенный 25 января 1625 г. «большимъ воеводой» въ Тобольскъ, князь Д. Т. Трубецкой былъ однимъ изъ первыхъ сановниковъ въ государствѣ. Въ эпоху смутнаго времени онъ присягнулъ было тушинскому вору, но вскорѣ отсталъ отъ него и явился дѣятельнымъ участникомъ въ водвореніи порядка на Руси. Онъ начальствовалъ надъ всѣми русскими войсками, освобождавшими Москву отъ поляковъ. Послѣ изгнанія враговъ и до избранія на царство Михаила Ѳедоровича онъ былъ правителемъ государства. Оставаясь затѣмъ при дворѣ и неся различныя придворныя службы, кн. Трубецкой не занималъ самостоятельныхъ должностей въ общемъ государственномъ управленіи, почему мы и не встрѣчаемъ его имени въ Книгахъ разрядныхъ за 1614—1624 гг. За то тамъ имѣется о немъ любопытное «мѣстническое» дѣло. Въ 1619 г. онъ былъ назначенъ встрѣчать отца царя, митрополита Филарета, причемъ ему указано было «чинить встрѣчу въ послѣднемъ стану отъ Москвы». Бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ, назначенный на ту же встрѣчу, но въ Звенигородъ, т. е. далѣе отъ Москвы, нашелъ, что ему, Морозову, «менши ево (Трубецкого) быть не вмѣстно» и затѣялъ дѣло, кончившееся однако не въ его пользу. Морозовъ приговоренъ былъ за «неумѣстное и не дѣльное» челобитье къ заключенію въ тюрьмѣ, но ради «радостныя встрѣчи» своего отца, царь «пожаловалъ и въ тюрьму посылати ево не велѣлъ». Менѣе

---

[1]) Забѣлинъ. Доп. къ Дв. Разр. 424—426. Чтен. въ Общ. Ист. и Др. 1882. кн. 3.

удачнымъ было мѣстничество Трубецкого на свадьбѣ царя Михаила Өедоровича съ княземъ Иваномъ Шуйскимъ [1]; онъ его проигралъ и вслѣдъ за тѣмъ вскорѣ назначенъ былъ въ Тобольскъ. Это назначеніе являлось до извѣстной степени опалой, наказаніемъ за ослушаніе царскаго указа не мѣстничаться на свадьбѣ. Правительство, покрывшее общей амнистіей тушинскіе грѣхи Трубецкого и признавшее даже его бояриномъ, въ дѣйствительности, не могло не помнить, что князь Дм. Тим. человѣкъ не очень належный и, воспользовавшись случаемъ, препроводило его въ почетную ссылку [2]. Трубецкой прибылъ въ Тобольскъ 29 мая 1625 г., а 24 іюня того же года скончался, провоеводствовавъ такимъ образомъ менѣе мѣсяца. Согласно завѣщанію, тѣло его перевезено въ Москву и погребено въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ [3].

М. А. Вельяминовъ, въ 1614 г. находился въ Смоленскѣ «въ полку для городоваго стоянья», въ 1617—19 г. былъ въ товарищахъ у Новгородскаго воеводы, а въ 1620—21 г. самостоятельно воеводствовалъ въ Калугѣ.—Въ 1632 г. Вельяминова мы находимъ воеводою въ Вязьмѣ, а въ 1635—36 г.—товарищемъ Казанскаго воеводы.

Письменный голова Семенъ Чаплинъ, въ 1633 г, назначенъ былъ воеводой въ Михайловъ.

Что касается дьяковъ Өедорова и Угоцкого, то первый изъ нихъ, въ 1630—31 г. былъ въ Москвѣ «дьякомъ у печати» и въ 1635—36 г.—дьякомъ въ Астрахани, а второй—Угоцкой—въ 1631 г. состоялъ дьякомъ въ пушкарскомъ приказѣ, а въ слѣдующемъ году былъ переведенъ на ту же должность въ Казань.

1626 г. На мѣсто умершаго Д. Т. Трубецкого назначенъ князь Андрей Андреевичъ Хованской. Всѣ остальныя должностныя лица—тѣже что и въ предыдущемъ году.

О кн. Хованскомъ извѣстно, что онъ въ 1615 г. и слѣдующихъ годахъ служилъ воеводой въ Астрахани. Послѣ Тобольска его имя исчезаетъ изъ книгъ разрядныхъ. Умеръ въ 1639 г. [4].

1627 г. Тотъ же Хованской и Иванъ Васильевъ сынъ Волынской; дьяки остались прежніе, письменные головы: Павелъ Ивановъ Салмановъ, Григорій Калинниковъ Челюсткинъ, Никифоръ Семеновъ Бибиковъ и Василій Алек-

[1] Дв. Разр. I. 1219.

[2] Маркевичъ. «Исторія мѣстничества въ Москов. государствѣ». Одесса. 1888. стр. 503.

[3] Сказанія о родѣ князей Трубецкихъ. М. 1891. стр. 59, 119.

[4] Долгоруковъ. Рос Родосл. Кн. I. 281.

сѣевъ Теприцкой. „А прибавлено въ Тоболскъ передъ прежнимъ головъ два человѣка для того, что указалъ Государь по разсмотрѣнію боярина князя Юрья Янш Ѣевича Сулешова во иныхъ Сибирскихъ городахъ другимъ (вторымъ) воеводамъ впередъ не быти".

Вновь назначенный И. В. Волынской [1]) не былъ новичкомъ въ воеводскомъ дѣлѣ, онъ послѣдовательно занималъ воеводскія мѣста, начиная съ 1616 г.,—въ Курскѣ, Муромѣ, Калугѣ и Воронежѣ, откуда и былъ переведенъ въ Тобольскъ. Смѣненный въ 1629 г. Волынской умеръ, не успѣвъ выѣхать изъ Тобольска.

Только объ одномъ изъ присланныхъ съ Волынскимъ письменныхъ головъ—Никифорѣ Бибиковѣ, книги разрядныя даютъ свѣдѣнія. Въ 1616—18 г. Бибиковъ служилъ головой въ Цивильскѣ и Арскѣ, а въ 1624 г. былъ объѣзжимъ головой въ Москвѣ. Послѣ Тобольска онъ въ 1631—32 г. занималъ должность головы на Бѣломъ-озерѣ.

1628 г. Князь А. А. Хованской отозванъ въ Москву; на его мѣсто назначенъ князь Алексѣй Никитинъ сынъ Трубецкой; дьяки—Семейка Собакинъ и Емельянъ Евсѣевъ; остальные—тѣ же.

По отозваніи Хованскаго, на его мѣсто «большимъ воеводой» правительство намѣтило Ивана Ивановича Салтыкова и объ этомъ состоялся 27 іюля 1627 г. указъ Михаила Ѳедоровича. Салтыковъ однако въ Тобольскъ не попалъ и очутился воеводой въ Шацкѣ. Какая тому была истинная причина—Книги Разрядныя не указываютъ; извѣстно лишь, что братъ бывшаго въ Тобольскѣ товарищемъ воеводы Ивана Волынскаго,—Степанъ Волынской «съ братьею», по случаю назначенія Салтыкова «били челомъ о мѣстѣхъ». Кончилось это дѣло тѣмъ, что Салтыкову дали другое назначеніе, но въ «Разрядѣ» записали, что «Ивану Салтыкову въ Сибири не быти по Государскому указу, а не для челобитья Ивана Волынсково съ братьею и впередъ того челобитья въ дѣло не ставить».

Князь А. Н. Трубецкой, двоюродный братъ бывшаго въ 1625 г. воеводой въ Тобольскѣ кн. Д. Т. Трубецкого, назначенъ былъ на эту должность еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ; онъ началъ свою службу въ 1618 г. при дворѣ, гдѣ и пробылъ цѣлыхъ 9 лѣтъ [2]).—Послѣ Тобольска кн. Трубецкой въ 1635 г. былъ воеводой въ Астрахани, а въ 1642 г.—въ Тулѣ. Впослѣдствіи, уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича, кн. Трубецкой, пожалованный въ 1653 г. званіемъ ближня-

[1]) Полная его фамилія: Птица-Волынской-Щепинъ. (Дворц. Разр. I. 946).

[2]) Дворц. Разр. I. 353.

го боярина, былъ назначенъ присутствовать въ Сибирскомъ приказѣ, а въ 1659—60 г. принималъ дѣятельное участіе въ присоединеніи Малороссіи къ Россіи. Онъ былъ крестнымъ отцомъ Императора Петра I и въ день крестинъ отказалъ свою вотчину городъ Трубчевскъ державному крестнику. А. Н. умеръ въ глубокой старости, въ 1680 г., принявъ предъ смертью иночество, подъ именемъ Аѳанасія [1]).

Дьякъ Семейка или Семенъ Собакинъ, несомнѣнно, былъ опытнымъ дѣльцомъ: цѣлыхъ 11 лѣтъ до назначенія въ Тобольскъ онъ правилъ дьяческую должность, сначала въ войскѣ подъ Смоленскомъ, а затѣмъ въ Вологдѣ и Нижнемъ-Новгородѣ.

Дьякъ Емельянъ Евсѣевъ назначенъ въ Тобольскъ изъ подъячихъ г. Устюга; впослѣдствіи, въ 1635 г. мы его встрѣчаемъ дьякомъ «у хлѣбныхъ запасовъ» въ Москвѣ.

1629—1630 г. Тотъ же князь Трубецкой и Григорій Алексѣевъ сынъ Загряжской; письменные головы—Лукьянъ Даниловъ Башмаковъ и Дмитрій Михайловъ Обрѣзковъ; дьяки—тѣ же.

Загряжской до Тобольска служилъ въ 1616 г. воеводой въ Боровскѣ, въ 1620—21 г.—вторымъ воеводой въ передовомъ полку на Дѣдиловѣ, а въ 1626 г. переведенъ былъ въ Сапожекъ. Покончивъ съ тобольской службой и вернувшись въ Москву, Загряжской былъ назначенъ къ боярину Михаилу Шеину и окольничему Артемію Измайлову въ дѣйствующую армію, подъ Смоленскъ, причемъ ему поручено было завѣдывать интендантскою частью—состоять «у кормовъ, хлѣбныхъ и мясныхъ запасовъ». Загряжской билъ челомъ государю на окольничаго Измайлова, доказывая, что «ему меньши Ортемья быти не вмѣстно». Время для мѣстничества выбрано было не совсѣмъ удачно. Государь не вошелъ даже въ разсмотрѣніе челобитной Загряжскаго, а послалъ ему сказать, чрезъ думнаго дьяка Гавренова, что если онъ тотчасъ же не отправится къ мѣсту назначенія, то «быти ему въ тюрмѣ». Загряжской упорствовалъ и въ Смоленскъ не ѣхалъ. Узнавъ объ этомъ изъ донесенія Измайлова, государь «указалъ Григорія Загряжскаго за безчестіе Ортемья Измайлова посадить въ тюрму», что и было исполнено. Впослѣдствіи, какъ видно, Загряжской смирился и служилъ подъ Смоленскомъ «у хлѣбныхъ запасовъ». Въ 1632—33 г. онъ сидѣлъ въ приказѣ Хлѣбнаго Дворца, а въ 1634 г. постригся въ монахи [2]).

Письменный голова Обрѣзковъ назначенъ въ Тобольскъ изъ московскихъ жильцовъ.

О прошлой службѣ головы Башмакова Книги Разрядныя не даютъ свѣдѣній, изъ дворцовыхъ же разрядовъ мы узнаемъ, что Лукьянъ

---

[1]) Сказанія о родѣ кн. Трубецкихъ, 58, 125—136.

[2]) Руммель и Голубцовъ. «Родосл. Сборн. Спб. 1886. т. I. стр. 272.

Башмаковъ, назначенный въ Тобольскъ, тоже вздумалъ мѣстничаться съ воеводой Загряжскимъ, доказывая, что онъ принадлежитъ къ роду Воронцовыхъ-Вельяминовыхъ, а Загряжскіе люди не «родословные». Челобитье его оставлено было безъ послѣдствій [1]).

1631—1632 г. Стольникъ князь Ѳедоръ Андреевъ сынъ Телятевской и Ѳедоръ Ивановъ сынъ Погожій; дьяки—Дмитрій Прокофьевъ и Наумъ Ѳедоровъ; письменные головы—Степанъ Юрьевъ, Ѳедоръ Ивановъ Шараповъ и съ 1632 г.—Алексѣй Юрьевъ Мартюхинъ.

Изъ этихъ лицъ только по отношенію къ двумъ Книги Разрядныя даютъ свѣдѣнія о прежней ихъ службѣ. Такъ — кн. Телятевской былъ въ 1626 г. воеводой въ Вязьмѣ, а въ 1628 г.—въ «Украинскомъ разрядѣ воеводой большаго полка на Тулѣ», а Погожій—послѣ продолжительной ратной службы въ полѣ, въ 1625—26 г. воеводствовалъ въ Угличѣ.

1633—1634 г. Князь Андрей Андреевъ сынъ Голицынъ и Данила Андреевъ сынъ Замыцкой; дьяки—Семенъ Копыловъ и Леонтій Полуектовъ. Что касается письменныхъ головъ, то о нихъ въ книгѣ за 1633 г. не упомянуто вовсе, а такъ какъ въ этой книгѣ, въ исключеніе изъ общаго правила, не говорится ничего объ отпускѣ воеводъ, дьяковъ и головъ въ Москву, а прямо лишь перечислены вновь назначенныя лица,—можно было бы думать, что прежніе письменные головы—Юрьевъ, Шараповъ и Мартюхинъ остались на своихъ мѣстахъ. Едва ли это однако такъ, ибо при слѣдующей смѣнѣ, въ 1635 г., отозванными въ Москву письменными головами названы совсѣмъ другія лица, вѣроятно и получившія назначеніе въ періодъ времени съ 1633 по 1635 г. [2]).

Князь А. А. Голицынъ, родной братъ жены извѣстнаго боярина кн. Д. М. Пожарскаго, нигдѣ до того времени воеводой не служившій, попалъ въ Тобольскъ, вѣроятно, благодаря своему родовитому

---

[1]) Дворц. Разр. т. II. 17.

[2]) Лица эти: Тимоѳей Владыкинъ, Василій Александровъ и Петръ Августовъ (Петръ Августовъ Смышляевъ). Миллеръ, въ вѣдомости о воеводахъ, (рукоп. Гл. М. Арх. Мин. Ин. Д. № 505. I. 3) называетъ ихъ подъ 1634 г.

происхожденію и придворнымъ интригамъ; едва ли онъ обладалъ достаточною опытностью въ управленіи, почему, можетъ быть, правительство и дало ему въ товарищи столь много послужившаго на своемъ вѣку Замыцкаго, бывшаго послѣдовательно съ 1615 г. воеводой въ Брянскѣ, Муромѣ, Можайскѣ, Арзамасѣ и Вязьмѣ.

А. А. Голицынъ является родоначальникомъ всѣхъ нынѣ существующихъ князей Голицыныхъ; 6 января 1638 г. онъ былъ пожалованъ боярствомъ и въ томъ же году, 22 сентября—скончался [1]).

1635—1636 г. Стольникъ князь Михаилъ Михаиловъ сынъ Темкинъ-Ростовской и Андрей Васильевъ сынъ Волынской; дьяки — Дорофей Пустынниковъ и Григорій Протопоповъ; письменные головы—Андрей Волоховъ и Матвѣй Долгово-Сабуровъ.

Оба вновь назначенные воеводы въ 1628—29 г. служили воеводами въ «Украинномъ розрядѣ»: Темкинъ-Ростовской—«въ большомъ полку на Тулѣ», а Волынской—въ Михайловѣ, въ вѣдѣніи «Тульскаго розряда передоваго полка».

Изъ присланныхъ съ кн. Ростовскимъ лицъ, только объ одномъ Пустынниковѣ Книги Разрядныя сообщаютъ, что онъ, съ 1628 по 1633 г. служилъ дьякомъ въ Псковѣ.

Матвѣй Долгово-Сабуровъ, служа въ Москвѣ, былъ посланъ въ Можайскъ, строить каменную крѣпостную стѣну; порученіе онъ исполнилъ добросовѣстно и 8 ноября 1626 г. «за Можайское, за городовое, за каменное дѣло» награжденъ 10 арш. камки адамашки свѣтло-зеленой, мелкотравной, цѣною 23 алт. 2 д. арш., да дано ему сорокъ соболей, цѣною въ 15 р. [2]).

II. Г. ТЮМЕНЬ.

1615 г. Князь Ѳедоръ Ивановъ сынъ Корнодиновъ и Ѳедоръ Васильевъ сынъ Бобарыкинъ.

Бобарыкинъ, въ 1616 г., переведенъ воеводой въ Томскъ.

1616—1617 г. Тотъ же Корнодиновъ и Иванъ Борисовъ сынъ Сѣкеринъ.

---

[1]) «Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ» Кіевъ. 1880. стр. 10; Дв. Разр. II. 560.

[2]) Забѣлинъ. «Дополненія къ Дворц. Разр». 458—Чтен. въ Общ. Ист. и Др. 1882. г.

Сѣкеринъ, переведенный изъ Томска, гдѣ служилъ воеводой въ 1615 г.,—послѣ тюменской службы воеводствовалъ, въ 1621 г., въ Тихвинѣ.

1618—1619 г. Стольникъ князь Никита Михайловъ сынъ Мезецкой и Иванъ Васильевъ сынъ Щелкаловъ.

Кн. Мезецкой служилъ воеводой: въ 1615 г. въ Переяславлѣ-Залѣскомъ и въ 1617 г. въ Вязьмѣ; отпущенный изъ Тюмени въ Москву, онъ, въ 1622 г., занималъ должность воеводы сторожеваго полка въ Шацкѣ, въ 1623—24 г. воеводствовалъ въ Брянскѣ, 1625—26 г.—въ Свіяжскѣ и 1632—33 г. во Псковѣ.

Щелкаловъ до Тюмени, былъ въ 1614—15 г. воеводой въ Суздалѣ.

1620—1622 г. Ѳедоръ Ѳедоровъ сынъ Пушкинъ и Михаилъ Григорьевъ сынъ Елизаровъ,—назначены 10 марта 1620 г.

Имя Ѳ. Ѳ. Пушкина упоминается въ Книгахъ Разрядныхъ еще одинъ только разъ, а именно подъ 1618 г., какъ начальника гарнизона Никитскихъ воротъ въ Москвѣ; объ Елизаровѣ же извѣстно лишь, что въ 1627 г. онъ былъ объѣзжимъ головой въ Москвѣ.

1623—1624 г. Князь Михаилъ Борисовъ сынъ Долгоруковъ и Юрій Анфиногеновъ сынъ Редриковъ [1]).

Въ 1615 г. кн. М. Б. Долгоруковъ служилъ въ Бѣлевѣ воеводой, а въ 1618 г. состоялъ въ числѣ начальствующихъ лицъ горнизона Москвы, собраннаго по случаю ожидавшагося нападенія королевича Владислава [2]).

1625 — 1626 г. Иванъ Васильевъ сынъ Плещеевъ и Иванъ Ивановъ сынъ Ярлыковъ, — назначены 25 января 1625 г. [3]).

Отбывъ тюменскую службу, Плещеевъ въ 1629 г. былъ воеводой «въ прибыломъ полку во Мценскѣ», откуда въ слѣдующемъ году отпущенъ въ Москву.

О Ярлыковѣ упоминается въ спискѣ лицъ, назначенныхъ на 1633—34 г. «быти въ Москвѣ, въ Бѣломъ городѣ, по воротамъ, для береженья».

---

[1]) Назначены 13 января 1623 г. (Дв. Р. I. 534).

[2]) Долгоруковъ (Росс. Род. кн. ч. 1, стр. 89) неправильно указываетъ, что кн. М. Б. Долгоруковъ скончался въ 1623 г.

[3]) Дв. Разр. I. 659.

1627—1628 г. Петръ Тимофѣевъ сынъ Пушкинъ.

Въ 1624 г. воеводой въ Пронскѣ, а въ 1626 г. объѣзжимъ головой въ Москвѣ.

1629—1630 г. Прокофій Булгаковъ сынъ Измайловъ.

Измайловъ, послѣ Тюмени, былъ воеводой въ Трубчевскѣ.

1631—1632 г. Семенъ Ивановъ сынъ Жеребцовъ.

Служилъ воеводой въ 1616 г. въ Пустозерскѣ, а въ 1619—21 г. въ Курскѣ. Назначенъ въ Тюмень 14 января 1631 [1]).

1633—1634 г. Иванъ Ивановъ сынъ Милюковъ.

1635—1636 г. Князь Иванъ Андреевъ сынъ Львовъ.

Въ 1624—25 г. воеводою въ Коломнѣ, въ 1626—28 г.—въ Переяславлѣ, а въ 1631—34 г. опять въ Коломнѣ.

III. Г. ВЕРХОТУРЬЕ.

1615—1617 г. Ѳедоръ Савиновъ сынъ Плещеевъ и Ѳедоръ Романовъ сынъ Дуровъ.

Дуровъ, послѣ воеводствованія въ Верхотурьѣ, въ 1623 г. назначенъ былъ воеводой въ Сѣверскъ, гдѣ въ 1625 г. и скончался.

1618 г. Стольникъ Иванъ Васильевъ сынъ Головинъ.

Назначенный въ Верхотурье изъ Бѣловерскихъ воеводъ, Головинъ въ 1623 г. воеводствовалъ въ Переяславлѣ-Рязанскомъ.

1619—1622 г. Иванъ Ивановъ сынъ Пушкинъ и Дмитрій Ивановъ сынъ Зубовъ.

Получивъ назначеніе въ 1616 г. воеводой въ Михайловъ, Пушкинъ обратился съ челобитьемъ къ царю, доказывая, что ему за Иваномъ Колтовскимъ, назначеннымъ въ Переяславль, «быти не мочно», почему и просилъ отозвать его въ Москву. Просьба эта была уважена. Послѣ Верхотурья мы встрѣчаемъ Пушкина въ 1626 г. объѣзжимъ головой въ Москвѣ, а въ 1628—32 г. младшимъ воеводой въ большомъ полку на Тулѣ.

Зубовъ, отбывъ службу въ Сибири, послѣдовательно былъ воеводой въ Темниковѣ, Кадомѣ и Кольскомъ острогѣ.

---

[1]) Дв. Разр. II. 185.

1623—1624 г. Князь Никита Петровъ Барятинской и Максимъ Семеновъ сынъ Языковъ [1]).

Кн. Барятинской, родной братъ строителя г. Сургута кн. Өед. Петр. Барятинскаго [2]), съ 1615 по 1618 г. участвовалъ въ походахъ противъ поляковъ и литовцевъ; съ 1627 г.—воеводой въ Вяткѣ.

Языковъ,—въ 1615—19 г. воевода въ Бѣжецкѣ, въ 1623 г.—въ Кашинѣ, въ 1629 г. въ Муромѣ, въ 1635 г. въ Воронежѣ.

Кн. Барятинской и Языковъ за сибирскую службу пожалованы были 11 октября 1625 г.—Борятинской серебрянымъ кубкомъ и атласной шубой, стоимостью въ 116 р., а Языковъ—серебрянымъ ковшомъ, да на шубу ему дано 10 арш. камки по 1 р. арш. и сорокъ соболей, цѣною 50 р. за сорокъ [3]).

1625—1626 г. Князь Дмитрій Петровъ сынъ Лопата-Пожарской и Игнатій Андреевъ сынъ Уваровъ,—назначены 25 января 1625 г. [4]).

Кн. Лопата-Пожарской, въ 1616 г. начальствовалъ ратью, посланною въ Суздальскій и Владимірскій уѣзды «на воровъ боярскихъ холопей и казаковъ», грабившихъ этотъ край; въ 1619 г. былъ воеводой въ Твери, а въ слѣдующемъ году состоялъ воеводой въ сторожевомъ полку, на Крапивнѣ. Послѣ Верхотурья въ 1628—30 г. воеводствовалъ во Псковѣ.

Объ Уваровѣ извѣстно лишь, что онъ въ 1618 г. посланъ былъ отъ боярина кн. Мезецкаго съ извѣстіемъ о заключеніи мирнаго договора съ литовскими послами; въ 1630—33 г. воеводствовалъ въ Путивлѣ.

1 сентября 1627 г. кн. Лопата-Пожарской и Уваровъ награждены были «за службу и за прибыль, что они будучи на Государевѣ службѣ, въ Сибири, на Верхотурьѣ, имъ Государемъ (т. е. царю Михаилу и патріарху Филарету) служили, въ денежныхъ доходѣхъ, и въ хлѣбныхъ запасѣхъ и въ мяхкой рухледи, и въ пашенныхъ крестьянѣхъ, и въ десятинной пашнѣ учинили имъ Государемъ прибыль». Пожарской получилъ серебряной кубокъ и дорогую шубу, а Уваровъ—ковшъ серебряный, матерію шелковую и соболей на шубу [5]).

---

[1]) Назначены 13 января 1623 г. (Дв. Р. I. 534).

[2]) Долгоруковъ. Росс. Род. кн. I. 74.

[3]) Забѣлинъ, Доп. къ Дв. Разр. 426, 427.

[4]) Дв. Р. I. 659.

[5]) Забѣлинъ. Доп. къ Дв. Р. 477, 478.

1627—1628 г. Князь Семенъ Никитинъ сынъ Гагаринъ.

Служилъ воеводой; въ 1615 г.—въ Невлѣ, 1616—19 г. вторымъ въ Казани, въ 1620 г. въ Вязьмѣ и въ 1622 г. въ передовомъ полку на Дѣдиловѣ; въ 1632—33 г. былъ вторымъ воеводой въ Новгородѣ.

1629—1630 г. Никифоръ Юрьевъ сынъ Плещеевъ.

Въ 1624—25 г. воевода въ Осколѣ, а въ 1628 г.—въ прибыломъ полку во Мценскѣ, откуда и былъ переведенъ въ Верхотурье; впослѣдствіи служилъ воеводой—въ 1633—34 г. въ Невлѣ и въ 1636 въ Путивлѣ.

1631—1632 г. Ѳедоръ Михайловъ сынъ Бояшевъ; назначенъ 14 января 1631 г. [1]).

Служа съ 1614 г. воеводой въ Кашинѣ, Бояшевъ неоднократно предводительствовалъ отрядами войскъ, сражавшихся съ поляками и литовцами; въ 1617 г., за разбитіе отряда полковника Вишля и взятіе его самого въ плѣнъ награжденъ царскимъ милостивымъ словомъ и золотыми. Въ этомъ году у него въ «товарищахъ» былъ Данила Милославской, впослѣдствіи занявшій его мѣсто въ Верхотурьѣ. Милославской имѣлъ съ нимъ дѣло о мѣстахъ, но проигралъ его. Въ 1635 г. Бояшева мы встрѣчаемъ воеводой въ Рыльскѣ.

1633—1634 г. Данила Ивановъ сынъ Милославской.

Милославской не былъ новичкомъ въ Сибири: съ 1618 по 1621 г. онъ занималъ воеводскую должность въ Туринскомъ острогѣ; въ 1625—26 г. былъ воеводой въ Курскѣ.

1635—1636 г. Иванъ Ѳедоровъ сынъ Еропкинъ.

Въ 1619 по 1630 г. послѣдовательно воеводствовалъ въ Кадомѣ, Рыльскѣ, Осколѣ и Бѣлгородѣ; въ 1631—34 г. служилъ въ войскахъ, расположенныхъ въ Новгородъ-сѣверской землѣ.

IV. Г. ТАРА.

1615—1617 г. Кириллъ Семеновъ сынъ Вельяминовъ и Петръ Семеновъ сынъ Лутохинъ; головы Иванъ Зубатой и Ѳедоръ Старово. Послѣдній въ 1615 г. отпущенъ въ Москву, а Зубатой въ 1616 г. переведенъ съ Сургутъ, на мѣсто Елизара Корсакова, назначеннаго въ Тару.

Лутохинъ, по окончаніи тарской службы былъ воеводой въ

[1]) Дв. Разр. II, 185.

Торжкѣ и затѣмъ въ Галичѣ; Ѳедоръ Старово въ 1617 г. воеводствовалъ въ Тотьмѣ, а въ 1620—1622 г.—въ Костромѣ.

1618 г. Тѣже лица, но безъ Лутохина.

1619 г. Кириллъ Семеновъ сынъ Воронцовъ-Вельяминовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что это тотъ же К. С. Вельяминовъ, о которомъ говорится выше; въ Книгахъ Разрядныхъ нерѣдко при двойныхъ фамиліяхъ упоминается только одна какая нибудь,—а въ данномъ случаѣ тожество этихъ двухъ лицъ вполнѣ подтверждается Дворцовыми Разрядами, гдѣ, подъ 1615—1617 г., воеводой въ Тарѣ значится Кир. Сем. Воронцовъ-Вельяминовъ [1]).

1620—1622 г. Сила Яковлевъ сынъ Вельяминовъ и Ѳедоръ Андреевъ сынъ Скрябинъ.

Скрябинъ послѣ Тары въ 1626 г. былъ объѣзжимъ головою въ Москвѣ; о С. Вельяминовѣ Книги Разрядныя не даютъ никакихъ свѣдѣній.

1623—1624 г. Исаакъ Никитинъ сынъ Сунбуловъ и Петръ Гавриловъ сынъ Чириковъ; назначены 13 января 1623 г. [2]).

Исаакъ или Исай Сунбуловъ и Петръ Чириковъ, за сибирскую службу, за то, что «на Тарѣ Государю служили, въ денежныхъ и хлѣбныхъ доходѣхъ, и въ ясачныхъ людѣхъ, передъ прежними годы, многую прибыль учинили»—31 января 1626 г. награждены были: Сунбуловъ—кубкомъ, вѣсомъ 2 гривенки 34 зол., и атласной шубой на соболяхъ, стоимостью въ 130 р. 13 алт., а Чириковъ—серебрянымъ ковшомъ, цѣною 9 р. 12 алт. 5 ден., десятью аршинами камки по рублю аршинъ и сорокомъ соболей, цѣною въ 50 р. [3]).

Сунбуловъ въ 1626 г. служилъ въ Москвѣ объѣзжимъ головой, и по челобитью, отпущенъ въ деревню.

1625—1626 г. Степанъ Ивановъ сынъ Исленьевъ и Иванъ Алексѣевъ сынъ Аргамаковъ; назначены 25 января 1625 г. [4]).

Разнообразна была служба воеводы Исленьева; въ 1615 г. онъ, во главѣ 2500 чел. войска, былъ посланъ вмѣстѣ съ кн. Д. М. Пожар-

[1]) Дв. Разр. I. 196, 248, 297.

[2]) Дв. Разр. I. 534.

[3]) Забѣлинъ. Доп. къ Дв. Разр. 434.

[4]) Дв. Разр. I. 659.

скимъ къ Брянску противъ поляковъ и литовцевъ, предводительствуемыхъ извѣстнымъ Лисовскимъ. Въ 1619 г. занималъ воеводское мѣсто въ Пронскѣ; въ 1624 г. состоялъ въ «товарищѣхъ» у боярина кн. Алексѣя Юрьевича Сицкаго въ Московскомъ судномъ приказѣ, откуда и былъ переведенъ въ Тару. Вернувшись изъ Сибири, онъ въ 1630 г. получилъ въ завѣдываніе каменный приказъ, а въ 1633 г. командовалъ частью войскъ, собранныхъ въ Москвѣ, въ ожиданіи осады.

1627—1628 г. Князь Юрій Ивановъ сынъ Шаховской и Михаилъ Өедоровъ сынъ Кайсаровъ.

Кайсаровъ попалъ въ Тару изъ московскихъ объѣзжихъ головъ, а кн. Шаховской, въ 1614 г., служилъ воеводой въ Мценскѣ, а въ 1620 г. назначенъ былъ на ту же должность въ Михайловъ. Назначеніе это, какъ видно, ему не понравилось, главнымъ образомъ потому что онъ, въ военномъ отношеніи, оказывался подчиненнымъ сидѣвшему въ Дѣдиловѣ воеводѣ передоваго полка стольнику кн. Василію Григорьевичу Ромодановскому, котораго «менши ему быти не мочно». Возникло дѣло, и хотя ему и было объявлено, что онъ билъ челомъ Государю на Ромодановскаго «не дѣломъ», Шаховской отказался ѣхать въ Михайловъ, за что и посаженъ былъ въ тюрьму. Отсидѣвъ положенный срокъ, Шаховской согласился ѣхать на службу, но протестовалъ противъ подчиненія Ромодановскому и это было причиною тому, что его выдали послѣднему головой. Только послѣ этого Шаховской смирился.

Въ 1629 г. кн. Шаховской и Кайсаровъ были «взяты въ Тобольскъ» и далѣе ихъ имена не встрѣчаются въ Книгахъ Разрядныхъ. Нужно думать, что это «взятіе», другими словами арестъ, послѣдовалъ какъ результатъ вопіющихъ злоупотребленій означеныхъ лицъ; извѣстно, что за время ихъ воеводства подгородніе татары отложились и вмѣстѣ съ Калмыками производили набѣги на Тарскій и Тюменскій уѣзды. По усмиреніи татары заявили, что измѣнили они и отложились, благодаря воеводскимъ насиліямъ. Шаховской съ Кайсаровымъ четыре года пробыли въ опалѣ, въ Тобольскѣ и только въ 1633 г. имъ позволено было вернуться въ Москву, при чемъ однако поставлено было условіемъ полное удовлетвореніе обиженныхъ татаръ [1]).

1629—1630 г. Князь Өедоръ Өедоровъ сынъ Волконской [2]) и Исакъ Петровъ сынъ Байковъ [3]).

Кн. Волконской въ 1623—25 г. служилъ воеводой въ Царевококшайскѣ; въ 1627 г. съ нимъ случилась бѣда: 28 апрѣля, на «от-

[1]) «Записки къ Сибирск. исторіи служащія» Др. Росс. Вивл. 1788. т. III. 146.

[2]) Кн. Өедоръ Шериха, Өедоровъ сынъ Волконской (Дв. Р. II. 90).

[3]) У Буцинскаго Исаакъ Баиловъ. (Заселеніи Сибири, стр. 237).

пускѣ Кизильбашскихъ купчинъ» Θедоръ Волконской съ братомъ своимъ Петромъ назначены были состоять «въ рындахъ, въ бѣломъ платьѣ», вмѣстѣ съ дѣтьми извѣстнаго князя Димитрія Пожарскаго, причемъ послѣдніе поставлены были выше Волконскихъ. › Это показалось обиднымъ для нихъ и они били челомъ Государю на князей Пожарскихъ. Хотя челобитье составлено было въ весьма мягкой формѣ—«со княземъ Петромъ да со княземъ Θедоромъ Пожарскими быти готовы, только бъ въ томъ отечеству порухи не было»—оно признано было не дѣльнымъ и, по ходатайству Пожарскихъ, Волконскіе были отправлены въ тюрьму. Послѣ Тары кн. Θ. Θ. Волконской воеводствовалъ въ Калугѣ. Что касается Байкова, то онъ въ 1635 г. былъ воеводой въ Валуйкахъ.

1631—1632 г. Князь Никита Михайловъ сынъ Барятинской и Константинъ Селиверстовъ сынъ Сытинъ; назначены 14 января 1631 г. [1]).

Книги Разрядныя не содержатъ въ себѣ свѣдѣній о прежней службѣ этихъ лицъ; въ 1636 г. мы находимъ кн. Н. М. Барятинскаго воеводой въ стросвомъ полку на Крапивнѣ.

1633—1634 г. Князь Θедоръ Самойловъ сынъ Бѣльской и Неупокой Андреевъ сынъ Кокошкинъ.

Кн. Бѣльской въ 1623—25 г. воевода въ Яранскѣ; Кокошкинъ—въ 1624—25 г. объѣзжій голова въ Москвѣ, а въ 1630—31 г. дьякъ помѣстнаго приказа.

1635—1636 г. Князь Θедоръ Петровъ сынъ Борятинской и Григорій Аггѣевъ сынъ Кафтыревъ.

Въ 1615 г. кн Θ. П. Борятинской воеводствовалъ въ Переяславлѣ-Рязанскомъ, а въ 1620—21 г. былъ въ товарищахъ у казанскаго воеводы.

V. Г. БЕРЕЗОВЪ.

1615—1618 г. Бѣляница Зюзинъ и Василій Нармацкой.

1619 г. Данила Аθонасьевъ сынъ Вельяминовъ.

Занималъ должность воеводы въ Туринскомъ острогѣ въ 1615—1618 г.

1620—1622 г. Иванъ Прохоровъ сынъ Писемской и Яковъ Аθонасьевъ сынъ Демьяновъ.

---

[1]) Дв. Разр. II. 185.

Писемской въ 1626 г. служилъ воеводой въ Бѣлевѣ; Демьяновъ до Березова былъ въ 1616 г. объѣзжимъ головой въ Москвѣ.

1623—1624 г. Князь Өедоръ Андреевъ сынъ Козловской и Андрей Ивановъ сынъ Ширинъ; назначены 13 января 1623 г. [1]).

О кн. Козловскомъ Книги Разрядныя не даютъ никакихъ свѣдѣній; Ширинъ въ 1618 г. начальствовалъ частью войска, собраннаго въ Москвѣ, по случаю осады ея Владиславомъ; въ 1627 г. былъ тамъ же объѣзжимъ головой, а въ 1629—31 г. сидѣлъ воеводой въ Переяславлѣ-Рязанскомъ.

1625—1626 г. Князь Левъ Михайловъ сынъ Волконской и Илья Ивановъ сынъ Зубовъ; назначены 25 января 1625 г. [2]).

Впослѣдствіи кн. Л. М. Волконской въ 1630—33 г. былъ воеводой въ Царицынѣ, а Зубовъ въ 1632—33 г.—воеводой въ Соликамскѣ и въ 1635—36 г.—товарищемъ воеводы въ Астрахани.

1627—1628 г. Князь Михаилъ Васильевъ сынъ Бѣлосельской.

Былъ воеводой въ Самарѣ въ 1615 г. и въ Вязьмѣ въ 1617 г.; послѣ березовской службы въ 1632—34 годахъ принималъ участіе въ походѣ противъ поляковъ, подъ предводительствомъ боярина Шеина.

1629—1630 г. Воинъ Тимофѣевъ сынъ Пушкинъ.

Въ 1636 г.—воевода въ Брянскѣ.

1631—1632 г. Иванъ Никифоровъ сынъ Давыдовъ; назначенъ 14 января 1631 г. [3]).

Съ 1616 г. по 1628 г. послѣдовательно воеводствовалъ въ Валуйкахъ, Гороховцѣ и Кольскомъ острогѣ; въ 1635—36 г. состоялъ товарищемъ астраханскаго воеводы, вмѣстѣ съ И. И. Зубовымъ, упоминаемымъ выше.

1633—1634 г. Алексѣй Аөонасьевъ сынъ Мѣшковъ-Плещеевъ.

Служилъ воеводой въ 1617 г. въ Темниковѣ, а въ 1624—26 г. во Владимірѣ.

---

[1]) Дв. Разр. I. 534.

[2]) Дв. Разр. I. 659.

[3]) Дв. Разр. II. 185.

1635—1636 г. Аѳонасій Михайловъ сынъ Толочановъ.

Съ 1615 г. послѣдовательно воеводствовалъ въ Брянскѣ, Бѣлевѣ, Новосилѣ и Царевококшайскѣ.

VI. Г. ПЕЛЫМЪ.

1615—1618 г. Иванъ Яковлевъ сынъ Вельяминовъ и Григорій Никитинъ сынъ Орловъ.

О дальнѣйшей службѣ И. Я. Вельяминова извѣстно лишь, что 7 іюня 1622 г. онъ, по Государеву указу, былъ посланъ «смотрѣть дворянъ» въ большемъ полку на Тулѣ. Что же касается Орлова, то, прослуживъ съ 1626 по 1629 г. воеводой въ Саратовѣ, онъ снова попалъ въ Сибирь воеводой въ Мангазею, гдѣ и пробылъ 1633 и 1634 г.

1619—1620 г. Г. Н. Орловъ отпущенъ въ Москву и воеводой остался одинъ И. Я. Вельяминовъ.

1621—1622 г. Петръ Никитинъ сынъ Вельяминовъ.

1623—1624 г. Иванъ Матвѣевъ сынъ Бельяминовъ-Спасской,—назначенъ 13 января 1623 г. [1]).

Значится въ 1632 г. меньшимъ воеводой въ прибыломъ полку во Мценскѣ.

1625—1626 г. Иванъ Петровъ сынъ Вердеревской, назначенъ 25 января 1625 г. [2]).

Какъ можно предполагать, И. П. Вердеревскій былъ сыномъ того Петра Вердеревскаго, который служилъ въ 1599 г. головою въ Пелымѣ. Въ 1632 г. И. П. Вердеревскій состоялъ меньшимъ воеводой въ сторожевомъ полку на Кропивнѣ.

1627—1628 г. Григорій Андреевъ сынъ Алябьевъ.

До Пелыма Алябьевъ воеводствовалъ: въ 1615 г. въ Рыльскѣ, гдѣ былъ вторымъ воеводой, въ 1619—20 г.—въ Болховѣ; въ 1622—23 г.—въ Путивлѣ и въ 1625—26 г. въ Вязьмѣ—тоже вторымъ воеводой. Въ 1629—30 г. онъ служилъ «меньшимъ» воеводой въ Переяславлѣ-Рязанскомъ, а въ 1633 г. принималъ участіе въ походѣ противъ поляковъ въ Сѣверской землѣ.

1629 — 1630 г. Григорій Ивановъ сынъ Горихвостовъ.

Воеводствовалъ въ 1616—17 г. въ Бѣлгородѣ и въ 1623 г. въ Сѣвскѣ.

---

[1]) Дв. Разр. I. 534.

[2]) Тамъ же, I. 659.

1631—1633 г. Иванъ Степановъ сынъ Урусовъ, назначенъ 14 января 1631 г. [1]).

Въ 1616—18 г. былъ воеводой въ Козьмодемьянскѣ; въ 1623—24 г. — товарищемъ воеводы въ Вязьмѣ, въ 1626—27 г. воеводой въ Алатырѣ.

1633—1634 г. Евдокимъ Ивановъ сынъ Баскаковъ, назначенъ 11 октября 1632 г. [2]).

Это былъ старый сибирскій послужникъ; въ 1623 — 24 г. онъ воеводствовалъ въ Кузнецкомъ острогѣ и за свою службу награжденъ былъ 1 сентября 1627 г. серебрянымъ ковшомъ и шубой [3]).

1635—1636 г. Андрей Васильевъ сынъ Усовъ.

Началъ службу воеводой въ Себежѣ въ 1615 г.,—въ 1629—30 г. служилъ воеводой въ Нарымскомъ острогѣ; въ 1633 г. былъ меньшимъ воеводой въ Путивлѣ и за битвы съ поляками и литовцами, а также за «осадное сидѣнье» награжденъ 25 мая 1634 г. серебрянымъ кубкомъ, дорогою шубой и прибавкою къ помѣстному окладу [4]). Назначенъ въ Пелымъ 21 января 1635 г. [5]).

VII. ТУРИНСКОЙ ОСТРОГЪ.

1615 — 1618 г. Данила Аѳонасьевъ сынъ Вельяминовъ.

Въ 1618 г. переведенъ воеводой въ Березовъ.

1618—1621 г. Данила Ивановъ сынъ Милославской.

Впослѣдствіи, въ 1625—26 г.—воевода въ Курскѣ, а въ 1633—34 г.—въ Верхотурьѣ.

1621—1624 г. Семенъ Дмитріевъ сынъ Апухтинъ.

Въ 1617—18 г. былъ воеводой въ Парфеньевѣ.

1625—1626 г. Иванъ Ивановъ сынъ Баклановской.

До Туринска воеводствовалъ въ 1615 г. въ Тихвинѣ, а въ 1620—24 г. въ Твери; въ 1633 г. мы встрѣчаемъ его въ числѣ осадныхъ воеводъ въ Москвѣ.

---

1) Дв. Разр. II. 185.

2) Тамъ же II. 296.

3) Доп. къ Дв. Разр. 478.

4) Доп. къ Дв. Разр. 890.

5) Дв. Разр. II. 411.

1635—1636 г. Аѳонасій

Съ 1615 г. послѣдовате
Новосилѣ и Царевоконшайск

VI. Г.

1615—1618 г. Иванъ Я
и Григорій Никитинъ сынъ

О дальнѣйшей служб
7 іюня 1622 г. онъ, по Госу
рянъ» въ большемъ полку н
служилъ съ 1626 по 1629 г.
въ Сибирь воеводой въ Ман

1619—1620 г. Г. Н.
воеводой остался одинъ И.

1621—1622 г. Петръ

1623—1624 г. Иванъ
Спасской,—назначенъ

Значится въ 1632 г
во Мценскѣ.

1625—1626 г. Иванъ
назначенъ 25 января 162

Какъ можно пред
Петра Вердеревскаго, ко
Въ 1632 г. И. П. Верде
жевомъ полку на Кропи

1627—1628 г. Гри

До Пельна Ал
гдѣ былъ вторымъ вое
23 г.—въ Путивлѣ и
водой. Въ 1629—30 г.
славлѣ-Рязанскомъ, а
поляковъ въ Сѣверск

1629 — 1630 г.
товъ,

рова

L. 53
e, L. 6

ислѣ начальствующихъ
имъ головою тамъ же.

ровъ сынъ Гага-
въ.

г. товарищемъ Псковскаго
оварищемъ того же вое-
отъ, проигранный Гагари-
ему явилось служебное по-
ь будто бы нисшія мѣста.
вленіе его не подтвердилось
ачилось, что отецъ Ѳедора
былъ честной человѣкъ, былъ
Гагарина «служилъ съ горо-
былъ въ Калугѣ, въ товари-
каго, а въ 1622 г. состоялъ
да и былъ назначенъ въ Томскъ.

фѣевъ сынъ Хлоповъ и
цкой.

ъ въ Можайскѣ, товарищемъ вое-
дой въ Козмодемьянскѣ; въ 1623 г.
скій—«для береженья украинныхъ го-
йскихъ людей».

етръ Андреевъ сынъ Козлов-
ынъ Бартеневъ.

вской воеводствовалъ на Бѣлоозерѣ, а Бар-
ылъ въ товарищахъ у воеводы въ Великихъ-
ской службы дворянинъ Чулковъ (Чюлокъ)
лъ посланъ изъ Москвы въ Тобольскъ, для
о злоупотребленіяхъ мангазейскихъ воеводъ
и перваго изъ нихъ скованнаго привезъ въ
ртенева для раскрытія воеводскихъ злоупотре-
нѣсколько страннымъ, такъ какъ самъ онъ не
о честностью. Посланный въ Соликамскъ «для Го-
дѣла, для сыску мѣдной руды», онъ, «не служа Ве-
и не помня крестнаго цѣлованія, мѣдной руды не
й бездѣльной корысти и ималъ отъ того многіе по-
»[2]).

ивл. Ш. 151.
нъ. Доп. къ Дв. Разр. 886, 887.

1627—1628 г. Воинъ Лукьяновъ сынъ Корсаковъ.

Въ 1616 г. воеводой въ Осѣ, въ 1619 г. — на Дѣдиловѣ. Былъ также въ 1621—22 г. воеводой въ Соликамскѣ, что видно изъ грамоты къ нему царя Михаила, отъ 25 декабря 7130 (1621) г.[1]).

1629—1630 г. Аѳонасій Ивановъ сынъ Зубовъ.

1631—1632 г. Гурій Ивановъ сынъ Волынцевъ, назначенъ 14 января 1631 г.[2]).

Былъ воеводой въ 1622—23 г.—въ Колѣ и въ 1626 г.—въ Пустоверскѣ; умеръ въ Туринскѣ въ 1633 г.[3]).

1633—1634 г. Лукьянъ Андреевъ сынъ Полтевъ, назначенъ 11 октября 1632 г.[4]).

1635 — 1636 г. Семенъ Ѳедоровъ сынъ Обѣдовъ, назначенъ 21 января 1635 г.[5]).

VIII. Г. МАНГАЗЕЯ.

1615—1616 г. Иванъ Васильевъ сынъ Биркинъ и Воинъ Аѳонасьевъ сынъ Новокщоновъ.

Биркинъ въ 1626—27 г. служилъ въ приказѣ Дворца Великаго Государя Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича, а въ 1629—30 г. былъ воеводой на Даньковѣ. В. А. Новокщоновъ въ 1625 г. воеводствовалъ въ Муромѣ; прослуживъ затѣмъ въ 1626 г. въ Москвѣ, объѣзжимъ головой, онъ въ 1631—33 г. былъ воеводой въ Гдовѣ.

1617 г. Тотъ же Биркинъ и Ѳедоръ Новокщоновъ.

1618—1619 г. Петръ Васильевъ сынъ Щепинъ-Волынской.

До Мангазеи служилъ воеводой въ 1615 г. въ Царевококшайскѣ и въ 1616 г. въ Яранскѣ; въ 1625 г. мы его встрѣчаемъ воеводой въ Вологдѣ, въ 1626—28 г.—въ Устюгѣ и въ 1633 г.—въ Слободскомъ.

1620—1622 г. Дмитрій Семеновъ сынъ Погожій и Иванъ Ѳедоровъ сынъ Танѣевъ.

---

1) Дмитріевъ. «Пермская старина», вып. 2, стр. 247.

2) Дв. Разр. II. 185.

3) Буцинскій, «Заселеніе Сибири», стр. 230.

4) Дв. Разр. II. 296.

5) Тамъ же, II. 411.

Погожій въ 1617 г. былъ товарищемъ воеводы въ Вязьмѣ и въ томъ же году переведенъ воеводой въ Алатырь. Въ 1618 г. назначенъ приставомъ къ «Свійскимъ посламъ»; затѣявъ мѣстническое дѣло съ княземъ Никитою Борятинскимъ (впослѣдствіи, въ 1623—24 г. бывшимъ въ Верхотурьѣ воеводой) проигралъ его и за не дѣльное челобитье посаженъ былъ въ тюрьму.

И. Ѳ. Танѣевъ въ 1618 г. служилъ въ гарнизонѣ г. Москвы; въ 1624—25 г. былъ тамъ же объѣзжимъ головой.

1623—1624 г. Иванъ Никитинъ сынъ Пушкинъ и Ѳедоръ Владиміровъ сынъ Уваровъ.

Пушкинъ въ 1632 г. воеводствовалъ въ Кай—городкѣ, а въ 1636 г.—въ Алатырѣ. Уваровъ до Мангазеи былъ воеводой въ 1615—16 г. въ Тетюшахъ, а послѣ, въ 1627 г., состоялъ объѣзжимъ головой въ Москвѣ.

1625—1626 г. Князь Ефимъ Ѳедоровъ сынъ Мышецкой и Андрей Аѳонасьевъ сынъ Волоховъ.

Кн. Мышецкой въ 1620—21 г. воеводствовалъ въ Саратовѣ; въ въ 1622 г. онъ былъ смѣненъ, причемъ ему велѣно «быти на Саратовѣ въ ряду, до Государева укава». Послѣ мангазейской службы, въ 1634 г., въ должности мещовскаго воеводы былъ посланъ подъ Смоленскъ, вмѣстѣ со стольникомъ княземъ В. П. Черкаскимъ; въ 1635—36 г. служилъ воеводой въ Свіяжскѣ.

1627—1628 г. Тимофей Васильевъ сынъ Бобарыкинъ и Поликарпъ Семеновъ сынъ Полтевъ.

Бобарыкинъ упоминается подъ 1634 годомъ, какъ «сборщикъ» дворянъ по городамъ Мурому и Нижнему-Новгороду, а Полтевъ назначенъ былъ въ Мангазею изъ московскихъ объѣзжихъ головъ, прослуживъ передъ тѣмъ въ 1621—22 г. воеводой въ Боровскѣ.

1629—1630 г. Григорій Ивановъ сынъ Кокоревъ и Андрей Ѳедоровъ сынъ Палицынъ.

Кокоревъ служилъ воеводой: въ 1618 г. въ Галичѣ, въ 1619 г. —въ Великихъ-Лукахъ, въ 1621—22 г.—въ Самарѣ, въ 1625—26 г.—въ Шацкѣ. Палицынъ въ 1617—18 г. воеводствовалъ въ Муромѣ. Оба они печально окончили мангазейскую службу: смѣненые въ 1631 г., они попали подъ слѣдствіе, были арестованы и доставлены въ Тобольскъ, откуда въ 1633 г. Кокоревъ, съ сыномъ своимъ Иваномъ, препровождены были скованными въ Москву. Дальнѣйшая судьба Палицына—неизвѣстна [1]).

[1]) Др. Росс. Вивл. М. 1788 г. т. III, стр. 151.

1631—1632 г. Василій Алексѣевъ сынъ Давыдовъ и Дмитрій Ѳедоровъ сынъ Клокачевъ, назначены 14 января 1631 г. [1]).

Давыдовъ былъ воеводой: въ 1618—19 г. въ Суздалѣ, въ 1623—24 г.—въ Мценскѣ и въ 1627 г.—въ Ядринѣ.

1633—1634 г. Григорій Никитинъ сынъ Орловъ; дьякъ Василій Атарскій,—назначены 11 октября 1632 г. [2]).

Объ Орловѣ, бывшемъ въ 1615—18 г. воеводой въ Пелымѣ, см. выше.

1635—1636 г. Борисъ Ивановъ сынъ Пушкинъ; дьякъ Пятой Спиридоновъ,—назначены 21 января 1635 г. [3]).

Спиридоновъ переведенъ изъ дѣйствовавшей подъ Смоленскомъ арміи, гдѣ былъ подъячимъ.

IX. Г. ТОМСКЪ.

1615 г. Гаврила Юдинъ Хрипуновъ и Иванъ Борисовъ сынъ Сѣкеринъ.

Сѣкеринъ въ слѣдующемъ 1616 г. переведенъ воеводой въ Тюмень.

1616—1618 г. Ѳедоръ Васильевъ сынъ Бобарыкинъ и тотъ же Хрипуновъ.

Бобарыкинъ переведенъ былъ въ Томскъ изъ Тюмени, гдѣ служилъ въ товарищахъ воеводы; прослуживъ въ Томскѣ до 29 февраля 1620 г., онъ въ 1623 г. опредѣленъ былъ воеводой въ Устюгъ, гдѣ вскорѣ и умеръ.

1619 г. Тотъ же Бобарыкинъ,—одинъ.

1620—1622 г. Князь Иванъ Ѳедоровъ сынъ Шаховской и Максимъ Ивановъ сынъ Радиловъ.

Кн. И. Ѳ. Шаховской до Томска воеводствовалъ въ 1616—17 г. въ Царевосанчурскѣ, а въ 1618—19 г. въ Рыльскѣ. Въ 1627—29 г. мы находимъ его младшимъ воеводой большаго полка на Тулѣ,—въ 1634 г. онъ участвовалъ въ походѣ противъ поляковъ, а въ 1635—36

---

[1]) Дв. Разр. II. 185.

[2]) Тамъ же, II. 296.

[3]) Тамъ же, II. 411. Пушкинъ значится здѣсь стольникомъ

г.—былъ воеводой въ Костромѣ.

Радиловъ, вь 1616—18 г, значится въ числѣ начальствующихъ лицъ гарнизона Москвы, а въ 1624 г.—объѣзжимъ головою тамъ же.

1623—1624 г. Князь Аѳонасій Ѳедоровъ сынъ Гагаринъ и Семенъ Васильевъ сынъ Дивовъ.

Кн. А. Ѳ. Гагаринъ, будучи въ 1615 г. товарищемъ Псковскаго воеводы, заспорилъ о мѣстахъ съ другимъ товарищемъ того же воеводы—Ѳедоромъ Бутурлинымъ. Споръ этотъ, проигранный Гагаринымъ, любопытенъ тѣмъ, что основаніемъ ему явилось служебное положеніе предковъ Бутурлина, занимавшись будто бы нисшія мѣста. Бояре отказали Гагарину потому, что заявленіе его не подтвердилось справкой въ разрядныхъ книгахъ, гдѣ значилось, что отецъ Ѳедора Бутурлина,—Леонтій «при царѣ Иванѣ былъ честной человѣкъ, былъ въ стольникахъ», а отецъ жалобщика Гагарина «служилъ съ городомъ». Въ 1617—1618 г. кн. Гагаринъ былъ въ Калугѣ, въ товарищахъ у извѣстнаго кн. Д. М. Пожарскаго, а въ 1622 г. состоялъ объѣзжимъ головой въ Москвѣ, откуда и былъ назначенъ въ Томскъ.

1625—1626 г. Осипъ Тимофѣевъ сынъ Хлоповъ и Иванъ Борисовъ сынъ Нармацкой.

Хлоповъ въ 1618 г. служилъ въ Можайскѣ, товарищемъ воеводы; въ 1620—22 г. былъ воеводой въ Козмодемьянскѣ; въ 1623 г. посланъ въ Переяславль Рязанскій—«для береженья украинныхъ городовъ отъ Крымскихъ и Ногайскихъ людей».

1627—1628 г. Князь Петръ Андреевъ сынъ Козловской и Грязной Чулковъ сынъ Бартеневъ.

Въ 1622—23 г. Козловской воеводствовалъ на Бѣлоозерѣ, а Бартеневъ въ эти же годы былъ въ товарищахъ у воеводы въ Великихъ-Лукахъ. Послѣ своей томской службы дворянинъ Чулковъ (Чюлокъ) Бартеневъ въ 1633 г. былъ посланъ изъ Москвы въ Тобольскъ, для производства слѣдствія о злоупотребленіяхъ мангазейскихъ воеводъ Кокорева и Палицина, и перваго изъ нихъ скованнаго привезъ въ Москву [1]). Выборъ Бартенева для раскрытія воеводскихъ злоупотребленій представляется нѣсколько страннымъ, такъ какъ самъ онъ не отличался служебною честностью. Посланный въ Соликамскъ «для Государева великаго дѣла, для сыску мѣдной руды», онъ, «не служа Великому Государю и не помня крестнаго цѣлованія, мѣдной руды не сыскалъ для своей бездѣльной корысти и имaлъ отъ того многіе посулы и поминки» [2]).

[1]) Др. Росс. Вивл. III. 151.

[2]) Забѣлинъ. Доп. къ Дв. Разр. 886, 887.

1629—1630 г. Князь Петръ Ивановъ сынъ Пронской и Алексѣй Степановъ сынъ Собакинъ [1].

Кн. П. И. Пронской, будучи стольникомъ, «смотрѣлъ въ большой столъ» на царскомъ обѣдѣ 12 іюня 1613 г., на другой день коронаціи Михаила Ѳедоровича [2]; въ 1616 г. былъ воеводой въ Холмогорахъ, въ 1617 г. посланъ въ Дорогобужъ, для защиты этого города отъ поляковъ и литовцевъ; такъ какъ Дорогобужъ оказался занятымъ непріятелемъ, кн. Пронскому поручено было засѣсть въ Вязьмѣ и оттуда «промышлять литовцевъ». Въ 1634 г. мы встрѣчаемъ его воеводой въ Брянскѣ, а въ 1635 г.—въ Вязьмѣ.

1631—1632 г. Князь Иванъ Ѳедоровъ сынъ Татевъ и Семенъ Ивановъ сынъ Воейковъ,—назначены 14 января 1631 г. [3].

Въ 1624 г. кн. Татевъ «въ бѣломъ платьѣ» былъ въ рындахъ при пріемѣ царемъ Кизылбашскаго купчины; въ 1627 г. онъ начальствовалъ передовымъ полкомъ на Дѣдиловѣ. Воейковъ, послѣ Томска, въ 1636 г. воеводствовалъ въ Самарѣ.

1633—1634 г. Стольникъ князь Никита Ивановъ сынъ Егуповъ-Черкаской и Ѳедоръ Григорьевъ сынъ Нехорошево-Шишкинъ, назначены 11 октября 1632 г. [4].

Кн. Н. И. Черкаской въ 1617—18 г. воеводствовалъ въ Ливнахъ; въ 1625 г. посланъ былъ въ Переяславль Рязанскій осмотрѣть тамошнихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, а въ 1629—30 г. начальствовалъ передовымъ полкомъ на Дѣдиловѣ. Шишкинъ въ 1629—31 г. былъ воеводой въ Серпуховѣ.

1635—1636 г. Стольникъ князь Иванъ Ивановъ сынъ Ромодановской и Андрей Андреевъ сынъ Бунаковъ,—назначены 21 января 1635 г. [5].

---

[1]) Книги Разрядныя не даютъ намъ свѣдѣній о томъ, кто были дьяками и письменными головами въ этомъ году въ Томскѣ; изъ Дворцовыхъ же Разрядовъ видно, что дьяками были: Семенъ Владиміровъ и Баженъ Степановъ, а письменными головами—Иванъ Постниковъ сынъ Огаревъ и Никита Васильевъ Кафтыревъ (т. II. 16).

[2]) Дв. Разр. I. 100.

[3]) Тамъ же, II. 186.

[4]) Съ ними: дьякъ Андрей Строевъ и письменный голова Ѳедоръ Петровъ сынъ Зиновьевъ (Дв. Разр. II. 296).

[5]) Съ ними: дьякъ Анисимъ Трофимовъ и письменные головы—Никифоръ Владиміровъ с. Жедринской и Аѳонасій Семеновъ с. Барковъ (Дв. Разр. II. 411).

Съ 1628 г. кн. Ромодановской служилъ въ войскѣ: сначала командовалъ сторожевымъ полкомъ на Кропивнѣ, а съ 1631 г. начальствовалъ большимъ полкомъ на Тулѣ.

Х. Г. СУРГУТЪ.

1615—1619 г. Гаврила Вельяминовъ; у него въ товарищахъ, въ 1615 г. Елизаръ Корсаковъ, а въ 1616—18 г, Иванъ Зубатой.

Въ 1616 г. Корсаковъ переведенъ въ Тару, на мѣсто Зубатаго, назначеннаго въ Сургутъ.

1620—1622 г. Иванъ Захаровъ сынъ Кутузовъ [1]) и Григорій Ивановъ сынъ Фефилатьевъ.

Послѣдній въ 1635 г. былъ воеводой въ Саратовѣ.

1623—1624 г. Иванъ Романовъ сынъ Безобразовъ и Ѳедоръ Григорьевъ сынъ Шишкинъ.

Безобразовъ воеводствовалъ въ 1616 т. въ Галичѣ, въ 1620—21 г. въ Ярославлѣ и въ 1627—28 г. въ Шацкѣ, гдѣ и умеръ. О Шишкинѣ извѣстно, что онъ въ 1615 г. былъ въ товарищахъ у воеводы въ Ливнахъ, а въ 1619 г.—въ Серпуховѣ. За свою сургутскую службу Безобразовъ и Шишкинъ награждены были 31 января 1626 г.—первый—кубкомъ и шубой, а второй серебрянымъ ковшомъ, соболями и камкой на шубу [2])

1625—1626 г. Никита Евстафьевъ сынъ Пушкинъ и Богданъ Ивановъ сынъ Бѣлкинъ.

1627—1628 г. Князь Михаилъ Семеновъ сынъ Гагаринъ.

Впервые имя М. С. Гагарина мы встрѣчаемъ въ числѣ назначенныхъ присутствовать «въ бѣломъ платьѣ» при пріемѣ въ 1618 г. Кизыльбашскихъ пословъ. Въ 1624—25 г. онъ воеводствовалъ въ Рыльскѣ, а въ 1635 г.—въ Коломнѣ.

1629—1630 г. Борисъ Ивановъ сынъ Кокоревъ.

Служилъ воеводой: въ 1616 г. въ Осташковѣ, въ 1617 г.—въ Галичѣ, въ 1618 г.—въ Невлѣ и въ 1622 г.—въ Сѣвскѣ.

1631—1632 г. Князь Михаилъ Григорьевъ сынъ Коз-

---

[1]) Щука—Кутузовъ (Дв. Разр. I. 524).

[2]) Доп. къ Дв. Разр. 434.

ловской, назначенъ 14 января 1631 г. [1]).

Воеводствовалъ въ 1620—22 г. въ Ливнахъ и въ 1626—28 г.—въ Бѣлгородѣ.

1633—1634 г. Князь Петръ Дмитріевъ сынъ Львовъ, назначенъ 11 октября 1632 г. [2]).

1635—1636 г. Князь Данила Григорьевъ сынъ Гагаринъ, назначенъ 21 января 1635 г. [3]).

Въ 1616 г. при воеводѣ, отцѣ своемъ князѣ Григоріѣ, служилъ въ Тобольскѣ письменнымъ головой; въ 1628—30 г. былъ въ товарищахъ у псковскаго воеводы, а въ 1633 г. начальствовалъ передовымъ полкомъ на Дѣдиловѣ.

XI. НАРЫМСКОЙ ОСТРОГЪ.

1614—1621 г. Иванъ Петровъ сынъ Хомяковъ-Языковъ.

Отозванный въ Москву, послѣ восьмилѣтняго воеводствованія въ Нарымѣ, Хомяковъ назначенъ былъ объѣзжимъ головой; въ 1625—26 г. былъ воеводой въ Козмодемьянскѣ; вернувшись оттуда въ Москву, снова попалъ въ объѣзжіе головы и на этой должности пробылъ до 1631 г. включительно.

1622—1624 г. Василій Өедоровъ сынъ Яновъ.

Впослѣдствіи, въ 1631—33 г., былъ воеводой въ Сольвычегодскѣ

1625—1626 г. Өедоръ Ивановъ сынъ Полтевъ.

1627 г. Степанъ Михайловъ сынъ Ушаковъ.

Въ 1616 г. воевода въ Костромѣ, въ 1618 г.—въ Михайловѣ, въ 1621—24 г.—въ Курскѣ. Умеръ въ Нарымѣ въ 1628 г.

1628 г. Павелъ Ивановъ сынъ Салмановъ, письменный голова, присланный изъ Тобольска временно исправлять должность воеводы.

1629—1630 г. Андрей Васильевъ сынъ Усовъ.

Объ Усовѣ, бывшемъ воеводою и въ Пелымѣ, см. выше.

1631—1632 г. Иванъ Никифоровъ сынъ Бестужевъ,

[1]) Дв. Разр. II. 185.

[2]) Дв. Разр. II. 296.

[3]) Тамъ же, II. 411, причемъ Гагаринъ значится стольникомъ.

—назначенъ 14 января 1630 г. [1]).

После Нарыма въ 1635—36 г. былъ товарищемъ воеводы на Тереке.

1633—1634 г. Иванъ Андреевъ сынъ Загоскинъ, назначенъ 11 октября 1632 г. [2]).

Былъ воеводой въ 1620—21 г. въ Тетюшахъ.

1635—1636 г. Владиміръ Семеновъ сынъ Племянниковъ, назначенъ 21 января 1635 г. [3]).

Въ 1619—1620 г. воеводствовалъ въ Лаишеве.

XII. КЕТСКОЙ ОСТРОГЪ.

1615—1619 г. Чеботай Челищевъ.

1620—1622 г. Яковъ Васильевъ сынъ Колтовской.

Въ 1616—17 г. былъ воеводой на Михайлове; впоследствіи въ 1633 г. мы встречаемъ его въ Разрядномъ Приказе, въ товарищахъ у боярина Юрія Сулешова.

1623—1624 г. Иванъ Алексеевъ сынъ Бастановъ.

Въ 1618 г. состоялъ въ гарнизоне Москвы, а въ 1622 г. былъ воеводой на Луху.

1625—1626 г. Иванъ Петровъ сынъ Кологривовъ.

Въ 1616—17 г. служилъ меньшимъ воеводой въ Стародубе; въ 1618 г. посылался изъ Москвы въ Калугу съ денежной казной, а въ следующемъ 1619 г. воеводствовалъ въ Одоеве.

1627—1628 г. Данила Ивановъ сынъ Полтевъ.

Въ 1620 г. занималъ воеводскую должность въ Царевококшайске.

1629—1630 г. Ларіонъ Григорьевъ сынъ Суминъ.

1631—1632 г. Иванъ Ивановъ сынъ Румянцевъ, назначенъ 14 января 1631 г. [4]).

Въ 1627—29 г. былъ воеводой на Балахне.

---

1) Дв. Разр. II. 186.

2) Тамъ же, II. 297.

3) Тамъ же, II. 411.

4) Тамъ же, II. 186 г.

1633—1634 г. Андрей Хрипуновъ [1]).

1635—1636 г. Яковъ Ивановъ сынъ Уваровъ, назначенъ 21 января 1635 г. [2]).

XIII. КУЗНЕЦКОЙ ОСТРОГЪ.

1617—1622 г. Тимофѣй Ивановъ сынъ Бобарыкинъ и Осипъ Герасимовъ сынъ Аничковъ [3]).

1623—1624 г. Евдокимъ Ивановъ сынъ Баскаковъ.

О немъ, воеводствовавшемъ также въ Пелымѣ, см. выше.

1625—1626 г. Өедоръ Ивановъ сынъ Голенищевъ.

Въ 1636 г. служилъ воеводой въ полку въ Пронскѣ.

1627—1628 г. Савва Александровъ сынъ Языковъ.

Въ 1636 г. былъ меньшимъ воеводой въ передовомъ полку на Дѣдиловѣ.

1629—1630 г. Князь Иванъ Михайловъ сынъ Волконской.

1631—1632 г. Өедоръ Ивановъ сынъ Нащокинъ, назначенъ 14 января 1631 г. [4]).

Въ 1619—21 г. служилъ воеводой въ Новосилѣ.

1633—1634 г. Өедоръ Кузьминъ сынъ Хоненевъ, назначенъ 11 октября 1632 г. [5]).

---

[1]) Въ Дворцовыхъ Разрядахъ (II. 297) значится, что воеводой въ Кетской острогъ 11 октября 1632 г. назначенъ князь Семенъ Ивановъ с. Шелешпанской; тоже у Новикова—Др. Росс. Вивл. III, стр. 153.

[2]) Дворц. Разр. II. 411.

[3]) Вопросъ о времени основанія Кузнецкаго острога не разрѣшенъ еще окончательно; хотя Миллеръ, въ «Описаніи Сиб. царства» изд. 1750 стр. 433 и слѣд. и относитъ основаніе Кузнецка къ 1618 г., но допускаетъ возможность, что и до этого времени на томъ мѣстѣ стоялъ уже русскій острогъ, можетъ быть тотъ самый въ которомъ отсиживался въ осадѣ, въ 1615 г., стрѣлецкій сотникъ Иванъ Пущинъ. Намъ кажется, что Кузнецкій острогъ долженъ былъ существовать въ 1617 г., такъ какъ иначе совершенно невозможно объяснить указаніе Разрядной книги за 1622 г. (т. I. 874) о томъ, что Бобарыкинъ и Аничковъ «посланы воеводами въ Кузнецкій острогъ въ прошломъ, въ 125 году» т. е. въ 1617 г. Основаніе Кузнецка относитъ къ 1617 г. и «Книга записная» (рукоп. Тоб. Соф. каѳ. собора).

[4]) Дв. Разр. II. 186.

[5]) Тамъ же, II. 297.

Воеводствовалъ въ 1624—25 г. въ Галичѣ.

1635—1636 г. Григорій Яковлевъ сынъ Кушелевъ, назначенъ 21 января 1635 г. [1]).

Въ 1631 г. былъ объѣзжимъ головой въ Москвѣ; въ сентябрѣ 1634 г. посланъ былъ изъ Москвы подъ Смоленскъ, къ боярину Шеину, съ денежной казной.

XIV. ЕНИСЕЙСКОЙ ОСТРОГЪ [2]).

1622—1624 г. Яковъ Игнатьевъ сынъ Хрипуновъ.

1625—1626 г. Андрей Леонтьевъ сынъ Ошанинъ.

Въ 1630—33 г. объѣзжій голова въ Москвѣ.

1627—1628 г. Василій Алексѣевъ сынъ Аргамаковъ.

Въ 1619 г. воеводствовалъ въ Сольвычегодскѣ.

1629—1630 г. Князь Семенъ Ивановъ сынъ Шаховской-Харя.

Въ 1616—18 г. былъ воеводой въ Ядринѣ; въ 1618 г. взятъ въ Москву, въ составъ мѣстнаго гарнизона; въ 1619 г. служилъ воеводой въ Пронскѣ, а въ 1620 г.—товарищемъ воеводы въ Вязьмѣ. Въ 1647 г. посланъ былъ въ ссылку въ Томскъ [3]).

1631—1632 г. Жданъ Васильевъ сынъ Кондыревъ, назначенъ 14 января 1631 г. [4]).

---

[1]) Дв. Разр. II. 411.

[2]) Годъ основанія Енисейска до сихъ поръ еще оспаривается; Щегловъ въ своемъ хронологическомъ перечнѣ на стр. 75 утверждаетъ, что Енисейскъ основанъ въ 1618 г.; мы же склонны думать, что основаніе Енисейскаго острога послѣдовало въ 1619 г. (см. мое изслѣдованіе «Государево жалованье послужникамъ сибирскимъ». Тоб. 1892 г. стр. 10). Того же мнѣнія и Миллеръ (Гл. М. Арх. М. И. Д. портф. Миллера, № 505, I, 1). Такъ или иначе, но названіе «Енисейскаго» острога появляется въ Разрядныхъ книгахъ впервые лишь подъ 1622 г. Объяснить это можно тѣмъ, что вѣроятно вначалѣ онъ носилъ другое названіе, подъ которымъ и числился въ Москвѣ. Дѣйствительно, въ Разрядной за 1621 г. мы находимъ въ числѣ сибирскихъ острововъ—«Тунгузскій» острогъ, о которомъ говорится, что туда «въ воеводское мѣсто посылаютъ изъ Тобольскова города на годовую изъ дѣтей боярскихъ по одному человѣку». Весьма вѣроятно, что это и былъ тотъ самый острогъ, который въ слѣдующемъ году уже значился подъ названіемъ Енисейскаго.

[3]) Др, Росс. Вивл. т, III, 176.

[4]) Дв. Разр. II. 186.

Въ 1625—26 г. воевода въ Ряжскѣ.

1633—1634 г. Андрей Андреевъ сынъ Племянниковъ, назначенъ 11 октября 1632 г. [1]).

1635—1636 г. Прокофій Өедоровъ сынъ Соковнинъ, назначенъ 21 января 1635 г. [2]).

Воеводствовалъ въ Мезени, въ 1624—25 г.

XV. КРАСНОЯРСКОЙ ОСТРОГЪ [3]).

1629—1632 г. Архипъ Өедоровъ сынъ Акинфовъ.

1635 г. Никита Ивановъ сынъ Карамышевъ [4]).

1636 г. Өедоръ Михайловъ сынъ Мякининъ, назначенъ 21 января 1635 г. [5]).

Внимательное изученіе вышеприведеннаго списка даетъ намъ возможность довольно точно выяснить ту систему, которой держалось правительство при назначеніи воеводъ въ Сибирь. Прежде всего невольно бросается въ глаза, что громадное большинство назначаемыхъ въ Сибирь воеводъ было послано непосредственно изъ Москвы, причемъ выборъ таковыхъ всецѣло принадлежалъ центральному управленію, обходившемуся въ этомъ случаѣ, повидимому, безъ всякихъ указаній со стороны главноначальствующихъ сибирскихъ воеводъ—тобольскаго, а впослѣдствіи и томскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдніе не принимали никакого участія, не только въ назначеніи, но даже и въ рекомендаціи посылаемыхъ въ Сибирь служилыхъ людей. Заключаемъ это изъ того, что въ приведенныхъ спискахъ мы почти не встрѣчаемъ случая перевода

---

[1]) Дв. Разр. II. 297.

[2]) Тамъ же, II. 411.

[3]) Красноярскій острогъ поставленъ Андреемъ Дубенскимъ въ 1628 г. (Собр. Гос. Грам. и Дог., т. III. № 78).

[4]) Кто былъ воеводой въ Красноярскѣ съ 1633 по 1635 г.—изъ Книгъ Разрядныхъ не видно; у Миллера—въ Вѣдомости о воеводахъ (рукоп. Гл. М. Арх. Мин. Ин. Д. № 505. I. 3)—Никита Карамышевъ значится воеводой съ 1633 г.; тоже видно и изъ Дворц. Разрядовъ (II. 297), указывающихъ на 11 окт. 1632 г., какъ на день назначенія Карамышева.

[5]) Дв. Разр. II. 411.

воеводы изъ одного сибирскаго города въ другой. Правительство, хорошо сознавая, что Сибирь, благодаря своей отдаленности является обширнымъ полемъ для всякаго рода злоупотребленій, очевидно предпочитало назначать туда лицъ тамъ еще не служившихъ, такихъ, которымъ по пріѣздѣ необходимо было сначала осмотрѣться и попривыкнуть къ тяжелымъ условіямъ сибирской службы. Дѣлалось это, какъ нужно думать, отчасти съ цѣлью парализировать черезъ чуръ большую самостоятельность воеводы въ тѣхъ отдаленныхъ мѣстахъ, отчасти и въ интересахъ населенія, подвергавшагося нерѣдко страшному произволу осѣвшихъ и окрѣпшихъ на мѣстѣ воеводъ. Этимъ объясняется и тотъ, сравнительно краткій срокъ, на который воеводы посылались на службу въ Сибирь.

По окончаніи своей сибирской службы воевода неизмѣнно отзывался въ Москву и нѣкоторое время, обыкновенно, не получалъ никакого назначенія. Это послѣднее обстоятельство несомнѣнно стоитъ въ связи съ тѣмъ взглядомъ, который правительство имѣло на сибирскихъ воеводъ вообще. Во всѣхъ наказахъ воеводамъ, дошедшихъ до насъ, слышится одна и таже нотка полнаго недовѣрія къ честности лицъ, посылаемыхъ на службу въ Сибирь. Каждый вновь назначенный воевода обязывался не только учесть своего предшественника, но и публично, предъ собранными въ съѣзжую избу служилыми, жилецкими, торговыми людьми и инородцами,—торжественно, въ нарядномъ платьѣ, объявить о „воровствѣ“ своего предмѣстника, обѣщаясь со своей стороны всякую защиту и помощь [1]). Понятно, что неуспѣвалъ старый воевода доѣхать до Москвы, какъ на него сыпались жалобы, по которымъ обыкновенно производился судъ. Начиналась извѣстная московская волокита, тянувшаяся безконечно, въ боль-

[1]) Очень интересныя подробности о смѣнѣ старыхъ и вступленіи въ должность новыхъ воеводъ мы находимъ у Буцинскаго, стр. 237—248; см.также историческій очеркъ Кулешова: «Наказы Сибирскимъ воеводамъ въ XVII вѣкѣ». Ташкентъ. 1888 г.

шинствѣ случаевъ хотя и разрѣшавшаяся благополучно для обвиняемыхъ, но все-таки задерживавшая ихъ назначеніе на новое мѣсто служенія.

Мѣстничество, это зло, такъ часто парализовавшее благія намѣренія правительства, какъ кажется, не коснулось Сибири; по крайней мѣрѣ за весь 22-хъ лѣтній періодъ, который обнимаютъ Книги Разрядныя, мы встрѣчаемъ лишь одинъ случай спора о мѣстахъ, возбужденный товарищемъ тобольскаго воеводы Волынскимъ въ 1628 г. Нужно думать, что правительство разъ навсегда объявило служеніе въ Сибири „безмѣстнымъ", такъ какъ только этимъ можно объяснить отсутствіе челобитныхъ со стороны представителей знатнѣйшихъ родовъ въ государствѣ, назначаемыхъ иногда въ самые незначительные остроги и города. Правда, Книги Разрядныя не содержатъ въ себѣ подобнаго категорическаго разъясненія относительно несчитанія „мѣстами" въ службѣ сибирской, но ясные намеки на это мы въ нихъ встрѣчаемъ и не одинъ разъ. Такъ въ указѣ Михаила Ѳедоровича отъ 3-го декабря 1629 г. о раздѣленіи Сибири на два разряда прямо говорится, что „Тоболскому болшому воеводѣ съ Томскимъ болшимъ воеводой счету и мѣстъ нѣтъ". Когда братья Волынскаго, сидѣвшаго въ Тобольскѣ въ товарищахъ воеводскихъ, недовольные назначеніемъ большимъ воеводой Ивана Ивановича Салтыкова, били челомъ „о мѣстахъ", Государь приказалъ записать въ Разрядѣ „что Ивану Салтыкову въ Сибири не быть „по Государскому указу, а не для челобитья Ивана Волынскаго съ братьей". Очень возможно, что правительство должно было признать неудобство въ данномъ случаѣ назначенія Салтыкова, но въ тоже время оно явно хотѣло подчеркнуть, что отмѣна послѣдовала не во вниманіе мѣстническихъ счетовъ, а по инициативѣ самого правительства.

(Окончаніе слѣдуетъ).

К. Газенвинкель.

Хроника.

МУЗЕИ ВОСТОЧНОЙ РОССІИ.

МУЗЕЙ ПЕТРОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИЗСЛѢДОВАТЕЛЕЙ АСТРАХАНСКАГО КРАЯ.

Въ началѣ января 1889 года Совѣтъ Общества получилъ отъ городскаго общества помѣщеніе, находящееся во второмъ этажѣ дома бывшаго Саркисова на Почтовой улицѣ и счелъ необходимымъ немедленно принять пожертвованныя еще въ концѣ 1888 г. Астраханскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ коллекціи и по надлежащей ихъ установкѣ въ имѣющемся помѣщеніи открыть проектированный публичный музей. Пожертвованныя коллекціи по числу предметовъ и по величинѣ многихъ изъ нихъ потребовали такъ много мѣста, что помѣщеніе общества оказалось тѣснымъ даже теперь, когда музей только что зарождался. Имѣя до 750 р. спеціально назначенныхъ на музей и надѣясь въ будущемъ на сочувствіе горожанъ, Совѣтъ нашелъ возможнымъ предложить Общему Собранію, чтобы оно поручило ему, Совѣту, нанять помѣщеніе для музея, съ платою отъ 400 — 500 р. въ годъ. Извѣстіе о предстоящемъ открытіи музея нашло откликъ въ неизвѣстномъ лицѣ, пожертвовавшемъ при посредствѣ члена Совѣта П. М. Никольскаго 300 руб. на устройство при музеѣ педагогическаго отдѣла. Проектируемый неизвѣстнымъ лицомъ педагогическій отдѣлъ долженъ былъ знакомить посѣтителей: 1) съ гигіеническими школьными постройками и обстановкой; 2) гигіеной школъ; 3) съ возможно полнымъ выборомъ пособій по предметамъ школьнаго обученія. Неудачи, преслѣдовавшія Совѣтъ Общества въ заботахъ объ открытіи музея, побудило отдѣльныхъ членовъ его изыскать иные способы къ осуществленію музея. Членъ общества В. А. Хлѣбниковъ подалъ мысль объ открытіи соединеннаго музея съ проектируемымъ Городскимъ Управленіемъ. Свои мысли объ открытіи соединеннаго музея онъ развилъ въ засѣданіи Совѣта 24 октября. Совѣтъ Общества въ принципѣ согласился съ предложеніемъ г. Хлѣбникова и постановилъ сдѣлать по этому вопросу докладъ ближайшему общему собранію; составленіе доклада было поручено В. А. Хлѣбникову. Предварительно разсмотрѣнія доклада въ общемъ собраніи онъ былъ

разсмотрѣнъ и одобренъ въ обоихъ отдѣленіяхъ его. Основные пункты соглашенія общества съ городомъ относительно соединеннаго музея въ общемъ таковы: городъ даетъ приличное помѣщеніе для музея, библіотеки и занятій общества и средства на консерватора, сторожа и вообще на содержаніе этого помѣщенія, коллекцій и библіотеки въ надлежащемъ видѣ. Петровское Общество приметъ на себя весь трудъ по устройству музея: сохраненію, опредѣленію, систематизированію и пополненію коллекцій, научному описанію ихъ въ своихъ изданіяхъ и непосредственному ознакомленію съ ними публики. Музей будутъ составлять предметы и модели, а также фотографіи и тому подобные снимки и наглядныя изображенія, имѣющія значеніе въ характеристикѣ Астраханскаго края во всѣхъ отношеніяхъ съ доисторическихъ временъ до современнаго періода. Такимъ образомъ въ музеѣ должны быть отдѣлы: геологическій, зоологическій, ботаническій, археологическій, этнографическій, историческій, сельско-хозяйственный, промышленный и транзитно-торговый, причемъ въ послѣднихъ трехъ отдѣлахъ будетъ собираться матеріалъ и по исторіи экономической жизни края. Музей будетъ городской, Петровское-же Общество будетъ только завѣдывать имъ. Работая въ музеѣ по изученію края, Петровское общество обяжется предоставить не менѣе одного дня въ недѣлю для безплатнаго посѣщенія музея публикою и не менѣе раза въ мѣсяцъ демонстрировать тѣ или другія коллекціи музея передъ публикой объяснительными чтеніями. Консерваторъ музея долженъ получать жалованье отъ города, но можетъ быть назначенъ только Петровскимъ обществомъ по выбору изъ своей среды. Если Петровское общество когда либо прекратитъ свое существованіе, музей сдѣлается полною собственностью города, а до этого времени городъ не имѣетъ права какъ бы то ни было распоряжаться богатствами музея. Городъ можетъ только отказать обществу въ дальнѣйшей помощи, что будетъ равносильно отказу города отъ своихъ правъ на музей. Послѣ подобнаго рѣшенія города Петровское Общество въ теченіе года обязано будетъ пріискать другіе способы содержанія музея и очистить городскія зданія. Общее собраніе членовъ общества 2 декабря (вниманію коего былъ предложенъ докладъ В. А. Хлѣбникова) предложеніе Хлѣбникова въ принципѣ приняло и переговоры по этому вопросу съ Городскимъ Управленіемъ поручило вести Совѣту, который съ своей стороны долженъ былъ знакомить съ ходомъ переговоровъ оба отдѣленія. Въ 1890 г. предсѣдатель Совѣта, убѣдившись изъ частныхъ переговоровъ съ представителями города, что первоначальный проектъ Общества о соединеніи музеевъ подъ условіемъ оставленія за городомъ лишь матеріальнаго о немъ попеченія не встрѣтитъ сочувствія, обратился отъ имени Совѣта съ разъясненіемъ въ Городскую Управу (9 іюня за № 459), выразившись при этомъ такимъ образомъ, что Совѣтъ предлагаетъ «будущему городскому музею свои коллекціи, находящіяся въ распоряженіи Общества въ настоящее время и то, что будетъ пріобрѣтаемо Петровскимъ Обществомъ впослѣдствіи, при единственномъ условіи—неотчужденія въ другія руки безъ особаго соглашенія съ общимъ собраніемъ членовъ Петровскаго Общества»; къ этому присовокуплялось отъ имени Совѣта предложеніе—ввести въ составъ музейнаго комитета троихъ представителей отъ Петровскаго Обще-

ства,—въ лицѣ предсѣдателя и по одному депутату отъ двухъ главныхъ секцій. Подобно предыдущимъ, и эта бумага не двинула впередъ музейнаго вопроса въ городской думѣ, о чемъ и было сообщено Совѣту въ засѣданіи 25 августа.

Отъ 27 октября на имя Совѣта послѣдовало отношеніе Городской Управы, сообщавшей, что городская дума въ засѣданіи 5 октября 1890 г. изъявила согласіе на принятіе коллекцій Петровскаго общества въ научно-промышленный городской музей на условіяхъ предложенныхъ Совѣтомъ общества, а именно: 1) Городское Общественное Управленіе не должно что либо изъ означенныхъ коллекцій отчуждать безъ согласія Общаго Собранія Петровскаго Общества и 2) въ составѣ коммиссіи завѣдывающей городскимъ музеемъ должны участвовать три лица — предсѣдатель общества и двое изъ членовъ общества. Въ половинѣ октября освободилась квартира, отведенная городомъ для установки колекцій музея, и тогда А. Г. Алексѣевъ, П. М. Никольскій, Н. Д. Пацукевичъ и В. А. Хлѣбниковъ приступили къ его устройству. Эту работу означенныя лица раздѣлили такимъ образомъ: Алексѣевъ взялъ соляной отдѣлъ, Никольскій и Хлѣбниковъ всѣ остальные отдѣлы за исключеніемъ нумизматики и археологіи, устройствомъ которыхъ хотѣлъ заняться Пацукевичъ.

Свѣдѣнія о посѣщеніи музея показываютъ что наибольшое число посѣтителей было въ праздничные дни: 26 декабря—200 чел., 20 января—170 ч., 27 января — 220 ч., 2 февраля — 231, 3 февраля — 428, 10 февраля — 418, 17 февр. — 354, 24 февр. — 338 ч., 24 февр. — 113 ч., 28 февр. — 100 чел., а всего считая и посѣтителей въ будничные дни отъ 26 декабря по 1 марта— 3,519 человѣкъ.

Въ 1890 г. въ Музеѣ находилось:

Этнографическихъ фотограф.	151	экз.
Таблицъ смертностей	11	»
Предметовъ калмыцкаго быта	197	»
Глиняныхъ сосудовъ и осколк.	63	»
Котловъ	2	»
Кремневыхъ орудій	18	»
Бурханъ	1	»
Ковшъ серебряный	1	»
Стрѣлъ киргизскихъ	17	»
Бронзовыхъ наконечниковъ	51	»
Фотографій Соляннаго промысла	15	»
Амулетовъ	16	»
Кольчугъ	3	»
Шишаковъ и локатниковъ	2	»

ДОНСКОЙ МУЗЕЙ.

Мысль о музеѣ возникла среди членовъ Донскаго статистическаго комитета, выражена въ докладѣ бывшаго секретаря комитета А. М. Савельева, утверждена членами въ засѣданія 15 января 1868 г. (смот. протоколы засѣ-

даній) и реализирована составленіемъ и разсылкою первой программы по собиранію вещей для Донскаго музея съ отдѣлами исторіи, этнографіи и сельско-хозяйственнымъ. Съ того же времени началась и присылка вещей. Затѣмъ нынѣшній Войсковой Атаманъ, сочувствуя дѣлу устройства музея, неоднократно предписывалъ учрежденіямъ и лицамъ неупустительно доставлять найденныя древнія вещи (циркуляры: 17 марта 1884 г. и 13 ноября 1886 г.), въ силу каковыхъ распоряженій вещи поступали и поступаютъ или въ канцелярію Войсковаго Наказнаго Атамана или непосредственно въ собраніе войсковаго музея.

Коммисія по устройству Донскаго музея и историческаго при немъ архива, которая и занимается систематизаціей собранныхъ по сіе время древнихъ вещей въ отведенномъ въ одномъ изъ войсковыхъ зданій помѣщеніи изъ трехъ комнатъ, утверждена Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1890 г.

О характерѣ древностей, которыя со временемъ могутъ сдѣлаться достояніемъ музея, можно судить по посылкамъ г. Ознобишина, о которыхъ мы узнаемъ изъ газеты «Донское Поле» (1891, № 5):

1) два каменныхъ молотка, наконечникъ копья, и нѣсколько наконечниковъ стрѣлъ изъ Усть-Медвѣдицкаго округа, полученные г. Ознобишинымъ отъ разныхъ лицъ; 2) обломокъ глинянаго кувшина изъ Усть-Медвѣдицкаго же округа, полученный имъ отъ г. Каледина; 3) одно металлическое зеркало и нѣсколько турецкихъ монетъ — изъ Усть-Медвѣдицкаго округа; 4) два наконечника бронзовыхъ копій, два черепа и обломокъ каменнаго молота, добытые въ томъ же округѣ отъ г. фонъ-Кюгельгенъ, и 5) коллекція вещей, найденныхъ на Недвиговскомъ городищѣ, изъ которыхъ имѣютъ нѣкоторую цѣну амфора и три каменныхъ фрагмента съ полуистертыми греческими надписями.

ЭКСПЕДИЦІИ, РАСКОПКИ И СЛУЧАЙНЫЯ НАХОДКИ, ИМѢВШІЯ МѢСТО ВЪ ВОСТОЧНОЙ РОССІИ.

Раскопки Борковскаго могильника. Членами Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи продолжаются раскопки Борковскаго могильника. Первая серія работъ производилась въ теченіе 8 дней, причемъ обнаружено 33 погребенія. Найдено болѣе 500 различнаго рода предметовъ, главнымъ образомъ бронзовыхъ украшеній. Изъ орудій попадались: желѣзные наконечники копій и дротиковъ, ножи и желѣзные боевые топоры, напоминающіе форму кельтовъ. Въ послѣднее время открыто еще 30 погребеній. Изъ найденныхъ вещей особенно любопытны двѣ серебряныя крестообразныя фибулы; подобнаго рода фибулы были находимы близь Рима. Затѣмъ въ Борковскомъ могильникѣ найдена весьма любопытная самострѣлообразная фибула, относимая къ I—III вв. Нѣкоторыя погребенія оказались весьма богатыми по количеству вещей, найденныхъ вмѣстѣ съ костями. Въ особенности одна могила отличалась множествомъ украшеній, которыя состояли изъ двухъ шейныхъ гривенъ, двухъ височныхъ колецъ, двухъ также височныхъ привѣсокъ, 4 брас-

летовъ, 4 витыхъ колецъ, множества различной формы привѣсокъ отъ ожерелья и цѣлаго ряда привѣсокъ, составлявшихъ украшеніе олежды. Большинство вещей изъ бронзы, но попадались и серебряныя. Изъ случайныхъ находокъ особенно любопытно, по словамъ «Рязанск. Губерн. Вѣд.», украшеніе въ видѣ конской головки, напоминающей фигуру кровельнаго конька на крестьянскихъ избахъ. Вообще, раскопки обѣщаютъ дать много важныхъ въ научномъ отношеніи открытій. Часть могильника предположено оставить нетронутою.

Археологическія находки въ Тетюшскомъ уѣздѣ. Въ 2 верстахъ отъ села Тинчурина, въ мѣстечкѣ, называемомъ «Старое жилище усадъ», находится «Блясовъ бугоръ». Крестьяне находятъ здѣсь браслеты мѣдные, гвозди мѣдные и другія вещи, которые и продаютъ татарамъ. Теперь посреди этого бугра находится четыре-угольная яма въ формѣ погреба, заваленая щебнемъ и мелкими камешками; вокругъ нея твердый грунтъ, глина. Въ народѣ носится молва, что яма эта представляетъ собою складъ, оставшійся послѣ старыхъ жителей. Въ прошломъ году пастухъ нашелъ здѣсь серебряную монету величиною въ старый рубль, которую продалъ татарину въ дер. Турму за 4 руб. сер. Вообще «Блясовъ бугоръ» представляетъ много интереснаго въ археологическомъ отношеніи и ждетъ вниманія нашихъ археологовъ.

(В. В. 1892, № 202).

Антропометрическія станціи въ Сибири. Въ ближайшемъ будущемъ предполагается устройство антропометрическихъ отдѣленій въ слѣдующихъ пунктахъ Азіатской Россіи: гг. Туринскѣ, Тюмени, Тобольскѣ, Омскѣ, Томскѣ, Иркутскѣ, Срѣтенскѣ, Хабаровкѣ, Владивостокѣ и на островѣ Сахалинѣ.

(Сиб. Л. № 35, 92).

Экскурсіи В. С. Отдѣла И. Р. Географ. Общества. В. С. Отдѣлъ Географическаго Общества снаряжаетъ въ этомъ году экспедицію для описанія пограничной мѣстности на югѣ Енисейской губерніи. Въ составъ этой экспедиціи вошли Перетолчинъ, Наумовъ, Регульскій, Обручевъ и Ошурковъ, первые трое—для снятія плана съ означенной мѣстности, Обручевъ—для геологическаго и физико-географическаго описанія изслѣдуемой мѣстности, и Ошурковъ—для производства метеорологическихъ и этнографическихъ наблюденій въ землѣ Урянховъ. Кромѣ означенной экспедиціи членами геогр. общества будетъ совершено нѣсколько экскурсій. Поручикъ Эповъ и препараторъ геогр. общества Кириловъ намѣрены отправиться въ высокія нагорья Восточнаго Саяна для собиранія коллекцій птицъ и мелкопитающихъ. Членъ отдѣла Витковскій предполагаетъ совершить экскурсію и въ Китойскія горы для производства археологическихъ и ботаническихъ изслѣдованій. Правитель дѣлъ отдѣла г. Клеменцъ намѣренъ продолжить изслѣдованія развалинъ Каракорума. Послѣдній отправляется въ Каракорумъ по порученію Академіи Наукъ.

(Сиб. Лист. № 41, 92).

Изслѣдованіе Туркестанскихъ древностей. Д. П. Эварницкій, изслѣдователь Запорожской Сѣчи, состоящій нынѣ чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ начальникѣ Туркестанскаго края, приступилъ къ изслѣдованіямъ туркестанскихъ кургановъ, разобравши хранящуюся въ Ташкентскомъ музеѣ коллекцію Акрымъ-Аскарова.

Экспедиція Г. Н. Потанина. Въ пятницу. 17-го іюля, съ трехчасовымъ почтовымъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Петербурга въ новую экспедицію въ Монголію, вмѣстѣ съ своей супругой, извѣстный путешественникъ Григорій Николаевичъ Потанинъ. Вновь предпринимаемая Г. Н. Потанинымъ экспедиція будетъ по счету четвертымъ его путешествіемъ въ предѣлы китайской имперіи. Въ настоящее время онъ ѣдетъ въ мало изслѣдованныя мѣстности восточнаго Тибета. Какъ въ прошлыхъ путешествіяхъ, такъ и въ предпринимаемомъ Г. Н. Потанинъ, кромѣ этнографическихъ изысканій, будетъ заниматься всестороннимъ естественно-историческимъ изслѣдованіемъ проходимыхъ имъ мѣстностей Китая и сѣверо-западной Монголіи. Собственно экспедиція Потанин состоитъ изъ него самого, супруги его, Александры Викторовны, заявившей себя уже дѣятельной сотрудницей его прежнихъ путешествій. Затѣмъ въ Сибири къ Потанинымъ присоединится одно лицо въ качествѣ коллектора и одинъ бурятъ-переводчикъ. Но чтобы по возможности сдѣлать наблюденія болѣе разносторонними и результаты путешествія болѣе плодотворными, по иниціативѣ Г. Н. Потанина, въ составъ его экспедиціи войдутъ спеціалисты: зоологъ М. М. Березовскій, уже годомъ ранѣе выѣхавшій на мѣсто своихъ изслѣдованій въ Китай, и геологъ, горный инженеръ В А. Обручевъ, находящійся въ настоящее время въ Иркутскѣ, гдѣ онъ и присоединится къ Григорію Николаевичу. Чтобы захватить возможно большій районъ своими изслѣдованіями, члены экспедиціи будутъ дѣлать самостоятельные маршруты въ разнообразныхъ направленіяхъ. Экспедиція пробудетъ въ восточномъ Тибетѣ два года, однако гг. Березовскій и Обручевъ останутся въ Китаѣ нѣсколько долѣе. Путешествіе снаряжено на суммы, особо ассигнованныя по ходатайству русскаго географическаго общества изъ рессурсовъ государственнаго казначейства, а часть расходовъ экспедиціи принялъ на себя И. М. Сибиряковъ. Въ общей сложности денежныя средства на это предпріятіе простираются до 30 тысячъ рублей.

ТЕКУЩАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Археологія В. Россіи на Московскомъ Международномъ Конгрессѣ доисторической археологіи. Въ засѣданіи 5 августа графиня П. С. Уварова доложила сообщенія гг. Савенкова и Еленева о сдѣланныхъ ими открытіяхъ. Г. Савенковъ присутствовалъ при докладѣ и демонстрировалъ свои коллекціи. Сообщеніе г. Савенкова озаглавлено: о палеолитической эпохѣ въ окрестностяхъ города Красноярска, Енисейской губерніи.

Коллекція памятниковъ первобытной палеолитической культуры добыта изъ кирпичной глины (лесса, Löss), вмѣстѣ съ костями мамонта, носорога и

другихъ животныхъ постъ-пліоценовой фауны у подошвы Афонтовой горы, въ ближайшихъ окрестностяхъ города Красноярска, Енисейской губерніи.

Кости и орудія начинаютъ встрѣчаться на глубинѣ 1,5 метр. (5 ф.), остатки же мамонта и носорога, съ орудіями при нихъ, добываются чаще всего со дна разрѣзовъ для добыванія глины, которые, къ сожалѣнію, не идутъ ниже 2,4 метр. (8 фут.) отъ поверхности земли.

Енисей, образующій излучину около города, обрамленъ береговыми хребтами, къ которымъ прилегаютъ террасовидные уступы покоящіеся на осадочныхъ породахъ.

Глинистая подпочва пашенъ у Гремячей горы, спускаясь на покатость, именуемую Афонтовою горой, дѣлается болѣе песчаною, но при перегибѣ ската изъ пологаго въ болѣе крутой, лессъ снова обогащается глиной и переходитъ въ кирпичную глину. Порозность, присутствіе наземныхъ раковинъ (Pupa, Helix, Succinea), необтертость обломковъ костей и многіе другіе признаки указываютъ на воздушное происхожденіе этого глинистаго лесса. Могилой мамонта и носорога были аллювіальныя отложенія,—валунные слои, галька и гравій верхней наносной террасы. Bos primigenius, быкъ первобытный или уръ, несомнѣнно дожилъ до выхода средней террасы (нынѣ берегъ разлива) изъ-подъ уровня разлива рѣки. Въ этомъ-то лессѣ и добыты кости разныхъ доисторическихъ животныхъ, между прочимъ и мамонта и ура, составляющія часть палеолитической коллекціи. Такихъ костей собрано 1.500 №№, большею частью обломковъ и кухонныхъ отбросовъ. Еслибы въ лессѣ не было найдено орудій, присутствіе человѣка все-таки опредѣлилось бы съ достаточною достовѣрностію, по характеру изломовъ большихъ трубчатыхъ костей мамонта, носорога и быка. Каменныя орудія, добытыя въ этой мѣстности, сдѣланы преимущественно изъ краевыхъ и внутреннихъ осколковъ валуновъ. Оббивка орудій, большею частію, крупная. Населенію рѣки Енисея были извѣстны пріемы сниманія не только мелкихъ осколковъ (eclats), но и мелкихъ пластинокъ (lemes). Нѣсколько крупныхъ ядрищъ найдены въ верхнихъ горизонтахъ кирпичной глины. Преобладающая форма орудій плосковыпуклая, орудія съ двухстороннею оббивкой встрѣчаются рѣдко. Большинство каменныхъ орудій Афонтовой горы по этому признаку приближаются къ типу Мустье (Mousterien), но нѣкоторыя орудія имѣютъ много сходныхъ чертъ съ орудіями шельскаго типа (Chelleen). Кромѣ того найдены орудія изъ кости двухъ типовъ; одинъ удлиненный и плоскій и другой болѣе плотный, закругленный или укороченный. На узкихъ ребрахъ этихъ орудій сдѣланы желобки, очевидно для того чтобы вставлять острые кремни. Наиболѣе интересное орудіе—изъ бивня мамонта, къ сожалѣнію, разбитое, имѣетъ видъ грубаго массивнаго кинжала или наконечника рогатины или копья.

Резюмируя положенія собирателя коллекціи, графиня Уварова сообщила что г. Савенковъ думаетъ что стоянка у Афонтовой горы, по всей вѣроятности, относится къ палеолитической эпохѣ, можетъ быть къ концу ея, къ такъ называемой эпохѣ сѣвернаго оленя.

Вторая коллекція собрана на берегахъ рѣки Базаихи, притока Енисея, и раскопки производились г. Савенковымъ по порученію Иркутскаго Геогра-

фическаго Общества. Коллекція эта состоитъ изъ кремней замѣчательно тонко полированныхъ, въ видѣ наконечниковъ стрѣлъ, ножей и кинжаловъ, рѣзныхъ изображеній и орудій изъ кости. Они найдены на дюнахъ, гдѣ при раскопкахъ открыты были также два скелета; въ ногахъ у одного изъ нихъ лежалъ бронзовый топоръ того же типа, который находится при раскопкахъ въ Западной Европѣ и въ Восточной Россіи. Одинъ изъ череповъ былъ пробитъ, кости его были разбросаны и вблизи найдены остатки костра.

На предложеніе высказаться по поводу доклада о коллекціяхъ г. Савенкова откликнулся баронъ де-Бай. Баронъ сослался на слова покойнаго археолога и антрополога Катрфажа, который въ 1890 году говорилъ ему что великій горизонтъ откроется для науки, когда будетъ изслѣдована Сибирь. Теперь это предсказаніе сбылось. Интереснѣе всего въ коллекціи г. Савенкова это скульптурныя изображенія на кости и въ особенности изображенія сѣвернаго оленя съ поджатыми ногами. Такія кости съ изображеніями, находимыя въ Западной Европѣ, называются начальническими жезлами. Затѣмъ интересны кости съ желобками, которыя встрѣчаются въ стоянкахъ и у Афонтовой горы и на Базаихѣ, тогда какъ эти стоянки повидимому принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ эпохамъ.

Послѣ сообщенія барона де-Бая, графиня Уварова продолжала докладъ по сообщенію г. Еленева.

Она объяснила что г. Еленевъ преподаетъ въ Педагогическомъ Институтѣ, директоромъ котораго состоитъ г. Савенковъ, и прислалъ ей уже послѣ открытія Конгресса объемистый томъ своихъ трудовъ съ описаніемъ сдѣланныхъ имъ открытій и изслѣдованій. Разсмотрѣвъ этотъ томъ, графиня пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Г. Еленевъ точно и подробно описываетъ не только свои находки, но и мѣстности и населенія въ которыхъ онъ ихъ сдѣлалъ. 2) Изслѣдованія г. Еленева относятся къ пещерамъ находимъ на берегу Бируссы, притока Енисея, въ 4 верстахъ выше Красноярска. 3) Пещеры находятся въ глинѣ нанесенной водой, не глубоки и въ древнѣйшихъ наслоеніяхъ тамъ открыты кремневыя орудія неолитической эпохи и 4) у подножія холмовъ съ пещерами открыты слѣды становища съ тѣми же кремневыми орудіями.

Кромѣ этого, графиня Уварова демонстрировала альбомъ Нерчинскаго музея. Въ этомъ музеѣ въ 1887 году не было еще ни одного предмета. Теперь тамъ 3.000 №№ по описи.

Когда слово было дано желавшимъ высказаться по поводу доклада графини Уваровой, профессоръ Анучинъ указалъ что во Франціи и въ Западной Европѣ не находятъ скульптурныхъ изображеній неолитической эпохи; между тѣмъ въ Сибири, какъ видно, ихъ находятъ много, легко найти ихъ въ Россіи. Въ виду этого и по сопоставленіи съ другими данными, профессоръ приходитъ къ выводу, что изображенія эти занесены были въ Европу народами пришедшими съ Востока, которые и положили начало искусству неолитической эпохи.

Затѣмъ профессоръ Анучинъ демонстрировалъ интереснѣйшую коллекцію предметовъ каменнаго вѣка изъ Иркутска, составленную г. Витковскимъ.

Въ этой коллекціи есть каменные кинжалы крестообразной формы, каменное изображеніе рыбы о двухъ головахъ, топоръ и ножъ несомнѣнно изъ нефрита и масса оружія, колчановъ, ножей изъ бронзы, между которыми выдѣляются два меча прекрасно сохранившіеся и одинъ поломанный, отъ котораго сохранилась верхняя часть. Тутъ же находится замѣчательно интересная бронзовая ажурная бляха съ изображеніемъ людей и животныхъ.

Вмѣстѣ съ этими предметами найдено двѣнадцать череповъ, изъ которыхъ только два представляютъ брахицефалическій типъ, а остальные чистѣйшіе долихоцефалы. Профессоръ Анучинъ демонстрировалъ эти черепа, а относительно мечей указалъ на сходство, которое они, по его мнѣнію, представляютъ съ кавказскими кинжалами.

Профессоръ Кольманъ, изслѣдовавъ черепа, объяснилъ, что по его мнѣнію, если это и долихоцефалы, то особеннаго азіятскаго типа, весьма отличающагося отъ европейскихъ долихоцефаловъ.

(Моск. Вѣдом. 1892, № 216).

Общество изученія Амурскаго края. Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михаиловичъ принялъ подъ Свое покровительство «Общество изученія Амурскаго края». Названное общество учреждено въ 1887 году и поставило себѣ цѣлью всестороннее изученіе бассейна рѣки Амура, русскаго побережья восточнаго океана и сопредѣльныхъ мѣстностей. Для достиженія этой цѣли общество открываетъ во Владивостокѣ музей изъ мѣстныхъ коллекцій по всѣмъ отраслямъ естествознанія, географіи, этнографіи и археологіи и составляетъ библіотеку изъ сочиненій объ Амурскомъ краѣ, не ограничиваясь при этомъ какою либо одною спеціальностью

(Сиб. Л. № 33. 92).

«Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго музея». Мысль объ изданіи особаго сборника подъ названіемъ «Ежегодникъ Комитета Тобольскаго Губернскаго Музея» осуществляется. Съ настоящаго года въ «Календаряхъ Тобольской губерніи», издаваемыхъ губернскою типографіею, рѣшено помѣщать только одни справочныя свѣдѣнія съ адресъ-календаремъ служащихъ лицъ, а весь прочій матеріалъ найдетъ мѣсто въ «Ежегодникѣ», который будетъ издаваться на средства музея, подъ редакціей особой комиссіи, состоящей изъ четырехъ членовъ правленія комитета, подъ руководствомъ предсѣдателя его. Въ содержаніе «Ежегодника» войдутъ: отчеты и протоколы засѣданій Комитета, хроника музея, описаніе его коллекцій и работы по мѣстнымъ, касающимся Тобольской губерніи, вопросамъ археологіи, этнографіи, естественныхъ наукъ, торговли и промышленности, исторіи, антропологіи, исторіи культуры, географіи, статистики, библіографіи и пр. Размѣръ изданія предполагается въ 10—15 печатныхъ листовъ. Правленіе комитета музея намѣрено обратить «Ежегодникъ» въ періодическое изданіе.

Сиб. Л. 36. 92).

Програмы.

1. ПРОГРАММА ДЛЯ СОБИРАНІЯ СВѢДѢНІЙ ОБЪ ОБРУСѢНІИ ИНОРОДЦЕВЪ ВОСТОЧНОЙ РОССІИ.

Капитальнымъ вопросомъ, къ разработкѣ котораго Каз. Общ. Арх., Ист. и Этн. желало-бы привлечь вниманіе возможно большаго количества работниковъ, является вопросъ объ ассимиляціи, обрусѣніи мѣстныхъ инородцевъ. Большая часть губерній Восточной Россіи населена инородцами, которые находятся въ различныхъ ступеняхъ сближенія съ Русскими. Въ то время, какъ Терюхане Нижегородскаго уѣзда, Мещера Керенскаго, Пермяки Зюздинскаго края, Садинскіе Вотяки, Котельническіе Черемисы почти утратили свои племенныя особенности, Черемисы Уржумскаго и Малмыжскаго уѣздовъ, Вотяки Малмыжскаго, Сарапульскаго и Елабужскаго, Бесермяне Глазовскаго уѣзда сохраняютъ вмѣстѣ съ языкомъ въ большей или меньшей степени всѣ особенности своего древняго быта. Между этими крайними стадіями сближенія можно предположить цѣлый рядъ промежуточныхъ ступеней. Русское вліяніе должно чувствоваться сильнѣе тамъ, гдѣ инородцы живутъ смѣшанно, въ однѣхъ деревняхъ съ Русскими и уступаютъ имъ численно, гдѣ ихъ сосѣдями на значительномъ разстояніи являются также Русскіе, гдѣ сверхъ того они приходятъ въ соприкосновеніе съ многочисленными случайными гостями—Русскими, какъ напр. на большихъ почтовыхъ и коммерческихъ дорогахъ; самой слабой степени обрусѣнія мы вправѣ ожидать тамъ, гдѣ всѣ перечисленныя условія отсутствуютъ. Свести въ теченіе хотя бы цѣлаго ряда лѣтъ весь матеріалъ, который по этому вопросу предлагаетъ литература и жизнь является существенно важнымъ въ виду тѣхъ рискованныхъ общихъ заключеній, которыя дѣлаются объ ассимиляціонной способности русскаго народа на основаніи нѣсколькихъ частныхъ и недостаточно изслѣдованныхъ фактовъ.

Для того, чтобы легче было оріентироваться среди матеріала, селенія можно раздѣлить на нѣсколько опредѣленныхъ категорій, руководствуясь силой русскаго или инородческаго элемента.

Въ первую категорію войдутъ инородческія селенія, со всѣхъ сторонъ окруженныя таковыми же, вовсе безъ русскихъ или съ нѣсколькими человѣками въ лицѣ священника, псаломщика, урядника, лавочника и т. п.

Во вторую — чисто инородческія селенія, но примыкающія частію къ русскимъ, частію къ инородческимъ деревнямъ.

Въ третью—чисто инородческія селенія, окруженныя со всѣхъ сторонъ болѣе или менѣе плотнымъ русскимъ населеніемъ.

Въ четвертую—смѣшанныя русско-инородческія селенія съ инородческимъ большинствомъ.

Въ пятую—смѣшанныя русско-инородческія селенія съ русскимъ большинствомъ.

Въ шестую—обрусѣвшія инородческія селенія, гдѣ, въ видѣ исключенія, у стариковъ употребляется еще родной языкъ.

Въ седьмую—обрусѣвшія инородческія селенія, гдѣ только по преданію говорятъ, что старики были инородцы.

За этими легко распознаваемыми категоріями идетъ послѣдняя наиболѣе интересная, но и наименѣе поддающаяся при поверхностномъ изслѣдованіи. Можетъ оказаться рядъ такихъ селеній, гдѣ жители говорятъ по-русски, считаютъ себя русскими искони, но гдѣ глазъ посторонняго наблюдателя поражается сходствомъ между этими русскими по чертамъ лица, по отдѣльнымъ принадлежностямъ костюма, по говору или по какому-нибудь другому признаку съ однимъ изъ ближайшихъ инородческихъ племенъ. Для провѣрки предположенія о родствѣ этихъ Русскихъ, съ тѣми иля другими инородцами слѣдуетъ собрать фамиліи всѣхъ жителей деревни и выдѣлить изъ нихъ тѣ, которыя не имѣютъ такого ясно-русскаго происхожденія, какъ фамиліи, произведенныя отъ христіанскихъ именъ, отъ русскихъ названій животныхъ, птицъ, орудій и т. д. Примѣсь къ русскимъ фамиліямъ такихъ, какъ напр. Лунеговъ, Волеговъ, Пислеговъ, Поткеевъ и т. п. ясно нерусскихъ фамилій покажетъ справедливость провѣряемой гипотезы. Потомки инородцевъ могутъ скрываться, конечно, и подъ русскими фамиліями, но относительно ихъ съ увѣренностью говорить уже нельзя. Въ эту же категорію слѣдуетъ включить а) такія селенія, по близости которыхъ существуютъ урочища, своими названіями говорящія объ инородцахъ (Вотское поле, Мордовка — рѣчка и т. д.), б) такія, въ которыхъ при разрытіи могилъ оказались погребенными какіе-нибудь инородцы (такія селенія особенно часто встрѣчаются въ Нижегородской губ.).

Намѣчаемъ по нѣскольку вопросовъ, которые было бы желательно имѣть въ виду при изслѣдованіи каждой изъ названныхъ категорій.

Категорія I. Въ какой степени распространенъ между жителями русскій языкъ? Кто говоритъ на немъ—одни мужчины, или и женщины, всѣ ли мужчины или тѣ, которые работаютъ на сторонѣ, торгуютъ и т. д.? Въ какой степени правильно говорятъ названныя лица? Охотно ли говорятъ, не стараются ли щегольнуть знаніемъ русскаго языка? Не вставляютъ ли русскихъ словъ, пословицъ, поговорокъ, прибаутокъ въ разговорѣ между собою, на родномъ языкѣ? Не употребляютъ ли дѣти въ своей рѣчи отдѣльныхъ русскихъ словъ? Есть ли въ деревнѣ ученики и не вносятъ ли они въ свои разговоры съ сверстниками русскихъ словъ? Не пытаются ли женщины и дѣвушки, не говорящія вовсе по-русски, пѣть занесенныя солдатами или школьниками русскія пѣсни? Не разсказываютъ ли дѣти русскихъ сказокъ, кото-

рыя они слышали отъ школьниковъ? Не встрѣчаются ли лица, желающія жить «по-русски» и въ чемъ выражается такое желаніе? Не говорятъ ли старики, что ихъ дѣти и внуки уклоняются отъ старины, русѣютъ и въ чемъ они усматриваютъ это начинающееся обрусѣніе?

Категорія II. Къ вопросамъ, намѣченнымъ для I категоріи, слѣдуетъ прибавить:

Въ какихъ отношеніяхъ стоятъ инородцы къ русскимъ сосѣдямъ — дружатъ съ ними или сторонятся и почему?

Ходятъ ли русскіе къ инородцамъ на праздники и инородцы къ русскимъ? Допускаются ли русскіе на игрища къ инородческой молодежи и инородческіе молодые люди на русскія игрища?

Берутъ ли инородцы невѣстъ у сосѣдей русскихъ и наоборотъ?

Какую роль играютъ русскіе крестьяне на волостныхъ сходахъ въ смѣшанныхъ волостяхъ—господствуютъ ли они, не взирая на меньшинство, или пользуются равными правами, или идутъ за инородческимъ большинствомъ? Кто чаще попадаетъ въ смѣшанныхъ волостяхъ въ волостные судьи, старшины—русскіе или инородцы и почему? Не замѣчается ли въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, составленныхъ изъ русскаго большинства, стремленія рѣшать смѣшанныя тяжбы въ пользу русскихъ и въ рѣшеніяхъ судей-инородцевъ—въ пользу инородцевъ?

Категорія III. Вопросы I и II категоріи дѣйствительны. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить:

Сохраняютъ ли инородцы свои древніе языческіе обычаи—имѣютъ ли молитвенныя рощи, совершаютъ ли въ нихъ жертвоприношенія, устраиваютъ ли домашнія моленія? Не бросаютъ ли такихъ обычаевъ совершенно одни и не держатся ли тайно другіе? Гдѣ берутъ инородцы такихъ селеній невѣстъ—у русскихъ или у инородцевъ же, хотя и дальнихъ? Ходятъ ли инородцы такихъ селеній на общія моленья куда нибудь на сторону?

Категорія IV. Къ вопросамъ, намѣченнымъ для категорій I—III, слѣдуетъ прибавить:

Какъ живутъ въ смѣшанномъ селеніи русскіе и инородцы — въ перемежку или каждая народность занимаетъ особый конецъ? Сходятся ли дѣти и молодежь обѣихъ народностей на общія игры или каждая веселится особо? Если сходятся, то на какомъ языкѣ говорятъ играющіе дѣти двухъ народностей и молодежь? Сходится ли молодежь двухъ народностей на посидѣнкахъ и какой языкъ въ такомъ случаѣ господствуетъ, чьи пѣсни поются? Гуляютъ ли русскія дѣвушки съ инородческими парнями и наоборотъ? Обращаются ли въ нуждѣ русскій къ инородцу, инородецъ къ русскому или русскій держится русскаго, инородецъ инородца? На какомъ языкѣ идутъ переговоры на мірскихъ сходахъ? Какое положеніе занимаетъ русское меньшинство на такихъ сходахъ? Часты ли браки между русскими и инородцами въ смѣшанномъ селеніи? Не встрѣчаются ли среди русскихъ въ смѣшанномъ селеніи такихъ, которые носятъ инородческія фамиліи? Не помнятъ ли старики времени, когда русскихъ въ деревнѣ не было? Не говорятъ ли старики, что съ приходомъ русскихъ люди измѣнились и въ чемъ именно?

Категорія V. Къ вопросамъ, намѣченнымъ для категорій I—IV, слѣдуетъ прибавить:

Держатся ли остающіеся въ меньшинствѣ инородцы своихъ языческихъ обычаевъ?

По отношеніямъ къ категоріямъ VI и VII желательно выяснить, не отличается ли въ чемъ нибудь языкъ обрусѣвшихъ инородцевъ отъ языка чисто-русскаго населенія, не сохранилось ли особыхъ принадлежностей костюма (пермяцкій кушакъ, пермяцкіе лапти и т. п.), особыхъ обычаевъ?

По отношенію къ категоріи VIII, выяснивши посредствомъ изслѣдованія фамилій или могильныхъ находокъ инородческое происхожденіе населенія, слѣдуетъ поискать, не сохранилось ли въ его языкѣ, костюмѣ, повѣрьяхъ, обычаяхъ остатковъ былаго родства съ той или другой народностью.

И. Смирновъ.

Библіографія.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1882—88 годы, съ атласомъ. Спб. 1891 г.

22-й отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи содержитъ въ себѣ погодное описаніе раскопокъ и находокъ, произведенныхъ въ продолженіе 6 лѣтъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Кромѣ систематически веденныхъ раскопокъ въ Керчи, гдѣ найдено много греческихъ древностей, замѣчательной находки гробницы скиѳскаго царскаго семейства въ Кубанской области, близъ Крымской станицы (1888 г.) и кромѣ древностей Кавказскихъ, въ отчетѣ не мало описано археологическихъ находокъ въ Поволжьи, Сибири и въ Среднеазіат. владѣніяхъ. Вотъ на этотъ археологическій матеріалъ мы и намѣрены обратить вниманіе въ настоящей замѣткѣ.

Проф. Пб. унив. оріенталистъ Н. Ив. Веселовскій въ 1885 г. произвелъ раскопки на Афросіабовомъ городищѣ возлѣ Самарканда, съ сѣверн. стороны; оказалось, что городище представляетъ неправильный четыреугольникъ верстъ въ 5 окружности, какъ опредѣляютъ его остатки глиняныхъ стѣнъ. Но развалины древняго жилья тянутся и на З. отъ Афросіаба версты на 4. Въ сѣв. части городища на берегу р. Сіоба возвышается цитадель въ видѣ продолговатаго четыреугольника; она имѣетъ надъ рѣкою 24 саж. вышины. Внутри городища сохранились стѣны двухъ отдѣльныхъ участковъ съ пролетами для воротъ. Въ цитадели имѣются подземные ходы, устроенные, повидимому, для добыванія воды во время осады. Въ противоположномъ концѣ города сохранились подземныя «сорокъ комнатъ», назначеніе которыхъ неизвѣстно. Во многихъ мѣстахъ городища, на глубинѣ 1—1½ арш., оказывается настилка изъ камней, что подтверждаетъ разсказъ араб. путешественника X вѣка Истахри о томъ, что улицы и площади Самарканда вымощены камнемъ. Все описаніе этого араба даетъ поводъ заключить, что въ то время здѣсь и находился г. Самаркандъ и что еще много раньше, во времена Александра Македонскаго, Мараканда должна была находиться на этомъ же мѣстѣ. Послѣднее мнѣніе подтверждается тѣмъ, что Афросіабово городище представляетъ нѣсколько наслоеній различныхъ культуръ. Подъ той же мостовой оказываются наиболѣе древнія жилыя помѣщенія. Городъ нѣсколько разъ разрушался и

возрождался вновь; окончательно оставленъ около $6^1/_2$ столѣтій тому назадъ. Послѣ разрушенія Чингисханомъ въ 1220 г. городъ возникъ уже на другомъ мѣстѣ; араб. путешественникъ Ибнъ Батута, посѣтившій Самаркандъ въ половинѣ XIV в., первый сообщилъ о развалинахъ у р. Сіоба. Въ наст. вр. на Афросіобовомъ городищѣ туземцы хоронятъ своихъ покойниковъ. Г. Веселовскій рѣшилъ произвести раскопки въ нѣсколькихъ мѣстахъ, свободныхъ отъ могилъ. Въ 1-мъ участкѣ на З. отъ крѣпости, на глубинѣ $1^1/_2$ арш. подъ каменной мостовой попадались мѣдныя мусульманскія монеты, обожженые кирпичи и жерновые камни, а также масса изразцовыхъ кирпичей для облицовки мечети и большіе кирпичи съ орнаментами и куфич. надписями, служившіе карнизами мечети. Во 2-мъ уч. найдены: большой желѣзный котелъ, внутри котораго былъ поставленъ глиняный горшокъ $^1/_2$ арш. высоты, разныя бусы и мѣдныя монеты. Въ 3 уч. на Ю. отъ крѣпости отрыто нѣсколько жилыхъ помѣщеній, въ которыхъ уцѣлѣли нижнія части стѣнъ изъ обожженаго кирпича, такіе же полы, колодцы для спуска нечистотъ, глиняныя трубы, очаги; оказалось много глиняной и стеклянной посуды, большею частью разбитой, разнообразные свѣтильники, сферическій сосудъ, бусы, мѣдныя мусульм. и китайскія монеты. Въ 4-мъ уч. на Ю.-В. открытъ большой, обнесенный глинобитной стѣной дворъ, гдѣ имѣлось очень много колодцевъ; кромѣ битой посуды, мѣдныхъ и изъ композиціи привѣсокъ къ серьгамъ, желѣзнаго ножа и золотого динара XI ст. отрыта еще глиняная ваза съ бѣлой поливой, на которой сохранились красивыя куфическія надписи. Въ 5 уч. на В., на глубинѣ 2—4 арш. открыто 5 пещеръ, въ которыя вели лѣстницы, иногда выложенныя кирпичемъ; размѣры малой: высота и ширина по $1^1/_2$ арш., глубина 1 арш., размѣры большой: высота 2 ар. 9 в., ширина и глубина въ 3 арш. 10 вер.; полъ ихъ на половину выложенъ кирпичемъ; кромѣ битаго стекла и посуды съ куфич. надписями тамъ попались мѣдныя монеты и куски желѣза; эти предметы могли попасть вмѣстѣ съ осыпавшеюся землею. Въ этомъ же участкѣ попадались мѣдныя кольца, монеты, мѣдный буддійскій идолъ, глиняные горшки съ перегорѣлыми костями, золой и угольями и др. Въ 6 уч. отрыта глинобитная постройка съ узкими комнатами въ видѣ корридоровъ и домъ, въ которомъ хорошо сохранились глинобитныя стѣны, выштукатуренныя, съ разводами (можетъ быть съ надписями) бѣлой, синей, красной и черной красокъ; тутъ же отрыта гончарная печь (почти 5 арш. въ діам.), выложенная изъ сырцовыхъ кирпичей и много битой и цѣлой посуды съ араб. надписями, еще не бывшей въ употребленіи. На Ю. городища найдено много глиняныхъ изображеній лошадей и верблюдовъ (игрушки?), глиняная голова льва, глиняныя головки людей и туловища безъ головокъ. Всѣ эти предметы носятъ слѣды вліяній греческой, древнеперсидской и китайской культуръ; многія изъ игрушекъ сохранили древніе оригинальные головные уборы. Въ др. мѣстѣ при раскопкѣ одного холма найдены въ большомъ количествѣ глиняные черепки съ головками людей и животныхъ; изъ подходящихъ черепковъ можно было составить цѣлый ящикъ, что навело г. Веселовскаго на мысль, что тутъ открыты разбитые глиняные гробы домусульманскаго періода. Всему городищу и раскопкамъ составленъ подробный планъ, снятый на мѣстѣ военными топо-

графами. Г-ну В-скому при разъѣздахъ удалось скупить (для Им. арх. ком.) у мѣстныхъ жителей много древнихъ вещей, изъ нихъ замѣчательны: бронз. буддійскіе идолы, превосходно сохранившаяся печать одного изъ сыновей Тамерлана—Мирзы Мираншаха 802 г. гиджры (1400 г. по Р. Х.), рѣзные камни, перстни, особенно много рѣдкихъ монетъ греко-бактрійскихъ, до сотни большихъ джагатайскихъ, до 50 тимуридскихъ съ надчеканками позднѣйшихъ царствованій. Наконецъ, В-скій скопировалъ надписи на могильныхъ плитахъ Тамерлана, его сыновей и внуковъ, надписи на могилахъ разныхъ кладбищъ, на мечетяхъ, ханскихъ дворцахъ и т. д.

Въ Ферганской обл., въ сѣверной, гористой части, ок. кишлака Апту, В-скій произвелъ раскопки могилъ, называемыхъ курумами (т. е. россыпями камней), или мук-хане (домъ Муковъ) или каракатай-хане (домъ Каракатайцевъ). О Мукахъ туземцы говорятъ, что они должны были ворочать камни; окаменѣлыя раковины (грифеи) считаются у туземцевъ ногтями муковъ. Такое мнѣніе о Мукахъ могло сложиться вслѣдствіе особаго устройства могилъ, приписываемыхъ Мукамъ; построеніе этихъ могилъ слѣдующее: на склонѣ горы вырывалась яма и облицовывалась огромными камнями, отполированными внутрь; яма чаще имѣла продолговатую четыреугольную иногда и многоугольную форму; кромѣ одного камня, представлявшаго какъ будто дверь, всѣ остальные (по 3 или по 2 съ каждой стороны) скрѣплены цементомъ изъ глины съ пескомъ. По наружному устройству эти могилы напоминаютъ долмены: камни выступаютъ наружу, только не покрыты сверху однимъ большимъ камнемъ, а на нихъ насыпанъ небольшой холмъ изъ мелкаго щебня. Въ такихъ каменныхъ ящикахъ и совершалось погребеніе. Курумы большею частью разграблены туземцами; изъ сотни, разрытыхъ г. В-скимъ, нетронутыхъ нашлось не больше 5. Въ нетронутыхъ курумахъ, по снятіи мелкаго щебня оказывалась зола и истлѣвшія кости; почти по срединѣ одной могилы найденъ большой глиняный горшокъ, съ землей и костями, около его маленькій опрокинутый горшокъ, подъ нимъ мелкія кости; ближе къ южной стѣнкѣ еще большой горшокъ съ узкимъ горлышкомъ, наполненный костями и землей; въ курумахъ встрѣчаются желѣзные ножи, точилки съ дырочками, мелкія бусы, желѣзныя удила, мѣдныя наконечники копій; въ одномъ—двѣ золотыя пластинки (отъ колчана) и желѣзная съ серебряной отдѣлкой пряжка отъ узды.

Въ томъ же 1885 г. въ Семирѣченской обл. близъ гг. Пишпека и Токмака оріенталистомъ Н. Н. Пантусовымъ и Фетисовымъ разрыто было до 119 могилъ; общій типъ ихъ слѣдующій: вырывалась четыреугольная яма съ З. на В.; на днѣ устроено вмѣстилище для туловища трупа длиною ок. 2 арш. 13 вер., шириною въ изголовьѣ (съ З.) до 11 вер. и въ ногахъ (съ В.) до 6 вер. при такой же ширинѣ; для головы сдѣлана ниша вышиною въ 7 вер., въ глубь материка 5 вер. Послѣ погребенія гробница закладывалась большими сырцовыми кирпичами въ видѣ склепа, который устраивался или надъ всѣмъ трупомъ или только надъ грудью и брюшною полостью покойника; голова въ томъ и др. случаяхъ находилась въ нишѣ. Вещи встрѣчались рѣдко; попадались мѣдные браслеты, перстни, серьги, бусы; въ одной могилѣ удалось найти мѣдный крестикъ на шейномъ позвонкѣ покойника. Надъ этими могилами

много интересныхъ надгробныхъ камней съ сирійскими надписями и съ разными крестами: дешифровку и объясненіе надписей принялъ на себя проф. Хвольсонъ. Пантусовъ доставилъ снимки со многихъ древнихъ арабскихъ и монгольскихъ надписей и разныхъ изображеній, находящихся на скалахъ и надгробныхъ камняхъ въ Семир. обл., а также случайно найденныя древности въ о. Иссыкъ-кулѣ: каменный ковшъ, мѣдный топоръ, наконечники стрѣлъ, бронзовые ножи, разные монеты—кашгарскія и коканскія и проч.

Въ 1887 г. Н. П. Остроумовъ произвелъ раскопки въ 4 верстахъ на Ю.-В. отъ Ташкента. Окрестности этого города богаты древними земляными сооруженіями разныхъ типовъ; здѣсь встрѣчаются древнія укрѣпленія и городки, также много кургановъ, которые тянутся по хребтамъ сыртовъ; по правому берегу Сыръ-Дарьи курганы идутъ на 60 верстъ отъ Ташкента. Эти курганы часто имѣютъ видъ усѣченныхъ конусовъ, но попадаются и такіе, которые имѣютъ два и даже три яруса, высотою до 15 даже до 30 аршинъ. Раскопки О-ва обнаружили подъ каждымъ курганомъ ямы (разной глубины), а на днѣ ея съ боку подземную катакомбу (длина и ширина ок. 3 арш., высота $1\frac{1}{2}$ арш.), въ которую были нѣкогда положены покойники (по 2 и болѣе); при костяхъ найдены глиняные кувшины, горшки, бусы, металлическіе кружки, подсвѣчники и серебр. пластинки; почти въ каждомъ курганѣ встрѣчались кости барана и грызуновъ, иногда лошадиныя челюсти и удила.

Въ Енисейской губ., въ Ачинскомъ округѣ г. Клеменцъ (1888 г.) раскопалъ нѣсколько кургановъ на высокомъ берегу Чернаго Юса; тамъ же имѣется нѣсколько пещеръ, въ которыхъ оказались слѣды обитанія ихъ въ древности человѣкомъ. 1-й курганъ былъ раздѣленъ перегородками изъ плитъ на 4 отдѣленія: одно сѣверное, два южныхъ и одно западное. Общая форма неправильна; длина восточной стороны могилы 3 саж., западной 2 саж., южной 4 саж.; сѣверная сторона образуетъ ломаную линію. Внутри сѣв. отдѣленія на глубинѣ 1 арш. найдены обломки глиняннаго сосуда; подъ ними—плиты, прикрывавшія каменную гробницу; длина ея (съ С. на В.) 1 саж., ширина около 2 арш.; бока обставлены каменными плитами; на днѣ лежалъ истлѣвшій человѣческій остовъ, который былъ похороненъ въ сидячемъ положеніи; при костякѣ оказались: бронзовый ножъ и небольшая тонкая выпуклая бляха, лошадиная лопатка, небольшой распавшійся глиняный сосудъ, и нѣсколько угольевъ. Въ первомъ южномъ отдѣленіи ничего не нашлось. Во 2-мъ южн. отд. (длиною до 6 арш. шириною до $3\frac{1}{2}$ арш.) на глубинѣ $\frac{3}{4}$ арш. найдены обломки глинянаго сосуда и подъ ними каменныя плиты, покрывавшія могилу (дл. $3\frac{1}{2}$ арш., шириною 2 арш.); въ ней сверху оказалось нѣсколько человѣческихъ костей; ниже на глуб. 1 арш., въ центрѣ, 2 скелета безъ головъ, одинъ на другомъ; нижній лежалъ на спинѣ, головою на Ю., ноги и руки протянуты параллельно туловищу: верхній же остовъ былъ положенъ прямо надъ нижнимъ; нѣкоторыхъ костей недоставало; при костяхъ попадался уголь; ниже, на аршинной глубинѣ, подъ толстой каменной плитой оказались въ безпорядкѣ человѣческія кости при двухъ черепахъ; въ сѣвер. части гробницы, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш., найденъ еще костякъ на боку, головой на З., положенный въ прямомъ положеніи; при костяхъ изломанный глиняный со-

судъ и остатки дерева. Западное отд. имѣло также гробницу, выложенную съ боковъ плитами; человѣческія кости лежали на деревянномъ днѣ въ безпорядкѣ при двухъ черепахъ, тутъ же круглая литая бронзовая серьга, на днѣ гробницы оказались еще три истлѣвшихъ костяка, головами на В., на правомъ боку; у одного изъ нихъ лѣвая рука была откинута и согнута, а правая нога согнута впередъ; второй и третій лежали такъ же, какъ и первый, но согнуты были правыя руки; у каждаго остова въ головахъ былъ глиняный сосудъ. Слѣдующіе курганы были похожи на первый, какъ по устройству, такъ и по содержимому; въ нихъ находились только бусы, бронзовыя бляхи около череповъ, костяные, бронзовые и желѣзные ножи; при одномъ костякѣ были найдены: на лбу и вискахъ—бронзовыя бляшки, у праваго уха бронзовый крючекъ, служившій вѣроятно, застежкой для головной повязки; на тазовыхъ костяхъ круглая бронзовая бляха съ петлей, въ которой сохранились остатки шерстяного шнурка; бляха снабжена снизу семью нитями бахромы, состоящей изъ нанизанныхъ на ремешокъ камен. и бронз. бусъ и изъ цилиндрич. и коническихъ трубочекъ; на концахъ нитей были колокольчики, изъ которыхъ три средніе—золотые, остальные бронзовые; у кисти правой руки—бронзовые ножъ и булавка четырехгранная, у лѣвой ноги мѣдный наконечникъ, повидимому, отъ посоха и кости лошади; позади головы большой глиняный сосудъ съ волнообразнымъ орнаментомъ. Въ 30 верст. отъ Ачинска, около с. Назаровскаго, г. Клеменцъ раскопалъ одинъ большой курганъ вышиною въ 2½ арш., въ поперечникѣ до 17 саженъ; въ центрѣ обнаружилась обширная могила (длин. 10 арш., шир. 8 арш., глуб. 4½ арш.) со сплошной массой человѣческихъ костей; подъ костяками попадались пласты обуглившейся бересты, слои угля и обожженныя кости, лежавшія въ безпорядкѣ; всѣхъ скелетовъ было не менѣе 100, въ томъ числѣ до 20 дѣтскихъ; при костяхъ найдено до 25 кинжаловъ, до 40 ножиковъ, до 20 боевыхъ молоточковъ; всѣ эти вещи представляютъ изъ себя или игрушки или символическія изображенія предметовъ употреблявшихся при погребеніи вмѣсто дѣйствительныхъ.

Въ томъ же году С. К. Паткановъ доставилъ въ Арх. Ком. рядъ любопытныхъ замѣтокъ о древностяхъ, видѣнныхъ имъ въ разн. мѣстахъ Тобольской губ.; напр. въ Самаровской волости есть много старыхъ кладбищъ или «пропащихъ мысовъ», въ которыхъ находятъ много бронзовыхъ и серебр. издѣлій своеобразныхъ формъ и рисунковъ; Паткановъ представилъ въ Арх. Ком. изъ древнихъ вещицъ — бронзовый молотокъ, мелкія бронз. украшенія и мѣдный котелокъ, вымытый водою въ одномъ изъ старыхъ кладбищъ. Въ Минусинскомъ округѣ ок. д. Нижней Буланки найденъ любопытный памятникъ древности азіатскаго востока XIII или XIV вв. — бронзовая китайская медаль одного лица изъ свиты китайскаго богдыхана династіи Юань (1279—1368 гг.).

Изъ восточ. Поволжья и Пріуралья въ 1886 г. были доставлены въ Арх. Ком. найденные въ Вятской губ. близъ с. Жопишуръ — очень большіе серебряные витые шейные обручи, изящная серебряная тарелка, внутри которой на золотомъ фонѣ виденъ олень съ большими рогами, а впереди его и

снизу изображены змѣй и еще какое-то животное; другая точно такая же тарелка съ изящнымъ изображеніемъ дракона, четвероногаго животнаго и змѣя. Въ слѣд. году въ Глазовскомъ у. были найдены тоже серебряныя блюда съ позолоченными изображеніями сассанидской эпохи. Нѣсколько раньше въ 1884 г., въ томъ же у. найдены разныя восточныя украшенія и серебряный кувшинъ, на ручкѣ котораго вырѣзана загадочная надпись, напоминающая нѣкоторыя неразобранныя еще до сихъ поръ среднеазіатскія письмена. Въ 1888 г. были присланы изъ Слобод. и Глав. уу. серебряныя шейныя гривны, бывшія въ употребленіи отъ VIII до XII вв. Въ Пермской губ., Шадринск. у. въ с. Широковскомъ и близъ д. Шихаровой Красноуфимскаго у. найдены были: большой серебряный сосудъ въ видѣ ведра, украшенный разными орнаментами, между которыми особенно выдается изображеніе оленя съ какой то повязкой на шеѣ, серебряная орнаментированная тарелка, украшенная въ центрѣ и по бокамъ большими медальонами, состоящими изъ выпуклыхъ накладныхъ изображеній; въ центрѣ представлена фигура, сидящая верхомъ на львицѣ, позади ея другая фигура, трубящая въ рогъ, а въ боковыхъ помѣщены разныя звѣриныя головки, между которыми изображены вооруженные воины; серебряная, мѣстами позолоченная, тарелка, на которой изображены всадникъ, скачущій на конѣ и стрѣляющій изъ лука, предъ нимъ кабанъ, снизу и по сторонамъ другой кабанъ и дерево; украшенія выведены пунктиромъ; серебряная граненая чаша, мѣстами также позолоченная; внутри, на днѣ чаши, изображена изящная, выпуклая фигура всадника на конѣ, съ колчаномъ и лукомъ; по каймѣ чаши видны слѣды надписи; двѣ серебряныя гладкія чаши, изъ которыхъ одна съ неразобранной надписью по каймѣ.

1) Въ Белебеевскомъ у. Уфимской губ. кромѣ массы монетъ и мелкихъ вещей случайно открыта желѣзная кольчуга.

2) Въ Оренбургской губ. въ Челябинскомъ уѣздѣ изъ находокъ обращаютъ вниманіе: бронзовый кельтъ, бронзовая ваза, желѣзный наконечникъ копья, золотое шейное кольцо, два серебряныхъ блюдца и небольшія костяныя украшенія.

3) Въ Нижегородской губ., въ Княгининскомъ у. въ 1884 г. были найдены серебряныя монеты золотоордынскихъ, хулагуидскихъ и джагатайскихъ хановъ XIII—XIV вѣковъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ находка, содержавшая вмѣстѣ съ монетами тверскими, рязанскими и псковскими множество суздальскихъ, въ томъ числѣ нѣсколько неизданныхъ, и подражанія татарскимъ монетамъ.

4) Изъ Казанской губ. доставлены: въ 1882 г. 73 гривны или серебряныхъ слитка XIII ст., найденные въ Лаишев. у. близъ д. Ташкирмень, и 46 кусковъ разрубленныхъ серебряныхъ слитковъ, вѣроятно того же времени, вырытыхъ изъ земли вмѣстѣ съ двумя серебряными серьгами; желѣзная кольчуга, найденная въ Чистопольск. у. при д. Екатериновкѣ, по издѣлію она XIII или XIV вв.; въ томъ же у. при с. Малый Толкишъ найденъ большой кладъ серебряныхъ джучидскихъ, джагатайскихъ и джелаиридскихъ монетъ XIV в. Въ 1886 г. изъ с. Болгаръ были доставлены желѣзный орнаментированный топоръ, бронзовыя пряжки и гирьки. Въ 1888 г. изъ Спасскаго же у. достав-

лены монетныя гривны, серебряные слитки, вѣсящіе въ среднемъ 48 золотн. каждый и долго служившіе въ Россіи платежнымъ средствомъ при крупныхъ расчетахъ.

5) Въ Новоузенскомъ у. Самарской губ. въ томъ же году среди многихъ мелкихъ находокъ выдаются двѣ серебряныя позолоченыя круглыя пластины съ изображеніемъ грифона, и нѣсколько серебряныхъ пуговицъ съ изображеніемъ ежа.

6) Въ Саратовской губ. въ Камышинскомъ у. серебряныя монеты татарскія, круглыя бронзовыя зеркала, золотыя шейныя кольца, пряжка и серебряная фибула.

7) Въ г. Астрахани въ 1889 г. при раскопкѣ фундамента въ домѣ бывшаго Индійскаго общества найдена бронзовая статуетка болѣе $1/2$ арш. вышины, представляющая женщину съ обнаженнымъ бюстомъ и въ египетскомъ головномъ уборѣ. Тогда же попалась и уродливая крылатая фигурка изъ бронзы, но варварской работы. Въ Царевскомъ у. найденъ бронзовый буддійскій идолъ, бронзовые наконечники стрѣлъ.

Таковъ археологическій матеріалъ случайно попавшійся и добытый раскопками по Средней Азіи, Сибири и Поволжью за помѣченные въ заглавіи 6 лѣтъ. Въ этихъ обширныхъ странахъ происходили неоднократныя смѣны народностей, культуръ и религій, отъ которыхъ несомнѣнно сохранились слѣды какъ въ безчисленныхъ курганахъ, въ многочисленныхъ развалинахъ, такъ и въ самой почвѣ. Найденныя до сихъ поръ вещи, конечно, составляютъ лишь весьма незначительную часть того ископаемаго культурнаго матеріала, съ которымъ еще предстоитъ познакомиться археологамъ, историкамъ и этнографамъ, а потому въ настоящее время на основаніи открытаго возможны лишь нѣкоторыя предположенія, но едва-ли прочныя научныя теоріи для освѣщенія доисторическаго прошлаго Востока Россіи.

М. Пѣнъ.

Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XII: Hjalmar Appelgren. Suomen Muinaislinnat. Helsingissä 1891. LXXV+237.

(Журналъ Финскаго Археологическаго общества, XII: Ялмаръ Аппельгренъ. Доисторическіе шанцы въ Финляндіи. Гельсингфорсъ. 1891).

Написанный на финскомъ языкѣ трудъ г. Аппельгрена представляетъ первое основательное изслѣдованіе всѣхъ доисторическихъ шанцевъ Финляндіи. Изслѣдованіе это основывается, кромѣ напечатанныхъ и ненапечатанныхъ источниковъ, на обстоятельныхъ мѣстныхъ изысканіяхъ, которыя авторъ въ продолженіе многихъ производилъ во время своихъ путешествій по Финляндіи и Скандинавіи.

Сказавши сначала вообще объ искусствѣ доисторическихъ народовъ строить всякаго рода укрѣпленія и обозрѣвши затѣмъ земляные и каменные валы въ Россіи (въ с.-з. Сибири, въ балтійскихъ провинціяхъ и въ Польшѣ), въ Германіи, въ Богеміи, въ Венгріи, въ Франціи, въ Британіи, въ Даніи, въ

Норвегіи и въ Швеціи, авторъ приступаетъ къ разсмотрѣнію всѣхъ тѣхъ извѣстныхъ доисторическихъ сооруженій, которыя болѣе или менѣе вѣрно считаются стратегическими укрѣпленіями и которыя народъ называетъ «linna» (укрѣпленіе, крѣпость). Отъ укрѣпленій среднихъ вѣковъ (бурговъ) они отличаются отсутствіемъ кирпича, извѣстнаго раствора извести и рвовъ. Авторъ дѣлитъ эти доисторическіе шанцы на три группы: горныя крѣпостцы, разные роды укрѣпленій и «шанцы» Остерботтена.

а) Горныя крѣпостцы находятся при рѣчкахъ и морскихъ бухтахъ. Каменный валъ устроенъ только на открытой сторонѣ укрѣпленія иногда встрѣчаются двойные и тройные наружные валы. Входъ въ крѣпость представляетъ иногда ворота, образуемыя концами вогнутыхъ внутрь валовъ. Вышина валовъ обыкновенно представляетъ 1 метръ, рѣдко 2 или 3 метра (въ Аляндіи и при Ладожскомъ озерѣ). Внутри валовъ и вблизи ихъ находимы были кучи камней, которыя авторъ считаетъ запасами дла метанія изъ пращей. Авторъ думаетъ, что валы устраивались низкіе для того, чтобы лучше можно было метать камни. Въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ находимы были основанія жилищъ и шалашей и внутри ихъ опечища, въ другихъ пепелища. Внутри и около этихъ послѣднихъ—довольно много вещей и монетъ. Въ скалахъ приморскихъ крѣпостей встрѣчаются желѣзныя кольца, скобки—вѣроятно для привязыванія кораблей. Эти горныя крѣпостцы находятся чаще всего у моря въ юго-западной Финляндіи, около Тавастгуса и Тамерфорса, и у сѣверно-западнаго берега Ладожскаго озера. Иногда онѣ образуютъ цѣлыя группы. Замѣчательны особенно двѣ такихъ группы при Ладожскомъ озерѣ; одна близко Куркійоки изъ 7 крѣпостей, которыя отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи 1—2 верстъ, другая группа близь Сордавала изъ 9 крѣпостей въ разстояніи на 1—5 верстъ—самая большая группа въ Финляндіи. Общей цѣлью всѣхъ этихъ укрѣпленій было конечно прикрытіе отъ непріятелей. Авторъ дѣлитъ ихъ еще на двѣ группы: постоянно обитаемыя крѣпостцы, гдѣ находятся остатки жилищъ, и убѣжища, которыя находятся близко густо населенныхъ мѣстъ; въ нихъ-то и находимъ пепелища.

Древность крѣпостцъ авторъ опредѣляетъ на основаніи совокупности всѣхъ характеризующихъ ихъ культурныхъ признаковъ. Онъ относитъ ихъ существованіе къ тому вѣку, къ которому принадлежитъ большинство находокъ—вопреки Фирхову и Белѣ (Behla), которые только изъ матеріаловъ, формы и украшенія горшковъ выводятъ заключенія о древности укрѣпленій и народности строителей. Авторъ заключаетъ, что крѣпостцы относятся къ послѣднимъ временамъ язычества или концу желѣзнаго вѣка (1000 p. Chr. n.—до начала 15 столѣтія).

Что касается народности строителей, то авторъ думаетъ, что крѣпостцы съ двойными и тройными валами по своему происхожденію—скандинавскія, потому что онѣ примыкаютъ къ современнымъ скандинавскимъ крѣпостцамъ и своими болѣе развитыми укрѣпленіями отличаются отъ всѣхъ другихъ крѣпостцъ Финляндіи. Такими притонами викинговъ были, по мнѣнію автора, Ботбю (Botby) близко Гельсингфорса, Драк-осенъ (Drak-asen) близко Каскö и нѣкоторыя крѣпостцы въ Аляндіи.

Всѣ другія крѣпостцы съ однимъ низкимъ валомъ авторъ считаетъ финскими, судя не только по формѣ, размѣрамъ ихъ и вышинѣ валовъ (современные валы въ Скандинавіи 2—6 метровъ вышины), но и по тому, что ихъ можно встрѣтить далеко отъ береговъ моря и при Ладожскомъ оверѣ, гдѣ скандинавскихъ поселеній никогда не было.

b) Разные роды укрѣпленій. Къ этой группѣ авторъ относитъ неукрѣпленныя горы, на которыхъ найдены были пепелища• каменный валъ во 160 футовъ длины (въ Оримэки-Тюрвисъ), напоминающій пограничные валы сѣверной Германіи, пещеры служившія прибѣжищемъ и окруженныя каменными стѣнами деревни. Яснѣйшіе остатки этихъ послѣднихъ представляетъ собою Тіуринлинна въ Рейсэлэ (Tiurinlinna Räisälässä). Тамъ нашли 15 основаній жилищъ и могилу; въ этой послѣдной множество серебряныхъ вещей и арабскія монеты (194—977 p. Chs. n.). Т. сохранилась до историческаго времени и называется въ русскихъ лѣтописяхъ Тиверскимъ пригородомъ Новгорода. Эта группа принадлежитъ, по мнѣнію автора, тому-же вѣку, какъ и первая, и тому-же народу.

c) Отъ двухъ первыхъ группъ совсѣмъ отличается третья. На приморскихъ равнинахъ Остерботтена, особенно около Улеоборга, находятся при болотахъ (старинное морское дно) множество прямоугольныхъ и даже овальныхъ каменныхъ и мусорныхъ валовъ, имѣющихъ длины 52,50 метра и 33,40 метра (maximum) ширины; вышина обыкновенно 1 метръ; входовъ 2 или 4, чаще всего въ бокахъ, но иногда даже въ кругловатыхъ углахъ. Внутри вала часто находится еще другой мусорный валъ, сходный съ наружнымъ валомъ. По близости валовъ, но снаружи ихъ, находятся каменныя кучи. Этимъ урочищамъ народъ даетъ общее названіе «jättilaisten linnat» или «j kirkat» (т. е. крѣпости или церкви великановъ). Мнѣнія изслѣдователей относительно этихъ древностей были различны: одинъ видитъ въ нихъ старинныя кладбища, другой мѣста для жертвоприношеній, третій шанцы, четвертый просто загороженную площадку для доенія оленей. Разногласіе зависитъ отъ недостаточности изслѣдованій прежнихъ наблюдателей. Авторъ, по нашему мнѣнію, справедливо опровергаетъ эти гипотезы и предлагаетъ со своей стороны новую достойную полнаго вниманія. Онъ находитъ въ этихъ «jattiläislinnat» большое сходство съ т. н. «kampagrafvar» (могилы борцевъ) на островахъ Готландѣ и Оландѣ. И тамъ есть двойные овальные валы, входы въ обоихъ концахъ; мѣстоположеніе низкое и каменныя кучи по близости валовъ. Шведскій археологъ Нардинъ (Nardin) изслѣдовалъ эти «kämpagrafvar» и вывелъ заключеніе, что валы служатъ основаніями старинныхъ жилищъ (наружные валы—основаніями стѣнъ, внутренніе валы основаніемъ колоннъ или столбовъ, которые подпирали крышу) а каменныя кучи-могильныя насыпи. Находки (между прочимъ римскіе денары) доказываютъ, что эти жилища принадлежатъ римскому періоду перваго желѣзнаго вѣка (III и IV столѣтіе p. Chr. n.). Авторъ поэтому съ полнымъ правомъ сравниваетъ «jättiläislinnat» Остерботтена съ этими «kämpagrafvar» Готланда и Оланда и считаетъ готское происхожденіе ихъ очень возможнымъ. Если это предположеніе вѣрно, то, говоритъ авторъ, можно думать, что «jättiläislinnat» съ

скандинавскими «kämpagrapvar» приблизительно однихъ лѣтъ. Въ каменныхъ кучахъ Южнаго-Остерботтена нашли готскія вещи принадлежащія среднему желѣзному вѣку или, др. сл., вѣку переселенія народовъ (о. 450—700 p. Chr. n.) Къ этому вѣку относятся по мнѣнію автора, можетъ быть, и «jättiläislinnat» Остерботтена.

Пр. Аспелинъ давно уже высказалъ предположеніе, что тѣ переселенцы, которые, по словамъ скандиновскихъ сагъ, пришли въ Норвегію изъ «края іотуновъ» (Iotunheim)», можетъ быть, составляли часть германскихъ насельниковъ, исчезнувшихъ изъ Финляндіи». Въ Сѣверномъ Остерботтенѣ еще въ настоящее время упоминается названіе іотуны или іотулы, и кажется Аспелинъ сдѣлалъ вѣрное предположеніе, которое не мало поддерживается и сходствомъ осторботтенскихъ древностей съ скандинавскими «kampagrafvar».

Болѣе опредѣленности въ этомъ весьма интересномъ вопросѣ можно ожидать отъ новыхъ обстоятельныхъ раскопокъ, которыхъ пока сравнительно мало производилось въ этихъ jättiläislinnat» Остерботтена.

Вторую часть книги А. составляетъ списокъ доисторическихъ «шанцевъ» Финляндіи (361 номеръ). Каждый номеръ описывается съ возможной подробностью и сообщаются народныя преданія о нихъ. О своихъ раскопкахъ авторъ даетъ подробныя описанія и исчисляетъ находки, древность которыхъ онъ по возможности опредѣляетъ. Авторъ самъ посѣтилъ и срисовалъ 134 шанца и произвелъ раскопки на 22 мѣстахъ. Несомнѣнные остатки шанцевъ и другихъ памятниковъ древности найдутся на 119 мѣстахъ, изъ нихъ 99 въ южной Финляндіи и 29 въ Остерботтенѣ («jattilaislinnat»).

Принимая во вниманіе, что г. Аппельгренъ первый приступилъ къ изслѣдованію всѣхъ извѣстныхъ доисторическихъ укрѣпленій, классифицировалъ ихъ и опредѣлилъ древность памятниковъ и народность строителей, и кромѣ того собралъ разсѣянныя по разнымъ изданіямъ свѣдѣнія въ одинъ весьма цѣнный сборникъ, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что его трудъ будетъ имѣть капитальное значеніе въ изслѣдованіи доисторическихъ древностей Финляндіи.

Георгъ Вихманъ. *).

Отчетъ о дѣятельности и занятіяхъ Вятскаго Губернскаго Статистическаго комитета за 1891 годъ. Вятка. 1892.

Въ отчетѣ В. комитета мы встрѣчаемъ нѣсколько интересныхъ извѣстій о доставленныхъ въ него археологическихъ находкахъ:

*) Въ виду существеннаго значенія, которое въ дѣлѣ изученія Восточной Россіи имѣютъ труды Финскихъ и Мадьярскихъ ученыхъ, редакція «Извѣстій» считаетъ весьма желательнымъ помѣщать отчеты о литературныхъ новостяхъ Гельсингфорса и Будапешта. По отношенію къ Гельсингфорсу, благодаря любезности магистра Гельсингфорскаго университета г. Вихмана, это оказывается осуществимымъ.

1. Отъ Глазовскаго уѣзднаго исправника — 10 серебряныхъ обручей (гривны), вѣсомъ 5 ф. 6 золотн., найденныхъ дѣтьми Лудошурской вол. дер. Качкашуръ, Василія Ѳедорова Шкляева, въ своемъ полѣ, во время пашни, въ 200 саж. отъ дер. Качкашура и въ 200 же саж. отъ стараго вотскаго кладбища.

2. Отъ Котельническаго уѣзднаго исправника—два серебряныхъ шейныхъ обруча—гривны, одинъ изъ нихъ ломаный, одна стальная старая сабля, шесть мѣдныхъ скобъ, двѣ бляхи, два наконечника стрѣлъ и разныя мелкія вещи, какъ-то: кольца, пряжки, цѣпочки, бубенчики и проч., найденыя кр. Котельническаго уѣзда, Батаевской вол., поч. Загребинскаго, Осипомъ Афанасьевымъ Загребинымъ, во время рыбачества, на берегу рѣчки Юмы, близь мельницы «Сарапулъ», расположенной въ той-же волости. Императорская Археологическая Комиссія поручила А. А. Спицыну сдѣлать новыя раскопки на мѣстѣ находки. Раскопки на Юмѣ доставили очень большое число новыхъ находокъ, которыя были отправлены въ Археологическую Комиссію.

3. Отъ Глазовскаго уѣзднаго исправника—два серебряныхъ обруча, найденные кр. Глазовскаго уѣзда, Ключевской вол., поч. Макшурскаго, Владиміромъ Агафоновымъ Ивановымъ, въ своемъ полѣ, во время посѣвы озимаго хлѣба, въ 250 саж. отъ своего починка.

4. Отъ Глазовскаго уѣзднаго исправника — 8 серебряныхъ обломковъ отъ обручей, найденныхъ кр. Кестымской вол., дер. Ершовской, Артеміемъ Гавриловымъ Охотниковымъ, въ своемъ полѣ во время пашни, въ 100 саж. отъ проходящаго по полю лога, и 1 верстѣ отъ деревни Ершовской.

5. Отъ Вятскаго уѣзднаго исправника—4 обломка серебряныхъ обручей, вѣсомъ 93 золотн., найденныхъ кр. Люкской вол., надъ рѣчкой Варышемъ, Матвѣемъ Ивановымъ Корепановымъ, при распашкѣ, въ своемъ полѣ, принадлежащей ему полосы.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЭТНОГРАФІИ ПОВОЛЖЬЯ.

ЧЕРЕМИССКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ

В. П. Троицкаго.

А.

А б а р т э̀ м г.чер. Земл. ворочаю.

А б а̀ р ч а Земл. см. ова̀рче.

А б а х а̀ Земл. чешуя, шелуха на зернахт; см. шӧмь.

А б д а̀ Смирн. баба яга см. овдя̀.

А б я̀ г.чер. Земл. (т. а б е й бабушка) см. ава̀.

А в а̀ (чув. аба) мать самка; ава̀й мати моя; ава̀ вель (г.чер. вара̀ш абя̀) мачиха; ава̀-вель-шӱдо трава мать и мачиха, бѣлокопытникъ; крес-ава̀ воспріемница.

А в а л а н э̀ м Крок. ползаю.

А в а р э̀ м г.чер. Земл. (т. кабарам) см. овара̀м; ова̀рыма-ширга одутое лицо; авартэ̀м см. овартэ̀м

А в г э̀ м Вас. бѣднѣю.

А в р (чув. авр. молоть, омутъ) водоворотъ, суводь; аврэ̀м, авркалэ̀м оцѣпляю.

А в р э̀ м Крок. одолѣваю; аврѐ могущество.

А в д а̀ н (чув. авдан, аллан; г.чер. äптäн) пѣтухъ.

А в у э̀ м (чув. ав) сгибаю.

А в у н э̀ м сгибаюсь.

А в ы̆ н (чув. авын, г.чер. äн,т. äӱэн) овинъ; а̀вы̆ны̆м кырэ̀м молочу; а̀вы̆н-возя̀к (г. чер. äнтепена̀) овинная яма, а̀вы̆н вара̀ (г.чер. äн-раба̀) овинный шишъ.

А в ы̆ л я н э̀ м Земл. см. аваланэ̀м; авы̆ланы̆-калэ̀м попалзываю; авы̆ланы̆ктэ̀м заставляю ползать.

А г а̀ (г.чер. яга̀) плугъ, косуля; ага̀пайрэ̀м, у Земл. ага̀ падыра̀м, праздникъ сохи, бывающій передъ началомъ весенней пахоты; ага̀ пайрэ̀м кӱго юмо великій богъ а г а п а й р э м а.

А г а л г.чер. Земл. см. о̀гы̆л.

А г а̀ р м о Земл. см. сӱрӱм.

А г а м Крок. см. о̀гы̆м.

А г у н Земл. см. а̀вы̆н.

А г у т а̀ н Земл. см. авда̀н.

А г у р Вас. см. авр.

А д а к (чув. тада̀ г чер. эчѐ) еще, ну!

А д а х а̀ г.чер. Земл. порывъ къ чему; адахаэмлэ̀м привожу въ порывъ; адахаэмяльта̀м порываюсь, тороплюсь.

А ѐ м крок. (т. эйа̀м) см. авуэ̀м.

Прим. Безъ акцента напечатаны слова, которыя имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ.

Ажак г.чер. Земл. вдовый, сирота; ср. азак.

Аждаш г.чер. Земл. см. ончыктэм.

Ажгындарэм. Вас. мучаю, изнуряю.

Ажныктарэм (т. азыктарам, аздрам) соблазняю, прельщаю.

Аза (чув. ача) ребенокъ, младенецъ; азалык младенчество,-дѣтство; аза-пюэрге младенецъ мужескаго пола.

Аза Земл. бѣшеный, горячій; азажа бѣшенство, ярость.

Азап (чув. азап) мука; азапландарэм мучаю, изнуряю; азапланэм мучаюсь; у Земл. азап диво, чудо, азаплаш азапланаш удивляться; азаплакташ удивлять; азапдэмаш изумленіе.

Азарлаш Земл. завидовать.

Азаш Вас см. азылташ.

Авдараш Крок. дравнить, возбуждать; авдаралтам раздражаюсь, задорюсь; аздаралтымаш раздражаемость; аздармаш задоренье; аздарыкалэм поддразниваю, позадориваю.

Азер г.чер Земл. (т. ажаль смертность) см. аврэн.

Азлыр Смирн. клешня; см. азыр.

Азрэн (чув. эсрель, т. азрагиль) смерть, какъ существо.

Азу-пю (т. азгын-тэш) клыки.

Азэм буйствую; ср. аздараш и д.

Азылташ квасцы; ср. азаш.

Азыр тиски, клещи, щипцы; ср. азлыр.

Аик (т. айык) трезвый.

Аил Крок. подпруга, перевязь.

Аип вол. (т. айып.) вина, порокъ; аипкандарэм опорочиваю, обвиняю; аипландармаш Земл извиненіе; аипланаш извинять; аипландараш обвинять.

Аирлаш (т. айырылам) г.чер. Земл. орлѐм; аирыкалаш по-немногу избирать; аиртемеш особенно.

Ай г.чер. Земл. долото; см. ый.

Айда (чув. айда) ну, пойдемъ!

Айдэмо (гчер. эдэм, тат. адам) человѣкъ, какъ существо разумное; ср. йын.

Аймалаш (т. аймил ошибка) ошибаться, неправильно думать, поступать; аймылташ ошибка.

Айнаш г.чер. Земл. (т. эйам) см. авгунэм; аиндарэм наклоняюсь; айнэмлэ удобосгибаемый.

Айраш г.чер. Земл. (тат. айыраи) см. ойрем.

Айяш Крок. праздновать, у Земл. кривить, гнуть.

Ак (чув. хак, тат. как, хак, г.чер. хяк) цѣна; шергакан драгоцѣнный.

Акай (чув. ага, акка) старшая сестра (т. агай старшій братъ); куакай тетка по-отцу или матери.

Акель г.чер. Земл. см. оккюль.

Акли г.чер. Земл. см. окли.

Аксараса г.чер. Земл. неприлично, непристойно.

Акшак (т. аксак) г.чер. Земл. см. окшак.

Акыл Земл. (т. акыл) характеръ, нравъ, толкъ; у Смирн. натура.

Ала отрицаніе, выражающее неизвѣстность: ала кён не знаю чей; ала кышты не знаю гдѣ; у Крок. ала городъ; пестрый, пѣгій; смола; ала-куч птица цапура; ала-шабыр женскій свадебный кафтанъ.

Алава гчер. серги; см. алга.

Алалтам Крок. починиваюсь, поновляюсь; алалэм починиваю, поновляю.

Аланыш Крок. страна.

Алаэмдэм Крок. пестрю.

Алаш Земл. см. амэм.

Алаша (т. алаша, чув. лажа) меринъ; см. лажа.

Алга (т. алка) серги, крючекъ для подвѣски серегъ; гнётъ на крышѣ.

Алгастарэ̀м Вас. см. ажнЎктàрэм.

Алды̆р (чув. алдыр) большой деревянный ковшъ.

Алдырца (т. калдырча) Крок., см. ӧйдырчы̆.

Але (т. äллä) или, можетъ быть.

Алѐм (т. тылямъ щепаю) ним Крок. мягчу лыко.

Али только-что.

Алѐк г.чер. Земл. ступай, иди.

Алкà Крок., см. ӧлы̆к.

Алмàш (т. алмаш, чув. ылмаш) очередь. алмàш дэ̀не по-очереди.

Алы̆к-чалы̆к (т. äляк-челек, чув. элек) ябеда.

Алтà Крок. дастовка подъ павухой.

Алтацà Крок. мозоль; см. вЎд отЎвà.

Алталэ̀м (т. алдалыйым) Крок. см. онлалэ̀м; алталэ̀н семялѐм улещаю; алталалтымàш обманчивость.

Аль (т. äль) Крок. сила, мочь; аляндарàш придавать силы.

Али Земл. плѣсень.

Амàлаш г.чер. Земл. спать; шижѐр амалэ̀н ссѣлось молоко; вЎрь амалэ̀н кровь запеклась: кы̆д, ёл амалэ̀н одеревенѣла рука,—нога.

Амàл (т. äмäль) хитрость; амàлло хитрый; амалэ̀м добиваюсь цѣли хитростью; амалы̆калàш Земл. извернуться въ нуждѣ, найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; амалѧ̀ Земл. мудрость.

Аманэ̀м надламываюсь; амандарэ̀м надламываю.

Амàш Крок. см. омàш.

Амбѝча г.чер. Земл. см. йь̀дым-пѐче.

Амерт г.чер. Крок. и Земл. баба птица; ср. àмы̆рт.

Амы̆т г.чер. Земл. (т. камыт) хомутъ; см. сюсьпàн.

Аміӧн вост. чер. милліонъ.

Амы̆рт (чув. амырт-каик) беркутъ. орелъ.

Амы̆ртэ̀м Вас. оскверняю.

Ан Крок. см. àвы̆н.

Анà гчер. Земл. см. онà 1-е.

Анà Крок. почка корневая; у Земл. кора.

Анаргàш (т. аграя осовѣлый) см. ангыргѐм.

Ан клинъ въ одеждѣ; отверстіе мѣшка; устье ямы.

Ангà (чув. ана) полоса, участокъ пахотной земли.

Анга Земл. см пы̆лы̆.

Ангàльты̆ш пàнда Крок. см. тоѧ̀лы̆мо-тоѧ̀.

Ангѐрь г.чер. Земл. см. энгѐр.

Ангдэ̀м подкрадываюсь.

Ангрà (т. анда) безтолковый.

Ангрѐмша Крок. см. эгрѐмшэ.

Ангряльтàш Крок. обхватывать.

АнгЎрà г.чер. Земл. см. энгѐрь 1-е.

Анги̮ргѐм (т. ангыраям безпамятствую) Вас. угараю.

Ангы̆сы̆р (чув. анзыр) узкій; ангы̆сы̆рэмя̀м съуживаюсь; ангы̆сы̆рэмдэ̀м съуживаю.

Андактарэ̀м надоѣдаю, прискучиваю; одолѣваю.

АндЎгэ̀м ослабѣваю, обезсилѣваю.

Анды̆к Земл. нужда; андыкàш нуждаться; ср. андыгэ̀м,

Анзал Крок. см. ӧнчал; àнзална впереди; àнзы̆ко впередъ.

Анзы̆лдàш Крок. см. авылтàш.

Аник (т. иныик) анники, звено прясла, разбираемое на время проѣзда.

Анят пожалуй, можетъ быть; у г.чер. анят—отрицаніе неизвѣстности см. алà.

Анмàш Крок. отрасль.

Аньжа́ гчер. Земл. ручка у заслонки.

Аптра́л (т. аптырадым; чув. аптра) Вас. выбился изъ силъ, растерялся умомъ, смутился; аптратэ̊м стѣсняю, смущаю.

Аптырташ Крок. см. аптрарэ̊м; аптыртмаш безпокойство, препятствіе.

Арла́ш Крок. совокуплять, соединять.

Апша́т кузнецъ, апшатъ-кудо кузница.

Ара́ г.чер, (чув. ора) см. аик.

Ара́м Земл. жесть.

Арава́ Вас. веснушки; см. кукумуно-шадра.

Арака́ (т. аракы чув. арак, ирих) водка; ёкшар-арака (красное вино) виноградное и наливка.

Аралэ̊м (т. карауллыйым) храню; аралыше сагче ангелъ хранитель.

Арама́ Вас. см. арава; арама-пушэнгэ тальникъ.

Аран стая, табунъ лошадей.

Ара́ныж г.чер. Земл. женихъ; см. качс.

Арата́ г.чер. Земл. рама.

Арбя̊ Крок. (т. арбалэк мякинница) см. арва.

Арва́ мякина; арва-кудо мякинница.

Арвѐрь (т. арбейлер) Вас. мелочь, всячина, вещь.

Арвым Земл. заемъ, займы.

Аркалык (т. аркалык, чув. аргалых) чрезсѣдельникъ.

Аргѐк (т. урдак) г.чер. Земл. чирокъ; см. притка.

Аргѐм Вас. мотаю нитки; у Крок. запутываюсь.

Арда Крок. лядвея; см. эрдэ.

Аржа́ Крок. см. орша.

Арка́ (т. арка спина) возвышенность, холмъ.

Арлу Крок. косякъ у окна или двери.

Арлук г.чер. Земл. гроздъ, см. орлангэ.

Арлукташ Крок. протрезвить.

Арла́н хомякъ; у Вас., Крок. Земл. и татарск. арлан кротъ; олаарлан сусликъ.

Арма́н Смирн. должникъ.

Арня̊ (чув. арня) недѣля; у-арня масляница; изи-арня четвергъ, кугоаря пятница; руш-арня воскресенье; изи-у-арня Кр. Яр. прощеное воскресенье.

Арога́ Земл. рогъ (музыкальный инструментъ).

Арташ Земл. задѣть; ср. эртэм.

Артана́ (т. ардана) поленница.

Арта́м способность.

Арык Вас. худощавый, сухой.

Арым денежный заемъ, арымешналям, арэм беру деньги въ заемъ; арымеш-пуэм даю д. въ заемъ.

Арым-шудо (т. арэм) полынь.

Арыптыш лѣшій (духъ).

Арэ̊м занимаю деньги.

Арэмяш Крок. заступленіе.

Арляндарэ̊м Крок. разбереживаю (рану) (тат. эрен гной).

Арян Крок. воспитанный, взрощенный.

Аряш Крок. обхватывать, арялташ поймать сѣтью, выбродить.

Арча́ ларчикъ, шкатулка.

Аршын (гчер. аршин бонда) аршинъ.

Атараш Крок. м. утарэм.

Атла́ш Крок. см. утлэм.

Атлэм свѣжую (выраженіе мясниковъ); у Крок. см. атлаш.

Атма́ (т. ятма) большая наметка, черпакъ (рыболовный снарядъ).

Атшылаш Крок. страдать колотьемъ.

Атэ посуда; атэ-шорь всякая посуда.

Атя̊ (т. атэй) отецъ, куатя дѣдъ; атя-вель вотчимъ.

А ч а́ см. атя́.

А ч а л э̀ м чиню, починяю.

А х а̀ л и г.чер. Земл. весьма, очень, обильно; ахàли-вид водополье.

А ш (т. аш варево-пища) питательный, сытный; у Земл. г.чер. завистливый.

А ш ы̆ н Земл. успѣшно (т. ашыгыу торопливо).

А ш а̀ Крок. успѣхъ; ашàн спорный; ашàш успѣвать.

А ш а к а̀ (т. ӑшӑко) скверный; ашакландарэ̀м оскверняю.

А ш ы̆ н д а р э̀ м (т. ӑшкӑрӑм) напоминаю.

А ш н э м воспитываю, берегу, храню; àшнымо'вòлик домашній скотъ; àшнымо э̀рге-ӱдӱрь пріемный сынъ,—дочь.

А ш к а̀ л ь т ы̆ ш Крок. шагъ, поступь.

А ш к ы̆ н э̀ м (т. ашкынам) дѣлаюсь ретивымъ.

А ш л а̀ м Крок. ростъ, прибыль, процентъ, барышъ (т. аслàмчы торговецъ краснымъ товаромъ).

А ш т а р а̀ ш Земл. притѣснять.

А ш т ы̆ л а̀ ш Земл. см. атшылàш.

А я р (т. загар) злой; у Вас. клевета; аяртэ̀м клевещу,—у Смирн. злю.

А я̀ р (т. айаз) Крок. см. оя̀р.

А я̀ ш Земл. отдѣлять, установлять, чтить, праздновать; у Крок. гнуть, скривить; см. оѐм.

В.

В а̀ в с - В а с. тенета для ловли птицъ, звѣрей; вàвсым карэ̀м разставляю сѣти.

В а̀ д а г.чер. Крок. вечеръ

В а д а̀ р вымя.

В а ж а̀ р г.чер. Земл. жестокій, строптивый.

В а̀ ж ы̆ к на кось, косо; вàжык-кут сажень длины; важмàлтык крестообразно.

В а̀ ж ы̆ н Крок. развилина.

В а̀ з э лукъ,—орудіе.

В а к л а̀ н - л у д о кархаль, лутокъ (утиная порода).

В а̀ к т ы̆ ш Крок. капля; вакталтàш капать воду.

В а к ш а̀ м Смирн. постилаю; вàкшыш Вас. постель.

В а к э (т. бӓке) прорубь (во льду).

В а к ы̆ к т а̀ тошнитъ.

В а н а̀ ш Земл. наблюдать, подстерегать, охранять.

В а н г э̀ м см. ангэ̀м.

В а п ш см. вавс.

В а р а̀ (чув. вара) впредь, послѣ, потомъ; варà соединяясь съ существительными образуетъ новыя имена: вӱд-вара водоносное коромысло; умлàварà хмѣлевыя тычины.

В а р а̀ с э послѣдующій.

В а р а̀ к ш ястребъ, цыплятникъ.

В а р а с е н г а̀ Вас. ласточка см. чыгàс, чезѐк.

В а р э̀ м мѣшу скоту; вàрымо мѣсиво для скота.

В а р к ы̆ н д а р а̀ см. вакыкта.

В а р н а̀ ш Земл. смѣшивать.

В а с а р т ы л а̀ ш Земл. брезговать.

В а с я̀ котцы, рыболовный снарядъ изъ дранокъ.

В а т р э̀ н г э. хмѣлевыя плети а также и плети другихъ растеній; чарават-рэ̀нгэ летучая мышь.

В а т ѐ р квартира, постоялый дворъ.

В а̀ т э жена, женщина.

В а ц к а̀ к Крок см. возя̀к.

В а ч к а л т а̀ ш Земл. трепать рукою.

В а ч м а л т э̀ м Вас. щебечу.

В а ч р э̀ н г э Вас. см. ватрэнгэ.

В а̀ ч е (г.чер. пӱлуш) плечо; вàчеумбя̀лъ сӱксо ангелъ, находящійся надъ нашими плечами.

В а ш встрѣча; ваш-лiàм встрѣчаюсь, иду на встрѣчу; ваш-толэ̀ш идетъ на

встрѣчу; ваш-кӱвё (встрѣчный ножикъ) ножницы.

Вашàк слѣдъ на чемъ бы то ни было и чего бы то ни было; лем-вашàк остатки щей въ посудѣ; шадрà-вашàк слѣды оспы на тѣлѣ.

Вашкалэ̀м мараю.

Вашкѐ скоро; вашкѐм тороплюсь; вашкы̆ктэ̀м тороплю.

Вашландарэ̀м см. вашкалэ̀м.

Вашталтэ̀м мѣняю, размѣниваю.

Ваштàр кленъ.

Ваштàш Крок; см. воштарэ̀м.

Вàштыш см. Вàкшыш.

Ведрӓ ведро (сосудъ).

Вейӓ Крок. опушка.

Векӓт вѣроятно (предположеніе).

Вѐле послѣсловіе—употребляется при ограниченія—соотвѣтствуетъ русскому: только; тышко вѐле только сюда.

Вѐле древесный сокъ, изъ котораго уже начала образоваться заболонь.

Велѐн (г.чер. белен) на,—въ смыслѣ положенія съ боку на чемъ: крест-велѐн пудалэ̀н-ӱлут пригвоздили ко кресту (Христа).

Велѐм сыплю, проливаю; также плавлю металлъ.

Вель сторона; кѐче-вàл-вель (полуденная сторона) югъ; йы̆д-вель (ночная сторона) сѣверъ; кѐче-лекмàш вель востокъ; кече шычмаш-вель западъ.

Вѐнге зять.

Венчà Смирн. см. кугужà-калпàк.

Вѣрà вѣроисповѣданіе.

Верь (чув. вырын) мѣсто, йкверѐш вмѣстѣ.

Вѐрьге (г.чер. вӓрьге) почка у животныхъ; у Вас. селезенка.

Веремтэ̀м приготовляю мѣсто подъ постройку.

Верештàм (г.чер. попазэ̀м) попадаюсь, причитаюсь, прихожусь, приноровляюсь.

Веремӓ время.

Вѐркыс трясина.

Вѐры̆чин за, о, ради, по причинѣ.

Вѐрьме Земл. см. вѐрьге.

Вѐсе другой, иной, слѣдующій.

Веслӓ весело.

Ветвӱлно Земл. свинецъ.

Ви Вас. (чув. вый) сила; віàн сильный; випеш насилу; віэш насильственно.

Вигàк см. вик.

Видэ̀м веду.

Видангдэ̀м Кр. потопляю.

Винэ̀м разгибаюсь, распрямляюсь.

Віпеш Вас. см. ви, віпеш.

Вирь просо, пшено.

Висланàш Земл. обижать, нападать; у Крок.—мстить.

Вистарэ̀м мяту (мятель); погоняю (лошадь).

Війстэ (г.чер. пурӥ-віштэ) полба.

Висѐм измѣряю, вѣшаю; а въ Кр. Ярѣ—и летаю; висӓ вѣсы; виськалэ̀м измѣряю (видъ однокр.).

Витà (чув. видэ) хлѣвъ, конюшня.

Витнэ̀зэ докладчикъ изъ числа мелкихъ боговъ.

Вицашѐм Крок. см. ӱчашѐм.

Вичашѐм Вас. см. ӱчашѐм.

Вич см. візит; вич-ур полторы копѣйки.

Вйчке г.чер. Земл. благосклонно, ласково, съ нѣжностью; вичкіалтàш трепать рукою при ласканіи.

Виш открытый, разстворенный, настежъ.

Вйшкыдо жидкій.

Віэ̀м Крок. см. виклан-дарэ̀м.

Віэш-чон-пурà одобряется (душа входитъ въ силу).

Віякш Земл. кроткій, смирный, правый, прямой, прямодушный, безпорочный; у См. вѣрный; см. вӥякш.

Віянмàш Земл. смиреніе, кротость; віяш см. віякш.

Влак см. шаммч.

Вова̀ (г.чер. лакса̀к) рытвина, яма.

Вовсѐк вовсе, совсемъ.

Вода̀р Смирн. см. вада̀р.

Во̀дѣж (чув. вудыж) злой духъ, мелкій кереметь.

Во̀ер Крок. дикій; воерландара̀ш приводить въ одичаніе; воерлана̀ш дичать.

Вож корень.

Вожолта̀ш Земл. унывать.

Вожѣла̀м (г.чер. намысланэ̀м) стыжусь, стѣсняюсь; вожѣлма̀ш стыдъ, застѣнчивость; вожѣлтарэ̀м посрамляю, пристыжаю.

Во̀жѣм-торэ̀н (г.чер. муктэ̀н) верхо̀мъ.

Возя̀к (чув. вочах, тат. учак) очагъ, опечекъ, кузнечный горнъ.

Возя̀м (г.чер. вазэ̀м) лажусь, волэ̀н-возя̀м падаю.

Возѐм (тат. язам, чув. сиреп, г.чер. сирѐм) пишу.

Воктэ̀н (г.чер. покша̀цын, вдоль; у Вас. возлѣ, подлѣ, около.

Вол (чув. вочак, г.чер. тӓгӓнӓ) колода, корыто; вола̀к желобъ; тӱрь-вола̀к нижняя стрѣха.

Волэ̀м спускаюсь, слѣзаю; волтэ̀м спускаю,—понижаю; волэ̀н-возя̀м падаю.

Волгыдо (г.чер. со̀то) свѣтло; волгѣлтарэ̀м свѣчу, освѣщаю; во̀лгѣжшун разсвѣтало; волгѣлтам свѣчусь; волгѣжѐш (г.чер. сотомалтэ̀ш) свѣтаетъ.

Во̀лгынчо (г.чер.волгынцыш) молнія блещетъ; кӱкшо-во̀лгынчо (сухая молнія) зарница; волгынчо-кӱго-юмо великій богъ молніи; во̀лгынчо-кӱго-пӱйрошо создатель или судьба молніи.

Во̀лнэ олово; волнэ шыр свинецъ.

Во̀лик домашній скотъ (чув. выльых); во̀лик-шо̀чын-кӱго-юмо великій богъ прибыли скота; во̀лик-шо̀чын-кӱго-пӱйрошо великій создатель прибыли скота; во̀лик-шо̀чын-ава̀ матерь прибыли скота; во̀лик-сахче ангелъ скота; во̀лик — казначѐй надѣлитель скота (скотомъ?); во̀лик-серля̀гыше хранитель скота.

Воля̀ воля, просторъ.

Во̀ндо (гчер. па̀ндо) кустъ, трость.

Вонча̀к (гчер. кӱвѐрь) переходъ, постъ для пѣшеходовъ.

Вончѐм перехожу, переправляюсь; вончыктарэ̀м переправляю на другую сторону рѣки, озера и т. п.

Вопш борть, вопш-кандра̀ веревочная петля, съ помощью которой лазятъ къ бортамъ.

Вор (г.чер. шоло, чув. вур) воръ.

Во̀тно (гчер. первым-во̀тно) прошлою ночью.

Вочик Крок. сажень, мѣра.

Во̀чко (г.чер. лотка̀) кадка.

Во̀чо намокшее, мозглое (дерево).

Вошт (г.чер. ваштòк) насквозь; вошт о̀нчымо веркало.

Воштарэ̀м см. вончыктарэ̀м.

Воштѣла̀м смѣюсь; воштѣлтэ̀м смѣшу; воштѣлма̀ш смѣхъ.

Во̀штѣр прутъ, штэ̀р-во̀штѣр голикъ.

Вувѐрь аэролиты, падающіе близь зрителя и принимаемыя за души колдуновъ: драконъ.

Вужалэм продаю.

Вуй голова, колосъ у хлѣбовъ; вуйшенѓѐль (г.чер. шӱдынг) затылокъ, вуйкопра̀к (г.чер. вуй-корка) черепъ; вуйса̀выртѣш (г.чер. папка̀) стропила; вуйто̀рок (г.чер. вим) головной мозгъ; вуй-денэ̀-ойля бредитъ въ горячкѣ; вуй-пѐрдэ̀м вершина головы у человѣка, вуй-ӱмбя̀ль-кӱго-юмо великій богъ надъ нашей головой; вуй ӱмбя̀ль-кӱго-пӱйрошо великій создатель надъ нашей головой; у Земл. вуйя̀мыж високъ; вуйстык внизъ головою.

Вуйнамат Крок. виноватый; вуйпамат-ландараш обвинять.

Вуйстык г.чер.Земл. внизъ головою.

Вуйёмыж г.чер. Земл. затылокъ.

Вулдурцан Крок. перепелка.

Вулик Крок. начальство.

Вулэн Крок. пожелтѣлъ.

Вуля Крок. улей для пчелъ.

Вургумна Земл. правая сторона.

Вурт-варт Крок. немедленно.

Вучём жду; вучымэш-нялям беру въ долгъ; вучымэш пуэм даю въ долгъ.

Выяно Кр. Яр. свинецъ; ош-выяно олово; см. вoлно.

Выйнэм распрямляюсь.

Вынём яма, могила.

Вынёрь холстъ, полотно.

Выник (г.чер. ваштыр) вѣникъ.

Вырвыка цилиндрическій.

Вырыж (г.чер. вуйжыр) шило; йылялтымо вырыж (г.чер. пельтынгыртни) жегало.

Вэрём Земл. нѣдро.

Вырцеан г.чер. Земл. красивый.

Выря г.чер. Земл родъ, происхожденіе.

Выce тощій, худощавый.

Вычкыж (тат. пэчка) тонкій.

Выякш футъ, локоть (мѣра длины).

Выякш прямослойное дерево, годное для щепанія лучины; ср. віякш.

Вюд вода; вюд-вара водоносное коромысло; вюд-вара шыдыр созвѣздіе Петровъ крестъ, по Зол. оріонъ; вюд пёртэм г.чер. водоворотъ; вюд-нялэн потопило; вюд-шынча вюдродникъ; вюд-тэле (звукоподр) куликъ, вюдусö водяной, находящійся въ водѣ; вюд-отоза (г.чер. алтаца) мозоль, вюдужгём (у Земл. вюдаигэм сырѣю, намокаю; вюд-онго кругъ на водѣ, образующійся при ея возмущеніи; вюдтурь-арка берегъ; вюд-шар, вюд-юнго волосатикъ; вюд-корэм русло рѣки; вюд-шöрь, вюд-йыгырь водянка, вюдон-куго-юмо великій богъ, владыка воды; вюд-пуйрошо создатель воды; вюд-ава мать воды.

Вюдэм Вас. сѣю.

Вюдулалтам завертываю, закутываюсь; вюдулам закутываю, пеленаю; вюдулька свертокъ, штука матеріи.

Вюлю кобыла.

Вюмя Вас. см. вима.

Вюргене красная мѣдь; вюргене-окса мѣдныя деньги.

Вюрлём распухаю при водянкѣ, обмираю.

Вюрь (г.чер. вирь) кровь; вюрь-шерь пульсъ.

Вюрзё ласточка-касатка.

Вюрзумö каик см. вюрзё.

Вюрян (чув. вирень) веревка для увязыванія возовъ,

Вюрюж Смирн. жегало.

Вючю мушка у ружья.

Вяк г.чер. Земл. предметъ.

Вянгём Крок. надзираю, надсматриваю; вянгаша эдэм коварный человѣкъ.

Вяш Крок. слитно.

Г.

Гае, гаяк
Гане, ганяк) словно, какъ будто.

Гёрге ёга Крок. регулы идутъ.

Годом послѣсловіе—во время.

Гоч Вас. см. коч.

Гигильтам Крок. см. йыгылтам.

Гидянь Крок. тетива жильная.

Гидэ Крок. см. йыдэ; гидэок по исполненіи.

Гидэма Крок. см. йыдым.

Гильмя Крок. см. йылмэ гильмяшуда гусятникъ трава; гильмя пártма темя, макушка.

Гильт Крок. см. чылт.

Гимяш Крок. притаиваться, пришипиваться.

Гӹрик-пиль Кр. туча; см. шёме пиль.

Гирьгешташ Крок. округлять; гирьгешка круглый.

Гирьнэм Крок. см. йӹрнэм; гирьмяш презрѣніе.

Гирьяряш Крок. обходить кругомъ.

Гирян Крок. см. йӹраҥ.

Губар вост. чер. пестрый, пятнистый.

Гутла Крок. граница, предѣлъ.

Гишан Крок. о, объ.

Гӹнь, гӹнят если, хотябы.

Гӹч, гӹчӹн изъ.

Д.

Доно Крок. см. дэнө.

Доко Крок. см. дэкэ.

Дорам, Дурè (Крок. у, передъ; противъ.

Дӹрьбя Крок. см. тӱрве.

Дэ послѣсловіе безъ (съ именами существительными); не (съ глаголомъ).

Дэбре Крок. при, къ.

Дэкэ къ, за.

Дэлан Вас. у, при; см. тэрян.

Дёмӹл Вас. клубника.

Дёмӹж овощи, фрукты; у Вас. также и малина.

Е.

Елём Вас. клей; елемлём клею.

Емӹж Вас. см. дёмӹж.

Екшӱк см. арӹптӹш.

Ерга узоръ, расшиваемый на женскомъ бѣльѣ.

Ергè рядъ бревенъ въ строеніи; ергè-черь повальная болѣзнь, эпидемія.

Ерь озеро.

Ече лыжи.

Еш Вас. см. йӹш.

Ерр-ер коньки.

Е=ЙО.

Еватэм медлю.

Евр потаскуша, развратный.

Его Земл. см. ёлагай.

Егэм (чув. йох) теку; ёго-вюд текучая вода, рѣка; ёгомаш теченіе.

Ед (чув. йот) чужой, прохожій; ёдйыҥ странникъ.

Едам прошу, спрашиваю; ёдоштам разспрашиваю.

Еж Земл. земляная ласточка.

Еза г.чер. Земл. колдунъ.

Езак (чув. язак) оброкъ.

Ейза г.чер. хитрый, лукавый.

Еклака см. аклака.

Екрак ошибочно; у Вас. скучно.

Ектарэм (чув. йохтар) лью, проливаю, выливаю; вошг-ёктарэм цѣжу.

Екшаргэ красный, рыжій, ёкшаргэмеш краснѣетъ, ёкшаргэмяльтэш краснѣется, ёкшар-онган-каик снигирь; ёкшар-ушмèн свекла; ёкшар арака виноградное вино.

Ел нога; ёлӹн пѣшкомъ; ёлан-ӹмнеӱмбялян верхомъ на лошади; ёлаш штаны, порты; ёл-коптак пятна,—ступня; ёл-вондо мотовило,—воробы; ел-вондӹм ёлдэм наматываю пряжу на мотовило; омаса-ёлдэм порогъ.

Елагай (чув. юлгав) лѣнивый.

Елава (чув. ёлва) кисть (украшеніе), бахрома.

Елдаш (чув. йолдаш) товарищъ, компаньонъ.

Елдоманда блеститъ звѣзда.

Елдэм порогъ; наматываю нитки на мотовило.

Елко Вас. см. ёлагай.

Елштэм привязываю.

Емак (чув. йомах) сказка, басня, прибаутки; ёмаклэм балагурю.

Емàм пропадаю, погибаю; ёмдарэ̀м теряю, трачу, погубляю; ёмошо потерявшійся, пропавшій, погибшій.

Емзе см. мужàнг.

Енг звонъ стекла.

Ен Земл. удача, счастье.

Енгатà Земл. отрада, прохлада, блаженство, праздникъ въ черемисскомъ раю.

Енго просторно, удобно; нимоёнгжàт укэ̀ ни къ чему не подходящій, не способный.

Енгжà жуетъ жвачку.

Енгжѐм Смирн. глòжу.

Енглы Вас. удобный.

Енглы̆ш (г.чер. самынь) ошибочно; ёнглы̆ш ы̆штэ̀м заблуждаюсь, ошибаюсь.

Енгы̆штэ̀м мелю.

Енгэ̀ж лукъ для стрѣльбы, шерстобитный,—всякая пружина.

Ень (т. юнь) см. юн, шӯлдо.

Ерà (чув. йорать) ладно, годно, болячка; ёрàл, ёрàле, ёрышо годный.

Ерà (т. яра) Земл. рана; ёрà òлмо рубецъ на тѣлѣ.

Ератэ̀м (чув. йорат) люблю; ёраты̆мàш любовь.

Ералàм отваливаю (камень и т.п.).

Ергà (чув. сьурга) иноходецъ.

Ергалàш Земл. жалованье.

Ердàш Земл. тучнѣть, жирѣть; ёрды̆ктàш откармливать.

Ерѐм гасну, тухну, также качу.

Ерзà Земл. синій, голубой.

Ерй (т. юрый) Земл. нарочно, съ намѣреніемъ.

Ерлѐш глохнетъ растеніе; см. ёрля̀м.

Ерло Вас. бѣдный, ёрлы̆штэ̀м бѣднѣю.

Ерля̀м валюсь, опрокидываюсь; ёры̆ктэ̀м валю, опрокидываю.

Ерлок Смирн. жалованье.

Ернчàк Смирн. см. энерчàк.

Ероктарàш Земл. безпокоить.

Ерьтэ̀м гашу, тушу.

Ертэ̀м (чув. ёрт) бѣгу рысью, иноходью; см. ёрьтэм.

Ершѐш Земл. въ пользу.

Ерэ̀м (чув. йора) мѣшаю, смѣшиваю; валяю (войлокъ); ёрыктэ̀м заставляю валять,—смѣшивать.

Ес, кӯго-ёс горностай; коля̀ ёс хорёкъ.

Есе скучный; трудно, неудобно; ёселандарэ̀м мучаю; ёселанэ̀м мучаюсь, страдаю; ёселандарà значитъ также и тошнитъ.

Еткѐ до (въ смыслѣ продолжительности времени); см. маткѐ.

Еча Вас. см. я̀ча.

Ечы̆ртэ̀м см. ячы̆ртэм.

Ешкàргы Вас. см. ёкшàргэ.

Ж.

Жавà (чув. шаба) жаба, лягушка; жавà-шудо трефоль.

Жалаэ̀м (чув. шаль) жалѣю.

Жàлга Крок. синій; ср. жàргэ.

Жап Вас. время.

Жаплэ̀м Вас. почитаю; (т. жаплыйым защищаю).

Жгāрь Крок. см. узьгāрь.

Жàргэ зеленый.

Жāрā заря; жāрā волгы̆до шы̆дыр Венера, утренняя звѣзда.

Жепляш Крок. см. жаплэ̀м.

Жѐпя Крок. состояніе.

Жеря̀ Крок. см. жāрà.

Жòгол Крок. ухватъ.

Жны̆ отрицаніе не,—ставится въ пов. накл. 3 л. жны-кàе чтобы онъ, она не уходилъ,—а.

Жы̆м отриц. не,—ставится въ 1 л. ед. ч. прош. вр.

Жна отриц. не,—ставится въ 1 л., мн. ч., прош. вр.

Жы̆ч отриц. не,—ставится во 2 л., ед. ч., пр. вр.

З.

Зарчѐнге Земл. см. вачрѐнге.

Зерля̀ Крок. ядъ.

Зюлюкта̀ш, зюзяш лущить; см. сюнгзѐм.

Зя см. изя̀й, ы̀зя̀й.

И.

И годъ, ида̀лы̆к (г.чер. толик-іа̀ш) одинъ годъ, идалы̆ка̀ш годовалый.

И Вас. долото; у г.чер. также ледъ.

И Земл. перекладина.

Ибы̆рт Крок. см. й̀ы̆вырт.

Игар-пеля̀т Крок. см. й̀ы̆гы̆р.

Иге дѣтище, игйшы̆в дѣти; й̀ге-окса̀ Смирн. денежка.

Игѐрче Вас. лепешка.

Игы̆ла̀ш Земл. г.чер. выводить дѣтей (изъ яицъ).

Иды̆к Земл. потачка; идька̀ш потакать.

Иды̆м (г.чер. й̀ы̆дым) токъ на гумнѣ; й̀дым-пѐче гумно.

Ижгара̀ш Земл. см. ўзьга̀р.

Ижда̀ш Крок. см. орэ̀м.

Иже Крок. послѣ.

Иже только-что.

Ижиш Смирн. см. й̀ы̆жы̆н.

Изй малый; изиша̀к не много; иземтэ̀м уменьшаю; изй-ачй Смирн. вотчимъ.

Изйке Вач. свѣтецъ для лучины.

Изяй старшій братъ и дядя моложе отца; изя̀к-шоля̀к братья; изя̀к-шоля̀к-ла̀ по братски: кугуза̀й дядя старше отца.

Ик, й̀кты̆т одинъ; ик-ганя̀к одинаковый; ик-май безпрестанно; икто-дан-вѐсе-дан одинъ другому, другъ другу; й̀ктын-й̀ктын одинъ по одному, по одиночкѣ; икверeш икверeша̀к, вмѣстѣ.

Икшы̆вэ см. игйшывэ; й̀кшибя-вирѐш-шога̀лша Крок. повивальная бабка; й̀кшы̆вэ-шо̀чы̆нкўго-юмо великій богъ рожденія дѣтей; й̀кшы̆вэ-куго-пуйрошо предопредѣлитель судьбы дѣтей, юмо-э̀рге-той богъ, дающій сына.

Икся̀ проливъ, рѣчка, заливъ.

Иле сырой; й̀ле пу сырье, только-что срубленное дерево, й̀ле-кѐрвы̆ч кирпичъ-сырецъ.

Илѐм живу.

Илижа̀м оживаю; ты̆л лижѐш огонь занимается, разгорается, й̀лижы̆н-киниля̀м воскресаю; илиштэ̀н киниль-тэ̀м воскрешаю; илишта̀м разжигаю, зажигаю (спичку).

Илима̀ш жизнь.

Ильниктарэ̀м Кр. Яр. соблазняю, прельщаю.

Ильчик мелкая мякина, высѣвки отъ хлѣбныхъ зеренъ; искорки бѣлые волоски на мѣху.

Иля̀н мѣшалка, лопатка для мѣшанія жидкостей.

Иляндарма̀ш Крок. тварь.

Имба̀ко Земл., имба̀че Смирн. обратно.

Име (г.чер. им, тат эйнэ, чув. й̀ыть) иголка; имя̀н игольчатый, колючій; й̀ме-шу игольныя уши.

Имнй (г.чер. имьи) лошадь.

Имен Земл. тайно, притворившись.

Имилька̀ Земл. г.чер. призракъ, ср. ўмюль.

Имя̀штэ въ прошломъ году.

Имя̀сэ прошлогодній.

Ина̀к Земл. ежегодный.

Ингдэ̀м Смирн. см. энгдэ̀м.

Ингиж Земл. см. ва̀че.

Ингилькаля̀ш Земл. г.чер. бормотать, лепетать.

Ингрѐм Крок. тихо пла̀чу.

Инзик, й̀нзикла Земл. рогушка, титька для кормленія дѣтей; у Крок. сосцы.

Инёже онъ | не хотѣлъ-бы.
Инёмя |
Инётты |

Инянэ̀м (чув. инень) вѣрю; иняндарэ̀м увѣряю, инянӹдӹмàш подозрѣніе.

Ипь, тул-ипь г.чер. искра.

Ирдэ Земл. свѣтильна, ср. рю̀дэ.

Ирè Крок. см. эрè.

Ирèм Смирн. грѣюсь.

Ирèм разжимаю (стиснутые зубы), отворачиваю, отваливаю (бревна); у Вас. стискиваю зубы.

Ире̓яш Крок. см. ӹрыктэ̀м.

Ирлихàн Крок. корь (болѣзнь).

Ӣрик Крок. свобода.

Ирсир Земл. нечистый, поганый; ирсирля̀ш осквернять.

Ирт полынья.

Ирь (г.чер. хирь, чув. вирь, хирь) степь, пустыня; ирь-каик звѣрь; ирьмеря̀н кроликъ; ирь-мѝзе куропатка.

Ирѧ̓ Вас. пазъ; у Земл. луна, свѣтъ лунный; см. тӹльче.

Исирь (чув. хизирь) безплодная женщина, яловая скотина.

Ит не, ит шу не бросай.

Итчиктàл Земл. не прогнѣвайся, извини.

Ифлàш Земл. дуть, вѣять.

Ич Земл. напраслина, клевета; см. юц.

Ичик (г.чер. сӧтэнà-парня̀) см. иайке.

Ишко клинъ (орудіе).

Ишта Крок. см. ӱштӧ.

Ишта Земл. пучекъ вѣтвей разныхъ деревъ въ священной рощѣ, посвященный юмѣ.

Иштӹль Крок. гребло для жита.

Иштӹря̀ш Крок. см. штраш.

Иштырь Крок. см. штӹр.

Иштэ̀м дѣлаю, творю, рождаю.

Ишèм Кр. Яр. (чув. иш) гребу весломъ.

I.

Iя домовой духъ.

Iем плыву.

К.

Кабà вост. чер. небо: кабà-кӱгоюмо великій богъ судьбы; кабà-кӱгопӱйрошо предопредѣлитель будущей судьбы кабы; кабà юмон абàжо мать божіей кабы.

Кабӹжгèм Крок. дрябну.

Кавà желудокъ.

Кавàк кабакъ, трактиръ; у Вас. тыква.

Кавàн (г.чер. капна, чув. кабан) копна сѣна или сноповъ,—стогъ.

Каварэ̀м скоропостижно умираю; каваржàш чтобъ издохнуть! (брань).

Кавулèм жую.

Кавскèм дѣлаюсь хрупкимъ.

Кàвӹн (тат. каун, г.чер. кӱго охрèц) тыква.

Кàвӹн Земл. вѣнокъ; таткàбын вѣнчаніе.

Кагàз (тат. кагаз) бумага; кагазокса кредитныя билеты.

Кагàк Крок. см. сàгыле.

Кагаля̀ш Крок. см. кӧрӧнчèм.

Кагурà Земл. вспыльчивый.

Кагӹр (тат. қакрэ, г.чер. какляка, чув. коккыр) кривой, изогнутый; кагӹртэ̀м гну; кагӹргем гнусь.

Кàдик Крок. воротъ.

Кадӹртэ̀м Смирн. см. кагӹртэм.

Каерà нырокъ—утка.

Казà Вас. (тар. кāзā) коза.

Казà-парня (г.чер. кāзā зинецъ.

Казармàт казаматъ.

Казӹлà Смирн. чижикъ.

Кàзыр Вас. (тат. хазыр) вдругъ, сейчасъ.

Содержаніе „Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“.

Т. I. Уставъ Общества, списокъ членовъ-учредителей Общества. Протоколы засѣданій Совѣта и Общаго Собранія. *Проэктъ Публичнаго Историко-Этнографическаго Музея, сост. В. М. Флоринскимъ.—Приложенія. Свѣдѣнія о древностяхъ, найденныхъ близъ деревни Увекъ.—*Описаніе русскихъ монетъ клада 4 сентября 1878 г. *В. К. Савельева* и *Н. А. Толмачева.*—*О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію исторіи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова.*—*Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. *И. А. Износкова.*—*О замѣчательной Китайской монетѣ конца X или начала XI в., пріобрѣтенной въ селѣ Болгарахъ. *В. П. Васильева.* К. 1879. Ц. 1 р.

Т. II. Годовой отчетъ за 1878 г. Протоколы засѣданій Общества. —Приложенія. Два городища Спасскаго уѣзда. Свящ. *П. Фанагорскаго.*—Объ историческомъ значеніи библіотеки Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской Духовной Академіи. *П. В. Владимірова.* — О возможности существованія каменоломенъ въ окрестностяхъ пригорода Билярска. *М. П. Аристова.*—Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древн. жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. *И. А. Износкова.*—Замѣтки о селеніяхъ Чистопол. у.: В.-Никиткиной, Татарской Баганѣ, Кизляу и Билярь-Озеро. *В. А. Казаринова.*—Описаніе части клада русскихъ денегъ XV в., открытаго въ Казанскомъ кремлѣ 4 сент. 1878 г. *А. Ѳ. Лихачева.*—Замѣтка о харатейномъ Евангеліи к. XIV или нач. XV в. *П. Д. Шестакова.*—Нѣсколько словъ о могильникѣ, находящемся близъ деревни Ананьиной. *Его же.*—Описаніе монетъ, найденныхъ въ д. Карташихѣ Каз. г. *В. К. Савельева.*—Описаніе городищъ и кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ г. Сенгилея Симб. губ. *М. И. Извощикова.*—О старинномъ кладбищѣ близъ с. Билярскаго Ват. губ. *А. Рязанцева.*—Попытка объясненія одного мѣста изъ Булгарской лѣтописи Хисамъ Эддина Ибн Шарафъ-Эддина. *П. Д. Шестакова.*—Выдержка изъ архива Елабужскаго духовнаго Правленія. *Его-же.*—Описаніе дополнител. коллекціи Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Укека. *В. К. Савельева.*—Описаніе чудскихъ вещей, пожертвованныхъ въ музей Общества А. Е. Теплоуховымъ.—Бытъ Вотяковъ Сарапульскаго уѣзда. *В. Кошурникова.* Полный систематическій указатель статей мѣстно-областного содержанія, напечатанныхъ въ «Казанскихъ извѣстіяхъ» съ 1811—1821 г. *П. А. Пономарева.* К. 1880. Ц. 1 р.

Т. III. О задачахъ дѣятельности К. О. И. А. и Э. *С. М. Шпилевскаго.*—Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Моркваши. *Н. И. Золотницкаго.*—По поводу сообщенія Н. И. Золотницкаго. *П. Д. Шестакова.*—Замѣтка о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. губ. *И. А. Износкова.*—Объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ Билярскѣ. *Его-же.*—Описаніе Билярскаго и Баранскаго городищъ. *В. А. Казаринова.*—Замѣтка о Калмыкахъ Астрахан. губерніи. *П. Смирнова.*—Изъ поѣздки въ село Шуматово Ядр. у. Каз. губ. (бытъ Чувашъ) *В. К. Магнитскаго.*—О раскопкахъ близъ д. Палкиной на р. Чусовой. *П. Н. Кротова.*—У Вотяковъ Елабужскаго уѣзда. *Г. Н. Потанина.*—Изъ дорожныхъ замѣтокъ во время этногр. экскурсіи. *С. К. Кузнецова.*—О Чаллынскомъ городищѣ. *А. М. Зайцева.*—Одно изъ древнихъ булгаро-татарскихъ городищъ въ Тет. у. *Е. Т. Соловьева.*—Преданія Чувашъ и Татаръ Чебокс. у. Каз. г. *М. А. Арзамазова.*—Остатки древности въ с. Увекѣ. *Г. С. Саблукова.*—Предварительное сообщеніе о раскопкахъ близъ с. Шурана. *П. А. Пономарева.* —Предв. сообщеніе о раскопкахъ надъ Ройскимъ истокомъ. *С. К. Кузнецова.*

—Замѣтки о вышеоим. раскопкахъ. *А. А. Штукенберга*.—Краткое описаніе Краснослободскаго муж. монастыря (Пенз. г.). *Д. В. Ильченко*.—Описаніе рус. сер. копѣекъ изъ клада 1881 г. *В. К. Савельева*.—Описаніе двухъ коллекцій джуч. монетъ пожерт. обществу. *Его-же*.—Описаніе клада золотоордынскихъ монетъ, найденнаго въ 1881 г. *Н. П. Загоскина*.—Атамановы кости. *С. К. Кузнецова*.—Замѣтка по поводу сообщенія Г. Н. Потанина: у Вотяковъ Елабужск. у. *С. К. Кузнецова*. К. 1884. Ц. 2 р. 50 к.

Т. IV. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1880—81 г. Приложенія.—Духовная В. Н. Татищева.—О Мишаряхъ чистоп. уѣзда. *В. А. Казаринова*.—Свѣдѣнія о Мишаряхъ. *Е. А. Малова*. К. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

Т. V. Протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1882—84 гг.—Скиѳскій слѣдъ на билярской почвѣ. *А. Ѳ. Лихачева*.—Особенности русскаго говора въ Урж. у. Вят. г. *В. К. Магнитскаго*. Смѣсь. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 1. Извлеченія изъ Протоколовъ за 1885 г.—Стишки крестьянскихъ дѣтей селъ Астраханки и Карташихи Лаишевскаго у. *С. К. Рябинскаго*. — Замѣтка по поводу этой статьи. *А. Ѳ. Можаровскаго*.—Къ археологіи Урала. *А. М. Зайцева*. — Нѣсколько словъ о русскомъ вліяніи на инородцевъ въ предѣлахъ Казанскаго края. *И. Н. Смирнова*. К. 1889. Ц. 50 к.

— Вып. 2. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма. *Н. Ѳ. Высоцкаго*.—Развалины древнихъ зданій при селѣ «Болгарахъ». *В. А. Казаринова*.—Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Спицына*.—Неизданныя грамоты изъ аѳонскихъ архивовъ. *В. В. Качановскаго*.—Матеріалы для Русскаго словаря (слова, имѣющія особенное значеніе въ говорѣ жителей с. Великорѣчья, Яранск. у.). Свящ. *А. Д. Жилина*.—Обычай колядованія въ Симбирской губерніи. *М. Извощикова*.—Библіограф замѣтка о двухъ рефератахъ, читанныхъ въ засѣд. VII Арх. Съѣзда въ Ярославлѣ А. Верещагинымъ. *В. В. Качановскаго*. — Отчетъ и извлеченія изъ протоколовъ за 1887 г. К. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Изслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемисскаго языка. *М. П. Веске*.—Новая антропологическая находка въ с. Болгарахъ. *Н. Ѳ. Высоцкаго*.—Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитріева*.—Гдѣ былъ древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соловьева*.—Старая церковь въ селѣ Богородскомъ (съ рисункомъ). *Н. В. Сорокина*.—Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова*. К. 1889. Ц. 2 р.

Т. VIII. Вып. 1. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. *М. П. Веске*. К. 1890. Ц. 2 р.

— Вып. 2. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова*. К. 1890. Ц 2 р. 25 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1889—90 г.—Письмо Стеньки Разина къ казанскимъ Татарамъ. *А. И. Соколова*.—Отчетъ Общ. А., И. и Э. за 1889—90 г.—Списокъ членовъ Общ. А., И. и Э. К. 1890. Ц. 25 к.

Т. IX. Вып. 1. Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ Коммиссіи 1767 г. *Н. Н. Ѳирсова*.—Памяти И. Д. Шестакова. *Н. А. Ѳирсова*.—Толковая икона села Царицына (съ фотографіей). *Н. В. Сорокина*.—Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. Болгарскій домъ. *Н. З. Тихова*.—Ирихи у Чувашъ. *В. К. Магнитскаго*.—Русскія имена и прозвища въ XVII в. *А. И. Соколова*.—Свадебные обычаи казанскихъ Татаръ. *М. Н. Пинегина*. К. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

— Вып. 2. Пермяки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова*. К. 1891. Ц. 1 р. 75 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1890—91 г. — Отчетъ Общ. А., И. и Э. за 1890—91 г.—Списокъ членовъ.—Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ Ровинскаго. *Р. А. Нелидовой*.—Мелкія этнографическія сообщенія. К. 1891. Ц. 30 к.

(Статьи I тома, означенныя звѣздочкой, можно получать отъ Общества за 25 к.).

Изданія, составляющія собственность Общества:

1) Труды IV Археологическаго Съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. Т. I и II съ Атласомъ.

(Звѣздочка (*) указываетъ на статьи, относящіяся къ мѣстному краю)

Содержаніе I тома: Правила, вопросы, списокъ членовъ и протоколы Съѣзда.—*Объ основаніи въ Казани ученаго Общества для изслѣдованія археологіи, исторіи и этнографіи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова*.—*О русскихъ древностяхъ Каз. губ. и средняго Поволжья до XVI в. *И. И. Срезневскаго*.—*Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта. *Н. В. Калачова*.—О задачахъ корреспондентовъ археолог. съѣздовъ. *А. С. Гацискаго*.—О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторич. временахъ (съ 39 фиг.). *I. Р. Аспелина*.—О нѣкоторыхъ химическихъ измѣненіяхъ въ костяхъ, находимыхъ при раскопкахъ. *И. М. Гвоздева*—О раскопкахъ гр. *Сиверса* въ Лифлян. губ.—О желѣзномъ вѣкѣ въ Балтійскомъ краѣ. *К. Гревингка*. *Каменныя орудія и бронзовыя вещи изъ Печерск. края 1874 г. *А. А. Штукенберга*.—О каменныхъ орудіяхъ изъ Варнав. у. Костр. губ. *А. П. Поливанова*.—О раскопкахъ кургановъ на р. Сити 1875 г. *Л. К. Ивановскаго*.—О древнемъ кладбищѣ у Іорданской церкви въ Кіевѣ. *В. Б. Антоновича*.—О похоронныхъ типахъ Юго-зап. края. *Егоже*.—О городищѣ Черниг. у. *Н. А. Константиновича*.—О древнихъ могилахъ Мцхета. *В. Т. Тизенгаузена*.—*Объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Каз. края. *Н. А. Толмачева*.—Майнское городище Спасск. у. Каз. губ. *В. Н. Поливанова*.—Курганы въ окрестн. г. Екатеринбурга Перм. губ. *М. В. Малахова*.—*О землянахъ недалеко отъ впаденія р. Вятки въ Каму. *Н. Савельева*.—*Извѣстные остатки древности въ Самар. краѣ. *П. В. Алабина*.—О пещерахъ каменнаго вѣка на сред. течен. р. Днѣпра. *В. Б. Антоновича*.—О валахъ на территоріи др. Кіев. княж. *Его-же*. *О древнемъ г. Маджарѣ. *П. Д. Шестакова*.—Городъ Булгаръ.—*С. М. Шпилевскаго*.—*Гдѣ искать потомковъ Можаръ, бившихся за русск. въ 1551 г. *А. Ѳ. Можаровскаго*.—*Очеркъ исторіи Болгарск. и Казанск. царства. *Муллы Шихабъ-уд-дина Бага-уд-динова* (перев. *В. В. Радлова* и подлинникъ). *Топографія Казани въ 1852 г. Прот. *П. I. Заринскаго*.—*О сохранившихся преданіяхъ по поводу мѣстн. названій Каз. и смежн. губ. *И. А. Износкова*.—*Списокъ населенн. мѣстъ Мамадыш. у. *Его-же*.—*О личныхъ инородческихъ именахъ. *Его-же*.— Списокъ др. инородч. именъ изъ актовъ *Н. И. Золотницкаго*.—*О селеніяхъ съ назван. «тарханъ». *Его-же*.—*Къ вопросу о преданіяхъ относит. занятія Русскими Казан. края и борьбѣ ихъ съ туземцами. *П. Н. Вечеслава*.—Нѣсколько данныхъ по 30-му вопросу программы IV съѣзда. *Д. А. Корсакова*.—*О старомъ и новомъ городахъ въ Н.-Новгородѣ. *П. И. Мельникова*.—*Селитряный городокъ Астрах. губ. Енотаев. у. *Н. П. Загоскина*.—*Преданія Томскихъ инородцевъ о подданствѣ ихъ Россіи. *Кн. Н. А. Кострова*.—*Очерки быта Минусинскихъ Татаръ. *Его-же*.—Нѣкоторыя данныя по историч. геогр. и этнограф. Россіи по рукопис. И. Пуб. библіотеки. *А. Я. Гаркави*.—Кто были 4 тюрк. племени, разбивш. Грековъ въ 934 г. при г. Валендарѣ и гдѣ находился этотъ городъ. *Ф. К. Бруна*.—Программа по предм. «исторія и теорія искусствъ». *П. В. Павлова*.—*О городахъ Маджарѣ и Булгарѣ по монетамъ. *В. К. Савельева*.—О монетахъ Владиміра Святого. *Д. И. Прозоровскаго*. — Объ отдѣльн. букв. на копѣйкахъ и денежкахъ до Петра Великаго. *Ю. Б. Иверсена*. — *О загадочныхъ сосудахъ изъ Волжск. Булгаріи. *А. Ѳ. Лихачева*.—О др. иконахъ въ г. Старой Русѣ. Гр. *М. В. Толстого*. Казань. 1884. **Цѣна 3 р.**

Содержаніе II тома: О характерѣ власти варяжск. князей. *К. Н. Бестужева-Рюмина*.—Слѣды церковн. братствъ въ вост. Малороссіи. *И. А. Сребницкаго*.—О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирск. Карамзинск. библіотекѣ. *П. Я. Христофорова*.—*Къ исторіи войнъ Москов. госуд. съ Казанью. *А. И.*

Маркевича.—Преданіе о Пугачевѣ среди уральск. казаковъ. *В. Н. Витевскаго.* —*О народныхъ праздникахъ въ Пензенск. губ. *Н. Я. Аристова.*—*О киреметяхъ крещеныхъ Татаръ. *И. М. Софійскаго.*—*Повѣрья, обряды и обычаи Вотяковъ Мамад. у. *Б. Г. Гаврилова.*—О старин. рукоп. сборникахъ народ. былинъ и пѣсенъ. *Л. Н. Майкова.*—Свѣдѣнія о рукописяхъ И. Пуб. Библіот. содерж. народныя пѣсни. *А. Ѳ. Бычкова.* — Объ «обличеніи на Соловецкую челобитную» Ю. Крижанича. *И. М. Добротворскаго.*—О раскольничьей рукоп. конца XVII в. *И. С. Некрасова.*—«Сказаніе о Соловецк. монаст. и объ Аѳонѣ» *Н. И. Петрова.*—О Родопскомъ открытіи. *С. Верковича.* (пер. *М. П. Петровскаго* и подлинникъ).—О Соловецк. библіотекѣ. *И. Я. Порфирьева.*—Апокрифич. молитвы по рукоп. Солов. библ. *Его-же.* — Объ упрекѣ мон. Нила Курлятевыхъ въ незнаніи митр. Кипріаномъ греческ. и нашего яз. при исправленіи псалтири. *Арх. Амфилохія.* — *Гдѣ книги, писан. зырян. и перм. азбукою, составленною св. Стефаномъ Пермскимъ? *П. Д. Шестакова.*—О вліяніи русскаго яз. на инородческіе. *Егоже.* — Крымскій полуостровъ до Монгол. нашествія въ Араб. литер. *А. Я. Гаркави.* — *Топографія др. города около с. Русскихъ Кирменей (Мамад. у. Каз. губ.). *Е. Т. Соловьева.*—*О старой чувашской вѣрѣ. *Н. И. Золотницкаго.* — *Сказки, загадки и пѣсни Нагайбаковъ въ уральск. у. Оренб. губ. *В. Н. Витевскаго.*—*Документы и рукописи, относящ. къ Каз. губ. и хранящ. въ Моск. Главн. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ и его библіотекѣ. *И. Ѳ. Токмакова.*—Указатель личныхъ и географ. именъ, встрѣч. въ I и II т. Трудовъ IV Археол. съѣзда. **Цѣна 3 рубля. — Атласъ** къ Трудамъ IV Археол. Съѣзда. Казань 1891. **Ц. 2 руб.**

2) Архивъ кн. В. И. Баюшева. Разобранъ и приготовленъ къ изданію проф. Н. П. Загоскинымъ. К. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

3) Памяти гр. Алексѣя Сергѣевича Уварова. Рѣчи, произнесенныя С. М. Шпилевскимъ, П. Д. Шестаковымъ и Д. А. Корсаковымъ. К. 1885. Ц. 75 к.

4) Краткій очеркъ восьмилѣтней дѣятельности Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи и его задачи. К. 1886. Ц. 10 к.

5) Этнографія на Казанской научно-промышленой выставкѣ. *И. Н. Смирнова.* К. 1890. Ц. 20 к.

6) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій съѣздъ. *Его-же.* К. 1890. Ц. 20 к.

Всѣ изданія Общества, за исключеніемъ I и II томовъ, можно получать въ Казани у книгопродавцевъ А. А. Дубровина и Н. Я. Башмакова, въ С.-Петербургѣ у А. С. Суворина и Карбасникова.

I и II томы «Извѣстій», оставшіеся въ самомъ ограниченномъ количествѣ, можно получить только при выпискѣ отъ Общества всѣхъ томовъ «Извѣстій».

Выписывающіе отъ Общества за пересылку не платятъ.

Дѣйствительные члены и члены-сотрудники, выписывающіе изданія отъ Общества, пользуются скидкой въ 30%.

Съ 1892 г. „Извѣстія" Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ выходятъ шесть разъ въ годъ, приблизительно чрезъ каждые два мѣсяца, книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Въ содержаніе каждой книжки входятъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ Обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи;

7) Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ Собраній Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Въ вышедшихъ выпускахъ «Извѣстій» за 1892 г. напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: «Изъ прошлаго и настоящаго доисторической археологіи въ Европѣ: а) археологіи въ Скандинавіи, b) Германіи и Австро-Венгріи, c) во Франціи, d) въ Швейцаріи, Италіи и Испаніи, **И. С.**; «Формы погребенія у современныхъ и древнихъ народовъ Россіи» (Камчадаловъ, Коряковъ, Чукчей, Гольдовъ, Орочоновъ, Якутовъ, Бурятъ, Гиляковъ, Карагасъ, Качинцевъ, Бельтировъ, Тунгусовъ, Долгановъ, Самоѣдовъ, Остяковъ, Юраковъ, Лопарей, Угровъ, Киргизовъ и Калмыковъ) **А. К. Кулагина М. Н. Пинегина, И. Н. Смирнова, П. В. Траубенборга** и др.; «Болгарскій городъ Ошель и его окрестности» **П. А. Пономарева**; «Ананьинскій могильникъ»—Его-же; Древнія поселенія Яранскаго у.» **П. И. Кротова;** Матеріалы для археологіи Казан. губ.» **А. А. Штукенберга**; «Оброчныя земли на Вяткѣ въ XVII в.» **А. А. Спицына**; «Мордва. Историко-этнографическій очеркъ» **И. Н. Смирнова**; «Заговоры и духовные стихи изъ рукописей прошлаго столѣтія» **А. И. Соколова**; «Программа для собиранія свѣдѣній объ ассимиляціи инородцевъ Восточной Россіи». **И. Н Смирнова.**

Цѣна полному тому 5 руб., каждый выпускъ отдѣльно по 1 руб.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 руб.